ЧИТАЙТЕ КНИГУ!
СМОТРИТЕ ФИЛЬМ!
ДЖОН ГАЙ
Две Королевы
ДВЕ СЕСТРЫ – ОДНА СУДЬБА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Жизнь Марии Стюарт была исполнена беспрецедентного драматизма и противоречий. Став королевой Шотландии в возрасте девяти месяцев, а королевой Франции — в шестнадцать лет, она взошла на престол, который принадлежал ей по праву рождения, в восемнадцать. Как глава одной из самых неспокойных стран Европы, раздираемой религиозным конфликтом и борьбой за власть, Мария вела за собой армии к победе и к поражению; она пережила убийство второго мужа и вышла замуж за того, кого называли его убийцей. В двадцать пять лет она оказалась в плену у другой королевы — Елизаветы Тюдор, подписавшей Марии после девятнадцатилетнего заточения смертный приговор. Прославленный историк и биограф Джон Гай изучает лабиринты заговоров, которые плели шотландские лорды, стремясь захватить власть, и усилия, которые прикладывали министры Елизаветы, чтобы исключить Марию из числа законных наследников английского престола. Он предлагает абсолютно новые интерпретации известной истории, на протяжении многих веков вдохновлявшей писателей, поэтов, композиторов, художников и режиссеров. Книга легла в основу снятого в 2018 году в Великобритании фильма с Сиршей Ронан в роли Марии и Марго Робби в роли Елизаветы.
«Я решил написать новую биографию Марии. Мне хотелось добраться до самой сути: увидеть женщину, выбор которой был понятным, а решения логичными, а не собрание стереотипов или удобных и плохо согласующихся друг с другом мифов. Я хотел рассказать историю Марии Стюарт, по возможности предоставив слово ей самой, и одновременно показать, почему свидетельства других людей о тех же событиях разительно отличаются от ее точки зрения».(Джон Гай)

- Джон Гай
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○ Пролог
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6

- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- Эпилог
- Хронология
- Вкладка
- Примечания и ссылки
- Библиография
- Благодарности
- Джон Гай
- О работе над этой книгой

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11

- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55

- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99

- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108

Джон Гай
Две королевы

John Guy
«MY HEART IS MY OWN»
The Life of Mary, Queen of Scots

© John Guy, 2004
© Фото на обложке: Focus Features LLC. All Rights Reserved
© Vostock Photo Archive, иллюстрации на форзацах и вкладках, 2009
© Гольдберг Ю. Я., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
КоЛибри®

* * *

Чрезвычайно важная работа, изобилующая новыми материалами из архивов Англии, Шотландии и Франции. Бурные споры, которые вызывала личность Марии Стюарт при жизни королевы, не утихают до сих пор. Эту книгу нужно прочесть и защитникам, и хулителям Марии.

Анна Сомерсет, Literary Review

В этой новой биографии не остается ни одного момента в жизни Марии, на который автор не посмотрел бы под другим углом зрения… Захватывающее и убедительное чтение.

Сара Гриствуд, Guardian

Очарование Марии не меркнет. Ее бурная жизнь нисколько не теряет своей привлекательности в этом серьезном и захватывающем изложении.

Алан Тейлор, Scottish Sunday Herald

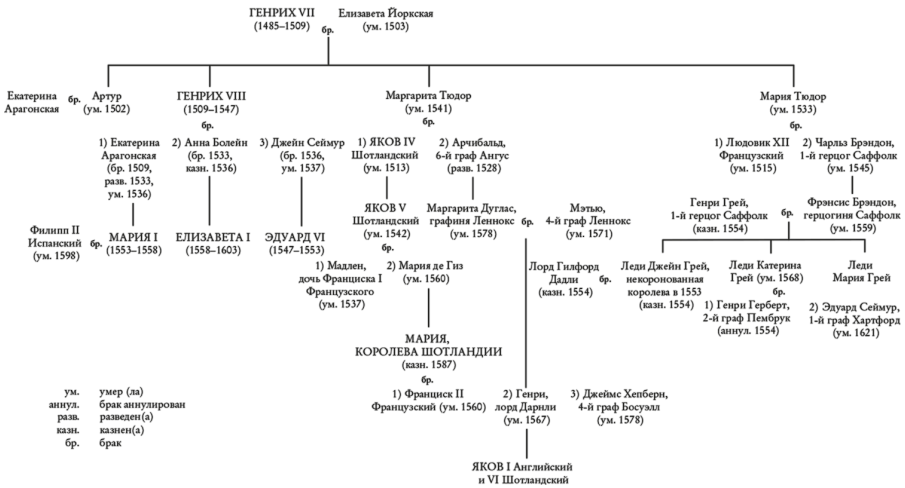
Вне всякого сомнения, очень точная, полная и детальная биография, основанная на авторитетном анализе.

Миранда Сеймур, Sunday Times

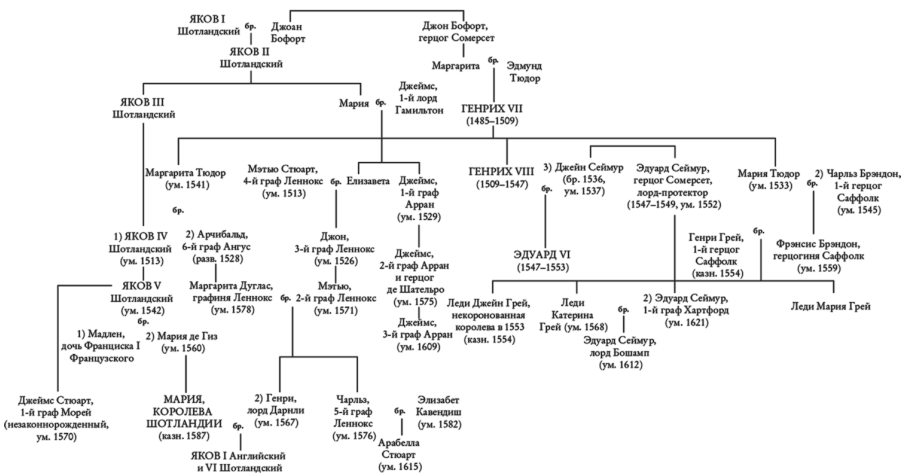
Редкостное сочетание научности и первоклассного рассказа.

Джон Адамсон, Daily Telegraph

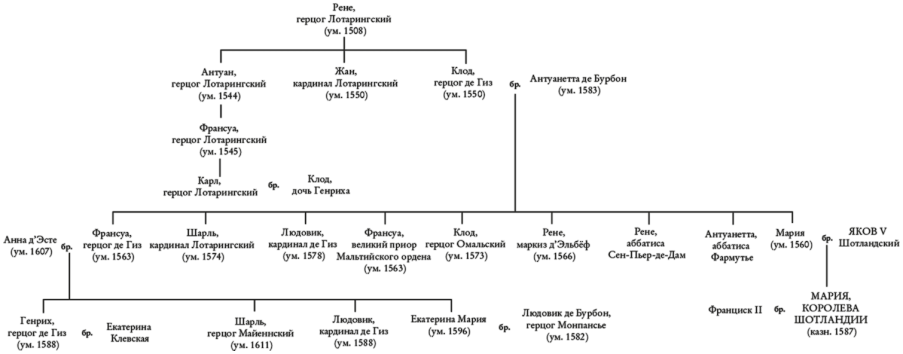
Тюдоры и Стюарты



Стюарты и наследование английской короны

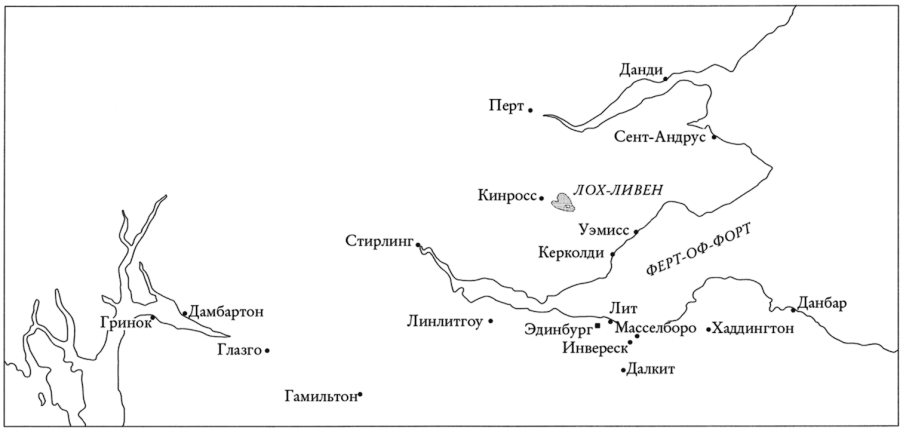


Родословная Гизов



Шотландия в XVI в.

Центральная Шотландия в XVI в.



Франция в правление Генриха II (главные места, связанные с Марией Стюарт)

Пролог

В среду 8 февраля 1587 г., около восьми утра, когда уже достаточно рассвело и можно было обойтись без свечей, сэр Томас Эндрюс, шериф графства Нортгемптоншир, постучал в дверь одной из комнат замка Фотерингей, приблизительно в 75 милях от Лондона. Сегодня на этом месте остались только заросший сорняками земляной вал внутреннего двора и насыпь на месте сторожевой башни в нескольких сотнях ярдов от деревни, расположенной на берегу реки Нин, по-прежнему несущей к морю свои воды.

А в XVI столетии на этом месте кипела жизнь. Тогда Фотерингей был королевским замком. Здесь в 1452 г. родился Ричард III, а Генрих VII, который убил Ричарда в битве при Босуорте, преподнес это поместье в качестве свадебного подарка своей жене Елизавете Йоркской, и следующий король — Генрих VIII — пожаловал замок своей первой супруге, Екатерине Арагонской, которая перестроила и обновила поместье. В 1558 г. эти земли достались Елизавете I, унаследовавшей трон после смерти своей старшей сестры Марии Тюдор.

Несмотря на королевский статус, никто в замке Фотерингей, да и на всех Британских островах, не был готов к тому, что должно было произойти. Томас Эндрюс сопровождал в тот день двух высших представителей английской знати, Джорджа Толбота, графа Шрусбери, и Генри Грея, графа Кента. Дверь, в которую он постучал, вела в личные апартаменты Марии, королевы Шотландии и вдовствующей королевы Франции, которая почти девятнадцать лет провела в Англии как пленница Елизаветы.

В комнате коленопреклоненная Мария молилась вместе со своими слугами. Эндрюс сообщил, что пора идти, и она, взглянув на него, ответила, что готова. Мария поднялась с колен, и по обе стороны от нее встали ее камеристки.

Ей было всего сорок четыре года. Рожденная и воспитанная для того, чтобы править, Мария решительно шагнула из комнаты, словно направлялась на дворцовый бал. Ростом почти шесть футов (около 178 см), она всегда держалась с королевским достоинством. С самого ее детства, еще во Франции, все восхищались красотой и статью Марии. Чаще всего при описании ее красоты говорили «очаровательная» и «совершенная». Современники отмечали не только ее физическую красоту — правильные черта лица, удлиненную шею, тонкую талию, но и ее душевные качества — сердечность и способность мгновенно

находить общий язык с каждым. Живая и очень подвижная, она могла быть безудержно щедрой и дружелюбной. Благодаря своему острому как бритва уму, умению вести беседу, общительности, обаятельности она могла быть чрезвычайно доброжелательной, и иногда даже позволяла себе фамильярничать, но лишь до тех пор, пока уважалось ее «величие». Многие современники отмечали ее почти сверхъестественную способность создавать впечатление, что ей важно только мнение того человека, с которым она в данный момент беседует.

Но, находясь в длительном заточении, от бездеятельности и отсутствия физической активности она очень быстро постарела, и сильно огорчалась оттого, что ее красота так быстро увяла. Черты лица стали грубее, плечи опустились, спина сгорбилась. Лицо, некогда славившееся нежной и гладкой, как мрамор, белой кожей, обрюзгло; появился второй подбородок. Но заточение не смогло полностью изменить ее, светло-карие глаза остались такими же живыми, а локоны рыжих волос по-прежнему блестели.

Мария не спала почти всю ночь. Она тщательно готовилась к грандиозному спектаклю, ее величайшему триумфу, в котором важна была каждая мелочь.

Тон задавала одежда. На первый взгляд казалось, что Мария была одета во все черное, если не считать белого льняного покрывала. Украшенное тонким кружевом, оно по французской моде ниспадало с волос на плечи, а затем до самого пола. Покрывало крепилось к маленькому батистовому чепцу белого цвета, также обшитому кружевом, который едва касался лба, а из-под него во все стороны выбивались локоны. Платье из плотного черного шелка спускалось почти до пола и заканчивалось шлейфом. Оно было украшено золотой вышивкой и собольим мехом, а пуговицы в виде желудей были изготовлены из черного янтаря в обрамлении жемчуга.

Присмотревшись внимательнее, можно было разглядеть корсет из алого бархата и одну из нижних юбок из украшенного вышивкой черного шелка, которые выглядывали сквозь модные разрезы на платье. Само платье украшали длинные, богато расшитые рукава с разрезами в итальянском стиле, под которыми были видны внутренние обтягивающие рукава из темно-красного бархата, а на ногах туфельки из тончайшей испанской замши. Впоследствии выяснилось, что на ней были небесно-голубые чулки, расшитые серебряной нитью, с зелеными шелковыми подвязками поверх мягких белых чулок, которые надевались, чтобы защитить кожу от трения.

В одной руке Мария держала распятие из слоновой кости, в

другой — молитвенник на латыни. Ее тонкая талия перетянута поясом, с которого свисают четки с золотым крестом, а на шее серебряная или золотая цепь с медальоном с изображением Христа в образе «Агнца Божьего».

Мария в сопровождении Эндрюса впереди и графов позади прошла по длинному коридору в просторное помещение, где ее ждали домочадцы, чтобы отдать дань уважения и попрощаться. Свидетель (возможно, граф Кент) писал в то время, что она призвала слуг бояться Бога и жить в смирении. После она обняла всех женщин и подала руку для поцелуя мужчинам. Мария попросила слуг не скорбеть, а «радоваться и молиться за нее». Один из них впоследствии вспоминал, что она не выказывала никакого страха и даже улыбалась.

Затем Мария спустилась по лестнице в большой зал на первом этаже. Из-за распухших от ревматизма ног ей пришлось опереться на руки двух солдат. Когда процессия добралась до вестибюля перед залом, там ее ждал Эндрю Мелвилл, стюард Марии, который преклонил колено и, сдерживая слезы, воскликнул: «Мадам, это будет самое печальное известие, которое мне когда-либо приходилось сообщать, — о кончине моей королевы и госпожи».

«Ты должен радоваться, а не плакать, потому что наконец несчастья Марии Стюарт подошли к концу, — со слезами ответила она. — Передай это послание и скажи моим друзьям, что я умерла с верой в душе, оставшись истинной дочерью Шотландии и истинной дочерью Франции».

Затем она снова взяла себя в руки, и ее настроение внезапно переменилось. Она оглянулась и объявила, что у нее «неподобающее сопровождение», потребовав «уважать в ней женщину» и разрешить, чтобы ее сопровождали камеристки. Оба сопровождающих испугались, что она устроит еще больший скандал и ее придется тащить силой.

Шрусбери стал оправдываться, что они просто выполняют приказ. Услышав эти слова, Мария возмутилась: «Даже людям менее знатным не отказывали в таких скромных милостях».

«Мадам, — ответил Кент, — это невозможно, из опасений, что некоторые из них своими речами будут беспокоить и расстраивать Вашу милость и приводить в волнение общество… или захотят омочить носовые платки в Вашей крови, нарушая порядок».

«Милорд, — ответила Мария, — словом моим ручаюсь, что они этого делать не станут. — Потом, не удержавшись, прибавила: — Вам известно, что во мне течет кровь Генриха VII, что я вдовствующая королева Франции и венчанная королева

Шотландии».

Графы тихим шепотом посовещались и уступили Марии, умевшей настоять на своем. Двум ее любимым фрейлинам, Джейн Кеннеди и Элизабет Керл, и четырем мужчинам, в том числе Мелвиллу, позволили присоединиться к процессии. «*Allons donc*, — с улыбкой сказала Мария. — А теперь идемте». Она говорила по-французски, как на своем родном среднешотландском языке, а английский выучила с трудом только во время длительного заточения.

Теперь, когда вся свита была в сборе, Мария решительным шагом направилась в большой зал; шлейф платья поддерживал Мелвилл. Это был по-настоящему торжественный выход королевы, как и задумывалось; она прошла перед сотней зрителей к центру зала, где за два дня спешно сколотили деревянный помост, рядом с очагом, в котором пылала огромная груда поленьев. Поднявшись по двум ступенькам на помост, Мария села на низкую скамеечку, которую для нее приготовили; справа от нее расположились графы, слева — шериф.

Разумеется, никакого трона здесь не было. Помост представлял собой квадратный эшафот высотой два фута и стороной 12 футов, обитый черным холстом, который по бокам свисал до пола, скрывая под собой грубую конструкцию. Ограждение высотой 12 дюймов установили только с трех сторон, а четвертая, обращенная к зрителям, оставалась открытой. Рядом с плахой, тоже задрапированной черной тканью, лежала подушка, на которую Мария должна была преклонить колена.

На помосте уже ждали два человека в масках — «Бык», палач лондонского Тауэра, и его помощник. На них были длинные черные плащи и белые фартуки; рядом стоял топор, небрежно прислоненный к ограждению. Из глубины зала на помост, окруженный солдатами, смотрели рыцари и дворяне Нортгемптоншира и соседних графств; высота эшафота была рассчитана таким образом, чтобы всем было видно. Во дворе замка перед главным входом в большой зал собралась толпа из тысячи человек, ждавшая новостей.

Шериф призвал к тишине, после чего Роберт Бил, секретарь Тайного совета королевы, которому было поручено доставить распоряжение о казни в Фотерингей, огласил приговор. Пока он читал королевский указ — на это потребовалось около десяти минут, — Мария оставалась абсолютно неподвижной. По словам Роберта Уингфилда из Аптона из графства Нортгемптоншир, который стоял в десяти ярдах от нее, она не выказывала никаких эмоций, слушала «невнимательно, как будто это ее не касалось, с радостным выражением лица, словно это было помилование».

Однако ее выдержка подверглась жестокому испытанию, когда по сигналу графа Шрусбери вперед выступил Ричард Флетчер, декан Питерборо и один из любимых проповедников Елизаветы.

Флетчер — отец драматурга Джона Флетчера, соавтора Шекспира в «Генрихе VIII», — должен был прочесть «наставление» Марии, в котором осуждалась ее приверженность католицизму и предательство веры. Затем он прочел молитвы, которые должны были повторять все присутствующие. Он был одним из штатных священников Елизаветы и был известен своей «привлекательной внешностью» и «угодливыми речами». Однако его «наставление» произвело противоположный эффект; проповедь, которую он попытался прочесть — а это была именно проповедь, — стала величайшей *faux pas*[1] в его карьере. От волнения он начал заикаться. «Мадам, — произнес он, — Ее Величество королева… Мадам, Ее Величество королева…» Три раза он останавливался и начинал снова, но на четвертый раз Мария прервала его. Ясным, недрогнувшим голосом она сказала: «Господин декан, я не желаю Вас слушать. Вам нет дела до меня, а мне — до Вас».

Сконфузившись, Флетчер возразил: «Я не говорю ничего, в чем не поклялся бы перед всемогущим Господом». Поначалу он не желал ей уступать, убежденный в том, что Бог не покинет истинно верующих, подаст им весть через ангелов. Если Марию приговорили к смерти, это промысел Божий, и проповедник отвечает за свою проповедь только перед Богом.

Услышав эти слова, Мария с уверенностью, как это всегда происходило с ней во время спора, ответила: «Я тверда в своей древней римско-католической вере и готова пролить кровь за нее».

«Мадам, — опрометчиво ответил Флетчер, — перемените решение, отрекитесь от прежних заблуждений и перенесите все упования только на Иисуса Христа, дабы он даровал Вам спасение». Разговаривать с королевой в таком тоне было непозволительно. Залившись румянцем, Мария приказала ему замолчать. Повисла неловкая пауза, и графы уступили. Флетчеру было приказано пропустить проповедь, но он в припадке ярости настоял, чтобы ее переписали из его заметок в отчет о событиях этого дня.

Затем последовала странная сцена, больше похожая на фарс. Граф Кент сказал Флетчеру, чтобы тот начал читать молитвы, но при первых же словах декана Мария стала громко молиться на латыни, подняв распятие к глазам.

Никто не хотел уступать: рыцари и дворяне, собравшиеся в зале, присоединились к Флетчеру и вслед за ним повторяли слова молитв, а Мария и шесть ее слуг старались перекричать их.

Наконец королева, обливаясь слезами, соскользнула со скамеечки и опустилась на колени, но не сдалась.

Даже после того, как Флетчер умолк, Мария продолжила молиться, теперь по-английски, чтобы вызвать еще большее замешательство. Она молилась за церковь, за прекращение религиозных распрей, за то, чтобы ее сын, двадцатилетний король Шотландии Яков VI, которого враги воспитали как протестанта, обратился в истинную католическую веру. Она молилась за долгое и счастливое царствование Елизаветы, угодное Богу. Она призналась, что надеется на спасение «благодаря крови Христовой, у подножия креста которого она прольет свою кровь». В заключение она просила святых помолиться за ее душу и обратилась к Богу, чтобы он не оставил своими милостями и избавил от напастей «этот глупый остров».

Для графа Кента, фанатичного протестанта, эти слова прозвучали оскорбительно. «Мадам, — сказал он, — храните Иисуса Христа в своем сердце и оставьте эти папистские фокусы». Но Мария проигнорировала его замечание. Закончив молитву, она поцеловала распятие и перекрестилась — жестом, принятым у католиков[2].

Это был по большей части спектакль. Мария никогда не была столь непримиримой католичкой, которой теперь представила себя миру. Политика всегда была для нее важнее религии. Как правитель Шотландии она разумно приняла компромисс, основанный на религиозном *status quo* и влиянии официального протестантского реформирования. Лишь после заточения в Англии она стала выставлять себя несчастной католичкой, пострадавшей только за веру. Произошедшее в большом зале замка Фотерингей было искусно разыгранным спектаклем, и эта тактика оказалась успешной. Унизив Флетчера, Мария одержала пропагандистскую победу, которая прогремела по всей католической Европе.

Удовлетворенная произведенным впечатлением королева спокойно повернулась к Быку, который смиренно преклонил перед нею колено и попросил прощения. «Прощаю Вас от всего сердца, ибо надеюсь, что Вы положите конец всем моим страданиям», — сказала она.

Палачи помогли камеристкам Марии раздеть ее — она осталась в одной нижней юбке. Когда они расстегивали пуговицы на ее платье, она широко улыбнулась и пошутила, что «ее никогда не раздевали такие горничные» и что «ей еще не приходилось снимать одежду при таком скоплении народа».

Она положила распятие и молитвенник на скамейку, а один из палачей снял с ее шеи медальон — по традиции личные вещи

казненного принадлежали ему. Но Мария возразила, сказав, что предпочла бы отдать их слугам, а палач получит денежную компенсацию.

Когда с Марии сняли покрывало и черное платье, по залу разнесся приглушенный вздох изумления. Нижняя юбка была из рыжевато-красного бархата, а лиф — из шелка того же цвета. Одна из камеристок подала ей темно-красные перчатки, которые королева тут же натянула на руки. Произошла настоящая метаморфоза.

Несколько минут Мария стояла неподвижно, в одеянии цвета засохшей крови: это литургический цвет мученичества в римско-католической церкви. Эта картина была настолько вызывающей, настолько оскорбительной для дворян, что в отчете для Тайного совета о ней не сказано ни слова. Инцидент сохранился в истории благодаря французскому документу того времени, основанному на рассказах слуг Марии, подтвержденных двумя независимыми английскими источниками, в том числе письмом слуги Шрусбери другу — никаких причин лгать у него не было.

Мария поцеловала камеристок, которые не удержались и зарыдали. «Ne criez vous, — обратилась она к ним по-французски, — j'ai promis pour vous». Или, как рассказывал один из свидетелей: «Пожалуйста, не плачьте, я ведь поручилась за вас. Не плачьте, а радуйтесь».

Мария благословила женщин и повернулась к Мелвиллу и другим слугам, все громко плакали и непрерывно крестились. Она прочла краткую молитву на латыни, благословила их, попрощалась и попросила вспоминать ее в своих молитвах.

Затем Мария «со всей решимостью» опустилась на колени на подушку, а Джейн Кеннеди завязала ей глаза белым платком с золотой вышивкой, который королева сама выбрала минувшей ночью. Джейн поцеловала платок, сложила треугольником, закрыла им лицо Марии и прикрепила к чепцу. После чего две камеристки сошли с помоста.

Стоя на коленях, Мария декламировала на латыни псалом *In te Domino confido*, «На тебя, Господи, уповаю». Потом она нащупала плаху и положила на нее голову, уперев подбородок в ладони; если бы один из палачей не убрал ее руки, их отрубили бы вместе с головой. Мария вытянула руки и ноги и воскликнула: *In manus tuas, Domine, commendo spiritum meum*, «В руки твои, Господи, вручаю свою душу». Она повторила эти слова три или четыре раза, пока палач не нанес последний удар; помощник удерживал ее тело.

Но палач не справился. Голову следовало отсечь одним ударом, но напряжение было так велико, что не выдержал даже

самый опытный палач Англии. Первый удар оказался неточным — он пришелся не на шею, а на узел платка на затылке. По словам одного из свидетелей, Мария издала «очень тихий стон», согласно словам другого — громко крикнула: «Господи Иисусе, прими мою душу». Второй удар разрубил шею, но не до конца, и палач был вынужден отрезать оставшиеся жилы, используя топор, словно нож. Наконец он поднял отрубленную голову и крикнул: «Боже, храни королеву!» Присутствующие в зале изумленно охнули — губы Марии шевелились, словно продолжая молиться; они конвульсивно дергались еще четверть часа.

Но и это был еще не конец. Когда палач поднял отрубленную голову, рыжие локоны Марии и белый чепец отделились от черепа. Иллюзия царственного величия исчезла. У палача в руках остался клок волос, а голова упала на пол и, словно футбольный мяч после неудачного удара, покатилась к зрителям, «седая и почти лысая».

Внезапно все стало ясно. Королева Шотландии носила парик. Присутствующие словно онемели. И только граф Шрусбери не выдержал и разрыдался.

Когда палач поднял голову, доктор Флетчер пришел в себя. «Так погибнут все враги королевы!» — провозгласил он. Его поддержал граф Кент, стоявший над телом: «Таков будет конец всех врагов королевы и врагов Веры!» Но это был ужасный финал, душераздирающий катарсис. Даже в театрах Лондона, где снова вошли в моду пьесы о мести и трагедии, никто не видел ничего подобного.

Убитых горем слуг Марии вывели из зала и заперли в комнатах. Палачи раздевали труп, когда один из них увидел, что любимая собачка королевы, скайтерьер, пробралась на помост, спрятавшись под нижней юбкой хозяйки. Обнаруженная, она принялась с воем бегать вокруг тела, а затем улеглась посреди лужи крови между отрубленной головой и плечами Марии. Поскольку успокоить собачку не удавалось, ее насильно унесли, вымыли, однако с тех пор она отказывалась от еды. Одна из служанок Марии утверждала, что вскоре животное умерло, но однозначного подтверждения этих слов у нас нет.

После полудня черную ткань, которой был обтянут помост, плаху, подушку, одежду и украшения Марии, все, что было испачкано кровью, по приказу графов сожгли в открытом очаге, чтобы не осталось никаких материальных свидетельств «мученической смерти за веру», чем стремилась представить свою казнь королева. Они тщательно проследили, чтобы ее вещи не могли оказаться у ее приверженцев из числа католиков. В большом зале все еще оставались рыцари и дворяне,

наблюдавшие за всеми действиями, и поэтому, когда графы писали официальный отчет о казни, эти люди поставили под документом свои подписи, выступив в качестве свидетелей.

Четвертый сын графа Шрусбери, Генри Толбот, был спешно отправлен в Лондон, чтобы в тот же вечер доставить отчет о казни Тайному совету. После его отъезда останки королевы погрузили на носилки и отнесли наверх для бальзамирования. Эшафот разобрали, и всех отправили по домам — за исключением шерифа, который должен был похоронить сердце и внутренние органы в тайном месте. Некоторые украшения Марии также были закопаны в глубоких подземельях замка, поскольку кольцо, подаренное ей вторым мужем, Генри, лордом Дарнли, при обручении, впоследствии было найдено в руинах замка и в 1887 г. выставлено в Питерборо.

Ни один человек, видевший Марию в ее последний день, не мог забыть ее смерти. Независимо от отношения к ней или веры в рассказы, которые оправдывают ее вынужденное отречение и казнь, в тот день совершилось цареубийство. Мария была коронованным монархом. Елизавета, будучи на протяжении тридцати лет суверенным правителем, стремилась, как и ее соперница, защитить идеал монархии: принцип, что правители отвечают только перед Богом. Она делала все возможное, чтобы предотвратить казнь Марии, пока не убедилась, что иного выхода нет, и затем переложила вину на других.

Елизавета все прекрасно понимала. Было очевидно, что смерть Марии навсегда изменит отношение к монархии на Британских островах. Цареубийство значительно усилит парламент, уничтожив «божественность, которая охраняет короля». Ее смерть поможет распространению теории народовластия — убеждению, что источником политической власти является народ, а не правитель, — и идеи, что представителями народа являются те, кто избран в парламент. Именно эту идеологию использовали мятежные лорды в Шотландии, чтобы низложить Марию. Та же теория укоренится и здесь, и — что окажется еще более разрушительным — повторится во Франции через 250 лет после ее смерти, а в конце концов пересечет Атлантику, когда шотландец, доктор Уильям Смолл, будет преподавать этику и политическую теорию юному Томасу Джефферсону в колледже Вильгельма и Марии в Виргинии.

Почему королева Мария с ее многочисленными достоинствами — красивая и умная, общительная и практичная, неотразимая и полная жизни — оказалась скомпрометированной и низложенной? Одна из причин заключается в том, что у нее был

непримиримый противник — Уильям Сесил, глава правительства Елизаветы и на протяжении сорока лет главный советник королевы. Он был заклятым врагом королевы Шотландии. И поскольку, в отличие от Елизаветы, Мария исповедовала католичество, а Сесил был одержим идеей превратить все Британские острова в единую протестантскую общину, в его политической структуре власти не оставалось места для независимости Шотландии. Отсюда и постоянные споры с шотландскими союзниками о степени главенства Англии. Елизавета делала все возможное, чтобы защитить идею «божественного права» монархии независимо от вероисповедания правителя, но Сесил был убежден, что парламент имеет право определять наследование трона, руководствуясь соображениями религии, а это означало, что династические притязания Марии должны быть отвергнуты любой ценой.

После своей смерти, как и при жизни, Мария вызывала сильные чувства. Для последователей она оказалась невинной жертвой: ею манипулировали, и ее оклеветали — она оказалась лишь пешкой в руках вероломной шотландской знати и честолюбивых французских и английских политиков, которые считали ее помехой на пути к осуществлению планов. Критиканы указывали на недостатки Марии, ее излишнюю приверженность эмоциям. Она правила по велению сердца и не руководствовалась разумом. Она была *femme fatale*: обольстительница, ловко манипулировавшая людьми, открыто демонстрировавшая свою сексуальность на балах и пирах, не считаясь с мнением других.

Враги Марии одержали победу. Для нас она осталась в истории не как обаятельный молодой правитель, наслаждавшийся властью и на какое-то время сумевший объединить раздробленную страну, а скорее как человек, которого больше заботили ее драгоценности и домашние любимцы. В одном из описаний ее казни с осуждением отмечается, что она «выказала навыки чрезвычайно искусной актрисы». Но в XVI в. театральность была очень важна для демонстрации власти, и характер Марии проявился здесь больше, чем предполагает это циничное утверждение.

В этой книге предпринята попытка выяснить всю правду о Марии Стюарт или хотя бы приблизиться к ней, насколько это возможно: показать не только собрание стереотипов или удобных и искусно соединенных мифов, а рассказать о судьбе женщины-правительницы, выбор и решения которой были последовательными и очень логичными. Цель определяет и сам метод: описать жизнь Марии и рассказать ее историю, подтверждая ее документально, а не опираться на общеизвестные

издания или отредактированные фрагменты, которые зачастую предназначены для того, чтобы увековечить мифы, а не развеять их. Возможно, вас удивит, что сохранилось огромное количество этих документов — в архивах и научных библиотеках Эдинбурга, Парижа, Лондона, в домах старинных английских аристократов и даже в Вашингтоне и Лос-Анджелесе. Некоторые из них историки не открывали с 1840 г. Многие не подвергались внимательному изучению с 1890-х гг., например нерасшифрованные рукописные копии двух знаменитых «писем из ларца».

Наша цель — рассказать о жизни Марии, по возможности предоставляя слово ей самой, а также понять, почему рассказы других людей о событиях того времени зачастую так сильно расходятся с ее точкой зрения. Только после этого появится возможность должным образом разобраться в несметном количестве фактов, объяснить и понять последовательность событий, пролить свет на бурную жизнь королевы.

1
Первый год

Мария Стюарт родилась суровой зимой. Земля была покрыта снегом, а узкие дороги и извилистые тропы Англии и Шотландии стали непроезжими. Скот, в летние месяцы бродивший по Шотландской низменности и приграничным долинам, томился в приземистых каменных коровниках. Река Туид, местами превращавшаяся в бурный поток на пути к морю, в которое она впадала неподалеку от Берика-апон-Туида по восточную сторону границы, полностью замерзла. Обычно важные депеши доставлялись из Эдинбурга в Лондон за пять или шесть дней, однако известию о рождении Марии потребовалось четыре дня, чтобы дойти до замка Алник в графстве Нортумберленд, всего в нескольких милях южнее Берика.

Новорожденная была единственной дочерью и единственным выжившим наследником Якова V Шотландского и его второй жены Марии де Гиз. Девочка родилась в пятницу 8 декабря 1542 г. во дворце Линлитгоу в 17 милях к западу от Эдинбурга.

Жестокий мороз вряд ли беспокоил тех, кто собрался тогда в покоях королевы на втором этаже северо-западной башни дворца. Недавняя реконструкция превратила Линлитгоу в роскошную резиденцию. Яков V любил роскошь и стремился следовать новейшей моде эпохи Возрождения. Окна дворца были застеклены, потолки расписаны, каменные и деревянные детали украшены резьбой с изображением корон и чертополоха[3]. В каминах большого зала и еще десятка комнат королевских апартаментов жарко горели дрова. Каменные стены были задрапированы великолепными фламандскими гобеленами и занавесями из расшитой золотом ткани, спасавшими от сквозняков.

Линлитгоу, вместе с Фолклендским дворцом в Файфе, был любимой резиденцией Марии де Гиз. Она помогала перестраивать оба дворца на манер французских замков. Удивляться этому не стоило, королева была француженкой, вдовствующей герцогиней де Лонгвиль, старшей дочерью Клода, герцога де Гиза, и Антуанетты де Бурбон. Гизы принадлежали к самым могущественным и знатным аристократическим родам Франции. Их родовое имение находилось в Жуанвиле, в области Шампань, а поместья занимали стратегически важные регионы на севере и востоке Франции.

Семья ее первого мужа, Людовика Орлеанского, герцога де

Логвиль, владела обширными поместьями в районе Луары, и потому Мария де Гиз прекрасно знала, что такое дворец в стиле Возрождения. Она сравнивала Линлитгоу с замками Луары, где жила королевская семья, когда уезжала из Парижа. Подобно Шенонсо, жемчужине Луары, Линлитгоу был местом для отдыха и развлечений. Внешние стены замка стояли на полукруглом холме, окруженном водой, который на севере упирался в узкий морской залив, а на юге возвышался над приходской церковью св. Михаила и городом Линлитгоу.

Рождение Марии Стюарт пришлось на поворотный пункт в истории Шотландии. Всего двумя неделями раньше, 24 ноября, армия ее отца была разбита англичанами в битве при Солуэй-Моссе. Для шотландцев Англия была непримиримым «старинным врагом». Отношения между двумя соседями испортились после того, как Эдуард I заявил о правах сюзерена на Шотландию и в 1290-х гг. попытался ее аннексировать. Шотландцы обратились за поддержкой к французам и папе[4], а также фанатически поощряли патриотизм, пытаясь защитить независимость своего королевства. Многочисленные вторжения англичан после 1296 г. ознаменовали период враждебности между государствами, длившийся на протяжении пяти поколений.

Приграничные стычки стали нормой. Открытая война исключалась, не в последнюю очередь потому, что мощь двух стран была несоизмерима. Англия была гораздо богаче и сильнее северного соседа. Ее население в то время составляло около 3,5 миллиона человек, а Шотландии — едва ли 850 тысяч. Единственным крупным городом здесь был Эдинбург с 13 тысячами жителей — в пять раз меньше, чем в Лондоне. Собрать налоги и набрать войско Англии было гораздо легче, чем Шотландии — этому способствовали сильное централизованное правительство и более эффективная вертикаль власти. Решительное сражение почти неизбежно закончилось бы сокрушительным поражением шотландцев.

Кроме того, в самой Шотландии существовало неравенство между регионами. От трети до половины населения жили в приграничном регионе и горной Шотландии, а остальные — на землях более богатой и космополитичной Шотландской низменности. Вместе с королем страной управлял парламент, который состоял преимущественно из землевладельцев; считалось, что члены парламента представляют всю страну, но они придерживались расхожего мнения жителей низин о горцах как о проходимцах и преступниках. Кланы горцев держались обособленно, и по негласному уговору жители горной и низинной Шотландии по большей части игнорировали друг друга. Многие

горцы говорили на гэльском наречии, а не на среднешотландском, что усиливало культурные различия. Язык жителей низин был ближе к северному диалекту английского, чем к гэльскому.

Политика в Шотландии носила клановый характер, где доминировали кровные связи и родовые традиции. За фасадом феодального лорда скрывался более древний статус главы клана или рода. Верность клану ставила шотландских лордов во главе связей, охватывающих целые регионы и формирующих структуры власти на всех государственных уровнях. Самой монархии было выгодно опираться на клановые структуры, а также на то, что можно было перераспределить благодаря покровительству церкви.

Когда в 1509 г. Генрих VIII взошел на трон, войны на Британских островах возобновились. Генрих оказался сильным правителем — патриотом Англии и военным стратегом. Он хотел возобновить Столетнюю войну против Франции, чтобы добиться военных побед. Из всех своих предшественников Генрих больше всего восхищался Черным принцем и Генрихом V, блестящие победы которых во Франции принесли им и землю, и славу. Усилия королевских советников не раз и не два разрушались его рыцарскими грезами. Но война всегда была «спортом королей», и если Генрих хотел завоевать французские земли, сначала ему следовало разобраться с Шотландией — союзницей Франции и «старинным врагом» в тылу Англии. Как говорилось в популярном стишке, «тот, кто решил победить Францию, должен начать с Шотландии». Генрих любил повторять эти слова и воспринимал их как руководство к действию.

Поражение шотландцев при Солуэй-Моссе было не результатом полномасштабного вторжения англичан, а всего лишь приграничной стычкой, которая закончилась для них крайне неудачно. Причиной катастрофы стала не агрессия Генриха VIII, а решение Якова V предпринять масштабную контратаку, без тщательного выбора места и времени.

В ответ на вторжение английского войска под командованием герцога Норфолка король Яков V отправил армию грабить спорную территорию к северу и востоку от Карлайла, известную как «пограничный край». Его войско форсировало реку Эск во время отлива. Возвращение совпало с приливом, и войско оказалось запертым между рекой и болотом. Вынужденная отступать под натиском меньшего по численности, но более дисциплинированного английского отряда, армия попала в западню. В плену оказались около двенадцати сотен человек, в том числе двадцать три знатных дворянина и лэрда, которых в

качестве заложников отправили в Лондон и заключили в Тауэр.

Для Якова V поражение стало глубокой психологической травмой. Он был унижен и как король, и как военачальник, и потеря лица усугубилась еще тем, что он не вел свое войско лично, а держался в отдалении. И дело было не в трусости. Яков был храбрым воином, но в тот момент недооценил риски. Результатом стало распыление сил. Унижение оказалось еще сильнее, чем тридцать лет назад, когда армия его отца, Якова IV, была разгромлена в битве при Флоддене отцом герцога Норфолка. Политические последствия обоих поражений — длительное ослабление королевской власти — были одинаковыми. Но в 1513 г. шотландцы, по крайней мере, полегли в рукопашной схватке во время решающего сражения. Они умерли с достоинством, а не как крысы в западне.

Яков V поскакал в Линлитгоу, чтобы повидаться с женой, готовившейся к родам, но потом почти сразу уехал в Эдинбург, а затем в Фолклендский замок, где слег. Маловероятно, что он любил жену, поскольку у него было много любовниц. Однако король беспокоился о ребенке, и его внезапный отъезд больше говорит о его психологическом состоянии, чем о крепости семейных уз. Он очень расстроился, когда ему сообщили, что родившийся наследник — девочка. Когда годом раньше умерли два его маленьких сына, Яков V вспомнил о Марджори Брюс, дочери короля Роберта I и основательнице династии Стюарт. Но после рождения дочери он воскликнул: «Проклятье! Это закончится так же, как началось. Началось с женщины и закончится женщиной». Другой источник так передает его слова: «Началось с девчонки и кончится девчонкой».

И совсем скоро — 14 декабря Яков V умер. Ему было всего тридцать лет, но в этом достаточно молодом возрасте он уже страдал от многочисленных болезней. Разгульный образ жизни, результатом которого стала «сыпь» и приступы «лихорадки», а также серьезная травма, полученная на охоте, ослабили его иммунитет. Перед смертью он страдал от «неудержимой рвоты» и «сильного кишечного расстройства», что косвенно указывает на дизентерию, возможно, из-за выпитой зараженной воды. Другая возможная причина смерти — «мор» или холера; король мог заразиться от графа Атолла, с которым кутил и который скончался совсем недавно.

Так или иначе, но Яков V умер в своей постели, в отличие от своего отца, который погиб в битве при Флоддене при невыясненных обстоятельствах. Скорее всего, его убили англичане, но вполне возможно, он пал в самом конце сражения от руки одного из лордов-предателей.

И как тогда его сын унаследовал трон в возрасте семнадцати месяцев, так и теперь история повторялась. Внучка Якова IV, Мария Стюарт, стала королевой в возрасте всего шести дней от роду.

Девочку окрестили, как только стало безопасно выносить ее на холодный воздух. То небольшое расстояние от южных ворот дворца Линлитгоу до церкви св. Михаила ее несла на руках няня Дженет Синклер. Малышку назвали Марией в честь матери, а также в честь того, что день ее рождения праздновался римско-католической церковью как день зачатия Девы Марии.

После крещения в купели Марию умастили елеем и завернули в мантию из белой генуэзской тафты, сшитую специально для таинства крещения. Почти наверняка (так было принято у королевских отпрысков) затем ее принесли в главный престол и провели обряд конфирмации, хотя впервые она причастилась во время мессы только в девять лет. Генриху VIII сообщили, что она «очень слабый ребенок и вряд ли выживет». Предсказание оказалось неверным, а появившаяся вскоре коварная угроза жизни и безопасности будущей королевы и мирной передаче трона окажется преодоленной благодаря храбрости ее матери.

Смерть Якова V послужила началом сложной череды событий, в которых тесно переплелись политические, религиозные и фракционные мотивы. Англия и Франция сражались за влияние на Шотландию, которая стала пешкой в борьбе двух более сильных стран и правящих в них династий. В детстве Мария не участвовала в этих интригах, но все они так или иначе затрагивали ее. Целью каждого заговора было либо захватить несовершеннолетнюю королеву, либо выдать ее замуж за представителя королевской семьи Англии или Франции, чтобы гарантировать влияние в будущем. Такого рода махинации помогали сформировать династию, которую продолжит Мария, когда повзрослеет, и все вместе они определяли тайные планы, которым она храбро бросит вызов, достигнув совершеннолетия.

В те годы, когда формировались личность и характер маленькой королевы, примером ей служила мать. В течение почти пяти лет после рождения дочери Мария де Гиз проявляла незаурядную политическую хитрость и умение маневрировать на политическом поле, и при этом она постоянно училась на своих ошибках. Она сразу же окунулась в политику, сведя до минимума траурные церемонии по усопшему мужу.

Вдовствующая королева отличалась высоким ростом и поистинне царственной осанкой. Рыжие волосы и тонкие черты лица, высокие скулы, изогнутые дугой брови и высокий лоб,

тонкие губы и орлиный профиль завершали общее впечатление от фигуры и образа королевы-матери. Держалась Мария де Гиз уверенно и гордо; она была умной и внимательной, щедрой к друзьям и сторонникам, с непринужденными изысканными манерами, она всегда была любезной как с равными, так и низшими по положению.

Все это были характерные черты де Гизов, и вдова Якова V быстро завоевала сердца шотландцев. Она очень быстро стала популярной в среде простого народа и умела превращать людей в своих пламенных сторонников. Эти качества впоследствии проявятся в ее дочери, которая будет похожа на мать и внешне, и характером.

Мария де Гиз унаследовала способности к политике с рождения. Семья де Гизов — в определенной степени парвеню — достигла высокого положения при французском дворе благодаря сочетанию удачных браков и полководческих талантов. При Франциске I они были тесно связаны с триумвиратом, состоявшим из коннетабля Франции Анн де Монморанси, дофина Генриха, наследника трона, и его красивой и умной любовницы Дианы де Пуатье; не меньшим влиянием де Гизы обладали и в церковных кругах. Брат герцога Клода, Жан де Гиз, был главой девяти епископств и шести аббатств. Будучи кардиналом-архиепископом Реймсским, он управлял самой важной епархией во Франции, поскольку именно в огромном готическом соборе Реймса короновались французские монархи. Более того, управление епархией де Гизы наследовали — еще до смерти Жана де Гиза титул перешел ко второму сыну Клода де Гиза, Шарлю, кардиналу Лотарингскому, который получил его в возрасте четырнадцати лет.

Всего у Клода было десять детей, каждый из которых занимал высокое положение в государстве или в церкви. Когда Мария де Гиз вышла замуж за Якова V, ее семья оказалась в центре взаимоотношений между Шотландией, Францией и Англией на целых пятьдесят лет. Причина заключалась в том, что в XVI в. дипломатические договоры скреплялись брачными союзами. Международная политика вращалась вокруг семей, детей, наследственных прав, и в династических кругах родовая принадлежность и наследие были намного важнее религиозной принадлежности.

Мария де Гиз прекрасно понимала свою роль. Она была полна решимости защитить права своей дочери на престол, а также сохранить традиционный «старинный союз» между Францией и Шотландией. Эта женщина привыкла подчиняться велению долга. Самая желанная вдова Франции, в возрасте

двадцати одного года она была выбрана Франциском I, чтобы заменить его дочь Мадлен — первую жену Якова V, которая умерла от вирусной инфекции всего лишь через несколько недель после прибытия в шотландский порт Лит. Марии не хотелось покидать Францию, но этого потребовал королевский долг. Она привыкла к несчастьям. Трое из пяти ее детей умерли в младенчестве: один сын от первого мужа (второй мальчик, Франциск, дожил до 1551 г.) и оба сына от Якова.

После замужества и переезда в Шотландию Мария де Гиз регулярно писала своей матери, Антуанетте де Бурбон, женщине властной и расчетливой, которой, как говорят, восхищался даже король Франции. Ее письма свидетельствуют, что она быстро приспособилась к новой жизни. Мария снисходительно относилась к неверности мужа — у него было семь, а возможно, и девять незаконнорожденных детей — и занимала себя тем, что руководила строительными работами в королевских замках и разбивкой садов, где она выращивала невиданные декоративные фруктовые деревья, саженцы которых выписывала из Франции. В Фолклендском дворце, где до сих пор можно увидеть модную по тому времени отделку фасада, она лично инспектировала работы, взбираясь на лестницу, чтобы внимательно рассмотреть сделанное, прежде чем одобрить работу каменщиков. У нее был собственный штат французской прислуги, словно она не допускала даже мысли, что ее горничные могут оказаться шотландками: французы часто отпускали оскорбительные шутки за спинами неотесанных шотландцев. Слуги обожали Марию, и после смерти Якова V часть его домашней прислуги попыталась перейти к ней, поскольку она платила больше всех остальных.

Формально маленькая Мария стала королевой Шотландии с момента смерти отца. На практике, конечно, это было фикцией. Следовало назначить опекуна или регента, который будет управлять страной до объявления Марии «совершеннолетней» и способной править самостоятельно. Естественно, всех занимала личность регента, поскольку долгий период до совершеннолетия королевы способствовал распрям среди знати. Особенно актуальным это было для Шотландии, где королевская власть была гораздо слабее, чем в Англии или Франции, и монарху приходилось опираться на сети родственных связей лордов, чтобы поддерживать закон и порядок.

Самым надежным способом назначения регента была воля умирающего правителя. Несмотря на то что Яков V не оставил завещания — вероятно, он просто не предполагал, что смерть так близка, — его «последняя воля» была составлена от его имени. За этим проследил кардинал Дэвид Битон, архиепископ Сент-

Эндрюса, который имел огромное влияние на короля и был полон решимости сохранить свою власть.

Битон был лидером профранцузской партии и яростным противником протестантской реформации. Он хотел, чтобы Мария стала «опекуном по завещанию», а сам он с тремя союзниками — «хранителями королевства». Его цель заключалась в том, чтобы помешать другому претенденту на трон, Джеймсу Гамильтону, графу Аррану, который придерживался проанглийской позиции и стоял первым в ряду наследников в случае смерти Марии. Арран, в свою очередь, открыто заявлял, что Битон подделал завещание — когда Яков V находился в полубессознательном состоянии, ему якобы дали подписать пустой лист, а потом вписали туда последнюю волю короля.

Лорды избрали Аррана регентом, однако это был не самый идеальный кандидат. Лучшее его качество — умение приспосабливаться. Слабый, нерешительный и трусливый, он вдобавок был необыкновенно жадным. Законность его избрания оспаривалась Битоном, однако Арран, будучи внуком старшей дочери Якова II, мог претендовать на регентство по праву крови.

Мария де Гиз не противилась его назначению, однако остерегалась Аррана. Она понимала, что цель его политики — не в защите маленькой королевы, а в исключительной выгоде для себя и своей семьи, верно охарактеризовав его как «самого непостоянного человека в мире, ведь что бы он ни решил сегодня, назавтра он передумает».

Арран потратил шесть недель на переезд в новые дворцы и окружение себя друзьями и родственниками, которым он назначил содержание. В попытке примирения он предложил Битону одну из высших должностей в государстве — пост канцлера, однако, подтверждая верность оценки вдовствующей королевы, две недели спустя передумал и бросил Битона в тюрьму.

Новый регент был верен шотландским традициям. Он прекрасно понимал, какую роль играет политика насилия в обществе, и поэтому Арран очень быстро захватил все замки Якова V, за исключением Стирлинга, который оставался частью приданого Марии де Гиз и принадлежал лично ей. Затем, обретя еще большую уверенность, он стал отвечать на попытки Генриха VIII повлиять на положение дел в Шотландии.

Генрих был полон решимости переиграть Францию. Он хотел, чтобы Арран поддержал проанглийскую фракцию, которая должна свести на нет французское влияние в Шотландии. Для этой цели английский король собирался использовать пленников, захваченных в битве при Солуэй-Моссе. Война с Францией была

уже на пороге. Генрих уже договорился со своим главным союзником в Европе, королем Испании, императором Священной Римской империи Карлом V, что они объединят силы для скоординированного нападения, а затем в случае победы разделят Францию между собой.

Честолюбивые династические планы Генриха распространялись на все Британские острова. Когда Яков V умер, оставив наследницей маленькую дочь, Генрих не преминул использовать и этот шанс. С самого начала своего правления он раз за разом возвращался к претензиям Эдуарда I на права феодального сюзерена на Шотландию. Эту формулу он выучил наизусть. И впоследствии, после ссоры с папой, когда в конечном счете он порвал с Римом, не дававшим разрешения на развод с первой женой — Екатериной Арагонской. Именно тогда у Генриха возникла теория «имперского» правления, предназначенная оправдать его притязания на титул главы английской церкви; более того, в рамках этой теории он видел себя «королем» и «императором» всех Британских островов.

Согласно представлениям Генриха о законе и истории государств, Шотландия, будучи независимым суверенным королевством, должна стать сателлитом Англии, бриллиантом в «имперской» короне Генриха. Именно претензии Тюдоров на «англо-британскую» империю, когда Мария была еще совсем ребенком, стали причиной ответных претензий на «франко-британскую» империю.

Первым делом Генрих отпустил из Тауэра двадцать три шотландских заложника, затем пригласил их полюбоваться на недавно выстроенный дворец в Хэмптон-Корте, где они стали гостями на роскошном рождественском празднике.

Прежде чем позволить им уехать, король взял с них слово поддержать его династический план. Они должны были подписать обязательство отправить королеву-инфанту в Англию. Предполагалось, что Генрих будет «держать» Марию при себе, воспитывать ее, а затем выдаст замуж за принца Эдуарда — сына от брака с Джейн Сеймур и наследника престола, которому в то время было всего пять лет. Кроме того, десять самых знатных заложников согласились поддержать претензии Генриха на шотландский трон в случае неожиданной смерти Марии.

В марте 1543 г. сэр Ральф Садлер был отправлен в Эдинбург в качестве посла Генриха, чтобы оговорить условия перемирия. Главным пунктом был брак Марии и Эдуарда. Девочке было всего четыре месяца, но Генрих не шутил. Такой союз позволил бы ему одним ударом достичь своей цели. Садлер, не знавший, какой ему окажут прием, сначала встретился с Арраном в саду

Холирудского дворца в Эдинбурге. Но собеседник все время уклонялся от разговора и казался в принципе плохо информированным. Так и было — отношение Аррана к переговорам было самым примитивным. Его интересовала только собственная выгода. Он требовал взяток и подарков, а также обещаний, что останется регентом и после того, как Генрих добьется своего.

После безрезультатных переговоров Садлер поехал к Марии и ее матери в Линлитгоу. Он хотел лично взглянуть на девочку, потому что Генрих все время спрашивал о ней. Мать согласилась и приказала кормилице «развернуть ее одежды», чтобы малышку можно было осмотреть. Садлер покачал Марию на коленях и сообщил королю: «Я заверяю Ваше Величество, что она самый красивый ребенок ее возраста, которого я видел, и достаточно крепкая, чтобы выжить, да будет на то милость Божья».

Затем Садлер затронул вопрос об обручении Марии с сыном Генриха. К его удивлению, Мария де Гиз благосклонно отнеслась к этой идее, предложила помощь и даже одобрила английский план взять Марию в Лондон для ее безопасности. Подобная реакция до такой степени противоречила ожиданиям Садлера, что поначалу он даже растерялся. Он подозревал «игру» — и конечно, был прав. Мария де Гиз притворялась. Но у нее была ясная цель, которая по истечении времени стала очевидна всем. Мария де Гиз в первую очередь защищала интересы Франции и де Гизов. А если Арран пытался оттеснить ее, ведя переговоры с Англией у нее за спиной, она посчитала возможным сделать вид, что готова к союзу с Англией, внушив Садлеру ложное чувство уверенности и обойдя Аррана, который всегда будет находиться в невыгодном положении, поскольку не является опекуном маленькой королевы.

У Марии де Гиз были веские основания подозревать Аррана, который оборвал ее каналы связи с Францией. Он внедрил шпионов в штат ее прислуги и перехватывал все ее письма. Тем не менее она смогла получить одно послание от своей матери. Антуанетта де Бурбон узнала о трудностях дочери 10 июня и сразу же обратилась к своим сыновьям, входившим в число придворных Франциска I, с просьбой повлиять на короля Англии, чтобы помочь Марии.

Арран, в свою очередь, решился заключить союз с Генрихом VIII, и все действия его после ареста Битона были направлены на ослабление профранцузской партии. Чтобы упрочить связи с английским королем, регент неожиданно выпустил заявление в поддержку разрыва Генриха VIII с Римом и роспуска монастырей. Действия Аррана выглядели тем более

странными, что сам он оставался католиком и признавал власть папы. Однако, защищая свои интересы, он оказался между двух огней — профранцузской и проанглийской фракциями лордов, численность которых была примерно равна. И это оказался самый подходящий момент для решительных действий.

Очаровывая и развлекая Садлера, посла Генриха VIII, Мария де Гиз показала себя искусным политиком. В ее голове созрел план. Она перевезет дочь из Линлитгоу, красивого, но неспособного выдержать осаду дворца, в свой замок Стирлинг — практически неприступную крепость на вершине отвесной скалы, в непосредственной близости от побережья, что также позволяло восстановить сообщение с Францией по морю.

Она уже послала верного слугу в Стирлинг с сундуками, наполненными одеждой и домашней утварью. За ними последовала мебель, серебряные блюда, столовая посуда, постельное белье, сушеные продукты питания и кухонные принадлежности, горшки, сковороды и шампуры для мяса.

При этом Арран настаивал, чтобы никто не покидал Линлитгоу. Мария де Гиз с легкостью проигнорировала его приказ, блестяще разыграв свои карты. Она пересказала Садлеру слухи, что Арран не намерен выдавать Марию замуж в Англии и собирается отправить девочку на юг, чтобы получить награду для себя и своих союзников, а затем нарушит слово и будет держать пленницу в Шотландии, до смерти Генриха VIII, а затем попытается узурпировать шотландский трон. Мария де Гиз убеждала Садлера, что об этом необходимо сообщить Генриху, но не раскрывала источников — в противном случае ей самой и ее дочери грозила опасность.

И в Англии, и во Франции само упоминание о том, что может или не может произойти в будущем, когда и если король умрет, трактовалось как заговор против короля и было серьезным преступлением. Считалось, что подобные разговоры делают смерть короля более вероятной, и данное преступление, называвшееся «воображаемой или замышляемой» смертью короля, приравнивалось к государственной измене и каралось смертью. Садлер должен был дистанцироваться от Аррана, если тот действительно замышлял подобное. В противном случае его самого могли причислить к сообщникам.

Но и это еще не все. Арран планировал выдать вдовствующую королеву за собственного сына. Генрих VIII мог помешать этим планам, приказав Аррану отпустить Битона, которого обвиняли в подделке завещания и который должен был сменить Аррана на должности регента. В отличие от своих врагов кардинал «лучше позаботится о пользе королевства».

Это был классический блеф. Мария де Гиз клеветала на Аррана, основываясь на своем невысоком мнении о его характере. Она понимала, что идет смертельная схватка за опекунство над ее дочерью, и была полна решимости заручиться поддержкой Садлера в своем намерении укрыть Марию в замке Стирлинг. И Садлер, который теперь совсем не доверял хитрому и нерешительному Аррану, поддался обману.

Были и другие причины, почему Садлер поверил Марии де Гиз. Интриги ее матери при французском дворе возымели действие, и Франциск I решил вмешаться. Он хотел помешать Генриху VIII и отвлечь его от планов вторжения во Францию. В Париже пошли разговоры, что герцог де Гиз готовится к высадке в Шотландии. Говорили, что он уже получил приказ, и Садлеру нужно только точно узнать, что происходит и каковы истинные намерения французов.

В конечном счете герцог так и не появился. Франциск I отменил свой указ и вместо де Гиза отправил на переговоры в Шотландию ссыльного шотландского лорда, молодого Мэтью Стюарта, графа Леннокса. Это беспокоило Садлера в не меньшей степени. Леннокс, глава младшей ветви рода Стюартов, принявший французское подданство, оказывался первым претендентом на регентство в случае отстранения Аррана. В апреле граф Леннокс высадился в Дамбартоне, цитадели его предков на северном берегу Клайда, и сразу же направился к Марии де Гиз.

На политической арене она превратилась в центральную фигуру. Независимо от того, верил Садлер ее льстивым речам или нет, он был заинтересован в том, чтобы иметь к ней постоянный доступ.

Арран, в свою очередь, пытался перехватить инициативу у Садлера, но его положение резко ухудшилось, когда группа лордов, преимущественно католиков, объединилась вокруг Леннокса, а Битон смог сбежать из заточения. После того как Леннокс вернулся в Шотландию, Генрих VIII заподозрил заговор с целью выкрасть маленькую Марию и перевезти ее в Дамбартон. Он приказал Аррану собрать войско и без промедления доставить Марию в «безопасное» место, Эдинбургский замок.

Но Арран пребывал в растерянности. Понимая свою слабость, он в конце апреля на время присоединился к Ленноксу. Многие его союзники не поддерживали обручение Марии с сыном и наследником Генриха VIII. Для них это было неприемлемо, и Леннокс воспользовался этим. В конечном счете Арран заявил Садлеру, что условия англичан неприемлемы и «каждый мужчина, женщина и ребенок в Шотландии скорее умрет, чем

согласится на них».

Генрих VIII выдвинул ультиматум: если Арран откажется от английского династического плана, война неизбежна. Шантаж Генриха вызвал сильнейшее возмущение. Тем не менее 1 июля 1543 г. был заключен Гринвичский договор, согласно которому английский король получал желаемое. Мария должна была оставаться в Шотландии до десятилетнего возраста, после чего выйдет замуж за английского принца Эдуарда. Ее приданое, выплачиваемое Генрихом, составляло 2000 фунтов в год и автоматически удваивалось, если она станет супругой правящего короля Англии.

Остальные статьи договора были результатом компромисса. До замужества воспитанием Марии должны заниматься шотландцы, однако Генрих в целях «лучшего воспитания» имеет право за свой счет отправить английского дворянина с женой или иной спутницей и сопровождающими, числом не более двадцати, которые будут жить с девочкой. Этот пункт предназначался для того, чтобы родным языком для Марии стал английский, а не шотландский или французский.

Но Генриху пришлось пойти на уступки, поскольку он торопился заключить договор, чтобы полностью сосредоточиться на планируемом вторжении во Францию. Для достижения быстрого результата король согласился на условия, гарантирующие независимость Шотландии. Ключевая статья договора подтверждала, что страна «продолжит называться королевством Шотландия и сохранит свои древние законы и вольности». Однако шотландцы также настояли, что, если брак окажется бездетным, Мария имеет право вернуться домой как суверенная королева. Это должно было стать династической «унией» Англии и Шотландии, но с выхолощенной династической сутью.

Мария де Гиз ликовала; лазейки в договоре были очевидны. Арран запаниковал. Он предупредил Садлера, что за маленькой Марией следует внимательно наблюдать, поскольку она «немного беспокоится из-за прорезывающихся зубов». Но даже Садлер не был таким доверчивым. В письме Генриху VIII он попытался предположить, почему Арран вдруг захотел защитить Марию, «будто это был его ребенок». Разумеется, Аррану было невыгодно и больше всего он боялся, что Марию тайно переправят во Францию и отдадут на воспитание де Гизам.

Гринвичский договор оказался мертворожденным с самого начала. Мария де Гиз и не собиралась его соблюдать; период, пока шли переговоры, она использовала для того, чтобы «поставить на место» Аррана и Генриха VIII и выиграть время для

формирования новой, более сильной коалиции. Только спустя время ее истинные намерения стали очевидными, когда она заключила союз с профранцузски настроенными Битоном и Ленноксом, объединенные силы которых подошли к Линлитгоу 24 июля. Там был подписан бонд[5] о предотвращении передачи Марии в Англию и взаимопомощи при защите от проанглийски настроенного Аррана.

Два дня спустя появился сам Арран, но с гораздо меньшим отрядом. С этого момента его капитуляция стала неизбежной. Садлер уже дал согласие на переезд Марии в Стирлинг, под охрану группы шотландских дворян, официально назначенных парламентом. Мария де Гиз теперь добилась того, чтобы ее дочь перевезли туда при совсем других обстоятельствах.

Ребенок с матерью отправились в замок 27 июня. В этом опасном путешествии Леннокс предоставил королевским особам своих телохранителей, а армия из 2500 всадников и 1000 пехотинцев охраняла обоз с багажом, растянувшийся почти на милю. Совсем маленькая Мария путешествовала с такой пышностью, которую потом будет воспринимать как должное.

Замок Стирлинг, куда всегда стремилась Мария де Гиз, стал их домом на следующие четыре года. Это было вполне подходящее жилище — большой зал и роскошные королевские апартаменты были обновлены в ходе масштабной реконструкции замков по указу королевы. Только в большом зале за ужином могли разместиться более трехсот человек.

Через две недели после переезда Садлера пригласили на аудиенцию. Мария де Гиз по-прежнему скрывала свои истинные мотивы, но посол не мог понять почему. Она заявила, что не отменила своего разрешения увезти Марию в Англию для «безопасности». И только двуличие Аррана помешало ей это сделать. Она надеялась, что теперь, вырвавшись из когтей регента, она осуществит свои истинные намерения: «с готовностью» отдаст Марию лицам, которых назначит Генрих, если он еще не передумал.

Но эта беседа нужна была ей лишь для того, чтобы выиграть время. Садлера, который всегда был неравнодушен к детям, отвели посмотреть на подрастающую Марию. В его записях сохранилось: «Она скоро превратится в женщину, если только пойдет в мать». Девочка недавно болела ветрянкой, но уже поправилась, и, как отмечает Садлер, она была «довольно красивым и здоровым ребенком».

Но его снова провели. Переезд Марии в Стирлинг для ее матери стал одновременно началом и концом задуманного. Арран, всегда умевший приспосабливаться к обстоятельствам,

решил сократить потери и помириться с соперниками. 3 сентября регент покинул Эдинбург, якобы для того, чтобы навестить больную жену, но вместо этого тайно встретился с Битоном в Фолкерке. Они обнялись и поехали в Стирлинг, где Арран раскрыл все детали своих переговоров с Генрихом VIII и объявил о своей поддержке Реформации.

8 апреля он согласился пересмотреть условия своего регентства, обещая частично отдать власть Битону и следовать рекомендациям регентского совета, состоявшего из представителей профранцузской и проанглийской фракций и возглавляемого самой Марией де Гиз. Результатом стало примирение дворян, которые единым фронтом выступили против агрессии Генриха VIII.

Наступил час кульминации. На следующий день — по иронии судьбы это была тринадцатая годовщина битвы при Флоддене — торжественная процессия проследовала из детской в примыкающую королевскую часовню, где Марию короновали как королеву Шотландии. Значение этого события трудно было переоценить. Коронация являлась самым серьезным ритуалом из всех известных церкви и государству: этот ритуал был священным и придавал монарху как религиозную, так и гражданскую легитимность и неприкосновенность. Церемония превратила девятимесячного ребенка в коронованную особу, обладавшую священной властью, которую может даровать только Бог и за которую придется отвечать только перед Богом.

Во время торжественной процессии Арран нес корону, Леннокс — скипетр, а граф Аргайл, самый могущественный из шотландских лордов и зять Аррана, — церемониальный меч. Королевские регалии, которые носят название «шотландских реликвий» и которые по сегодняшний день демонстрируются в Эдинбургском замке, были собраны Яковом IV и его сыном в неустанных попытках повысить престиж своей страны. Все вместе они впервые были использованы именно в этот день. Корона, которую первый раз надел Яков V на коронации Марии де Гиз, для ребенка была слишком большой и тяжелой. Ее держал над головой Марии Битон, в полном кардинальском облачении. Он благословил девочку и помазал ее миром. Она громко заплакала и продолжала плакать, пока все присутствующие епископы и пэры по очереди преклоняли колена и произносили клятву верности королеве.

По традиции на церемонии коронации герольды зачитывали родословную монарха с перечислением всех титулов и званий, что занимало не менее получаса. Но ввиду энергичных протестов Марии эту часть пришлось опустить. Бросалось в глаза отсутствие

лордов из проанглийской фракции, но в остальном день прошел «со всей торжественностью» и закончился банкетом, маскарадом, драматическими представлениями и другими развлечениями в большом зале, за которыми последовали «танцы перед королевой со знатными лордами и французскими дамами».

Коронация Марии стала завершением важных перемен, начавшихся после того, как ее мать впервые обратила внимание на посла Генриха VIII. Это событие ознаменовало полную смену баланса власти. Проанглийски настроенные лорды потеряли влияние, а Арран примирился с Битоном, который занял должность регента. Гринвичский договор был практически отвергнут: в Шотландии брала верх профранцузская фракция.

Генрих VIII сыграл в открытую и проиграл. Но он извлек важный урок. Никогда в жизни, постоянно повторял король, он больше не будет верить шотландцам. Под бдительным оком матери Мария взошла на трон. И если она сама теперь стала королевой, то ее мать, вне всякого сомнения — «творцом королей»[6].

2
«Грубые ухаживания»

Когда Мария де Гиз приводила в исполнение свой план коронации дочери, она понимала, что потом передышка будет очень короткой. Арран и Леннокс были соперниками за престолонаследие. Их семьи исстари враждовали друг с другом, и было невозможно поверить, что они смогут остаться союзниками надолго. Еще до того, как Арран согласился поделиться властью с кардиналом Битоном и восстановил его в должности, Леннокс уже начал проявлять недовольство. В любом случае примирение Аррана с Битоном было лишь прелюдией к его попытке вернуться. Мария де Гиз знала, что должна сохранить его поддержку своей профранцузской политики до тех пор, пока парламент официально не отменит Гринвичский договор.

В этой ситуации приятное можно было совместить с полезным. После коронации Марии ее мать могла позволить себе развлекаться и веселиться. Едва большой зал замка Стирлинг успели привести в порядок после торжеств по случаю коронации, как наступил день рождения Марии де Гиз. Ей было всего двадцать восемь. Как писал хроникер, несмотря на позднюю осень, королевский двор был подобен двору «Венеры и Купидона в начале мая, с танцами, пением, играми и весельем… и никто там не знал устали».

Такое времяпрепровождение имело и политическую подоплеку, поскольку Мария де Гиз, которая была всего на год старше Леннокса и оставалась одной из красивейших женщин Шотландии, планировала добиться его верности посулами о возможном браке. Она верно оценила его амбиции. Вскоре эта мысль настолько овладела Ленноксом, что ему уже было все равно, где жениться, в Шотландии или в Англии, лишь бы брак приблизил его к короне.

Леннокс был строен и изящен, а также очень умен, хотя и двуличен — «сильный, пропорционально сложенный мужчина, крепкий, мужественного вида». Высокий и подтянутый, он был воплощением изысканности и «производил чрезвычайно приятное впечатление на дам». Его тактичность очень ценили во Франции, где он служил лейтенантом *garde é cossaise* — королевских гвардейцев.

Его соперником в любви, хотя и уступавшим ему в родовитости, был Патрик Хепберн, граф Босуэлл, высланный когда-то Яковом V в Венецию и Данию за строптивость и совсем

недавно вернувшийся в Шотландию. Его предками были лорды Хейлсы из Ист-Лотиана, богатого региона Шотландской низменности к юго-востоку от Эдинбурга. Его дед отличился на поле брани и получил от короля графский титул и замок Босуэлл в Южном Ланкашире. Впоследствии он обменял этот замок на Хермитедж, изолированную приграничную цитадель на реке Хермитедж в Лиддесдейле, на полпути между Хоиком и Карлайлом, рядом с «пограничным краем». Этот обмен превратил Хепбернов в могущественных землевладельцев. Крепость Хермитедж занимала ключевое положение, поскольку позволяла контролировать западный и центральный участок границы с Англией. Яков IV также пожаловал семье замок Кричтон в 11 милях к юго-востоку от Эдинбурга, что позволило Хепбернам укрепить свои позиции при дворе и в парламенте.

Патрик был патриотом Шотландии — за французов и против англичан, — но также оппортунистом, заигрывавшим с Англией, когда ему это было выгодно. Ходили слухи, что он незаконнорожденный сын короля. Скорее всего, это не так, хотя его мать короткое время была любовницей Якова IV. В результате Патрик унаследовал титул лорда-адмирала, что было очень выгодно — должность давала право на имущество всех кораблей, потерпевших кораблекрушение у берегов Шотландии, что делало Хепбернов одним из немногих знатных семейств, финансово независимых от короля. Кроме того, Патрик был шерифом Эдинбурга, что увеличивало влияние семьи среди юристов Сессионного суда и парламента.

Хепберны защищали ценности рыцарства и войны. Себя они считали «людьми чести», что в их глазах оправдывало дуэли и даже предательство — в качестве самозащиты. Их кодекс чести был распространен среди военных на континенте и в Ирландии, но отвергался гражданскими чиновниками и дипломатами. Садлер, посланник Генриха VIII, описывал Патрика как «самого тщеславного и кичливого человека в мире, исполненного гордости и глупости и никем не уважаемого». То же самое он мог бы сказать о Ленноксе, за исключением того, что ценности у Леннокса были гражданскими, основанными на изысканных манерах и вежливости: свое вероломство он прикрывал аристократическими манерами.

Патрик был рыжеволосым, белокожим, среднего телосложения и слегка сутулым. Улыбка его была широкой, а держался он уверенно. Подобно Ленноксу, он умел очаровывать женщин. У него было множество любовных связей, и он не испытывал угрызений совести, бросив жену ради того, чтобы претендовать на руку матери маленькой Марии. Пользуясь

связями в католической церкви, Патрик аннулировал свой брак, но его дети при этом остались законными.

Леннокс и его соперник полагали, что тот, кто станет отчимом Марии, сможет сместить Аррана с должности регента и править страной от имени маленькой королевы. Поэтому они следовали за ее матерью из Стирлинга в Эдинбург и обратно, пытаясь, словно петухи, привлечь ее внимание. Они танцевали, пели, декламировали стихи. Они участвовали в состязаниях по стрельбе и рыцарских поединках, носили самую модную одежду, оплачивая огромные счета в ювелирных и галантерейных лавках Эдинбурга. Они сопровождали Марию де Гиз в Сент-Эндрюс, где вдовствующая королева гостила в замке Битона. Она же обращалась с обоими мужчинами так, как подобает женщине, овладевшей искусством куртуазной любви, поощряя их, но не предлагая «ничего, кроме комплиментов».

Патрик попытался сократить путь, распространив слух, что она обещала выйти за него. Леннокс посчитал это правдой и удалился в свою цитадель в Дамбартоне. Обидевшись, он решил переметнуться на другую сторону и попросил у Генриха VIII руки племянницы короля, леди Маргариты Дуглас, дочери его сестры Маргариты, вдовы Якова IV, от второго брака с графом Ангусом. Он также рассчитывал на помощь Генриха в восстановлении «права и титула» регентства в Шотландии, которое, по его утверждению, было узурпировано Арраном. Его просьба порадовала Генриха, увидевшего в Ленноксе замену Аррану, который в этот период переметнулся к Битону.

Кульбит Леннокса нарушил баланс между фракциями дворян в Шотландии. Теперь сила была на стороне проанглийской, а не профранцузской группировки. В попытке противостоять этому Франциск I выполнил обещание, данное семье Гизов. В октябре 1543 г. шесть французских кораблей вошли в реку Клайд и причалили в Гриноке. На борту были новые французские послы — Жак де ла Бросс и Жюль де Менаж, которые привезли деньги и пушки в помощь Марии де Гиз и ее сторонникам.

Флотилия подошла к Дамбартону, где Леннокс слишком переоценил свои возможности. Он захватил деньги послов и большую часть артиллерии. И патовой ситуации удалось избежать только после предупреждения, что он, будучи подданным Франции, может быть обвинен в предательстве. Ленноксу пришлось подчиниться и вернуться в Стирлинг, где он снова ненадолго примирился с профранцузской фракцией.

Ла Бросс должен был использовать выделенные ему деньги для подкупа самых влиятельных лордов. Сумма 59 000 «экю с солнцем» была очень внушительной, в сравнении это намного

больше, чем доходы Якова V за последний год его правления. Шестеренки шотландской политики лучше всего смазывались деньгами, и, когда в декабре вновь собрался шотландский парламент, ему потребовалось меньше недели, чтобы снять все предъявленные Битону обвинения и от имени королевы-инфанты Марии объявить о восстановлении «старинного союза» между Шотландией и Францией.

Затем парламент денонсировал Гринвичский договор и разорвал брачный контракт между будущими правителями Шотландии и Англии. Отказ от договора привел Генриха VIII в ярость. По словам ла Бросса, король угрожал всем расправой, словно проиграл крупное сражение.

Мария де Гиз ликовала. Восстановление «старинного союза» было ее личным триумфом. Она весело провела Рождество вместе с дочерью в шумном и многолюдном Стирлинге. Роскошным развлечениям для послов не было предела — музыка, танцы, пиры. Мария де Гиз даже выиграла сто фунтов у Аррана за карточным столом.

Но Леннокс по-прежнему имел на нее виды и был опасен. 21 марта 1544 г. он встретился с Марией де Гиз в последний раз. Она не собиралась делать его отчимом своей дочери, и наконец прямо сказала ему об этом. Он удалился, едва сдерживая ярость, а неделей позже отплыл в Англию, где подписал обязательство жениться на Маргарите Дуглас. Этим поступком, равносильным формальному обязательству, он обещал бороться за династическую унию между Англией и Шотландией и управлять Шотландией, если станет регентом, в интересах английского короля, с которым он связывал собственные претензии на шотландский трон.

29 июня в присутствии Генриха VIII и Екатерины Парр, его шестой и последней жены, был проведен обряд венчания Леннокса и Маргариты Дуглас. Приданое для невесты выделил Генрих, пожаловавший супругам обширные поместья в Йоркшире.

Но еще до свадьбы Генрих решил отомстить шотландцам. Он был так разгневан разрывом договора, что угрожал жителям Эдинбурга «изничтожить» их «до третьего и четвертого колена», если они не подчинятся. Разъяренный тем, что он считал гнусным предательством, король опасался, что Марию могут отправить во Францию, где она окажется вне пределов досягаемости.

Пока Леннокс раздумывал, как лучше разыграть свои карты, английский король собирал войско для вторжения в Шотландию. Это походило на паранойю, но Генрих не только готовил самое большое вторжение со времен правления Эдуарда I, но даже составил черный список шотландцев, которых необходимо убить.

Главной мишенью этого плана был Битон, поскольку Генрих обвинял скорее его, а не Марию де Гиз в том, что Арран покинул проанглийскую фракцию. Вскоре Садлер, сам сторонник Реформации, уже искал врагов Битона из числа протестантов, проникая в их тайные сети, чтобы оценить возможность заговора.

Целью вторжения Генриха VIII было принудить шотландцев вновь принять те статьи Гринвичского договора, в которых речь шла о династическом браке. Именно поэтому впоследствии об этом говорили как о «грубых ухаживаниях» за Марией Стюарт. Кампания началась в первую неделю мая, а войском командовал Эдуард Сеймур, граф Хартфорд, дядя наследного принца Эдуарда.

Поскольку Генрих уже наметил летнее вторжение во Францию в союзе с испанским королем Карлом V, возникала угроза войны на два фронта. Чтобы избежать этого, Генрих дал Хартфорду на выполнение шотландской миссии только месяц, который затем был сокращен до трех недель. Граф должен был осадить город и крепость Эдинбург, разрушить порт Лит в самой глубокой гавани залива Ферт-оф-Форт, который служил воротами в Эдинбург, а затем повернуть в центральную часть Шотландской низины между Эдинбургом и Стирлингом. Разорив эти земли, английскому войску следовало двинуться в Файф — житницу Шотландии, где ему было приказано «распространить такие же бедствия и разрушения на все его города и деревни», и особенно цитадели Битона в Сент-Эндрюсе.

Хартфорд выбрал морской путь — он прибыл в Ферт-оф-Форт и в составе отряда в полторы тысячи человек высадился в Грантоне, приблизительно в двух милях позади Лита. Начав наступление на город, он обнаружил шесть сотен шотландцев, выстроившихся по внутреннему берегу реки Уотер-оф-Лит, стратегической позиции для защиты Эдинбурга с севера. Силами шотландцев командовали Арран, Битон и Патрик, граф Босуэлл, но после получасового сражения войска были разгромлены и бежали с поля боя.

Как бы то ни было, Хартфорду не удалось захватить Эдинбургский замок. Практически неприступная цитадель была усилена артиллерией, и всякий, кто пытался приблизиться к замку, оказывался под ее огнем. Поэтому был отдан приказ не штурмовать замок, а разграбить и сжечь сам город и его окрестности. Пожары бушевали три дня; почти все дома и церкви внутри городских стен были разорены и разрушены. Были разграблены Холирудский дворец и соседнее аббатство Эбби-Кирк. Один отряд был отправлен в Файф, где сжег Кингхорн и деревни вокруг Керколди. Времени оставалось мало, а войску Хартфорда так и не удалось приблизиться к Сент-Эндрюсу

меньше чем на 20 миль.

Во время этих ужасных событий Марию защищали высокие стены Стирлинга. Садлер узнал, что приставленная к ней охрана, жизнью отвечавшая за ее безопасность, при необходимости перевезет ее в горы, где «добраться до нее не будет никакой возможности». Хартфорд двинул свое войско в центр Шотландской низменности. 15 мая он сообщил, что регион разграблен «до шести миль от Стирлинга», а на следующий день Лит сровняли с землей. В результате Марию перевезли в Данкелд, который находился чуть меньше чем в 30 милях к северу от Стирлинга, откуда открывался прямой путь в горы. Там она была в безопасности, пока время, отведенное Хартфорду, не закончилось.

Граф получил приказ возвращаться на юг, чтобы переправить свое войско в Кале для начала французской кампании. Хартфорд направился вдоль восточного побережья в Берик, сжигая по пути все торговые города, уничтожая все укрепленные замки, деревни, церкви и дома.

Для Шотландии это стало полной катастрофой, и обвинили в ней Аррана. Он в большей степени, чем Битон, отвечал за положение дел в стране. Дворяне настаивали, чтобы он разделил полномочия регента с Марией де Гиз. Ее популярность выросла на том, что профранцузская политика стала фактически синонимом избавления Шотландии от «старинного врага» — Англии. На Марию де Гиз не возлагали ответственности за беды и несчастья, которые обрушил на головы простых людей Генрих VIII. Казалось, что она одна принимает беды и несчастья Шотландии близко к сердцу. Совершенно очевидно, что ключ к союзу с Францией находился в руках ее семьи: без нее Франциск I вряд ли стал бы защищать Шотландию от Англии.

Мать маленькой Марии понимала, что ей представилась благоприятная возможность. Она хотела быть единственным регентом маленькой королевы, а не соправителем. Арран был резко против подобного распределения политических сил, и в итоге каждая из противоборствующих сторон собрала свой парламент. Патовая ситуация продолжалась несколько месяцев. В конечном счете Битон добился компромисса — Арран согласился прислушиваться к «пожеланиям и советам» вдовствующей королевы. В результате чего Мария де Гиз смогла регулярно присутствовать на заседаниях Тайного совета и парламента, где всегда старалась поддерживать видимость союзничества, одновременно изо всех сил втягивая Шотландию на орбиту Франции.

Ее настроение, несколько омраченное этим неприятным

компромиссом, улучшилось после военной победы в феврале 1545 г., когда английский экспедиционный отряд переправился через реку Туид, намереваясь разграбить древний город-аббатство Мелроуз и его величественную церковь. На обратном пути англичане попали в засаду, устроенную небольшим шотландским отрядом, и потеряли много людей пленными. В тот момент неудача подорвала престиж англичан, и Генрих VIII временно стал уязвимым. Как ни странно, это совпало с его военным успехом во Франции, где Генрих захватил Булонь и уверенно защищал город от неприятеля. Но для того, чтобы закрепить успех, которым он так гордился, Генриху необходимо было продвигаться дальше вглубь Франции, что, конечно, связывало ему руки. Англия, которая была гораздо сильнее Шотландии, значительно уступала Франции и по военным и по финансовым ресурсам. Генриха покинул его главный союзник, Карл V, заключивший сепаратный мир с Франциском I, и английский король был вынужден сражаться в одиночестве, залезая в огромные долги и напрягая все силы.

В Париже в шотландских делах главную роль стал играть дофин Генрих. Вместе с семейством де Гиз он поздравил мать маленькой Марии с успешной победой над английским отрядом и предложил дополнительную помощь. В мае 1545 г. свежие подкрепления были готовы высадиться на шотландский берег, а для шотландских лордов были выделены новые субсидии. Казалось, все складывается относительно удачно. Когда Жак де Лорж, граф де Монтгомери, который возглавлял экспедицию, узнал, что Мария де Гиз «испытывает недостаток в винах», он приказал доставить ей партию «добрых» напитков.

Подмога шотландцам и вдовствующей королеве прибыла через месяц. Другой вопрос, была ли поддержка Франциска I искренней. По всей видимости, на берег высадились не более пяти сотен человек. Кроме того, произошла еще одна неприятная история. Чтобы заплатить своим солдатам, Франциск приказал расплавить 10 000 золотых «экю с короной» и смешать золото с медью и свинцом для чеканки 150 000 крон. Обесцененные монеты выдали людям Лоржа, но обман стал очевиден с момента высадки, и осторожные торговцы Эдинбурга отказывались принимать фальшивые деньги.

По мере того как кампания в Булони подходила к концу, у Генриха крепла решимость снова заняться Шотландией. В сентябре он снова отправил по ту сторону границы Хартфорда, чтобы тот продолжил «грубые ухаживания». Покинув свою базу в Ньюкасл-апон-Тайн, Хартфорд вывел двенадцатитысячное войско к Берику, отдохнул там три ночи, а затем углубился

приблизительно на 20 миль на шотландскую территорию через холмистую местность в направлении Келсо. Оттуда он снова повернул на юг к Джедборо, сжигая и разоряя все, что попадалось ему на пути, и наводя ужас на местных жителей.

Затем его войско прошло по приграничным деревням, огнем и мечом уничтожая все на территории площадью почти 200 квадратных миль. В самом начале Хартфорд заявил, что и этот поход будет не менее разорительным, чем предыдущий, а в конце хвастался, что нанес Шотландии в два раза больший ущерб. Но в этот раз вторжение оказалось не таким катастрофическим, как в предыдущий его поход. Хартфорд все-таки не решился далеко отходить от границы, опасаясь прибывшего из Франции подкрепления.

Тем временем Генрих VIII начал дипломатические переговоры с Францией. Одним из главных вопросов на переговорах была Шотландия. Последний его гамбит заключался в следующем: вернуть Булонь Франциску I в обмен на брак Марии и принца Эдуарда. Следующей весной Хартфорд отправился в Париж, чтобы возобновить переговоры. Финансы обоих королевств были истощены, и поэтому было решено заключить временное перемирие, в том числе и в Шотландии. Это дало обеим сторонам возможность перевести дух, если бы не случилось непредвиденное.

29 мая 1546 г. был убит Битон. Тремя месяцами ранее фанатичный архиепископ приказал сжечь Джорджа Уишарта. Лидера протестантской реформации привязали веревками к столбу, а к телу прикрепили мешки с порохом, чтобы устроить из казни красочное шоу. Сожжение еретиков у католиков было так же непопулярно, как и у протестантов, и устроенный Битоном спектакль обратился против него.

Убийцы, группа лэрдов из его родного Файфа, возмущались в основном самоуправством Битона. Ничего в графстве не делалось без его указания, и главный заговорщик Норман Лесли, шериф Файфа, оспаривал его юрисдикцию. В разгоревшемся конфликте его поддержали друзья. Садлер, посланник Генриха VIII, был напрямую вовлечен в заговор. Не решаясь открыто заявить о безусловной поддержке со стороны Англии, он снабжал заговорщиков деньгами, поскольку считал, что со смертью Битона профранцузская фракция распадется.

Между пятью и шестью часами утра группа убийц прибыла к главным воротам замка Сент-Эндрюс. Они собирались проникнуть внутрь замка под видом каменщиков, где к ним должны были присоединиться и другие участники заговора. Заговорщики не тронули Мэрион Огилви — любовницу Битона и

мать восьмерых его детей, она спокойно покинула замок через боковые ворота, как делала всегда, отправляясь за покупками. Оказавшись внутри стен, заговорщики отобрали ключи у привратника. Затем Норману Лесли удалось проникнуть во внутренний двор, где он приказал слугам и рабочим уйти, а сам поспешил запереть боковые ворота, на тот случай, если Битон выберет для спасения этот путь.

Битон услышал шум и попытался бежать, но увидев, что путь перекрыт, вернулся в спальню и забаррикадировал дверь. И все время, пока люди Лесли жгли тяжелую дверь в комнату, Битон молился в кресле. Но это не произвело должного впечатления на заговорщиков, которые прочли над жертвой целую проповедь, призывая «подлого паписта» раскаяться, и все равно закололи его. Его последними словами были: «Все пропало». В назидание Норман Лесли повесил обнаженное тело на стене замка, связав две простыни в качестве веревки, на всеобщее обозрение.

Когда люди собрались посмотреть на это зрелище, какой-то человек по имени Гутри «помочился» в открытый рот Битона. Но на этом издевательства над телом архиепископа не закончились, «кастильцы»[7], как прозвали заговорщиков, вынужденных запереться в замке, чтобы спастись от властей, засыпали труп солью, облили свинцом и засунули в ящик, напоминавший своей формой бутылку. Тело могли просто сбросить в море с задней стены замка, но, поскольку именно в этой тюрьме Битон держал друзей заговорщиков, была придумана такая изощренная месть. Необычная тюрьма замка считалась одной из самых страшных в Европе, бежать из нее можно было только через горлышко «бутылки», для чего снаружи требовалось спустить веревку или лестницу. А поскольку тюрьма была выдолблена в скале ниже уровня моря, внутрь постоянно долетал рев волн[8]. Подобного рода тайные заговоры полностью соответствовали клановой традиции кровавых междоусобиц.

Генрих VIII был вне себя от радости. Он отнесся к убийству как к прорыву в его кампании по разгрому «старинного союза». Но король жестоко ошибался. Несмотря на свои действия, Битон проводил умеренную политику и выступал за брак маленькой шотландской королевы с наследником английского трона. Теперь общественное мнение еще сильнее качнулось в пользу Франции.

Лорды поспешно собрались на совет и вместо Битона избрали на пост канцлера графа Хантли, главу клана Гордонов, влиятельной католической и профранцузски настроенной семьи из восточных областей горной Шотландии. Несколько проанглийских лордов воспользовались этой возможностью, чтобы переметнуться на сторону оппонентов. В самом Файфе

настроения жителей резко изменились: те землевладельцы и арендаторы, которые помогали «кастильцам», почти мгновенно из героев превратились в объект стихийной расправы.

Единственное, что не удалось Аррану, — это захватить замок Сент-Эндрюс. Он приступил к восемнадцатимесячной осаде, крепость снабжалась припасами со стороны моря, и Генрих VIII отправлял заговорщикам провиант и амуницию из самой Англии. Когда люди Аррана попытались пробить туннель через сплошную скалу и заложить мину, им помешал один из трех противоминных туннелей, проложенный «кастильцами».

Неудача разозлила Марию де Гиз. Она уже была раздражена неискренней «помощью» Франциска I, возмутительным фактом выплаты жалованья войскам Лоржа фальшивыми монетами. Она требовала от французской армии взятия замка Сент-Эндрюса и наказания «кастильцев».

События стали развиваться с головокружительной скоростью, вызывая противоречивые чувства. В январе 1547 г. умирает Генрих VIII, а два месяца спустя — Франциск I. Эти титаны на протяжении тридцати лет определяли положение дел на Британских островах и на севере Европы. Внезапно образовавшийся вакуум поспешили заполнить граф Хартфорд и семья де Гиз.

Сыну и наследнику Генриха VIII, Эдуарду VI, на момент смерти короля было всего девять лет. До достижения королем восемнадцатилетнего возраста для управления страной требовался регент, или лорд-протектор (так эта должность называлась в Англии), но Генрих не хотел отдавать такую власть в руки одного человека. Вместо этого в своем завещании он назначил регентский совет, который будет править Англией до достижения сыном совершеннолетия. Вопреки воле усопшего монарха, граф Хартфорд через неделю назначил себя герцогом Сомерсетом и стал править в качестве лорда-протектора: его главной целью оставалось реализовать план Генриха VIII и вынудить Шотландию принять денонсированный Гринвичский договор, объединив два королевства династическим браком Марии и Эдуарда. Этим и объясняется его помощь «кастильцам».

Один из первых его указов предписывал заключить с ними союз, назначить пособия и жалованья, а также поставлять продовольствие и амуницию в Сент-Эндрюс.

В этот момент во Франции отцовский трон унаследовал дофин, будущий король Генрих II. В числе его главных советников была семья Гизов, и в результате Генрих сразу же объявил себя «защитником» Шотландии. Он решил не экономить на сохранении «старинного союза» и гарантировать, что Мария не

выйдет замуж ни за кого, кроме его сына, дофина Франциска. В ответ на идею Сомерсета об «Англо-Британском» союзе он выдвинул свой план создания «Франко-Британской» империи. Более того, он искренне поддерживал Шотландию — в отличие от отца, главной целью которого было доставить неприятности своему сопернику, Генриху VIII.

Генрих II обратился к Леону Строцци, приору Капуи и блестящему флотоводцу, получившему образование в Италии, с предложением возглавить экспедицию против «кастильцев». Строцци вошел в залив Сент-Эндрюс 16 июля, и 24 июля осадил замок. Начался массированный обстрел. 30 июля его вели с крыши древнего аббатства на востоке и с башни университетской часовни на западе. Штурм начался на рассвете и завершился к трем часам пополудни. Прежде чем Арран успел пересечь Форт и преодолеть около 50 миль от Норт-Куинсферри до Сент-Эндрюса, замок был захвачен, а заговорщики брошены в тюрьму. В наказание всех «кастильцев» отправили в качестве рабов на французские галеры.

Когда «кастильцев» вывели из замка в кандалах, среди них был молодой протестант, сторонник реформации по имени Джон Нокс, который после встречи с Уишартом, сожженным кардиналом Битоном, пожертвовал своей карьерой и стал проповедовать в своем родном графстве Ист-Лотиан. Нокс не участвовал в убийстве кардинала, но поддерживал его. Он приехал в Сент-Эндрюс, где читал проповеди в часовне замка и в городе. Он называл папу «антихристом», а мессу — «гнусным идолопоклонством», и его убедительные речи привлекли к нему множество сторонников.

Нокс провел восемнадцать месяцев на французских галерах. Затем Сомерсет договорился о его освобождении и безопасной переправке в Лондон. Это решение стало судьбоносным — в значительной степени потому, что секретарем и докладчиком прошений у Сомерсета был молодой выпускник Кембриджа и восходящая звезда политики по имени Уильям Сесил. Именно он впоследствии станет заклятым врагом Марии, а сейчас он впервые встретился с Ноксом. Благодаря протекции Сесила Нокс получил работу в Англии и был назначен одним из капелланов Эдуарда VI.

В ответ на захват замка Сент-Эндрюс Сомерсет приказал начать последний раунд «грубых ухаживаний». В конце августа армия численностью пятнадцать тысяч человек прибыла в Ньюкасл. Сомерсет во главе войска дошел до Берика, а затем повернул в Ист-Лотиан. Изменив тактику, он намеревался оставить в Шотландии постоянные гарнизоны. Он хотел

оккупировать страну полностью, силой принудив к покорности. Армию сопровождал английский флот, который поддерживал военные передвижения с севера и был готов открыть огонь, если войско попадет в засаду, устроенную шотландцами.

На этот раз Арран подготовился. Когда 10 сентября английская пехота поднялась на холм в окрестностях Инвереска, неподалеку от Масселборо, к востоку от Эдинбурга, они столкнулись с самой многочисленной шотландской армией в истории. Двенадцать тысяч человек занимали выгодные позиции за оборонительными рвами на восточном берегу реки Эск. Они перекрывали дорогу на Эдинбург, и, поскольку с одной стороны армию прикрывало море, а с другой — непроходимое болото, Сомерсету оставалось либо бросаться в лобовую атаку, либо развернуть войска обратно.

Когда Сомерсет отвернул в поисках более удобной позиции, Арран перешел в наступление. Армии сошлись на холмах над деревушкой Пинки. В какой-то момент могло показаться, что шотландские пикинеры могут победить. Но потом англичане пустили в ход кавалерию и тяжелые пушки. Шотландцам пришлось отступить, а Арран бежал с поля боя. Лишившись командования, войско запаниковало. В результате обстрела и последовавшей резни погибли все десять тысяч шотландцев. Это был второй Флодден: дорога на Эдинбург и Стирлинг была открыта. Марию, которой в то время было три года и девять месяцев, поспешно посадили в карету и под покровом ночи доставили в монастырь Инчмахом, расположенный на острове озера Ментит, в 85 милях от места сражения.

Сомерсет не стал снова захватывать Эдинбург. Вместо этого он начал строить сеть небольших крепостей по всему побережью, пытаясь таким образом подчинить страну своей воле. Но его расчеты не оправдались. Сильный отпор шотландцев настолько захватил внимание, что Сомерсет совершил необъяснимую ошибку: пропустил переезд королевы Шотландии во Францию.

Не желая соглашаться на унию с Англией в ситуации военного вторжения, Арран договорился с Генрихом II — в обмен на предложение стать герцогом Шательро в Пуату он дал обещание на брак Марии и наследника французского престола. Сделка была заключена в январе 1548 г., и через месяц уже начались переговоры об обручении Марии с дофином.

Генрих II ясно выразил свои намерения. Французский король пообещал освободить Шотландию от гарнизонов Сомерсета. По своему обыкновению, он поручил это дело Гизам. Общее руководство операцией доверили старшему сыну Клода, герцога де Гиза, Франциску, который уже имел репутацию выдающегося

стратега своего времени. Он должен был разработать план кампании совместно с Шарлем, кардиналом Лотарингским, самым одаренным из придворных Генриха II. И это естественно, поскольку оба брата де Гиз приходились дядями юной королеве Шотландии.

Марию перевезли в замок Дамбартон, конфискованный у Леннокса и захваченный профранцузской фракцией, откуда она могла в любой момент отправиться во Францию. И хотя Сомерсет сталкивался с некоторыми трудностями в снабжении своих гарнизонов, но для Марии самой большой опасностью стала корь. Слухи о ее смерти от болезни быстро распространились по трем государствам, но так же быстро были опровергнуты. За безопасность девочки можно было не волноваться, поскольку для ее защиты был сформирован передовой отряд французов, денег и боеприпасов у которого хватило бы на год осады.

Армада из 130 судов доставила 5500 пехотинцев и 1000 кавалеристов, нагнав страху на гарнизоны крепостей Сомерсета, высадилась в Лите 17 июня. Многие французские солдаты были ветеранами, служившими в Италии, а командиры — профессиональными военными, и по большей части вассалами де Гизов. Это были хорошо организованные войска, лояльные своим полководцам и преданные своей стране, в отличие от многих солдат Сомерсета, среди которых преобладала доля иностранных наемников.

В начале июня французское войско осадило Хаддингтон, главную крепость Сомерсета в восточной части Шотландской низменности. Неделю спустя в соседнем аббатстве собрался парламент, и после чрезвычайно короткой дискуссии был заключен договор между Шотландией и Францией. Французский лейтенант-генерал Андре де Монталамбер, сеньор д'Эссе, объяснил, что Генрих II «всем сердцем и душой стремится защитить это королевство» и хочет обручить Марию со своим сыном.

Парламент быстро посчитал этот довод «очень разумным». Потенциальным камнем преткновения могла стать только национальная автономия, но, поскольку Генрих II пообещал защищать шотландские законы и вольности «как при всех королях былых времен», условия договора не встретили возражений.

На следующий день после завершения сессии парламента Мария де Гиз писала братьям: «Я отбываю завтра, чтобы отправить ее [Марию] к нему [Генриху II], как только вернутся галеры». Чтобы запутать морские патрули англичан, Николя де Виллеганьон, командующий французскими судами, отправленными за Марией, обогнул северное побережье

Шотландии, миновал Оркнейские острова и вернулся к западному побережью к Клайду. Это был опасный кружной маршрут, проложенный французским гидрографом, но все моряки знали, что он судоходен только в тихую погоду, когда не бушуют шторма, которые могут сильно сбить корабли с курса.

29 июля Мария простилась с матерью и поднялась на борт корабля, личной королевской галеры Генриха II. Ей было всего пять с половиной лет, но держалась она как настоящая королева. За отплытием наблюдал Жан де Бегу, ветеран и друг д'Эссе, который позже скажет, что она была «одним из самых совершенных созданий, какое мне приходилось видеть, уже со столь юного возраста она проявляет такие удивительные и достойные черты и вселяет надежды, невозможные ни для какой другой принцессы на этой земле».

Спускаясь по узкой лестнице от замка у подножья скалы на причал, чтобы взойти на корабль, Мария впервые продемонстрировала свой особый дар. Что бы она ни делала в будущем, куда бы ни отправилась, независимо от того, одобрялись ли обществом или демонизировались ее поступки, королева Шотландии всегда подтверждала свою необыкновенную способность создавать ощущение полной значимости происходящего.

Но само отплытие пришлось отложить на неделю — из-за шторма и неисправного руля корабля. Стоящие на якоре суда безжалостно швыряло из стороны в сторону, и Мария обнаружила, что она одна из немногих не подвержена морской болезни. Возможно, впервые в жизни она поняла, что может быть сильнее, чем многие из ее окружения.

7 августа флотилия наконец вышла в открытое море. Это было первое важное событие в жизни Марии: дебют на международной арене. Она явно наслаждалась своей ролью. За ее хорошим настроением наблюдал Артюс де Майе, сеньор де Брезё — вассал Гизов, которого Генрих назначил своим послом на время путешествия. В своих письмах с борта корабля он постоянно отправлял сообщения беспокоящейся матери: «королева, Ваша дочь, чувствует себя хорошо и, благодарение Господу, так же радостна, как и в Вашем обществе».

После трудного плавания, продолжавшегося восемнадцать дней, почти в два раза дольше, чем предполагалось, корабли достигли маленькой бухты недалеко от оживленного порта Роскоф в Бретани. Оттуда Мария должна была проследовать в Сен-Жермен-ан-Ле, любимый замок Генриха II, построенный на скале над рекой Сеной на окраине Парижа.

Измученные шторами, все были рады перевести дух хотя бы

на несколько дней, прежде чем продолжить путешествие. Мария действительно нуждалась в отдыхе. Морское путешествие было началом увлекательного приключения, но сейчас она скучала по своей прошлой жизни. Она не знала, увидит ли когда-нибудь мать. И хотя теперь ее величали «la petite Royne» (маленькая королева), но объяснялось это совсем не королевским статусом, а тем, что она должна была выйти замуж за дофина Франции.

3
Прибытие во Францию

Несмотря на вполне объяснимые опасения Марии, впервые ступившей на землю Франции, она совсем не страдала от одиночества. Ее окружали знакомые лица. Мать сама выбрала для нее свиту, чтобы уравновесить представителей Генриха II — сеньора де Брезё и его сопровождающих примерно таким же количеством шотландцев. Это были лорды Эрскин и Ливингстон, которых парламент назначил официальными телохранителями Марии, пока она путешествует по стране. Маленькую королеву также сопровождала леди Флеминг, незаконнорожденная дочь Якова IV и одна из ближайших подруг ее матери. Ее назначили воспитательницей Марии, ответственной за женскую часть прислуги. Рядом с девочкой все время была ее няня Дженет Синклер. Кроме того, в составе свиты был лорд Джеймс Стюарт, один из незаконнорожденных сыновей Якова V и единокровный брат Марии. Ему исполнилось восемнадцать, и он направлялся в Париж, чтобы начать обучение в университете. По всей видимости, это была первая встреча Марии с братом, который впоследствии сыграет важную роль в ее жизни. А пока он курсировал между Парижем и Эдинбургом, официально готовясь к церковной карьере, а в действительности Джеймс просто ждал случая, чтобы проявить и лучшим образом зарекомендовать себя перед юной королевой.

Компаньонками и официальными товарищами по играм были ее четыре лучших подруги: Мария Флеминг, Мария Битон, Мария Сетон и Мария Ливингстон, которых называли «четыре Марии». Девочки были практически одного возраста с королевой и принадлежали к знатным шотландским семьям; впервые они появились в качестве компаньонок Марии, когда мать увезла ее в монастырь Инчмахом на острове. Мария Флеминг, дочь леди Флеминг, обладала преимуществом перед остальными благодаря своему родству с Марией, и маленькая королева обращалась с ней как с кузиной. Девочка славилась острым умом и жизнерадостностью. Мария Битон красотой уступала только Марии, с которой впоследствии разделит любовь к литературе и поэзии. Мария Сетон, которая останется рядом с Марией на всю жизнь, была искусным парикмахером и умела завить и заплести рыжие волосы Марии в соответствии с модой, и каждый день она делала Марии новую прическу. И наконец, Мария Ливингстон, дочь лорда Ливингстона, любила танцы и развлечения на свежем

воздухе.

Их прозвище было шутливой игрой слов. «Тремя Мариями» во Франции назывались евангельские жены-мироносицы, это Дева Мария, Мария Магдалина и Мария, жена Иакова, которые стояли у креста Спасителя. Вне всякого сомнения, Мария была знакома с библейской историей — но, возможно, она считала ее скучной и предпочитала общество подруг, вследствие чего и появилось это шутливое прозвище. Оно отражало язвительное и не гнушавшееся святотатства чувство юмора, которым впоследствии славилась королева Шотландии. Не осталось незамеченным, что во время длинного и тяжелого плавания она насмехалась над своими компаньонками, которые, в отличие от нее, страдали от морской болезни.

Как только галеры причалили в Сен-Поль-де-Леоне, в Париж было отправлено донесение о скором прибытии Марии. Генрих II уже приказал тщательно проверить все города и деревни в окрестностях его дворца в Сен-Жермене и убедиться, что никто из каменщиков, привлеченных к масштабной реконструкции, не болен никакой инфекцией. Марию должны были встретить ее дедушка и бабушка, герцог де Гиз и Антуанетта де Бурбон, к которым отправили гонца. Другой гонец с известием о приезде Марии пустился в долгий путь через Альпы в Турин, где Генрих II инспектировал свои итальянские гарнизоны. Таким вниманием Мария была обязана своему положению будущей супруги дофина Франции.

После того как все отдохнули, багаж погрузили в повозки, и караван двинулся по суше в Нант, расположенный в устье Луары, где все перешли на речную баржу, чтобы проследовать в Орлеан. В пути многие заболели — по всей видимости, это была дизентерия. Состояние лордов Эскина и Ливингстона было очень тяжелым, они полностью выздоровели только через несколько месяцев. Хуже того, в Ансени, в 20 милях от Нанта по пути к Анже, от «желудочного флюса» умер «малыш Сетон», брат Марии Сетон. Марию и ее компаньонок болезнь не коснулась; возможно, они более тщательно, чем мужчины, следили за тем, что пьют. В те времена женщины из королевской семьи и аристократки в качестве меры предосторожности обычно возили с собой воду в бутылках, тогда как мужчины пили местное вино и пиво.

На примере маленького Сетона Мария впервые увидела смерть вблизи. После похорон все вернулись на баржу и продолжили путешествие по цветущей, поросшей густыми лесами долине Луары. Вскоре сеньор де Брезё, вассал Гизов, который официально сопровождал Марию, получил приказ срочно отправляться в Гиень на юге Франции, где крестьяне подняли

бунт против соляного налога. Он оставил Марию на попечение бабушки, Антуанетты де Бурбон, которая присоединилась к отряду и теперь вела его домой.

Первые впечатления о Марии она изложила в письмах. «Заверяю Вас, — писала Антуанетта, — она самый красивый и здоровый ребенок, которого Вам когда-либо приходилось видеть». «У нее рыжие волосы и милое личико, и я полагаю, что когда она вырастет, то станет красивой девушкой с нежной и белой кожей». Антуанетта отмечала, что лицо у Марии хорошей формы, хотя подбородок, возможно, слегка длинноват. Что касается манер, то «она грациозна и уверена в себе. В целом мы можем быть ею довольны». Затем герцогиня с едва скрываемым высокомерием прибавляла, что свита Марии, за исключением леди Флеминг, не столь красива и «даже не столь чистоплотна, как следовало бы».

Предполагалось, что Мария присоединится к детям Генриха II в замке Карьер-сюр-Сен, что всего в нескольких милях от Сен-Жермена, куда их переселили на время реконструкции. Она прибыла в воскресенье, 14 октября, и была принята в соответствии с ее высоким положением. В детских королевских покоях уже было четверо детей: дофин Франциск, две его сестры, Елизавета и Клод, и младший брат Людовик, который вскоре умер от кори, не дожив до двух лет. Впоследствии у Генриха II родились еще четверо детей: Карл, Генрих, Маргарита и еще один мальчик, которого также назвали Франциском.

Мария должна была присоединиться к детям, и тут возник вопрос старшинства по правилам королевского протокола. Кому следует отдавать первенство? Условились, что первенство принадлежит дофину — как мужчине и наследнику французского трона. Но следует ли Марию, коронованного монарха, считать выше остальных, в особенности выше принцессы Елизаветы, или, как ее называли, Исабель, старшей дочери короля, которой было на тот момент три с половиной года?

Генрих II тщательно все обдумал. Решение помогла принять его фаворитка, грозная Диана де Пуатье, которая имела огромное влияние, намного большее, чем жена — Екатерина Медичи. Отношения в семье Генриха II были странными, но мирными. Екатерина Медичи — дочь Лоренцо Медичи, герцога Урбино, и племянница папы Климента VII. Генрих женился на ней в 1533 г. по настоянию отца, Франциска I, который нуждался в поддержке семьи Медичи в итальянских делах. И жениху, и невесте исполнилось только четырнадцать, и это был явный *мезальянс*. Секс Екатерину не привлекал — возможно, потому, что в первый раз ей пришлось исполнять супружеские обязанности в присутствии собственного свекра, который шутил, что она

«проявила отвагу в поединке». Она поздно созрела и оставалась бездетной на протяжении почти семи лет. В конечном счете пошли разговоры, что необходим развод; в монархическую эпоху от бесплодной королевы избавлялись. И пока не родился ее первый ребенок — Франциск, — Екатерина оставалась полностью беззащитной перед фавориткой и угрозой расторжения брака.

В годы «бездетности» Екатерину поддерживала Диана де Пуатье, которая считала, что сохранять статус-кво выгоднее, чем иметь дело с новой, менее покладистой женой. Диана заставила Генриха больше времени проводить в постели Екатерины. В ответ Екатерина позволила Диане использовать свое влияние. К тому времени, как Мария прибыла в Сен-Жермен, Диана участвовала в воспитании детей королевской четы. К ней прислушивался Жан д'Юмьер, которого в 1546 г. назначили главным распорядителем и гувернером королевской детской. Ему помогала жена, Франсуаза де Контей, леди д'Юмьер; благодаря Диане она смогла сохранить свое положение и после смерти мужа в 1550 г., когда его место занял Клод д'Юрфе, бывший послом в Риме и вернувшийся ко двору.

За несколько недель до прибытия Марии в Карьер-сюр-Сен Диана отправила д'Юмьеру записку, в которой передавала распоряжение короля по поводу королевского протокола. Марию следовало поселить в лучшей комнате замка вместе с принцессой Елизаветой, и она должна была первенствовать над всеми, за исключением дофина. Более того, она должна была «стоять выше моих дочерей, поскольку ее брак с моим сыном предрешен, и кроме того, она коронованная особа».

Екатерина Медичи впервые увидела Марию в Сен-Жермене. Она отметила красоту и живость характера девочки: «нашей маленькой королеве Шотландии довольно улыбки, чтобы вскружить головы всем французам». Впоследствии Екатерина станет злейшим врагом Марии, но мотивом будет не женская ревность к ее привлекательности, а желание защитить статус своих детей, а также страх и неприязнь к растущему могуществу Гизов. Но настоящее соперничество началось только после смерти Генриха II. Пока же все трое прекрасно уживались.

Королевский двор с радостью приветствовал Марию. Ее сводный брат, герцог Лонгвиль, который с волнением ожидал встречи в Сен-Жермене, нашел ее великолепной. Жак де Лорж, возглавлявший отправленные в 1545 г. в Шотландию подкрепления, которым заплатили фальшивыми монетами, в своем письме Марии де Гиз писал, что ее дочь «настолько очаровательна и умна, что всякий, кто ее видит, испытывает ни с чем не сравнимую радость и удовольствие». С нетерпением

ждавшая новостей о дочери Мария де Гиз была польщена столь высокими отзывами.

9 декабря Генрих II вернулся в Сен-Жермен. К тому времени он уже пригласил художника, чтобы написать портреты всех детей. И в конце октября в Невере он узнал Марию по ее портрету и сразу обратился к ней по имени. Когда они наконец встретились, Генрих нашел ее манеры и внешность безупречными. «Она самый прелестный ребенок, какого мне довелось видеть», — радостно сообщал он Монморанси, коннетаблю Франции. С тех пор Мария была для него, как он постоянно повторял, «моей собственной дочерью».

«Выход в свет» Марии состоялся несколько дней спустя во время свадьбы ее дяди Франсуа и Анны д'Эсте, дочери Эркюля д'Эсте, герцога Феррарского. Это был великолепный праздник, на который были приглашены дипломаты со всей Европы. На торжественном приеме Генрих II произнес речь, в которой привлек внимание всех к «моей дочери, королеве Шотландии», и ее танцу с дофином.

Мария любила танцы и знала множество простых па. Когда они с дофином вышли на середину зала, все замерли, глядя на них. Это был первый серьезный экзамен Марии при французском дворе. Ей пришлось выйти вперед в жестком накрахмаленном платье, украшенном плетеным орнаментом и драгоценными камнями, и в тесных туфельках без каблуков выполнять сложные движения, которые она разучивала последние несколько недель, — сначала просто отсчитывала шаги в такт музыке, а потом практиковалась с дофином под строгим взглядом леди Флеминг. Такой куртуазный танец в обязательном порядке предшествовал обручению, поскольку демонстрировал всему двору, что «влюбленные» здоровы и пребывают в хорошей физической форме. По окончании танца партнеры любого возраста должны были обменяться нежным поцелуем.

Поскольку Мария приехала во Францию невестой дофина, Генрих радовался, что мальчик быстро привязался к ней. На Рождество 1548 г. дофину было почти пять лет, а Марии — шесть. Генрих убедил себя, что «с самого первого дня знакомства они с моим сыном ладят так же хорошо, как если бы давно знали друг друга».

Король выдавал желаемое за действительное. Дофин был смел и умен, но физически слаб. Даже в таком юном возрасте он выглядел неподходящей парой для Марии, поскольку она была необычайно высокой для своих лет, а он — слишком маленьким. Мария была жизнерадостной, разговорчивой и бурно жестикулировала, а Франциск был неуклюжим заикой.

Подходящей парой они казались только благодаря усилиям Дианы де Пуатье. Несколько месяцев она напоминала леди д'Юмьер, чтобы та обучила дофина основам ухаживания. Леди д'Юмьер поняла намек, и Диана, сообщая о первом успехе ее воспитанника, настоятельно рекомендовала: «Если Вы хотите доставить удовольствие королю, продолжайте учить его этим милым маленьким уловкам».

Мария уловила эти сигналы и присоединилась к спектаклю. Она интуитивно поняла, насколько важно обращаться с Франциском так, чтобы угодить королю, ее новому «отцу», и что лучший способ взаимодействовать с ним — искать дружбы мальчика, одновременно используя условности куртуазной любви и притворяясь его «возлюбленной».

Это была магическая формула. И коннетабль, и венецианский посол отмечали ее изящные и скромные манеры. Дофин же, поощряемый леди д'Юмьер, увлекался охотой и военными забавами. Дядя Марии, Франсуа, подарил ему специально изготовленные детские доспехи, и мальчик в своем тщательно переписанном благодарственном письме называл себя «благородным рыцарем», который верен старинным обычаям и стремится «завоевать сердце прекрасной и целомудренной дамы, Вашей племянницы».

Вскоре после Рождества Антуанетта де Бурбон сообщила матери Марии о решении короля, что все его дети будут обучаться вместе. Это было явным отступлением от традиций, но Генрих хотел, чтобы дети «привыкли к обществу друг друга».

Отчасти это было его искренним желанием. Он хотел, чтобы Мария и Елизавета, его собственная старшая дочь, воспитывались как сестры, а дофин встречался с Марией в непринужденной обстановке и под надзором старших. Но были и тайные причины, например, тот факт, что шотландская свита Марии, по крайней мере ее мужская часть, постепенно превратилась в обузу. Шотландцев, несмотря на их высокий статус, не любили при дворе, где они служили в королевской гвардии, *garde ecossaise*. С точки зрения французского придворного этикета они были грубы и неотесанны. Теперь Генрих хотел отправить домой тех, кто прибыл с Марией из Шотландии.

Главной заботой воспитателей Марии был язык. До сих пор девочка говорила на шотландском и почти не знала французского. Это следовало исправить как можно быстрее. Немаловажным был и вопрос расходов, потому что мать маленькой Марии не платила жалованье свите дочери, и Генрих не хотел оплачивать отдельный штат прислуги для каждого королевского ребенка — более подходящим ему казался общий

штат воспитателей и гувернеров. Согласно новым правилам все должны были говорить только на французском и соблюдать установленный протокол. Придворные штаты Марии и дофина объединялись. Его сестры вместе с прислугой делили роскошные апартаменты с Марией и ее компаньонками, и всем этим хозяйством заправляли д'Юмьер и его жена.

Мужская часть прислуги Марии, за немногими исключениями, была оттеснена на вторые роли, и даже в ее женской части произошли изменения. Поначалу четыре Марии повсюду сопровождали маленькую королеву, но, когда она немного освоилась и привыкла к новому окружению, их отправили в школу в доминиканском монастыре в Пуасси, где девочек обучали французскому, а в их отсутствие Марию обязали говорить только по-французски. Даже Синклер, ее старая нянька, оказалась под угрозой отправления на родину. Ее вернули только после вмешательства матери королевы Марии, но ее просьба столоваться отдельно от француженок осталась без ответа. Синклер устала от покровительственного отношения слуг остальных королевских детей, но, несмотря на неоднократные просьбы, ее вынудили жить и работать вместе с прислугой, которую Генрих нанял для собственных дочерей.

Леди Флеминг, в отличие от всех остальных, ничего не угрожало. Она свободно владела французским и хотя была замужем за шотландцем, но в ней было «все, чего только можно желать». Правда, и тут имелась скрытая цель. На первый взгляд все выглядело так, будто Мария не могла обойтись без своей гувернантки, которую сочли неподходящей для остальных королевских детей. Соответственно, Флеминг оставили руководить женской прислугой Марии, несмотря на возможные разногласия по поводу расходов с д'Юмьером и позже с д'Юрфе.

Правда заключалась в том, что красивая и любвеобильная Флеминг стала новой любовницей Генриха II. Король даже написал матери королевы Марии, чтобы та не обошла ее милостями. «Я убежден, что Вы цените заботу, беспокойство и величайшее внимание, которые моя родственница, леди Флеминг, день ото дня выказывает нашей маленькой дочери, королеве Шотландии, — лукаво отмечал он. — Я должен постоянно помнить о ее детях и ее семье».

В один из вечеров ревнивая Диана де Пуатье удивила короля, только что покинувшего объятия ее соперницы. Она устроила скандал и обвинила Генриха в том, что он оскорбляет королеву Шотландии, заведя интрижку с ее служанкой. Тайно пробираясь в покои Марии на любовное свидание, Генрих ставил под сомнение репутацию юной королевы.

Генрих проигнорировал протесты Дианы, но последнее слово, как всегда, осталось за ней. В 1551 г. леди Флеминг забеременела. Она родила сына, Генриха Ангулемского, и это стало ее роковой ошибкой. Интрижка Генриха перестала быть тайной, сразу пошли неприличные слухи. Диана решительно выступила в защиту доброго имени королевской семьи, и скомпрометированную Флеминг отправили в Шотландию, однако ее дочь, главная из четырех Марий, осталась во Франции.

Несмотря на новую, увлекательную жизнь, Мария очень скучала по матери. В апреле 1550 г., после почти двух лет разлуки, она с огромной радостью узнала о предстоящем визите Марии де Гиз. Но радость юной королевы была окрашена печалью — после двухмесячной болезни в Жуанвиле в возрасте 54 лет скончался ее дед Клод, герцог де Гиз. Первое официальное письмо Марии было формальной верительной грамотой для сеньора де Брезё, которого Генрих II решил отправить в Шотландию с печальным известием.

Марию посчитали слишком маленькой, чтобы присутствовать на похоронах деда, и от ее имени отправили представителя. Ее мать тоже не могла приехать и очень расстраивалась: «Я потеряла лучшего отца, который только может быть у ребенка», — сказала она своему брату Франсуа, который унаследовал герцогский титул.

Мария де Гиз решила ускорить свой визит и для выбора своего дорожного гардероба обратилась за советом к Диане де Пуатье — именно она, а не Екатерина Медичи, была арбитром в вопросах моды — относительно траурного протокола в Сен-Жермене. Генрих II организовал путешествие, получив для нее дипломатический паспорт у английского Тайного совета, поскольку желудок у нее был слабее, чем у дочери, и она страдала от морской болезни. Перспектива долгого морского путешествия из Шотландии пугала ее, и она предпочитала более долгий и медленный путь по суше через Англию, а затем короткое путешествие на другую сторону Ла-Манша через Дувр.

Мария красочно описывала планы матери в письмах Антуанетте де Бурбон. Она просто не могла сдержаться, говорила Мария, потому что бабушка должна узнать «радостные вести, которые я только что получила от моей матери, королевы». Торопясь закончить письмо, Мария потеряла смысловой глагол в череде придаточных предложений, но суть была ясна. Приезд матери «станет для меня величайшим счастьем, какое только можно желать в этом мире… молю Вас, мадам, Вы многократно увеличите мою радость, если найдете возможность поскорее нанести мне визит, а пока вооружитесь терпением, которое Вы

можете проявить по такому случаю». Меньше чем за два года Мария в совершенстве овладела французским. Ее стиль был несколько неуклюжим, но грамматика безупречна.

Визит ее матери преследовал и политическую цель. Генрих II планировал грандиозное торжество в честь окончательного изгнания английской армии и гарнизонов из Шотландии, а также из укрепленных крепостей в Булони. Предполагалось, что присутствовать будет весь двор и родственники Генриха, и на расходах не экономили. Мария де Гиз и ее дочь, королева Шотландии, должны были стать центральными фигурами праздника.

Мария де Гиз путешествовала не одна. Ее сопровождал почти весь шотландский двор, в частности, проанглийски настроенные лорды, которые не один год вели переговоры с Генрихом VIII и Сомерсетом. Но сейчас она не скрывала своих целей. Теперь, когда другие кандидаты, как проанглийский, так и профранцузский, приняли Хаддингтонский договор, мать королевы Шотландии стремилась укрепить свои претензии на единоличное регентство и связать лордов «старинным союзом». Обе цели поддерживались великодушным гостеприимством Генриха II и щедрой раздачей новых пенсий.

Главный праздник устроили в октябре в Руане, столице Нормандии. В подражание триумфам Римской империи король въехал в город через специально построенные арки мимо ликующей толпы. Этому ритуалу, который был классическим выражением символики эпохи Возрождения, но исполнен с поистине гомеровским размахом, предшествовали театральные постановки, в которых солдаты и актеры, изображавшие классических героев и победоносных военачальников, шествовали мимо короля и придворных. Мария и ее мать наблюдали за действием с почетных мест синего с золотом шатра, установленного на западном берегу Сены.

Во главе процессии ехала колесница, нагруженная трофеями, а за ней «единороги» — на самом деле это были белые лошади со специальными головными уборами — тянули картины на рамах, иллюстрирующие военные победы династии Валуа. На высоких шестах несли знамена и изображения крепостей, захваченных в Шотландии и в окрестностях Булони. Во время одной из инсценировок Генрих II выступал в роли Ганнибала, карфагенского полководца, который провел свою армию через Альпы и победил римлян с помощью слонов — в этот момент громадные животные появились пред толпой. Многие подумали, что это настоящие слоны из королевского зверинца в Париже, но в действительности они были сделаны из дерева и папье-маше,

установлены на колеса и приводились в движение людьми, прячущимися внутри.

Затем по улицам провели закованных в цепи «пленников», захваченных в Булони. Самую большую и богато украшенную раму отвели под картину, изображающую Генриха II и его детей. На картине король был изображен в образе римского императора, окруженного наследниками, а над его головой дочь Зевса и муза эпической поэзии Каллиопа держала «императорскую» корону Франции.

Около полусотни обнаженных актеров, мужчин и женщин, изображали бразильских «туземцев», которые сначала прошли по улицам, а затем показали «войну» между двумя враждебными племенами. Перед трибуной разыгрывалась живая картина — с хижинами, шалашами, пальмами и дикими животными. Туземцы охотились, готовили еду на костре, торговали с французским гарнизоном. Завершилось все ожесточенным сражением воинов с луками и стрелами, после которого хижины побежденного племени сожгли дотла. Это было настоящее массовое зрелище, с которым не могли сравниться предыдущие представления, — толпа ревела от восторга.

Завершала праздник имитация морского сражения между «французским» и «португальским» флотом. Настоящие корабли были нагружены бочонками с порохом. Моряки стреляли из настоящих пушек, но скорее всего, без ядер. Тем не менее произошло неизбежное — на одном из судов взорвался бочонок с порохом, и корабль затонул вместе с экипажем. На следующий день сражение повторили, заменив корабль, но несчастье повторилось, и снова погибли люди.

Праздник стал великолепным наглядным политическим манифестом. Центральная роль была отведена Шотландии, и поэтому шотландская королева и ее мать предстали во всем своем великолепии. Генрих II видел себя «защитником» Шотландии; его победы привели к освобождению Шотландии и Булони. Объединяющей темой праздника стал дофин. Именно он, а не сам Генрих II, был той фигурой, вокруг которой выстраивались все *мизансцены*, — дофина уже воспринимали мужем юной шотландской королевы. Благодаря династическому праву Марии на английский трон как правнучки Генриха VII, основателя династии Тюдоров, будущий король Шотландии и Франции имел право стать и законным королем Англии. Таким образом, он являлся наследником трех монархий. Брак Марии с дофином позволял династии Валуа в полной мере реализовать свой потенциал, создав франко-британскую «империю», в которую войдут Британские острова, и затем французское влияние

распространится через Атлантику в Бразилию, куда уже проникли французские купцы, начав соперничать с торговой мощью Португалии.

Не менее важным был выбор Генрихом II места проведения праздника. Нормандия — ближайшая к Англии провинция, имевшая самые тесные исторические связи с Британскими островами. Кроме того, в последнее время именно в этом регионе семья Гизов приобретала новые земли и вассалов. С этой стороны «франко-британский» проект был наиболее дерзким из всех замыслов Гизов. Клод, герцог де Гиз, планировал поставить свою семью в центр государства, управляла которым династия Валуа. И даже после его смерти сыновья продолжили выполнение планов герцога де Гиза.

И конечно, краеугольным камнем этого амбициозного проекта была Мария. Генрих II мыслил в династических категориях, основываясь на завещании Генриха VIII, в котором был установлен порядок наследования английского трона. Если Эдуард II, единственный выживший сын Генриха VIII, умрет, не оставив наследников, то, согласно воле короля, трон могут наследовать женщины королевской семьи. Следующей в очереди была старшая сестра Эдуарда Мария Тюдор, а если и она умрет бездетной, то королевой Англии станет младшая сестра Елизавета Тюдор.

Но английская католическая церковь считала законной наследницей Марии Тюдор Марию, королеву Шотландии. Елизавета была незаконнорожденной дочерью Анны Болейн, на которой Генрих VIII женился, когда еще была жива его первая супруга, Екатерина Арагонская. Папа и католическая церковь не признавали Анну Болейн законной женой Генриха и называли ее «наложницей». Сам Генрих в итоге развелся с Анной Болейн, а затем непризнанная жена была казнена. В 1536 г. английский парламент уже официально признал Елизавету незаконнорожденной, и это постановление никто не отменял. Такое положение дел позволяло Марии, королеве Шотландии, предъявлять права на престол, хотя Генрих VIII открыто отвергал их.

Генрих всегда считал, что с помощью завещания он сможет установить порядок престолонаследия и отвергнуть претензии Стюартов. Как ему казалось, он все предусмотрел: если все его дети умрут, не оставив наследников, трон унаследуют дети его младшей сестры Марии, герцогини Саффолк. Генрих до такой степени разгневался на Шотландию за денонсацию Гринвичского договора, что вовсе исключил Стюартов из числа наследников престола, намеренно нанеся им непростительное оскорбление.

Однако схема, предложенная Генрихом VIII и одобренная парламентом в 1544 г. как третий закон о престолонаследии, основывалась на одном важном допущении. Если права на престол могут переходить по женской линии, то приходится учитывать и потомков Маргариты Тюдор, старшей сестры Генриха. По правилам династического наследования было невозможно игнорировать первый брак Маргариты с Яковом IV Шотландским. Их сыном был Яков V, отец Марии, королевы Шотландии, которая приходилась Маргарите внучкой, а Генриху VII — правнучкой.

Пока были живы Эдуард VI и Мария Тюдор, права Марии на английский трон оставались призрачными, поскольку законность правления детей Генриха никем не оспаривалась. Но в сравнении с Елизаветой Тюдор претензии Марии на английский престол были не менее, а возможно, и более весомы. В пользу Елизаветы высказывался только третий закон о престолонаследии, но его не поддерживала Римско-католическая церковь в лице папы, с которым Генрих VIII порвал за десять лет до принятия закона. Именно поэтому католики, все еще составлявшие большинство населения Англии, не признавали юрисдикцию еретического парламента.

После грандиозного праздника, укрепившего высокое положение семьи Гизов, мать королевы Марии оставалась во Франции чуть больше года, вернувшись с дочерью в Париж и Сен-Жермен, а затем посетив Жуанвиль и Блуа. Вместе со своей шотландской свитой Мария де Гиз объехала всю страну. Это было не просто путешествие, а специально организованное королевское турне, как говорили шотландские лорды, — под конец поездки все устали от впечатлений. Не менее важным стало то обстоятельство, что все они стали намного богаче. Генрих II был как никогда щедр, вложив с 1548 по 1551 г. в свой «франко-британский» проект пять миллионов *турских ливров*, а это в пять раз больше, чем потратил Франциск I за все время своего правления.

Весной путешествие было прервано и закончилось трагедией. В апреле 1551 г. в Амбуазе раскрыли заговор с целью убийства юной королевы Шотландии. Один из бывших «кастильцев», захваченный французами после обстрела замка Сент-Эндрюс, продолжал мстить. Сменив имя, он поступил в шотландскую гвардию и получил доступ в королевские апартаменты. В его планах было убить юную королеву: подкупить повара и подложить яд в любимый десерт Марии — груши во фритюре. Но кто-то проговорился, и заговор раскрыли. Главный заговорщик сумел бежать в Ирландию, а оттуда в Шотландию, но его

схватили и вернули во Францию, где его осудили и казнили за преступление против короны. Маленькая Мария, судя по всему, ничего не знала, или не придавала значения тому, что едва избежала смерти, однако ее мать так сильно разволновалась, что слегла в горячке.

Но полоса несчастий не окончилась. В сентябре на Марию де Гиз обрушилось настоящее горе — герцог Лонгвиль, ее единственный сын от первого брака, заболел неизлечимой болезнью и умер у нее на руках в Амьене. Ему еще не было шестнадцати. И снова Мария лично не присутствовала на похоронах. Вскоре после этой трагедии Мария де Гиз отправилась в Англию, чтобы затем вернуться в Шотландию. Все четверо ее сыновей умерли, и сердце ее было полностью разбито. Ее посещали мысли о том, чтобы остаться во Франции, — удалиться в монастырь или жить вместе с родственниками в Жуанвиле. Но она понимала, что сейчас ее долг — править Шотландией от имени своего единственного ребенка и всеми способами укреплять военный и династический союз с Генрихом II и Францией. Мария де Гиз должна была расстаться с дочерью. На прощанье она крепко обняла Марию — как оказалось, в последний раз. Больше они не увидятся.

К концу 1551 г. Мария заметно выросла. Ей было всего девять лет, но ее тетя, Анна д'Эсте, одна из самых образованных женщин при французском дворе и законодательница мод, указывала, что «с ней больше нельзя обращаться, как с ребенком». Мария уже не выглядела ребенком и разговаривала как взрослая. Каждый день «она становится все очаровательнее, приобретает хорошие манеры», «все больше соответствует… месту», которое она занимает и о котором ей не позволяют забывать. У нее уже огромный гардероб с платьями из самых лучших и дорогих тканей, а коллекция драгоценностей так велика, что для ее хранения требуется три латунных сундука и несколько шкатулок.

За несколько лет пребывания во Франции Мария выучила новый язык, строгие и сложные правила придворного этикета, научилась видеть эстетику красоты и обрела хороший вкус. Все эти годы семья де Гиз успешно защищала ее права на престол. Но постепенно значение этих прав изменилось. Будущее Марии теперь было тесно связано с «франко-британской» идеей — из наследника династии Стюартов она превратилась в ключевую фигуру всего династического замысла Валуа. Шествия и картины, которые Мария наблюдала в Руане, должны были заронить в ее душу знание, что, будучи королевой Шотландии и следующей в династии королевой Франции, она также должна стремиться стать будущей королевой Англии.

4
Юность

После того как мать королевы Марии вернулась в Шотландию, ее дядя Шарль, кардинал Лотарингский, самый дерзкий и опытный политик при дворе Генриха II, принял на себя роль ее наставника. Через несколько лет он стал самой влиятельной фигурой в свите юной королевы. Такая смена ролей была не внезапной, но постепенной, и началась в тот момент, когда Шарль обезоружил сестру, вынудив ее заявить, что «никто, кроме Вас самой или того, кому Вы делегируете полномочия, не должен иметь власти над Вашей дочерью». Единственный член семьи Гизов, который почти все время находился при Генрихе II, когда королевский двор перемещался по долине Луары из королевского дворца в охотничьи угодья и обратно, а также на всем пути от столицы в провинции, Шарль использовал это преимущество для усиления своего влияния. Такая ситуация устраивала всех, и он отправлял сестре регулярные отчеты о здоровье, образовании и финансах своей племянницы.

В 1550-х гг. семья де Гиз приобрела при французском дворе беспрецедентное влияние. Во внешней политике они были сторонниками династических претензий Франции на Британские острова, а также войны против Испании и Священной Римской империи. Во внутренней политике Гизы неустанно трудились, создавая целые сети своих союзников при дворе и в провинциях. После празднеств в Руане де Гизы занялись монополизацией власти при дворе, стремясь втереться в доверие к Екатерине Медичи, которая испытывала явную неприязнь к коннетаблю Монморанси, высшему военному и должностному лицу Франции.

Должность коннетабля во Фрации пожизненная. Его обязанности относились в основном к военной сфере, и в военное время в отсутствие короля коннетабль командовал армией, а в присутствии короля — авангардом. На торжественных церемониях коннетабль должен был идти впереди короля и нести королевский меч. На первом этапе своего восхождения к власти Гизы были верными союзниками Монтгомери, но после праздника в Руане положение несколько изменилось. Уверенность и амбиции Гизов росли, и поэтому настало время сместить коннетабля и самим занять его место. Козырем в этой игре должно было стать обручение их племянницы Марии с дофином.

Франсуа де Гиз — брат Шарля — имел все, чтобы привести семью к победе. Он был блестящим военным стратегом,

прославившимся в битвах. Войска его боготворили. Он считал себя больше человеком действия, чем придворным, и в мирное время жил в основном в Жуанвиле или в замке Медон, одном из многочисленных владений в окрестностях Парижа, которое семья прибрала к рукам. Франсуа приглашал к себе Марию и обращался с ней как с собственной дочерью. Он заменил Марии отца, чем заслужил ее огромную любовь.

Воспитанием и образованием Марии занимался Шарль де Гиз. Именно он знакомил ее с протоколом, советовал, как и кому писать письма, о чем следует говорить. Но если Шарль уезжал по поручению короля или удалялся в монастырь на время Великого поста, она обязательно советовалась с Франсуа де Гизом. Мария беспрекословно следовала их рекомендациям. А после скандальной интрижки леди Флеминг с королем Шарль без предупреждения ежемесячно проверял всю ее свиту, «чтобы подробно разузнать, что происходит». С этого момента он взял дело воспитания Марии в свои руки: ей позволялось жить, учиться и развлекаться так, как она хотела, — но в границах, обозначенных его советами.

С таким наставничеством Мария быстро повзрослела. Она переросла свою свиту, но изменение уклада жизни королевских детей произошло только после опалы Флеминг и решения Генриха II выделить дофину собственный двор. Новой наставницей Марии стала Франсуаза д'Эстамвиль, мадам де Паруа, которая в силу своего возраста не представляла угрозы для Екатерины Медичи или Дианы де Пуатье. Она была безопасна с точки зрения сексуальных отношений и очень скучна. Вероятно, юной Марии она казалась ужасной занудой. Непримечательной внешности, безукоризненной нравственности мадам де Паруа славилась своей преданностью, о чем упоминал Шарль в одном из своих отчетов. «Чуть не забыл сообщить Вам, — писал он матери королевы Марии в примечании к письму, — мадам де Паруа справляется настолько хорошо, что лучшего вряд ли можно ожидать, и Вы можете быть уверены, что богослужения проводятся согласно старинным обычаям».

Этим замечанием кардинал намекал на Флеминг, известную своими симпатиями к гугенотам, как во Франции называли протестантов. Это ни с чем не связанное замечание обычно неверно интерпретируется в значении, что Марию хотели воспитать в самых строгих католических традициях, чтобы подготовить ее к царствованию как символ католицизма. В целом широко распространен взгляд на семью Гизов как на «ультра-католиков», которые стремились подчинить политику Франции и Шотландии, чтобы спасти монархии Валуа и Стюартов и избежать

угрозы перехода страны в протестантство.

Но это неверное представление. В 1550-х гг., вплоть до середины 1560-х, Гизы ставили свои интересы выше религиозных. Только после 1567 г., когда армия Филиппа II, наследника Карла V, вторглась в Нидерланды для подавления восстания протестантов, а во Франции начала формироваться Католическая лига, призывавшая к крестовому походу против гугенотов, семья де Гиз превратилась в символ яростной защиты католицизма. К тому времени они поняли, что могут защитить свои интересы только с помощью Филиппа II, а поскольку он был убежденным католиком и видел свою миссию в объединении всего христианского мира под знаменем папы, то для них стало важным сделать все возможное, чтобы сокрушить протестантов.

Эта метаморфоза сильно повлияла на Марию после того, как она оказалась в ссылке в Англии. В 1580-х гг. она будет выставлять себя доброй католичкой, которую преследуют исключительно по религиозным мотивам. Но в 1550-х гг. Гизы были *politiques*, или умеренными, и в равной степени противостоявшими как протестантскому, так и католическому экстремизму. Религия приобрела для них огромное значение только в династическом проекте, поскольку лишь папа римский мог вынести вердикт о незаконности притязаний Елизаветы Тюдор, а значит, подтвердить право Марии на английский престол.

В преддверии девятого дня рождения дофина Генрих II решил, что его сын должен покинуть общий двор, созданный для всех королевских детей, и обзавестись собственными придворными и слугами. Это мало что изменило в жизни наследника, поскольку он, как и остальные дети, все равно должен был следовать за королевским двором. Внезапные и серьезные изменения коснулись лишь должностей слуг и общего финансирования свиты остальных детей, поскольку прислугу и вспомогательный персонал перевели в новую структуру вместе с финансированием. В частности, возник вопрос, должна ли Мария, которая была коронованным монархом и которой скоро должно было исполниться десять, иметь отдельный двор.

Двор дофина отделился в марте 1553 г. Долгие споры по этому поводу шли всю зиму, и 25 февраля отчет кардинала Лотарингского Марии де Гиз был посвящен в основном этой теме. Он начал письмо с хороших вестей о Марии, с которой недавно виделся в Амбуазе. Она «сильно выросла и с каждым днем становится все выше, здоровее, красивее и умнее, а ее добродетели настолько совершенны… насколько это возможно». Никто во всей Франции не мог с ней сравниться. Король так

полюбил ее, что «проводит много времени в беседах с ней, иногда по целому часу». Она «способна развлекать его приятным и разумным разговором, как будто она двадцатипятилетняя женщина». Анна д'Эсте, невестка кардинала, говорила то же самое несколькими месяцами раньше. С этого момента — и Мария и сама начала это осознавать — очарование и умение поддерживать беседу стали одними из самых ценных ее качеств.

Далее в письме Шарль обращается к насущным делам. Екатерина Медичи решила не выделять своим дочерям, Елизавете и Клод, отдельных штатов прислуги. Из-за недостатка персонала девочкам пришлось временно спать в ее гардеробной, под присмотром мадам д'Юмьер. Это было неудачное решение. И неудобное для Марии, которая должна была покинуть долину Луары и перебраться в Сен-Жермен, где ее уже ждал двор. Ее сопровождал обычный штат, но вопрос о ее «статусе» после отделения дофина от остальных детей, а также о том, какие помещения она теперь будет занимать при королевском дворе, требовал срочного разрешения.

Шарля заботили не только интересы племянницы. На кону стояла и его репутация, а также интересы семьи, которые пострадают, если «статус» Марии будет понижен. Во главе угла, как всегда, стоял королевский протокол. У Шарля был политический план, сформировавшийся еще в августе, когда Анри Клетен, сеньор д'Уазель, первый постоянный посол Франции в Шотландии и лейтенант-генерал Генриха II, прислал доклад о положении дел в Англии. 6 июля Эдуард VI, единственный сын Генриха VIII, умер от туберкулеза в возрасте пятнадцати лет. Несмотря на попытку его главного советника из числа протестантов, Джона Дадли, герцога Нортумберлендского, оттеснить от трона католичку Марию Тюдор и заменить ее протестанткой, леди Джейн Грей, Мария Тюдор победила. Заговор Нортумберленда провалился — правление Джейн продлилось лишь несколько дней. И 3 августа Мария Тюдор под крики ликующей толпы торжественно въехала в Лондон.

Эти новости вызвали во Франции сильную тревогу. Мария Тюдор была двоюродной сестрой короля Испании Карла V, с которым Генрих II уже два года воевал на границе Нидерландов и в Италии. Более того, она намеревалась выйти замуж за Филиппа II, в пользу которого собирался отречься его отец. Пятидесятитрехлетний Карл был абсолютно больным и изможденным. Пораженные артритом руки короля не могли даже вскрыть письмо; боль была настолько сильной, что Карл молил Бога о скорой смерти. Его сын Филипп был как раз молод и энергичен. Он собирался продолжать войну с Францией, и

французские генералы справедливо опасались, что он использует Англию как свою морскую и военную базу. Тревога была абсолютно обоснованной, потому что после женитьбы на Марии Тюдор в 1554 г. и восшествия на испанский престол Филипп похвастался, что в ответ на каждую возведенную французами крепость в Шотландии он построит три на английской стороне границы.

План кардинала был прост, но дерзок. Он предложил, чтобы его племянницу объявили «совершеннолетней», способной исполнять обязанности королевы Шотландии самостоятельно или посредством назначенного представителя. Как правило, королевские отпрыски признавались совершеннолетними в возрасте от пятнадцати до восемнадцати лет, но Мария должна была «вступить в права» королевы «в возрасте одиннадцати лет и одного дня». Для этого следовало уволить нынешнего регента, графа Аррана, которого теперь все чаще именовали ничего не значащим титулом герцога Шательро. Его эгоизм, двуличие и непостоянство вредили французским интересам в Шотландии, а после восшествия Марии Тюдор на английский трон риск оставления его на должности регента только увеличивался.

Для плана Гизов было очень важно, чтобы после устранения Шательро Марию де Гиз назначили единственным регентом, который будет править от имени дочери. В этом случае семья Гизов одним ударом достигнет нескольких целей: распространит свою гегемонию на Шотландию, укрепит свое положение при французском дворе в качестве родственников правящей королевы и завоюет благодарность Генриха II, который с глубоким скепсисом относился к Шательро и его союзникам, подозревая предательство и неизбежное восстановление англо-шотландской дружбы, если они останутся у власти.

Д'Уазель, приехавший во Францию для обсуждения этого вопроса, высказывался против плана Гизов во время трехчасового совещания, на котором присутствовал король и дяди Марии. Он догадывался об истинных мотивах братьев де Гиз. Но король отклонил его доводы, и план был приведен в действие. Марию де Гиз объявили единственным регентом; ее назначение было утверждено шотландским парламентом, собравшимся в Эдинбурге в апреле 1554 г. Один из первых официальных указов королевы Марии — поздравление матери со вступлением в должность регента. Став правящей королевой, Мария также получила право выбирать себе опекунов, и она поступила так, как от нее и ожидали, назначив Генриха II и своих дядей на роли опекунов, что еще больше связало семью Гизов с монархией Валуа.

Затем Мария написала свое первое письмо к правителю другого государства. Адресованное Марии Тюдор, оно содержало рекомендации д'Уазелю, пустившемуся в обратный путь, а также заверения в дружбе и «мире». «Да будет на то Божья воля, — каллиграфическим почерком выводила юная королева Шотландии, — в мире сохранится вечная память о том, что в одно и то же время на этом острове жили две королевы, соединенные безупречной дружбой, а не только кровным и близким родством». К Марии Тюдор она обращалась «Мадам, моя любезная сестра», а заканчивала письмо стандартным прощанием, принятым в переписке между суверенами: «Ваша любезная сестра и кузина Мария». Письмо, написанное по-французски, тщательно перенесено на бумагу между линиями, аккуратно прочерченными заостренной палочкой и по-прежнему различимыми на старинном манускрипте.

Но все это не решало вопрос «статуса» Марии в Сен-Жермене, Амбуазе, Фонтенбло и других замках, куда перемещался двор. Неразбериха усиливалась. И одной из причин стала серьезная болезнь Клода д'Юрфе, отвечавшего за быт детей. Мадам де Паруа нисколько ему не сочувствовала и даже писала Марии де Гиз, что он просто «беспомощен». В результате ничего не менялось. Тем временем кардинал докучал сестре, напоминая ей, что, поскольку деньги на содержание дофина теперь выделялись отдельно, выплатой жалованья слугам Марии должен заниматься кто-то другой. «Я составил список, — отмечал он, делая вид, что хочет помочь. Это был перечень всех, кто находился на службе у Марии, с указанием оценки годовых расходов. — Полагаю, что в этом списке нет ничего лишнего или показного».

Но денег Шарль никогда не предлагал. Мать королевы Марии должна была сама оплачивать счета — Генрих II отказывался брать на себя даже часть расходов, поскольку траты на Шотландию и так достигли беспрецедентных размеров. Дополнительные трудности создавала сама Мария. У нее появилась привычка сорить деньгами; она много тратила на роскошные наряды и лошадей, но больше всего просто раздавала. Ее щедрость была особенно заметна в отношении слуг: она заботилась об их продвижении по службе, улучшении условий труда, повышении жалованья. Первой из облагодетельствованных была ее нянька Дженет Синклер, — Мария дала рекомендации ее сыну и поспособствовала продвижению по службе ее мужа. Деньги и подарки дождем лились на небольшую армию актеров, танцоров, певцов, музыкантов, клоунов и сочинителей баллад, которые развлекали Марию и ее компаньонок; кроме того, она щедро вознаграждала слуг, ухаживавших за ее собаками,

лошадьми и королевскими медведями.

Несмотря на растущие расходы, дяди Марии настаивали на своем. Племянница, говорил кардинал, была королевой, «уже обладающей возвышенной и благородной душой, что делает явным ее раздражение, когда с ней обращаются неподобающим образом». Ее «величие» следует уважать. Она желает быть взрослой и «проявлять независимую власть». Судя по текущим расходам юной королевы, ей потребуется 24 000 *турских ливров,* или от 50 000 до 60 000 франков в год для поддержания «статуса». В эту сумму не входило содержание конюшен, как самой большой статьи расходов, но, возможно, на чем-то и можно было сэкономить.

Сумма была существенной, причем не только по французским, но и по шотландским меркам, и составляла около половины ежегодных доходов короны. Мать королевы Марии могла позволить себе такие огромные траты только потому, что имела собственные источники дохода от первого и второго брака.

Переговоры затянулись на девять месяцев, что очень удручало персонал, обслуживающий Марию. Многим в этот период вообще ничего не платили, а большинство еще не получили всех причитающихся денег за предыдущий год. Недовольство росло, усиленное полнейшей бесчувственностью мадам де Паруа, ревнивой и жадной женщины, бестактные замечания и требования которой приводили к трениям внутри свиты. Ее вражда с мадам де Кюрель, старшей фрейлиной Марии, которую Антуанетта де Бурбон хотела назначить воспитательницей юной королевы вместо леди Флеминг, закончилась увольнением Кюрель. Произошло это после ссоры, разразившейся в присутствии Марии. Другие выражали свое недовольство, прогуливая службу. Мадам де Паруа в письме к матери королевы жаловалась, что прислуги почти не осталось, и Марии приходится самой укладывать себе волосы.

И наконец у Марии появился собственный двор. Это произошло 1 января 1554 г., когда приближенные и вся прислуга были официально включены в штат свиты юной королевы. К старым слугам добавились новые лица, что косвенно подтверждало более высокий статус Марии. В тот вечер первым ее гостем был дядя Шарль. Она с восторгом писала матери: «Мадам, я рада… сообщить Вам, что сегодня я получила двор, который Вы любезно составили для меня; сегодня же мой дядя, кардинал, приходит ко мне на ужин. Я надеюсь, что благодаря Вашей предусмотрительности все пройдет должным образом».

Но потом начались новые ссоры и проблемы с деньгами, особенно на конюшне, расходы на которую урезали. Поскольку

двор часто переезжал из замка в замок, важную роль в хозяйстве играли лошади, мулы, кареты, телеги и подстилки для животных. Для перевозки одной только кровати Марии требовалось три вьючных мула; остальные тянули на себе гобелены, тарелки, кухонную утварь, бутылки с вином и т. д. Доход Марии не был рассчитан на такие транспортные расходы, и кардинал старался ограничить количество «переездов» (как их называли). Стремясь сократить расходы, он хотел, чтобы Мария не следовала постоянно за главным королевским двором, а путешествовала реже и дольше оставалась на одном месте, пропуская «промежуточные» замки, которые посещали король и дофин. Но в данном случае юная королева проявила характер, решительно отказавшись надолго расставаться с главным двором.

Через год выяснилось, что расчеты кардинала абсолютно неверны, и мадам де Паруа негодовала. Ее жалобам и просьбам не было конца. Например, требовалось больше вьючных животных, поскольку кровать Марии часто слишком поздно прибывала на место назначения. Приходилось ночевать на чужой, а это унизительно. Помимо всего прочего ценные вещи повреждались, потому что при недостатке мулов, к которым надежно привязывали сундуки, багаж бросали на телеги, где его немилосердно трясло.

Марии, продолжала Паруа, нечего носить. Появлялись новые фасоны, и юная королева могла отстать от моды. Она настоятельно нуждалась в свадебном наряде, а из-за того, что девочка быстро росла, ее *touret* (украшенный драгоценными камнями каркас, на который натягивался высокий воротник, доходящий до затылка) следовало удлинить. Для этого подошли бы два бриллиантовых комплекта в тонкой металлической оправе, но денег на их покупку не было.

Мария также просила, чтобы на ее платье вышили монограммы (скорее всего, «M» или «MR» — Marie la Royne), что вскоре стало последним криком моды.

Результатом бесконечных жалоб мадам де Паруа стали усиливающиеся слухи, что финансы королевы находятся в плачевном состоянии. Это было унизительно, а кроме того, крайне неудобно — поставщики требовали предварительной оплаты. Поставки в кредит были просто необходимы для бесперебойного функционирования королевского двора, но торговцы говорили, если Мария обанкротится, они будут вынуждены судиться из-за компенсации в Шотландии, что считалось неприемлемым коммерческим риском.

Вскоре персонал снова взбунтовался. В 1555 г. накопилось огромное количество долгов по жалованью, и слуги отказывались

работать. Раздавались обвинения в коррупции и некомпетентности, подтвердившиеся, когда пропали деньги, подаренные Марии Генрихом II, чтобы она могла потратить их на ярмарке в Сен-Жермене. Скорее всего, их украли. Финансовое положение двора Марии оказалось плачевным.

Паруа явно не справлялась и поэтому взяла отпуск по болезни, вынудив Антуанетту де Бурбон вмешаться и взять основные заботы о Марии на себя. Оценив положение дел, Антуанетта поняла, что мадам де Паруа не соответствует занимаемой должности и ее желательно уволить. К сожалению, это был один из редких случаев, когда оба дяди Марии отсутствовали. Антуанетта хотела уволить Паруа сама, но посчитала, что дело слишком важное и деликатное, чтобы действовать в одиночку. Она даже намекала, что ради этого мать королевы Марии должна посетить Францию.

Кризис наступил в Блуа, сразу после Рождества, когда кардинал поехал с визитом в Италию и не имел возможности вмешаться. Мария, которой уже исполнилось тринадцать, отдала несколько старых платьев своим теткам. Этим на первый взгляд невинным жестом она следовала — как потом сама объясняла — совету матери, поскольку тетки, младшие сестры Марии де Гиз, были аббатисами, и подарки делались с благотворительными целями. Одежду, сшитую из самых роскошных и дорогих тканей, должны были разрезать, превратив в алтарные покрывала. Этот поступок, а также подарки другим слугам Марии, возбудили ревность мадам де Паруа. «Вижу, вы боитесь, что я разбогатею! Очевидно, вы хотите держать меня в бедности!» — со злостью кричала она.

На это неподобающее обращение к королеве Мария отреагировала с достоинством. Она изо всех сил сдерживала эмоции, что всегда было непросто, но на первых стадиях конфликта это ей удавалось. «Как печально», — ответила она и удалилась.

Но это была не спонтанная стычка, а кульминация столкновения двух характеров. Живая и развитая не по годам Мария могла казаться взрослой, однако она по-прежнему оставалась всего лишь подростком, желающим все делать по-своему. Мадам де Паруа была женщиной в возрасте, с непомерным самомнением и преувеличенным чувством долга. В лучшем случае ее можно было назвать суетливой, а в худшем — брюзгой и педантом. Она уже жаловалась на Марию матери, когда девочка хотела носить слишком много украшений.

В своих письмах матери Мария излагала свою версию и изливала душу: «Мадам, я смиренно прошу Вас поверить, что

ничего этого не было, поскольку… Я никогда не ставила под сомнение ее полномочия распоряжаться моим гардеробом, потому что очень хорошо знаю, что не должна этого делать». Тем не менее она признавалась: «Я действительно сказала Джону, моему *камердинеру*, что она обязана известить меня, когда желает что-то взять, поскольку если я захочу отдать эту вещь, то могу обнаружить, что ее нет».

Столкновение характеров проявилось в битве за право распоряжаться гардеробом Марии. Теперь, когда конфликт вскрылся, у Марии не было причин отступать. «Что касается ее слов о моем неуступчивом своеволии, мадам, то я никогда не получала от нее согласия отдать даже одну булавку, и вследствие этого приобрела репутацию такую дурную, что довольно много людей говорили мне, как мало я похожа на Вас».

Мария рассчитывала, что этот аргумент попадет в цель, поскольку ее мать всегда гордилась своей щедростью к слугам. Затем юная королева высказала свое возмущение мадам де Паруа. «Я крайне удивлена, — писала Мария, — что она способна сообщить Вам нечто настолько далекое от истины».

Ситуация зашла в тупик, и когда из Италии вернулся кардинал Лотарингский, уклоняться от разрешения проблемы стало уже невозможно. Он предупредил в письме свою сестру, что Паруа «приболела» в Париже. После разразившегося скандала мадам де Паруа была вынуждена покинуть двор Марии и ее возвращение выглядело маловероятным. «Недомогание» оказалось слишком серьезным, а возможно, и смертельным. В любом случае она намеревалась уволиться. Юная королева Шотландии добилась своего.

Сама Мария, несколько туманно прибавлял кардинал, была «больна» в основном «от того, что она в конечном счете обнаружила и что вряд ли было возможным вынести». Теперь она полностью поправилась и стала как прежде; ее внешность и речи очаровывали всех и каждого, но ущерб, вне всякого сомнения, был нанесен.

Год спустя Мария вспоминала об этом инциденте, написав матери, что Паруа «едва не стала причиной моей смерти — из страха, что я вызову Ваше неудовольствие».

Это первый из нескольких случаев в жизни Марии, когда она говорила, что была близка к смерти или желала умереть. И дело не просто в подростковой приверженности все драматизировать. Мария на самом деле в этот момент серьезно заболела. Это одна из многих загадок королевы Шотландии. В целом Мария отличалась крепким здоровьем: ежедневно совершала верховую прогулку, могла выдержать экстремальные физические нагрузки.

Но время от времени у нее случались периоды недомогания, спровоцированные тревогой или стрессом, продолжительностью несколько дней, а иногда и недель, во время которых за сильными болями и слабостью следовало быстрое выздоровление. Уже став взрослой, Мария жаловалась на ревматизм и «селезенку»; в ту эпоху, когда не было центрального отопления, ревматизм был весьма распространен, а второе недомогание было вызвано язвой желудка, периодически обострявшейся. Но все это не может в полной мере объяснить резкую смену настроений, которой, как известно, была подвержена Мария, потому что в зрелом возрасте она носила перстень с аметистом, полагая, что он обладает магической силой «противостоять меланхолии».

Симптомы болезни всегда были одинаковыми: рвота, боли в животе, а также подавленное настроение или депрессия, сопровождавшиеся слезами. Лекари винили в этом избыток «черной желчи»[9], и Мария принимала разнообразные лекарства, которые — что неудивительно — не помогали. Во время одного из сильнейших приступов, в Шотландии, причиной посчитали колдовство, и был начат поиск злоумышленников и их магических «браслетов».

Современное, но оспариваемое объяснение состоит в том, что у Марии была редкая наследственная болезнь, известная как порфирия. При ней чрезмерная выработка красного пигмента в крови повреждает нервную систему, и при острой перемежающейся порфирии, самой распространенной разновидности заболевания, пациент страдает от внезапных приступов рвоты, болей в животе, слабости или паралича конечностей, а также психического расстройства, напоминающего истерию. Несмотря на тяжесть симптомов, процесс выздоровления проходит очень быстро.

Впервые порфирию предположили после того, как заболевание было обнаружено у Георга III, и историки медицины попытались найти такие же генетические нарушения у его предков по линии Стюартов, в частности у Якова VI и Якова I. Тем не менее диагноз Георга III нельзя считать подтвержденным. Многие специалисты полагают, что такие же симптомы могли быть вызваны маниакально-депрессивным психозом, и даже если считать болезнь Якова VI, сына Марии, доказанной, это совершенно не означает, что он унаследовал ее от матери.

Сомнительно, что загадка будет когда-либо разрешена. С точки зрения биографов Марии это не имеет особого значения, поскольку сама она испытывала именно те симптомы, которые подробно задокументированы. Что касается болезней в юности, то у нас более чем достаточно свидетельств, что они не имели

никакого отношения к порфирии.

В возрасте восьми лет Мария слегла от приступа гастроэнтерита. В период от десяти до двенадцати лет она болела несколько раз, причем однажды страдала от сильного сердцебиения, но в каждом случае врачи винили переедание. Один раз они прописали диету из ревеня, в то время стандартное лечение для пациентов, страдающих от дисбаланса телесных «соков», как говорилось в трудах по медицине, и особенно при повышенной возбудимости.

Когда Марии было одиннадцать лет, у нее болел зуб. Но гораздо серьезнее оказалась оспа — когда именно она переболела этой болезнью, мы не знаем. Генрих II поручил ее заботам личного врача, Жана Фернеля, о котором ходили легенды и на которого король впервые обратил внимание как на гинеколога Екатерины Медичи. Мария вспоминала свое лечение в письме к Елизавете I, которая заболела оспой в октябре 1562 г. «Он так и не раскрыл, — писала она, — рецепта мази, которую наносил мне на лицо, предварительно проколов гнойники ланцетом». Несмотря на то что Елизавета была ее соперницей в борьбе за английский престол, Мария сочувствовала ей, поскольку знатные женщины той эпохи боялись оспы больше, чем родов. И при этом на лице обеих женщин шрамов не осталось.

В тринадцать с половиной лет Мария проболела несколько месяцев. Симптомы включали в себя повторяющиеся приступы лихорадки, рвоту, головную боль, боли в животе. Но это была не порфирия, а известное вирусное заболевание, которое распространялось по большей части летом и получило название «пот» или «квартана». Мария заболела в августе 1556 г., в период сильной жары. Приступы были «удивительно сильными и острыми», а за ними следовала ремиссия продолжительностью от восьми до десяти дней. «Это одна из болезней, от которой в нынешнем году страдают многие», — успокаивал кардинал мать королевы Марии. Заболели также дофин и старший сын герцога де Гиза, Генрих.

Именно эту болезнь имела в виду Мария, когда писала матери, что Паруа «едва не стала причиной моей смерти — из страха, что я вызову Ваше неудовольствие». В ее сознании болезнь и мадам де Паруа были тесно связаны. Паруа, классический пример обиженного бывшего работника, пыталась повредить ее репутации в Париже, рассказывая, что Мария дурно отзывалась о Екатерине Медичи в разговорах с Дианой Пуатье. В результате Екатерина охладела к Марии. Это был чувствительный удар, поскольку семья Гизов постепенно завоевывала расположение Екатерины, несмотря на то что в частных беседах она выражала

сомнения относительно осуществимости их «франко-британского» проекта.

Но ущерб оказался временным. Когда дяди Марии объявили, что племянница достигла совершеннолетия, и организовали для нее собственный двор, они сознательно пошли на риск. В целом все получилось так, как они задумали, но после ошибки с Паруа Гизы действовали наверняка. С этого момента двором Марии управляли из Жуанвиля и Медона, и главная роль принадлежала Анне д'Эсте. Новую воспитательницу так и не назначили, и вскоре Мария могла сказать, что за нее в равной степени отвечают тетя и два дяди.

После возобновления войны с Испанией у семьи де Гиз появился верный шанс. В феврале 1556 г. Восельское перемирие было разорвано. Заключенное на пять лет, оно продержалось несколько месяцев, и к лету 1557 г. Филипп II вовлек в войну с Францией не только Испанию, но также Савойское герцогство и Нидерланды. В августе армия под командованием Эммануила Филиберта, герцога Савойского, вторглась на север Франции и осадила торговый город Сен-Кантен в Пикардии, недалеко от границы. Меньшая по численности французская армия во главе с коннетаблем Монморанси двинулась на помощь городу, но была разбита; в плен попали шестьсот дворян, в том числе сам коннетабль и его сыновья, которые оказались в тюрьме.

Это было самое унизительное военное поражение французов за последние сто лет. Генрих II в панике послал за герцогом де Гизом, который в то время был в Италии, и срочно назначил его своим наместником. Одним росчерком пера герцога сделали вторым после короля человеком в государстве. Он не только стал главнокомандующим сухопутными и военно-морскими силами Франции, но также получил печать, которая позволяла ему отдавать распоряжения министрам, касающиеся международных дел, финансов и королевского двора.

В планах Генриха II было перейти в контрнаступление против Англии. Вернув Булонь в 1550 г., теперь он хотел вернуть Кале и соседние крепости — последний анклав английской оккупации во Франции, оставшийся после Столетней войны.

Старший герцог де Гиз сразу же оценил представившуюся возможность и 1 января 1558 г. он лично возглавил атаку на Кале. Сильный мороз позволил его армии в буквальном смысле пройти по воде. Самой уязвимой частью города был старый замок; английский гарнизон, который нес службу в замке, не отличался дисциплиной, и в городе нашлись предатели, принявшие сторону французов, но все это не сыграло какой-нибудь значимой роли. Атака де Гиза была настолько

стремительной и точной, что после непродолжительного обстрела французы захватили окружавшие замок форты, и 24 января Генрих II торжественно въехал в город под звуки псалма «Когда вышел Израиль из Египта». Король очень радовался возвращению Кале, что, по его мнению, с лихвой компенсировало катастрофическое поражение коннетабля у Сен-Кантена.

Когда Генрих в лазурной мантии, расшитой золотом и отороченной горностаем, с «императорской» короной на голове прошествовал по улицам Кале вместе с представителями высшего дворянства и своими советниками, братья де Гиз, вернувшие Кале французской короне, готовились извлечь всю возможную выгоду из своей выдающейся победы. В 1557–1558 гг. им удалось монополизировать и оказывать мощное влияние на политику всей страны. Их успех определялся эффективным сотрудничеством, тщательным планированием и сбором разведывательных данных; никто не мог сравниться с ними во внимании к самым мельчайшим деталям при планировании. Возвращение Кале было целью французской монархии на протяжении целого столетия. И вдруг эта цель была достигнута. Это казалось чудом, свершившимся благодаря гению Гизов.

Коннетабль по-прежнему оставался пленником в Брюсселе, и кардинал Лотарингский, стремясь подчеркнуть перераспределение власти в королевстве, приказал заковать его племянника в цепи по обвинению в ереси. В этот момент семья Гизов достигла вершины власти. Они казались несокрушимыми. Настал самый подходящий момент, чтобы получить заслуженную награду.

5
Образование

Образование Марии планировали очень тщательно. Во Франции достаточно долго существовал средневековый предрассудок, что королям и знати книжное образование ни к чему. Он был отброшен после того, как Луиза Савойская выбрала для своего сына, Франциска I, курс наук в лучших традициях итальянского Возрождения. Молодой король изучал библейскую историю, риторику, греческую и латинскую литературу. Он довольно свободно изъяснялся на итальянском и испанском. Франциск I стал большим ценителем искусства и собрал уникальную коллекцию картин и античных скульптур, покровительствовал писателям и музыкантам. Именно по его приглашению во Франции несколько лет жили и создавали шедевры искусства Леонардо да Винчи и Бенвенуто Челлини. Среди многочисленных сокровищ Франциска I была и «Мона Лиза», которая вместе с другими ценными картинами из его коллекции украшала ванную комнату.

Благодаря связям с Италией положение женщин при французском дворе изменилось. В Италии женщины оказывали более серьезное влияние на аристократическое общество, и особенно ценили и уделяли внимание умению аристократок поддержать разговор. Поборниками образования для женщин были испанец Хуан Луис Вивес и англичанин Томас Мор. Что касается Марии, то ее семья была убеждена, что в ее образовании важно придерживаться курса, который отражал их идеалы. Ключевым элементом должно было стать знание языков; далее следовали риторика, история и поэзия. Несмотря на то что эти дисциплины сейчас кажутся в большей степени теоретическими, в то время они считались почти полностью практическими.

Искусство политики и управления, как полагали теоретики, можно постичь только на исторических примерах. Ораторское искусство и искусство политического убеждения — риторика, или красноречие — изучались на примере книг на классических и современных языках, а также поэзии. Книги наставлений и советов, в том числе «Придворный» Бальдассаре Кастильоне, утверждали, что «ораторское искусство и искусство управления» тесно связаны, и изучать его лучше на античных примерах. Правитель или советник, не способный подбирать слова, «лепя их, как воск, по своему усмотрению», обречен на неудачу. «Величие и изысканность речей» проявляются в словах, которые

обнаруживают «достоинство и красоту, подобно картинам, выставленным при хорошем естественном освещении». Правители должны уметь произносить публичные речи: их аудитория, будь то избранные группы советников или парламенты, может быть «растрогана» искусным оратором, и поэтому правителей следует обучать на основе лучших образцов и приемов, которые довели до совершенства греческие и римские риторы.

Самым удивительным в обучении Марии был тот факт, что программа, по которой она занималась, почти полностью совпадала с программой обучения другого королевского отпрыска — дофина. Для девочки это было необычно. И дело не в ее королевском титуле — вместе с ней в классе сидели дочери Генриха II и девочки из семей его главных советников. Конечно, не будучи королевой, Мария не могла бы и надеяться на учителей такого уровня и неограниченный доступ к книгам и редким рукописям.

Среди обязательных для чтения книг были «Об обязанностях» Цицерона, «Политика» и «Риторика» Аристотеля, «Наставления оратору» Квинтилиана и «Сравнительные жизнеописания» Плутарха. Изучая их, Мария должна была постепенно переходить от базовых знаний латинской грамматики к более интенсивному изучению ведущих авторов и подражанию им; греческих авторов сначала следовало читать в латинских переводах. Овладев латынью, Мария должна была перейти к изучению греческого, итальянского и, возможно, испанского. В быту она, разумеется, уже говорила по-французски.

Как и другие ученики, обучавшиеся по этой программе, Мария должна была делать переводы с родного языка на латынь, а также писать сочинения в прозе, подражая приемам Цицерона и других великих ораторов. Процесс обучения предполагал знакомство с самыми разными сочинениями, в частности с философскими и этическими трактатами Платона и Аристотеля, работой Птолемея по географии и историческими трудами Плутарха и Ливия.

В совокупности эти элементы считались курсом профессионального обучения — эквивалентом (для будущего правителя) диплома в области делового администрирования. Последний этап, нечто вроде дипломной работы, состоял в том, что Мария должна была произнести речь на латыни перед членами семьи и всем королевским двором в большом зале Лувра. Большинство присутствующих, вероятно, поняли, о чем она говорила — в зависимости от того, насколько беглой и грамматически правильной была ее речь.

Образованием Марии занимались Екатерина Медичи, Диана

де Пуатье и кардинал Лотарингский, которые подбирали преподавателей для юной королевы. Главная роль принадлежала Диане, которая и сама получила превосходное образование. Диана де Пуатье была известной покровительницей художников, писателей и поэтов, а также самым крупным покупателем классических и итальянских произведений искусства из коллекции Франциска I после его смерти, ценителем прекрасного, оказавшим наибольшее влияние на вкусы королевского двора Генриха II.

Мария изучала элементарную латынь и общие предметы под руководством Клода Милло и Антуана Фукелена. О Милло нам ничего не известно, за исключением его восторженных отчетов об успехах юной королевы и того факта, что она назначила его брату пенсию. Фукелен был автором известного трактата о риторике, «Французская риторика» (La rhétorique francoise), опубликованного в Париже в 1557 г. с посвящением юной ученице, в котором он прославлял ее способности и задатки.

Освоив азы, Мария присоединилась к дофину на уроках углубленного изучения латыни, которую преподавал Жак Амио, специалист по классическим языкам, назначенный Генрихом II наставником для своих сыновей. Одновременно с обучением королевских детей Амио готовил новое издание «Жизнеописаний» Плутарха — книга была опубликована в 1559 г. Возможно, он давал Марии письменные упражнения, основанные на собственных переводах, но скорее всего она впервые познакомилась с Плутархом по сокращенному изданию, или подстрочнику, сделанному Жоржем де Сельвом, бывшим учеником Пьера Дане, который преподавал Марии греческий.

Дане был знаменитым ученым, и Генрих II специально выбрал его для обучения дофина греческому. Дане входил в состав комиссии по реформированию Парижского университета и был учеником Гийома Бюде, ведущего французского интеллектуала эпохи Франциска I и блестящего лингвиста, самостоятельно выучившего греческий за несколько недель. Дане пытался копировать воодушевляющие методы своего учителя, и Мария тщательно штудировала «О наставлении государя» (De l’institution du prince) — классический сборник советов для правителя, основанный на идеях, почерпнутых у древних авторов. У нее был изящный экземпляр рукописи, который она привезла с собой в Шотландию вместе с другими вещами после смерти Франциска II.

Сочинения на латыни, написанные Марией в возрасте одиннадцати и двенадцати лет в тетради с кожаной обложкой, в настоящее время хранятся в Национальной библиотеке в Париже.

Она должна была написать шестьдесят четыре коротких эссе на латыни на «темы», заданные учителями. Эти сочинения раскрывают круг ее чтения, который не назовешь всеобъемлющим, но который включал басни Эзопа, труды Цицерона и Платона, пьесы римского комедиографа Плавта и, самое главное, «Сравнительные жизнеописания» Плутарха.

Мария часто цитировала «Разговоры запросто» Эразма Роттердамского — чрезвычайно популярный сборник эссе выдающегося голландского гуманиста. Написанные на изящной и живой латыни, с блестящими вкраплениями юмора и иронии, «Разговоры» предназначены для развлечения и наставления студентов таким образом, чтобы пробудить в них желание обратиться к тексту Библии и классическим произведениям. У Марии также был экземпляр «Похвалы глупости» — шедевра Эразма, содержащего едкую сатиру на монархию и подхалимство. Возможно, эта книга помогла Марии осознать, что ее долг — уметь сочетать роскошь и удовольствие с ролью защитника своего народа.

По сравнению с более поздним страстным стилем Марии ее первые эссе выглядят бледно: высокопарные и моралистические, они передают не столько ее мнение, сколько взгляды, которые она должна была выражать по желанию учителей. Многие сочинения выглядят как ее собственные переводы образцов ответов, и почти все они имеют форму «писем», поскольку эпистолярный жанр считался наиболее подходящим для обучения, а также лучшим способом перехода к освоению ораторского искусства.

Большинство писем Мария адресовала своей лучшей подруге, принцессе Елизавете, старшей дочери Генриха II. Среди других «корреспондентов» были дофин, принцесса Клод и дяди Марии. Вне всякого сомнения, другие королевские дети читали эссе, «адресованные» им, однако целью этих упражнений были практические занятия по риторике. Ни одно из «писем» так и не было отправлено.

Письмо, адресованное кардиналу Лотарингскому, начиналось, например, так: «В наши дни многие люди, мой дядя, неверно трактуют Священное Писание, потому что они не читали его с чистой и светлой душой». Это типичная фраза для школьных упражнений Марии. Однако в нескольких письмах к Елизавете и Клод проскальзывают неформальные обороты: «Я собираюсь в парк, чтобы дать моим мыслям немного отдыха», «Король отпустил меня в парк, вместе с мадам де Кастр, чтобы я посмотрела на оленя», «Королева запретила приходить к тебе, моя сестра, потому что она думает, что у тебя корь, о чем я очень

сожалею».

Приблизительно в то же время, когда Мария писала сочинения на заданные «темы», она изучала труд Птолемея «Руководство по географии», написанный во II в. и заново открытый в XV. Птолемей проповедовал геоцентрическую теорию и полагал, что земля находится в центре Вселенной, а солнце, планеты и звезды вращаются вокруг нее. Но он был первым картографом, кто спроецировал сферическую поверхность земли на плоскость и отметил на изображении сеть линий широты и долготы. Север он помещал в верхней части своих карт; кроме того, он или его издатели сопровождали карты подробными комментариями о разных городах и странах, вместе с крошечными изображениями их жителей.

У Марии был превосходный экземпляр «Географии», отпечатанный в Риме в 1490 г. и ранее принадлежавший семье Фрескобальди, входивших в число богатейших банкиров Флоренции. Из этой книги она узнала, что Шотландия находится гораздо севернее Франции, хотя и южнее, чем на самом деле, по отношению к экватору (и, следовательно, там тепло). Она прочла, что летом в Эдинбурге максимальная продолжительность дня составляет девятнадцать часов, а в Париже — только шестнадцать. Согласно Птолемею, большая часть Шотландии была равниной, за исключением густых лесов и высоких гор в Каледонии (так Птолемей называет горную Шотландию), которую он уместил в слишком маленькую область между Глазго и Инвернессом. Сведения о продолжительности дня были точными, но описание Шотландии в труде Птолемея было искажено не только длинной и неточной проекцией, но также и отсутствием у него сведений о гористой приграничной области между Англией и Шотландией. Тем не менее Мария была очарована географией и не расставалась с этой книгой, даже когда выросла.

Когда ей было почти тринадцать, она произнесла импровизированную речь на латыни в большом зале Лувра перед большой аудиторией, среди которой были Генрих II, Екатерина Медичи и дяди Марии. В своей речи она защищала образование женщин и доказывала несостоятельность мнения двора, что девочкам нет нужды учиться. Тему она выбрала сама, полагая абсолютно оправданным итальянский подход, с одинаковым базовым образованием для детей обоего пола.

Сохранилось восторженное описание этой речи, принадлежавшее Пьеру де Бурдейлю, сеньору де Брантому. «Только представьте, — писал он, — какое это чудесное и редкое зрелище — видеть, как ученая и прекрасная королева декламировала на латыни, языке, который она отлично понимала

и на котором превосходно говорила». К сожалению, эту чрезмерную похвалу Бурдейля нельзя принимать за чистую монету. Он был всего на два года старше Марии и почти наверняка не присутствовал в зале; кроме того, он был известен склонностью к гиперболам.

Речь Марии была правильной, но не более того. И юная королева усердно практиковалась. Не меньше пятнадцати ее эссе были посвящены этой же теме, и несмотря на то что она привела множество ссылок на достижения образованных женщин, почти все они были взяты из одного источника — письма известного итальянского поэта Анджело Амброджини из Монтепульчано, которое подготовил для публикации и снабдил комментариями Франсуа Дюбуа. У Марии либо был собственный экземпляр книги, либо она взяла его в королевской библиотеке в Фонтенбло, поскольку прилежное повторение этих цитат не может быть просто совпадением.

Ее интересы лежали в других областях. По словам наставников Марии и отчетам ее воспитательницы мадам де Паруа, она была внимательной и трудолюбивой, в гораздо большей степени, чем дофин, у которого неспособность сосредоточиться и отсутствие мотивации послужили причиной назидания в одном из эссе Марии. Но классическое образование ее не увлекало: она понимала латынь лучше, чем говорила на ней, и ей гораздо больше нравилась французская поэзия, которую она изучала под руководством Пьера де Ронсара — ведущего поэта Плеяды[10].

Это был кружок из семи поэтов при дворе Генриха II, сочинявших стихи и панегирики в обмен на покровительство короля. Они находились в авангарде литературного движения, ставившего своей целью продемонстрировать, что нация может быть сформирована общим языком и что французский язык способен на равных соперничать с латинским, греческим и итальянским. Они также хотели доказать, что стихи на светские темы, такие как любовь, дружба, воинская доблесть или личные переживания, ничем не уступают произведениям религиозной тематики. Для этого Ронсар показывал, что французский язык передает все тонкости и нюансы самых возвышенных литературных жанров, таких как римский и греческий эпос и лирика, или новейшие и самые модные итальянские сонеты и *канцоны*.

Между сторонниками Плеяды и теми риторами, классицистами и историками, которых Ронсар назвал слишком скучными и старомодными, чтобы писать на варварском французском, развернулось серьезное соперничество. Это была

битва «молодых турок» Плеяды против «старой гвардии». Столкновение стилей сразу заворожило юную Марию, симпатии которой были на стороне Плеяды. «Старая гвардия» применяла сложные метафоры и обтекаемые педагогические конструкции, которые их соперники сравнивали с Вавилонской башней, тогда как «молодые турки» следовали совету Данте и использовали ясные, изящные и простые слова, в основе которых лежала разговорная речь: язык настолько яркий, элегантный и совершенный, достигавший таких высот, что был способен смягчать сердца людей.

Ронсар привлек внимание Марии тем, что знал Шотландию. Он служил пажом при дворе Мадлен, первой жены короля Якова V, а после ее смерти задержался в стране на два года. Марию впечатлила его борьба за светскую поэзию; будь ее воля, она читала бы французскую литературу, а не классику, и поскольку она уже являлась королевой, то было бы естественно, чтобы ей предоставили право выбора.

«Больше всего, — отмечал Бурдейль, — она любила поэзию и поэтов, но особенно месье де Ронсара, месье дю Белле, месье де Мезонфлера, которые сочиняли для нее очаровательные поэмы и элегии, в том числе об ее отъезде из Франции, и я часто наблюдал, как она читала их во Франции и в Шотландии, со слезами на глазах и печалью в сердце». Выбор авторов легко объясним: дю Белле был вторым лидером Плеяды, наряду с Ронсаром, а Мезонфлер — поэтом-солдатом, сопровождавшим герцога де Гиза. Сочиняла ли Мария стихи на тему своего возвращения из Франции в Шотландию — спорный вопрос.

У нее самой не было поэтического дара. До нас дошло лишь несколько ее стихотворений, хотя во время длительного заточения в Англии она пыталась писать сонеты на французском и итальянском. После суда над ней и казни было написано множество стихов в ее честь, — и некоторые приписаны ее перу. И тем не менее явной подделкой являются строки, которые она якобы сочинила по пути в Шотландию:

> Adieu, plaisant pays de France!
> O ma patrie,
> La plus chérie!
> Qui a nourri ma jeune enfance!
>
> Прости, прелестная страна,
> О Франция родная,
> Отчизна дорогая,
> Где отцвела моя весна…[11]

Эти строки, впервые появившиеся в «Антологии французской поэзии» в 1765 г., принадлежали не Марии, а французскому журналисту XVIII в., жаждавшему опубликовать сенсацию. Если юная королева и внесла существенный вклад во французскую поэзию, то в качестве покровителя, а не автора.

С просьбой о покровительстве Ронсар обратился в 1556 г., когда кружок близких ему поэтов начал называть себя Плеядой. Поначалу Ронсар хотел привлечь внимание де Гизов — дядей Марии, но, потерпев неудачу, обратился к ней напрямую. К тому времени прошел почти год после речи Марии в Лувре; ей было почти четырнадцать. Ронсар сравнил ее с римской богиней утренней зари, «прекрасной, и даже более прекрасной и очаровательной, чем Аврора». Его поэма «Ваше Величество» (A La Royne d'Écosse) была личным и политическим панегириком. Он предложил свои услуги «Вам, Вашему народу и Вашей короне».

Мария согласилась быть покровителем Ронсара и впоследствии помогла опубликовать первое издание его стихов. В ответ он и его последователи никогда не покидали ее, проявляя сочувствие, отправляя ей стихи, оказывая эмоциональную поддержку, в которой она так нуждалась в самые тяжелые и тревожные моменты своей жизни. Поэты Плеяды поддерживали монархию во время политического и религиозного кризиса, обрушившегося на Францию в эпоху религиозных войн. Они хранили верность Марии и считали своим долгом защищать ее репутацию. Правда, нельзя не признать, что Ронсар подстраховывался и посвящал стихи и Елизавете I — льстил ей, утверждая, что красотой она не уступает Марии. Но если не обращать внимания на мелкие «промахи», в целом поэты Плеяды вели себя достойно, и Мария любила их до конца жизни.

Несмотря на относительно скромный поэтический дар, любовь Марии к поэзии многое говорит о ней. Она обладала богатым воображением, была романтичной и склонной к серьезным размышлениям. Кроме того, в идиоматическом и культурном плане она стала настоящей француженкой, воспринимающей французский язык, его структуру и ассоциации точно так же, как любой уроженец страны.

Мария теперь не просто свободно владела французским: изменилась, а возможно, и полностью преобразовалась ее личность. Вкусы и занятия юной королевы были сосредоточены на музыке, танцах и вышивке, которым посвящали свободное время аристократки Европы, но ее предпочтения отличались от того, что доставило бы удовольствие уроженке Шотландии. Ее

вкус также резко отличался от вкуса матери, хотя та родилась во Франции, — Мария следовала не только французскому, но и итальянскому стилю, отражающему моду при дворе Генриха II, увлекавшегося культурными тенденциями Флоренции, Милана и Мантуи. В пении и танцах Мария предпочитала стили, пришедшие из Мантуи и Милана, а в вышивке ей нравились роскошь Флоренции и Венеции.

Голос у нее был не слишком сильный, но чистый, и ее учили, подобно мантуанским певцам, изменять тембр соответственно тексту, акустике помещения или звучанию музыкальных инструментов. Иногда Мария пела, аккомпанируя себе на лютне. Она также играла на клавикордах и арфе.

Как музыкант Мария ничем особенным не выделялась, а вот к танцам у нее был настоящий талант. Достаточно ловкая, чтобы освоить сложные фигуры самых новых и самых модных танцев, она обладала чувством ритма и всегда выглядела грациозной. Рассказывали, что с помощью простых жестов она умела выразить чувства, соответствующие музыке.

Генрих II сразу же распознал танцевальный талант Марии, — как и ее блестящие актерские способности. Он постарался найти для Марии и дофина подходящего учителя танцев; юная королева и Франциск регулярно упражнялись вместе в преддверии балов, которыми должно было сопровождаться их обручение.

Мария обожала танцы. Она использовала любую возможность, чтобы потанцевать, — приезжала на семейные праздники, устраиваемые ее родственниками Гизами в Жуанвиле и Медоне, а также присутствовала на каждом балу в Лувре. В Холирудском дворце, после возвращения в Шотландию, она почти каждый вечер танцевала вместе со своими четырьмя Мариями. Нередко танцы оканчивались далеко за полночь, за что ее осуждали кальвинисты, видевшие в этом «безнравственность… французских обычаев», приглашение к «идолопоклонству» и сексуальной распущенности.

Мария также любила вышивать. Это занятие считалось идеальной формой отдыха для женщин, если для других развлечений на свежем воздухе было слишком холодно или сыро. Когда ей было девять лет, для нее заказали два фунта скрученной шерстяной нити, чтобы она начала обучение под руководством опытного Пьера Данжу, личного вышивальщика Генриха II. Мария всю жизнь получала удовольствие от этого занятия, и в Шотландии часто вышивала во время заседаний Тайного совета или приема послов. Впоследствии, во время ссылки в Англии, вышивание будет служить средством успокоения на протяжении долгих лет. «Весь день, — сообщал один из докладов, — она не

выпускала из рук иглы, и разнообразие цветов делало работу не такой скучной, и [она] вышивала до тех пор, пока боль не заставляла ее прекратить это занятие».

Екатерина Медичи поощряла интерес Марии. Она сама была искусной вышивальщицей, в детстве обучилась этому ремеслу в монастыре Мурате во Флоренции, монахини которого славились своими вышивками. Мария начала с вязания и простого шитья, после чего перешла к декоративной вышивке гарусом по канве: крошечными стежками *petit point*, а также *gros point*. Цель этих занятий — изготовление подарков или украшение мрачных, обшитых темными деревянными панелями комнат с помощью похожих на гобелены настенных драпировок, балдахинов, скатертей и наволочек. Требуемый узор, взятый из сборника эмблем, сначала рисовали на полотне, а затем с максимальной аккуратностью заполняли стежками из цветной шерсти или шелка.

Еще в детстве Мария выказывала склонность к роскоши. Она очень любила *brodures* — самые роскошные и дорогие «вышивки» — и особенно с драгоценными камнями и эмалью, которые использовались для украшения головных уборов или в орнаменте из переплетающихся полос на лифах и рукавах платья. Такие украшения очень ценились, но изготовить их могли самые опытные мастера — шили непосредственно по шелку или атласу тонкими металлическими нитями или шелковой пряжей с прикрепленными крошечными жемчужинами или маленькими драгоценными камнями. В подростковом возрасте Мария поняла, что буквально не может жить без этих вещей, и стала покупать их без разбора, не обращая внимания на протесты мадам де Паруа.

Что касается менее возвышенных увлечений, то Мария обожала готовить *cotignac*, разновидность французского мармелада — надевала фартук и несколько часов варила айву с сахаром и порошком из фиалок, а затем красиво раскладывала дольки засахаренных фруктов. Четыре Марии должны были помогать ей, и в их апартаментах оборудовали специальную «кухню», чтобы девочки могли играть в приготовление пищи и ведение домашнего хозяйства, притворяясь женщинами из семьи слуг или бюргеров, которые следят за домом и ходят за покупками. Эту игру Мария всегда вспоминала и иногда обращалась к ней в Шотландии, обычно в Сент-Эндрюсе, где у нее был дом рядом с аббатством.

Мария любила домашних животных и хотела, чтобы их у нее было как можно больше. Предпочтение отдавалось собакам, особенно терьерам и спаниелям, которым позволялось свободно ходить повсюду, как это было принято в королевских и

аристократических домах той эпохи. В какой-то период у нее было шестнадцать собак, и персоналу кухни предписывалось не кормить их.

На втором месте у Марии стояли пони. Когда ей было почти пятнадцать, она попросила мать прислать ей «несколько хороших *haqueneys*, которых я обещала Месье и другим, просившим меня об этом». То есть она хотела, чтобы Мария де Гиз прислала пони с Шетландских островов, что у северной оконечности Шотландии, в качестве подарков для младших братьев дофина — восьмилетнему Карлу, семилетнему Генриху и четырехлетнему Франсуа. Эти пони — небольшого роста, с покладистым характером и мохнатой шкурой — идеально подходили для обучения детей верховой езде.

По прибытии во Францию Мария была еще слишком юна для участия в охоте, но она могла смотреть, как охотятся другие, и приходила в волнение каждый раз, когда с поводков спускали охотничьих собак. Но соколиная охота была уже ей доступна, и через несколько недель после прибытия в Сен-Жермен она поразила придворных дам, когда взяла своего ручного сокола, выпустила птицу, а затем без страха приняла на руку, обойдясь без помощи сокольничих.

Впоследствии Мария наблюдала за тем, как обучают охотиться дофина, а в возрасте двенадцати или тринадцати лет присоединилась к нему. Двух любимых лошадей юной королевы, подаренных ей Генрихом II, звали Браван и Мадам ла Реаль (возможно, Браван — кличка, данная Марией бесстрашной молодой кобыле, а ла Реаль — испанской кобыле, что в буквальном переводе означает «королевская»). Мария любила ездить верхом и вскоре пристрастилась к охоте, на которую надевала под юбки штаны из флорентийской саржи. Эта мода была привезена Екатериной Медичи из Италии и считалась непристойной, поскольку позволяла всаднице сидеть на лошади прямо, а не боком, как того требовал дамский этикет; в Шотландии эта привычка Марии вызывала осуждение.

В дождливые дни или по вечерам Мария любила играть в карты с дофином, у которого чаще всего выигрывала, однако в случае проигрыша ее ставки были выше, чем его. Мария уже тогда с готовностью рисковала. Другими домашними развлечениями Марии были шахматы, нарды и набор итальянских марионеток.

В четырнадцать лет Мария переросла всех своих сверстниц. В те времена женщина считалась высокой, если ее рост чуть превышал 162 см, а Мария выросла почти до 178 см (пять футов и десять дюймов). В сочетании с изящной грудью, тонкой талией, нежной белой кожей, мраморным лицом, высоким лбом и копной

вьющихся рыжих волос ее внешность считалась очень необычной. Из недостатков был только один — ее осанка, потому что с детства Мария отказывалась держать спину прямо. Скорее всего, она просто ленилась, а не стеснялась своего роста. В любом случае мадам де Паруа исправила этот недостаток, хотя и не без сопротивления со стороны юной королевы. В результате у Марии в ее лучшие годы не было и намека на опущенные плечи и легкую сутулость, характерные для зрелых лет.

Период взросления Марии иллюстрирует серия карандашных портретов, равнозначная современной фотографии. Первый портрет нарисовали сразу же по прибытии Марии в Сен-Жермен, чтобы Генрих II смог узнать ее. Этот рисунок был утерян, но сохранились другие, на которых она изображена в возрасте от девяти до шестнадцати лет.

Когда дофину было восемь, а Марии девять, Екатерина Медичи заказала портреты королевских детей, причем попросила прислать их как можно скорее. Получив портреты, она жаловалась, что художник не смог правильно передать детские черты. Поэтому она настаивала на большем сходстве, даже если это будут карандашные работы.

Новые портреты были готовы в декабре 1552 г. Портрет Марии показали Генриху II, и ему так понравился рисунок, что он отказался расставаться с ним. Эта законченная версия не сохранилась, но до нас дошел подготовительный набросок красным и черным карандашом, на котором Мария изображена в возрасте девяти с половиной лет.

Лицо ее напряжено — возможно, из-за необходимости неподвижно сидеть перед художником — но миндалевидные глаза нельзя не узнать. Уши непропорционально велики, нос детский, слегка курносый, а не орлиный. Высокий лоб, незаметные брови и тонкие губы в ту эпоху считались красивыми, хотя мы с этим можем не согласиться. Улыбаться на портрете считалось верхом грубости.

Одета Мария по последней моде: узкий корсаж и резные рукава, пышные на плечах и обтягивающие руки. Вьющиеся волосы с пробором посередине скрыты под расшитым чепцом, украшенным драгоценными камнями. В ушах у Марии сережки, на шее золотое ожерелье с рубинами и бриллиантами, на плечах нитка жемчуга, а на груди — большой кулон, тоже украшенный драгоценными камнями. Будучи королевой, которая обязана поддерживать свой статус при дворе, она была вынуждена регулярно одеваться таким образом, несмотря на юный возраст.

Позже один из ведущих придворных художников, Франсуа Клуэ, нарисовал еще один, более детальный, портрет Марии в

возрасте двенадцати или тринадцати лет. Это завораживающее изображение юной девушки известно во Франции как «высшее совершенство». Ее лицо и губы стали полнее, взгляд не такой тревожный, нос уже не курносый, брови проявились и тщательно выщипаны, а очарование и живость юной королевы проявляются в выбившихся из-под чепца локонах и блеске глаз.

Третий, и последний, рисунок Марии был сделан незадолго до ее свадьбы. Ей чуть больше пятнадцати, но выглядит она на все двадцать. Изящная, уверенная в себе и хладнокровная, с серьезным и даже немного агрессивным выражением лица, излучающим уверенность и спокойствие. Это портрет человека, который знает, чего хочет, и добивается своего.

Марии исполнилось пятнадцать, и ее дяди, кардинал Лотарингский и герцог де Гиз, могли быть довольны: она была готова исполнить обязанности, возлагаемые на нее чрезвычайно важной ролью. Для кардинала во главе угла стояло умение управлять государственными делами. «Осторожность во всем» — этот принцип всегда старался внушить ей кардинал. Ее учили хранить письма и не оставлять их на виду или в незапертых ящиках, чтобы их не украли или не прочли слуги. «Могу заверить Вас, — со знанием дела сообщала она матери, — что ничто, приходящее от Вас, никогда не будет мною раскрыто».

Мария научилась помечать самые важные фрагменты писем для шифрования. Эту работу выполнял ее личный секретарь после того, как она писала или диктовала черновик, однако когда она, волнуясь, попробовала эту процедуру в первый раз, секретарь сказал, что в этом нет нужды, поскольку он уже отправил ее матери всю конфиденциальную информацию в зашифрованном виде.

Несмотря на эти меры предосторожности, Мария иногда бывала слишком доверчивой. Когда ей, как королеве, потребовалось ответить на письма и просьбы, поданные в Шотландии, она отправила матери тридцать пять пустых листов со своей подписью. Четырнадцать, подписанные просто «Мария», предназначались для общего пользования. Пятнадцать, с подписью «Ваша Мария», — для привилегированных и важных адресатов. Шесть листов, подписанных «Ваша любезная сестра Мария», предназначались исключительно для суверенных правителей и должны были использоваться тогда, когда требовались сопроводительные письма для верительных грамот, а также в других особых случаях.

В этот период проявилась еще одна характерная черта Марии. Ее научили писать почти идеальным наклонным шрифтом по последней итальянской (или римской) моде вместо готического

шрифта позднего средневековья; чтобы буквы соответствовали этому изящному стилю, ей приходилось пользоваться трафаретом. Когда Мария старалась, она могла писать безупречно: лучшие образцы ее почерка неотличимы от почерка дочерей Генриха II или ее молодой тетки, Анны д'Эсте, которая в подростковом возрасте тоже училась писать наклонным шрифтом.

На практике получалось так, что в самом начале Мария писала аккуратно, однако на второй или третьей странице начинала торопиться. В целом ее преподаватели были тактичны в оценках. Типичный комментарий: «она писала свои письма изящно и, что редко для женщины, быстро». На самом деле она постоянно извинялась за неаккуратность. В постскриптуме письма к матери, написанном в возрасте четырнадцати лет, Мария просила ее «простить мой ужасный почерк, поскольку я очень спешу». Приблизительно год спустя мы читаем: «Вы должны простить меня, если мой почерк плох, но у меня не было времени сделать все как полагается…»

Таким образом, Мария, не проявляя выдающихся способностей в учебе, была живой и сообразительной, быстро училась и обретала уверенность в себе, что дало возможность привыкнуть к своему королевскому статусу и даже наслаждаться им. Опережая своих сверстников в развитии — но не в учебе, — она следовала инстинктам и сосредоточивалась на том, что ей нравилось. Однако Мария не любила зубрежку и не соглашалась с тем, что античная литература — лучшая подготовка для королевы. Письменные задания она старалась выполнить как можно быстрее.

По мнению Рабле, знаменитого французского писателя начала XVI в., одна из главных функций образования состояла в том, чтобы молодые аристократы росли, как растения на солнце. Марии очень понравилась эта идея, и юная королева сделала ее своей эмблемой. Выбор пал на бархатцы, цветок, который всегда поворачивается к солнцу, а девизом стала фраза «Sa Virtu m'Atire» («Меня влечет добродетель»), почти точная анаграмма имени MARIE STVART, в котором «u» заменена на «v».

Во Франции в эпоху Генриха II игра в анаграммы была очень модной. В нее играли с помощью букв, как теперь в скребл, зачастую используя также загадки-картинки из Италии, на которых были нарисованы эмблемы, или *impresa*. Основу личной монограммы Марии составляли две пересекающиеся греческие буквы «М» (или *мю*), одна обычная, а другая перевернутая, чтобы изображение можно было прочесть в любом положении. Над монограммой Мария поместила анаграмму, а впоследствии

изображение бархатцев.

По всей видимости, Мария обратила внимание на бархатцы благодаря Рабле, потому что именно этот цветок она выбрала из сборника эмблем для своей вышивки. Но девиз на вышивке другой: «non inferiora secutus» («не опускаясь до низших вещей»), оригинальная версия на латыни, которую Мария решила просто переписать.

На первый взгляд здесь проявляется изобретательность Марии, но на самом деле точно такую же эмблему раньше ее выбрала принцесса Маргарита, младшая дочь Генриха II, которая обучалась вместе с Марией. Она сохранила латинскую версию девиза, но заменила бархатцы на «маргаритку», соответствовавшую ее имени, тогда как юная королева Шотландии, позаимствовав идею у подруги, сохранила цветок, но изменила девиз.

Вскоре после того, как Мария выбрала бархатцы в качестве своей *impresa*, ее дядя, герцог де Гиз, отвоевал у англичан Кале, и на первое место снова вышли политические и династические амбиции ее семьи. Она прекрасно понимала, что дяди стремятся заполучить английский престол для нее и дофина, таким образом сделав себя незаменимыми для государства династии Валуа.

Прошло совсем немного времени, и начал проявляться непредвиденный эффект разностороннего образования Марии. Она стала мыслить самостоятельно и оспаривать то, что говорили ей дяди. Осваивая учебную программу, которую они для нее выбрали, она приобретала те же навыки, что и мужчины; ее учили независимости мышления. Несмотря на нелюбовь к классической риторике, Мария научилась отстаивать свою точку зрения и находить сильные и слабые стороны в аргументации других.

Поначалу эта черта характера Марии оставалась скрытой. Она не проявилась и тогда, когда в качестве награды за возвращение Кале семья Гизов праздновала победу. На торжественной церемонии, устроенной в большом зале Лувра во вторник 19 апреля 1558 г., Генрих II объявил дату бракосочетания Марии и дофина. Ей было пятнадцать, а Франциску четырнадцать. Кардинал Лотарингский соединил руки жениха и невесты, которые произнесли клятвы верности и обменялись кольцами, пообещав, что в назначенный день станут мужем и женой.

Через три дня на свадьбу пригласили советников магистратуры Парижа. Церемония должна была состояться почти немедленно. После того как Генрих II принял решение, никому не позволялось стоять у него на пути. Свадьба сына, объявил он, должна стать самым величественным и торжественным событием,

которое когда-либо видела Франция. Подготовка втайне велась уже месяц: распорядители церемоний, экономы, портные, поставщики, плотники, вышивальщики и кондитеры трудились день и ночь, чтобы все успеть к сроку.

После свадьбы с дофином Мария изменила монограмму, так что греческая буква *мю* оказалась внутри буквы *пси*, что означало «М» и «Ф» — Мария и Франциск. Когда королевский переплетчик делал новый переплет для ее экземпляра «Географии» Птолемея, она выбрала переднюю и заднюю обложку из оливковой марокканской кожи с золотым тиснением в виде пальмовых ветвей и новой монограммой из переплетенных букв в центре. Анаграмму «Sa Virtu m'Atire» Мария оставила, но внесла одно важное изменение. Теперь фраза венчалась не бархатцами, а короной Франции.

6
Династический брак

Свадьба Марии произвела на всех огромное впечатление. Венчание проходило 24 апреля 1558 г. в соборе Парижской Богоматери — духовном сердце Парижа. Собор находится на конце острова Сите посередине Сены. Взволнованные горожане толпились на соборной площади и высовывались из окон соседних домов, чтобы хотя бы краем глаза взглянуть на церемонию, на которую не смогли попасть. Выстроенная временная галерея высотой 12 футов соединяла исходный пункт грандиозной процессии — дворец архиепископа Парижского с самим собором Нотр-Дам. Галерея в форме арки была украшена в стиле античной классики и вела к открытой беседке и помосту у западного фасада собора, которую венчал балдахин из небесно-голубого шелка с вышитыми золотыми лилиями. Крытый переход продолжался и в самой церкви вдоль нефа к алтарю и заканчивался у королевской капеллы, где должны были слушать мессу жених и невеста. С обеих боков галерея была открытой, чтобы все могли видеть процессию. Вне всякого сомнения, это была идея Генриха II, который прекрасно понимал, какое значение пышный спектакль имеет для демонстрации и укрепления власти.

Аристократы и иностранные послы сидели на помосте, рядом с местом, где должны были венчаться жених и невеста. В десять часов на площадь вышли швейцарские алебардисты в ярких мундирах; они маршировали и размахивали алебардами под звуки тамбуринов и дудок. Швейцарцы развлекали публику около получаса, после чего появился глава семьи Гизов — Франсуа, герцог де Гиз.

Он производил сильное впечатление: высокий, красивый, с загорелым и обветренным в военных походах лицом. Герцог шел решительным шагом, высоко держа голову; на коротких белокурых волосах бархатная шапочка с плюмажем из белых перьев, борода и усы тщательно пострижены. Герцог де Гиз занимал должность распорядителя церемоний, но в этот особый день он был назначен главным распорядителем королевского двора — высший придворный пост в королевстве, который ранее занимал его отсутствующий соперник Монморанси, все еще томившийся в плену в Брюсселе.

По сигналу герцога появились музыканты с трубами, рожками, гобоями, флейтами, виолами, скрипками и другими

музыкальными инструментами. Одетые в роскошные, красные с желтым костюмы, они удивляли публику своей виртуозной игрой. За ними проследовали сотни придворных в своих лучших нарядах, затем принцы крови, а за ними аббаты и епископы в богатом облачении — митрах и с посохами. Следом шло высшее духовенство: архиепископы, кардиналы, в том числе дядя Марии, Шарль, кардинал Лотарингский, и папский легат кардинал Тривульцио.

В центре внимания была королевская семья. Жених шел в сопровождении младших братьев, Карла и Генриха, а также Антуана де Бурбона, герцога Вандомского и формального короля Наварры, женатого на одной из кузин Генриха II. Мария шествовала между Генрихом II и своим кузеном Шарлем, герцогом Лотарингским, главой семьи де Гиз, земли которых находились в Лотарингии и Баре на восточной границе Франции. За ними шла Екатерина Медичи вместе с братом Антуана, Людовиком, принцем де Конде, и в сопровождении десятка принцесс, герцогинь, знатных дам и фрейлин.

Толпа смотрела только на Марию. Люди в буквальном смысле не обращали внимания на Франциска, низкорослого и тщедушного, являвшего собой разительный контраст с высокой и женственно красивой Марией. Зрители вытягивали шеи, чтобы рассмотреть невесту, и размахивали шляпами. Она была поистине ослепительна в своем блестящем белом платье — необычный и дерзкий выбор, поскольку белый цвет в королевской семье Франции считался цветом траура. Однако Мария не желала в день своей свадьбы связывать себя условностями и хотела, чтобы ее запомнили. Она знала, что белый цвет идет ее нежной коже и рыжим волосам, и настояла на нем. Ее «роскошное и дорогое» платье переливалось бриллиантами и другими драгоценными камнями; длинный шлейф несли две фрейлины. На шее Марии сверкала украшенная драгоценными камнями подвеска, которую она называла «Большой Гарри», подарок тестя, на кулоне были выгравированы его инициалы. Мария так высоко ценила это украшение, что впоследствии хранила его вместе с шотландскими драгоценностями короны. Волосы невесты были распущены, а не собраны в прическу под фатой — еще один смелый жест — а голову украшала золотая корона с бриллиантами, жемчугом, рубинами, сапфирами и изумрудами. Огромный камень в центре короны сверкал на солнце и притягивал взгляды: ходили слухи, что он стоил полмиллиона крон.

Мы без труда можем представить, о чем думала Мария по пути к алтарю. Утром этого дня она написала матери, рассказывая о своем волнении: «Все, что я могу Вам сказать, — я

считаю себя одной из самых счастливых женщин в мире».

У громадных дверей собора королевскую семью встретил архиепископ Парижский. Генрих II снял с пальца кольцо и отдал его кардиналу-архиепископу Руанскому, который совершил брачный обряд на глазах у публики. После короткой проповеди архиепископа Парижского жених и невеста удалились внутрь королевской капеллы, чтобы выслушать торжественную мессу.

Прежде чем войти в собор, жаждавший популярности герцог де Гиз, увидев, что публике ничего не видно, взмахом руки приказал герольдам вывести гостей с помоста и рассадить в соборе. Зрители одобрительно закричали, славя герцога.

Этот день должен был остаться в памяти у всех простых парижан. Когда королевская семья вошла в собор, герольды трижды прокричали: «Дар!» — и стали бросать в толпу серебряные и золотые монеты разного достоинства. Деньги сыпались, словно конфетти, что вызвало сумятицу и давку. Люди прыгали, бросались на землю, отталкивали соседей, чтобы схватить монеты. Несколько человек были сбиты с ног и получили легкие увечья и синяки. Женщины в толпе лишались чувств из-за давки, а у тех, кто стоял ближе к помосту, в конце концов разорвали одежду. Началась настоящая свалка, в которой многие могли серьезно пострадать; стоявшие у самого помоста кричали герольдам, чтобы те прекратили бросать монеты, пока никого не убили.

Королевская семья удалилась в капеллу, где жених и невеста преклонили колени на расшитые золотом подушки, чтобы принять причастие. Во время служения оффертория[12] герольды снова стали разбрасывать монеты, на этот раз внутри собора, от одной стороны нефа к другой. После мессы королевская семья вышла на площадь, но прежде чем пуститься в обратный путь ко дворцу архиепископа, Генрих II велел жениху и невесте снова взойти на помост, чтобы их могла увидеть публика. Приветственный рев толпы стал еще громче — его можно было услышать на расстоянии мили.

Процессия вернулась во дворец архиепископа, где устроили банкет только для приближенных. Во время трапезы Мария пожаловалась Генриху II, что корона из чистого золота слишком тяжелая, и он приказал одному из своих придворных держать корону над головой невесты. Потом начался великолепный бал, где Мария танцевала без короны с распущенными волосами. Первый танец по традиции был со свекром, и юная королева заслужила всеобщее восхищение.

В пять часов королевская процессия направилась в Пале, официальную резиденцию парламента Парижа, где устраивался

грандиозный банкет. Генрих II и дофин ехали верхом, а Марию и Екатерину Медичи несли в расшитом золотом паланкине. Парламент находился на другом конце острова Сите, всего в нескольких сотнях ярдов от дворца архиепископа, и поэтому процессия выбрала кружной путь. По мосту Нотр-Дам все переправились в торговые и жилые районы Парижа, а затем вернулись на остров по маленькому деревянному мосту Менял, занятому лавками ювелиров. Будучи распорядителем церемоний, герцог де Гиз разработал этот маршрут таким образом, чтобы как можно больше людей увидели его восхитительную племянницу.

Официальный банкет был распланирован таким образом, чтобы произвести наибольшее впечатление на иноземных послов, членов парижского парламента и муниципалитета. За торжественным обедом последовали танцы и развлечения, устроенные с невиданным размахом. Для торжеств было отведено несколько залов, и поскольку ни один праздник не обходился без диковинных заводных механизмов, то специально для этого случая изготовили шесть механических кораблей. Они были обтянуты золотым и алым бархатом, а паруса из серебристого газа на серебряных мачтах раздувались под напором искусственного ветра, создаваемого спрятанными мехами. Корабли могли раскачиваться и двигаться вперед и назад. На пол большого зала уложили имитирующее волны раскрашенное полотно, которое колыхалось, усиливая эффект. На палубе каждого корабля стояли два трона: один пустой, а другой занятый капитаном корабля, членом королевской семьи или принцем крови.

Корабли описали несколько кругов по залу, а затем каждый корабль по очереди останавливался перед дамой, которую выбрал его капитан, — и она занимала свободный трон. Генрих II выбрал Марию, дофин — Екатерину Медичи, а принц Конде — Анну д'Эсте, герцогиню де Гиз. Гости веселились всю ночь, на следующий день праздник продолжился в Лувре, а завершился трехдневным турниром перед дворцом Турнель, одной из главных королевских резиденций Парижа, где чаще всего жил Генрих II.

Мария ликовала. Это было — по общему мнению — идеальное династическое бракосочетание, и *mise-en-scène* в полной мере отражала это обстоятельство. Пока механические корабли прокладывали курс по огромному залу, рассказчик объяснял, что эта сцена изображает греческого героя Ясона, который вел аргонавтов на поиски золотого руна. Ясоном был Генрих II. Захватив золотое руно, он завоюет империю и станет основателем монархической державы. Его сын Франциск — наследник престола, а после женитьбы он должен стать супругом правящей

королевы Шотландии, и следовательно, королем-дофином. Но это было только начало. В будущем король-дофин и королева-дофина объединят короны Франции, Шотландии и Англии, и эта династическая тема тройной монархии была лейтмотивом поэм и гимнов, специально сочиненных к торжественной церемонии.

Первым выступил Ронсар, вдохновитель Плеяды и преподаватель поэзии у Марии; он прочел поэму, посвященную семье Гизов, восхваляя кардинала Лотарингского как искусного стратега и рассказывая, что дофин, выбрав самую совершенную королеву из всех живущих на свете, подчинил Шотландию и Англию Франции. Мария получила изумительное приданое: права наследования двух королевств. Своим браком она помогала основать династию, которая будет править не только Британскими островами, но в конечном счете и всей Европой.

В ее честь Мишель де л'Опиталь, председатель Счетной палаты и поэт-любитель, воспел грядущие времена, когда «доблестные наследники» Генриха II займут свое место среди коронованных особ Европы: во Франции, Северной Италии и на Британских островах. «Один королевский дом, — предсказывал он, — будет править обширнейшей империей в мире». Только с помощью брака Марии династия Валуа покорит Англию «без войн и убийств». Обращаясь к метафоре, использованной во время представления, можно сказать, что Мария была золотым руном.

И наконец, Жоашен дю Белле, главный соратник Ронсара по Плеяде, прочел оду Марии: «С Вами Франция и Англия сменят древнюю войну на длительный мир, который будет передаваться от отца к сыну».

В основе всего празднества лежала идея, что Британские острова являются частью зарождающейся французской «империи». Шотландия и Англия должны стать провинциями, которые Франция подчинит себе посредством союза дофина и Марии. Эта идея наиболее ощутимо проявилась в июле, когда Генрих II отправил на утверждение в парламент Парижа указ, предоставляющий гражданство всем шотландцам — благодаря браку Марии. Это было спорное требование. Чтобы облегчить прохождение эдикта, королевские юристы подчеркивали, что Генрих намерен защитить французский суверенитет во всех провинциях и доминионах: цель нового указа состояла в том, чтобы позволить королю распространить свою «имперскую» власть на Шотландию по примеру Римской империи.

В течение двух лет «имперская» мечта Генриха II нанесет «франко-британскому» проекту такой же непоправимый ущерб, как «грубые ухаживания» Генриха VIII — «англо-британскому». В Шотландии ничто не ценилось так высоко, как идея

независимости. Когда Генрих II впервые объявил дату свадьбы Марии, шотландский парламент направил в Париж делегацию из восьми представителей, чтобы обсудить условия. Шотландцы одобрили династический союз, который считали гарантией стабильности и защиты от Англии, но просили подтвердить их «законы и вольности», установленные Хаддингтонским договором.

Генрих передал просьбу Марии. Теперь, когда ее объявили «совершеннолетней», это входило в ее обязанности как королевы. Она обратилась за советом к матери, которая назначила бабушку Марии, Антуанетту де Бурбон, представлять ее интересы. Антуанетта, в свою очередь, обратилась к сыновьям, в частности к кардиналу Лотарингскому, однако они не имели опыта в шотландских делах и не знали о политических и культурных традициях далекой страны.

В результате были предприняты два противоречащих друг другу шага. Во-первых, Мария пообещала соблюдать и верно хранить «свободы, вольности и привилегии королевства, а также его законы, точно так же, как они хранились и соблюдались во все времена королевства Шотландия». Это было недвусмысленное заявление о национальной независимости, собственноручно подписанное королевой и скрепленное печатью, и распространяемое на ее наследников. Копию заявления доставили в Эдинбург, где ее хранили вместе с документами парламента.

Это произошло за девять дней до бракосочетания. Но 4 апреля, одиннадцатью днями раньше, Мария подписала в Фонтенбло три секретных документа совсем другого содержания. Первый представлял собой договор дарения, сделанный, как отмечалось в первой статье, «в благодарность за удивительную и совершенную любовь, которую всегда выказывали короли Франции, защищая Шотландию от Англии». И в случае бездетности Марии после ее кончины Шотландия переходила к королю Франции и его наследникам — вместе со всеми правами, в том числе правом на английский престол.

Во втором документе Мария объявляла, что, если она умрет, не оставив наследников, король Франции получит все права на доходы Шотландии, пока общая сумма не достигнет миллиона ливров золотом, что компенсирует его расходы на оборону страны и на содержание и образование Марии. Сам размер этого долга гарантировал, что Шотландия на долгие годы останется провинцией Франции.

Последний документ представлял собой письмо об аннулировании, или «отказе», который подписали Мария и

Франциск. По сути это было совместное обещание, в котором она как королева Шотландии, а он как ее жених подтверждали, что распоряжения и дары, втайне сделанные Марией, являются действующими и законными и останутся таковыми независимо от ее замужества, а также любых других заверений, которые она давала в прошлом или может дать в будущем. Документ также аннулировал любые будущие договоры или соглашения, заключенные шотландским парламентом, в силу предыдущего соглашения, которое она сама заключила с его представителями.

Невозможно поверить, что Гизы, предложившие Марии подписать эти документы, были несведущи или наивны. Они знали, что делают. Но знала ли Мария?

Тайные документы были составлены очень искусно. Цветистый и высокопарный стиль должен был создать иллюзию, что национальные интересы Шотландии *действительно* защищены — но только Генрихом II и династией Валуа. Марии было всего пятнадцать, и она не разбиралась в конституционном праве. Ее личность сформировалась во Франции, и она была тесно связана с Генрихом II и династией. Никто не объяснил ей, что тайные документы, и особенно третий, противоречат законам Шотландии. Это пример излишней доверчивости Марии. Она уже подписала тридцать пять пустых листов ради удобства матери. Точно так же она доверяла другим родственникам из семьи Гизов и, вполне возможно, была готова подписать предложенные ей документы, тщательно не изучая их.

Теперь Мария была правящей королевой. Возможно, ей следовало проявить бóльшую осторожность, однако она не ожидала, что ее дяди будут поступать вопреки закону. Она еще не вышла из подросткового возраста, и ее раннее развитие было неравномерным. В чем-то она опережала своих сверстников, а в чем-то полностью соответствовала своему возрасту. Диана де Пуатье отмечала, что она разговаривала с представителями шотландского парламента «не как неопытное детя, а как взрослая и знающая женщина».

Чего Мария точно не знала, так это политических реалий Шотландии и ожиданий шотландской аристократии. Во многих отношениях Шотландия и Франция были как две параллельные вселенные. Власть французских королей практически ничем не ограничивалась: их воля была выше мнения парламента и судов. В Шотландии же лорды считали себя не подданными, а скорее соправителями короля. Их кодекс чести был тесно связан с убеждением, что они являются национальными «хранителями» королевства и «державы». Именно этим они оправдывали свое непостоянство. Лорды видели себя защитниками интересов

Шотландии, хранителями древних шотландских ценностей. Марии де Гиз потребовалось двадцать лет, чтобы вступить с ними в схватку, и даже после этого д'Уазель, ее первый министр, постоянно находился при ней. Более того, после праздника в Руане ее авторитет укрепился лишь благодаря потоку пенсий от Генриха II, казавшемуся неиссякаемым и делавшему лордов податливыми и послушными.

Прошло почти семь лет после того, как Мария в последний раз видела мать. Несмотря на тесную связь между ними, юная королева эмоционально и политически стала зависимой от родственников из семьи Гизов. В этом были и позитивные, и негативные стороны. Антуанетта де Бурбон и Анна д'Эсте искренне любили Марию; они были ее ангелами-хранителями. Дяди же, наоборот, оставались бесстрастными и отстраненными. Несмотря на внешнюю мягкость и доброжелательность, они могли проявлять безразличие и даже жестокость. Для них Мария была ценным династическим активом, который следовало использовать, а не приемной дочерью, которой требовалась любовь. В этот период она больше всего ценила своего дядю Шарля, который, будучи блестящим придворным и дипломатом, вечно строил грандиозные планы и был склонен переоценивать себя, и его богатое воображение рождало все новые и новые интриги.

Истинный масштаб обмана, на который пошли Гизы перед свадьбой Марии, раскрылся только через сто лет, при Людовике XIV, когда были обнаружены тайные документы. Но это не означает, что представители шотландского парламента ничего не подозревали, поскольку тоже присутствовали на свадьбе Марии и были приглашены на банкет, где наблюдали процессию кораблей со всей ее символикой. Единокровный брат Марии, лорд Джеймс Стюарт, которому в то время уже исполнилось двадцать семь, стоял в толпе перед собором Парижской Богоматери и видел церемонию бракосочетания своей сестры. Все происходящее ему не нравилось, отчасти потому, что многие его друзья принадлежали к узкому кругу ссыльных шотландских и английских протестантов, которые обосновались в Париже; им была ненавистна сама мысль о присутствии французских (католических) войск в Шотландии, и они жаждали изгнать иностранных солдат из своей страны.

Впоследствии протестанты обвиняли Марию и ее семью в заговоре с целью убийства восьми шотландских посланников на пути домой. Четверо шотландцев умерли от загадочной болезни еще до того, как вернулись на корабли, и поэтому обвинение в отравлении напрашивалось само собой. Однако никаких

доказательств этого заговора не существует: в письмах к матери Мария с уважением отзывалась об умерших посланниках и отмечала эпидемию чумы, в то время опустошившую Францию, особенно в окрестностях Амьена и портов на побережье Ла-Манша.

Более правдоподобным выглядит рассказ о том, что кардинал Лотарингский убеждал посланников передать Франции «имперскую корону» Шотландии (ту самую, которой Мария короновалась в Стирлинге). Он хотел, чтобы корона хранилась в аббатстве Сен-Дени, в королевском некрополе, одном из самых священных мест Франции. Главный принцип династического плана Гизов заключался в том, что любой дофин будет королем Шотландии вне зависимости от того, останутся у Марии наследники или нет, и подчиненное положение страны сохранится навечно.

Никто в Шотландии об этом не знал. Свадьбу Марии отпраздновали в Эдинбурге кострами и шествиями, а когда вернулись четыре оставшихся в живых посланника, парламент по собственной воле предложил дофину «брачную корону»; это была высочайшая честь и самое большое достижение Марии де Гиз как регента, поскольку Франциск становился законным королем Шотландии с перспективой коронации в Стирлинге. Это звание предполагало, что у него есть право сохранить трон для династии Валуа, если у Марии не будет детей.

Как только Франциск был удостоен этой чести, Гамильтоны — родственники и сторонники герцога Шательро и наследники шотландского престола, если Мария останется бездетной, — объединились с протестантами и выступили против передачи короны. В результате корону так и не отправили дофину. Указ парламента официально не был аннулирован, но и не был исполнен. Непокорными лордами руководило стремление сохранить свои права и привилегии. До сих пор альянс с Францией им не угрожал, поскольку власть регента была ограничена Хаддингтонским договором. Но когда Мария вышла замуж за Франциска, настроения стали меняться. Лорды поняли, что ее статус будущей королевы Франции может означать, что она навсегда останется отсутствующей королевой Шотландии. Это была серьезная перемена. Шотландия могла навечно превратиться во французскую провинцию, как того хотели Генрих II и Гизы. В отличие от французских все шотландские панегирики в честь свадьбы подчеркивали равенство Шотландии и Франции.

В разгар этой династической суматохи произошло важное событие, отразившееся на политической карте всей Европы.

Мария Тюдор, сорокадвухлетняя королева Англии, была смертельно больна. Она уже давно страдала от сильных головных болей и болей в животе, а также от аритмии. В последние месяцы жизни она почти ослепла. Ее здоровье было подорвано ложной беременностью, когда в 1555 г. у нее увеличилась матка, а в груди появилось молоко. В радостном ожидании она удалилась в свои покои, но через три месяца вышла оттуда совершенно раздавленной. Филипп II был недоволен женой, которая была старше его на одиннадцать лет. Он находил ее сексуально непривлекательной и в шутку называл «тетушкой». Однако он очень хотел от нее сына. В августе 1555 г. он внезапно покинул жену — уехал в Брюссель, чтобы возобновить войну с Францией, и вернулся лишь в 1557 г. совсем ненадолго и только ради объявления войны Англии.

Мария Тюдор умерла 17 ноября 1558 г., и с этого момента у династического проекта Валуа, который казался не более чем фантазией — романтическим полетом воображения, выраженным пышными празднованиями и поэтическими аллегориями, но не имевшим надежд на политический успех, — появились реальные перспективы.

В Лондоне королевой провозгласили Елизавету, младшую сестру Марии Тюдор и кузину Марии Стюарт. Ей было на тот момент двадцать пять лет. Образование она получила практически такое же, как Мария, но, в отличие от юной королевы Шотландии, не выказавшей особых успехов, Елизавета показала себя способной ученицей. Она свободно говорила на французском и итальянском, немного знала испанский. Она «с готовностью и хорошо» изъяснялась на латыни и «средне» на греческом. Елизавета ни в чем не уступала своим самым способным наставникам и даже в возрасте шестидесяти лет могла обратиться к иностранному послу с импровизированной речью на латыни. Ее любимыми предметами были Священное писание, история, классическая литература и музыка, и если Мария уверенно, хотя и не блестяще, играла на клавикордах и лютне, то Елизавета виртуозно владела клавесином.

Елизавета была привлекательной женщиной с яркими глазами и длинными золотистыми волосами. Но ростом она уступала Марии — максимум 162,5 см. Кожа у королевы Англии была смуглая, по крайней мере, венецианский посол использовал слово «olivastra» — «оливковая». В эпоху, когда идеальной для женщины считалась белая кожа, это было недостатком. Если Марию называли красавицей, то Елизавету всего лишь «хорошенькой». Изящная грудь и тонкая талия Марии стали легендой, тогда как ее кузина была всего лишь «хорошо сложена».

На первом из сохранившихся портретов Елизавета изображена в возрасте тринадцати лет, в безукоризненном алом платье с расшитой верхней юбкой и рукавами из золотистой ткани; головной убор и орнамент из переплетающихся полос на платье украшен жемчугом. Ее образ всегда тщательно выстраивался, и на этом портрете она держит в руке молитвенник с закладкой — доказательством того, что книгу читали. На пюпитре рядом с ней лежит другая раскрытая книга — вероятно, Евангелие. Все это не случайно. Елизавета исповедовала протестантство. Но религиозность ее была умеренной, скорее лютеранской, чем кальвинистской — в отличие от человека, которого она выбрала своим главным советником. Это был Уильям Сесил, который впервые вошел в политику как личный секретарь Сомерсета, а затем стал управляющим земельными владениями Елизаветы. При Эдуарде VI он получил должность государственного секретаря и играл ведущую роль в приближении протестантской революции, что привело к близкому знакомству с Ноксом, а также формированию идей, которые впоследствии привели к яростному противостоянию с Марией.

В Париже известие о коронации Елизаветы встретили с нескрываемым неудовольствием. Гизы поспешно объявили свою племянницу «королевой Англии, Шотландии и Ирландии», оспаривая право Елизаветы наследовать своей старшей сестре на основании того, что она была незаконнорожденной и протестанткой. Заявление Гизов нельзя назвать необоснованным, поскольку в 1536 г. английский парламент своим актом действительно признал Елизавету незаконнорожденной. Кроме того, Мария Тюдор была известна своей политикой восстановления католицизма и возвращения Англии под власть папы после разрыва Генриха II с Римом; при ней на костре были сожжены более трехсот протестантов.

Для того чтобы подкрепить и распространить свою точку зрения, кардинал приказал изобразить герб Англии рядом с гербами Франции и Шотландии на тарелках и мебели, принадлежавших королю-дофину и королеве-дофине. Это был в высшей степени провокационный жест, равносильный созданию соперничающей монархии в изгнании, и он омрачал отношения Марии и Елизаветы всю оставшуюся жизнь.

В новом году Гизы продолжили кампанию по усилению своего влияния. Правителям Европы были направлены письма, в которых Франциск и Мария назывались «королем-дофином и королевой-дофиной Шотландии, Англии и Ирландии». На свадьбе принцессы Клод, второй дочери Генриха II, с герцогом

Лотарингским личный герб Марии на одежде ее слуг соседствовал с гербом Англии.

Летом церемонимейстеры, расчищавшие путь Марии к часовне, кричали: «Дорогу королеве Англии!» Ее герб снова усложнился. Над династическими символами Англии, Шотландии и Франции была помещена закрытая, или «имперская» корона, символизирующая «франко-британскую» империю Марии. Ниже надпись на французском:

> Герб Марии, королевы-дофины Франции,
> самой знатной дамы мира. Будущей
> королевы Шотландии. А также Англии
> и Ирландии. По воле Господа.

Молодой и пылкий протестант по имени Николас Трокмортон, которого Елизавета назначила своим послом во Франции, перевел эти строки на английский и отправил Сесилу вместе с рисунком герба. Сесил аккуратно подшил письмо в быстро растущий архив, в котором собирал все, что касалось Марии, и в следующие тридцать лет в докладах Елизавете чаще всего ссылался именно на этот документ.

Тем временем кардинал Лотарингский энергично убеждал папу римского выступить на стороне Марии, против Елизаветы. И пришел в ярость, обнаружив, что ему противостоят агенты Филиппа II. Франция и Испания по-прежнему находились в состоянии войны, что подталкивало Филиппа к соглашению с Елизаветой, которой он спешно сделал предложение. Филипп стремился сохранить династический союз между Англией, Испанией и Нидерландами, который задумал еще его отец, Карл V. Этим он гарантировал, что его владения в Европе и Новом Свете не будут оспариваться Францией.

Будучи верным католиком, Филипп видел логику в претензиях Марии на английский престол. Испания не забыла оскорбления, нанесенного Генрихом VIII, который развелся с Екатериной Арагонской — двоюродной бабушкой нынешнего испанского короля. Филипп также не хотел портить отношения с Марией, которая как главный католический претендент на престол могла стать полезной для него в будущем. Но после неожиданной смерти Марии Тюдор его первым инстинктивным действием была попытка жениться на Елизавете, которая оказалась достаточно проницательной и благосклонно принимала его ухаживания, пока он не согласился поддержать именно ее, а не Марию.

Казалось бы, английский престол уже настолько близок, но в

последний момент он все-таки выскользнул из рук Марии. Папа отказался поддержать ее претензии, и утверждение о том, что Елизавета является незаконнорожденной, утратило свою силу. Папа просто не мог позволить себе пойти против Филиппа, войска которого поддерживали хрупкий баланс власти в Италии. Поддержка короля Испании была также важна для успеха Тридентского собора[13], антиреформаторского совещания, собранного папой с целью возрождения идей католицизма и отпора протестантам.

Но этим дело не ограничилось. Неожиданный поворот произошел в самой Франции. Генрих II оценил возможные последствия династического проекта Гизов и решил отступить. Он начал понимать масштаб предприятия, в которое его вовлекли, и амбиции Гизов вызвали его недовольство. Когда главный соперник Гизов, коннетабль Монморанси, был наконец освобожден из плена в Брюсселе, политика короля изменилась. Монморанси и его основной союзник, Диана де Пуатье, теперь энергично противодействовали династической политике, которая, как они оба хорошо понимали, могла привести к бесконечной войне с Англией. Права Марии на престол и ее личный престиж следовало принести в жертву ради интересов Франции.

Монморанси воссоединился с Генрихом II 10 октября 1558 г. в Амьене и тут же возложил на Гизов вину за все проблемы, возникшие после возобновления войны. Генрих послушался своего советника и заключил перемирие с Филиппом. Угроза распространения войны на Шотландию, Англию и северную Италию была слишком велика, а финансовое положение Франции было на грани банкротства. Испания тоже была истощена и жаждала мира. Мир был нужен и Елизавете — она получала возможность продолжить проведение своей внутренней политики и объявить о протестантском религиозном соглашении, не опасаясь французского вторжения.

Переговоры между тремя странами начались в Серкаме, и стороны очень быстро пришли к соглашению. 1 декабря, после подтверждения известия о смерти Марии Тюдор, объявили перерыв, но затем переговоры возобновились в Като-Камбрези, на нейтральной территории, где 2 и 3 апреля 1559 г. были подписаны два договора о перемирии: один между Францией и Англией, а второй между Испанией и Францией.

Статьи договоров касались как династических, так и территориальных вопросов. По результатам договоренностей Филипп II, предложение которого Елизавета вежливо отклонила, должен был сочетаться браком с принцессой Елизаветой, старшей дочерью Генриха II, а сестра Генриха Маргарита должна была

выйти замуж за союзника Филиппа, герцога Эммануила Филиберта. Французы отказываются от своих претензий на герцогство Савойское и север Италии, но взамен им возвращают Сен-Кантен с прилегающими территориями. Кале остается французским на восемь лет, после чего его следует вернуть Англии или уплатить соответствующую компенсацию. И наконец, Генрих II должен «умиротворить» Шотландию.

Условия договора подрывали власть Гизов. Монморанси и Диана де Пуатье с триумфом вернулись в политику. Они и их союзники взяли верх в государственном совете — центре распределения власти при дворе Генриха II. Когда просьба герцога де Гиза предоставить ему на постоянной основе должность главного распорядителя королевского двора в качестве награды за победу при Кале в прошлом году была отклонена, он смирился с поражением и удалился в Жуанвиль.

Пока герцог хандрил, а его брат интриговал, разочарованная и разгневанная Мария изо всех сил старалась выглядеть величественной и невозмутимой. Несмотря на то что официально Шотландия не была участницей переговоров, в деревне Апсетлингтон в Беркшире с Англией было подписано дополнительное соглашение. 28 мая 1559 г. в часовне возле Лувра Мария и Франциск ратифицировали договор под бдительным присмотром Генриха II и Екатерины Медичи.

Франциск заикался, и поэтому речь произнесла Мария. Она сказала, что «поскольку королева Англии — ее кузина и добрая сестра, она и ее муж король рады заключению мира», они сделают все, что в их власти, чтобы сохранить его как можно дольше. Мария говорила уверенно и убежденно; ее слова были восприняты как оливковая ветвь. Никаких претензий на английский престол она не предъявляла. Марию вынудили сделать решительный разворот. Династические амбиции Гизов, которые раньше были главной целью внешней политики Генриха II, теперь противоречили интересам Франции.

На приеме во дворце Турнель, последовавшем за ратификацией Апсетлингтонского договора, Гизы не присутствовали. Вместо них Марию сопровождал коннетабль. Пользуясь случаем, Монморанси заверил английских послов, что всегда оставался другом Англии, а теперь дружеские чувства между странами укрепились еще больше. Елизавету он назвал «добродетельной и достойной королевой». Это была новая официальная линия во французской внешней политике, и Марии приходилось придерживаться ее — независимо от желания. В письме к Монморанси, написанном после приема, она говорила о его «добром и успешном предприятии».

Набираясь опыта, Мария начала понимать, какими непостоянными могут быть союзники и как быстро она может стать жертвой изменения баланса власти между фракциями. В 1559 г. ее дяди считали Като-Камбрезийский мир предательством, но если Генрих II его одобрил, Марии ничего не оставалось делать, как смириться. Сразу поле церемонии ратификации договора в Лувре король устроил себе неделю отдыха в домах коннетабля и Дианы де Пуатье, довольный тем, что его политика снова в надежных руках.

Стрессовые ситуации всегда сразу же отражались на здоровье Марии. Именно это и произошло весной 1559 г., когда она оказалась между двух огней — между Гизами и Генрихом II с коннетаблем Франции.

В марте Сесилу, который теперь прочно утвердился в роли первого министра Елизаветы, поступило донесение, что Мария серьезно больна. За четыре дня до ратификации договора один из английских посланников во Франции Трокмортон — близкий друг и доверенное лицо Сесила — писал, что Мария «очень бледна, лицо зеленоватое, дышит с трудом, а при дворе шепчутся, что она — не жилец».

18 июня ей «стало плохо» в церкви, так что «пришлось принести вино из алтаря, чтобы она не лишилась чувств». Три дня спустя Мария упала в обморок. Еще через неделю она «страдала от какой-то неизлечимой болезни».

Неизвестно, чем было вызвано недомогание Марии, стрессом или первым приступом состояния, известного как острая перемежающаяся порфирия, но худшее было еще впереди. В конце месяца у дворца Турнель проходил еще один турнир. 30 июня в пять часов вечера сорокалетний король вернулся на ристалище. Он настаивал на повторном поединке с капитаном шотландской гвардии Габриэлем де Лоржем, графом Монтгомери, который сломал о Генриха копье, но, вопреки правилам, признал себя побежденным.

Диана и Екатерина уговаривали Генриха не делать этого. Но он отказался их слушать. Монтгомери было приказано снова взять оружие. При первом же столкновении его копье попало в грудь королю, соскользнуло по доспехам вверх к шлему и разлетелось на куски, которые попали под забрало. Один большой фрагмент рассек королю лоб, другой пронзил левый глаз. Генриха внесли во дворец и вызвали лучших хирургов. Лекари надеялись спасти короля, но ничего не вышло — обломки копья задели мозг. Он то осознавал окружающее и говорил нормально, то корчился в судорогах или застывал в параличе.

Мария, дофин и остальная королевская семья ночи и дни

проводили у постели Генриха, но он умер 10 июля от обширного кровоизлияния в мозг. Коннетабль оставался у тела короля, а дяди Марии посадили ее и Франциска в карету и отвезли из дворца Турнель в Лувр. Братья де Гиз неожиданно восстановили свою власть.

Франциск был провозглашен королем Франции, после чего двор погрузился в траур. Затем все разъехались. Нового короля родственники Марии увезли в Медон, замок Гизов в окрестностях Парижа. Сама она поехала в королевские апартаменты в Сен-Жермене. Через пять месяцев ей должно было исполниться семнадцать. Теперь Мария стала еще и королевой Франции.

7
Обманутая королева

Дофин короновался как Франциск II в Реймсе — священном городе Франции, традиционном месте помазания королей на царствие. Но празднования начались с дурного предзнаменования. Когда 15 сентября 1559 г. Франциск со своей свитой приблизился к воротам города, где должна была состояться официальная встреча, внезапно хлынул ливень, и все промокли до нитки. Затем коронацию, которая планировалась во время торжественной мессы в воскресенье, отложили на день. Герцог Савойский, один из самых высокопоставленных гостей, простудился, и церемонию пришлось перенести. Таким образом, Франциск II стал единственным французским королем, коронованным не в воскресенье и не в один из главных праздников. Более того, медаль, заранее отчеканенную в Париже, пришлось раздать присутствующим в качестве сувенира, поскольку на ней стояла неправильная дата.

В понедельник утром Франциск, одетый в белую мантию из дамаста поверх рубашки и туники из белого шелка, во главе торжественной процессии двинулся из дворца архиепископа в собор. Когда он вошел в главные ворота, заиграли трубы, затем зазвучал гимн. Франциск пошел по нефу к хорам, которые были украшены самыми роскошными гобеленами из Лувра. Дойдя до главного престола, он занял место напротив трона архиепископа.

Службу вел дядя Марии. Франциск был помазан особым елеем, хранившимся в Святой Стеклянице в древнем аббатстве Сен-Реми, в затем на его голову возложили корону Карла Великого. Прозвучали антифоны и гимны, торжественная месса и, наконец, последовала литания. Между помазанием и коронацией Франциск ненадолго удалился в шатер из алого и пурпурного бархата, установленный на хорах, чтобы переодеться в коронационное облачение. Из шатра он вышел в роскошной мантии из синего бархата с подбивкой из алой тафты, отороченной мехом горностая и расшитой золотыми лилиями.

Шарль де Гиз, кардинал Лотарингский, вручил пятнадцатилетнему Франциску скипетр, жезл справедливости и кольцо, которое король надел на безымянный палец правой руки. Потом поднял тяжелую золотую корону над головой юноши. После молитвы и благословений Франциска провели по лестнице на трон на высоком помосте у входа в алтарь. Корона была слишком тяжелой, и поэтому четверо дворян удерживали ее на

голове слабого и болезненного Франциска, чтобы она не упала.

Когда король наконец занял место на троне, архиепископ поклонился и провозгласил: «Виват королю! Да здравствует король навеки!» Все собравшиеся присоединились к нему, причем большинство испытывало явное облегчение оттого, что долгое испытание неподвижностью — церемония длилась уже больше пяти часов — закончилось. Крики «Да здравствует король!» сопровождались нестройной какофонией органа и музыкального оркестра.

Когда порядок был восстановлен, хор исполнил благодарственную молитву в форме григорианского пения, и когда нежная и торжественная мелодия стихла, хранитель королевского птичника выпустил из клеток семь или восемь сотен щеглов и других певчих птиц, спрятанных на хорах. С чириканьем и пением они поднялись под крышу собора и расселись на перилах трифория как символ мира, безмятежности и наступления новой эпохи.

Мария наблюдала за церемонией как зритель. Королевы Франции тоже проходили через церемонию помазания и коронования, но проводилась она всегда позднее — и в другое время, и в другом месте. Екатерину Медичи короновали через два года после Генриха II в аббатстве Сен-Дени на окраине Парижа, где по традиции короновали королев. Согласно древнему салическому закону женщины не могли занимать французский трон. Королева считалась подданным короля, а не его соправителем. Она оставалась супругой монарха, исключенной из очереди наследования и не имеющей власти. Ее могли назначить регентом, если супруг заболеет или будет за границей, однако к ней не переходили суверенные права.

Мария сидела вместе с другими женщинами из королевской семьи в специальной ложе сбоку от главного алтаря. Второй по значимости после нее была Екатерина Медичи, а третьей — подруга детства Марии принцесса Елизавета, которой исполнилось четырнадцать и которая вышла замуж по доверенности за испанского короля Филиппа II.

На Екатерине было черное шелковое платье в пол. Двор все еще пребывал в трауре по умершему королю, а в ее родной Италии черный считался цветом скорби. Она облачилась в черное сразу же после смерти мужа, нарушив традицию, согласно которой траурным цветом был белый, и не снимала его до самой своей смерти в 1589 г., заслужив репутацию мрачной женщины, подверженной меланхолии.

Елизавета и ее младшие сестры, Клод и Маргарита, последовали примеру матери. И только Мария настояла на белом

платье. Поскольку королевская ложа была хорошо видна многим из присутствующих, юная королева выделялась на фоне остальных женщин, как голубка среди ворон. Выбор цвета определялся чувством противоречия. Мария не хотела быть такой, как все. Она дала волю своей склонности к театральным эффектам, и эта перспектива была для нее тем более привлекательной, что она знала: этот цвет ей идет. И людям это понравилось — они назвали ее «белой королевой».

Пересуды собравшихся вызвало не только платье Марии; банкет тоже прошел не так, как планировалось. Его традиционно устроили в большом зале архиепископского дворца, согласно старинному ритуалу. Аристократы и почетные гости сидели за обычными столами, а король ел в одиночестве за специальным столом в центре зала, что символизировало его священный статус.

Однако Франциск устал и ему было скучно. Он зевал и хотел удалиться в свои покои еще до окончания пира. После его ухода все несколько растерялись, и прием завершился раньше положенного времени. В целом это была, наверное, самая неловкая и наименее убедительная коронация в истории Франции.

Перемены готовились еще до официальной церемонии. Дворцовая революция началась на следующий день после смерти Генриха II. Кардинал Лотарингский выселил Монморанси из его апартаментов, а почетное место коннетабля за столом занял герцог де Гиз. Братья подчинили себе государственный совет и поставили своих друзей и вассалов на большинство важных должностей, сменив даже королевских священников и чиновников, раздающих милостыню.

Но Екатерину не стоило недооценивать. Она уже считала Марию угрозой и отказалась принять традиционный титул «вдовствующей королевы». Вместо этого Екатерина настояла, чтобы ее всю оставшуюся жизнь называли «королевой-матерью». Эта вроде бы незначительная разница позволяла ей оставаться активным, а не ушедшим на покой политиком. Екатерина понимала, что в отношениях с семьей Гизов следует соблюдать осторожность. Ее сын считал и герцога, и кардинала своими главными советниками и национальными героями. Она знала, что какое-то время будет обязана с ними сотрудничать, и терпеливо ждала возможности устранить их.

Влияния лишился не только коннетабль и его сыновья, но также почти вся семья Монморанси. Поскольку многие его родственники были гугенотами или, по крайней мере, поддерживали протестантов, их действия приобрели религиозную

окраску. На посту главного распорядителя королевского двора его сменил герцог де Гиз, чья мечта об этой должности наконец исполнилась.

Диана де Пуатье, союзник Монморанси, пострадала не меньше коннетабля. Ей приказали вернуть все подаренные Генрихом II драгоценности и передали их Марии — вполне разумное решение, поскольку драгоценности были собственностью короны, а королевой теперь стала Мария. Но требование отдать Екатерине Шенонсо, любимый замок Дианы, в обмен на замок Шомон — довольно милый, но расположенный не слишком удобно — было оскорблением, и вскоре Диана вернула Шомон Екатерине и удалилась в замок Ане, один из немногих подарков Генриха II, которые ей разрешили сохранить. Былое влияние любовницы короля испарилось, и оставшиеся ей семь лет она прожила тихо и уединенно, не участвуя в политической жизни страны.

Почувствовав себя в безопасности, Гизы возродили свой «франко-британский» проект, несмотря на то что он был подорван Като-Камбрезийским договором. Они заявляли, что возрождают изначальную внешнюю политику Генриха II, но ожидания других игроков на политической сцене уже изменились. Филиппу II совсем не нравились их планы относительно Шотландии и Нормандии — он прекрасно понимал, что цель Гизов состоит в контроле Ла-Манша и выхода в Северное море. На берегу Ла-Манша в провинции Нормандия находилось больше всего портов с самыми глубокими судоходными гаванями. Гизы были самыми богатыми и влиятельными землевладельцами в регионе, и хотя они не собирались возобновлять открытую войну с Филиппом, но, как можно было догадаться, они намеревались превратить регион в свою военную и морскую базу.

Филипп дал ясно понять Гизам, что мир хрупок. Тем не менее они продолжили свою династическую игру, и напряжение усилилось. Если до заключения договора главными театрами военных и дипломатических действий в Европе были Италия, Франция и Германия, то теперь в центре внимания оказались Шотландия и Англия.

Высокомерие Гизов стало и причиной неудач. Не считая нужным соблюдать осторожность или скрывать свои намерения, они познакомили со своими целями самую широкую аудиторию. И в эпицентре событий находилась их племянница. В замках, куда удалялся на отдых двор, и во всех городах, которые посещал король, на воротах вывешивали герб Франциска и Марии, в который был включен герб Англии. Сэр Николас Трокмортон, посол Елизаветы во Франции, узнал о новой королевской печати,

которую изготовили для Шотландии. Подтвердились самые худшие опасения. Франциска и Марию изобразили в «имперском» величии, а под ними была надпись: «Франциск и Мария, милостью Божией король и королева Франции, Шотландии, Англии и Ирландии».

После коронации Франциска династические претензии снова были выгравированы на золотых и серебряных тарелках и вырезаны на мебели — их пришлось заменить, поскольку теперь Мария стала королевой Франции. Последний удар был нанесен тогда, когда Трокмортона пригласили на обед и вынудили есть из серебряных тарелок, украшенных узурпированными символами.

С точки зрения семьи Гизов это были логичные шаги к объявлению претензий на английский престол, которые они считали законными, но их поведение в отношении Марии было достаточно циничным. Они обращались с ней как с марионеткой и самые важные решения принимали у нее за спиной. Что касается Франциска, они поощряли его стремление утвердить свою мужественность с помощью охоты. Ни одна важная инициатива не исходила от Марии или ее мужа, пока они были королем и королевой. В результате их правление, продлившееся меньше пятисот дней, превратилось в греческую трагедию, в которой главные события разыгрывались за сценой актерами или невидимыми силами, над которыми у короля и королевы почти или совсем не было власти.

Проблемы со здоровьем у Марии продолжались больше года. Судя по всему, ее болезнь и слабость даже усилились. Говорили, что в августе 1559 г. в Сен-Жермене ей становилось плохо после каждого приема пищи. Она упала в обморок в присутствии испанского посла, и ее пришлось приводить в чувство при помощи *«aqua composita»,* или виски. В сентябре, когда двор переехал в Бар-ле-Дюк, ей впервые стало легче, но затем она вновь заболела. Мария лишилась чувств в часовне, и ее отвели в спальню, где она снова потеряла сознание. Сообщалось, что в следующем месяце она страдала от туберкулеза, а в ноябре, в Блуа, она выглядела очень бледной и «весь день не выходила из своей комнаты».

Причиной болезни был стресс, потому что сообщения о плохом здоровье Марии совпадают с ее жалобами на беспомощность в отношении событий, разворачивавшихся в Шотландии. Ее мать, Мария де Гиз, по-прежнему была единственным регентом, но еще до смерти Генриха II кардинал Лотарингский вмешивался во внутренние дела страны. В частности, он вынуждал свою сестру притеснять протестантов, которых считал политическими бунтовщиками. Впервые он

заявил об этой политике в апреле 1558 г., когда состоялась свадьба Марии и Франциска. И его требования становились все громче и настойчивее.

Соединяя защиту католицизма с «франко-британской» стратегией, кардинал стремился подражать Марии Тюдор. Ее попытка создать общеевропейский династический союз с Филиппом II была тесно связана с преследованиями протестантов. Руководителем ее пресловутой кампании против ереси был папский легат и архиепископ Кентерберийский Реджинальд Поул, который обращался за советом к испанским доминиканцам. В результате этой политики многие из вождей протестантов бежали в Женеву и в другие швейцарские и немецкие города, оставив бедных и менее влиятельных реформаторов гореть на кострах.

Изгнанники продолжали обличать Марию и Поула и из безопасного убежища на континенте, используя для этой цели и церковную кафедру, и печатный станок. Но несмотря на эти неудачи, Гизы были воодушевлены результатами кампании, как они ее видели. Они желали, чтобы та же политика проводилась и в Шотландии. Кардинал даже выписал для своей сестры экземпляр инструкции, которой пользовались инквизиторы Поула; кроме того, он отправил к ней целую делегацию теологов из Сорбонны, искусных в искоренении ереси.

В Шотландии эти меры привели к обратному результату — угроза религиозного преследования вызвала усиление страхов по поводу независимости страны. Во времена Хаддингтонского договора патриотизм и профранцузские настроения были совместимы, но теперь положение коренным образом изменилось.

Импульс к переменам пришел из Англии, когда в апреле 1559 г. Елизавета заключила с протестантами так называемое «соглашение». Она блестяще разыграла свои карты. В первые месяцы своего правления она придерживалась двухпартийной политики: успокаивала Филиппа II и не выказывала предпочтения ни протестантам, ни католикам. Первые поддерживали ее потому, что знали, что она отвергнет папу и католическую мессу. Вторых успокаивал тот факт, что при Марии Тюдор она исполняла католические обряды и в часовне служили мессу. Только после завершения мирных переговоров и заключения Като-Камбрезийского мира Елизавета перестала скрывать свои истинные предпочтения.

Главными советниками английской королевы стали протестанты. Сесил, ее первый министр, играл ведущую роль в реформации при Эдуарде VI. В правление Марии Тюдор он поддерживал изгнанников, в том числе пламенного проповедника

Джона Нокса. С его именем даже связывали предложение Ноксу стать епископом Рочестера, прозвучавшее в период правления Эдуарда и отклоненное непреклонным кальвинистом. Тем не менее даже Сесил, чтобы спасти свою жизнь, пришел на торжественную мессу в своем доме в Уимблдоне, которую специально приказала провести разгневанная Мария Тюдор, узнав о масштабах его поддержки протестантского подполья.

После того как в 1559 г. парламент утвердил религиозное соглашение, страна официально стала протестантской. Это послужило сигналом для проанглийской партии в Шотландии, которая получила поддержку протестантов в открытом противостоянии с регентом, которого теперь было легко представить как инструмент тирании французов, и в особенности Гизов. С этого момента пропаганда мятежников будет соединять в себе протестантизм и национальную идею.

До сих пор мать королевы Марии эффективно управляла Шотландией, но ее решимость установить закон и порядок, ввести более высокие налоги и, самое главное, подчинить горные и приграничные районы централизованному шотландскому государству восстановила против нее тех, кто считал, что право управлять собственными кланами и землями дается от рождения. В глубине души шотландские лорды отвергали централизованную монархию. Они хотели сохранить власть в составе свободной федерации малых суверенов. Политику регента могли бы терпеть и дальше, если бы из Франции продолжали поступать пенсии, но после заключения Като-Камбрезийского мира денежный поток перекрыли. В изменившихся обстоятельствах протестантство предложило превосходный повод для свержения непопулярного регента.

Такой оппортунизм, в свою очередь, давал Англии уникальный шанс. Протестантство можно было сделать основой плана превратить все Британские острова в единое сообщество, компенсировав несчастья от «грубых ухаживаний». В таком случае Франция теряла все, но больше всех пострадала бы Мария, поскольку на кону была ее корона и репутация королевы-католички. Сесил стал главным проводником этой политики, которая определяла почти все его действия на протяжении последующих тридцати лет.

Все зависело от того, способна ли Англия учесть прошлые ошибки. Выяснилось, что способна. На какое-то время англичане отказались от любых упоминаний о своих претензиях на «имперскую» власть и о статусе Шотландии как сателлита. Они действовали осторожно, причем Сесил стремился любой ценой избежать полномасштабной войны в Европе: он занял должность

секретаря лорда-протектора Сомерсета в 1547 г. незадолго до битвы при Пинки, где стал свидетелем ужасной резни и сам едва остался жив.

С шотландской стороны аристократы, поднявшие мятеж против регента, называли себя «лордами конгрегации». Самым могущественным среди них был граф Аргайл. Сын того графа Аргайла, который нес меч на коронации Марии, был убежденным протестантом и контролировал обширные территории в говорящих на гэльском языке горных областях страны, где королевская власть была слабой, а также на Западных островах и в южном графстве Аргайлшир, в устье Клайда. Его влияние простиралось до Ольстера на севере Ирландии, и он оставался единственным из шотландских аристократов, кто мог собрать полноценную армию независимо от короны. К нему присоединился граф Гленкерн, лорды Рутвен, Бойд, Очайлтри и некоторые другие.

Несомненно, самым влиятельным его сторонником был лорд Джеймс Стюарт, незаконнорожденный единокровный брат Марии, который быстро выдвинулся на первые роли. Он родился в 1531 г. и был на одиннадцать лет старше сестры. Физически сильный, он отличался добродушием, но в то же время высокомерием и убеждением, что, будучи сыном Якова V, он действует в согласии с принципами и традициями и в лучших интересах Шотландии. Джеймс Стюарт был умен и хорошо образован; впервые он появился на сцене, когда плыл во Францию на одном корабле с Марией, чтобы начать обучение в Парижском университете. Ему прочили церковную карьеру и назначение приором Сент-Эндрюса, одного из богатейших аббатств в Шотландии; эту должность он занимал, будучи мирянином, и беззастенчиво пользовался всеми ее преимуществами.

Лорд Джеймс порвал с регентом в 1559 г. О его предательстве сообщили во Францию, высказав предположение о мотивах: он добивался регентства, а возможно, и самой короны. Действовал он хладнокровно, расчетливо и коварно. Стюарт сказал Марии де Гиз, что если она согласится на разумные требования к лордам, то он ее поддержит. В это же время он регулярно писал Сесилу, убеждая того помочь лордам в их стремлении навсегда изгнать французов из Шотландии.

В мае, когда Джон Нокс вернулся в Шотландию из Женевы и присоединился к лордам, события начали развиваться с невероятной скоростью. В своих проповедях Нокс нападал на папу и идолопоклонство мессы, что вызвало стихийное иконоборчество в Перте и Сент-Эндрюсе. Во время этих яростных актов гражданского неповиновения люди громили и разоряли церкви.

В августе лорды обратились к Англии за военной помощью в борьбе против регента. Сесил взвешивал все за и против в нескольких пространных записках, адресованных коллегам в английском Тайном совете. Сам он твердо стоял на стороне лордов, но прежде чем предпринимать какие-либо шаги, следовало убедить Елизавету и советников, что вооруженная интервенция ради свержения незаконного правительства и союз с мятежниками оправданны.

Именно здесь зародились семена идеологического раскола между Елизаветой и Сесилом в отношении Шотландии, которые будут вызревать следующие тридцать лет. Они без труда находили общий язык почти по всем остальным вопросам, но в том, что касалось Шотландии и королевы Марии, Елизавета и ее главный советник постоянно расходились во мнениях. Сесил всегда ставил интересы протестантства выше династических соображений, тогда как Елизавета придерживалась противоположной точки зрения. Будучи протестанткой, она все же разделяла религию и политику, причем ставила идеал монархии и престолонаследия выше религии. В том, что касалось Марии и ее матери, королева Англии считала абсолютно неприемлемым, что при решении вопроса о правительстве в Шотландии законные династические права могут быть принесены в жертву религиозным условиям.

В сентябре Шательро и его сын, молодой граф Арран, присоединились к сильнейшей стороне. Подобно многим аристократам, они перешли в протестантство по чисто эгоистическим соображениям. В октябре уже подавляющее большинство шотландских лордов поддерживали Джеймса Стюарта и Аргайла. Только Джеймс Хепберн, граф Босуэлл, лорд Бортвик и лорд Сеттон оставались верны регенту. Босуэлл, в 1556 г. унаследовавший от отца графский титул, был самым изобретательным в партизанской войне против лорда Джеймса, и поэтому неудивительно, что Мария будет с благодарностью вспоминать о нем, когда вернется в Шотландию.

В период с 19 по 23 октября мятежные лорды совершили немыслимое. Они явились в Эдинбург, лишили Марию де Гиз регентства и заменили ее советом из двадцати четырех аристократов, выбранных общим голосованием. Время было выбрано наилучшим образом, потому что Мария де Гиз тяжело заболела. Она страдала от водянки, вызванной, вероятно, болезнью сердца. Ее ноги и тело отекли, и французский доктор посоветовал как можно больше отдыхать, избегать всякого стресса и переехать в более теплый климат. Более непрактичные рекомендации трудно было придумать, и Мария де Гиз

проигнорировала этот добрый совет. С характерным для нее мужеством она собрала три тысячи французских солдат и укрылась в порте Лит, серьезно укрепленном, сделав его практически неприступным.

Она также обратилась к семье, и Гизы предложили военную помощь, отряд под командованием Рене, маркиза д'Эльбёфа, младшего из братьев и сестер Гизов. Французы должны были отправиться из Нормандии, что подтверждало опасения испанцев. До прибытия подкрепления Мария де Гиз использовала имевшиеся в ее распоряжении силы. Когда в ноябре лорды отказались от перемирия, французский гарнизон предпринял вылазку из Лита и напал на них. Шотландцы попытались дать отпор, но были рассеяны, что позволило регенту триумфально вернуться в Эдинбург.

Но передышка оказалась короткой. Сесил был настроен на военную интервенцию — он понимал, что у мятежных лордов нет артиллерии, и сами они не в состоянии разбить французов. Он лелеял две цели: навсегда освободить Шотландию от угрозы со стороны Гизов и создать на Британских островах единое протестантское государство, что на практике означало аннексию страны. Сесил целый месяц готовил почву, и в конечном счете 27 декабря убедил большинство членов английского Тайного совета, что мятеж предоставляет уникальную возможность обеспечить безопасность Елизаветы и всей страны, сделав Шотландию зависимой от Англии.

Это был поворотный момент. После заседания Тайного совета английская королева направила флот в Ферт-оф-Форт, а также две тысячи солдат в Берик. Флот прибыл в конце января и блокировал Лит. Английским морякам было приказано ждать французов во главе с д'Эльбёфом, но те так и не появились. Несколько французских судов отплыли из Дьепа, но были рассеяны сильным штормом. Часть вернулась в порт, а остатки флотилии были выброшены на побережье Нидерландов. До Шотландии добралась жалкая горстка.

Елизавета подавила свою неприязнь к мятежникам и заключила с ними союз. Переговоры, на которых шотландскую делегацию возглавлял лорд Джеймс, привели к тому, что 27 февраля в Берике был подписан договор. Англия обязалась защищать «старинные права и вольности» королевства Шотландия и охранять «законную свободу» короны от завоевания; договор просуществовал на год дольше, чем Мария была королевой Франции. В этой формулировке содержалось глубокое противоречие, поскольку «вольности» и «свобода» в данном случае означали свержение Гизов англичанами: оккупация одной

иностранной державы сменялась оккупацией другой.

Беспомощная и все более несчастная Мария была полностью исключена из принятия решений. Как и ее мать, которую Берикский договор привел в ужас, она умоляла д'Эльбёфа вернуться, но ее просьбы остались без ответа. Братья посылали ей туманные обещания, но не конкретную помощь. Причины отчасти были обусловлены трудностями отправки подкрепления на такое большое расстояние, но в основном все же имели политическую подоплеку. Баланс власти во Франции снова смещался, на этот раз не в пользу Гизов. Их дворцовая революция оказалась слишком радикальной. Смерть Генриха II создала вакуум власти, позволив гугенотам приобрести много сторонников среди аристократии. И как итог в стране назревали уже религиозные беспорядки. Братья Гизы сталкивались с теми же проблемами, с которыми уже имела дело их сестра. Разница заключалась в том, что они ставили во главу угла свои интересы и бросили мать королевы Марии на произвол судьбы.

Не все сохраняли подобное хладнокровие. Маргарита Пармская, регент в Нидерландах, предупреждала Филиппа II об угрозе морским коммуникациям со стороны Гизов. Екатерину Медичи тоже испугал масштаб амбиций Гизов, и она пошла на решительный шаг, объединившись с испанцами против ненавистных внутренних врагов. В качестве «королевы-матери» она сохраняла некоторую независимость в политике и дипломатии и теперь просила Филиппа вмешаться, взяв на себя роль посредника.

В начале марта 1560 г. следующий шаг испанцев стал неизбежным. Ирония заключалась в том, что, когда корабли д'Эльбёфа были потеряны, Гизам самим пришлось искать помощи Филиппа в защите их сестры, осажденной мятежниками. Это играло на руку Филиппу, который мог выступить в качестве посредника, к которому обе стороны обратились за помощью и советом. Обращаясь с просьбой к испанскому королю, посол кардинала Лотарингского обрушился с обвинениями на шотландских лордов и язвительно пошутил, что забота Елизаветы о независимости страны напоминает ему басню о лисе Ренаре, который ласковыми речами выманил цыплят с высокого насеста, а затем сожрал их.

Филипп назначил двух специальных послов, чтобы урегулировать кризис и не доводить ситуацию до полномасштабной войны. Один отправился в Англию, другой во Францию. Их миссии оказались практически безрезультатными, и в Париже кардинал Лотарингский решил рискнуть. Он предложил, чтобы Франция и Испания объединились и

подчинили себе Шотландию, но только в качестве прелюдии к завоеванию Англии. В результате Англия станет наследством для будущего сына Филиппа II и Елизаветы Валуа, который, в свою очередь, женится на дочери Франциска II и Марии. Чтобы план осуществился, Мария должна отказаться от своих претензий на английский престол. Это был невероятный полет фантазии, отражавший не только иллюзии Гизов, но и то, до какой степени они были готовы пожертвовать Марией, чтобы самим выбраться из затруднительного положения.

С Марией Шарль де Гиз не советовался. Мать, которую обожала юная королева, умирала, а ее саму игнорировали. В конце апреля в Амбуазе Мария устроила кардиналу сцену, упрекала его и «горько плакала». Она жаловалась, что дяди «погубили ее» и «лишили короны». Отвечая ей, кардинал поклялся, что отомстит Елизавете за союз с мятежниками, но его обещания ничего не стоили. Мария снова расплакалась, а затем слегла.

В последнем взволнованном письме к матери Мария посылала ей свою любовь, сочувствие и надежду, «что господь поможет Вам во всех Ваших трудностях». Передавала матери в письме, что Екатерина Медичи «пролила много слез, услышав о Ваших несчастьях». Что же касается кризиса в Шотландии, то она обещала настоять, чтобы ее муж «отправил Вам достаточную помощь», которую «он обещал мне, и я не позволю ему забыть о его обещании».

Мария потребовала свежих подкреплений для Шотландии, но прежде чем войско успело отплыть, Филипп II объединился с Екатериной Медичи, чтобы раз и навсегда ограничить власть Гизов. 6 июля после переговоров, продолжавшихся целый месяц, был подписан Эдинбургский договор. Задумывавшийся как дополнение Като-Камбрезийского договора, он получился совсем другим. Формально заключенный между Англией, Шотландией и Францией, в действительности он урегулировал отношения Англии, лордов конгрегации и Гизов, при посредничестве специального посла Филиппа.

Условия договора означали полную поддержку Англии и мятежных лордов, и предательство Марии и ее матери. Франция признала Елизавету законной королевой Англии, полностью разрушив политику де Гизов. Претензии Франциска и Марии на английский престол должны быть отозваны. Французские войска немедленно покидают Шотландию, а их крепости и гарнизоны надлежит сровнять с землей. В отсутствие правящей королевы, Марии, официальным правительством Шотландии станет совет, состоящий из аристократов, что делало его орудием

честолюбивых стремлений лорда Джеймса. Более того, Франциск и Мария должны были согласиться, что Елизавета всегда играла роль беспристрастного посредника, незаинтересованного наблюдателя, который всего лишь помог создать подходящие условия для заключения договора, а не прямого участника военных действий, который заключил союз с мятежниками, чтобы продвигать интересы Англии в Шотландии. Это была пощечина Марии, полученная от своих.

Но и это еще не все. Последняя статья договора включала положения, которые можно было назвать положениями об исполнении. Несмотря на унизительные условия договора, Франциск и Мария должны были пообещать ратифицировать и исполнять все его пункты, а при нарушении договора Англия могла вновь вторгнуться в Шотландию, если посчитает это необходимым для поддержания протестантской веры и избавления Британских островов от католицизма и французского влияния.

Эдинбургский договор, и особенно последняя статья, был настоящим издевательством. Он черной тенью лег на всю жизнь Марии и на ее отношения с Елизаветой и Сесилом. Значение его невозможно переоценить. С Франциском и Марией не только не советовались относительно условий — Мария как королева Шотландии даже не давала согласия на переговоры с Елизаветой и Сесилом. Поручение от имени Марии и ее мужа было, по всей видимости, составлено в Эдинбурге. Но документ подготовили ее дяди: Мария не давала никакого распоряжения, а ее мать не являлась стороной договора. Это иллюстрирует масштабы узурпации ее суверенитета. Мать королевы Марии обойти было несложно, поскольку она умерла 11 июня 1560 г., вскоре после начала переговоров. Сесил и лорд Джеймс могли устроить все, что нужно, не обращая внимания на законную суверенную власть в Шотландии.

Мария тяжело переживала смерть матери. Но даже эту новость бессердечные родственники от нее скрыли: известие пришло во Францию 18 июня, но держалось в тайне целых десять дней. Узнав о смерти матери, Мария удалилась в свою комнату и проплакала целый месяц. Когда Джейн Дормер, одна из бывших фрейлин Марии Тюдор, вышедшая замуж за посла Филиппа II в Лондоне и направлявшаяся в Испанию, увидела ее, то была глубоко тронута ее горем. Венецианский посол, также ставший свидетелем ее траура, писал, что она «удивительно сильно любила мать». Она так горевала, что «страдания ее были непрерывными».

Мы знаем, как выглядела Мария, поскольку к этому времени

относится первый рисунок и живописный портрет Марии в *deuil blanc*[14]. Рисунок выполнил Франсуа Клуэ, кисти которого, вероятно, принадлежит и портрет. Сеансы закончились приблизительно в августе 1560 г., когда Трокмортон встретился с Марией в Фонтенбло по окончании официального траура при дворе. Королеве еще не исполнилось восемнадцати.

У Марии появилась идея — отправить свой портрет в Англию. Она объясняла свое желание тем, что ей не терпится больше узнать о своей «сестре королеве», а после трагических событий последних месяцев она надеется начать их отношения с чистого листа. Мария хотела обратиться непосредственно к Елизавете, как королева к королеве. Она уже поняла важность личных отношений в дипломатии и хотела отправить свой портрет в надежде на ответный дар. Благородный жест, даже в том случае, если мотивом было всего лишь любопытство Марии относительно роста и внешности кузины. Обратившись к Трокмортону в непринужденной, почти шутливой манере, к которой она прибегала в общении с людьми, когда хотела добиться своего, она заставила его пообещать, что Елизавета согласится. «Уверяю Вас, — говорила Мария, — если бы я не думала, что она отправит мне свой портрет, то не заказывала бы свой».

Когда Трокмортон согласился и пообещал вернуться с портретом Елизаветы, Мария сказала: «Я полагаю, что больше нравлюсь Вам, когда выгляжу печальной, а не веселой, поскольку мне сказали, что Вы пожелали видеть, чтобы меня изобразили в *deuil*». Нет никаких свидетельств, что Трокмортон произносил нечто подобное. Желание обменяться портретами исходило от Марии, но посол знал, чего именно от него ждут.

На портрете Мария уже совсем взрослая женщина. Поза у нее более уверенная, лицо округлилось и пополнело, скулы стали резче, подбородок полностью оформился. Глубоко посаженные карие глаза светятся умом. Нос уже не курносый, как на ранних портретах, а с горбинкой. Сжатые и чуть искривленные губы передают глубокую скорбь по умершей матери. Роскошные рыжие кудри, как всегда, выбиваются из-под чепца.

Все, кто видел Марию, отмечали ее прекрасную кожу, и на портрете мраморный цвет ее лица превосходно сочетается с полупрозрачной белизной накидки, спускающейся до ног. Из-под накидки видно черное, отороченное белой тесьмой платье с глубоким вырезом, которое полукружьями поднимается к плечам и груди. Это портрет молодой женщины, пытающейся справиться со своим горем. Но прежде всего это портрет женщины, которая готова к роли королевы.

Трокмортон уже заметил произошедшую перемену. На

предыдущих аудиенциях присутствовали Екатерина Медичи или братья де Гизы, которые первыми брали слово, а королеве Шотландии приходилось лишь соглашаться с ними. На этот раз Мария была одна, и они с послом не говорили по-французски. Трокмортон обращался к Марии на английском, а она отвечала ему на среднешотландском диалекте, и они прекрасно понимали друг друга. Похоже, Мария чувствовала себя свободнее. Прежде она выглядела напряженной, теперь же изъяснялась «более изящно и приветливо». Она казалась естественной и непринужденной, словно руководствовалась только своими чувствами. Кроме того, Мария была более энергичной и высказывала свои мысли, а не говорила то, что написали для нее другие.

Это была первая самостоятельная королевская аудиенция Марии, а также первая публичная беседа после заключения Эдинбургского договора, ратификацию которого с этого момента она будет упорно отвергать. Спор по поводу договора превратится в столкновение характеров, которое станет легендой. Мария храбро приняла бой. Каждый раз, когда ее просили утвердить договор, она отвечала точно так же, как много лет назад ее мать отвечала Садлеру: «Я соглашусь с любым решением моего супруга, короля, ибо его воля — моя воля». Это была первая из целого ряда уловок, демонстрирующих, что в искусстве политического маневрирования Мария ни в чем не уступала Елизавете. Она прекрасно знала, что может рассчитывать на Франциска, который сам не станет ничего предпринимать.

Затем Мария сменила подход. Она сообщила Трокмортону неопровержимый факт, чтобы он передал это своей королеве. «Я, — сказала она, — самая близкая ее родственница, поскольку мы обе принадлежим к одному дому и роду; королева, моя добрая сестра, ведет происхождение от брата, а я от сестры».

Напомнив Елизавете об общем предке, Генрихе VII, Мария намекала на свои собственные династические права. «Я прошу ее судить меня так, как она судила бы себя, — продолжала Мария, — поскольку я уверена, что она не стала бы терпеть обращение и непослушание своих подданных, подобные тем, которые, как ей известно, проявили ко мне мои».

Мария призывала к дружбе и «миру» между двумя королевами на основе родственных связей: «Мы одной крови, из одной страны, с одного острова». Это станет постоянным рефреном англо-шотландской дипломатии после возвращения Марии в Шотландию.

И наконец, она дала обещание: «Со своей стороны я во всех своих деяниях буду желать ей добра, ожидая того же самого от

нее, и мы сможем состязаться, кто из нас проявит большую доброту к другой». Ее предложение было изящным и в то же время не лишенным иронии, если учитывать, что прошло всего шесть недель после того, как за ее спиной Сесил заключил Эдинбургский договор с мятежниками.

Мария обретала почву под ногами. Трокмортон не добился ратификации договора, но его обманули с таким изяществом, что он, похоже, этого не заметил. В конечном счете он был вынужден сообщить, что «несомненно, королева Шотландии… держит себя так благородно, благоразумно и осмотрительно, что я не могу не опасаться ее успехов». Возможно, в конечном счете ее обаяние было опаснее, чем династическая угроза, которую она воплощала. Если бы, игриво размышлял он, «одна из этих двух королев Британских островов могла превратиться в мужчину, дабы составить счастливый брак, это могло бы объединить весь остров».

В Лондоне Сесил видел все иначе. «Мы со всей уверенностью полагаем, — сообщал он Елизавете в одном из своих более мрачных, но откровенных докладов, — что королева Шотландии и вместе с ней ее супруг, а также дом Гизов являются тайными смертельными врагами Вашего Величества». Англия в опасности и должна защитить себя «и, главное, лично Ваше Величество». «Злоба» этих заговорщиков так велика, что они не отступятся, пока «живы Ваше Величество и шотландская королева».

Мантрой Сесила на протяжении всей его долгой карьеры стала безопасность Елизаветы. Он рассматривал отношения между двумя британскими королевами не в терминах «дружбы», а как почти вселенское противоборство добра и зла. В период между праздником в Руане и замужеством Марию готовили к тому, чтобы она предъявила претензии на английский престол, но после свадьбы она превратилась в стороннего наблюдателя, а иногда и жертву политики Гизов. Сесил никогда не понимал и не учитывал этого обстоятельства. Он относился к Марии так же, как к ее дядям, то есть как к вдохновителю и создателю международного католического заговора с целью свергнуть и убить Елизавету. Он уже был ее самым яростным и упорным противником.

Неприязнь Сесила вряд ли способствовала восстановлению добрых отношений, которое предлагала Мария, однако из-за высокомерия и претензий ее дядей именно на этом допущении, скорее всего, основывались все ее будущие отношения с Англией. Гизы сделали рискованную ставку и проиграли. Теперь сама Мария должна была попытаться перетасовать сброшенные ими карты.

8
Возвращение в Шотландию

Летом 1560 г. стали распространяться слухи о беременности Марии. Этот слух заслуживал всяческого доверия, потому что при наследственной монархии предполагалось, что правители должны как можно раньше вступать в брак и обзаводиться детьми для продолжения рода. В первую брачную ночь молодожены следовали установленному ритуалу. Мария и Франциск легли на брачное ложе, которое перед этим благословили и окропили святой водой. Что произошло ночью, осталось неизвестным, но после этого супруги спали раздельно. Как и во всех королевских семьях той эпохи, король и королева жили в отдельных покоях с отдельными спальнями, но Франциск имел право без предупреждения входить в комнату Марии в любое время дня и ночи, если испытывал потребность исполнить супружеский долг.

Для супруги короля Франции исполнение этого долга было приоритетным. Например, Екатерина Медичи в первые семь лет своего брака была особенно беззащитна перед любовницами короля, потому что испытывала отвращение к своему мужу. Только после рождения Франциска она почувствовала себя увереннее. Аналогичным образом, рождение сына и наследника укрепляло позиции Марии в государстве Валуа. Время было самым подходящим, и не в последнюю очередь потому, что ставило молодую королеву выше ее властной свекрови. Но с самой первой ночи Мария явно посчитала себя в положении. Она надевала свободные платья и настаивала, чтобы двор переехал из Фонтенбло в Сен-Жермен, где воздух был прохладнее.

Надежды Марии развеялись через шесть недель. К концу сентября выяснилось, что «беременность» ложная, и королева снова стала носить обычную одежду. Гизы не придали этому особого значения — они шутили, что у шестнадцатилетнего короля и семнадцатилетней королевы еще много времени для таких дел. А потом Франциск заболел. Он всегда был слабым ребенком, и из-за болезненности и низкого роста подданные называли его «маленьким королем».

В ноябре, вернувшись вечером с охоты, он пожаловался на головокружение и шум в ухе. В воскресенье Франциск упал в обморок в церкви, и вскоре у него проявилась острая, пронизывающая головная боль. Скорее всего, его страдания были вызваны инфекцией — когда из уха начала выделяться жидкость, короля немедленно уложили в постель, но вскоре стало ясно, что

он серьезно болен; по всей видимости, это была опухоль головного мозга.

Дяди Марии, герцог де Гиз и кардинал Лотарингский, делали вид, что у короля всего лишь простуда, усиленная катаром, который, как они утверждали, затронул ухо. Но эта версия была малоубедительна. И когда в последний момент отменили обещанную испанскому послу аудиенцию, сразу при дворе распространились слухи о смертельной болезни или даже об отравлении короля.

В конце ноября у Франциска начались сильные судороги. Он не мог двигаться и говорить, часами смотрел в пространство, не видя людей, собравшихся у его постели. Мария боролась с Екатериной Медичи за право ухаживать за ним. Ее свекровь становилась невыносимой. Она не доверяла семье Гизов и уволила всех *gentilhommes* сына, не сообщив его жене. В конечном счете жена и мать вместе ухаживали за Франциском, снимали пробу пищи, чтобы убедиться, что она не отравлена. Каждый день на рассвете они вместе заступали на дежурство, и, несмотря на постоянные протесты Марии, Екатерина также настаивала на праве входить в спальню короля и ночью.

Врачи делали Франциску кровопускание, очищали его организм с помощью клизм и рассматривали возможность операции на черепе — просверлить отверстие и ослабить давление жидкости. Но незадолго до назначенной операции выделения из уха прекратились; врачи уже поздравляли себя с успехом, но гной снова прорвался, и Франциск начал бредить. К началу декабря боль и выделения из уха стали непрерывными; гной также шел из носа и рта. В четверг, 5 декабря, силы короля иссякли, и он весь день пролежал без движения, а поздно вечером умер, не приходя в сознание. Точного времени никто не знал.

Ночью, пока Мария молилась над телом умершего мужа, Екатерина Медичи созвала *тайный совет*. Трон должен был перейти к брату Франциска, Карлу IX, которому на тот момент было всего десять лет. По стечению обстоятельств в Орлеане открывалось заседание Генеральных штатов — высшего представительского органа власти во Франции, последний раз собиравшегося в период правления Карла VIII в 1484 г. Делегаты назначили регентом Екатерину Медичи. С этого момента она решила отомстить Гизам, махинации которых все время подрывали ее власть. Она даже восстановила коннетабля Монморанси во всех его прежних должностях. Результаты дворцового переворота, сопровождавшего восхождение Франциска II на престол семнадцать месяцев назад, были аннулированы.

В планах Екатерины Марии не было места. Через несколько недель после похорон молодую вдову короля и ее свекровь разделила непреодолимая пропасть. Идея, что Мария должна выйти замуж за Карла IX, была решительно отвергнута Екатериной. В ответ братья Гиз попытались обручить племянницу с доном Карлосом, единственным сыном и наследником Филиппа II от его брака с инфантой Марией Португальской, которая умерла в родах пятнадцать лет назад.

Но Екатерина поспешно вмешалась, разрушив их матримониальные планы. Подобный брак, считала она, будет угрожать интересам остальных ее детей и оттеснит на вторые роли будущее потомство ее старшей дочери Елизаветы — третьей жены Филиппа, которая теперь жила с ним в Мадриде.

Удача отвернулась от семьи Гизов. В апреле 1561 г. Шарль де Гиз решил покинуть двор. После возвращения к власти Монморанси и многих его сторонников из числа гугенотов появились все условия для раздувания конфликта. Через шесть месяцев кардинал и остальные Гизы последовали примеру герцога, забрав с собой большинство приближенных и вассалов. Семья и около семисот ее сторонников сначала собрались в Жуанвиле, но затем переехали в Нанси и Саверн — в свои владения на восточных границах Франции, где они чувствовали себя в безопасности.

Мария понимала, что происходит, и после смерти Франциска не рисковала идти на конфронтацию со свекровью. В первый день своего вдовства она добровольно отдала Екатерине драгоценности, которые считались собственностью королевы Франции. Опись, составленную после не слишком тщательной инвентаризации, отправили Екатерине вместе с сундуками и шкатулками. Получив драгоценности, королева-мать приказала составить полную опись, включив в нее каждый предмет с указанием стоимости, от самых дорогих, таких как бриллиантовые колье и рубин под названием «Яйцо Неаполя», до украшенных драгоценными камнями вышивок и даже отдельных жемчужин.

Отправив драгоценности, Мария в тот же день покинула королевские покои и удалилась в свою комнату, соблюдать траур. В первые пятнадцать дней она отказывалась принимать посетителей, за исключением дядей, а также нескольких близких подруг и членов семьи. Всего за шесть месяцев она овдовела, осиротела и перестала быть королевой Франции. Облаченная в белые траурные одежды, она сидела почти без движения в полутемной комнате с занавешенными окнами, освещенной лишь свечами.

На шестнадцатый день она пожелала принять нескольких епископов и иноземных послов, которые принесли свои соболезнования. Через сорок дней она вышла из затворничества и присутствовала на заупокойной мессе по мужу во францисканской церкви в Орлеане.

Марии едва исполнилось восемнадцать, однако она полностью владела собой. Смерть мужа последовала почти сразу за смертью матери. Конечно, вначале Мария растерялась, но когда первый шок прошел, она смогла примириться со своей утратой. Династический брак не имеет отношения к чувствам. Мария исполнила долг, выйдя замуж за Франциска и отдав ему свою душу и тело. Но она никогда его не любила. Смерть матери была для нее гораздо болезненнее. Более того, теперь с ней перестали обходиться как с королевой Франции. Да, она была практически марионеткой в руках своих дядей — братьев де Гиз. Но тем не менее и сейчас Мария оставалась законной и полноправной королевой Шотландии.

Оценив свое положение, она решила вернуться в Шотландию. Решение зрело в течение месяца. «Вместе с другими, — докладывал Трокмортон английскому Тайному совету, — она сохраняет веру в лорда Джеймса и всех Стюартов». Здесь Мария продемонстрировала, что опыт общения с дядями не избавил ее от доверчивости. Всю жизнь она верила в силу семейных связей. Враг Гизов, лорд Джеймс был ее единокровным братом, сыном ее отца Якова V. В результате Эдинбургского договора у него было больше власти в Шотландии, чем у отсутствующей королевы. Однако Мария по-прежнему наивно верила, что, когда она вернется, лорд Джеймс помирится с ней. Ее подозрения были в большей степени направлены на Шательро и его сына, молодого графа Аррана, который заключил прочный союз с Ноксом и кальвинистами. Их последний и самый нелепый план заключался в том, чтобы выдать замуж Елизавету за Аррана и таким образом сделать его королем Англии.

Мария училась говорить и действовать самостоятельно. Получая информацию от бывших слуг матери в Шотландии, она полагала, что своим возвращением сможет завоевать сердца простых людей. В отличие от более эгоистичных аристократов простые люди не хотели войны или бунта. «Все, кто сохранял нейтралитет», заявила Мария, поддержат ее, если она вернется, и «простые люди, которые теперь увидят свою королеву, тоже склонятся перед ней».

Но если Мария предпочитала занять свой трон, а не интриговать против свекрови на протяжении долгих лет, то дяди строили в ее отношении совсем другие планы. Положение их

племянницы давало им шанс на возвращение ко двору. Они изо всех сил старались вовлечь в переговоры Испанию в надежде, что обручение Марии с сыном Филиппа II, доном Карлосом, все-таки состоится.

Но Мария не обращала внимания на их интриги. Приняв Эдинбургский договор, дяди фактически предали ее, и королева Шотландии только через год немного смягчилась. Ни в одном из ее писем в период между смертью Франциска II и возвращением в Шотландию не упоминается второй брак. Невозможно поверить, что Мария, которая не могла удержаться от желания написать родным, когда была чем-то взволнована, ничего не рассказала бы о новом браке, если бы действительно желала его. Инициативу проявляли только Гизы, используя в качестве посредника тетю Марии — Луизу, герцогиню Асхорд, у которой было много друзей при испанском дворе.

И предложения о новом браке не заставили себя ждать. Сватались король Дании и король Швеции, герцоги Феррарский и Баварский, а также Фердинанд I, император Священной Римской империи и глава австрийской ветви дома Габсбургов, искал супруг для своих сыновей. Все претенденты были достойными, но для семьи Гизов недостаточно хороши.

Среди других кандидатов были и властолюбивый, но слабый Арран, которого Мария презирала за сватовство к Елизавете, и лорд Дарнли, четырнадцатилетний сын графа Леннокса и леди Маргариты Дуглас. После того как дерзкая попытка Леннокса стать отчимом Марии провалилась, и он в 1544 г. перешел на сторону Генриха VIII, граф Леннокс и леди Дуглас поженились и, не привлекая к себе внимания, жили в Йоркшире.

Двор переполнялся слухами, но венецианский посол, который больше всего опасался брака Марии с доном Карлосом, знал, что сама Мария не хочет замуж. Все это были интриги ее дядей, которые пытались манипулировать племянницей помимо ее воли. Филипп II отверг предложение. Он уже установил прочный союз с Екатериной Медичи своим недавним браком с ее старшей дочерью Елизаветой. Король Испании поддерживал связь с Екатериной самыми разными способами: через своего посла в Париже, через ее письма к его жене, а также с помощью секретной переписки непосредственно с Екатериной, где Мария фигурировала под кодовым именем «дворянин».

Гизы были убеждены, что Филипп в конечном счете обратит на них внимание, посчитав, что Мария может стать ключом к будущей испанской гегемонии на Британских островах, если свяжет себя династическим браком с его семьей. Они жестоко ошибались. Союз Филиппа с Елизаветой пережил удар (с точки

зрения испанцев) религиозного соглашения 1559 г.: отношения с Англией остались сердечными. Он знал, что может полагаться на Сесила и его союзника лорда Джеймса, которые помогут сдержать Марию. Екатерина тоже поддерживала Елизавету и Сесила, и на протяжении пятнадцати из следующих двадцати лет их *дружеские отношения* позволили Сесилу атаковать Гизов, не портя отношений с Екатериной и ее детьми.

Когда истекли сорок дней официального траура, Мария уехала в деревню, в шести милях от Парижа. Этот период уединения она использовала для того, чтобы собраться с мыслями и реорганизовать свою свиту — из королевы Франции она превратилась во вдовствующую королеву. Это была серьезная перемена, планировавшаяся с учетом возвращения в Шотландию, поскольку теперь Мария выбирала новых советников, которые знали страну. Самым влиятельным из ее назначенцев был Анри Клетен, сеньор д'Уазель, бывший лейтенант-генерал ее матери, которого произвели в почетные рыцари, что было эквивалентно званию камергера. Следующим по рангу стоял Жак де ла Бросс, французский посол в Шотландии во время «грубых ухаживаний» Генриха VIII и ставленник Гизов, который сопровождал Марию во Францию в 1548 г.

Назначения, сделанные Марией, подтверждают, что она стремилась вернуться и хотела как можно больше узнать о стране, с которой знакомилась в классной комнате по «Географии» Птолемея. Д'Уазель недавно женился на юной красавице парижанке. У него не было никакого желания жить и работать в Шотландии, но на этом промежуточном этапе он давал Марии ценные советы, поскольку только коренной шотландец мог разобраться в аристократических фракциях, в привычках и характерах отдельных лордов.

Д'Уазель подробно рассказал Марии о мятеже 1559–1560 гг., убеждая, что лорду Джеймсу можно доверять, хотя он и сыграл главную роль в смещении ее матери. Несмотря на явное предательство, он был самым одаренным из лордов и единственным, кто мог бы объединить их. До сих пор он применял свой ум исключительно для удовлетворения личных амбиций, которые прятал под завесой религии. Лорд Джеймс был протестантом, но прагматиком, а не фанатиком. Он не был твердолобым кальвинистом и не дружил с Ноксом. Марии нужно было превратить своего незаконнорожденного брата из самостоятельного игрока в слугу королевы. Если бы ей это удалось, то она могла бы править страной так же, как ее предшественники.

В феврале 1561 г. Екатерина Медичи и королевский двор, как

обычно в это время года, переехали из Орлеана в Фонтенбло. Через несколько дней Мария вышла из затворничества и 16 февраля приняла Трокмортона и графа Бедфорда, которого Елизавета отправила к ней с соболезнованиями.

Аудиенция прошла успешно. Мария прочла письма Елизаветы, затем «ответила, с печальным видом и речами». Бедфорд должен был передать благодарность своей госпоже «за ее доброту и утешение в несчастьях, когда она больше всего в этом нуждалась». Елизавета, сказала Мария, «выказывает себя доброй сестрой, когда в этом есть великая нужда». Начав говорить, Мария обрела уверенность, повторив свою идею о новой странице отношений после фиаско Эдинбургского договора, и уверила посланников в том, что воспринимает письма Елизаветы как добрый жест и будет стараться проявлять такую же доброжелательность. Она пригласила послов приходить к ней, когда возникнет нужда, и попросила д'Уазеля проводить их до дома.

Послы вновь попросили аудиенции 18 февраля, и Мария подтвердила свое желание «дружбы». Они с Елизаветой, начала говорить она, были двумя королевами «на одном острове, говорящие на одном языке, близкие родственники…».

Но послы прервали ее, подняв больной вопрос Эдинбургского договора, настаивая, чтобы он был ратифицирован «без промедления». на это категорическое требование Мария ответила отказом. Возможно, Бедфорд, верный союзник и один из ближайших друзей Сесила, полагал, что ее можно заставить подчиниться. Но он слишком недооценивал Марию.

Она не испугалась и повела себя точно так же, как впоследствии вела себя Елизавета, применяя знаменитую тактику при столкновении с министрами или парламентом. Мария заявила, что нуждается в совете. Кардинал Лотарингский отсутствовал, а ее шотландские дворяне еще не прибыли, и без их важных «пожеланий и советов» она не сможет обойтись, поскольку «вопрос слишком серьезен для правителя ее возраста».

Трокмортон попробовал настоять на своем, но Мария возразила, что «не должна отвечать» за договоры, в составлении которых не участвовала. Затем она переменила тему, обвинив Елизавету в нарушении обещаний, поскольку в прошлом году та получила ее портрет в *deuil blanc*, но не прислала свой. Мария очень тонко намекнула Трокмортону все-таки привезти обещанный ответный подарок.

Это прозвучало как предупреждение, потому что, по мнению Марии, обмен портретами символизировал ее предложение начать отношения с чистого листа. Если в портрете будет

отказано, а требования ратификации договора не отзовут, это будет означать, что все прочие обязательства аннулируются.

Послы предприняли еще одну попытку встречи на следующий день, 19 февраля, но Мария не поддалась на их уговоры. Она цитировала афоризмы об обязанностях правителей, которые узнала от своих учителей, проявляя максимальную осторожность и настаивая, что всегда должна «получать советы» в делах, касающихся короны и государства, используя благоразумие как предлог, чтобы затянуть с ответом.

Кроме того, Мария нанесла один серьезный удар. Она предупредила Бедфорда, что если она будет относиться к своим дворянам пренебрежительно, обходясь без их советов, как это предлагает он, то в будущем они поведут себя так же дурно, как раньше, когда подняли мятеж против ее матери.

Марии удалось сохранить достоинство — но не более. Елизавета, если ее не принуждать, вскоре обязательно пошла бы на уступки, поскольку, как и Мария, прекрасно понимала сомнительную природу Эдинбургского договора.

Но существовало и серьезное препятствие. Самым яростным противником Марии был Сесил. Для него отказ шотландской королевы ратифицировать договор был равнозначен враждебному действию. По его мнению, это означало только одно — Мария отказывается признавать Елизавету законным правителем Англии — и укрепляло его убежденность в том, что именно Мария была главной движущей силой католического заговора с целью свергнуть и убить королеву.

Мария покинула Фонтенбло в середине марта и отправилась в трехмесячное путешествие, чтобы попрощаться с семьей. Это был типичный для нее жест, хотя реакция семьи на него оказалась неоднозначной. Тетушки сочувствовали. Они видели, что Мария решилась на отважный и смелый шаг: оставить знакомый и привычный мир и отправиться в Шотландию, где уже не было матери, которая бы встретила и приняла ее. Дяди не понимали и не одобряли ее намерений, и, возможно, поэтому маршрут ее путешествия получился несколько хаотичным.

Сначала Мария отправилась в Реймс, где у городских ворот ее встретили дяди и бабушка, но жила она у своей тетки, аббатисы Рене в монастыре Сен-Пьер-де-Дам. Проведя там три недели, дальше она уехала в поместья герцога Лотарингского в Нанси, но в Витри-ле-Франсуа ее догнал Джон Лесли, молодой юрист, католик, спешивший к ней из Нидерландов, а через несколько миль, в Сен-Дизье, к ним присоединился ее незаконнорожденный брат лорд Джеймс, прибывший из Кале. Их прислали соперничающие шотландские фракции для того, чтобы — как

открыто признавался лорд Джеймс — «завладеть ее умом», прежде чем она вернется домой.

Посланники хотели выяснить, когда и куда она прибудет в Шотландии. Лесли, который чуть-чуть опередил конкурента, был эмиссаром католической фракции — группы, возглавляемой графом Хантли, главой клана Гордон, сменившим убитого Битона в должности канцлера. Группа включала графов Атолла, Кассилиса, Кейтнесса и Кроуфорда, и по своей силе эта фракция почти не уступала протестантской, но была более сплоченной. Собравшись в Стирлинге, они призвали Марию вернуться домой безо всяких условий.

Лесли предупредил Марию, чтобы она остерегалась лорда Джеймса, которого он назвал предателем и мятежником, нападающим на католицизм с намерением свергнуть монархию. Она должна либо заключить его в тюрьму во Франции, либо высадиться в Абердине, где верные католики встретят ее с двадцатитысячной армией и проводят до Эдинбурга.

Мария благоразумно отвергла этот совет, ведущий к гражданской войне. Вместо этого она обратилась к представителю протестантов лорду Джеймсу. Его миссия заключалась в том, чтобы использовать успех лордов конгрегации, которые в августе 1560 г. успешно оттеснили католиков и созвали парламент, официально объявивший Шотландию протестантской.

Но лорд Джеймс был человеком себе на уме и любым способом стремился сохранить свое положение. За что и Лесли, и некоторые сторонники обвиняли его в заговоре с целью «собственного возвышения». Долгие беседы с Марией на протяжении нескольких следующих дней убедили его, что она твердо намерена вернуться в Шотландию. Сам лорд Джеймс предпочел бы, чтобы она осталась во Франции, особенно если учитывать его роль в подписании Эдинбургского договора, однако он увидел, что королева уже приняла решение.

Во время бесед лорд Джеймс представлял себя как надежного и неподкупного. Каковы бы ни были его амбиции, он обладал острым умом и редкой способностью объединять людей и предвидеть их реакцию. Он умел договариваться даже с католиками. И кроме того, для Марии всегда были важны родственные связи.

Беседа с королевой продолжалась пять дней, пока лорд Джеймс не добился ее расположения. Она согласилась, что последует его совету и поддержит религиозное *status quo* — существующее хрупкое равновесие между католиками и протестантами, при котором протестантство все-таки признавалось официальной религией Шотландии, несмотря на то

что большинство жителей втайне исповедовали католицизм. В обмен Мария получила разрешение слушать католическую мессу в часовне своего Холирудского дворца.

Лорд Джеймс прекрасно знал, что, выдвигая эти условия, он играет с огнем. Его компромисс у кальвинистов вызвал даже большее отвращение, чем среди протестантов. Самый влиятельный кальвинистский проповедник Джон Нокс и его союзники, юный граф Арран и лорд Линдси, угрожали снова поднять мятеж, если Мария не подчинится требованиям реформатской церкви и если «идолопоклонству» католических ритуалов будет позволено сохраниться в какой-либо форме.

Однако после того как, выполняя условия Эдинбургского договора, французские войска покинули Шотландию, страх перед католицизмом испарился, а вместе с ним и поддержка Аррана и Линдси. Многие бывшие лорды конгрегации склонялись в пользу Реформации, и лишь незначительное меньшинство в их рядах оставались искренними протестантами, а убежденных кальвинистов было совсем мало.

Тем временем Арран превратился в объект насмешек. Елизавета отвергла его предложение о браке: оно было не только преждевременным, но еще и слишком дерзким и самонадеянным. В довершение всего, узнав об отказе английской королевы, Арран решил жениться на Марии. Он убедил себя, что любит ее, несмотря на то что видел ее всего один раз в Париже, издалека, но при этом верил, что эту женщину легко принудить к браку. Это был высокомерный и нелепый план, неверно оценивающий характер Марии и выставлявший Аррана в глупом виде.

Лорд Джеймс не боялся Аррана. Более того, критика со стороны Нокса выглядела в глазах Марии скорее достоинством. Она не видела в своем брате кальвиниста. Его переход в протестантство объяснялся по большей части политическими мотивами, и спустя два года он ссорился с Ноксом так же часто, как и она.

Мария надеялась на поддержку брата, и даже хотела назначить его наместником Шотландии. Но затем д'Уазель рассказал ей, что лорд Джеймс сразу же после встречи с ней направился в Париж к Трокмортону, а также о его регулярных отчетах Сесилу в Лондон по пути к Марии и обратно. Когда она узнала об этом, то отбросила идею о регентстве, но оставила в силе все остальные договоренности.

У Марии не было выбора, кроме как договориться со своим братом. В последние дни, проведенные во Франции, она пыталась понять, кто может стать ее главными советниками как правящей королевы Шотландии. Ей пришлось действовать вслепую и

доверять только своим инстинктам. В конечном счете найти решение оказалось не так уж трудно. Лорд Джеймс уже возглавлял совет из двадцати четырех аристократов, который согласно Эдинбургскому договору являлся законным правительством Шотландии. Личное обаяние и выдающиеся дипломатические способности делали его именно тем советником, который требовался для достижения широкого согласия.

Мария понимала, что союз с лордом Джеймсом сопряжен с принятием его друзей в качестве советников. Самыми верными его союзниками были Уильям Мейтланд Летингтонский, государственный секретарь при совете аристократов, и Джеймс Дуглас, граф Мортон. Именно они составили ось, которая — благодаря путешествию лорда Джеймса в Сен-Дизье — определила политику первых лет правления Марии в Шотландии.

Самым мудрым из трех был Мейтланд. Он служил секретарем у Марии де Гиз, но в свое время переметнулся к лордам конгрегации, которые отправили его в Лондон в качестве своего представителя. Искренний и глубоко верующий протестант, он внес самый большой вклад в проведении через парламент закона о шотландской Реформации. Он тесно сотрудничал с Сесилом, в доме которого жил в Лондоне. Их дружба возникла отчасти на общих религиозных убеждениях, а отчасти из любви к классической литературе. В Англии Мейтланда называли «шотландским Сесилом», а в Шотландии — «Мак-Уилли», искаженное «Макиавелли». Оба прозвища нельзя назвать лестными, однако они свидетельствовали о его политической ловкости.

Самым опасным, но в то же время наименее изощренным был Мортон. Мстительный, грубый и жестокий, сексуально несдержанный — у него было четыре незаконнорожденных сына и одна дочь, — он отличался чрезвычайной алчностью и возвысился благодаря своим административным способностям и влиянию как главы рода Дугласов. При Эдуарде VI Мортон сидел в тюрьме в Англии, где познакомился с Реформацией и приобрел английский акцент. Он проявлял нерешительность в своей поддержке мятежа против Марии де Гиз, присоединившись к нему только после того, как убедился, что победа будет за лордами конгрегации.

Как только лорд Джеймс отправился домой, в Шотландию, уверенный в своем устойчивом положении, тут же началась борьба за должности. Мортон составил записку, в которой оправдывал свою роль в мятеже лордов и которую вручил Марии лично в руки его кузен Арчибальд Дуглас. Он обвинял других в «неверных сведениях», которые королева получила о нем. К

несчастью, он сам же все испортил, попросив подтвердить его претензии на земли графства Ангус, которыми управлял от имени племянника, претендовавшего на оспариваемый графский титул. Мария проигнорировала его просьбу.

Следующим ей написал Мейтланд, предложив «верную службу» и пожаловавшись на «клеветников» и «сплетников». Перед лицом Марии он пытался оправдаться от обвинений в том, что служит Сесилу.

Мария отправила Мейтланду разъяснение, удивительно дальновидное и проницательное для восемнадцатилетней женщины. Она написала, что желает забыть прошлое и будет судить его исключительно по тому, насколько он верен ей сейчас. Мария честно призналась, что видит в нем «главный инструмент» всех «действий», направленных против нее, и советовала оборвать «тайные связи» с Сесилом. «Ничто, — сказала она, — не будет происходить в кругу нашей знати без того, чтобы Вы об этом не узнали или не дали свой совет. Не скрою от Вас, что, если после того, как я облеку Вас своим доверием, что-то пойдет не так, Вы будете первым, кого я обвиню». Ее письмо полностью объясняет, почему Мейтланд в течение следующих двух лет стал верным слугой Марии. Он трудился на ее благо гораздо усерднее, но все равно подстраховывался, отправляя копии писем Марии с нарочным напрямую Сесилу.

Лорд Джеймс и его союзники понимали, что Эдинбургское соглашение вскоре станет главным камнем преткновения в их взаимоотношениях с Марией. Последняя статья, об исполнении договора, требовала от нее ратифицировать и соблюдать все условия, и если этого не произойдет, то Англия имеет право в любой момент вторгнуться в Шотландию — и эта угроза была очень серьезной причиной для тревог. Чтобы устранить эту проблему, Мейтланд предложил новое соглашение с Елизаветой и Сесилом, согласно которому Мария откажется от немедленных претензий на английский престол и признает Елизавету Английскую законной королевой до конца ее дней. Это была более или менее откровенная сделка: в обмен на отказ от немедленных претензий на трон Марию признают «вторым человеком в королевстве». Она станет вероятной наследницей английского престола и унаследует трон в том случае, если Елизавета умрет, не оставив детей.

Мейтланд пытался добиться компромисса, несмотря на то что Трокмортон по-прежнему добивался от Марии ратификации договора в его первоначальной форме. Он утверждал, что результат будет таким же, как если бы она ратифицировала договор и признала бы Елизавету законной королевой Англии.

Его идея состояла в том, что после соглашения с Сесилом Мария поедет домой, в Шотландию, через Англию. Она переправится морем из Кале в Дувр, где ее встретит шотландская делегация, откуда отправится дальше в Лондон, где сможет лично встретиться с Елизаветой и договориться об окончательных условиях. По мнению Мейтланда, такой разговор между королевами «принес бы нам спокойствие при их жизни».

После посещения родственников в Нанси Мария вернулась в Жуанвиль и Реймс, а затем в Париж, куда прибыла 10 июня 1561 г. Ее встретили с почестями и поселили в Лувре. И уже 18 июня к ней с визитом отправляется Трокмортон, чтобы снова попытать счастья. Но Мария отложила «окончательный ответ» до тех пор, пока не получит совета от своих лордов, что возможно только после прибытия в Шотландию. Она заверила посла, что это случится очень скоро и уже решено не тянуть с отъездом. К Елизавете же будет отправлен д'Уазель с сообщением и просьбой об охранной грамоте на тот случай, если шторм или болезнь заставят корабль Марии искать убежище в Англии. Других обязательств она на себя брать не желала.

Трокмортон оказался в затруднительном положении. Инструкции требовали от него убедить Марию ратифицировать договор — это было условием его возвращения в Лондон. Поэтому он решился на рискованный шаг, пойдя на открытый разговор с королевой. Отговорка Марии, что она должна получить одобрение лордов, прежде чем ратифицировать договор, сказал он, просто смешна. Ведь те самые лорды и составляли договор. На что Мария, увидев смену вектора в диалоге, тут же возразила, заметив, что в этом мире все меняется: «Когда я окажусь среди них, тогда и выясню, придерживаются ли они своего прежнего мнения».

Такой ответ не устраивал Трокмортона. Ситуация ухудшилась, когда в Лондон прибыл д'Уазель с просьбой об охранной грамоте. Подобные документы безо всяких препятствий выдавались дипломатам, но Елизавета наотрез отказалась гарантировать Марии и ее спутникам безопасный проезд по территории страны, пока шотландская королева не ратифицирует договор. На прямой вопрос, когда это произойдет, д'Уазель отвечать отказался, и это вызвало скандал.

После столкновения с д'Уазелем Елизавета последовала совету Сесила и 14 июля высказала свое мнение Трокмортону: если Мария откажется от претензий на престол, прежде чем покинет Францию, а также ратифицирует договор, как того требовала статья об исполнении, ее могут признать наследницей Елизаветы. Только в этом случае она может направляться в

Шотландию через Дувр, а также возможно будет организовать беседу двух королев, которая, как сухо напомнили д'Уазелю, должна быть «дружеской встречей» для подтверждения «мира».

В это время Сесил переписывался с Мейтландом, но их видение ситуации было слишком разным. Если Мейтланд пытался «увлечь» Марию в сторону компромисса с Англией и настаивал, что она может стать наследницей Елизаветы без ратификации договора, то Сесил требовал от нее не только отказа от претензий, но и ратификации.

В сущности, Сесил блокировал шотландский план, отвергая любую сделку без ратификации. Более того, такое поведение Сесила выдало его тайную мысль, когда, согласившись, что Мария будет признана наследницей Елизаветы, он вдруг прибавил: «Господь пошлет нашей госпоже мужа, а посредством него и сына, и мы можем надеяться, что у наших потомков родится наследник мужского пола».

Эти слова явно указывали, что даже если бы удалось достигнуть согласия, Сесил намерен сделать все, что в его силах, чтобы убедить Елизавету выйти замуж и родить детей, тем самым навсегда исключив Марию из числа претендентов на английский престол. «Этот вопрос, — заключил он, — слишком велик для слабых людей и слишком глубок для простых; Ее королевское Величество знает о нем. И на этом я закончу».

20 июля в Сен-Жермене Мария завершила прощальное турне по Франции. В ее честь был организован трехдневный праздник, на котором Ронсар по-прежнему восхвалял «красу и славу наших дней, укрощающую королей и народы».

Она уехала из Сен-Жермена 25 июля и в сопровождении дядей и многочисленной свиты направилась на север к портовым городам на побережье Ла-Манша. Чтобы сбить со следа английских шпионов, о месте и времени прибытия распространялась ложная информация. Тактика оказалась настолько успешной, что когда в последний момент Елизавета смягчилась и все-таки подписала охранную грамоту, документ не смогли доставить Марии. Никто не знал, где находится ее кортеж, и королеве Шотландии пришлось путешествовать без него.

10 августа Мария добралась до Кале, немного отдохнула и через четыре дня, утром 14 августа, поднялась на борт своего корабля. Это путешествие стало одним из последних предприятий, организованных для нее дядями. Во время плавания Марию сопровождали лишь маркиз д'Эльбёф и два его старших брата. С ними также был старший сын коннетабля Анри, который вернулся во Францию примерно через месяц после прибытия Марии в Эдинбург, и она любезно отправила его отцу письмо

благодарности. В составе дипломатического эскорта был ловкий дипломат и интеллектуал Мишель де Кастельно, сеньор де Мовиссье, который впоследствии сыграет ключевую роль как один из французских послов в Шотландии и Англии. В своих мемуарах он вспоминал Марию как «подлинную француженку… не просто самую красивую, но и самую элегантную из представительниц своего пола и в речах, и в хороших манерах».

На борт также поднялись верные компаньонки — четыре Марии, которых Мария так безжалостно высмеивала по пути во Францию тринадцать лет назад. На второй галере разместилась остальная свита королевы, а флотилия из десятка судов, зафрахтованных в Голландии, везла багаж. Такое количество кораблей потребовалось, чтобы кроме гобеленов, мебели и нескольких сотен сундуков с платьями, золотой и серебряной посудой, картинами и другими произведениями искусства, привезти на остров огромное количество постельного белья, еды, утвари и целую сотню лошадей и мулов.

Королева отплыла из гавани около полудня; за церемонией наблюдал один из слуг Трокмортона, которому в конце концов удалось выследить ее путь. Как и в прошлый раз, капитаном галеры был Николя де Виллеганьон. Только в отличие от отплытия из Шотландии, которое сопровождалось задержками и сломанным рулем, теперь при попытке покинуть порт произошел несчастный случай. В узком выходе из гавани королевская галера в результате неудачного маневра столкнулась с другим судном, которое быстро затонуло. Мария бросилась к Виллеганьону, умоляя спасти тонущих моряков и предлагая щедрое вознаграждение тому, кто это сделает. Но разбитый корабль слишком быстро пошел ко дну со всем своим экипажем.

«Это знак!» — повторяла Мария, пока снова не был подан сигнал поднять парус и возобновить плавание. Она наотрез отказалась спускаться в каюту, и четыре Марии приготовили ей постель на палубе полуюта, где она провела свою первую ночь в море.

После двойной потери, пережитой в 1560 г., Мария действовала уверенно и решительно, особенно в отношениях с Трокмортоном, но когда берег Франции скрылся в тумане, она потеряла самообладание и разрыдалась. Схватившись за поручни, она стояла и горько плакала, не отрывая взгляда от исчезающего из виду берега. Когда галера вышла в открытое море, Мария воскликнула: «Прощай, Франция! Теперь все кончено. Прощай, Франция. Я уже никогда не увижу твоих берегов».

9
В лабиринте

Прибытие Марии на родину стало для ее подданных полной неожиданностью. Королева прибыла в Шотландию за рекордно короткий срок — меньше пяти дней — на неделю раньше, чем ее ждали. Как только флотилия Виллеганьона покинула Ла-Манш и вышла в Северное море, капитан приказал двум маленьким и более быстроходным галерам плыть впереди, позволив транспортным судам идти с удобной для них скоростью.

Во вторник 19 августа 1561 г. в шесть часов необычно сырого, по свидетельству очевидцев, для этого времени года и мрачного утра корабли вошли в Ферт-оф-Форт и стали на якорь у входа в гавань Лита. Берег был окутан густым морским туманом, и морякам приказано было ждать, пока он не рассеется, и только потом причаливать к деревянному пирсу. Мария сошла на берег в начале одиннадцатого, когда сквозь туман начало проглядывать солнце. Так закончилось ее тринадцатилетнее отсутствие: она покинула Шотландию ребенком, а вернулась взрослой женщиной.

Умывшись и отдохнув в одном из соседних домов, она в сопровождении свиты пустилась в путь по склону крутого холма к Эдинбургу, а оттуда по улице Кэнонгейт — в Холирудский дворец, самый величественный из дворцов Шотландии. Именно в нем располагались королевские апартаменты — в большой укрепленной башне, которую построил ее отец Яков V и которая должна была затмить все сооружения на землях древнего аббатства.

Вряд ли именно о таком возвращении мечтала Мария. Она ступила на землю Шотландии раньше, чем кто-либо подготовил торжественную встречу, ее транспортные корабли намного отстали и королева оказалась без вещей и достойного ее сану сопровождения. Судно, на котором перевозили лошадей, в том числе ее любимых иноходцев, было перехвачено английским патрулем, охотившимся на пиратов, и направлено в Тайнмут, где простояло месяц, прежде чем ему разрешили продолжить путь в Эдинбург. Въезд Марии в Эдинбург получился скромным без привычных королевских атрибутов на в срочном порядке арендованных лошадях. Но к вечеру начались празднования, и даже Нокс вынужден был признать, что народ по-настоящему обрадовался, встречая королеву кострами и музыкой. Компания «достойных музыкантов», с мрачным удовлетворением отметил он, «приветствовала ее под окнами спальни». Разумеется, это

были его собратья кальвинисты, вызвавшие самые разные чувства у королевской свиты. Католик Пьер де Бурдейль, сопровождавший Марию, жаловался, что, когда королева пожелала отправиться спать, несколько сотен «молодчиков из числа жителей этого города» собрались под ее окном и играли на скрипках и других струнных инструментах и распевали псалмы «так дурно и фальшиво, что вряд ли можно было бы исполнить еще хуже».

31 августа, почти через две недели после возвращения королевы, наконец очнулся мэр Эдинбурга и устроил банкет в старом особняке кардинала Битона для королевы и ее свиты, а также всех присутствующих из семьи Гизов. На следующий день Виллеганьон отплыл домой, а вместе с ним и те немногие сопровождающие Марии, которые не захотели оставаться в Шотландии дольше, чем того требовали их официальные обязанности.

Но в тот момент, когда Мария впервые прошла по пустым комнатам Холирудского дворца, скорее всего, она испытывала колоссальное волнение. Она впервые ощутила себя королевой. К этому ее готовили с самого рождения. Она со смешанным чувством печали смотрела на пустующие со дня смерти ее матери комнаты. Год назад старую мебель убрали, а вещи Марии еще не прибыли. В детстве Мария ни разу сюда не приезжала, и Холирудский дворец был для нее совсем незнаком. Теперь же она видела, что ее отец и в архитектуре придерживался французского стиля. Башня Якова V, в которой жила Мария, была скопирована с башни Франциска I замка Шамбор, где она не раз останавливалась. Новый западный фасад дворца с большими окнами и каменной резьбой, выстроенный в честь Мадлен, дочери Франциска I и первой жены Якова V, был очень похож на знаменитую террасу в Шамборе. Когда Мадлен умерла, и Яков женился во второй раз, мать королевы Марии приказала разбить обширные сады по образу тех, которые она хорошо знала по многочисленным визитам в Сен-Жермен, Фонтенбло, Амбуаз и Блуа.

Мария оказалась в более привычном окружении, чем могла ожидать, и, вероятно, не заметила особых перемен в пище и распорядке дня, потому что основную часть домашнего персонала королева привезла с собой из Франции: от камердинеров, швейцаров, поваров, буфетчиков, портного до священников, врачей и аптекаря. Она сохранила французскую прислугу на протяжении всего своего правления, оплачивая труды из дохода, который она получала как вдовствующая королева Франции, и ее штат вырос до ста семидесяти человек.

Другим оказался климат. Шотландия сильно отличалась от

Парижа и от долины Луары. Летний зной не был столь безжалостным, как в Парижском бассейне или в Турене, а вот зима оказалась гораздо более суровой, чем в Пикардии или Нормандии. Весна приходила на шесть недель позже, а осень — примерно на месяц раньше.

Свита Марии сразу заметила бедность шотландцев. Бурдейль, отличавшийся склонностью к преувеличениям, предсказывал, что Марии будет легко произвести впечатление на бедняков: один только вид нищеты, вспоминал он, вызывал слезы жалости на ее глазах. А Сесилу, собиравшему все известия о прибытии королевы, донесли, что «бедность ее подданных значительно усилилась, каковы бы ни были ее намерения».

Но проблемы на этом не заканчивались. Во Франции нищих было намного больше, чем в Шотландии, но разница заключалась не столько в скромном, на грани нищеты, существовании фермеров-арендаторов Шотландской низменности и батраков в горных районах, сколько в отсутствии заметной прослойки городской буржуазии за пределами Эдинбурга. Города и поселки были такими маленькими, что почти не влияли на жизнь страны. И это бросалось в глаза. Такой резкий контраст между хибарами деревенских жителей и замками и роскошными домами знати и землевладельцев лишний раз подтверждал пропасть между богатыми и бедными. Возвращению Марии повсеместно предшествовали слухи о ее огромных коллекциях платьев, бриллиантов и жемчугов, об украшенных драгоценными камнями вышивках, о золотой и серебряной посуде, о мебели и гобеленах. Именно в этом скрывалось очарование королевы Шотландии — в способности соперничать с роскошью королевских дворов Европы. И именно сама возможность соперничества внушала благоговение перед нею ее менее обеспеченных подданных, а не ее богатство как таковое.

Вскоре Мария почувствовала себя настолько уверенной в своем новом доме, что организовала свой первый торжественный въезд в Эдинбург. Этим она хотела компенсировать впечатление от своего скромного прибытия. *Entrée royale* был ключевым элементом культа монархии во Франции, и Мария решила, что теперь настал наиболее благоприятный момент, чтобы показать себя народу.

В одиннадцать часов утра 2 сентября она покинула Холирудский дворец через черный ход, обогнула город с севера и вернулась через специальный пролом, проделанный в городской стене. В сопровождении приближенных она торжественно поднялась по склону холма к замку, где в большой зале был устроен государственный прием, на котором Мария была

хозяйкой, а знатные горожане — почетными гостями. Когда она покинула замок, в ее честь прозвучал салют из пушек.

На этом официальная часть *entrée* закончилась. За ней последовали пышные зрелища, организованные городским советом в честь возвращения королевы. Когда Мария спускалась по Касл-Хиллу, навстречу королеве вышли пятьдесят молодых людей, изображавших «мавров», — в костюмах из желтой тафты, в черных шляпах и масках, в драгоценных перстнях и с золотыми цепями. Образовалась процессия во главе со знатью и «маврами»; за ними следовала Мария в окружении представителей городских властей, которые несли над ней пурпурный балдахин. В подобных представлениях любимцами толпы были как раз «мавры» и «турки», и группы «мавров» всегда участвовали в процессиях, организованных в честь Марии де Гиз в ее бытность регентом. У городского совета оставался достаточный запас этих костюмов, и было решено их использовать.

Процессия сделала несколько остановок. На Лонмаркет Марию встретили первым из многочисленных представлений. Над улицей возвели деревянную, ярко раскрашенную арку. На галерее над аркой детский хор пел «небесными голосами», а когда Мария проезжала под аркой, раскрылся механизм в форме «облака», и из него на веревке, словно ангел, спустился «хорошенький мальчик». Он вручил Марии ключи от города, а затем Библию и псалтырь, переплетенные в тонкий пурпурный бархат. Передав книги, мальчик прочел стихи:

> Привет тебе, наш правитель, наша исконная королева,
> Привет тебе от твоих подданных, великих и малых,
> Привет тебе от всех деревень
> И Эдинбурга, твоей столицы.
> Здесь твой народ, единый сердцем,
> Преподносит тебе в память две книги —
> Дар, достойный благочестивого принца…

Мария не забыла шотландский диалект и понимала каждое слово. Она с удовольствием приняла подарки, но, когда зазвучали стихи, нахмурилась и немного демонстративно передала книги Артуру Эрскину, капитану ее гвардейцев, стоявшему рядом. Он был твердолобым католиком, который служил ей во Франции в качестве дворецкого. Мария сразу же поняла, что у подарка есть скрытый смысл: под словами «благочестивый принц» понимался протестантский принц, а для гугенотов и других кальвинистов Библия и псалтырь символизировали их проповеди и пение псалмов. Совершенно очевидно, что ее назидательной аллегорией

просили принять кальвинистскую религиозную политику, но королева поспешила продолжить путь.

Процессия двинулась по Хай-стрит к собору св. Джайлса. У здания Толбута, в котором проводились суды над государственными преступниками и собирался парламент, была разыграна пантомима: группа «юных дев» — их роли исполняли мальчики — олицетворяла собой Стойкость, Справедливость, Умеренность и Благоразумие. Этими достоинствами, как сообщил актер-рассказчик, должен обладать правитель Шотландии. Мария не выказала неудовольствия — в отличие от предыдущей сценки, эта была основана на классической литературе и почти полностью совпадала с той, что уже разыгрывали для матери королевы Марии.

Следующее, третье представление было разыграно около фонтана Хай-Кросс. Его тоже сопровождал назидательный комментарий, но на этот раз слова были не слышны. Вокруг фонтана собралась огромная толпа, поскольку из него била не вода, а вино. Звон разбитых стекол и пьяное веселье все заглушали. Мария торопливо ответила на приветствия толпы и поспешила продолжить путь.

Дальше по Хай-стрит располагались «соляные весы», одни из нескольких в городе, на которых можно было взвесить проданные на рынке товары. Рядом с официальными городскими весами было показано четвертое представление. Кальвинисты собирались показать сожжение католического священника у алтаря, когда он поднимает хлеб в таинстве причащения. Действие остановил граф Хантли, который нес церемониальный меч во главе процессии и оказался на этом месте раньше Марии. Вместо сожжения священника была спешно разыграна другая сцена, с сожжением трех библейских персонажей, восставших против Моисея, — это удовлетворило протестантов и понравилось католикам, которые восприняли сцену как аллегорию, направленную против святотатства.

Пятое, последнее, представление было разыграно у ворот Низербоу в самом конце Хай-стрит, на восточной границе старого города, где начинался район Кэнонгейт и «дворцовый» сектор. Здесь прозвучала приветственная речь, после чего под пение псалмов был сожжен дракон, сделанный из парусины и папье-маше. В действе присутствовал апокалиптический мотив: «дракон» был намеком на папу как Антихриста, и вряд ли это понравилось Марии.

По прибытии в Холирудский дворец несколько детей, которые следовали за Марией в повозке, спели псалом и продекламировали стихи, в которых снова содержались нападки

на мессу. Потом мэр и знатные горожане попросили королеву принять в дар сундук с золотой посудой. Она сдержанно поблагодарила подданных, стараясь не обращать внимания на прозвучавшие стихи. Праздник окончился, и все разошлись по домам.

Можно только догадываться, насколько напряженным и явно неловким оказалось это празднование: выражение искренней радости и удовольствия со стороны подавляющего числа дворян и простых людей от возвращения королевы и вместе с этим открытая попытка кальвинистского меньшинства диктовать свою религиозную политику.

Но Мария была благоразумна. Она умела широко смотреть на вещи. Кальвинисты называли мессу «ужасной в глазах всех людей». Но это было всего лишь преувеличение, гипербола. «Все люди» не были протестантами. Разделение по религиозному признаку в Шотландии было таким же, как и в остальной Европе. Мария могла судить об этом по опыту общения с французскими гугенотами. Но она прекрасно понимала, что сейчас перед нею стоит задача любыми способами не допустить религиозной войны. За пределами Эдинбурга и городов протестантство еще не пустило корни. Остатки старой католической системы сохранились по стране в большом количестве, словно ничего и не произошло. В Эдинбурге на Пасху открыто служили мессу: для большинства людей официальная Реформация наступила слишком быстро. В другое время года католики слушали мессу в своих домах и даже в местных церквях, особенно в самых отдаленных уголках страны.

Что касается бывших лордов конгрегации, то лишь Шательро и его сын Арран объявили бойкот торжественному въезду Марии в Эдинбург. Простые жители города тепло приветствовали ее как первого взрослого правителя Шотландии за последние двадцать лет. Их не пугал католицизм. Конечно, кальвинисты преобладали в городском совете, однако по отношению к общему населению Шотландии их количество было ничтожно. И даже в Эдинбурге кальвинисты приветствовали Марию, хотя и сдержанно. Это уже был триумф сам по себе, что явно не соответствовало желаниям лидера кальвинистов Джона Нокса, который раскритиковал события этого дня, сравнивая их с идолопоклонством. «Только глупцы, — писал он, — могут быть обмануты Францией».

Мария решила бросить вызов Ноксу, подавив угрозу в зародыше. Расчетливая не по годам Мария предположила, что поскольку лорд Джеймс с большинством лордов Шотландии на ее стороне, то именно кальвинисты станут противостоять ей. Она прекрасно знала главные духовные ценности шотландской знати

и их представления о чести. Исходя из истории регентства ее матери, в этой стране действиями аристократов в большинстве случаев руководили честолюбие и оппортунизм, а не религиозные принципы, хотя прикрывались они громкими словами о необходимости защиты национальных интересов Шотландии. Ее ближайший советник лорд Джеймс превосходил умом большинство шотландских аристократов и не жаловал Нокса. В этом вопросе он полностью разделял мнение своей сестры о проповеднике.

После возвращения из Женевы в Шотландию Нокс служил священником на самой влиятельной кафедре страны — в соборе св. Джайлса, где каждое воскресенье он по два или три часа читал проповеди, выступая с жесткой критикой католицизма в лице папы римского и самой мессы. Он вещал, как пророк, и, судя по всему, видел себя современным Иеремией. Лорд Джеймс не мог обуздать его амбиции. Нокс очень хорошо запомнил обиду, нанесенную ему братом Марии, который при обсуждении условий возвращения королевы в Шотландию попросту проигнорировал его требования согласиться с желаниями реформаторской церкви. Конфликт разрастался как снежный ком, и столкновение с Марией было неизбежным.

Кульминация наступила в первое воскресенье пребывания королевы в Холирудском дворце. Когда Мария слушала мессу в личной часовне, во дворе произошла стычка между старшим сыном главного союзника Нокса лорда Линдси и слугами Марии. Патрик Линдси привел к дверям часовни своих друзей, которые призывали убить «священника-идолопоклонника». Чтобы защитить Марию, лорд Джеймс встал на страже у дверей, но слуга, который нес алтарные принадлежности, был сильно избит — у него отобрали свечи и «втоптали их в грязь».

В ответ на это на следующий день Мария выпустила воззвание, в котором в соответствии с рекомендациями советников объявила о решительном и окончательном «примирении» между католиками и протестантами. Королева надеялась, что ее личное обращение к народу «приведет ко всеобщему согласию». А пока, «во избежание волнений или подстрекательств к мятежу», она будет хранить *status quo*. Никто не должен пытаться изменить официальную религию, которая, «как по прибытии в Шотландию обнаружила Ее Величество, признана повсеместно». Кроме того, никто не имел права «по любой причине» досаждать слугам или любому члену ее свиты, будь то французы или шотландцы.

Арран тут же опротестовал заявление королевы. Он обвинял королевский двор в том, что приближенным Марии позволено

пользоваться привилегиями, созданными только для нее. Если кто-то из слуг королевы присутствовал на мессе в часовне, он утверждал, что они совершили «идолопоклонство», проступок «более мерзкий и гнусный в глазах Господа», чем убийство.

Мария проигнорировала выступление Аррана и пригласила к себе для объяснений главного автора кампании против «идолопоклонства» Нокса. Это была рискованная стратегия, но Мария не зря тренировалась умело вести дискуссию на Трокмортоне.

Нокс прибыл на аудиенцию к королеве 4 сентября, Мария приняла его в присутствии своего главного советника лорда Джеймса. Обойдясь без предисловий, она начала с того, что считала главным. Это не имело отношения к теологии, а касалось исключительно возможного вооруженного политического сопротивления в стране. Мария была осведомлена, что во время своего изгнания в Женеве Нокс написал памфлет «Первый трубный глас против чудовищного правления женщин», обличающий женщин-правительниц и опубликованный в 1558 г.

Основной мыслью памфлета была идея Нокса о том, что правители-«идолопоклонники» — и неважно, мужчины они или женщины, но в особенности женщины — могут быть свергнуты силой. Нокс утверждал, что монархия с женщиной во главе «противна» Богу и Священному писанию, а женщина-правитель — «чудовище по природе своей». В Ветхом Завете, настаивал он, есть соответствующие примеры, в частности, царицы Иезавель и Аталия обе стали жертвами законного цареубийства.

Через год после опубликования «Первого трубного гласа» Нокс начал распространять свою теорию в Шотландии. Он утверждал, что регент, Мария де Гиз, и даже сама королева Шотландии могут быть законно свергнуты знатью. Камнем преткновения для него стали слова апостола Павла, защищающие власть: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены»[15]. Нокс был достаточно умен и не мог игнорировать слова апостола или же впрямую отрицать их. В конечном счете он обошел это положение, отметив, что слово «власть» используется во множественном числе и поэтому означает нечто большее, чем один правитель (или «высшая власть»). Он утверждал, что поскольку имеются в виду именно «власти», то в их число должна быть включена и аристократия, которую он называл «низшей властью». Таким образом, обе «власти» законные и обе «от Бога». В этом случае, делал вывод Нокс, знать (или «низшая власть») имеет право сопротивляться правителю и при необходимости свергать его, руководствуясь

благими намерениями, потому что, сопротивляясь «высшей власти» правителя-«идолопоклонника» и уничтожая «алтари Ваала», «низшая власть» фактически «повинуется» велению Господа и «исполняет» Закон Божий.

Нокс совершил концептуальный переход, превратившись из богослова в идейного вдохновителя сопротивления. Мария начала разговор с ним с обвинения в том, что он побуждает ее подданных к вооруженному мятежу. На это Нокс ответил, что все совершаемое им направлено во благо паствы и распространение веры в Иисуса Христа. Известно, что между королевой и протестантским проповедником состоялся диалог:

«Значит, — спросила Мария, — Вы считаете, что я не обладаю законной властью?»

«Помилуйте, Ваше Величество, — запротестовал Нокс, — во все времена ученые мужи были вольны высказывать свои суждения».

Нокс настаивал на праве иметь собственное мнение, прибавив: «Если государство не испытывает неудобств от правления женщины и подданные это одобряют, то я не буду осуждать их… но сам готов жить под Вашей властью не больше, чем апостол Павел под властью Нерона».

Конечно, Мария оскорбилась, что ее сравнивают с римским императором-тираном. Она тут же потребовала объяснений от Нокса, который попытался смягчить нанесенное оскорбление, утверждая, что «Первый трубный глас» был направлен против конкретной правительницы — английской королевы Марии Тюдор. Она — особый случай, потому что, поставив вне закона протестантство, легализованное ее братом Эдуардом VI, нарушила, как выразился Нокс, «завет» между английским народом и Богом. И поэтому должна быть свергнута.

Мария посчитала его оправдания лицемерными. Она вела речь о своей матери и о себе, а не о Марии Тюдор. Более того, «Первый трубный глас» нападал на всех женщин-правителей, не делая различий. Она напомнила Ноксу, что «вы говорите о всех женщинах», показывая, что действительно прочитала его книгу. Мария требовала прямого ответа, возвращаясь к началу беседы: «Значит, Вы считаете, что подданные, облеченные властью, могут сопротивляться своим правителям?»

Наконец Нокс ответил: «Если правители переходят границы и поступают противно тому, чему они должны повиноваться, то вне всякого сомнения таким правителям можно сопротивляться, даже с применением силы». Нокс сравнил правителя с отцом и заявил, что дети имеют право объединиться, чтобы усмирить и разоружить отца, «охваченного безумием», и даже «удерживать

его в тюрьме, пока безумие не отступит». «То же самое, мадам, относится к правителям… их слепое рвение — не что иное, как безумная одержимость». То есть он признавал законным и угодным Господу «послушанием» вооруженное сопротивление правителям, которые ослушались Бога, и заключение их в тюрьму «до тех пор, пока разум не вернется к ним».

Мария была поражена подобными речами, не похожими на все, что она слышала во Франции. Растерялся даже лорд Джеймс, который обычно не лез за словом в карман. Долгое молчание нарушила королева: «Я так понимаю, что мои подданные должны повиноваться Вам, а не мне; они будут делать то, что хотят, а не то, что я приказываю, так что я оказываюсь у них в подчинении, а не они у меня».

Когда Нокс ушел, от гнева и отчаяния Мария расплакалась. Оказавшись в положении защищающейся и оправдывающейся, она теперь жалела, что настолько неосмотрительно бросила вызов Ноксу. Но в присутствии Нокса ей все-таки удалось сохранить самообладание и не выказать малейших признаков слабости. Собственно, сам отзыв проповедника о разговоре с королевой можно считать комплиментом. Не удержавшись, Нокс отправил Сесилу подробный отчет о встрече, в котором написал, что «все ее поведение свидетельствует, что уроки кардинала так глубоко отпечатались в ее сердце, что тело и дух, скорее всего, умрут вместе». Другими словами, она показала себя равным по уму и духу противником!

Неделю спустя Мария отправилась в поездку в Стирлинг, а затем в Пертшир и Файф. Она захотела лучше узнать свою страну и свой народ и показать им себя. Она перестала скучать по Франции и, по всей видимости, считала, что наконец нашла свое место в жизни.

Два дня она провела в замке Линлитгоу, где родилась, а затем посетила замок Стирлинг, где столько лет прожила ее мать. Пребывание в замке оказалось кратким, но очень насыщенным событиями. В первую ночь, когда королева спала, от свечи на столике рядом с кроватью загорелись занавески. Дым заполнил комнату, и Мария едва не задохнулась.

А на следующий день в воскресенье на первый план снова вышли религиозные вопросы. Мария пожелала присутствовать на торжественной мессе в королевской часовне, где ее в младенческом возрасте короновали как королеву Шотландии. Все было готово к церемонии, но в этот момент граф Аргайл и лорд Джеймс прогнали священников, собиравшихся проводить мессу. Лорд Джеймс буквально соблюдал договор с Марией. Раз он обещал, что королева сможет слушать мессу в своей часовне в

Холирудском дворце, то он не намерен распространять соглашение и на другие дворцы. После столкновения Марии с Ноксом лорд Джеймс стал осторожнее, стараясь не раздражать лишний раз протестантов и делая вид, что запрещает сестре посещать мессы, хотя не мешал проводить их в Холируде. Разумеется, это вызвало недовольство проповедника Нокса, который настаивал на полном запрете проведения мессы. Однако католические богослужения проводились для бывших лордов конгрегации, в том числе самого влиятельного из них, Аргайла.

Следующей остановкой Марии был Перт, где ей устроили еще один торжественный въезд в город. Однако несмотря на то что королеву радостно приветствовали простые люди, а власти города преподнесли ей «золотое сердце, наполненное золотом», кальвинисты снова попытались воздействовать на нее, последовав примеру своих собратьев из Эдинбурга. Напряженность нарастала, и во время процессии Марии вдруг стало плохо, и она была вынуждена удалиться в помещение, чтобы прийти в себя. Сопровождавший ее английский посол Томас Рэндольф описывал ее недомогание как один из тех «внезапных приступов», которые случались у нее «после любых серьезных неприятностей или печалей».

За четыре с половиной года Рэндольф очень хорошо изучил Марию и стал источником обширной информации о ней. Его еженедельные (а иногда и ежедневные) отчеты лорду Сесилу поистине бесценны, однако мы должны четко понимать, что его роль при дворе — это роль тайного соглядатая. Он был верным союзником королевы Англии, а в период учебы в Париже учеником Джорджа Бьюкенена — не только блестящего знатока классической литературы и поэта, но также кальвиниста, республиканца и впоследствии недоброжелателя Марии.

Лорд Сесил всячески использовал своего агента при шотландском королевском дворе, через Рэндольфа тайно переправляя людей и мешки неучтенных золотых монет в Шотландию во время мятежа 1559–1560 гг. Известно, что эти операции Рэндольф проводил под псевдонимом Барнаби. Затем, когда его официально направили в Шотландию, где он помогал мятежным лордам и обеспечивал их связь с Сесилом, он оказался самым подходящим человеком для миссии тайного наблюдателя, поскольку уже знал лорда Джеймса и Нокса, с которыми встречался, будучи в Париже. Он очень быстро понял основные противоречия между политическим прагматизмом и религиозными убеждениями, наблюдавшиеся среди шотландских лордов, и почти не скрывал собственных симпатий в отношении протестантской позиции Нокса.

В качестве постоянного посла в Шотландии Рэндольф пользовался всеми установленными дипломатическим протоколом привилегиями. Он получил разрешение и присоединился ко двору Марии во время путешествия королевы из Стирлинга в Перт, из Перта в Данди и из Данди через реку Тей на пароме в Файф. После недельного пребывания в Сент-Эндрюсе Мария вернулась в Холирудский дворец. Первая поездка королевы по стране была признана успешной. Она вступила во владение страной, несмотря на колкости кальвинистов. Это был изящный и очень выверенный ход, однако успех ее политики определила более убедительная причина.

Союз с лордом Джеймсом начал приносить плоды. Через четыре дня после торжественного въезда в Эдинбург Мария огласила состав Тайного совета. В нем были представлены все партии аристократов, в том числе такие земельные магнаты, как Аргайл, Шательро и граф Хантли. Семь из двенадцати членов совета исповедовали протестантство. В малый кабинет Марии получили назначение такие «тяжеловесы», как лорд Джеймс и его сподвижники, лорд Мейтланд и граф Мортон. Именно им было поручено руководство советом из двадцати четырех лордов после свержения матери королевы Марии. Они перепрыгнули религиозную пропасть и навели мосты к королеве еще до ее отъезда из Франции, и именно им суждено сыграть решающую роль в бурных событиях во время ее правления.

Когда Мария вернулась на родину, самой большой сложностью стала передача власти. В 1559–1560 гг. Реформация сопровождалась внутренней раздробленностью, и монархия неожиданно стала очень уязвимой. После того как Марию де Гиз лишили регентства, правительство Шотландии перестало быть правительством королевы и превратилось в правительство лордов — до такой степени, что клерк Сесила, отправляя в архив письма из Шотландии, снабжал их пометкой «Письма из Шотландских Штатов». Слово «Штаты» имело явный республиканский оттенок, и совет из двадцати четырех лордов фактически был квазиреспубликанским институтом.

На плечи Марии ложилась тяжелая задача по восстановлению престижа монархии в стране. Она неспроста выбрала лорда Джеймса своим главным советником, сохранив преемственность и одновременно подчинив его самого и его друзей своей власти — в качестве министров и слуг короны. По большей части это их устраивало, потому что привилегированные отношения с Марией позволяли им сохранить личную власть, одновременно защищая фракционные интересы, и в то же время обезопасить себя от возможных обвинений в участии в мятеже против регента.

Наступило время, когда все ходили по острию ножа. Но успех Марии на этом не закончился. За две недели до того, как она отплыла из Кале, лорды осознали, что королева возвращается домой и их роли меняются — из почти независимых хозяев страны они превратились в слуг женщины-правителя. И что еще немаловажно, при таком положении дел требовалось изменить отношение к англичанам: все понимали, что Мария никогда не согласится ратифицировать Эдинбургское соглашение.

Лорд Сесил заблокировал первую попытку Мейтланда найти выход из тупика относительно Эдинбургского договора, и в частности его последней статьи. Когда Мария вернулась в Эдинбург по морю, а не по суше через Англию, лорды надеялись, что вопрос о договоре отпадет сам собой. Но когда посол Рэндольф показал им письмо от лорда Сесила с требованием принять его первоначальные условия, лорд Джеймс и его союзники запаниковали. Они поняли, что сделали все возможное, чтобы изменить противоположные позиции Марии и Сесила, но потерпели неудачу. Теперь же «они должны были позаботиться о себе, поскольку опасность для них была весьма велика».

Однако еще оставалось время для совершения последнего усилия. Лорд Джеймс рискнул попытать счастья с королевой Елизаветой, а Мейтланд — с лордом Сесилом. Их действия походили на согласованную кампанию: оба отправили тщательно составленные письма в надежде повлиять и изменить политику Англии.

Королеве Елизавете лорд Джеймс написал подобострастное и чрезвычайно чувствительное письмо, выразив сожаление, что Мария «вбила себе в голову, что заинтересована в правах» на английский престол. И эта ошибка оказалась роковой, продолжал лорд Джеймс, ее причиной послужили дурные советы семьи Гизов. Но время не стоит на месте и, если бы удалось найти некий «средний путь», в этом случае «мы могли бы получить вечное умиротворение». Он вновь призывал пойти по пути компромисса: в обмен на отказ от немедленных претензий на трон Марию следовало «заманить» признанием ее наследницей Елизаветы. Если английская королева согласится, он попробует добиться «некоторого смягчения» от королевы шотландской.

Лорд Сесил однажды уже отверг эту идею, но тогда Мария была во Франции. Теперь же она на пути домой, и вопрос не терпит отлагательств. Причину должен был объяснить Мейтланд — Мария, утверждал он, способна разделять и властвовать, и ее прибытие изменит отношения с подданными, многие из которых объединятся вокруг молодой и энергичной королевы, одной улыбки или суровости во взгляде которой достаточно, чтобы

очаровать их. Католическая вера вряд ли послужит для нее препятствием, поскольку протестантство еще не пустило глубоких корней в стране. Молодую королеву безоговорочно поддерживали католики, и ей будет легко завоевать любовь многих протестантов. Лорды не готовы сражаться. Слишком многие из них либо «непостоянны», либо «алчны» — первыми легко манипулировать, а вторых можно подкупить. Главное опасение, высказываемое Мейтландом, состояло в том, что Мария будет проводить католическую политику. Она была «врагом религии», и ее возвращение «обязательно станет причиной ужасных трагедий».

Отправка этих писем была тщательно скоординирована. Мейтланд формулировал проблему, лорд Джеймс предлагал ее решение. Именно в этом свете следует рассматривать политику Марии, поскольку по прибытии в страну она выбрала «средний путь», предложенный лордом Джеймсом. Выслушав его совет, она тут же отправила Мейтланда в Лондон, чтобы заменить Эдинбургский договор новым, в котором поддерживалась бы «дружба» с Англией, но на условиях, не унизительных для королевы Шотландии и монархии.

В стремлении пересмотреть пункты договора династические претензии Марии послужили разменной монетой. Отказавшись от немедленных прав на трон и признав Елизавету единственной законной королевой Англии, в обмен на это королева Шотландии могла получить признание ее наследницей английского трона. Это был очень выгодный обмен. Династические претензии, обоснованные в католическом мире, но не имеющие смысла без поддержки папы римского и короля Испании Филиппа II, обменивались на нечто более ощутимое. Кто знает, сколько суждено прожить Елизавете? В результате, утверждал торжествующий Мейтланд, который разрабатывал детали соглашения, Мария получит «вечный мир» с Англией.

На аудиенции в Лондоне Мейтланд высказался более чем прямо. «Полагаю, — отважно признался он Елизавете, — что договор настолько невыгоден Ее Величеству [королеве Шотландии], что она никогда не утвердит его». «Он составлен, — продолжал Мейтланд, — в такой форме, что Ее Величество не считает своим долгом его выполнять». Мейтланд лицемерно указал, поскольку сам играл ведущую роль в подписании Эдинбургского договора, что в договоре предполагалось, что Мария сама уполномочена вести переговоры, тогда как с ней в тот момент даже не посоветовались. Этот аргумент должен был подействовать на Елизавету, которая никогда не одобряла тайных действий лорда Сесила в отношении договора.

В первую очередь Елизавета всегда стремилась защищать саму идею монархии, и теперь она вынуждена была уступить. Елизавета явно согласилась на продолжение развития отношений между Англией и Шотландией, сказав, что, если Мария назначит делегатов для пересмотра договора, она последует ее примеру. Затем небходимо организовать встречу, повестка которой будет подготовлена обоими государственными секретарями — лордом Мейтландом и лордом Сесилом. Решение королевы было настоящим прорывом. Елизавета предложила договориться, несмотря на твердое убеждение Сесила, что сначала Мария должна ратифицировать исходный договор. Это было подтверждением правильности политики «среднего пути» и выбора Марией лорда Джеймса в качестве своего главного советника.

Когда Мария вернулась в Шотландию, ей было всего восемнадцать, и она столкнулась с последствиями решений, принятых другими людьми в ее отсутствие. Ей требовались советники, которым она могла бы доверять и которые доказали свою способность управлять лордами. Заключив союз с лордом Джеймсом, королева получала возможность подчинить свободолюбивых лордов своей власти, а сохранение религиозного *status quo* позволяло добиться завидного уровня стабильности в обществе. Другими словами, она получала передышку, пока лучше не узнает страну, которой была рождена править. Но самое главное — она так и не ратифицировала унизительный Эдинбургский договор и сохранила свое королевское достоинство. Поправки, предложенные лордом Джеймсом и Мейтландом, позволяли завершить и полностью закрыть Эдинбургский договор, сведя его до уровня эпизода.

После прибытия в Шотландию Мария попала в настоящий лабиринт Минотавра, но пока ей, как королеве, удавалось находить верную дорогу. Вернувшись в Эдинбург, она получила от Мейтланда то, что прежде казалось немыслимым, — его признание. «Королева, моя госпожа, — информировал он недоверчивого лорда Сесила, — ведет себя настолько достойно во всех отношениях, как того только можно желать. Если что-то упущено, вина скорее лежит на нас». Он даже не удержался и прошелся в письме насчет Нокса: «Вам известна горячность Нокса, которого невозможно обуздать и который иногда произносит такие речи, которые трудно переварить слабому желудку. Мне бы хотелось, чтобы Нокс обращался с ней более мягко, поскольку юная правительница сильна духом и горда».

До прибытия Марии лорд Мейтланд считал ее ревностной католичкой, возвращение которой «обязательно станет причиной

ужасных трагедий». Теперь же он был убежден, что она «проявляет мудрость, столь удивительную для ее возраста». После смерти английского короля Франциска II политическую повестку дня на Британских островах диктовал лорд Сесил. Но когда Елизавета согласилась, что Эдинбургский договор можно пересмотреть, в центре внимания оказалась Мария. Ее предложение начать все «с чистого листа», прозвучавшее незадолго до отъезда из Франции, тогда выглядело наивным. Но козырем юной королевы стало ее умение очаровывать, потенциальная выгода от которого была огромной. «Вне всякого сомнения, — завершал Мейтланд свой панегирик, — я вижу ее добрые намерения и думаю, что английская королева, Ваша госпожа, сможет многого добиться от королевы Шотландии в решении религиозных вопросов, когда они узнают друг друга».

К концу 1561 г. решение проблем Шотландии казалось более реальным, чем когда-либо после смерти Генриха VIII. Молодая, красивая и умная королева вернулась в страну, чтобы занять свое законное место на троне, и через несколько месяцев уже была на пути к полному успеху. Но будет ли достаточно одной ее харизмы, если учитывать неравенство Шотландии и Англии? И продолжит ли лорд Сесил по-прежнему всячески вредить Марии?

10
Встреча сестер

В первую годовщину смерти Франциска II (5 декабря 1561 г.) Мария на два дня объявила в Холируде траур, отдав дань уважения покойному мужу. Священники облачились в черный бархат для специальных месс в королевской часовне. Сама она надела все тот же *deuil blanc* и под печальные звуки реквиема зажгла большую восковую свечу, обтянутую черной тканью. На поминальной службе присутствовали только самые верные из ее слуг. Даже Поль де Фуа, французский посол, предпочел остаться в стороне. Многие из приближенных Марии боялись быть избитыми бандами эдинбургских кальвинистов, если придут на мессу. Не присутствовал ни один из шотландских лордов, а когда Мария попросила тех, кто был при дворе или приехал в Эдинбург на период праздников, одеться в траур, все отказались. Тем не менее она проявила твердость, и весь ритуал поминальной службы был соблюден.

Однако по мере приближения Рождества настроение изменилось в лучшую сторону. Мария снова вела себя так, как ожидали от нее шотландские подданные, то есть возглавляла двор, известный своим «весельем». Возможно, масштаб гостеприимства и развлечений не мог тягаться с тем, к которому она привыкла во Франции, но праздники получались почти такими же пышными. Английский посол Рэндольф писал: «Дамы веселились, прыгали и танцевали соблазнительно и мило». Вскоре и он был охвачен всеобщим весельем: «Мое перо не слушается, рука отказывается писать… я никогда не был так счастлив, никогда не знал такого обращения».

Как только прибыли корабли с вещами и мебелью Марии, она восстановила пышность и великолепие дворцов, не виданные в Шотландии с тех пор, как единственным регентом была ее мать. Десять балдахинов натягивались над троном Марии и в помещениях. Еще пять предназначались для церемоний на открытом воздухе; один из них, из малинового шелка, в сущности, был просто зонтиком, чтобы «создавать тень для королевы» в жаркие солнечные дни.

Слуги аккуратно распаковали более сотни гобеленов. Ими украсили стены королевских апартаментов и залов для официальных церемоний. На полы постелили тридцать шесть турецких ковров. Были собраны не менее сорока пяти кроватей; пятнадцать из них, украшенных золотым или серебряным

кружевом, с богато расшитыми балдахинами и пологами, предназначались для самой Марии и ее гостей.

Гордостью своей коллекции Мария считала гобелены. У нее было около двадцати полных комплектов, от семи до дюжины отдельных полотен, которыми можно было украсить множество комнат. Один комплект иллюстрировал историю Энея, другой — суд Париса, третий — победу французов над испанским и папским войском в битве при Равенне в 1512 г. Третий комплект был самым любимым. Мария всю жизнь ни в одной поездке не расставалась с ним и всегда возила его с собой. Эти же гобелены украшали стены ее комнат в замке Фотерингей перед казнью. Один гобелен был помечен в описи как «еще не законченный». Вероятно, его забрали из мастерской в спешке, и поскольку в Шотландии закончить его не было возможности, ткань использовали для изготовления еще одного балдахина.

Позолоченный королевский трон имел высокую спинку и был обтянут малиновым бархатом и золотой парчой. Стол в приемном зале королевы был расписным и позолоченным. Для четырех Марий предназначались четыре низких табурета, а для важных гостей — четыре складных табурета; все были обтянуты бархатом. Комнаты украшали восемьдесят одна расшитая подушка, в том числе тридцать три из золотой парчи, пятнадцать из серебряной парчи и тринадцать из шелка или парчи. Шкафы для посуды, или буфеты, использовались для демонстрации золотой и серебряной посуды, стекла и украшений. Приставные столики были накрыты скатертями из тончайшего бархата, камчатного полотна или золотой парчи; одну из скатертей украшали шитые золотом французские лилии. Специально для банкетов, устраиваемых в большом зале, имелись две белые льняные скатерти, каждая более сорока футов в длину.

И наконец, несмотря на то что Мария всегда предпочитала путешествовать верхом, а не в носилках или в карете, среди ее багажа был конный паланкин, обтянутый бархатом и украшенный золотом и шелком, а также карета, похожая на кровать с балдахином на колесах. Такой экипаж считался верхом роскоши. У Марии де Гиз тоже была такая карета, первая в Шотландии. В архивах сохранился счет на 13 шиллингов за ее ремонт в Сент-Эндрюсе. Даже в Париже такие кареты встречались очень редко: единственными женщинами, которые могли позволить себе их во времена Генриха II, были Екатерина Медичи и Диана де Пуатье.

Такая роскошь была для Шотландии в новинку. Яков V жил более чем скромно, а гобелены и личные вещи Марии де Гиз, хотя и похожие по стилю и качеству, были не такими многочисленными. Унаследованные от матери вещи Мария также

выставила на всеобщее обозрение. Наибольшее впечатление производили предметы изобразительного и декоративного искусства. Мария де Гиз собрала двенадцать комплектов гобеленов, один из которых был посвящен двенадцати подвигам Геракла, и десять картин на дереве. У нее было шесть карт мира и два глобуса, астрономический и земной. Десять *horloges*, или часов, в усыпанных драгоценными камнями или обтянутых шелком корпусах украшали приставные столики. Одна из самых дорогих сердцу матери вещей — ее собственный портрет. Исполнители завещания утаили портрет, но Мария потребовала его вернуть. Этим портретом и глобусами Мария дорожила больше всего. Они тоже украшали ее спальню в замке Фотерингей.

Мария всегда любила красиво одеваться, и у нее был свой огромный гардероб. Платья, нижние и верхние юбки, сорочки, испанские фижмы[16], корсеты, съемные рукава[17], жакетки, плащи и мантии — все это исчислялось десятками. Ее комоды были набиты черными шелковыми чулками, белыми креповыми чулками, шерстяными и шелковыми чулками с вышивкой золотой и серебряной нитью, чулками из тончайшей шерсти с острова Гернси, специальными вязаными чулками, которые подчеркивали форму ноги и которые Мария надевала для танцев. У нее были шелковые подвязки, пуговицы из жемчуга, золота и серебра, а также свыше пятидесяти носовых платков, украшенных вышивкой.

На этом состав гардероба не заканчивается. Перечень продолжали головные уборы на проволочном каркасе, мягкие льняные чепцы, вуали, кашне, шарфы, шляпы и шляпные ленты. В одной из многочисленных описей имущества перечислены тридцать шесть пар бархатных туфель, расшитых золотом и серебром, туфли из лайковой кожи, из кожи и клеенки, а также бесчисленное количество пар перчаток, кожаных и шерстяных, часть которых была специально надушена.

Домашние платья шились из золотой и серебряной парчи, шелка, атласа, бархата и дамаста, с отделкой из тафты и подкладочного шелка. Переплетающийся орнамент и другие украшения изготавливались из вышивки серебряной нитью или с использованием драгоценных камней, пуговицы были из золота, серебра с черной или зеленой эмалью, кисточки — из плетеных кружев. Верхняя одежда была, как правило, из бархата, дамаста или флорентийской саржи, а костюмы для верховой езды сшиты из специальной плотной саржи, украшенной кружевом и лентами.

У Марии просто не было возможности носить всю эту одежду — при том, что в ту эпоху относительно обеспеченная женщина

могла похвастаться разве что тремя платьями. У богатой аристократки их было не больше двух дюжин. Бедная женщина, как правило, обходилась одним платьем, иногда льняным, из выращенного собственноручно льна, но чаще из шерсти овец, которую также чесали и пряли сами.

Будучи женщиной-правительницей и занимая место, которое обычно принадлежало мужчинам, Мария вскоре начала демонстрировать склонность к шалостям и шуткам, ломавшим половые и социальные стереотипы. При своем высоком росте она могла притворяться мужчиной и любила бродить по улицам Эдинбурга вместе со своими Мариями, переодевшись в мужскую одежду. Иногда она и ее компаньонки «забывали» о своем высоком положении и одевались как жены состоятельных горожан. В Сент-Эндрюсе они развлекались ведением домашнего хозяйства, запретив символы королевской власти и самостоятельно отправляясь за покупками. В Стирлинге, переодевшись, бродили по улицам и просили милостыню, чтобы посмотреть, кто окажется щедрым, а кто нет. На маскараде после банкета в честь французского посла они снова появились в мужских костюмах, вызвав растерянность и испуг придворных. Потворствуя своему странному чувству юмора, Мария завела себе «дурочку», или придворного шута, женщину по прозвищу Николя, или Жардиньерка, которую она привезла с собой из Франции и которую любила поддразнивать.

Ей нравились регулярные физические упражнения. Она каждый день совершала верховую прогулку — до трех часов подряд, иногда в одиночестве. Ее любимыми развлечениями была охота, все ее виды, в том числе соколиная, стрельба из лука и скачки. Она даже играла в гольф в дюнах у залива Ферт-оф-Форт. В дождливую или холодную погоду Мария оставалась дома и развлекала себя шахматами, картами или игрой на бильярде.

Но не все жаждали «веселья». Джон Нокс жаловался, что Мария «держится чрезвычайно сурово» в присутствии своих советников, но как только «она остается одна со своими французскими *fillocks*[18], скрипачами и прочими из этой компании, начинаются скачки, не слишком приличествующие благочестивой женщине». Нокс правильно полагал, что его слова подобны гласу вопиющего в пустыне — Мария была общительной королевой, наслаждающейся непрерывной чередой банкетов, танцев, маскарадов и спектаклей, к которым она привыкла во Франции.

Первый маскарад она устроила на банкете в честь своих родственников Гизов, которые должны были вскоре вернуться во Францию. Королева, четыре Марии и видные аристократы играли

на празднике главные роли. В других случаях они были просто зрителями, а главные роли отдавались профессиональным актерам или слугам. Иногда разыгрывали пантомиму, но, как правило, это были декламации, за которыми следовали музыка и танцы, а в особых случаях использовались сложные механизмы. Сценарии для маскарадов часто были написаны Джорджем Бьюкененом. В одном представлении Аполлон и музы открывали процессию впереди Марии, рассказывая, что, изгнанные из своих домов войной, они наконец-то нашли пристанище при дворе королевы. В другом представлении четыре Марии изображали нимф, явившихся с подарками к Марии, которая сама играла роль Гигеи, богини здоровья, символом которой была змея, которая лежала у нее на плече и пила из блюдца в руке.

Мария просила Бьюкенена читать ей и обсуждать прочитанное. Вскоре после ее прибытия они изучали «Историю Рима» Ливия — по часу в день, вечерами. Неизвестно, действительно ли Марию так интересовал Ливий. Она никогда не увлекалась историей или классической литературой, и истинной причиной занятий с Бьюкененом, скорее всего, была любовь к французской поэзии — будучи шотландцем, Бьюкенен считался одним из самых блестящих поэтов, пишущих на латыни и французском языке. Его стихами восхищался даже Ронсар и другие поэты Плеяды.

Вскоре Бьюкенен был признан официальным придворным поэтом Марии. И в течение следующих пяти лет он написал большую часть сценариев для ее маскарадов, а также сочинил импровизированные стихи в честь Марии Флеминг, когда она была избрана «Бобовой королевой» во время празднования Двенадцатой ночи. В соответствии с традицией в огромный «Двенадцатый пирог» запекалось бобовое зерно. Нашедший в своем куске бобовое зерно на один день провозглашался королем или королевой. Когда Мария Флеминг радостно объявила о своей находке, ей вручили корону и посадили на трон. Мария, вероятно, получала удовольствие от этой игры, которая отражала ее любовь к смене социальных ролей, проявлявшуюся в том, как она в Сент-Эндрюсе с удовольствием притворялась простой горожанкой.

Неотъемлемой частью маскарада была музыка. Мария обожала танцы и всегда держала при себе менестрелей и музыкантов. Она завела при дворе оркестр из пяти скрипачей и трех лютнистов, к которому присоединялись и некоторые из ее слуг, которые тоже пели и играли на лютнях. Ей очень нравились духовые инструменты, и поначалу при дворе было несколько человек, игравших на дудке и шалмее — средневековом

инструменте, напоминавшем гобой. Позже Мария содержала уже небольшой оркестр из гобоев, флейт и барабанов, а домашние слуги составили хор, который пел по вечерам. Когда трем слугам, исполнявшим вокальные партии, потребовался бас, к Марии на службу перешел Давид Рицциo, молодой придворный и музыкант из Пьемонта, который приехал в Эдинбург в составе свиты сеньора ди Моретта, посла герцога Савойского.

Одним из новшеств в области спорта и развлечений стал конный маскарад, который Мария устроила через несколько недель после прибытия в страну. Такие развлечения обычно устраивались на свежем воздухе и принимали форму костюмированной «игры с кольцом». Одна команда изображала «Незнакомых рыцарей», а другая — «Женщин-рыцарей», и обе команды соревновались друг с другом. Победителем считалась команда, набравшая наибольшее количество очков — для этого нужно было пронзить копьем кольца, подвешенные на столбах. Но часто состязания проводились в помещении, когда команды рыцарей въезжали в большой зал и декламировали стихи, восхваляющие Марию, и объявляли себя ее вассалами.

Через несколько дней после первого маскарада, устроенного Марией, лорда Рэндольфа, посла Англии при дворе, попросили явиться в зал совета. Явившись на аудиенцию, он увидел, что королева «как обычно, большую часть времени занята вышивкой картины». Когда советники удалились, она попросила посла задержаться. «Я хочу, — сказала Мария, — поговорить с Вами в саду». Мария умела убедить любого собеседника, что важнее его для нее ничего нет, и Рэндольф понял, что разговор будет серьезным.

Разговор она начала издалека. «Как Вам нравится страна? Вы много путешествовали и хорошо ее узнали». Рэндольф ответил, что страна хорошая, а при проведении грамотной политики ее можно сделать еще лучше. «Отсутствие правителя ухудшило ее состояние, но она не похожа на Англию», — заметила в ответ королева. Рэндольф сказал, что на свете есть много стран, состояние которых гораздо хуже, чем Шотландии, и совсем немного «лучше Англии», которую, по его убеждению, королева непременно посетит.

Он пребывал в некоторой растерянности, не зная, о чем пойдет речь. Но интуитивно угадал, поскольку Мария планировала визит в Англию. «Я с готовностью, — поспешно сказала она, — приеду, если моя сестра и Ваша госпожа пожелает того».

Мария верно рассчитала момент. После возвращения лорда Мейтленда из Англии в политике произошел резкий переворот, и

все его дипломатические усилия пошли прахом. Елизавета отказалась назначать представителей для пересмотра Эдинбургского договора, что открыло бы путь к признанию Марии наследницей английского престола в обмен на отказ от претензий на трон. Со временем у Елизаветы развился почти первобытный страх перед назначением наследника или даже обсуждением вопроса о наследии. Похоже, она суеверно считала, что назначение наследника ускорит ее собственную смерть: она по-прежнему боялась заговоров и мятежей со стороны своего брата и старших сестер. «Я знаю, — говорила она, — о непостоянстве англичан, о том, как они не любят существующее правление и устремляют свои взгляды к следующему наследнику».

В результате через шесть недель после отъезда Мейтланда Елизавета отозвала свое предложение и призвала Марию ратифицировать договор в первоначальном варианте. Мария отказалась, но не утратила веры, что с кузиной все еще можно договориться.

Она была настроена решительно, поскольку не желала быть просто номинальным правителем Шотландии. Мария хотела настоящей власти. В ее памяти слишком свежи были впечатления от непокорности проповедника Нокса, и она начала опасаться, что подданные никогда не будут подчиняться ей так, как в случае признания ее права наследовать английский престол. Династические претензии и ее престиж в Шотландии были неразрывно связаны, потому что пока Нокс и его сторонники чуть ли не ежедневно отчитывались перед лордом Сесилом в Англии и договаривались с ним за ее спиной, ее авторитет не мог быть устойчивым.

Если же Елизавета признает ее своей наследницей и раз и навсегда подтвердит законные права Марии, то ее шотландским подданным будет опасно апеллировать к Англии, сопротивляясь власти королевы, — независимо от того, переживет ли она женщину, которая старше ее всего на девять лет.

Елизавета преследовала свои цели. В 1559 г. она ясно дала понять парламенту, что не собирается выходить замуж. Ее слова были широко известны: «Мне будет достаточно, если на мраморной плите моей могилы будет написано, что королева жила и умерла девственницей».

Такое заявление не следовало воспринимать буквально. Елизавета в совершенстве владела искусством риторики и прекрасно понимала связь между ее замужеством и наследием престола. Хотя возможный брак решит вопрос наследования, если у нее будут дети, но для женщины-правителя было бы

политически наивно объявлять о планах замужества задолго до того, как сделан окончательный выбор. Подобное не только подрывает ее авторитет внутри страны, поскольку при таком положении дел неизбежно образуются разные фракции; ее замужество — если она выберет в супруги иностранного правителя — поднимет те же болезненные вопросы об отсутствующем монархе, с которыми столкнулась Мария Тюдор, когда Филипп II всего через год покинул Англию и жену, чтобы заняться более важными делами.

В 1560 г. Елизавета серьезно подумывала о замужестве. Она до беспамятства влюбилась в своего красивого фаворита, лорда Роберта Дадли, связь с которым продолжалась несколько месяцев. Как объяснял испанский посол, «лорд Роберт пользуется таким доверием, что делает все, что пожелает, и даже говорят, что Ее Величество посещает его комнату и днем и ночью». Похоже, их отношения ограничивались интимными ласками, но все равно это был скандал, поскольку Дадли был женат. Его супругой была Эми Робсарт, на которой он женился десять лет назад.

Слухи усилились в сентябре 1560 г., когда умерла Эми — в возрасте двадцати восьми лет и при весьма подозрительных обстоятельствах. Отправив слуг на близлежащую ярмарку, она упала с лестницы из восьми ступенек в своем доме в Камнор-Плейс и сломала шею. Коронерский суд признал смерть случайной, но скудость имевшихся фактов не позволяла сказать точно, был ли это несчастный случай, самоубийство или же убийство. Елизавета не хотела ничего слушать о виновности Дадли, но к концу года решила, что брак с ним слишком рискованное мероприятие. В ноябре королева аннулировала свое решение пожаловать ему графский титул, в последний момент взяв нож и разрезав дарственную.

Как уже говорилось, после того, как лорд Мейтланд вернулся домой, убежденный, что Эдинбургский договор удастся пересмотреть, Елизавета и тут передумала. У нее на протяжении всей жизни случались такие приступы колебаний и нерешительности. Впоследствии сэр Уолтер Рэли саркастически заметит: «Ее Величество все делает наполовину». Этот недостаток она сама, похоже, считала достоинством, поскольку у нее появлялось больше времени для размышлений.

Следуя совету Сесила, она решила, что менять договор будет слишком опасно. Английская королева понимала, что в глазах католической церкви правит незаконно. Кроме того, после казни ее матери, Анны Болейн, парламент объявил Елизавету незаконнорожденной. И если договор не будет пересмотрен, то единственной преградой для претензий Марии на английский

престол снова может стать решение Филиппа II признать и защитить Елизавету.

Отношения англичан и Филиппа II все еще оставались сердечными, но это не могло длиться вечно. Трещина в их отношениях появилась весной 1561 г., когда Елизавета отказалась посылать представителей на очередное заседание Тридентского собора, чем навлекла на себя обвинения в раскольничестве, ереси, незаконном правлении и аморальности со стороны католиков всей Европы. Чем больше Елизавета размышляла, тем меньше ей хотелось вкладывать меч в руки тех, кто в конечном счете повернет оружие против нее.

Она была необычно откровенной с лордом Мейтландом. Как правило, королева не делилась своими сомнениями — но только не в этот раз. Елизавета выразила беспокойство о своей безопасности, если Марию назовут ее преемницей. Какими бы ни были благородными намерения кузины, сам процесс объявления наследника престола разворошит осиное гнездо. «Правители, — сказала она, — не могут любить своих детей. Неужели вы думаете, что я могла бы полюбить собственный саван?»

В результате Мария захотела личной встречи с Елизаветой. Она не сомневалась, что, если ей удастся поговорить с кузиной как королева с королевой, противоречия будут быстро преодолены, и они достигнут согласия. Как только она высказалась о возможности встречи, лорд Мейтланд тут же приступил к организации визита.

Нельзя сказать, что Елизавета отвергала такую возможность. На самом деле она снова колебалась. В январе 1562 г. она написала кузине, что не отправила свой портрет, как было обещано, только потому, что художник заболел и не смог «закончить его». Как только портрет будет готов, она отошлет его «сестре». Это был яркий пример дипломатического таланта Елизаветы, но также подтверждение того, что примирение двух королев все еще остается на повестке дня.

Авторитет Марии продолжал расти. В английском Тайном совете по вопросу о ее претензиях на престолонаследие наблюдался глубокий раскол. Пока Елизавета отказывается выходить замуж, всегда найдутся желающие поддерживать связь с теми, у кого есть обоснованные претензии на трон, например у Марии. Несмотря на то что Мария была королевой-католичкой, в Англии у нее было много сторонников. Ее политика компромиссов и примирения с лордами из числа протестантов была встречена с одобрением. В пользу Марии свидетельствовали и другие события.

Завещание Генриха VIII устанавливало четкие правила

престолонаследия. Если его дети умрут бездетными, трон должен перейти к потомкам герцогини Саффолк. В 1560 г. это были леди Екатерина Грей и ее младшая сестра Мария Грей. Они были протестантками, и на защите прав Екатерины решительно стоял только лорд Сесил, который без устали вел закулисные переговоры, чтобы усиливать ее позиции.

Однако Елизавета не любила сестер Грей. Она делала все, чтобы унизить их, а когда Екатерина тайно вышла замуж за графа Хартфорда и забеременела, разразился скандал, который оказался на руку Марии Стюарт. О браке стало известно в августе 1561 г., и разгневанная Елизавета заключила обоих супругов в тюрьму замка Тауэр. Екатерина родила сына и назвала его в честь отца Эдуардом. Елизавета в это время убедила чрезвычайный суд «Звездной палаты» оштрафовать графа на 15 000 фунтов за совращение девственницы королевских кровей, а архиепископа Кентерберийского — аннулировать брак, тем самым исключив детей Екатерины из очереди престолонаследования.

Если Сесил поддерживал кандидатуру Екатерины Грей в качестве наследницы престола, то сама Елизавета предпочитала Марию Стюарт. С ее точки зрения — если не принимать в расчет страхов относительно папы римского и испанского короля Филиппа II, — королева Шотландии была истинной королевой, а не выскочкой на троне. Добропорядочная вдова, с именем которой не было связано никаких скандалов, она хотя и придерживалась католической веры, но публично признавала официальную протестантскую реформацию в Шотландии, благодаря чему ее популярность быстро росла.

Основной проблемой оставалась религия. Елизавета была протестанткой, но не такой, какой ее хотел видеть лорд Сесил. Между ней и Сесилом постоянно возникали идеологические разногласия относительно Марии. Елизавета отказывалась официально решать вопрос о престолонаследии, поскольку это означало назвать преемника. Но в душе она разделяла политику и религию. Главной своей целью она считала защиту идеи монархии, и если бы решение принимала она одна, то рано или поздно признала бы недостатки Эдинбургского договора и помирилась с Марией. Ее привлекала возможность признать право Марии считаться ее наследницей, но прямо не называя ее имени.

Сесил очень боялся, что однажды Елизавета отвергнет его советы и поступит именно так. А самый лучший способ для Марии убедить в этом Елизавету — это личная беседа.

К концу весны 1562 г. Мария с воодушевлением строила планы касательно встречи. Все претенденты на ее руку получили

вежливый отказ, и, когда в разговоре поднималась тема брака, она шутила, что выйдет замуж только за Елизавету.

Мария была исполнена оптимизма и даже отправила кузине еще один свой портрет. В этот раз это была миниатюра, вставленная в кольцо позади большого бриллианта в форме сердца — подобными символами обменивались любовники королевских кровей. На создание этого украшения ушло почти три месяца, и к концу июня оно было готово.

Мария написала стихи, чтобы сопроводить ими подарок. Как и в случае с речью в Лувре, ей требовалась помощь, которую с готовностью предоставил Бьюкенен. Подарок произвел желаемый эффект. Елизавета ответила две недели спустя, прислав Марии два своих стихотворения на итальянском. Мария, в свою очередь, ответила на французском и итальянском «еще несколькими стихами, исполненными с наивысшим старанием»:

> Лишь одна мысль меня радует и печалит,
> Сердце мое наполняется сначала горечью, а затем сладостью,
> Мечется между сомнением и надеждой,
> Лишая меня покоя и сна.
>
> Знай, дорогая сестра, если этот стих зажжет
> В тебе желание встречи, которое переполняет меня,
> Я останусь в печали и горе,
> Если встреча не состоится вскоре.

Этот обмен посланиями между двумя королевами можно сравнить с флиртом и прелюдией к восстановлению дружбы. Мейтланд вел переписку с Сесилом, который пытался помешать встрече. Он видел, к чему все это ведет. Особенно ему не нравилась идея символического «брака», он не допускал мысли, что Мария, католичка и представительница семьи Гизов, могла изменить самой себе.

25 мая Мейтланд вновь был отправлен в Лондон, где оставался вплоть до начала июля, до тех пор пока ему не поручили окончательно договориться о встрече королев с назначением даты.

Но Сесил тянул время. Мейтланд жаловался на его «краткие и мрачные высказывания». Затем из Франции пришли шокирующие вести. Герцог де Гиз, путешествовавший из Жуанвиля в Париж, проезжал через деревню Васси в то время, когда несколько сотен гугенотов молились в амбаре. Его свита попыталась разогнать собравшихся, но получила отпор.

Мушкетеры Гиза открыли огонь, убив двадцать три человека и ранив почти сотню. Герцог решительно отрицал, что это он отдал приказ о начале расправы. Он всегда утверждал, что насилие вспыхнуло после того, как гугеноты забросали его и его людей камнями. В любом случае эта бойня подтвердила худшие опасения Сесила; создавалось впечатление, что Гизы задумали крестовый поход, который неминуемо перейдет Ла-Манш и продолжится в Англии.

Сесил обратился к Елизавете с просьбой отложить встречу с Марией, которая сама понимала, что массовое убийство серьезно нарушило ее планы. 29 мая она пригласила Рэндольфа и открестилась от действий своих родственников. Она «осуждала их необдуманный поступок, который не только подвергает опасности их лично, но и навлекает на них ненависть и презрение многих правителей мира».

Сесил выпустил еще одну серию меморандумов. Он был решительно настроен не допустить встречи королев и придумал множество неубедительных отговорок — например, дождь такой сильный, что «обильная грязь» забьет колеса карет, везущих королев. В качестве места встречи были предложены Йорк или Ноттингем, на полпути между Лондоном и Эдинбургом. Но Сесил возразил, что там недостаточно «вина и дичи». Он чувствовал себя настолько уверенно, что составил инструкции для сэра Генри Сидни, зятя лорда Роберта Дадли и главы Совета Уэльса, которого планировалось отправить к Марии в качестве специального посла с сообщением, что встреча отменена.

В Гринвиче Мейтланд продолжал убеждать Елизавету. Казалось, его усилия тщетны, но, к его радости, Елизавета пошла наперекор Сесилу. Королева приняла решение 6 июля, когда было подписано соглашение, оговаривающее условия встречи. Она должна была состояться в Йорке в августе или сентябре. Марии будет позволена свита в количестве тысячи человек, в знак уважения к ее титулу, а также ей позволялось исполнять «религиозные обряды так же, как дома», что являлось щедрой уступкой. Однако она не будет считаться гостем, и ей придется самой платить за себя. Было дано указание создать *bureau de change*[19], в котором шотландские золотые и серебряные монеты можно обменять на английские деньги, чтобы купить продукты и предметы первой необходимости.

Сесил проиграл, а Мария торжествовала. 15 июня, когда Мейтланд вернулся в Эдинбург, она поделилась с Рэндольфом своей радостью и сказала, что это лучшая из всех новостей за последнее время. Елизавета скрепила соглашение присланным портретом.

Мария показала портрет Рэндольфу и несколько раз спросила: «Похож ли он на лицо королевы, Вашей госпожи?» Он ответил, что совсем скоро она сама сможет судить об этом и «обнаружит большее совершенство, чем может передать искусство человека».

«Это, — ответила Мария, — мое самое большое желание с тех пор, как у меня появилась надежда». Ее переполняла радость. «Господь свидетель, — сказала она, — я уважаю ее всем сердцем и люблю как родную сестру». Слова, которые использует Мария, показывают, что она психологически настроилась на успех встречи.

Но ее вновь ждало разочарование. 15 июля, через девять дней после того, как Елизавета впервые согласилась на встречу, английская королева передумала. Встречу отложили на следующий год из-за трагических событий во Франции. Сесил добился своего. Сидни, уже назначенный для сообщения этой новости Марии и получивший инструкции, выехал из Лондона 16 июля. Он прибыл в Эдинбург 21-го числа, но Мария была больна и не приняла его. Лорд Джеймс Стюарт и Мейтланд уже слышали новость. Они сообщили Марии, которая «так расстроилась, что весь день провела в постели», отказываясь выходить и с кем-либо разговаривать. На следующий день она приняла сэра Генри «с великой печалью… которая проявлялась разными способами, не только в словах, но также в выражении лица и влажных глазах».

Но худшее было еще впереди. Когда через три месяца во Франции начнется первая в истории религиозная война и Англия вторгнется в Нормандию, выступив на стороне гугенотов против семьи Гизов, о встрече королев уже не могло быть и речи.

Гражданская война во Франции разразилась не потому, что Екатерина Медичи, которая по-прежнему была регентом, выступила против гугенотов, что было вполне ожидаемо, а потому, что она перестала их поддерживать. После того как корона перешла к ее десятилетнему сыну Карлу IX, Екатерина стремилась вытеснить Гизов и разрешить религиозные противоречия, умиротворяя гугенотов. У нее не было выбора, потому что гугеноты быстро приобретали влияние не только при дворе, но и по всей стране. Политика Екатерины, позволившей протестантам свободно молиться у себя дома, принесла плоды. Два главных лидера гугенотов — Людовик, принц Конде, и Гаспар де Шатильон, адмирал Колиньи, — были достаточно могущественными, чтобы сдерживать своих сторонников. Неприятности начались после того, как гугеноты потребовали права публичных богослужений, а Гизы сумели привлечь на свою сторону Антуана, номинального короля Наварры, и брата Конде.

Антуан Наваррский был лейтенант-генералом и командовал королевской армией. Заключив с ним союз, Гизы, казалось, вернулись к власти, что заставило их противников поднять мятеж. Гугеноты во главе с Конде захватили город Орлеан, а затем Анже, Тур и Блуа. Когда под ударами их армии пал Лион, Екатерине пришлось сделать обратный политический ход. Она снова обратилась к коннетаблю Монморанси и герцогу де Гизу, которые согласились забыть о разногласиях и обратились за помощью к папе римскому, герцогу Савойскому и королю Испании Филиппу II. Гугеноты, со своей стороны, апеллировали к королеве Елизавете и лорду Сесилу.

Мария оказалась меж двух огней. Если она объявит о поддержке семьи Гизов, то в конечном счете может оказаться противницей Елизаветы в войне. В случае союза с английской королевой Марию обвинят в предательстве семьи и религии, в помощи еретикам, которые подняли мятеж против законного правителя.

Елизавета тоже попала в не менее затруднительное положение. Она понимала, насколько опасно настраивать против себя одновременно Екатерину Медичи и Филиппа II. В результате она могла оказаться протестантской парией: королевой-еретичкой, которая всегда поддерживает бунтовщиков, выступающих против правителей и идеи монархии. Елизавета прекрасно знала, как рисковал Сесил в Шотландии во время мятежа лордов конгрегации.

Сесил был в отчаянии: Елизавета склонялась к тому, чтобы проигнорировать просьбу гугенотов. На помощь пришел его союзник Трокмортон, который знал, какую карту сейчас следует разыграть. В письме к Елизавете он намекнул, что гугеноты имеют все шансы на успех на севере Франции. Если отправить им помощь, то можно поднять восстание в Кале, который, к глубокому сожалению Елизаветы, требовалось вернуть Франции — таковы были условия Като-Камбрезийского мирного договора.

Это была прекрасная возможность помочь единоверцам и вернуть утраченные территории. Но если война неминуема, встречу королев следует отложить.

Елизавета очень хотела вернуть Кале — или захватить любой другой порт на побережье Ла-Манша. Ведущая роль теперь принадлежала ее фавориту, лорду Роберту Дадли, который начал переговоры с принцем Конде и отправил своего зятя Сидни специальным посланником во Францию. Пик дипломатической активности Дадли пришелся на май и июнь, именно в тот период, когда Мейтланд пытался уговорить Елизавету встретиться с Марией. Затем, 17 июля, через одиннадцать дней после того, как

Елизавета пошла наперекор Сесилу и согласилась на встречу, и через два дня после того, как она передумала, все решилось. Дадли сделал доклад Тайному совету, решением которого стало военное вторжение во Францию.

20 сентября в Хэмптон-Корте было заключено соглашение с делегацией Конде. В помощь гугенотам Елизавета обещала шеститысячную армию, а также заем в сумме 140 000 крон, а взамен получала Гавр — до тех пор, пока не вернет себе Кале.

Мария наблюдала за этими событиями с растущей тревогой и отчаянием. Поскольку встреча королев откладывалась, она решила привести в исполнение планы на лето, которые отложила ради Елизаветы: королевский визит на северо-восток Шотландии, чтобы познакомиться с той частью страны и показать себя живущим там подданным. Это было очень разумным решением, хотя Мария предприняла поездку только ради сохранения лица.

Она начала со Стирлинга, посетив по дороге Перт, Глэмис и Эдцелл. В конце августа Мария добралась до Абердина, но путешествие оказалось трудным. По свидетельству Рэндольфа, оно было «тяжелым, мучительным и очень долгим, погода отвратительной и холодной, а все продукты очень дорогими, казалось, что пшеница так и не созреет».

Путешествие приобрело зловещий оттенок. Хантли пребывал в опале, поскольку возражал против предполагаемой встречи Марии и Елизаветы. Подобно многим лордам из числа католиков, он глубоко презирал политику примирения с Англией, которую считал троянским конем лорда Джеймса и его союзников. Он был обижен еще и потому, что считал себя обманутым. Он в течение нескольких лет управлял графствами Мар и Морей в интересах короны до тех пор, пока Мария не пожаловала их лорду Джеймсу. Первое в начале 1562 г., а второе в сентябре, в обмен на первое.

Королева разгневалась на него, когда приблизилась к Абердину. Хантли вышел ей навстречу, но привел с собой полторы тысячи вассалов, тогда как ему было приказано ограничиться сотней. Столкновение стало неизбежным, когда Мария прибыла в Инвернесс и обнаружила, что начальник крепостного гарнизона отказался — вероятно, по приказу Хантли — открывать перед ней ворота.

Хантли, которого называли «петухом севера», был самым влиятельным землевладельцем на северо-востоке страны, уступавшим только Аргайлу, земли которого находились немного западнее. Убежденный сторонник Марии де Гиз, он был назначен канцлером после убийства кардинала Битона. Дискредитированный за сопротивление политике централизации, проводимой регентом в горных районах, Хантли присоединился к

лордам конгрегации, но неохотно, без энтузиазма. В конечном счете Хантли настроил против себя обе стороны, особенно лорда Джеймса, которому он неблагоразумно похвастался, что сможет вернуть мессу в трех графствах.

По совету коварного брата, которому Мария теперь официально пожаловала графство Морей, она решила, что не будет терпеть неподчинение Хантли. Когда ее не пустили в замок Инвернесс, она провела ночь в городе, но на следующий день вернулась с вооруженным отрядом. Мария захватила замок, приказала повесить капитана и выставить его тело на всеобщее обозрение.

Хантли по-прежнему был в Стратбоги и старался вести себя тихо. Он боялся лорда Джеймса и хотел опередить его, разлучив Марию со своим соперником. Когда она возвращалась в Абердин, Хантли решил захватить королеву на переправе через реку Спей. Его отрядом командовал один из младших сыновей, сэр Джон Гордон, которого уже разыскивали за побег из тюрьмы. Но Марию вовремя предупредили. К переправе она подошла с отрядом из трех тысяч человек, тогда как у сэра Джона была только тысяча. Они прятались в лесу в двух милях от реки, но при приближении королевской армии обратились в бегство.

Мария торжествовала. Она отразила попытку похищения.

«Уверяю Вашу честь, — писал Рэндольф Сесилу, — что никогда не видел ее счастливее, чем в ходе этих приключений. Я никогда не думал, что найду в ней столько силы характера». Королева жалела, что «она не мужчина, и не знает, что значит проводить ночь в полях или же идти по крепостной стене в кольчуге и шлеме, со щитом и мечом в руке».

Рэндольф поддался всеобщему волнению. Как посол он должен был сохранять нейтралитет, но признавался в письме: «Возможно, Вам будет приятно узнать, что, когда многие были преисполнены чувства долга, мне было стыдно сидеть без дела и уподобляться остальным». Он был явно разочарован, когда люди Хантли бежали. «Какие славные удары могли быть нанесены в тот день, когда каждый сражался перед благородными очами королевы и множества прекрасных дам».

Похоже, Рэндольф считал путешествие Марии чем-то вроде эпизода из средневекового рыцарского романа. Когда он добрался до Абердина, его мнение изменилось. Марию развлекали «спектаклями, пьесами, интермедиями и всем, что только можно было придумать». Но места для постоя не хватало, и Рэндольфу пришлось делить комнату с Мейтландом. Впоследствии он с ужасом узнал, что Хантли планировал напасть на город, сжечь дом, где он остановился, и убить Мейтланда во сне.

Мария не желала, чтобы Хантли остался безнаказанным, и лорд Джеймс объявил его предателем. Она приказала Хантли сдаться, а когда он попытался не выполнить приказ, отправила в Стратбоги шпионов, чтобы арестовать его. Заметив их приближение, Хантли бежал через задние ворота замка. 12 октября королева решила расправиться с ним. Пять дней спустя графа объявили вне закона и приказали ему сдать Стратбоги. Теперь верные Марии отряды разыскивали Хантли по всему королевству. Вместе с ним в бегах было около семисот человек, и лорд Хантли планировал измотать противника партизанскими действиями.

Мария назначила новоявленного графа Морея своим лейтенантом, и вместе с Мортоном и графом Атоллом он вывел двухтысячный отряд из Абердина. Хантли закрепился на вершине холма в 15 милях от Корричи, но артиллерия Морея заставила его отступить в болотистую низменность, где он оказался запертым в ловушке. Два его сына попали в плен, и одного из них, сэра Джона, на следующий день казнили в Абердине.

Хантли также попал в плен, но его хватил удар прежде, чем войска королевы смогли привезти его на суд, он умер прямо в седле. Его тело забальзамировали и отправили в Абердин, где хранили до мая следующего года, когда над ним устроили посмертный суд в парламенте. Как сообщал клерк, «гроб поставили вертикально, как будто граф стоял на ногах». Хантли признали виновным в государственной измене, и владения его семьи были конфискованы.

За два дня до того, как Хантли объявили вне закона, Елизавета написала Марии письмо, оправдывая свое решение послать во Францию армию в помощь гугенотам. Это было личное, но не слишком складное письмо, полное вымученных метафор. Она утверждала, что «необходимость не подчиняется закону», что в случае опасности «у нас не остается выбора, кроме как защищать свои дома от уничтожения, когда дома соседей охвачены огнем», и что она будет вести себя так, чтобы ее деверь, юный Карл IX, «считал ее добрым соседом, который сохраняет, а не разрушает». Последний из аргументов был взят непосредственно из одной записки Сесила, где он утверждал, что соседствующие правители обязаны защищать друг друга, и особенно слабых, когда их государствам угрожает тирания.

Елизавета оправдывалась. Она хотела избежать разрыва с «сестрой», но прекрасно видела, что это невозможно. Перспектива раскола, если «старые искры будут раздуты этим новым пожаром», «терзала ее сердце». Тем не менее Елизавета воспользовалась известным риторическим приемом, чтобы

сказать, до какой степени ей неприятно упоминать, — расписав в ярких подробностях, — о невинных жертвах, с такой жестокостью убитых католиками. Невозможно представить, писала она, что Мария так очарована своей родней, что способна игнорировать их ужасные преступления.

Мария восприняла письмо на удивление благосклонно — вероятно, не столько из-за содержания, сколько потому, что у английской королевы в этот момент была оспа, едва не убившая ее. «Я бы сказала больше, — написала в заключение Елизавета, — если бы не ужасная лихорадка, которая не выпускает меня из своих объятий».

Письмо пришло в день сражения при Корричи. Мария была так занята, что Рэндольф не имел возможности его передать и поэтому решил вернуться на следующий день. Он появился во время ужина. Королева потребовала письмо. «Посмотрим, — сказала она, — что Вы мне принесли!»

Рэндольф, знавший о содержании письма, колебался, но Мария настаивала. Читая послание, она не выказала никаких чувств. Лицо ее не дрогнуло. Затем она молча отложила письмо и «в радости» продолжила ужин, прерванный появлением посланника.

Позже она снова подозвала его к себе. «Я убеждена, мистер Рэндольф, что в следующем году мы направимся на юг, как теперь на север, и наше путешествие будет более легким и приятным, чем это». Она твердо решила, что встреча с Елизаветой должна состояться, и отказывалась думать о смысле письма как об окончательной отмене встречи.

Прежде чем лечь спать, Мария пригласила Рэндольфа к себе в спальню и тихо спросила: «Моя сестра больна?» Она указала на последнюю фразу письма, которое держала в руке, и Рэндольф объяснил, что английская королева выздоравливает после оспы. Мария искренне сочувствовала ей и вскоре написала письмо, в котором упоминала о том, как сама в детстве болела оспой[20].

Но втайне она радовалась. Оспа нередко оказывалась смертельной. Если Елизавета умрет, Мария намеревалась предъявить свои права на английский престол. Хотя в самый разгар войны время для этого было неподходящим. Поэтому она сказала Рэндольфу, что решила соблюдать нейтралитет. Вне всякого сомнения, подчеркнула Мария, ее дядями руководило чувство долга. Но вмешиваться она не желает.

Марии пришлось скрывать свои чувства. Поэтому, когда Рэндольф, несмотря на данное самому себе обещание не говорить ничего «печального» о ее дядях, не удержался и парировал, что Елизавета вторглась во Францию с благочестивой целью и что

Карл IX, когда станет старше и мудрее, поблагодарит ее за это, шотландская королева широко улыбнулась и сменила тему.

Почти сразу же после возвращения в Холирудский дворец после путешествия на северо-восток Мария заболела вирусной лихорадкой. Она провела в постели шесть дней, а после выздоровления ее настроение изменилось, став даже более воинственным. Лорд Джеймс и Мейтланд сообщили ей, что во время того, как Елизавета была больна оспой, в английском Тайном совете лишь один человек высказался в пользу Марии как наследницы престола.

Это было сильное оскорбление. Мейтланд видел опасность и предупредил Сесила, что война кардинально изменила ситуацию. Мария, сообщал он, была «растеряна», разрывалась между родственными связями и Англией. И чтобы обеспечить ее дружбу, нужны более надежные гарантии права престолонаследия, чем просто «любовь» Елизаветы. Вероисповедание Марии больше не может быть препятствием к этому, поскольку она явно защищала протестантов и избавилась от Хантли, лидера католической фракции.

Но Сесил не поддался на уговоры. Война во Франции складывалась для Англии неудачно — гугеноты были вынуждены отступить, и английские войска оказались запертыми в Гавре. Он напомнил Рэндольфу о «двух опасностях»: первая — сокрушительная победа католиков, которая «подвергнет нас здесь опасности из-за нашей религии»; вторая состояла в том, что Гизы «построят свои замки так высоко», что попытаются свергнуть саму Елизавету.

Это была старая песня, но, что удивительно, оценка Рэндольфа была прямо противоположной. Как ни сильна у королевы любовь к семье, сообщил он в ответном письме, «своих подданных она любит больше». Мария понимает, что «мир» с Англией ей нужен больше, чем «священник, бормочущий у алтаря». Мария, утверждал он, «не настолько привязана к своей мессе, что ради нее откажется от королевства». Сесил должен отбросить все сомнения. Не следует больше подозревать Марию, потому что «ее желание жить в мире никогда еще не было таким сильным, и никогда еще она так искренне не желала милости и доброй воли королевы, как теперь». «Вчера, — писал Рэндольф, — она говорила со мной и пожелала, чтобы я написал об этом».

Рэндольф не мог устоять перед обаянием Марии. Но на Сесила оно не действовало. Шотландская королева пышно отпраздновала Рождество 1562 г., но веселье было показным. Еще не окончились праздники, а она уже жаловалась, что два месяца не получала известий от Елизаветы.

В начале нового года Мейтланд писал Сесилу: «Сэр, я не могу не видеть какую-то загадку в том, что обмен письмами (которые были не слишком частыми как между двумя королевами, так и между нами, их министрами) прервался с Вашей стороны».

Полномасштабный кризис разразился после того, как Мария узнала, что Елизавета назначила заседание парламента на 11 января и что Сесил собирается провести закон, исключающий Марию из числа наследников престола. Новость пришла 5 января, когда Рэндольф предупредил, что Мейтланд пребывает в «сильном гневе». Он заверял Марию, что ничто не вызовет «ее неудовольствия», но напряжение усиливалось, и в конце января она слегла в постель на целых шесть дней.

31 января пришло письмо от Елизаветы с неубедительными оправданиями; письмо доставил сам Рэндольф. Мария прочла послание «дважды, от начала до конца, на моих глазах» и восприняла его благосклонно. Но попросила извинить за отсутствие ответа. Она решила снова отправить Мейтланда в Лондон, чтобы изложить ее точку зрения и если потребуется, то непосредственно парламенту. Сначала он должен был отправиться в Лондон, а оттуда во Францию.

Мейтланд выехал из Эдинбурга 13 февраля; он вез письмо от Марии, объясняющее, что «любовь, однажды вспыхнувшая» между двумя королевами, должна быть снова зажжена, хотя прекрасно понимал, что в этом вопросе Сесила «смягчить» не удастся.

Казалось, все повторяется — очередная попытка организовать встречу королев. Однако на этот раз ситуация была иной. Сесил оказался абсолютно не готовым к тому, что содержалось в инструкциях Мейтланду. Даже Морей не был в курсе намерений сестры. Она скрывала свои мысли, потому что уклончивость Елизаветы и сопротивление Сесила подталкивали ее к другому и (с английской точки зрения) гораздо более опасному решению. Она сама займется поисками мужа, способного укрепить ее династические права в Англии. Это станет основой политики Марии на протяжении следующих двух лет, и ради достижения своей цели она при необходимости будет готова порвать со своими родственниками Гизами.

11
Поиски мужа

Выбирая мужа, Мария играла по правилам. Монархия с женщиной во главе считалась отклонением от нормы; взгляды проповедника Нокса, выраженные в его «Первом трубном гласе», были всего лишь крайней версией давнего стереотипа. Правильным «решением» для женщины-правителя считался брак и определение порядка престолонаследия. Замужество было вопросом «репутации» и «укрепления государства». Именно эти формулировки использовал лорд Сесил, постоянно склонявший свою королеву к браку. Вопрос о том, будет ли правящая королева Шотландии подчиняться мужу после вступления в брак, представлял собой деликатную политическую загадку, ответа на которую не существовало. Шотландия — это не Франция, где действовал салический закон. Все зависело от конкретных личностей и от мнения парламента, но лорды всегда были более спокойными и сплоченными, когда имели дело с мужчиной, даже если это был муж правящей королевы.

Дополнительным препятствием для Марии стало то обстоятельство, что немногие короли или правители соглашались в первый раз жениться на вдовах, обычно предпочитая выбирать их в качестве вторых или последующих жен после того, как первый брак уже обеспечил наследников. На другой чаше весов лежали юность и красота королевы Шотландии, а также ее приданое, то есть королевство. Марии было всего двадцать — самый расцвет молодости и красоты. Теперь, когда она решила снова выйти замуж, предстояло найти кандидата, наилучшим образом соответствующего ее политическим и династическим целям.

До сих пор главными советниками Марии были лорд Джеймс Стюарт, теперь граф Морей, и его союзники, которых она назначила в малый кабинет. Их политика была направлена на поддержание мира с Англией с помощью поисков «среднего пути», в результате которого королеву Шотландии признают наследницей Елизаветы. Сохранение мира, в свою очередь, даст лордам из числа протестантов гарантию сохранения религиозного *status quo*.

Но разногласия между Елизаветой и Сесилом относительно Марии усиливались. Сесил ворчал, что королева стремится привлечь Марию «мягкостью и выгодой», не уделяя должного внимания безопасности своей и государства, а Елизавета шутила,

что ее первый министр озабочен ее «сохранностью» больше, чем она сама. Убежденность Сесила в международном заговоре католиков и Гизов превратила его в самого яростного и непоколебимого противника Марии, тогда как Елизавета, упорно отказывающаяся назвать наследника из опасений, что это ускорит ее собственную смерть, благосклонно относилась к претензиям Марии, предпочитая ее другим кандидатам.

Когда Мейтланд вновь приехал в Лондон, Сесил испугался, что если Мария, разочарованная срывом встречи с Елизаветой, теперь начнет искать мужа в Европе, то права на английский престол снова превратятся в ее главный актив, более весомый, чем ее собственная страна. Самая большая опасность состояла в том, что если папа римский или Филипп II поддержат ее претензии, поскольку папская булла, объявляющая Елизавету незаконной королевой, будет равносильна призыву английских католиков к мятежу. Даже Сесил признавал, что официальная протестантская реформация едва затронула север Англии и Уэльс, и поэтому следовало опасаться папской или испанской интервенции. Большинство англичан все еще были католиками. Более того, обычаи и ценности знати и землевладельцев были неразрывно связаны с правилами наследования титула и собственности, и лишь немногие за пределами близкого круга Сесила согласились бы с тем, что религия выше права собственности, когда речь идет о наследовании трона.

Приступив к поискам претендента на свою руку, Мария сменила круг своих ближайших советников. Период укрепления власти Морея закончился. Мария избавилась от иллюзий на его счет. А после того как политика «среднего пути» потерпела неудачу, королева стала подозревать, что Морей организовал уничтожение Хантли исключительно ради собственной выгоды, поскольку был заклятым врагом Гордонов и соперником в борьбе за графство Морей с его обширными земельными владениями. Елизавета и Сесил были довольны, что Мария неожиданно обрушилась на самое влиятельное католическое семейство в Шотландии, но ничего не сделали, чтобы вознаградить ее. Наоборот, когда Мейтланд отправился в Лондон, Сесил составлял черновики закона, исключавшего ее из очереди наследников на английский престол.

В январе 1563 г. Мария отозвала Мейтланда из Лондона, заявив, что назначает его своим главным советником. Она уже окончательно простила его за прежние интриги с Сесилом. Будучи убежденным протестантом, а значит, человеком, религиозные убеждения которого значительно отличались от религиозных убеждений Марии, он до сих пор доказывал свою

верность монархии. Чувство долга побуждало Мейтланда с готовностью принять роль королевского слуги, что делало его более ценным для Марии, чем Морей, грубоватые, но раздражающе высокомерные манеры которого все чаще вызывали ее неудовольствие. Она также считала, что ее незаконнорожденный брат слишком склонен к манипулированию и слишком амбициозен, чтобы оправдать ее ожидания. Более того, многолетнюю дружбу Мейтланда с Сесилом Мария теперь могла использовать в своих интересах.

При этом Мария предоставила Морея воле судьбы. Она назначила коварного и вероломного Мортона на должность канцлера вместо Хантли. Королева еще не осознала степени его двуличия. Протестант Мортон был слишком продажен и распутен, чтобы присоединиться к Ноксу и кальвинистам. Мария знала, что Мортон поддерживал мятеж против ее матери, но его участие было признано незначительным. Повысив его, Мария рассчитывала добиться лояльности влиятельного клана Дугласов и в то же время создать противовес Морею, который, по всей видимости, был недоволен своим отдалением от королевы.

Мария начинала укреплять свою королевскую власть. Она пыталась контролировать фракции аристократов, создав широкую коалицию советников, что в будущем позволит ей проводить жесткую политику в отношении Елизаветы и Сесила, поскольку теперь она пользовалась более широкой поддержкой в стране, чем прежде. Чтобы помочь в создании этой коалиции, она попросила Мейтланда порекомендовать несколько новых членов суда и Тайного совета. Среди них были и католики, например Атолл, и протестанты, в частности лорд Рутвен, что соответствовало цели Марии — поддерживать идеалы служения и верности короне, которые были выше фракционных разногласий.

Далее Мария предприняла попытку поднять влияние в Европе. В конце января она написала два письма. Одно предназначалось дяде, кардиналу Лотарингскому, а другое — папе римскому. Она просила дядю замолвить за нее слово перед понтификом. Само послание нельзя было доверить бумаге, но его цель очевидна — сделать Марию более привлекательной для претендентов на ее руку из числа католиков. В письме к папе римскому она называла себя «самой преданной дочерью», дядя которой лично объяснит «состояние наших дел» и «нашу нужду в помощи и расположении Вашего святейшества».

13 февраля Мейтланд отправился в Лондон и Париж, снабженный двумя наборами инструкций. Первый относился к позиции Марии относительно французских религиозных войн после того, как английские войска высадились в Нормандии. Она

предложила себя в качестве независимого арбитра. Это был явно неудачный шаг, — хотя возможно, просто дипломатическая хитрость. Елизавета решительно поддерживала гугенотов и на этом этапе не рассматривала вопрос о посредниках, а для Екатерины Медичи война складывалась слишком удачно, чтобы думать о мире.

Второй набор инструкций имел отношение к дебатам в английском парламенте. Если интересы Марии будут ущемлены, Мейтланд должен настаивать на праве выступить и выразить свой протест, чтобы ее претензии были официально зарегистрированы. Вряд ли это была уловка, но парламент в любом случае не стал бы его слушать. Сесил позаботился о том, чтобы в парламент было избрано как можно больше протестантов, а затем предоставил слово своим друзьям. Сэр Ральф Садлер — посланник Генриха VIII, всегда восхищавшийся маленькой Марией, несмотря на то что был обманут ее матерью, теперь обрушился на нее с нападками, которые носили националистический оттенок. «Теперь если эти гордые, нищие шотландцы, — сказал он, — с таким презрением отвергают превосходство Англии… почему мы должны признавать их превосходство или соглашаться на то, что шотландец будет наследником короны нашего государства?»

Последние указания, доставленные Мейтланду в марте курьером, требовали от него вступить в переговоры сначала с Альваресом де Куадра, епископом Аквилы и испанским послом в Лондоне, а затем с родственниками Марии во Франции, предложив брак Марии и дона Карлоса, сына и наследника Филиппа II. Такова была цель Марии. Дона Карлоса очень хотела семья Гизов после смерти Франциска II, но их планам тогда помешала тайная дипломатия Екатерины Медичи. Тогда Мария не проявила никакого интереса к замужеству, потому что собиралась возвращаться в Шотландию. Теперь же она решила возобновить переговоры, заручившись поддержкой Мейтланда, который понимал, что без давления на Англию вряд ли можно заставить Елизавету изменить свое отношение к требованиям Марии. Он также считал Филиппа II религиозным прагматиком, и в основе этой иллюзии лежал общеизвестный факт, что Филипп не одобрял сожжение протестантов при Марии Тюдор, когда был ее мужем. То ли с целью манипулирования, то ли из-за непонимания позиции Филиппа Мейтланд смягчал религиозные вопросы, утверждая, что кальвинисты не будут возражать против дона Карлоса. Он слишком верил, что Филипп, хотя и католик, не был фанатиком, и надеялся, что испанский король и его сын с готовностью примут религиозное *status quo*, потому что король

был «мудрым политическим монархом», который управлял целой агломерацией территорий, находящихся под его властью, «согласно их собственным склонностям».

Мейтланд нанес визит Куадра, который немного позже написал восторженное письмо Филиппу. «Если бы Ваше Величество прислушались к этому, — объяснял он, — то подарили бы своему сыну не только жену таких превосходных качеств… но также дали бы ему власть, которая была бы подобна [всеобщей] монархии». С помощью сына Филипп присоединил бы к своим доминионам все Британские острова и Ирландию. Как видно из этого письма, приманкой с самого начала служили династические претензии Марии — как и боялся Сесил.

Мейтланд вкратце изложил позицию своей королевы. Отказ Елизаветы от встречи требовал от Марии восстановить свою честь и репутацию, стремясь «к такому браку, который позволит ей утвердиться в своих правах».

Де Куадра был польщен и доволен. Он предположил, что Мария попытается выйти замуж за своего деверя, Карла IX. Испанский посол не знал, что Екатерина Медичи категорически отвергала эту идею, и Мейтланд не спешил избавлять его от иллюзий. Наоборот, новый главный советник Марии активно намекал на перспективу второго брака с Валуа, чтобы создать иллюзию конкуренции.

Первый отчет Мейтланда Марии, отправленный из Лондона, рассказывает об убеждении де Куадра, что дон Карлос, которому было почти восемнадцать, «чрезвычайно влюблен» в нее. Второй отчет, написанный месяц спустя из Шенонсо, куда Мейтланд приехал вслед за французским двором, был более мрачным. Он получил известие от кардинала, который прислал резкое письмо, предназначенное для Марии. Знаки были не слишком благоприятными. Ее родственники Гизы, отмечал Мейтланд, не принимают во внимание высказанные желания или чувства Марии. Она интересна им только своим «величием» правящей королевы, из которого они черпают свое «возвышение и уверенность». Другими словами, Гизы помогут племяннице только в том случае, если это будет в их интересах.

Что касается Екатерины Медичи и французских аристократов, то им «почти безразлично, выйдете ли Вы замуж и за кого, при условии, что это не будет угрожать короне». Такая холодная и резкая реакция отражала настроение Екатерины, которая после смерти Франциска II старалась держать Марию на расстоянии. Брак с доном Карлосом, писал Мейтланд, вызывает такое же яростное сопротивление королевы-матери, как и прежде. Ее собственная дочь Елизавета, теперь королева Испании, оставалась

бездетной, и, хотя Екатерине была очень нужна помощь Филиппа II в борьбе с гугенотами, она не собиралась преподносить ему на блюдечке права на английский престол.

В Англии, сообщал Мейтланд Марии, существовали «три фракции»: католики, протестанты и сама королева. Елизавета, оставаясь одинокой, хотела устроить брак Марии таким образом, чтобы «не иметь причин для страха». Католики, рупором которых все чаще выступала леди Маргарита Дуглас, графиня Леннокс, настаивали на браке с католиком, чтобы оказать максимальное давление на Елизавету. Протестанты тоже желали, чтобы Мария вступила в брак по религиозным соображениям, но с тем, кто будет защищать протестантство.

Предвидя реакцию шотландских лордов, Мейтланд считал, что «лучшая часть» поддержит Марию, однако найдутся «всякого рода наглецы», в частности союзники Нокса, которые будут яростно выступать против дона Карлоса.

Кардинал Лотарингский потребовал ответить на его письмо в течение шести недель, что представлялось Мейтланду малоосуществимым. Он выяснил, что семья Гизов не собиралась настраивать против себя Екатерину Медичи, пока они вместе вели жестокую войну против гугенотов. Поэтому под влиянием Екатерины Медичи Гизы изменили свою позицию, решив, что Марии не следует выходить за дона Карлоса. Вместо него они предложили эрцгерцога Карла Австрийского, с которым дядя Марии уже вел тайные переговоры.

Это был не слишком удачный выбор. Эрцгерцог был третьим сыном Фердинанда I, императора Священной Римской империи. В принципе он мог считаться подходящим женихом для шотландской королевы, поскольку слыл умеренным католиком и не фанатиком, но главный его недостаток состоял в том, что он уже числился среди претендентов на руку Елизаветы, а Мария уже отвергла его — как и всех остальных за исключением дона Карлоса.

Кардинал решил, что Мария ведет себя слишком самостоятельно. Его все больше тревожила растущая независимость племянницы, и в мае он отправил в Эдинбург специального посланника Филиберта дю Крока. Посланник прибыл 15 мая, и Мария несколько дней вела с ним переговоры. Их беседы проходили наедине и сопровождались потоком депеш к Мейтланду и Гизам. Рэндольф видел в дю Кроке угрозу: «она не слушает никого, кроме этого человека… и до возвращения Мейтланда она будет делать все возможное, чтобы сохранить тайну».

Тем не менее дю Крок ничего не добился. Мария не захотела

ничего решать до возвращения Мейтланда и, несмотря на все усилия посла, просто передала свою благодарность и просьбу сообщить ей сведения о характере эрцгерцога, его доходах и приданом, которое он предлагает.

По большей части это были пустые слова, облеченные в дипломатическую форму, и когда Мейтланд 24 июня приехал в Эдинбург, ему пришлось иметь дело с более серьезными проблемами. Планы Марии выйти замуж не удалось сохранить в тайне, и о них стало известно Ноксу. Как и предсказывал Мейтланд, влиятельный проповедник сделал все возможное, чтобы организовать сопротивление браку Марии с претендентом-католиком.

Воображение Нокса разыгралось вовсю, и он устроил яркий спектакль, выступив в качестве представителя церкви на той же самой сессии парламента, которая признала виновным в измене забальзамированное тело Хантли. Тем не менее он обрушился с критикой на предполагаемый брак Марии.

В тот же день она пригласила его к себе в Холируд. «Я терпела, — сказала она, — ваши грубые речи, направленные против меня и против моих дядей; я добивалась вашего расположения всеми возможными средствами. Я допустила вас к своей особе и выслушала ваши увещевания, и все же не могу избавиться от вас».

Ее голос дрожал от ярости. «Я отомщу», — пригрозила она и расплакалась от жалости. Нокс начал оправдываться, но Мария вернулась к главному: «Что вам за дело до моего брака?»

Он ответил, что поскольку большинство ее приближенных льстецы, то ни Бог, ни страна не «уважаются должным образом». Мария снова спросила: «Что вам за дело до моего брака?» и «Кто вы такой в моем королевстве?».

Нокс вспылил: «Подданный, рожденный в его пределах, мадам. И хотя я не граф, не лорд и не барон, однако Господь сделал меня (каким бы подлым я ни был в собственных глазах) важным членом Вашего королевства».

Затем он повторил все, что заявлял в проповеди, предсказав, что если Мария выйдет замуж за католика, то «предаст» страну, и судьба ее будет печальной. Сомнительно, чтобы кто-то еще из правителей XVI в. получал такой резкий выговор.

Мария лишилась дара речи. Она уже была не в состоянии вести спор с Ноксом на равных. Он пренебрег всеми придворными условностями и правилами вежливости — Мария была помазанной королевой, а он обращался с ней как с равной и даже считал себя вправе читать ей мораль. Мария всегда с трудом сдерживала свои чувства, но в этот раз она так расстроилась, что

просто «выла».

Нокс подождал, пока высохнут ее слезы, и нанес еще одно оскорбление. Он заявил, что никогда не любил плача и «едва терпел слезы собственных сыновей», когда порол их. Но поскольку он сказал правду, у Марии «нет причины для обиды». Он обязан вынести ее слезы, но не пойти против совести и не «предать мою страну своим молчанием».

После этих слов Мария приказала ему удалиться. Она оказалась на распутье, когда единственный разумный выход — это тянуть время. Мария прекрасно понимала, насколько высоки ставки в этой игре. Она читала «Первый трубный глас», где Нокс объяснял, что католичка-«идолопоклонница» — это по определению женщина, движимая яростными и необузданными всплесками страсти, а не холодным разумом.

Нокс был фанатиком, женоненавистником и ханжой. Он разработал собственную примитивную теорию, которая объясняла психологию католических правительниц. Поскольку они являются «идолопоклонницами», подобно Иезавели или Аталии, то правят сердцем, а не разумом. Их «идолопоклонничество» определяется полом. Они отбросили разум, поскольку в противном случае уже давно перешли бы в протестантство.

Таким образом, Нокс приравнивал католицизм у женщин к необузданной похоти. Вскоре он уже обвинит Марию в преступлениях, к которым она должна автоматически испытывать склонность просто потому, что является католичкой, а не протестанткой.

Это станет основой расхожего мнения, что Мария руководствовалась велением сердца, в отличие от своей кузины Елизаветы, действиями которой руководил разум. Поскольку Елизавета была протестанткой, Нокс исключил ее из своих яростных атак на женщин-правительниц. В отличие от Марии он считал ее королевой «согласно чудесному промыслу Божьему». Источник подобных идей очевиден, потому что в этом вопросе Нокс соглашался с мнением Кальвина, что монархия, во главе которой стоит женщина, является отклонением от «природного порядка вещей», однако бывают и исключения, особые женщины, которые «возвышены божественной властью», чтобы быть «кормящими матерями» протестантов.

На самом деле беспристрастный наблюдатель, знавший о легкомысленных ночных свиданиях Елизаветы с лордом Робертом Дадли, когда еще была жива его жена, сделал бы выбор в пользу Марии. Ноксом овладели странные сектантские фантазии. Начав с убеждения, что Мария была «идолопоклонницей», посещавшей тайные мессы, он стал обличать ее как *femme fatale*: склонную

манипулировать людьми обольстительницу, нравственные пороки и непригодность в качестве правителя которой проявляются в танцах, банкетах и показной сексуальности.

Вскоре он уже пребывал в убеждении, что обнаружил скандал. Центральной фигурой оказался Пьер де Бокосель, сеньор де Шателяр, один из не слишком известных поэтов Плеяды. Мария пригласила Шателяра к себе на службу, и он сочинил для нее несколько стихотворений, на которые она опрометчиво ответила в традициях куртуазной любви. Это был невинный жест, но поэт безумно влюбился в королеву. Вечером накануне отъезда Мейтланда в Лондон он спрятался под кроватью Марии, с мечом и кинжалом. Его изгнали, однако он последовал за Марией в Файф и два дня спустя снова вошел в ее спальню, когда она раздевалась. На этот раз его судили за измену. На эшафоте он с чувством прочел «Гимн смерти» Ронсара. После чего крикнул: «Прощай, самая прекрасная и самая жестокая принцесса в мире!»

Обвинения Нокса в распутстве были ложью. На самом деле Мария была так напугана появлением поэта в своей спальне, что несколько месяцев отказывалась оставаться ночью одна и не ложилась, пока Мария Флеминг, главная из четырех Марий, не укладывалась спать в той же комнате.

После возвращения Мейтланд пытался нейтрализовать Нокса, отрицая намерение Марии выйти замуж. Формально он не лгал: переговоры шли, а конкретных планов не было. Это была казуистика, достойная самого Нокса, но проповедник продолжал нападать на Марию, используя соперничество между Мореем и Мейтландом и надеясь связать себя с Мореем, который изо всех сил старался заручиться поддержкой народа.

События 1563 г. серьезно осложнили положение Марии. Отчуждение между ней и дядями росло, когда вдруг пришло известие об убийстве герцога де Гиза. 18 февраля во время возвращения из обычной инспекционной поездки по войскам герцог получил три пули в плечо и через несколько дней умер. Его убийцей был гугенот, который под пыткой переложил вину за преступление на протестантов. Смерть дяди потрясла Марию. Несмотря на то что ее наставником был кардинал Лотарингский, герцога она всегда любила больше.

Известие пришло 15 марта, когда она была в Сент-Эндрюсе. Королева «сильно печалилась, а ее дамы проливали потоки слез». Мария утешала себя тем, что дни напролет скакала по полям, охотилась с собаками или соколами, переезжала с места на место. Рэндольф поехал с ней в Фолклендский замок, где на пологих холмах Ломонда раскинулись ее любимые охотничьи угодья. Там она внезапно удостоила его рассказом о «всех бедах и великих

приключениях, которые выпали на ее долю после смерти мужа, и о том, что теперь она лишена всякой дружбы».

Мария чувствовала себя очень одинокой. В каком-то смысле она была слишком общительной для королевы. Она могла быть наивной, импульсивной и нетерпеливой, — отправив Мейтланда договориться о браке с самым завидным холостяком Европы, она ожидала скорого результата. Мария прислушивалась к своим советникам, но вряд ли испытывала к ним теплые чувства. Они были слишком эгоистичными, слишком заняты ссорами друг с другом — понять это мог только тот, кто вырос в Шотландии. Мария была обаятельной королевой, не скрывавшей своих чувств, но ей тоже требовалась эмоциональная поддержка, которой она лишилась после смерти матери. Во многих отношениях Шотландия оставалась для Марии чужой. Здесь было мало людей, с которыми она могла поговорить по душам, разве что с четырьмя Мариями, однако ее компаньонки знали страну не лучше, чем она. Мария любила родственников, но они часто ее предавали. Теперь умер герцог де Гиз, заставив ее осознать все ужасы религиозной войны.

Но через неделю она получила желаемое. Когда Мария охотилась в окрестностях Питлесси, Рэндольф привез ей письмо с соболезнованиями от Елизаветы, которая собственноручно написала послание. Мария остановила лошадь, прочла письмо, и «слезы капали у нее из глаз».

«Месье Рэндольф, — сказала она, — я получила великое утешение, самое большое из возможных, от моей дорогой сестры, нежной кузины и друга. И хотя слезы не дают мне говорить и читать дальше, Вы не должны сомневаться, что это письмо утешило меня больше, чем все, что было сказано мне с тех пор, как до меня дошла весть о смерти дяди».

Она спрятала письмо на груди. За ужином, уже, казалось бы, в одиночестве, она достала письмо, снова прочла его и сказала вслух: «Господь не покинет меня. Я получила от королевы, моей английской сестры, лучшее из всех писем, которые когда-либо получала, и, уверяю Вас, оно очень меня утешило».

Мария была искренне благодарна за письмо, но последняя сцена являла собой продуманный спектакль от начала до конца. Мария знала, что за ней наблюдают слуги, которые, как ей было известно, подкуплены Рэндольфом, а он, в свою очередь, проинформирует Сесила обо всем происходящем. Она научилась устраивать спектакли. Несмотря на удовлетворение от письма Елизаветы, Мария не питала иллюзий в отношении того, что встреча двух королев когда-либо состоится; однако она предпочитала не показывать своего разочарования, а держать

Елизавету в неведении.

Мария больше не желала терпеть обид и сделала вид, что чрезвычайно занята в те летние месяцы, когда могла бы состояться перенесенная встреча. Чтобы не выглядеть просительницей, она занялась подготовкой нового королевского турне, на этот раз в Эршир, а оттуда в Аргайлшир и на восток горной области, где жило большинство населения, говорящего на гэльском.

Тем временем Нокс раздул еще один скандал. Через несколько дней после осуждения Хантли парламент принял закон против супружеской измены, которая теперь каралась смертью. В ту же ночь один из французских священников Марии был найден в постели замужней женщины, что стало еще одним доказательством нравственной порчи, источником которой служит месса. Нокс с трудом сдерживал радость и попытался настроить свою паству в соборе св. Джайлса против Марии и ее распутного двора. В его обвинениях не было ничего нового:

> Господи, прошу тебя, избавь душу Ее Величества королевы от яда идолопоклонства и вырви ее из неволи и рабства Сатаны… Идолопоклонство королевы, месса королевы навлекут на нее гнев Божий… Ее дом, предназначенный для отдохновения ее подданных, стал пристанищем танцев и плотского вожделения… Обращаясь к пророкам, я повторяю слова Илии: «Гнев Господа не пощадит правителей и судей… Псы будут лизать кровь Ахава и есть плоть Иезавели»… Дьявол заберет нечестивых. Танцы есть суета неверующих, заставляющая людей привязаться к тирану.

Когда летнее турне наконец началось, внимание Марии переключилось на развлечения на свежем воздухе, которые она так любила, — стрельбу из лука, псовую и соколиную охоту. Но европейская тайная дипломатия не была забыта. В конце июля, перед отъездом из Аргайлшира, к ней из самого Лондона прибыл Луис де Пас, посланник де Куадра. Мария с радостью приняла его.

Елизавета хотела предупредить Мейтланда, что тайные переговоры с испанцами должны прекратиться. На ее гнев можно было бы не обращать внимания, если бы Мария получила поддержку от семьи Гизов. Для нее это была самая благоприятная возможность сбросить путы, которыми так настойчиво оплели ее англичане. Желаемый брак она могла заключить только при условии союза с ведущей европейской державой, а поскольку Екатерина Медичи отказывала ей в помощи, этим союзником, по

ее убеждению, должен стать Филипп II. Аргумент же против эрцгерцога состоял в том, что он — несмотря на то что был Габсбургом и кузеном Филиппа — не обладал достаточным влиянием, чтобы заставить Англию признать право Марии на наследование престола, не говоря уже о том, что Сесил прочил его в мужья Елизавете.

В то время, когда Мария вела переговоры с де Пасом, ее дядя торговался за эрцгерцога. На кардинала не произвели впечатления возражения Марии, и он до такой степени был уверен в своей способности уговорить племянницу, что, не известив ее, отправился в Инсбрук, чтобы подписать соглашение.

Поездка оказалась напрасной. Мария с самого начала не собиралась принимать предложение эрцгерцога, а когда полностью осознала двуличие дяди, то открыто взбунтовалась. Позже она признавалась своей тетке, герцогине Арсхот: «Нельзя сказать, что я не считала это возвышенным и достойным — просто менее полезным в продвижении моих интересов, а также интересов страны, на которую я имею некоторые права».

Неожиданный кризис разразился после того, как сэр Томас Смит, новый английский посол во Франции, сообщил о якобы известных ему условиях соглашения Марии с доном Карлосом. Его ввела в заблуждение неточность французских осведомителей, ошибочно предположивших, что ее дядя разорвал соглашение с папой римским, чтобы отдать Англию дону Карлосу в качестве приданого. Если бы он знал, что Филипп II отвечает на посулы Мейтланда только ради противодействия возможному браку с Карлом IX, и прекратит переговоры, как только окончательно убедится, что Екатерина отвергла эту идею, то у англичан не было бы причин паниковать.

Смит заблуждался, но его сообщение приняли за чистую монету. В марте 1563 г., через три месяца после сокрушительного поражения гугенотов при Дре, когда их лидер Конде был захвачен католиками в плен, противоборствующие стороны заключили мир в Амбуазе. Затем, к ярости и досаде Елизаветы, они объединились, чтобы изгнать английскую оккупационную армию из Нормандии.

Объединенное французское войско начало наступление на Гавр, англичане стойко оборонялись, но против них были плохая погода и чума. К концу июня у них не осталось другого выхода, кроме как сдаться. Это было унизительное поражение, хотя и не полная катастрофа, потому что Гизы не получили столь желанную власть над Нормандией.

Тем не менее удар был достаточно сильным, чтобы убедить Елизавету отказаться от войн на протяжении ближайших

двадцати лет. В международных делах она стала придерживаться изоляционистской политики, что усилило ее решимость диктовать условия замужества Марии. Если Англия должна стать крепостью, то крайне важно изолировать Марию и убедить ее порвать связи с Европой — в противном случае вечная проблема Шотландии как обходного пути в Англию возникнет снова, как она постоянно возникала в правление Генриха VIII.

После вывода войск из Нормандии политика Елизаветы в отношении Шотландии резко активизировалась, сосредоточившись на праве отвергнуть любого предполагаемого мужа Марии, которого та может найти. Когда Елизавета и Сесил узнали о визите кардинала в Инсбрук, Рэндольфу приказали проинформировать Марию, что, если она выйдет замуж за эрцгерцога или кого-либо еще из родственников императора, дружеские отношения с Англией будут разорваны.

Рэндольф доставил это послание в замок Крейгмиллар неподалеку от Эдинбурга, где любила отдыхать Мария, 1 сентября. Услышанное ей очень не понравилось. Она постоянно перебивала Рэндольфа, задавала столько вопросов, что он «за час едва сумел сказать то, что могло быть изложено за четверть часа». Мария потребовала предоставить послание в письменном виде, чтобы она могла как следует обдумать его.

Затем на стол Сесила легло донесение Смита, и Рэндольфа отозвали в Лондон. Мария гневно настаивала на праве знать, какие браки для нее «отбираются». Елизавета жаловалась, что ее кузина королева угрожает предать все гласности. Мария хотела знать, «во-первых, кого позволено выбрать, а кого нет; во-вторых, каковы намерения по части объявления ее титула».

Это превратилось в битву характеров. В идеальном мире Мария должна была проигнорировать Елизавету и поступить согласно своим желаниям. Потребовав — в насмешку — сообщить, за кого ей позволено выйти замуж, она сама вручила английской королеве оружие против нее. Но у нее практически не оставалось выбора. Шотландия была слабой страной — немногочисленное войско и отсутствие финансовых резервов не позволяли вести войну без посторонней помощи. Даже более богатая, низинная часть зависела от торговли с северными графствами Англии. Поскольку Екатерина Медичи отказалась ей помочь, а Филипп II по-прежнему защищал Елизавету, Мария оказалась в безвыходном положении. В то же время она хотела, чтобы ее признали наследницей Елизаветы — так она укрепит законность своего положения и справится со своеволием Нокса и неверных лордов.

В конце 1563 г. Мария отвергла совет дяди выйти замуж за

эрцгерцога, но это не означало разрыв дипломатических связей с континентом. Глубина разногласий с семьей Гизов проявилась в ее исполненной горечи фразе: «Мой дядя действительно меня любит: пока у него все хорошо, ему безразлично, что будет со мной». Но если на поддержку из Франции в данный момент рассчитывать не приходилось, у Марии все еще оставались шансы перехитрить Елизавету и Сесила.

17 ноября Рэндольф получил новые инструкции — огласить ограничения для Марии в выборе мужа. Они оказались настоящим кошмаром. Суть не изменилась — Марии предлагали выйти замуж за человека, предпочтительно английского дворянина, который всецело предан идее дружбы с Англией. Если подходящего кандидата не найдется, ей следует испросить разрешение Англии выйти замуж за иностранца, при условии, что после свадьбы он готов жить в Шотландии. Он должен иметь «естественную склонность и любовь к этому острову» и «не быть сочтен неподходящим» (Елизавета любила использовать двойные отрицания); неподходящими считались «сыны» Испании, Франции или Австрии.

Таков был первый вариант. Затем Елизавета смягчила свою позицию. Она снова прислушалась к своим инстинктам как королевы и как женщины и предусмотрела основу для компромисса. Если Мария последует английскому совету, ее династические права будут восстановлены, в каковом случае «мы, со своей стороны, не откажемся позаботиться о ней как о нашей единственной сестре или как о родной дочери».

Сесила это возмутило. Первым делом он вычеркнул «родной» из последнего предложения. Затем удалил весь последний абзац. «Мы, — написал он вместо этого, — обещаем ей, что если она даст нам основание полагать, что в выборе супруга прислушается к нашему мнению», то «в таком случае мы тотчас приступим к рассмотрению ее права, используя все средства для ее поддержки». Мария должна представить доказательства своего права наследования трона. Затем последует решение суда, который объявит, законны ее претензии или нет. И только после этого, «если мы увидим, что дело решилось в ее пользу», Мария может рассчитывать, чтобы с ней обращались как с «единокровной сестрой или дочерью» Елизаветы.

Поправки Сесила были приняты. Они не только оскорбляли Марию, предлагая, чтобы помазанная королева, правитель независимого государства, признала юрисдикцию английского суда, но и вводили в уравнение абсолютно новый элемент — требование, что ее право должно рассматриваться только через суд.

Невообразимое требование. Обычное стремление к замужеству — и выполнение общепризнанных обязательств женщины-правителя, что Сесил мог только пожелать для своей королевы, — превращало Марию в просительницу. Ее уже рассматривали как главного противника, а теперь она представала как сторона защиты в суде.

Разумеется, это была чрезмерная реакция, отражавшая усиливающуюся в Англии паранойю относительно заговора Гизов и папы римского. Мария до сих пор не нашла мужа, который укрепил бы ее претензии, но теперь она могла возобновить попытки. Однако сначала следовало разобраться с требованиями Елизаветы и Сесила, усилия которых подчинить себе ее саму и ее страну стали такими явными, что уже представляли собой угрозу. Примирение сменилось конфронтацией. Нужно было притвориться покорной, а потом поставить противника перед свершившимся фактом.

12
«Мое сердце принадлежит мне»

В ноябре 1563 г. Елизавета заявила о своем праве отвергнуть выбор Марии и посоветовала ей выйти за английского дворянина. Если Мария откажется, она согласна рассмотреть кандидатуру иностранца, но только не из Испании, Франции или Австрии; однако выдвинутые условия были настолько жесткими, что граничили с оскорблением. Имена пока не назывались. Если Елизавета все это время имела в виду одного из своих фаворитов, то точно об этом ничего не известно.

Сесил пошел еще дальше, потребовав рассмотрения судом династических претензий Марии. Елизавета поддалась на уговоры Сесила, но смягчила удар, отправив Марии знак любви. Это было украшение, кольцо с бриллиантом, которое она «чрезвычайно ценила». За год до того, как Мария окончательно отвергла претензии Англии относительно условий ее брака, ей приходилось вникать в смысл таких неоднозначных, а иногда и взаимно противоречивых знаков.

Когда Рэндольф преподнес кольцо, Мария обрадовалась. Кольцо символизировало роль Елизаветы как ее «возлюбленной» и как будто возвращало время назад, к весне 1562 г., когда на повестке дня была встреча двух «сестер королев» в качестве прелюдии их символического союза. Словно для того, чтобы подчеркнуть эту мысль, Мария «часто смотрела и много раз целовала» кольцо.

Но Рэндольф преподнес подарок раньше, чем огласил условия замужества. Прочтя их, Мария проявила завидное хладнокровие. Не желая сразу протестовать, но желая сменить тон в отношениях с Англией, она дала волю своему озорному чувству юмора, указав на два перстня у себя на руке: один — дар Елизаветы, другой — умершего мужа, Франциска II.

«Вот, — сказала она, — два украшения, которые я буду носить до самой смерти и добровольно никогда не сниму». Этим она давала понять, что оставляет право выбора за собой.

Потом она затеяла игру в шарады, дразня Рэндольфа. Все присоединились к ней, и началась импровизация. Мария начала строчкой: «Рэндольф хочет выдать меня замуж за Англию!» Аргайл или кто-то еще воскликнул: «Королева Англии сделалась мужчиной?» Мария спросила: «Кого из жителей страны Вы пожелали бы мне в мужья?» На что Рэндольф был вынужден, запинаясь, ответить: «Того, кто Вам больше всего понравится.

Возможно, найдется дворянин, которого Вы полюбите?»

Или Мария стремилась и дальше притворяться невинным наблюдателем, желающим угодить английской королеве, до тех пор пока Рэндольф не выразится более определенно — за кого ей советуют выходить замуж.

Все это было безобидно, по крайней мере на первый взгляд. И очень забавляло двор. Рэндольфу, которому строго-настрого запретили называть кандидатов, оставалось лишь уклоняться от ответа или предлагать отправить в Лондон делегацию, чтобы спросить у самой Елизаветы.

Несмотря на хладнокровие Марии, давление на нее все же сказывалось. Целых два месяца она болела. По сообщению Рэндольфа, она страдала от «разного рода меланхолий». Мария старалась скрывать свое недомогание и то, что «часто плачет по малейшему поводу». На свой двадцать первый день рождения она танцевала до глубокой ночи, а затем весь день не вставала с постели. Нокс, как всегда, не преминул обратить на это внимание, однако официальным объяснением была простуда, которую королева подхватила «во время долгой церковной службы».

Но болезнь не отступала. Приближалось Рождество, и Рэндольф сообщал, что «ее болезнь… с каждым днем усиливается». Это первое свидетельство о симптомах, которые указывают скорее на язву желудка, а не порфирию. «Ее боль, — писал он, — сосредоточена справа». Здесь Рэндольф ошибся. Вскоре он исправил ошибку и сообщил, что у королевы болит живот с левой стороны. Она принимала «разные снадобья, и к настоящему времени ей стало немного лучше. В субботу она встала с постели, но не получала удовольствия от общества и ни с кем не разговаривала».

Одной из причин болезни Марии стал Нокс. Она дождалась, когда лорды собрались в Эдинбурге на Рождество, а затем решила нанести удар человеку, которого считала причиной своих бед. Во время летнего турне по стране священник, который служил мессу в личной часовне королевы, подвергся угрозам со стороны двух кальвинистов. Когда их арестовали за нарушение религиозной декларации Марии, Нокс созвал «конвокацию братьев», чтобы их освободить. Его письмо, неявно призывавшее к насилию, показали Марии, которая обратилась к Тайному совету, и большинство признали это письмо изменническим. Марию обрадовала их реакция. Похоже, на этот раз Нокс зашел слишком далеко, и, несмотря на серьезные опасения Мейтланда, его отдали под суд.

Зал заседаний был переполнен. Королеву сопровождали лорды, и, увидев Нокса, стоявшего у противоположного края

стола с непокрытой головой, она впервые улыбнулась, а затем «расхохоталась». Мария была в приподнятом настроении. «Хорошее начало… Этот человек заставил меня плакать, а сам не пролил ни слезинки. Посмотрим, смогу ли я заставить его плакать».

Обеспокоенный Мейтланд зашептал ей на ухо, советуя молчать. Он был убежден, что суд — неудачная затея, и стремился минимизировать ущерб, но Мария жаждала отомстить человеку, которого считала своим непримиримым врагом. Нокса обвинили в заговоре с целью «поднять мятеж» против нее. Пытаясь «собрать» протестантов, чтобы освободить арестованных, он призывал подданных к оружию — то есть угрожал вооруженным сопротивлением законной королеве.

Нокс защищал себя сам. Он настаивал на разнице между законным и незаконным собранием. В этом его поддержал лорд Рутвен, кальвинист, который отметил, что Нокс «почти ежедневно собирает людей, чтобы молиться и проповедовать». Сам Нокс прибавил, что его действия санкционированы церковью, и поэтому он действовал законно, как священник евангелической церкви.

Голосование проходило в отсутствие Марии. Вернувшись в зал суда, чтобы выслушать вердикт, она потребовала повторного голосования. Результат оказался таким же. Причиной был ее незаконнорожденный единокровный брат, граф Морей, который ревновал к Мейтланду. На Тайном совете он выступил за предание Нокса суду, но на судебном заседании использовал свое влияние, чтобы добиться оправдательного приговора. Это был первый открытый акт предательства. Мария снова была унижена. Ее охватили гнев и возмущение — она не могла поверить, что победу украли у нее подобным образом.

Однако Мария старалась извлекать уроки из своих ошибок. В попытке избежать новых конфликтов королева немного ограничила влияние Мейтланда, так что к нему и к Морею снова стали относиться как к равным. Она по-прежнему пыталась поддерживать баланс между фракциями, создав широкую коалицию советников, готовых преодолеть личные разногласия ради интересов королевства, и по большей части ей это удавалось. В Тайном совете, который Мария собирала почти ежедневно, были представлены интересы большинства лордов.

Воодушевившись их поддержкой и не выказывая обиды на двуличие Морея, Мария решила взять себя в руки и снова приступить — после неудачи с доном Карлосом — к поискам подходящего кандидата в мужья. Теперь в фокусе ее поисков была Англия. Она решила проверить Елизавету, высмеяв все ее

неразумные требования. Становилось ясно, что у Марии есть внутренняя потребность в признании ее «величия» не только подданными, но и другими правителями, с которыми она имеет дело.

О начале нового раунда дипломатии Мария прозрачно намекнула в феврале 1564 г. на масленичном маскараде в Холирудском дворце. Такого роскошного и обильного банкета присутствовавшие еще никогда не видели. Им предложили три перемены блюд, причем каждая представляла собой не одно, а сорок или пятьдесят блюд из всех мыслимых сортов рыбы, птицы, дичи и мяса, за которыми следовали желе, пироги, торты, запеченные пудинги. Все это изобилие вносили в зал слуги в черно-белых костюмах. Наряды самой королевы, придворных и четырех Марий тоже были черно-белыми.

Процессию с первой переменой блюд возглавлял мальчик в костюме купидона; звучал итальянский мадригал в исполнении хора Марии. После перерыва, когда гости имели возможность вымыть руки и лица в серебряных чашах и вытереть их белыми льняными полотенцами, подали вторую перемену блюд. Во главе процессии теперь шла красивая девочка, олицетворявшая Целомудрие. Пока слуги раскладывали еду, звучали латинские стихи: панегирик чистой душе и сияющей красоте, которые символизировал ребенок и которые приписывались самой Марии. Третью перемену блюд возвестил мальчик, олицетворявший Время. Хор спел другой дивертисмент, провозглашавший, что любовь и дружба между Марией и Елизаветой не угаснут, пока существуют земля и небо.

На пиру присутствовал и английский посол Рэндольф, который отправил отчет Сесилу. Он постоянно находился между Марией и ее советниками, с которыми вел продолжительные беседы. Его томили предчувствия, потому что прошло уже три месяца после того, как он доставил послание от Елизаветы, а Мария еще не соизволила дать ответ на условия, выдвинутые англичанами относительно ее брака. У него не было другого способа выяснить, что задумала королева, и он был убежден, что лишь Мейтланд в курсе ее намерений.

Символика маскарада, казалось, не оставляла места для сомнений. Однако ответы, данные Марией и ее советниками лично Рэндольфу, оказались более абстрактными, и интерпретировать их было непросто.

Кампанию начал Мейтланд. Он сделал «торжественное заявление» Рэндольфу о любви Марии к Елизавете. Тем не менее, сказал он, было бы намного лучше, если такой трудный и деликатный вопрос, как замужество, обсуждался бы самими

королевами в личной беседе, без вмешательства других. Он явно намекал на Сесила.

Затем в дело вступили Морей и Аргайл. Они, согласовав свои действия с Мейтландом, сообщили Рэндольфу, что поскольку его условия относительно брака Марии являются «несколько обобщенными», то и ее ответ может быть только «неопределенным». Намеренно двусмысленный ответ, мастерский пример риторики, призванной запутать с ответом, — подобную риторику Елизавета, отвечавшая своему парламенту на вопрос о Марии, назвала «ответом без ответа».

Но здесь присутствовала определенная тактика. По совету Мейтланда и Морея Мария пыталась поставить Елизавету в такое положение, когда та будет вынуждена раскрыть карты и назвать имя самого подходящего для нее кандидата на руку Марии. Через неделю после банкета на масленицу Рэндольфа пригласили на приватную беседу с Марией, где он получил ответ на условия, изложенные до Рождества. У него не оставалось выбора: пришлось писать письмо Елизавете, а не отправлять отчет Сесилу, как обычно.

Мария снова воспользовалась приемом самой Елизаветы. Английская королева забавлялась тем, что в неприятных ситуациях запутывала их еще больше — сама говорила одно, а ее советники прямо противоположное. Теперь Мария поступила точно так же. Советники отвечали уклончиво, что не могут заставить королеву согласиться на условия Елизаветы.

Но Марии этого оказалось недостаточно. Она по-прежнему жаждала соглашения, которое признавало бы ее династические права в Англии. Советники, говорила Мария, передавали лишь «слова» ее ответа, но она хочет, чтобы Рэндольф объяснил Елизавете их глубокий «смысл».

«Во все времена правители, — признавалась она, — не могли поступать по своему желанию, но мое сердце непреклонно». Помолчав, Мария подчеркнула, что говорит без «злого умысла» в отношении Елизаветы. Она желает «всего лишь» любви и благосклонности своей сестры и королевы.

Мария на мгновение раскрыла свою душу. В этих словах проявилась вся ее решительность и целеустремленность, сила воли и «величие». Они были обезоруживающе откровенными. Они признавали, что решительность и сила характера не всегда позволяют ей добиться желаемого, даже если она чего-то очень хочет. Тем не менее их истинный смысл в какой-то мере оставался загадкой. Слова намекали, что Мария стремится всегда оставаться собой, независимо от того, какую политику ей приходится вести. И в этом отношении она всегда останется

уклончивой. Ее благие намерения в отношении Елизаветы искренни, но на них не стоит рассчитывать.

Больше всего Рэндольфа поразила искренность Марии. Она говорила прямо, от всего сердца, не хитрила. Ей нельзя было не поверить. «Слово правителя», с убежденностью прибавил он, ценится гораздо выше, чем «изменчивое настроение непостоянных людей».

Рэндольф апеллировал к известной максиме афинского ритора Исократа, любимого классического автора Елизаветы. В отрывке, который английская королева еще ребенком выучила наизусть, он советовал правителям: «Всегда старайся показать, что ты более всего ценишь правду, чтобы твои слова внушали больше доверия, чем клятвы других». Для Елизаветы эти слова всю жизнь оставались нравственной аксиомой. Она снова и снова заявляла в письмах и речах, что ее слова достаточно, потому что слова правителей являются знаками или символами их власти.

Тактика Марии принесла успех. Искренность порождает искренность, и Елизавета отправила Рэндольфу ответ, в котором объясняла, что наиболее приемлемый кандидат в мужья для кузины, по ее мнению, не кто иной, как ее собственный фаворит — лорд Роберт Дадли.

Удивительный ответ. Первый раз имя Дадли в качестве претендента на руку Марии упоминалось на сессии парламента 1563 г. Это была импровизация, а не тщательно обдуманное предложение. Мейтланду, который собирался рассказать о намерениях Марии относительно дона Карлоса, Елизавета порекомендовала присмотреться к достоинствам Дадли, но Мейтланд блестяще парировал намек, заявив, что если лорд Роберт настолько привлекателен в роли мужа, то Елизавета могла бы взять его себе.

Перспектива унаследовать отвергнутого любовника кузины должна была глубоко оскорбить Марию. Рэндольф дрожал от страха при мысли, что ему предстоит передать подобное предложение. Он сделал это во время аудиенции в Перте. После долгого молчания Мария сказала: «Месье Рэндольф, Вы ставите меня в невыгодное положение». Однако она довольно быстро взяла себя в руки, и через несколько секунд ее растерянность сменилась гневом.

«Вы полагаете, мне пристало выходить замуж за подданного моей сестры?» — спросила она. Оскорбительной была даже мысль об этом. Рэндольф усугубил ситуацию, ответив, что не может быть большей чести, чем сочетаться браком с дворянином, «с помощью которого она может унаследовать такое королевство, как Англия».

Мария возмутилась. Какое отношение имеет Дадли к ее

династическим перспективам, если она по праву родства уже стоит первой в очереди наследников?

«Я не стремлюсь получить королевство, — сказала она, — поскольку моя сестра может выйти замуж и прожить дольше меня. Меня заботят мои интересы и интересы моих друзей, которые, полагаю, вряд ли согласятся на то, чтобы я настолько унизилась!»

Мария ясно изложила свою позицию. Она дала отпор тем своим критикам, которые не могли понять, почему после неудачи первых попыток примирения она с такой настойчивостью добивалась признания ее наследницей женщины, которая была всего на девять лет старше ее и вполне могла иметь детей, если решится выйти замуж. Несмотря на кажущуюся нелогичность, это был единственный образ действий, открытый для нее. «Интересы» правителей — это честь и репутация. Для Марии было жизненно важным сохранить их, и с учетом того, какое значение она придавала семейным связям, «согласие» родственников для нее много значило — несмотря на разочарование в них.

Еще важнее для Марии — после недавнего и самого унизительного столкновения с Ноксом — было убеждение, что после признания ее династических прав шотландские лорды и кальвинисты будут подчиняться ей так, как она того желала. Ей требовалась дружба Елизаветы, чтобы противостоять двуличию лордов и утвердить легитимность своего правления в собственной стране. И поскольку Нокс только что завершил очередной раунд переписки с Сесилом, используя Рэндольфа в качестве посредника, для нее это был насущный вопрос.

Сначала Мария беседовала с Рэндольфом в присутствии советников, но затем приказала им удалиться — всем, за исключением четырех Марий.

«Значит, месье Рэндольф, — произнесла она решительным и уверенным тоном, — Ваша госпожа искренне желает, чтобы я вышла замуж за милорда Роберта?» Рэндольф заверил ее, что так и есть. «Значит ли это, что она, желая выдать меня за своего подданного, исполняет обещание относиться ко мне как к сестре или дочери?» — «Вполне возможно», — ответил Рэндольф.

«Будь я ее сестрой или дочерью, — спросила тогда Мария, — не лучше ли было с ее стороны предложить брак, результатом которого может стать союз и дружба, нежели выдавать меня замуж так, что это не будет способствовать укреплению ни того ни другого?»

Рэндольф колебался. Затем ответил: «Главный союз, которого желает моя повелительница, — это дружба с Шотландией».

«Если королева, Ваша госпожа, — сказала Мария, — доверяет

мне, то может позволить выйти замуж за того, кто мне по душе, и наша дружба сохранится навечно».

Мария снова умолкла, обдумывая дальнейшие слова. «Все это еще не решено», — наконец сказала она. Риск был велик, а гарантий никаких. Она не собиралась выходить за Дадли просто потому, что так сказала кузина. Но и полностью не отвергала предложение. Ей требовалось все тщательно взвесить. Мария не хотела давать окончательный ответ.

Пока Рэндольф обдумывал ее слова, появились лорды, и все отправились ужинать. Потом дискуссия продолжилась в покоях Марии, при свечах. Страсти накалились, и Морей уже не мог сдерживать себя. Его язвительное замечание рикошетом ударило и по самой Марии. Он поддел Рэндольфа, что отражало растущее напряжение. Лорды понимали, что любой, за кого выйдет замуж Мария, станет королем и будет способен разрушить их карьеры.

«Почему бы, — обратился Морей к Рэндольфу, — Вам не убедить выйти замуж свою госпожу, а не беспокоить за ужином нашу голодную королеву?» Тут Морей проявил себя во всей красе: грубым, хитрым, циничным, расчетливым, мастером едва прикрытого оскорбления. Мария рассмеялась и вышла.

Конечно, с точки зрения Елизаветы кандидатура Дадли была логичной. Выйдя за него, Мария оказалась бы в подчинении у мужчины протестантского вероисповедания, на которого английская королева всегда могла положиться, которого по-прежнему любила и верила, что он не предаст ее. Гораздо более экстравагантной была ее идея о том, как это можно осуществить. Не решаясь отпустить от себя Дадли, она высказала нелепое предложение о «жизни втроем», или об общей королевской «семье». После свадьбы Мария, Дадли и Елизавета все вместе станут жить при дворе Елизаветы, и английская королева будет оплачивать расходы на «семью» — именно так, по ее словам, должна вести себя «одна сестра» по отношении к «другой».

И это была не уловка, чтобы затянуть переговоры и помешать браку Марии с возможным претендентом из Европы; Елизавета предлагала это всерьез. Из всех ее планов именно этот больше всего похож на фантазию и опровергает традиционное представление, что она всегда хитрила и не принимала решений, поддавшись чувствам. Как печально заметил Рэндольф, представление Елизаветы о счастливых семьях превратило «эту комедию» с браком Марии в «настоящую трагедию».

Остаток весны и начало лета 1564 г. Мария посвятила укреплению своих позиций. Она использовала две тактики. Первая заключалась в том, чтобы капитализировать свой самый ценный актив: популярность у простых людей Шотландии,

наиболее ярко проявившуюся во время летних поездок по стране после возвращения из Франции. Любимая народом королева имеет все шансы быть сильной. Она являет собой «источник справедливости», отвечающий за беспристрастное применение законов, и Мария воспользовалась этим, чтобы посрамить Нокса и кальвинистов, когда группа бедняков пожаловалась на судей Сессионного суда, многие из которых были друзьями Нокса. Судей обвиняли в том, что они выносят решения в пользу богатых и влиятельных, причем даже не разбирают дела друг друга, своих друзей и родственников.

Сессионный суд, основанный дедом Марии, Яковом IV, должен был регулярно заседать в Эдинбурге и рассматривать судебные дела максимально быстро и беспристрастно. Этот высший судебный орган, независимый от короны и впоследствии вошедший в состав Судебной палаты, был призван действовать профессионально и подавать пример всем остальным судам Шотландии. Однако вопреки возложенным на них обязанностям, судьи Сессионного суда игнорировали бедных участников судебного процесса, которые не могли оплатить справедливость.

Мария решила, что пора вмешаться. Она издала указ с требованием к Сессионному суду собираться чаще, чтобы разбирать тяжбы бедняков. Всем судьям предписывалось заседать не меньше трех дней в неделю «как до полудня, так и после полудня». С учетом повысившейся нагрузки Мария щедро повысила их жалованье. Однако она ясно дала понять, что ждет отправления правосудия без страха или пристрастия. Однажды в пятницу днем королева без предупреждения явилась в зал судебных заседаний, чтобы посмотреть, как рассматриваются дела бедняков. Все это было похоже на рекламную акцию и направлено на опровержение слов Нокса, что королева интересуется только танцами и куртуазными глупостями, а не благополучием своих подданных.

Вторая тактика Марии весной 1564 г. заключалась в том, чтобы исподтишка нанести удар по Елизавете и попытаться дестабилизировать Англию. В прошлом году Елизавета просила о любезности и обратилась к Марии, спрашивая, согласна ли та выдать графу Ленноксу, который принес столько неприятностей Шотландии при Генрихе VIII, паспорт для возвращения из долгой ссылки в Англии. Это был абсолютно лицемерный поступок. Елизавета не испытывала дружеских чувств к Ленноксу, жену которого, леди Маргариту Дуглас, лишь недавно выпустили из Тауэра. Елизавета вступилась за Леннокса в разгар попыток Марии выйти за дона Карлоса, чтобы досадить ей.

Обращаясь с такой просьбой, Елизавета играла с огнем.

Сыном и наследником Леннокса и его жены был Генри, лорд Дарнли: семнадцатилетний, необыкновенно красивый и имеющий самые веские, после самой Марии, основания претендовать на английский трон. Когда Елизавета обратилась за паспортом, никто не предполагал, что Дарнли будет сопровождать отца в Шотландию. Наоборот, он должен был остаться при королевском дворе, где за ним можно приглядывать — фактически под домашним арестом. Ему позволялось прислуживать Елизавете, для которой он по вечерам пел и играл на лютне. Но не последует ли Дарнли за отцом, когда тот вернется в Шотландию? А если последует, может ли он стать претендентом на руку Марии?

Идея выглядела фантастической, и Рэндольф сразу же отверг ее. Затем, в последнюю неделю апреля 1564 г., Мария решила, что поймает Елизавету на слове, и выдала паспорт Ленноксу, позволив ему вернуться в родовое поместье. Близкий друг Нокса, Уильям Киркалди, писал из Перта: «Граф Леннокс получит разрешение вернуться домой и обратиться к королеве. Ее намерения неизвестны, однако подозревают, что ее наконец убедили выбрать его сына».

С этого момента многие начали смотреть на Дарнли как на вероятного мужа Марии. Скорее всего, и для Елизаветы он был самым неподходящим кандидатом. Если Мария выйдет за него замуж, ее позиции как наследницы престола значительно укрепятся, поскольку он мужчина и рожден в Англии, и, следовательно, отпадают два главных возражения, выдвинутых парламентом в 1563 г.: Мария была женщиной и иностранкой.

Дарнли не был протестантом, но и фанатичным католиком тоже. Он не слишком серьезно относился к своей вере и мог утром прийти на католическую мессу, а вечером на протестантскую проповедь, не видя в этом никакого противоречия. Это делало его не таким опасным, как дон Карлос или даже эрцгерцог Карл. Кроме того, он обладал привлекательной внешностью. На четыре года младше Марии, больше 1,80 м ростом, такой же стройный и ловкий, как Леннокс, когда тот последовал за Марией де Гиз из Стирлинга в Эдинбург и Сент-Эндрюс. Лицо у него было более нежным, чем у отца, но это еще не стало предметом пересудов.

Согласившись впустить Леннокса в Шотландию, Мария тут же предложила Рэндольфу план, согласно которому две королевы должны назначить представителей для встречи на границе, в Берике, чтобы обсудить условия возможной женитьбы Дадли. Елизавета тут же запаниковала. Мария бросала ей вызов. Она уже жалела о том, что попросила Марию разрешить Ленноксу вернуться. Но сделанного не воротишь, и Елизавета не могла

отказаться от того, что предложила сама. Она — втайне, как ей казалось, — обратилась к Мейтланду и Морею с просьбой помешать возвращению Леннокса, однако они отвергли ее намеки и с удовольствием сообщили о них Марии, которая почувствовала себя намного увереннее.

Летом 1564 г. Мария намеренно сделала так, чтобы оказаться за пределами досягаемости английского двора. Она оставила Елизавету в неизвестности и отправилась в очередное путешествие, в этот раз на самый север Шотландии, сначала в Инвернесс, оттуда в Гартли графства Аридиншир, а затем в Истер-Росс. Она пыталась связать говорящие на гэльском горные районы страны с Шотландской низменностью, где жители говорили на среднешотландском диалекте английского, — посредством верности королеве. И ее план сработал, поскольку в каждом пункте маршрута хозяева устраивали ей пышную встречу и не скупились на развлечения. Помогло приказание придворным носить традиционную для горных районов одежду, а также любовь королевы к губной гармошке и поэзии бардов. Она с удовольствием слушала игру на волынке, которая даже в большей степени, чем губная гармошка, являлась символом идентичности и культуры шотландских горцев.

К тому времени, когда Мария вернулась в Эдинбург, произошел еще один неожиданный поворот. Екатерина Медичи, не будучи уверена, закончились ли попытки Марии выйти за дона Карлоса, и желая предотвратить будущий кризис, отправила Мишеля де Кастельно, сеньора де Мовиссье, с посланиями как к Елизавете, так и к Марии.

После совместной победы католиков и гугенотов над англичанами в Гавре Екатерина усердно проводила политику мира. Она стремилась к установлению мира как в самой Франции, так и за ее рубежами; особенно ей хотелось достичь мира с Британскими островами, чтобы гарантировать англо-французское *согласие*. Поэтому Екатерина предложила новый двойной союз: Елизавета выйдет замуж за Карла IX, а его младший брат и наследник Генрих, герцог Анжуйский, возьмет в жены Марию.

Когда Кастельно изложил этот план Елизавете, та ответила шуткой. «Король, — со смехом сказала она, — одновременно слишком велик и слишком мал!» Она имела в виду, что Франция гораздо могущественней Англии, тогда как четырнадцатилетний Карл слишком юн для тридцатилетней Елизаветы. У нее не было желания выходить за Карла. Если она покинет страну, то превратится в отсутствующего правителя, а король Франции вряд ли захочет жить в Англии. Елизавета попросила Кастельно

поблагодарить Екатерину за оказанную честь и повторила свои слова о поддержке англо-французского *согласия*.

У Марии французского посланника ждал более холодный прием. Ей вскоре должно было исполниться двадцать два, а герцогу Анжуйскому не было и тринадцати. Однако причиной недовольства Марии стало вовсе не это. Она отвергла предложение Екатерины не из-за разницы в возрасте, а потому, что считала его недостойным. Это был утешительный приз. Как отмечал в своем докладе Кастельно, у Марии «широкая и беспокойная душа, как и у ее дяди, кардинала Лотарингского». Предложение было недостаточным для ее «величия». Несмотря на это, посланник нашел ее абсолютно «очаровательной»: женщина «в расцвете юности», которую «уважали и почитали подданные».

Кастельно уже был знаком с Марией; он видел, как она росла при дворе Генриха II. Он привез ей письма от ее родственников, Гизов, и королева постепенно смягчилась, хотя приводила все более убедительные причины отвергнуть предложение. «Из всех королевств и государств мира, — сказала она, — ни одно не трогает моего сердца больше, чем Франция, где я воспитывалась и удостоилась чести быть королевой… Но я не могу представить, что вернусь туда в низшем качестве, и в любом случае если я оставлю мое королевство, Шотландию, без присмотра, то рискую потерять его».

Мария решительно отказалась даже думать о браке с принцем, который, по ее мнению (как выяснилось, ошибочному), не имел перспектив унаследовать трон. Следующим ее шагом стала отправка к Елизавете посла, своего постельничего, сэра Джеймса Мелвилла. Он выехал из Эдинбурга в конце сентября, с инструкциями от королевы: сначала сгладить эффект от сердитого письма Марии, протестовавшей против тайных попыток кузины помешать возвращению Леннокса, а затем приготовиться защищать ее династические права перед парламентом, заседание которого планировалось на октябрь. И наконец, Мелвиллу было поручено провести тайную встречу с графиней Леннокс, чтобы Дарнли получил паспорт для путешествия на север.

Мария по-прежнему делала вид, что раздумывает над кандидатурой Дадли как будущего мужа, но втайне изучала перспективу брака с Дарнли, династические права которого при объединении с ее династическими правами делали ее претензии на английский трон практически неотразимыми — если будут соблюдаться правила престолонаследия.

Когда Мелвилл добрался до дворца Уайтхолл, там его ждал почетный прием. Елизавета осыпала его комплиментами и удостоила доверительных бесед, иногда по три раза в день. Он

был польщен таким приемом, хотя и понимал, что все это часть большой игры. На самом деле его визит был организован так, чтобы все разговоры вращались вокруг Дадли.

Например, Елизавета пригласила Мелвилла в свою опочивальню, где хранилось ее собрание миниатюрных портретов, под предлогом, что она «часто радуется», глядя на портрет Марии. Но когда несчастный посол появился в королевских покоях, верхней миниатюрой оказался портрет Дадли, аккуратно завернутый в шелковую бумагу, на которой Елизавета собственноручно сделала надпись.

Надпись гласила: «Портрет моего господина». Пожалуй, это самое откровенное из возможных выражений любви. Но больше всего Мелвилла озадачил тот факт, что королева показывала ему надпись, одновременно расхваливая достоинства Дадли в качестве мужа для Марии. Это отражало колебания самой Елизаветы, которая не была уверена, что избрала верную стратегию.

Затем Мелвиллу пришлось ответить на подробные вопросы о Марии. Как она одевается? Какого цвета ее волосы? Насколько она красива? Какой у нее рост? Чем она любит заниматься в свободное время? Умеет ли она играть на клавесине? Казалось, вопросам не будет конца. Патриотичному и верному Мелвиллу с трудом удавалось описывать свою королеву, не слишком усердствуя в похвалах, чтобы не обидеть тщеславную и ревнивую Елизавету.

Прошло девять непростых дней, и Мелвилл засобирался в обратный путь. Он очень устал, но был вынужден остаться, чтобы присутствовать при даровании Дадли титула графа Лестера, чтобы он мог претендовать на руку Марии. На церемонии Мелвилл и французский посол заметили, как Елизавета коснулась шеи преклонившего пред нею колена фаворита.

Это выглядело как еще одна изощренная королевская загадка. Более сложная часть миссии Мелвилла была связана с Дарнли. Елизавета начала опасаться его. После появления слухов о возможной женитьбе на Марии его авторитет резко пошел вверх, и Елизавета отреагировала странно, решив возвысить его. На церемонии присвоения Дадли дворянского титула он нес меч, а также был приглашен на официальный прием.

На прямой вопрос о том, каково мнение Марии о Дарнли, Мелвилл ответил уклончиво. «Уважающая себя женщина, — сказал он, — не выберет того, который больше похож на женщину, чем на мужчину, чрезвычайно сладострастного, безбородого, с девичьим лицом». Это был правдоподобный ответ, поскольку утонченный и изысканный Дадли отличался

безрассудством, распущенностью, гордостью и упрямством. Почти никто не сомневался в его бисексуальности — такова была мода среди молодых, склонных к чувственным удовольствиям придворных во Франции. Современники умели иносказательно описать сексуальную распущенность, и шутка, когда Дарнли называли «петушок-курочка», была понятна по обе стороны Ла-Манша. Кардинал Лотарингский выражался более вежливо, назвав его «блестящим бездельником».

Вернувшись в Эдинбург, Мелвилл обнаружил, что Леннокс его опередил. Граф высоко поднялся в глазах Марии и занимал одну из лучших комнат в Холирудском дворце. Его поместья, традиционно сосредоточенные в районе Клайда вокруг Глазго, были конфискованы двадцать лет назад, когда Леннокс перешел на сторону Генриха VIII, но 16 октября все земли графу вернули. Мария «очень ласково» говорила со своими советниками, чтобы добиться их согласия. Лорды в парламенте утвердили это решение, чтобы угодить королеве, но Аргайл предупредил, что у Леннокса есть враги, которые неизбежно станут роптать, если ему позволят возвыситься над ними.

Мария не желала слушать подобных возражений. Она наслаждалась иронией ситуации, объявляя, что граф реабилитирован «по просьбе ее дражайшей сестры Елизаветы».

Тем временем Леннокс укреплял свои позиции. Его жена использовала Мелвилла в качестве курьера, чтобы отправить роскошные подарки Марии и ее лордам. В числе подарков для Марии были «великолепное и богатое украшение» — часы и украшенное драгоценными камнями зеркало. Мейтланд и Атолл получили по перстню с большим бриллиантом, а четыре Марии — «милые вещицы», которые Леннокс «счел подходящими». Морей, заклятый враг Ленноксов, не получил ничего — это была намеренно данная пощечина.

Возможно, подарком Марии был знаменитый медальон Леннокса. По свидетельству Рэндольфа, всякий, кто его видел, находил украшение необыкновенным; кроме того, в нем содержалось зашифрованное послание, которое должна была оценить Мария. Драгоценный медальон, предназначенный для того, чтобы его носили на шее на золотой цепочке или ленте, был выполнен в форме золотого сердца. На лицевой стороне изображена корона, увенчанная тремя белыми лилиями на лазурном фоне и украшенная тремя рубинами и изумрудом. Под короной располагалось сердце с крыльями и огромным сапфиром в центре. Сердце и корона поддерживались четырьмя фигурами в классическом стиле, символизирующими Веру, Надежду, Истину и Победу. По краю медальона вилась лента с девизом: «Тот, кто

терпеливо надеется, увидит победу своих притязаний».

Украшенная драгоценными камнями корона откидывалась, и на внутренней стороне крышки открывались взгляду два сердца и двойной узел, пронзенные стрелами купидона, а над ним девиз «То, что мы решаем». В углублении под короной находится монограмма «MSL» (Мэтью и Маргарита Стюарт Леннокс), выполненная в белой, синей и красной эмали. На внутренней стороне крышки в виде сердца с крыльями были изображены две соединенных в рукопожатии руки, держащие зеленый охотничий рог на красных шнурках; по краю написан девиз: «Смерть отступит». В углублении под крышкой можно увидеть череп с двумя перекрещенными костями.

Внутренняя и обратная стороны медальона прославляли брак Леннокса и леди Маргариты Дуглас. Как бы то ни было, смысл послания состоит в победе «притязаний», провозглашенной в девизе, окружающем фигуры в классическом стиле. В XVI в. слово «притязания» не имело уничижительного оттенка. Тот, кто «претендовал», заявлял претензии на то, на что, по его мнению, имел право. Эта надпись, скорее всего, относилась в первую очередь к претензиям Марии на английский трон, во вторую — к претензиям самого Дарнли, а сердце с крыльями в центре медальона могло намекать на объединение их претензий.

Независимо от того, было ли преподнесенное Марии «великолепное и богатое украшение» именно этим медальоном, в конце 1564 г. она решила отобрать Дарнли у Елизаветы. Ее план стал реализовываться после встречи английских и шотландских представителей, которая состоялась в Берике в ноябре.

Переговоры начал Мейтланд. Он предложил, чтобы Марии было позволено выбрать мужа по своему вкусу, с некоторыми ограничениями, а в обмен ее признают наследницей Елизаветы. Начало оказалось неудачным. Но его следующее предложение — Марию признают наследницей и подтвердят ее статус как «второго человека в стране» в обмен на то, что она немедленно откажется от католичества и выйдет замуж за Дадли, — оказалось щедрее, чем кто-либо мог посчитать приемлемым.

Хотя брак с Дадли нельзя назвать идеальным, это было серьезное предложение со стороны Шотландии. Если Марию признают наследницей Елизаветы, она выйдет за Дадли, и это станет ценой династического соглашения. Но когда доклад английских представителей прибыл в Лондон, все снова запуталось. Перспектива назвать конкретного человека в качестве своего наследника заставила Елизавету пойти на попятную. Нельзя сказать, что она возражала против Марии, — просто в ней опять проснулись прежние страхи.

Сесил, всегда возражавший против соглашения с Марией, не стал убеждать Елизавету сдержать данное слово. Вместо этого он написал уклончивое письмо Мейтланду и Морею, в котором попытался заменить четкое и недвусмысленное обязательство, данное англичанами, на ни к чему не обязывающее заявление, призывающее шотландцев двигаться по пути «дружбы», а не по пути «договоров». Был затронут и «щекотливый» вопрос о «правителях, определяющих своих наследников»: фундаментальная проблема «савана» Елизаветы. Сталкиваясь с необходимостью назвать наследника, она пугалась.

В канун Рождества Мейтланд и Морей составили полный сомнений ответ. Они опасались, что соглашение окажется под угрозой и что Сесил воспользуется возможностью вернуться к своему предложению о судебном рассмотрении прав Марии. Шотландцы были откровенны. Сесилу следует знать, что без гарантий прав Марии на престолонаследие граф Дадли не является «подходящей парой» для королевы, даже если его сделают герцогом, наградив титулом выше графского.

Именно это стало камнем преткновения. Дворянский титул Дадли пожаловала Елизавета. Всем, что у него имелось, он был обязан ей. У него не было наследственных поместий, и он не мог претендовать на трон. Более того, он был сыном осужденного и казненного изменника, поскольку его отцом был тот самый герцог Нортумберлендский, который организовал неудачный переворот в пользу протестантки, леди Джейн Грей, до того, как в 1553 г. королевой стала Мария Тюдор.

Дарнли же, наоборот, выглядел во всех отношениях подходящей кандидатурой: отпрыск королевского дома Тюдоров, династические права которого были бесспорными, особенно если объединить их с правами Марии. Королева Шотландии делилась своими мыслями с Рэндольфом: «Во все времена правители не могли поступать по своему желанию, но мое сердце непреклонно». Она хотела оставаться собой, хотя бы в чем-то. Теперь она наконец освободится от давления англичан. Несмотря на то что Дарнли оставался подданным Елизаветы, он вскоре должен был пересечь границу Шотландии. Мария еще окончательно не решила, выйдет ли она за него. Одно дело отбить его у Елизаветы, а совсем другое — выйти за него замуж. Но Дарнли был ее страховым полисом, который она введет в шотландскую политику, где он станет препятствием для попыток Елизаветы и Сесила диктовать ей выбор мужа.

Мария пока еще не знала, как этого добиться. Но, к ее удивлению, в конечном счете все разрешилось само собой. Фиаско при английском дворе, за которое Елизавета будет до

конца дней корить себя, отправило Дарнли в Шотландию, прямо в объятия Марии.

13
Удобный брак

Английская политика в отношении Марии терпела неудачу, и Елизавета теряла самообладание. 23 сентября 1564 г. она написала Сесилу, который болел и не выходил из дома, и попросила совета. Это была самая бессвязная и нерешительная записка из всех, которые она когда-либо написала. Как всегда, Елизавета писала на латыни, языке, к которому она прибегала, когда не знала, что сказать:

> Я в таком лабиринте, что не знаю, как мне взяться за ответ королеве Шотландии после такого долгого ее молчания. Я не знаю, какой ответ удовлетворит ее, и не представляю, что мне теперь сказать.

Сесил подшил записку в архив, сопроводив загадочным замечанием: «К[оролева] написала мне, когда я был болен».

План брака с Дадли обернулся настоящей катастрофой. До сих пор никто не удосужился спросить мнение самого лорда Роберта, а он не изъявлял никакого желания жениться на Марии и жить в Шотландии. Он ронял странные намеки, делал все возможное и соблюдал все предосторожности, чтобы избежать подобной чести. Он не мог отказаться взять в жены Марию, если Елизавета напрямую спросит его об этом, и поэтому осторожно занялся поиском альтернативной кандидатуры. По мнению Дадли, идеальным претендентом был Дарнли, уроженец Англии и предположительно верный Елизавете, и именно его кандидатуру поддерживал он сам и его друзья.

Одним из наставников Дадли был Трокмортон. Убежденный протестант, он не соглашался с оценкой Сесила той угрозы, которую представляла Мария для безопасности Елизаветы. С тех пор как Мария покинула Францию, он доказывал, что ее следует признать в качестве наследницы английского трона при условии вечного союза с Англией.

Трокмортон лоббировал кандидатуру Дарнли, чтобы снять Дадли с крючка. К концу декабря Сесил мог написать «проект», чтобы подтолкнуть Елизавету в этом направлении. У нее, полагал он, «не было склонности к этому», однако королева показала, что он ошибается. Она далеко не всегда соответствовала образу опытного и хитрого политика и правителя, который принимает решения разумом, а не сердцем. Разумеется, это был

протестантский стереотип. Нокс заявлял, что Елизавета правит разумом, а Мария — сердцем, потому что протестантская королева, в отличие от католической, была «исключительной» личностью, способной преодолеть слабости своего пола.

Но зимой 1564/65 г. Елизавета правила сердцем, позволяя чувствам определять политику. Несмотря на то что английская королева сама назвала имя Дадли в качестве наиболее подходящего претендента на руку Марии, теперь она передумала, потому что, если Дадли на самом деле уедет в Шотландию, она отдаст сопернице единственного мужчину, которого любила. После встречи в Берике она была недовольна и считала, что Мария активно ищет возможности украсть у нее Дадли!

В начале февраля 1565 г. Дарнли получил разрешение посетить отца. Документ действовал лишь несколько дней, но этого было достаточно, чтобы пересечь границу страны. В конечном счете Елизавета решила, что лучше бы на шотландской королеве женился он, а не Дадли. Марии оставалось только сидеть и ждать его прибытия. Когда он благополучно добрался до Шотландии, она получила от Елизаветы то, что хотела.

После этого уже никто не предполагал, что Мария выйдет за Дадли. Одно было несомненно: она действительно намеревалась выйти замуж. События ускорились во время ее визита в Сент-Эндрюс в начале февраля. Ее сопровождал Рэндольф, и она беседовала с ним после ужина у камина.

«Вы знаете, — сказала она, — что для меня невозможно не выйти замуж. Если долго откладывать, это повлечет за собой множество неудобств». Мария приняла решение. Однако не обошлось и без сожалений. Она мягко намекнула послу, что все могло быть иначе, если бы поступки Елизаветы соответствовали ее словам — то есть если бы она относилась к Марии по-женски и по-сестрински.

«Насколько лучше было бы, — заметила она, — если бы мы, две королевы, близкие родственницы и соседи по одному острову, были друзьями и жили как сестры, а не отдалялись бы друг от друга по странным причинам, что приносит страдания нам обеим».

Рэндольф запротестовал, настаивая на неизменности дружеских чувств Елизаветы, но Марию невозможно было обмануть. Это всего лишь слова. «Конечно, — заметила Мария, — мы можем сказать и даже пообещать, что вопреки всему останемся друзьями, но это лишит нас обеих власти!»

Мария сожалела об упущенной возможности. Две женщины, две королевы могли работать вместе на благо Британских островов и добиться «значительных успехов». Теперь на этом пути

появилось множество препятствий, в том числе и ее замужество.

Это была классическая дилемма для женщин-правителей. Должны ли они выходить замуж и рожать детей, исполняя ожидания своих советников и подданных и обеспечивая наследственную передачу власти в своей стране? Или им следует оставаться одинокими и сохранять независимость? Непростой вопрос, но для Марии выбор был еще более сложным. Даже если Елизавета уже приняла решение не выходить замуж, она отказывалась позволить Марии превзойти ее в том, что касается брака. Если кузина выйдет замуж, соперничество между ними только усилится.

Мария начала готовить себя к решающему шагу. По всей видимости, она твердо решила выйти за Дарнли. Если соглашения с Англией достигнуть не удастся, почему бы не заключить союз с мужчиной, права престолонаследия которого, соединенные с ее правами, сделают их династические претензии бесспорными?

Она явно что-то замышляла. Чтобы погасить слухи о ее намерении выйти за католика, она повторила свое заявление 1561 г., подтверждающее религиозное *status quo*. Кроме того, Мария отправила в отставку своего личного секретаря Роле. Он был вассалом Гизов и единственным человеком, у которого имелся ключ от черной шкатулки, где хранились секретные документы Марии. Место Роле занял Давид Риччио, молодой придворный и музыкант из Пьемонта, который прибыл в Шотландию в составе свиты посла герцога Савойского и остался при дворе Марии, исполняя партию баса в ее хоре.

Отправив Роле домой, во Францию, Мария продемонстрировала заботу о секретности. Она не хотела, чтобы копии ее личных писем попали к дяде, кардиналу Лотарингскому. По неизвестной причине Роле попал под подозрение. Через месяц, когда он собирался взойти на палубу корабля в Лите, у него конфисковали сундук со всеми книгами и бумагами.

Мария впервые встретилась с Дарнли зимой. Встреча состоялась в субботу 17 февраля 1564 г. в местечке под названием Уэмисс, крошечной прибрежной деревушке в Файфе. Рэндольф написал в Лондон из Эдинбурга, информируя Дадли, что его замена благополучно прибыла. Сэр Джеймс Мелвилл, будучи свидетелем встречи Марии и Дарнли, сообщил, что Мария «хорошо приняла» Дарнли, и прибавил, что «он сложен лучше, чем любой другой высокий мужчина, которого она когда-либо видела».

Может, это было физическое влечение? Дарнли льстил себе, что это действительно так. Он провел две ночи в том же доме, что

и Мария, а затем отправился в Данкелд к своему отцу, графу Ленноксу. По прибытии он первым делом написал благодарственное письмо Дадли, заверяя, что готов для него на все, «как для собственного брата».

Проведя пять дней в Данкелде, Дарнли вернулся и успел на тот же паром, на котором Мария пересекла залив Ферт-оф-Форт. 26 февраля он предпринял решительный шаг: прослушал проповедь Нокса в соборе св. Джайлса, а затем отобедал с Мореем и Рэндольфом, которые приходили в собор каждую неделю. Вечером в Холирудском дворце он танцевал гальярду с Марией. Все взоры были обращены на них, но реакцию Марии определить было невозможно. Она тщательно скрывала свои мысли и чувства.

Внезапно погода испортилась. За сильными метелями последовали жестокие морозы, которых не видели здесь с той зимы, когда Мария родилась. В первую неделю марта дороги Шотландской долины оставались непроезжими. Но Дарнли наслаждался жизнью. Поскольку ни о каких путешествиях не могло быть и речи, двор предался веселью — устраивались роскошные пиры и маскарады. Дарнли участвовал во всех развлечениях, и его изящные манеры «очень понравились»; как писал Рэндольф Сесилу, он «ведет себя так, что заслуживает всяческих похвал».

Мария пока не уделяла особого внимания Дарнли, и поэтому Рэндольф мог его хвалить. Она обращалась с Дарнли любезно, но не более того. Королева все еще тянула время. Она просила Рэндольфа дать окончательный ответ относительно намерений Елизаветы. К середине марта Мария сделалась нетерпеливой и раздражительной, ежедневно спрашивала его, когда можно ждать ответа.

Елизавета отправила письмо 5 марта, но из-за снежных заносов оно пришло в Эдинбург только 14-го. Вскрыв пакет, Рэндольф понял, что неприятностей не избежать. Ему потребовалось два дня, чтобы собраться с духом и передать сообщение. Елизавета продолжала настаивать на своем. Что касается династических претензий Марии, то «ничего не будет решено до тех пор, пока Ее Величество [Елизавета] не выйдет замуж или не объявит о своем решении никогда не вступать в брак».

Это была настоящая бомба. Елизавета отвергала все, на чем строилась англо-шотландская дружба, и высмеивала политику умиротворения, которой придерживалась Мария в отношении Елизаветы. Когда английская королева заявила о праве вето на брак Марии и назвала Дадли в качестве желаемого претендента на ее руку, никто не сомневался, что согласие будет

вознаграждено признанием Марии наследницей английского престола. Теперь правила изменились, и все зависело от решения Елизаветы относительно собственного замужества, которое, скорее всего, так и не будет принято.

Мария выслушала молча, затем дала волю гневу, заявив, что Елизавета играла с ней в кошки-мышки, введя в заблуждение, заставила впустую потратить время. «Такой ответ, не содержащий ничего, — сказала она, — я считаю большой ошибкой и боюсь, что это скорее ее бесчестье, чем моя потеря». «Я была очень привязана к моей сестре, Вашей госпоже; видя, что теперь это невозможно, я не изменю доброго расположения к ней, но с этих пор уже не буду рассчитывать на нее и доверять ей».

Затем она вышла из зала и отправилась на охоту. Рэндольф пытался успокоить Морея, который «почти обезумел» от ярости. Мария, полагал он, будет действовать самостоятельно, и Шотландия окажется в опасности. И это «печалило» его больше, чем все остальное. Мейтланд, которого посетил Рэндольф, тоже расстроился, хотя, всегда рассудительный и дальновидный, он втайне надеялся, что все уладится.

Расставшись с Рэндольфом, Мария дала волю слезам. Потом посол снова попытался получить у нее аудиенцию, но королева отказала ему и удалилась в свои покои. Он вернулся к Мейтланду и Морею, убеждая их не спешить, однако они прервали его, и кто-то из них сказал: «Жребий брошен».

На следующий день Мария отправилась в дюны у Лита, где смотрела, как Дарнли с товарищами играет в «кольцо». Она подошла к Рэндольфу и «со слезами на глазах» заявила, что любит свою «сестру королеву», которой должна «подчиняться так же, как моей дорогой матери». Это был просто комплимент со стороны Марии, которая имела все основания для обиды, но ни в коем случае не новая попытка примирения, а скорее начало разрыва. Она закончила разговор просьбой выдать дипломатический паспорт Мейтланду. Мария собиралась отправить его со срочным поручением во Францию — через Англию. Рэндольф видел опасность, но не смог переубедить королеву. Никто, за исключением самой Марии, не знал цели поездки Мейтланда, но Рэндольф предполагал, что это была консультация с семьей по поводу планов замужества.

Елизавета пребывала в растерянности. Она недооценила воздействие своего письма, которое спровоцировало, как представляется, окончательный раскол по вопросу, который казался урегулированным, — между взглядами Сесила и ее собственными. Сесил всегда хотел связать вопрос о престолонаследии с религией, но Елизавета проявляла большую

гибкость, разделяя политику и религию и предпочитая Марию обесчещенной леди Екатерине Грей. Но если соглашение будет иметь ненадежную основу, разница в подходах станет несущественной.

Следовало принять во внимание и другую, более близкую опасность. Возвращение Леннокса и Дарнли в Шотландию вызвало перераспределение сил между фракциями лордов. Морей, Аргайл и Шательро сделали первый шаг, подписав договор, в котором обещали взаимную поддержку и сопротивление браку Марии с католиком. Они скрыли свое недовольство под заявлениями в защиту религии, но на самом деле подозревали, что Леннокс хочет посадить на трон своего сына и тем самым лишить их власти.

Леннокс тут же начал искать союзников. Он с удивительной быстротой восстанавливал свое влияние в Шотландии. Его поддерживали графы Атолл и Кейтнесс, лорды Сетон, Рутвен, Хоум и многие другие. Первые трое были католиками, остальные — протестантами. Их объединила не религия, а честолюбие. Атолл искал возможности ослабить ведущие позиции Аргайла в горной части страны, и все вместе они стремились избавиться от Морея и захватить его земли. Леннокс и его союзники получали большую выгоду от брака Дарнли и королевы. Известно, что Дарнли уже изучал карту Шотландии, и даже вслух говорил о том, что у Морея земель больше, чем нужно.

Таким образом, письмо Елизаветы, с одной стороны, укрепило решимость Марии заключить брак, который приблизит ее к признанию наследницей английского престола, а с другой — способствовало расколу среди шотландских лордов. Все снова балансировало на острие ножа. Морей это понимал, и отверг попытки Рэндольфа поговорить с ним. «Будь ты неладен, — сказал он. — Твоя королева только и знает, что плакать и писать письма!»

31 марта Рэндольф излил душу своему другу сэру Генри Сидни. Он возложил вину на Дадли, с которым даже не был знаком, — якобы тот не проявил должного интереса к Марии. Она превратилась в женщину «совершенной красоты». В его письме внезапно проскальзывают лирические нотки. «Сколько стран, королевств, городов и деревень были уничтожены» ради удовлетворения страсти мужчин к подобным женщинам, пишет он. Однако Дадли, которому «прямо в руки» отдавали королевство и возможность возлечь с Марией, отверг и то и другое, результатом чего стало появление Дарнли.

Опасения Рэндольфа были оправданны. В первую неделю апреля отношения Марии и Дарнли можно было

охарактеризовать как раннюю стадию ухаживания. Они жили в замке Стирлинг, где большую часть времени проводили вместе. Мария даже выбрала его в качестве партнера для игры в шары — они играли против Рэндольфа и Марии Битон. Искусный ход, поскольку все знали, что Рэндольф и Битон, одна из четырех Марий, были любовниками; создавалось впечатление, что в игре встретились две влюбленные пары.

Уговор был таков: независимо от победителя, выигрыш делится между женщинами. Когда Рэндольф и Битон выиграли, Дарнли преподнес Марии кольцо и дорогую брошь с двумя агатами.

Затем Дарнли заболел, и Мария сама ухаживала за ним. Она посылала ему еду со своего стола, все время навещала его, причем нередко после полуночи, и с ее стороны это был смелый поступок. Он был «очень мил», и ради удобства его поместили в королевских апартаментах замка, что считалось высочайшей честью, где он провел почти месяц. Сначала Дарнли простудился, затем его кожа покрылась язвами. Сыпь была похожа на ту, что наблюдается при кори, но «очень обильная», сопровождавшаяся «острыми приступами и болями в животе и голове». Почти наверняка это был сифилис, подхваченный в Англии.

Когда Мейтланд добрался до Лондона — предположительно по пути во Францию, — цель его поездки стала ясна. Он привез ультиматум с требованием к Елизавете согласиться на брак Марии с Дарнли. Результатом стали хаос и растерянность при английском дворе.

23 апреля раздраженная Елизавета подписала письма к Ленноксу и Дарнли, приказывая им явиться к английскому двору, но в последний момент отозвала их. Вместо этого она отправила в Эдинбург Трокмортона. Первые инструкции, врученные 24 апреля, вменяли ему в обязанность объяснить Марии, какое «неудовольствие» вызовет ее брак, но неделю спустя их заменили другими, где королеве Шотландии советовалось выйти за Дадли или выбрать другого английского дворянина. Однако только в том случае, если выбор падет на Дадли, Елизавета официально согласится признать Марию наследницей английского престола.

Сесил беспокоился. 1 мая состоялось первое из череды продолжительных заседаний Тайного совета, на которых обсуждалось, как лучше «не допустить» брака Марии с Дарнли.

После двухлетних препирательств Мария пришла к выводу, что ей нечего терять. Она уже не боялась тем или иным способом обойти Англию. Гораздо больше она опасалась сжечь мосты в отношениях с континентальной Европой. Первым делом она отправила письмо в Испанию. В ответе герцог Альба по

поручению Филиппа II заверил ее, что «никакой другой союз не был бы для нее более полезен в укреплении ее прав престолонаследия и в умиротворении ее страны, чем союз с семьей Леннокс».

Затем Мария обратилась к Кастельно, пытаясь выяснить, сможет ли она заручиться поддержкой Франции — деликатная задача, если учитывать ее плохие отношения с бывшей свекровью. Но к ее удивлению, Екатерина Медичи тоже согласилась. ее ответ, в котором говорилось, что Дарнли предпочтительнее дона Карлоса или эрцгерцога Карла, поскольку подобный брак будет способствовать восстановлению «старинного союза», — в строгом смысле был *non sequitur*[21]. На самом деле она имела в виду, что он укрепит ее собственные позиции в переговорах с Елизаветой, которая в еще большей степени будет нуждаться в *согласии* с Францией, если о дружбе с Шотландией придется забыть.

Екатерина вела двойную игру. Кастельно получил указание сообщить Елизавете, что Франция не одобряет брак Марии и Дарнли, и в результате неразберихи и взаимных обид послы принялись лихорадочно курсировать между тремя столицами, пытаясь выяснить, кто что сказал, кому и когда.

Мария воспользовалась этим — у нее были развязаны руки, чтобы подавить сопротивление этому браку у себя в стране. Когда Морей, которого вызвали в комнату к больному Дарнли, отказался подписать документ в его поддержку, утверждая, что замужество королевы слишком поспешно и что он «не одобряет его», поскольку «боится, что лорд Дарнли будет врагом истинной веры», то его с позором отлучили от королевского двора.

Мария стремилась изолировать Морея. Осторожную поддержку ее брака выказывали люди разных религиозных убеждений; кроме того, в ее пользу действовали еще несколько факторов. Один из них был до чрезвычайности экстравагантным. Мейтланд влюбился в Марию Флеминг, главную из четырех Марий. Его жена умерла, и он хотел жениться на женщине, которая была на восемнадцать лет младше его. Он с трудом добился расположения Флеминг: при дворе шутили, что Мейтланд ей подходит не больше, чем кальвинист папе римскому.

Свадьбу Мейтланда отложили на два года, но, насколько было известно Рэндольфу, если Мария захочет выйти за Дарнли, то Мейтланд поддержит ее «из-за любви, которую он питает к Марии Флеминг». Ради королевы Флеминг была готова на все, а из Мейтланда она могла вить веревки. Конечно, его лояльность подвергалась серьезным испытаниям, но в конечном счете он был (по мнению английского посла) «полностью ослеплен и

продвигал этот брак».

Ключевым фактором в пользу Марии было и то обстоятельство, что Мортон объединился с Дарнли. До сих пор он оставался верным союзником Морея, пользуясь влиянием как глава клана Дугласов. В то же время, как член семьи Дуглас, он приходился двоюродным братом графине Леннокс. Его отдаление от Морея началось после того, как графиня отказалась от претензий на спорные поместья графа Ангуса, племянника Мортона, для которого он был опекуном. Для самого Мортона это было подобно выигрышу в лотерею, поскольку теперь он мог грабить земли племянника ради собственной выгоды. Предварительно он испросил у Марии подтверждения своих прав, отправив к ней своего двоюродного брата Арчибальда еще до того, как она покинула Францию. Тогда Мария уклонилась от ответа, сказав, что это семейное дело. Вопрос так и остался неразрешенным, но теперь Мортон добился своего.

15 мая для встречи с Марией в Стирлинг прибыл Трокмортон; Дарнли в это время выздоравливал. Трокмортон приехал в Шотландию вместе с Мейтландом, который не собирался во Францию. Слухи о его европейской миссии были уловкой.

Трокмортон обнаружил, что ворота замка накрепко заперты для него, и был вынужден искать жилье в городе. Когда он наконец добился аудиенции у Марии, то передал ей письмо от Елизаветы и «решение» от Сесила: официальный документ, подписанный большинством членов Тайного совета и рекомендующий ей отказаться от Дарнли и выйти замуж за Дадли или другого английского дворянина. Под документом стояло множество подписей, но среди них не было подписи Дадли, что значительно ослабляло его силу.

На Марию полученные документы не произвели впечатления. Трокмортон предупреждал Сесила, что «она зашла так далеко в деле с милордом Дарнли, что ничего изменить нельзя и не осталось никакой возможности воспрепятствовать этому средствами убеждения и логики». Королева представила эмоциональное оправдание своих действий. Она указала, что информировала Елизавету о намерении выйти замуж, как только сделает свой выбор. Кузина ответила ей, что она может выбирать супруга по собственной воле, поскольку отвергла претендентов из Европы в пользу английского дворянина, и поэтому Мария полагает, что действовала честно. В кандидатуре Дарнли она нашла как английского дворянина, так и «близкого родственника» Елизаветы — этот выбор должен удовлетворить английскую королеву.

Мария не тратила время на переговоры с Трокмортоном.

Непосредственно после аудиенции она пожаловала Дарнли титулы, возвысившие его над шотландскими лордами и позволившие ей выйти за него замуж. Он стал рыцарем, бароном, а затем графом Россом — и все это за один вечер. По настоянию Дарнли рыцарское звание получили еще четырнадцать человек, но его истинное лицо проявилось неделю спустя. Мария обещала сделать его герцогом Олбани — этот титул давался только членам королевской семьи Шотландии, — но королева отложила церемонию, желая посмотреть, как Елизавета отреагирует на ее ответ Трокмортону. Узнав о задержке, Дарнли выхватил кинжал и набросился на лорда Рутвена, который доставил сообщение. Он также угрожал Шательро, хотя герцог заверял (явно неискренне), что поддержит его брак с королевой, и даже подписал официальный документ.

Постепенно начинал проявляться скверный характер Дарнли. Три месяца ему удавалось вести себя достойно, но теперь он больше не мог сдерживаться. Перспектива брака с Марией вскружила ему голову. Избалованный матерью, он вырос самоуверенным, заносчивым и капризным. Слишком красивый, он отличался самовлюбленностью и склонностью к интригам. При дворе его называли «гордым, высокомерным и подозрительным». Вскоре Дарнли уже регулярно напивался, а его сексуальные пристрастия попали под подозрение после того, как обнаружилась его тесная дружба с Давидом Риччио, новым личным секретарем Марии — «иногда их видели лежащими в одной кровати».

Тем не менее эти недостатки Дарнли не имели особого значения. Источником большей части сведений о нем является Рэндольф, которого нельзя назвать беспристрастным свидетелем. Его цель состояла в том, чтобы помешать браку Марии и Дарнли, и поэтому он делал все возможное, чтобы дискредитировать человека, которого считал самой серьезной угрозой Англии после дона Карлоса.

К третьей неделе мая Мария убедилась, что влюблена в Дарнли. Она была без ума от него. Это признавал даже Рэндольф. Но увлечение было временным, основанным на сексуальной привлекательности Дарнли, а не на истинной любви.

К 3 июня их отношения заметно охладились. Брак Марии с Дарнли в конечном счете станет лишь вопросом удобства. Она загнала себя в ловушку, поскольку, когда начала понимать, что представляет собой Дарнли, выбора у нее не осталось — только продолжить начатое, чтобы утвердить свою независимость и не показать себя пешкой в руках Елизаветы.

Если верить Рэндольфу, поведение Дарнли сделалось

настолько «нетерпимым», что у Марии случился сильный приступ меланхолии. Изменилось не только ее настроение, но и внешность. «Ее Величество захворала, — сообщал он Дадли. — Разум ее уже не так быстр, ее красота поблекла, а ее радость и довольство превратились неизвестно во что». Мария, писал он, «достойна большей жалости, чем любая другая женщина, которую я когда-либо видел». Перемена была такой внезапной и разительной, что возникли подозрения в черной магии.

Тем не менее, в тот же день писал Рэндольф Сесилу, Мария живо интересовалась новостями французской и испанской дипломатии, а также делала все возможное, чтобы привязать к себе своих лордов «ласковыми письмами и добрыми словами». Она тщательно выстраивала поддержку своего брака.

События выходили из-под контроля. 4-го числа Сесил созвал заседание английского Тайного совета, чтобы обсудить ответ Марии Трокмортону. Споры продолжались до самого вечера. Лорды вспомнили весь жизненный путь королевы Шотландии, от Хаддингтонского договора и ее брака с дофином до заявления Генриха II о том, что она является наследницей трех монархий. Особое внимание уделили демонстрации геральдических символов Англии на ее гербах и на крики герольдов: «Дорогу королеве Англии». Вспомнили все, без исключения.

Сесил руководил дебатами и вел записи, объясняя, почему Мария представляет такую опасность. Объявив о намерениях снова выйти замуж и урегулировать проблему престолонаследия в Шотландии, она получит поддержку и укрепит свое положение. Большинство английских подданных — Сесил постоянно говорил об «английском народе» — благоволят к Марии. Они потянутся к королеве Шотландии, которая, в отличие от их королевы, готова выйти замуж и иметь детей. XVI в. был эпохой стереотипов. Выйдя замуж, Мария поступила бы так, как ожидал бы от женщины-правителя Сесил, а также любой советник из числа мужчин или любой глава семьи. Она поставила бы мужчину во главе королевского дома, восстановила настоящую монархию и доказала, что в конечном счете ее наследники, а не наследники Елизаветы объединят престолы Англии и Шотландии. «Английский народ», сказал он, протестанты и католики, будет до такой степени покорен этим, что «отойдет от своей верности» Елизавете и перенесет эту верность на Марию.

Это был удивительный аргумент, открывающий для нас окно в давно ушедший мир, где монархические браки могли менять судьбы народов. Сесил был самым непреклонным противником Марии. Любой брак, который она могла заключить, пока Елизавета оставалась незамужней, представлял угрозу

безопасности Англии. Слова об «отходе» от «верности» произвели сильное впечатление, поскольку именно таким языком формулировалось обвинение в государственной измене. Сесил намекал, что если Мария выйдет замуж без согласия Елизаветы, это будет враждебный акт.

Никто не возразил Сесилу. На самом деле некоторые члены Тайного совета утверждали, что если Мария выйдет за Дарнли, угроза будет еще больше, чем в случае ее брака с доном Карлосом или эрцгерцогом. Они боялись, что Дарнли, английский подданный, в жилах которого текла королевская кровь, способен собрать армию в поддержку католицизма и развязать гражданскую войну.

Теперь это кажется чрезмерной реакцией, но Сесил и его союзники действительно так думали. Они опирались на отчет Трокмортона, который утверждал, что Мария решительно настроена выйти за Дарнли, и «делу нельзя воспрепятствовать ничем, кроме силы». Главная цель обсуждения — решить, желает ли Англия внутренней войны. Поэтому собрание Тайного совета превратилось в полномасштабное стратегическое совещание, в результате которого появился план действий, включающий просьбу к Елизавете более благосклонно отнестись к положению леди Екатерины Грей.

Сесил передал Елизавете копию своих записей. Обычно она отказывалась слушать его опасения насчет своей «безопасности» — но не в этот раз. Графу Бедфорду, самому высокопоставленному английскому чиновнику на границе и губернатору города Берика, было приказано усилить бдительность, а также помогать Рэндольфу засылать шпионов в соседнее королевство. Графиню Леннокс вернули в Тауэр, и в Шотландию снова были отправлены письма, вызывающие Леннокса и Дарнли в Лондон. Рэндольф получил их с дипломатической почтой 2 июля и тут же вручил адресатам. Как он сообщал, те были «чрезвычайно смущены».

Услышав, что Леннокса и Дарнли отзывают, Мария расплакалась. До сих пор ее слезы вызывались самыми разными эмоциями: скорбью из-за тяжелых утрат, печалью и депрессией во время приступов меланхолии, гневом и отчаянием при столкновениях с Ноксом или лордами, беспомощностью и жалостью к себе после предательства других. На этот раз все чувства нахлынули сразу. Душевная буря полностью поглотила ее, и две недели королева молча бездействовала. Затем тучи развеялись и Мария приняла решение. Она приказала Ленноксу и Дарнли остаться в Шотландии, таким образом бросив вызов Елизавете.

Теперь обратной дороги не было. Мария собралась с духом и начала готовиться к свадьбе. Она сделала выбор и не собиралась отступать. «Я знаю, — сказала она Рэндольфу, — что Ваша госпожа намеревалась оскорбить меня и отвратить от Англии, Франции и других стран, и когда я это поняла, то подумала, что больше не стану слушать ее пустые обещания, но, будучи [такой же] свободной, как она, буду держаться своего выбора».

Сесил прочел целую лекцию английскому Тайному совету, вспомнив события прошлого вплоть до Хаддингтонского договора, а теперь Мария также обрушила на Рэндольфа историю своих переговоров с Елизаветой, от ее желания начать все «с чистого листа» и обменяться портретами до усилий устроить встречу двух королев, а также бесконечных зигзагов и двусмысленностей, которые стали результатом попыток англичан навязать ей выбор мужа.

Теперь, сказала она, «слишком поздно». Того, что могло привести к взаимной выгоде, уже не существует. И виновата в этом только Елизавета. «Если бы Ваша госпожа обращалась со мной так, как я надеялась, то даже собственная дочь не могла бы быть более послушной ей, чем я».

Мария не могла не вспомнить о родстве и зависимости, поскольку именно эти аспекты окрашивали ее отношения с Елизаветой после смерти Франциска II. Однако она яростно защищала свое право как королевы и как женщины выбрать себе мужа. Елизавету это не касается, хотя Мария надеялась, что английская королева одобрит ее выбор. «Она может обижаться на мое замужество не больше, чем я на ее, — сказала Мария, — а в остальном я приму ту судьбу, которая уготована мне Господом».

Затем Рэндольф совершил серьезную ошибку. Он предложил — в форме запоздалых раздумий, — что Мария могла бы обратиться в протестантство. Тогда Елизавета относилась бы к ней намного лучше. Мария мгновенно нанесла ответный удар.

«Что бы это изменило?» — спросила она. «Возможно, — ответил Рэндольф, — это каким-то образом подвигло бы Ее Величество быстрее дать согласие на Ваш брак».

«Что?! — воскликнула Мария. — Вы говорите, что я должна торговать своей верой или подчиняться воле Ваших министров? Этому не бывать».

Предложение Рэндольфа было оскорбительным и унизительным. И еще больше укрепило решимость Марии.

«Вам меня никогда не убедить, — резко бросила она, — что это я разочаровала Вашу госпожу, а не она меня, и для нее потеря моей дружбы точно такое же несчастье, как потеря ее дружбы для меня». С этими словами она встала и удалилась.

Воскресным утром 22 июля 1565 г. в соборе св. Джайлса было оглашено предстоящее бракосочетание Марии, а во второй половине дня Дарнли стал герцогом Олбани. В следующую субботу в девять вечера на Маркет-Кросс в Эдинбурге появились герольды и объявили, что венчание состоится на следующий день и по окончании праздничных церемоний Дарнли станет королем Шотландии.

На этом настаивал сам Дарнли, хотя обычно перед дарованием королевских титулов было принято советоваться с парламентом. Тайный совет целый день обсуждал это предложение. Марии достаточно быстро удалось убедить колеблющихся, но Дарнли все испортил, заявив, что его больше волнуют английские католики, чем шотландские протестанты, — типичное для него безответственное и глупое замечание, уничтожившее то доброе отношение к нему, которого он добился, посещая проповеди Нокса.

Мария поступила неразумно, уступив требованиям Дарнли относительно титула. Она действовала наивно и импульсивно; логичнее было бы настоять на консультации с парламентом и использовать этот предлог для отсрочки окончательного решения, пока она не убедится, что Дарнли достоин такой власти.

Но Дарнли не желал слушать никаких возражений. Свою роль сыграла и сила гендерных стереотипов. Он мужчина, а Мария — женщина, и она считала, что в данном случае должна подчиниться мужчине и мужу. Брак требовался ей, чтобы не потерять лицо. Она даже пришла на заседание Тайного совета и поговорила со многими лордами, чтобы обеспечить нужный результат голосования. Когда решение было наконец принято, герольды ждали еще шесть часов, прежде чем объявить о нем.

Свадьба состоялась в воскресенье 29 июля. Около шести часов утра графы Леннокс и Атолл подвели Марию к алтарю в королевской часовне Холирудского дворца. Королева облачилась в *deuil blanc*, подчеркивая свой статус вдовы; она была одета точно так же, как после смерти Франциска II.

Прибыл Дарнли, новобрачные обменялись клятвами, и жених надел на правую руку Марии три кольца, причем среднее с крупным бриллиантом в обрамлении красной эмали[22]. Новобрачные преклонили колени и прочли молитву, после чего Дарнли внезапно ушел. Он стремился избежать обвинений в «идолопоклонстве» и поэтому направился прямо в королевские покои, отказавшись присутствовать на торжественной мессе после венчания.

По окончании службы Мария вернулась к себе в спальню. Она ликовала, что ей хватило решимости добиться этой свадьбы, и та

удалась, несмотря на поведение Дарнли. В частности, королева хотела, чтобы церемония стала символом объединения. Пригласили всю знать, и во время ритуала, символизировавшего изменение ее статуса, превращение из вдовы в супругу, она позволила каждому из присутствующих извлекать одну из булавок, которыми белая накидка крепилась к платью. Затем все, за исключением Дарнли, ушли, и Мария переоделась. Как чопорно отметил Рэндольф, они «не отправились сразу в постель, чтобы показать всему миру, что к браку их подтолкнула не похоть, а лишь необходимость не оставлять надолго страну без наследника».

Затем последовало величайшее «веселье и танцы», или, как мрачно выразился Нокс, «на протяжении трех или четырех дней не было ничего, кроме балов, танцев и пиров». Мария и Дарнли во главе торжественной процессии проследовали на официальный банкет, на который были приглашены лорды. При появлении новобрачных заиграли трубы; точно так же, как во время венчания Марии с дофином в соборе Нотр-Дам, герольды кричали «Дар!» и швыряли деньги гостям. Вторая половина дня прошла в танцах и шумном веселье, после чего начался второй банкет, на который были приглашены все остальные. Танцы продолжались до глубокой ночи, а затем «они легли спать».

Рэндольфа пригласили на второй банкет, однако он был вынужден отказаться. Посол Елизаветы не мог допустить поступка, который можно было бы интерпретировать как признание брака. Елизавета и Сесил уже решили, что никогда не признают Дарнли королем — и даже мужем Марии. Мария это понимала, но ей так хотелось, чтобы Рэндольф пришел на банкет, что она две недели не позволяла его любовнице Марии Битон видеться с ним, обещая, что они могут потанцевать друг с другом, если он придет. Но тщетно.

В понедельник в полдень герольды провозгласили Дарнли королем Шотландии. Предполагалось установить двуединую монархию, в которой высшая власть будет принадлежать «совместно» королю и королеве. Все официальные письма и документы должны подписываться «Генрих и Мария, король и королева Шотландии».

Объявление было встречено презрительным молчанием. Ни один из дворян не ответил: «Аминь», — а затем тишину нарушил одинокий голос Леннокса, воскликнувшего: «Боже, храни Его Величество».

На этой роскошной свадьбе веселье не было искренним. На первом банкете королевской чете прислуживали Атолл и Мортон, единственные лорды, безоговорочно поддерживавшие нового

короля. Больше никто не согласился прислуживать Дарнли или подавать ему еду. Морей, Аргайл и Шательро отказались даже присутствовать на свадьбе. Все трое были оскорблены и собирали вооруженные отряды. Они намеревались поднять мятеж и заставить Марию расстаться с человеком, который, как они опасались, попытается их уничтожить. Они написали Сесилу, прося прислать войска и артиллерию, и отправили в Лондон за помощью своего представителя. Затем лорды обратились к Рэндольфу и графу Бедфорду за материальной помощью. Они просили 3000 фунтов — такую сумму выделил им Сесил шесть лет назад, когда они подняли мятеж против матери королевы Марии.

30 июля Елизавета отправила Джона Торнуорта, своего постельничего, специальным посланником в Шотландии. Ему поручили встретиться с Марией, всякий раз игнорируя Дарнли, и выразить протест против ее «очень странного» и «не добрососедского поведения». Он должен был сказать шотландской королеве, что она введена в заблуждение «дурным советом».

Елизавета решила направить кузину на путь истинный. Мария должна знать, что «поступает опрометчиво, вызывая подобный раскол среди своей знати». По мнению Елизаветы, надвигалась гражданская война. Мария должна помириться с Мореем, человеком, «который так хорошо служил ей».

Но Мария придерживалась другого мнения. Еще до того, как Торнуорт добрался до Эдинбурга, Морея обвинили в мятеже и объявили вне закона; по прибытии английского посла Мария прочитала ему целую лекцию. Королева, заявила она, имеет полное право выходить замуж, не ставя в известность других правителей. Она не собирается «спрашивать указаний правительства моей доброй сестры относительно дел в моей стране» и считает, что у правителей не принято вмешиваться во внутренние дела соседних государств. Монархи «подчиняются непосредственно Богу и только перед ним отчитываются о своих деяниях». Кому, как не Елизавете, знать об этом.

Что касается Морея, то Мария посоветовала Елизавете «больше не вмешиваться в частные дела, касающиеся его или любого другого подданного Шотландии». Английская королева должна прислушаться к этому совету, если не хочет ответных действий Марии в отношении ее свекрови, графини Леннокс, которую Елизавета незаслуженно держит в тюрьме.

Мария была непреклонна. Несмотря на многочисленные недостатки Дарнли, она считала себя победительницей. Трудно сказать, действительно ли Мария укрепила свои позиции, однако

она обрела уверенность, позволявшую перейти к решительным действиям. Впервые за всю историю взаимоотношений с английской королевой условия выдвигала Мария, а не Елизавета. Ее предложение заключалось в следующем. Мария и ее супруг не будут настаивать на немедленных династических правах и не будут поддерживать английских мятежников. Они не станут заключать союзы с иностранными правителями, направленные против Елизаветы, не будут пытаться изменить религию, законы и традиции Англии. В ответ они ожидают, что Елизавета воздержится от союза с иностранными правителями и шотландскими мятежниками, а также актом парламента подтвердит право Марии и Дарнли унаследовать английский трон.

Первый раз в жизни Мария определяла повестку дня, и ей это нравилось. После краткого увлечения Дарнли и иллюзии, что она нашла свою любовь, Мария поняла, что ее брак — всего лишь вопрос удобства. Дарнли был непопулярен, и она это знала. Однако она могла компенсировать это собственной популярностью, а ее положение как замужней королевы, способной дать стране наследников престола, было прочнее, чем когда-либо за все время после возвращения из Франции. Между ней и долгим безмятежным правлением стоял только ревнивый и вероломный Морей со своими союзниками. Теперь следовало разобраться с ними.

14
Появление Босуэлла

При подавлении последнего мятежа Морея Мария проявила удивительное упорство и предусмотрительность. Первым делом она изолировала мятежников политически, а затем выступила в поход, преследуя их. Искусство и мужество королевы полностью отвергали представления Нокса о правительнице-католичке, которая слишком занята танцами или увлечена материальными и сексуальными удовольствиями, чтобы должным образом управлять страной.

Начала она с указания изъянов в пропаганде мятежников. Они утверждали, что ее брак с Дарнли положит конец религиозному *status quo*. С самого начала они стремились разжечь ненависть между протестантами и католиками, преследуя собственные политические цели.

Их кампания началась в Вербное воскресенье. Группа кальвинистов захватила католического священника, служившего мессу, и притащила к Маркет-Кросс; там его связали и на протяжении четырех часов забрасывали яйцами. Для этой унизительной демонстрации были специально выбраны яйца, как католический символ Пасхи. Затем появились юнцы с дубинками и избили беднягу до потери сознания; его освободили в последнюю минуту, после вмешательства мэра. Сам факт наличия нескольких тысяч яиц свидетельствует о том, что нападение поддержали богатые и влиятельные люди, но связь с Мореем установить не удалось.

На этот акт насилия Мария ответила тем, что еще раз подтвердила религиозное *status quo*. Большинство протестантов не считали, что их религии что-либо угрожает. Политика создания широкой коалиции — в Тайном совете и во всей стране — до сих пор приносила плоды. В этот раз даже Нокс не верил в серьезную опасность для церкви и отказался произносить проповеди в поддержку Морея — ценный подарок для Марии, который доставил ей огромное удовольствие.

Желая обеспечить себе поддержку обеих фракций, Мария своими действиями всячески успокаивала протестантов. Впервые во время поста она ела мясо, отвергнув католическое обязательство отказываться от мясной пищи между Масленицей и Пасхой. Мессу она посещала реже, чем раньше. Она присутствовала на протестантских богослужениях и даже вызвалась послушать проповеди — но только тех проповедников,

которых сама одобрит. Рэндольфу и другим она туманно намекала, что ее подданные должны «жить согласно склонностям», следуя собственной совести.

За две недели до свадьбы с Дарнли Мария обратилась с посланием к влиятельным протестантам, заверив их, что им всегда будет позволено верить так, как подсказывает им совесть. Через месяц после свадьбы она вторично подтвердила свое заявление от 1561 г., но на этот раз подписанное от имени короля и королевы.

Одновременно Мария собирала королевскую армию. 19 июля, за десять дней до венчания, в ее распоряжении уже было от шести до семи тысяч солдат в непосредственной близости от Эдинбурга. В тот же день в бумагах Сесила, посвященных Шотландии, появилась краткая, но зловещая запись: «Послали за графом Босуэллом».

Другого такого же могучего противника и смертельного врага Морея в стране не было. Как и его отец, Патрик, умерший в 1556 г., Босуэлл был лордом-адмиралом и шерифом Эдинбурга. В Шотландской низменности семье принадлежали замок Кричтон к югу от Эдинбурга и замок Хейлс в Ист-Лотиане. Их главной твердыней был Хермитедж, почти неприступная крепость в приграничной области Лиддесдейл, неподалеку от «пограничного края».

Босуэлл был на семь лет старше Марии. Среднего роста, крепко сбитый, он напоминал отца, только волосы у него были светлее, а лицо — более грубое. Военная выправка и усы по французской моде. Пронзительные глаза и беспокойный взгляд. Единственный сохранившийся его портрет — миниатюра, на которой он изображен вместе с женой, леди Джин Гордон, во время их свадьбы в 1566 г. Качество портрета невысокое, но Трокмортон, встречавшийся с Босуэллом в Орлеане в конце 1560 г., обратил внимание на некоторые черты его характера. В депеше, отправленной Елизавете, он описывал графа как «тщеславного, безрассудного и опасного молодого человека». Враги должны «следить за ним и держать в узде».

Ключ к характеру Босуэлла — его военные и рыцарские идеалы. Подобно отцу и деду, он считал себя «человеком чести» и предпочитал суду поединок; он участвовал по меньшей мере в дюжине дуэлей. Граф считал силу законным методом разрешения споров наравне с приговором суда. Конечно, нельзя сказать, что Босуэлл полностью отвергал гражданские ценности. У него были и достоинства, и недостатки. Он умел подчинить себе солдат и морских разбойников, но, подобно Марии, получил образование во Франции. Он посещал занятия в Парижском университете, где

научился писать модным наклонным шрифтом — лучше самой Марии. Босуэлл познакомился с миром знаний, но всегда предпочитал словам реальные действия. Честь и знатность граф считал добродетелями, которые даются от рождения или добываются на поле брани, а не в библиотеках и залах заседаний. Он безудержно сквернословил и богохульствовал. Тем не менее его нельзя было назвать ограниченным человеком. Он знал классическую историю, но в свою библиотеку собирал книги по математике, военной стратегии и рыцарству, а не по этике, поэзии и литературе.

В отличие от отца Босуэлл был протестантом. А если точнее, то деидеологизированным протестантом. Искусный фехтовальщик, он не жаловал такое духовное оружие, как молитва и покаяние. Вот почему такие люди, как Трокмортон, чьи гражданские ценности заставляли их осуждать все, за что ратовал Босуэлл, называли его «человеком без веры». Как бы то ни было, католикам он не симпатизировал. Не принимая всерьез свой протестантизм, он отказывался слушать мессу, даже когда об этом его просила Мария.

Босуэлл был непримиримым противником англичан — необычная черта для протестанта. В этом он проявлял большую последовательность, чем отец, который заигрывал с Англией, когда ему это было выгодно; он всегда оставался националистом и хранил верность Марии и ее матери. Во время мятежа лордов конгрегации он проявил себя самым стойким сторонником регента. Когда в октябре 1559 г. Сесил отправил 3000 фунтов в помощь бунтовщикам, именно Босуэлл перехватил курьера. Им оказался один из тайных агентов Рэндольфа — капитан Кокберн, лэрд Ормистона. Он перевез через границу первую партию золотых монет, происхождение которых было невозможно проследить, на сумму 1000 фунтов, но Босуэлл подстерег его в Ист-Лотиане и доставил деньги в Кричтон. Морей и Арран тут же двинули на замок свои отряды, но граф выставил дозор и за полчаса до появления врага сбежал вместе с деньгами. Лорды захватили замок и вывезли из него всю мебель. Босуэлл вызвал Аррана на дуэль, но тот — известный трус — отказался. С тех пор лорды с подозрением относились к графу, который нанес такой ущерб их делу.

Вскоре после этого мать королевы Марии назначила Босуэлла командовать специальным отрядом из восьми сотен французских и шотландских солдат, расквартированным в Стирлинге. В апреле 1560 г. вместе с католиком лордом Сетоном они устроили засаду английскому войску, атаковавшему Лит. Владея землями в районе границы, Босуэлл привык иметь дело с так называемыми

шотландскими разбойниками, особенно свирепствовавшими в его области Лиддесдейл, и был знатоком партизанской войны.

По прошествии нескольких недель его отправили во Францию с письмами к встревоженной Марии. Перед отъездом он написал письмо ее матери, заверив, что он «очень торопился, чтобы снова вернуться к армии». Босуэлл собирался ехать через Данию, где надеялся убедить Фредерика II одолжить Марии де Гиз флот, чтобы перевезти пять тысяч немецких наемников в Шотландию. После смерти Марии де Гиз миссия Босуэлла стала ненужной. Несколько месяцев он провел в Дании, где завел роман с красивой темноволосой норвежкой Анной Трондсен, дочерью дворянина и отставного адмирала, который впоследствии подал на него в суд за нарушение обещания[23].

Присоединившись к посольству Марии в Париже и Орлеане, Босуэлл едва успел передать письма и получить вознаграждение, как умер Франциск II. Ему вручили шестьсот крон, довольно приличную по тем временам сумму, назначили постельничим, а главное, определили денежное содержание. Лорд Сетон получил немного большую сумму — это была плата за верность Марии де Гиз, а не за службу Франциску. По словам самого Босуэлла, «в отличие от остальных, она [Мария] вознаграждала меня более обильно и щедро, чем я того заслуживал, что злило моих врагов до чрезвычайной степени».

Смертельным врагом Босуэлла был Морей, который так и не простил ему противостояния с лордами в 1559–1560 гг. Пока Шотландией правил совет из двадцати четырех лордов, Босуэлл избегал их, курсируя между своей родной страной и Францией. Он был в Шотландии в феврале 1561 г., а летом уже находился в Кале, помогая организовать возвращение Марии домой. Поскольку он был лордом-адмиралом, предполагалось, что сопровождать Марию поручат ему. Однако этого не произошло — вся свита юной королевы состояла из французов. Галеры для Марии предоставили де Гизы, а роль Босуэлла как адмирала свелась к организации флотилии ветхих транспортных судов для перевозки багажа и животных.

После возвращения Марии в Шотландию вражда между Босуэллом и Мореем усилилась. Будучи одним из самых знатных людей страны, он получил место в Тайном совете, но редко присутствовал на заседаниях, поскольку Морей постоянно преследовал его, не давая передышки. Несколько раз Морей нападал на него и устраивал ему ловушки. Затем, в декабре 1561 г. Босуэлл дал своему сопернику шанс. Он устроил нечто вроде холостяцкой вечеринки с лордом Джоном Колдингемом. Лорд Джон должен был жениться на сестре Босуэлла, Джейн

Хепберн[24], и друзья решили поздно ночью нанести визит любовнице Аррана в Эдинбурге, даме по имени Элисон Кларк. В прошлый раз их впустили и позволили развлекаться, но теперь им было отказано. Тогда они выбили дверь, что на следующий день привело к столкновению с Арраном и его друзьями. Возникли беспорядки. Когда страсти накалились, на сцене появился Морей, якобы для восстановления порядка.

Босуэлла выслали из Эдинбурга, но у него то и дело возникали новые конфликты с Арраном, который в то время мечтал о женитьбе на Марии. Босуэлл, храбрый вояка, преданно защищавший мать юной королевы, высмеивал планы Аррана и оскорблял его. Результатом стал очередной раунд вражды — Мария относилась к Аррану с явным подозрением, но он все же был союзником Морея.

По настоянию Марии они вроде бы помирились, но Арран вел себя как безумный. Он был психически нездоров — просил пилу, чтобы отрезать себе ноги, или нож, чтобы вскрыть вены на запястьях. Теперь он обвинил Босуэлла в измене. В серии непоследовательных заявлений он утверждал, что Босуэлл советовал ему похитить Марию, чтобы жениться на ней. Это были серьезные обвинения, даже если их выдвигал безумец, и предполагаемый заговор требовалось расследовать.

Босуэллу было нечего скрывать. Он добровольно сдался правосудию, и, когда Арран обвинил его в измене, вызвал того на дуэль. В конечном счете все обвинения Аррана были опровергнуты. Но Морей не освободил Босуэлла. Воспользовавшись своим влиянием в Тайном совете, он отправил его в тюрьму — в подземелье Эдинбургского замка. Через три месяца Босуэлл решился на побег. Легенда гласит, что он выломал прутья решетки в своей камере и без веревки спустился по отвесной скале, но скорее всего — хотя это менее романтично — он подкупил кого-то из стражей, который вывел его за ворота.

Босуэлл укрылся в доме своей матери в Хаддингтоне, откуда написал Марии, соглашаясь подчиниться ее воле, но королева сердилась на него за побег из тюрьмы. Несмотря на своеобразное чувство юмора Марии, все удовольствие от грубых шуток Босуэлла в адрес Аррана было вытеснено его пренебрежением к правосудию. За такие проступки аристократы наказывались изгнанием и ссылкой, и именно такую судьбу она уготовила Босуэллу. «Любые его действия или слова не смогут повлиять, — писал Рэндольф Сесилу, — на ее решение по меньшей мере выдворить его из страны».

Все это случилось незадолго до того, как Гордоны были разбиты Мореем в сражении при Корричи. Брат Марии достиг

вершины власти. По мнению Босуэлла, он обманывал сестру, удовлетворяя жажду личной мести под прикрытием установления законности и порядка. Пострадал даже Шательро — его цитадель в Дамбартоне была захвачена Марией по совету ее брата-интригана. Опасаясь, что станет следующим, Босуэлл решил уехать сам, и в конце декабря 1562 г. сел на корабль, отправляющийся на континент. Когда об этом сообщили Марии, она устроила скандал, настаивая на том, чтобы Босуэлл понес наказание.

Казалось, с Босуэллом покончено. Морей вроде бы одержал легкую победу. Но через месяц Мария затеяла интригу со своим браком с доном Карлосом. Охладев к Морею, она отправила Мейтланда с поручением в испанское посольство в Лондоне. Мария все больше сопротивлялась попыткам Англии запугать ее. И в такой ситуации она стала более благосклонно относиться к националисту и англофобу Босуэллу.

Первым перемену заметил Рэндольф. Мария спросила, где находится Босуэлл. Она хотела его вернуть, чтобы «держать его про запас, хотя бы и в тюрьме, и использовать в любого рода неприятностях, которые могут возникнуть». Эта фраза — показатель отношения Марии к Босуэллу в течение двух последующих лет. В качестве раздражителя — и Англии, и Морея — Босуэлл мог оказаться бесценным. В данном отношении его пренебрежение законом могло считаться его преимуществом.

Дело осложнялось неопределенностью сведений о передвижениях Босуэлла. Считается, что он оставался в ссылке до марта 1565 г., когда на короткое время вернулся, но был вынужден снова укрыться во Франции. В действительности он периодически посещал Шотландию, особенно в 1564 г., когда тайно встретился с Марией в Данбаре. Этот факт соблазнительно использовать для доказательства романтической связи между Марией и Босуэллом еще до ее брака с Дарнли, но это было бы излишне опрометчиво.

В начале 1563 г. Босуэлл так и не добрался до Франции, поскольку попал в кораблекрушение. Жестокий шторм прибил его корабль к Святому острову[25] у побережья Нортумберленда. Англичане захватили Босуэлла и сначала держали в замке Тайнмут, а затем перевезли в Лондон и поместили в Тауэр. Он держался уверенно и даже дерзко, сообщив тюремщикам (несколько противоречиво), что пользуется расположением Марии и что он собирался посетить ее родственников, но его ни в коем случае нельзя отправлять назад в Шотландию, где на него обрушится гнев недругов. Характерное для Босуэлла поведение — он всегда блефовал, чтобы выбраться из беды.

Мария поинтересовалась известиями о нем, когда Мейтланд был на пути в Лондон. «Что бы они ни говорили против него, — сказала она, — это происходит скорее из ненависти к его персоне или из любви, чем из его заслуг». Она попросила Рэндольфа передать Елизавете требование вернуть Босуэлла. «Я бы желала, чтобы его снова отослали в Шотландию. Моя благодарность будет так велика, что я с радостью отплачу услугой за услугу». Но если бы Босуэлл тогда вернулся, его снова ожидала бы тюрьма в наказание за побег из Эдинбургского замка. Судебная повестка с обвинениями в этом преступлении была уже выписана и просто ждала его возвращения.

Но Босуэлл смог возвыситься в глазах Марии, поскольку идеально уравновешивал Морея и его английских друзей. Рэндольф прекрасно понимал это. «Не следует забывать, — писал он Сесилу, — что я считаю его смертельным врагом всего нашего государства, худшим из всех живущих людей, жестоким без меры, лицемерным и лживым, как дьявол».

В апреле Мария снова потребовала ответа от английского двора, почему Босуэлл содержится в Тауэре. «Будь он здесь, — писал Рэндольф из Эдинбурга, — его бы использовали как орудие возмездия». Письмо с ответом сухо сообщало, что Босуэлл содержится в заключении из-за правового спора и что вскоре состоится суд. Ответ, похоже, удовлетворил Марию. И в конце июня Босуэлла отпустили на свободу под честное слово. «Заприте своих жен и дочерей!» — советовал Рэндольф Сесилу.

Как только Босуэлла освободили, Мария снова забыла о нем. Она была слишком занята устройством своего брака с доном Карлосом и отказом эрцгерцогу, чтобы переживать за него. Босуэлл снова оказался в подвешенном состоянии. В отчаянии он написал Марии — денег у него не было, а по условиям освобождения он не мог покинуть Англию. В декабре он встретился с Рэндольфом недалеко от границы и предложил сделку. Если Рэндольф воспользуется своим влиянием на Марию (что доказывало, что сам Босуэлл такого влияния не имел), чтобы та убедила Елизавету позволить ему покинуть Англию, то он добровольно отправится в ссылку во Францию.

Рэндольф согласился. Однако именно в этот момент противостояние Марии и Елизаветы по поводу брака шотландской королевы достигло наивысшей точки. Мария только что получила совет Елизаветы выйти замуж за английского дворянина и еще более оскорбительное требование Сесила о том, что ее династические права должен рассмотреть английский суд. Она не собиралась позволять Елизавете еще и удерживать шотландских дворян в Англии против воли и поэтому обратилась

с просьбой — не один раз, а дважды — отпустить Босуэлла. Свою лепту внесла и Мария Флеминг, главная из четырех Марий, которая убедила влюбленного Мейтланда обратиться к английской королеве с такой же просьбой. К ним присоединился даже Рэндольф, вероятно по настоянию своей любовницы, Марии Битон.

В феврале 1564 г. Рэндольф понял, что его обманули. «Все, в том числе и я, кто ходатайствовал за лорда Босуэлла, — сообщал он Сесилу, — за исключением королевы и Марии Флеминг, сожалеют о своей поспешности. Обнаружилось, что это лишь способ вернуть его домой». И действительно, через неделю Босуэлл тайно перешел границу и встретился с Марией в Данбаре. Когда об этом стало известно, все подумали, что Морей в опасности. «Босуэлл, — писал Рэндольф, — тайно приехал, имея при себе множество лошадей, чтобы побеседовать с королевой». Морею, который обычно сопровождал Марию, было приказано оставаться дома.

Затем Босуэлл снова через Лондон отправился во Францию, с ним был пакет писем. Все это выглядит очень подозрительно, если не брать во внимание, что мы имеем дело с одним из спектаклей Марии, предназначенных, чтобы подразнить Елизавету. Встреча в Данбаре была до такой степени «секретной», что о ней знал только Рэндольф. Письма, которые вез Босуэлл, были абсолютно безобидными. Мы точно знаем, кому они были адресованы: Елизавете, Сесилу и Дадли! Когда Босуэлл их доставил, ему позволили наконец подняться на борт корабля, направляющегося во Францию. Босуэлл был удобным посредником по пути на юг, к портам Ла-Манша, и не поддерживал тайных связей с Марией.

Одна из целей его встречи с королевой Шотландии состояла в том, чтобы доказать Елизавете, что у Марии есть лорды, которые поддержат ее отказ принимать условия замужества, диктуемые Англией. Мария, говорил друг Нокса, Уильям Киркалди, хотела убедиться, что Босуэлла «всегда можно вытряхнуть из рукава».

Существует и более простое объяснение их встречи. Мария очень серьезно относилась к родственным связям, и один из наименее известных фактов о Босуэлле состоит в том, что его сестра Джейн Хепберн, выйдя замуж за лорда Джона Колдингема, стала невесткой Марии. Лорд Джон, еще один незаконнорожденный сын Якова V, был одним из самых энергичных и утонченных придворных Марии, известным своей любовью к танцам. Он пользовался покровительством королевы, и она пожаловала ему замок Данбар, практически неприступную крепость среди утесов Ист-Лотиана. Поэтому неудивительно, если

Босуэлл приехал в Данбар просто для того, чтобы повидаться с сестрой, а королева случайно оказалась там в это же время.

Цель его визита была очень проста. Несколькими неделями раньше неожиданно умер лорд Джон. Мария приехала утешить убитую горем вдову. Разве не естественно, что Босуэлл, совсем рядом, через границу, ожидающий паспорт, чтобы отправиться во Францию, решил перед отъездом повидаться с сестрой?

Наконец, следует упомянуть о еще одной связи. Бабушка Босуэлла была любовницей Якова VI. Ходило множество слухов, хотя и неподтвержденных, что его отец Патрик был сыном короля. В таком случае Мария и Босуэлл приходились друг другу двоюродными братом и сестрой. Это объясняет действия Марии после возвращения в Шотландию, сильно озадачившие Рэндольфа. «Графу Босуэллу, — писал он, — вернули земли его отца в Тевиотдейле и аббатство Мелроуз. Говорят, он близкий родственник Ее Величества». Рэндольф не мог понять намеки на близкое родство Марии и Босуэлла, поскольку причиной были давние слухи о бабушке графа.

Проведя почти год во Франции, Босуэлл снова решил действовать. В конце февраля 1565 г. он направил Марии петицию с просьбой разрешить ему вернуться домой, в которой выказал должное смирение, соглашаясь принять условия, приличествующие его «званию и происхождению». Реакция Марии была неоднозначной. «Сама она, — говорил Рэндольф, — не настроена против него, но существует множество причин, почему его не так привечают, как других».

Однако Босуэлл редко соблюдал формальности. Он вернулся в Шотландию, не дожидаясь ответа. Морей хотел, чтобы его объявили вне закона. «Говорят, королева разрешила, — писал граф Бедфорд из Берика, — но сомнительно, что она приведет это в исполнение».

Босуэлл сначала отправился повидаться к матери в Хаддингтон, но быстро уехал оттуда, поскольку опасался за свою безопасность, на что у него имелись серьезные основания, — Морей начал охоту за ним. По мнению Морея, Босуэлл представлял собой вечно кровоточащую рану. Морей никогда не простит его за кражу у капитана Кокберна первой партии английского золота, которое так ждали. «Он добивается своего с таким упорством, — продолжал Бедфорд в своем следующем докладе, — что Шотландия не выдержит их обоих».

Вскоре Босуэлл вернулся в Хермитедж. Здесь он подвергся еще большей опасности. Его слуги пересказывали «разные слова», якобы произнесенные им во Франции, — и в том числе угрозы убить Морея, Мейтланда и Сесила. Кроме того, до ушей королевы

донесли приписываемую ему шутку, что из Марии и Елизаветы «не получится даже одна честная женщина». Распространялись и еще более сомнительные (учитывая, что слуги Босуэлла хотели получить вознаграждение за информацию) слухи, будто бы он оскорблял Марию, называя «шлюхой» ее дяди, кардинала Лотарингского. Босуэлл даже не снизошел до ответа на подобные обвинения, а сразу бросился в контратаку, обвинив Мейтланда в попытке подкупить брадобрея, чтобы тот отравил его.

Мария устала от этих распрей. Все прояснилось после решительного заявления Елизаветы, что она ничего не станет решать относительно династических прав Марии, пока сама не выйдет замуж или не объявит о своем решении никогда не вступать в брак. Теперь Дарнли был под присмотром Марии, а Босуэлл представлял собой досадную помеху. «Она поклялась своей честью, — писал Рэндольф, — что он никогда не добьется ее благосклонности». Его возвращение вызвало «решительное недовольство», и ему приказали явиться ко двору и ответить на обвинение в побеге из тюрьмы. Хотя и проявив недовольство, Мария поставила Босуэллу очень мягкие условия. Морей требовал ареста Босуэлла по обвинению в измене, но после вмешательства Марии граф отделался всего лишь залогом в размере 200 фунтов.

Это предопределило исход дела Босуэлла. Судебное заседание назначили на 2 мая 1565 г. Морей прибыл в Эдинбург с большим отрядом, пытаясь произвести впечатление на суд и обеспечить обвинительный приговор. Но Босуэлл к этому времени скрылся, возможно при попустительстве Марии. Она по-прежнему держала его «в рукаве», предполагая, что когда-нибудь он ей пригодится. Но пока она замужем за Дарнли, Босуэлл не должен мешать. «Считается, — писал один из шпионов Рэндольфа, — что Ее Величество королева облагодетельствует его, но я убежден, что Ее Величество не объявит об этом теперь».

Босуэлл вернулся во Францию, где провел всего лишь несколько недель. В его отсутствие суд признал его виновным, но Мария вмешалась и не дала секретарю суда назначить наказание. В итоге Босуэлл сумел избежать конфискации земель, а дело просто отложили на тот случай, если он будет плохо себя вести в будущем.

Его положение изменилось после того, как Морей восстал против брака Марии с Дарнли. Мария вызвала Босуэлла за десять дней до свадьбы. Она твердо решила отомстить брату за предательство и могла действовать безнаказанно, поскольку уже не зависела от его союзников, чтобы получить поддержку в Тайном совете. Она знала, что Босуэлл идеален в роли мстителя. Вражда между ним и Мореем зашла слишком далеко. В

довершение всего Мария также предоставила свободу действий лорду Гордону, сыну и наследнику побежденного графа Хантли, семья которого была полностью уничтожена в сражении при Корричи. Когда Гордоны были атакованы Мореем и лишились своих земель и имущества, лорд Гордон, будучи протестантом, спасся только благодаря заступничеству своего тестя, Шательро. Его отправили не на галеры, а под домашний арест в Данбаре, где он провел более двух лет. Через две недели после вызова Босуэлла Мария освободила Гордона также под честное слово. Об этой милости было объявлено в Эдинбурге, и через два дня он уже явился на аудиенцию к Марии и Дарнли в Холирудский дворец. Гордон снова поступил на королевскую службу, и ему вернули сначала титул лорда Гордона, а затем графа Хантли — со всеми землями и привилегиями, принадлежавшими его отцу. В подтверждение королевской милости требовался еще указ парламента, но Мария твердо решила восстановить все наследственные права Хантли.

И Хантли не остался в долгу. Он не только участвовал в подавлении мятежа, поднятого Мореем и его союзниками, но также объединился с Босуэллом, став его ближайшим другом и союзником, а на следующий год их дружба была скреплена родственными связями — Босуэлл женился на сестре Хантли, леди Джин Гордон.

Когда Морей и его союзники подняли мятеж, для Марии важнее всего было действовать быстро. Вызвав Босуэлла, она не стала ждать его возвращения, а сразу нанесла ответный удар. Бунт следовало подавить в зародыше, и поскольку мятежников поддерживало очень небольшое число лордов, Мария воспользовалась благоприятной возможностью. 26 августа войско было собрано — на выплату жалованья солдатам королева пожертвовала свои драгоценности. Она добилась беспрецедентно быстрого успеха в формировании королевской армии. Мария вышла в поход из Эдинбурга во главе десятитысячного отряда, что в пять раз превышало силы противника. Морей обнаружил, что в этот раз он имеет дело не со старой вдовствующей королевой, страдающей от водянки и опирающейся на непопулярные французские войска, а с очаровательной, энергичной и разгневанной правительницей, которую поддерживают ее подданные.

Поскольку Морея последний раз видели в Эршире, Мария направилась именно туда через центральную часть Шотландской низменности. Несмотря на ветер и проливной дождь, они с Дарнли продвигались довольно быстро. В седельной кобуре королевы находился пистолет, голову венчал стальной шлем;

рядом с ней Дарнли красовался в позолоченной кирасе. Мария ощущала себя в своей стихии и пребывала в прекрасном настроении. В военной кампании, которая получила меткое название «загонный рейд», поскольку Мария постоянно гнала противника перед собой, инициатива с самого начала принадлежала королевским войскам. Как сообщал Рэндольф, «королева преследует мятежников так плотно и с такой силой, увеличившейся в разы благодаря ее мушкетерам, что не дает им времени для отдыха ни на одном месте». Даже Нокс был вынужден признать ее отвагу. «Несмотря на утомительность этого предприятия, — писал он, — храбрость королевы сравнялась с храбростью мужчин, она всегда была в первых рядах».

В Эре к Морею присоединились все мятежные лорды, за исключением Аргайла. Они объединили свои отряды, а когда услышали о приближении Марии, двинулись в противоположном направлении. 31 августа они вошли в Эдинбург, надеясь захватить город до прихода королевских войск. Но жители остались верны Марии и против мятежников повернулись все пушки замка. Обескураженные мятежники отступили на 50 миль к западу и 5 сентября подошли к Дамфрису. Мария едва не перехватила их 4 сентября, но, когда им удалось незаметно проскользнуть мимо нее, она не стала их преследовать и вернулась в Эдинбург, чтобы пополнить свое войско и дать ему отдохнуть.

Аргайл не присоединился к Морею. Он начал собственную кампанию в горных районах, где ему противостояли граф Атолл и Ленноксы. Когда они в конечном счете окружили Аргайла, Мария не стала чинить расправу и оставила за ним его анклав. Затем она занялась базой Морея в Файфе, отрезав его от линии снабжения. 13 сентября в Сент-Эндрюсе она издала манифест, обрушившись на тех, кто, «прикрываясь верой», поднял «волнения», чтобы «самим стать королями». Морей и его союзники ответили ей из Дамфриса, утверждая, что они не предатели и не мятежники, а действуют в интересах Бога, своей королевы и «державы». Их недовольство было вызвано тем, что Мария, выйдя замуж за Дарнли и объявив его королем без согласия парламента, попрала законные права своих лордов.

17 сентября Босуэлл прибыл из Франции в Аймут. Через четверть часа он уже скакал на коне в поисках Марии и ее войска, с которыми встретился в Холируде 20 сентября. Зная, что Сесил приказал схватить и арестовать его в море, Босуэлл нанял известного пирата Уилсона, который должен был доставить его в Шотландию. Тем не менее он принял дополнительные меры предосторожности и сбежал с судна на лодке, захватив с собой

шесть или восемь человек. Все вещи пропали, но у него остались кое-какие доспехи и несколько ящиков с пистолетами.

Мария была рада видеть Босуэлла, которому впоследствии отдала всю славу своего успеха. 28-го числа она восстановила его членство в Тайном совете. После Леннокса и Атолла он стал самым близким ее советником. Рэндольф не зря боялся Босуэлла. «В его власти, — говорил он, — причинить больше зла, чем он за всю свою жизнь собирался сделать добра». Однако его возвращение также было на руку Рэндольфу, поскольку провоцировало многочисленные ссоры между Марией и Дарнли по поводу того, кто должен занять должность лейтенант-генерала королевской армии. Мария хотела поставить во главе войска Босуэлла, тогда как Дарнли видел на этом посту своего отца лорда Леннокса. В конечном итоге Леннокса назначили командовать авангардом, а Босуэлл присоединился к Дарнли во главе основных сил армии. В Аргайлшире командующим армией Марии был назначен граф Атолл.

К 4 октября численность королевской армии уже составляла от десяти до двенадцати тысяч человек. Хантли, как сообщал Рэндольф, тоже жаждал мщения и привел «большой отряд с севера». Он «приписывает ниспровержение отца исключительно милорду Морею, хотя это было одобрено самой королевой». Тем временем Босуэлл «берет на себя очень много и много обещает». Мария «больше всего доверяет» Босуэллу, Хантли и Атоллу.

И они ее не разочаровали. 8 октября основные силы королевской армии вышли из Эдинбурга и двинулись к Дамфрису. Мария сопровождала их — по-прежнему в стальном шлеме.

Никакого сражения не случилось. К моменту прибытия армии Морей и его союзники бежали. Они просто перешли границу и скрылись в Карлайле. Отдохнув несколько дней, они двинулись дальше и 16 октября достигли Ньюкасл-апон-Тайна. Просьба Морея к англичанам о подкреплениях осталась без ответа. Тайный совет взвесил все за и против и в конце концов решил, что открытая военная интервенция в Шотландию может привести к неограниченным обязательствам. Поэтому англичане откупились финансовой помощью. Сначала Рэндольф передал 3000 крон леди Морей, а затем Бедфорд вручил ей еще 1500 крон.

Тем временем Аргайл был заперт в Аргайлшире. Он ждал, что теперь Мария обрушится на него, однако этого не случилось. После того как Морей и остальные мятежные лорды сбежали в Англию, она распустила армию. Победа была окончательной. Никогда еще Мария не была настолько могущественной и

популярной. Она вышла замуж за Дарнли и тем самым объединила их права на английский трон. Она обратила врагов в бегство, не пролив ни капли крови и без боя. У нее были такие верные и преданные советники, как Босуэлл и Хантли.

Мария добилась успеха потому, что взяла инициативу в свои руки. Пока Елизавета пребывала в замешательстве и английская политика оставалась непоследовательной, она действовала решительно, продемонстрировав завидную смелость и неуемную энергию. Она искусно лавировала в вопросах религии. Умело держала в стороне Англию, чем помешала Елизавете и Сесилу помочь Морею поднять мятеж во второй раз.

Елизавета требовала второго раунда дипломатических переговоров, но Мария не видела в этом смысла. Она больше не позволит иностранному правителю вмешиваться во внутренние дела ее страны или в борьбу с мятежниками, которых она собиралась сурово наказать. Об этом Мария сообщила английской королеве в решительном заявлении, которое вручила Рэндольфу 7 сентября. Никогда еще Елизавета так не сердилась на кузину и не была так разочарована в ней, как после получения этого письма.

Елизавета рассчитывала, что Мария исполнит ее пожелания, почти как вассал, не понимая, что королева Шотландии теперь обрела силу и может постоять за себя так, как не могла раньше. Англия, и в особенности Сесил, рассматривали Шотландию как своего сателлита, но Мария не собиралась возвращаться к политике примирения — успех теперь был на ее стороне. Поражение Морея было почти таким же сокрушительным, как поражение старшего графа Хантли тремя годами раньше, и отступать королева не собиралась. Она сделала всего лишь одно исключение. Когда Шательро смиренно извинился за свою роль в мятеже и добровольно удалился в ссылку, он и его семья получили прощение. На этом терпение Марии закончилось.

18 и 19 декабря герольды в полном облачении выходили на Маркет-Кросс в Эдинбурге и призывали Морея и его союзников явиться в парламент 12 марта 1566 г., «чтобы услышать и увидеть окончание процесса о конфискации, должным образом начатого против них».

Созыв Марией парламента и предупреждение о своем намерении конфисковать земли и имущество мятежных лордов станут очередным водоразделом между нею и Англией. Кроме того, это послужит прелюдией к двум самым драматичным убийствам в шотландской и британской истории.

15
Брак в опасности

Благодаря сохранившимся до наших дней архивам мы точно знаем, что думала Мария и что побудило ее вступить в военное противостояние с мятежными лордами после возвращения Босуэлла. В Холирудском дворце она несколько раз изливала душу Кастельно, специальному посланнику Екатерины Медичи и Карла IX в Шотландии. Первая встреча с Марией и Дарнли состоялась в зале приемов, а затем они беседовали в саду дворца; содержание их «бесед» Кастельно отправлял Карлу, и теперь эти отчеты хранятся в Национальной библиотеке в Париже.

После того как Кастельно вручил верительные грамоты и поздравил короля и королеву с заключением брака, Мария объявила о своем намерении сокрушить мятежников. Под предлогом защиты религии они отказались от своих верноподданнических обязанностей и желали свергнуть ее. По этой причине ситуация касается любого другого правителя — ведь если ее мятежникам позволят так себя вести и искать поддержки Англии в своих преступлениях, то в мире не будет порядка и стабильности.

Мария была тверда в своих убеждениях. Морей и его союзники не просто бунтовщики с политическими претензиями и корыстными целями, а явные «республиканцы» (она использовала именно это слово), намеренные разрушить «древнюю монархию». Мятежники свергнут и убьют ее и Дарнли, а затем установят «республику», в которой власть будет принадлежать дворянам. Они уже свергли ее мать и предполагали, что следующей будет сама Мария. Взгляды Марии на республиканскую систему правления представляли собой нечто похожее на «теорию домино». Как только Шотландия покорится мятежникам, зараза распространится дальше на Англию, Нидерланды и Францию.

Когда Мария все это говорила, по ее щекам текли слезы. Она была очень взволнована; на ее взгляды серьезно повлияли события 1559–1560 гг., когда лорды конгрегации свергли ее мать, а Елизавета признала правительство мятежников, заключив с ними Эдинбургский договор.

Мария напомнила Кастельно о давней традиции «старинного союза», а также о тесных связях Гизов и Валуа. А затем потребовала военной помощи. «Вся моя надежда на Францию», — сказала она. Кастельно был потрясен, поскольку ему поручили убедить Марию помириться с Мореем. Новая французская

интервенция могла привести к длительной гражданской войне, грозившей распространиться на все Британские острова. Он убеждал шотландскую королеву пойти на компромисс, однако она решительно отказалась. «Это несовместимо с моей честью и безопасностью моей персоны, а также моего супруга, короля, поскольку вероломные и злобные мятежники решили убить нас обоих».

Мария по-новому определила проблему. Борьба уже не была связана с ее браком, а приобрела идеологическую окраску. Шотландская королева видела явное столкновение между монархией и республикой, между божественной властью помазанной королевы и анархией, между французским и английским влиянием в Шотландии. Она отказывалась слушать увещевания Кастельно о том, что «польза», «благоразумие» и «целесообразность» обязывают ее пойти на уступки. Мятежники должны понести наказание просто из принципа — в противном случае будет подорван не просто ее авторитет, а сам институт монархии. Кастельно заметил, что Дарнли, свободно владевший французским, с еще большей страстью защищал идею монархии, чем Мария. Дискуссия продолжалась четыре часа и закончилась тем же, с чего началась.

На следующий день Кастельно пригласили в дворцовый сад, где Мария и Дарнли прогуливались среди красивых клумб и фруктовых деревьев, высаженных матерью королевы. Мария выглядела радостной и умиротворенной, и когда к королевской чете присоединился Кастельно, пустила в ход все свое обаяние, заявив, что когда-нибудь поручит своему Тайному совету обдумать все предложения посла. А пока время для разговоров прошло, и она намерена сражаться.

Когда Кастельно спросил, готова ли она рискнуть всем в сражении, Мария не дрогнула. «Конечно, — ответила она. — Потому что если тянуть время, то я перестану быть королевой». Посол пытался возразить, что дружба с Англией важна как для авторитета Марии в Шотландии, так и для укрепления ее прав на английский трон. Мария с этим не спорила. «Да», — согласилась она. Она готова восстановить дружбу и предложить Елизавете свою любовь и расположение, «но только после того, как она объявит меня своей наследницей в том случае, если умрет бездетной».

Кастельно видел, что Мария изменилась. В последний визит его поразило исходящее от нее «величие». Тогда он писал, что у нее «широкая и беспокойная душа, как у ее дяди, кардинала Лотарингского». В этот раз она не проявляла чрезмерную гордость или уверенность в себе. Она стала дерзкой,

драматизировала свои проблемы и делала из них далеко идущие выводы. Бунт Морея, серьезный, но довольно распространенный мятеж во времена религиозных войн, она представила как общую угрозу для европейских монархий, требовавшую срочного решения. Мария рассматривала Морея как революционера с республиканскими взглядами и не могла понять неспособность Кастельно согласиться с ней.

В частном письме к Полю де Фуа, постоянному послу Франции в Лондоне, Кастельно называл Марию «неподатливой». Ее смелость и решительность были таковы, что она взяла на вооружение принцип «все или ничего». Мария приравнивала протестантство к политической революции и скорее покинула бы трон, чем помирилась с Мореем.

Кастельно преувеличивал. Перемены в поведении Марии были скорее намеками, а не серьезным изменением в ее политике. Поворот к католицизму уже назревал, но еще не начался, и для его появления есть более убедительное объяснение. Дарнли, как заметил Кастельно, также важничал. Он видел себя королем Шотландии с собственными идеями и «повесткой». Он хотел посетить Францию, чтобы произвести впечатление на Карла IX своей верностью католицизму. Он жаждал стать частью династической системы Европы и просил Кастельно посодействовать ему в получении ордена св. Михаила, высшей награды Франции. Дарнли проводил политику умиротворения католических держав и пытался убедить Марию, что после мятежа Морея протестанты должны быть объявлены вне закона.

Дарнли не был ни набожным католиком, ни тем более протестантом, несмотря на регулярные посещения проповедей Нокса. Он цинично использовал религию для достижения своих политических целей, главным образом для привлечения внимания к своей персоне. Усилия, направленные на получение признания в Европе и упрочение там своего влияния, были просто еще одним проявлением его эгоистической натуры.

На самом деле амбиции его были непомерными. Мария позволила ему изображать короля, потакая его тщеславию. Она была готова разделить с ним управление Шотландией, однако он ждал, что супруга передаст всю власть правящей королевы ему. Дарнли действительно верил, что брак поставит Марию в подчиненное положение. Теперь он был королем Шотландии, и примитивные взгляды на секс привели его к убеждению, что его власть наиболее полно утверждается в постели, где он может делать все что угодно и когда угодно. Тот факт, что поначалу Мария проявляла покорность в альковных делах, объяснялся тем,

что она очень хотела сына и наследника.

Теперь Дарнли выспрашивал Кастельно о недавней встрече правящих домов Франции и Испании в Байонне. Во время захватывающего объединения двух королевских дворов в мае и июне 1565 г. Екатерина Медичи увиделась со своей старшей дочерью Елизаветой, подругой Марии по детским играм при Генрихе II, а теперь королевой Испании. На встрече присутствовали Карл IX и герцог Альба, один из самых близких советников Филиппа II. Целью всего мероприятия было укрепление тесных семейных связей, установившихся в результате заключения Като-Камбрезийского мира. На самом деле встреча оказалась пустой, потому что Филипп так и не удосужился на ней появиться. Тем не менее протестанты всей Европы активно обсуждали ее. Они боялись, что на тайном совещании была создана Католическая лига, призванная уничтожить их. Именно это в первую очередь интересовало Дарнли.

С первого дня своего брака он мечтал снова сменить религию в Шотландии. Его доверенными лицами были сэр Джеймс Бальфур, Давид Риччио, Джон Лесли, Дэвид Чалмерс и Фрэнсис Якслы: довольно разношерстный, но в высшей степени любопытный квинтет.

Бальфур был правой рукой Дарнли. Беспринципный юрист, присутствовавший при второй беседе Кастельно в саду Холирудского дворца, он много лет назад участвовал в заговоре с целью убийства кардинала Битона. Французы взяли его в плен в Сент-Эндрюсе и отправили на галеры вместе с Джоном Ноксом. Теперь он занимал должность судьи в Сессионном суде Эдинбурга. Его интересовала только карьера, и он с удивительным проворством перебегал от одной стороны противостояния к другой.

Риччио, новый личный секретарь Марии, всегда считался «единственным наставником» Дарнли и человеком, слово которого было решающим. Их застали в постели, что с учетом поворота Дарнли к католицизму неизбежно привело к обвинениям Риччио в шпионаже в пользу папы.

Лесли и Чалмерс были ведущими католическими юристами. Лесли (впоследствии епископ Росс) станет одним из самых активных и красноречивых защитников Марии после ее бегства в Англию. Вскоре после замужества Марии его имя стали связывать с Бальфуром. Чалмерс был связан с Бальфуром через Сессионный суд, и оба они — с Босуэллом как адвокаты в морском суде, где председательствовал лорд-адмирал.

В это же время рядом с Дарнли появился некий Якслы —

торговец, неоднозначная личность и очень странный человек. Английский подданный и ревностный католик, сначала он служил Филиппу II и Марии Тюдор, а теперь пользовался покровительством графини Леннокс. Он прибыл в Шотландию вскоре после свадьбы Марии с Дарнли и зачем-то назвался шотландцем. Графиня считала его связующим звеном между своим сыном и английскими католиками, и Якслиbыстро завоевал доверие Дарнли. Его назначили специальным посланником и поручили доставить Филиппу II сообщение, что Мария не доверяет своим французским родственникам и желает отдать себя и свою страну под защиту Филиппа. Естественно, Дарнли не пришло в голову сначала получить разрешение у Марии.

Якслиbыл опасен: в прошлом он служил у Сесила и знал в лицо его иностранных агентов; кроме того, у него имелась дипломатическая аккредитация во многих странах Европы. Он был не слишком сдержан на язык и утверждал, что знает многих «влиятельных» католиков в Англии, готовых присягнуть на верность Испании, если Мария сменит на троне Елизавету.

Другую опасную игру Дарнли начал в Ирландии, где Испания стремилась расширить свое влияние. Между Испанией и югом Ирландии была налажена оживленная торговля, а подавляющее население страны были католиками. Гэльские вожди бунтовали, и многие были готовы признать Марию королевой Ирландии вместо Елизаветы. В это время Филипп II начал задумываться, не была ли его политика в отношении английской королевы слишком мягкой. В этом случае ключом к Англии окажется совсем не Шотландия, а Ирландия. Если Дарнли удастся создать в Ирландии сложную для англичан обстановку, то для Филиппа это гораздо интереснее, чем претензии Марии на английский трон, которые без поддержки папы римского оставались абсолютно бесполезными.

Миссия Якслиbв Испании оказалась успешной. Он получил письма от Филиппа к Дарнли, однако на обратном пути в Северном море его корабль потерпел крушение и затонул со всеми пассажирами. Тело Якслиbыло выброшено на Святой остров — вместе с документами и приличной суммой денег в кронах и дукатах. Найденные при нем письма были адресованы только «королю Шотландии» — в них нет ни одного упоминания о Марии, которая не принималась в расчет дипломатией Дарнли. Несмотря на то что они были женаты меньше шести месяцев, Дарнли уже пробовал свои силы в попытках стать одним из величайших католических монархов Европы.

На Рождество 1565 г. Дарнли продемонстрировал, каким

католиком он желает быть. Он присутствовал на всенощной, потом на заутрене и торжественной мессе, «усердно молился, стоя на коленях». Он больше не посещал проповеди Нокса в соборе св. Джайлса, а вел разговоры о восстановлении мессы в Шотландии и гарантиях «свободы совести» для католиков, которые должен был дать парламент на следующей весенней сессии, созванной для осуждения Морея и его союзников.

Дарнли становился опасным. Его действия ставили под угрозу компромисс между конфессиями, который с таким искусством Мария выстраивала на протяжении четырех лет. Поначалу она попыталась дистанцироваться от действий мужа. На Рождество, когда он демонстративно посещал богослужения, она всю ночь играла в карты и легла спать на рассвете, пропустив все службы. Но Дарнли упорствовал и даже осмелился потребовать у нее доказательств, что она истинная католичка.

Дарнли был убежден, что король выше закона, потому что, в отличие от Марии, ему не было выдано особого разрешения молиться частным образом по католическому обряду в королевской часовне Холирудского дворца. Ему даже не пришло в голову спросить, не вызовут ли его действия раскола, и он был до такой степени высокомерен и черств, что гордился своим «крестовым походом» на протестантов.

Дарнли планировал пик своей кампании на Сретение Господне — начало февраля 1566 г. Его должны были наградить орденом св. Михаила, которого для него добился Кастельно. Дарнли с нетерпением ждал церемонии и рассматривал ее как знак признания со стороны католических держав.

На церемонию награждения в Эдинбург приехала большая делегация. Посла Карла IX сопровождал посол кардинала Лотарингского — дяди Марии, который привез необычное письмо от папы римского, поздравлявшего ее и Дарнли с официальным восстановлением католицизма. Разумеется, подобных попыток даже не делалось, и из документов, хранящихся в архивах в Симанкасе, мы знаем, что письмо понтифика было результатом визита Якcли в Испанию, где Дарнли воспринимали как человека, который повернет вспять шотландскую реформацию.

За день до награждения Дарнли собрал столько шотландских лордов, сколько смог, и пригласил всех на мессу. Но приглашение приняли только католики. Протестанты, в том числе Босуэлл и Хантли, отказались. Дарнли потерял самообладание. Он удалился из зала на первом этаже дворца и заперся, угрожая выбросить ключ. Мария спустилась из своих апартаментов, чтобы узнать причину криков мужа. Желая избежать скандала, она попыталась успокоить Дарнли, поведение которого становилось все более

оскорбительным. Она даже взяла за руки Босуэлла и Хантли, своих самых верных сторонников, и попыталась отвести их на мессу. Но они вновь отказались. Тем не менее Дарнли громогласно объявил, что собирается восстановить торжественную мессу в соборе св. Джайлса в Эдинбурге — эти слова точно довели бы Нокса до апоплексического удара, если бы он их услышал.

В итоге Мария не смогла остаться в стороне. Конечно, Дарнли стал поборником католицизма только для того, чтобы добиться международного авторитета, но тем не менее он разбудил совесть королевы. В сущности, он использовал искренние религиозные убеждения Марии, чтобы заронить в ее сознание мысль о том, что она предает свою церковь и своих собратьев-католиков, пойдя на компромисс, лишающий их права на публичные богослужения. Эта мысль особенно остро проявилась тогда, когда ее муж демонстрировал свой псевдокатолицизм перед важными иностранными дипломатами.

Возможно, имелись и другие причины, убедившие Марию повернуть к католицизму? Вне всякого сомнения, и главной из них было влияние семьи Гизов. Когда посол ее дяди, все еще недовольного политикой шотландской королевы, сердечно поздравлял ее с восстановлением католической веры в Шотландии, в глубине души она понимала, что подвела свою семью, а также своих братьев во Христе.

Еще одна причина заключалась в том, что Мария была в положении — на пятом месяце. Каковы бы ни были недостатки Дарнли, но ребенка он зачал быстро. Первым о беременности королевы узнал Кастельно. Он обратил внимание, что Мария кутается в мантию даже в помещении, перестала ездить верхом, и ее все чаще видели в паланкине. Ее мучила тошнота и боли в животе, которые Рэндольф называл возвращением «ее старой болезни». Однако на этот раз это были первые месяцы беременности. Мария пять дней не выходила из своей комнаты и не вставала с кровати. Затем даже Рэндольф понял, что слухи верны. Он сразу же стал проявлять повышенный интерес к менструальному циклу Марии, подкупая служанок, чтобы получать самую свежую информацию.

Во время торжественной мессы в праздник Сретения Господня Мария и Дарнли поднесли свечи к алтарю королевской часовни в Холируде в сопровождении Леннокса, Атолла и еще трехсот человек. Наконец Дарнли получил то, что хотел. Мария даже пообещала, что «сделает мессу доступной для всех, кто пожелает ее слушать». Это было очень важное заявление, тут же подхваченное протестантами и вызвавшее общий испуг. Через

неделю после награждения Дарнли с друзьями бродил по Хай-стрит в Эдинбурге, хвастаясь, что они одним ударом уничтожили шотландскую реформацию.

Но Мария не была рабыней Дарнли. Рэндольф еще этого не понимал, но брак шотландской королевы дал трещину. Первые «разногласия», или ссоры, возникли между молодоженами по поводу соперничества Леннокса и Босуэлла, желавших возглавить королевскую армию в походе против Морея. Впоследствии Леннокс утверждал, что критический момент наступил «где-то в ноябре» 1865 г., когда Мария «внезапно переменилась» к его сыну. К тому времени она уже знала, что беременна, и, вероятно, решила, что теперь, когда Дарнли выполнил свое назначение, потакать всем его капризам больше нет необходимости.

Ситуация обострилась в декабре, когда Мария простила Шательро и его семью, давних врагов Ленноксов, за участие в мятеже Морея. Ленноксы были в ярости. Дарнли прямо заявил Марии, что как ее муж и повелитель запрещает дальнейшие помилования. Еще никто так не говорил с Марией и при этом остался безнаказанным. Ее реакция была предсказуемой. Она не подчинится человеку, который был никем и которого она сама возвысила.

Отчуждение Марии и Дарнли стало очевидным на Рождество 1565 г., ознаменовавшееся рядом громких скандалов. Несмотря на то что ссоры происходили в королевских покоях, слухи о них распространились довольно быстро. Как выражался Бедфорд, если «еще недавно речь всегда шла о „короле и королеве, Его и Ее Величествах“, то теперь чаще всего говорят о „супруге королевы“». Мария решила просто понизить статус мужа. После свадьбы она сделала заявление, согласившись поделиться властью и установить «совместное» правление. В официальных документах и на новых монетах имя Дарнли даже указывалось первым. Теперь этот порядок отменили. В документах имя Дарнли переместилось на второе место, а на монетах надпись «Генрих и Мария, божьей милостью король и королева Шотландии» сменилась на: «Мария и Генрих… королева и король…» Глубокую иронию можно было усмотреть в девизе, также отчеканенном на монетах: «Тех, кого соединил Господь, не может разлучить ни один человек». Эту надпись также убрали, заменив цитатой из Псалмов: «Да восстанет Бог, да рассеет Своих врагов», — в честь победы Марии над Мореем. Во время церемонии награждения Дарнли в праздник Сретения Господня Мария даже отказала ему в праве нести королевские регалии. Три дня спустя Рэндольф писал Дадли: «Теперь я точно знаю, что королева сожалеет о своем браке; она ненавидит мужа и всех его

родственников».

Самой частой причиной ссор было пьянство Дарнли. Сэр Уильям Дрери, который был маршалом Берика и представителем графа Бедфорда в городе, рассказывал, когда на частном ужине в Эдинбурге Мария попросила мужа меньше пить, он нагрубил ей в ответ, и она, расплакавшись, вышла из-за стола.

Мария решила лишить Дарнли королевского титула — так же быстро, как даровала его. Она не могла помешать ему подписывать письма «Henry R»[26], если ему так хочется, но в ее власти было лишить его «брачной короны». К счастью для нее, брачную корону даровал парламент, и Дарнли ее так и не получил. Он не сможет наслаждаться законным статусом короля и не будет обладать правом наследования, если Мария умрет бездетной.

Мария не шутила, потому что когда она отказала Дарнли в праве нести королевские регалии, то ясно дала понять, что «брачная корона» ему тоже не светит. Поэтому Ленноксы решили не спрашивать ее согласия. Когда Рэндольф в своих отчетах Сесилу взволнованно описывал «разногласия» в королевской семье, он предполагал, что главной причиной было стремление Дарнли получить корону, «которую она не желала даровать слишком поспешно, а решила придержать, пока не убедится, насколько он достоин подобной власти».

Настроение Марии улучшилось в ту неделю, когда Дарнли наградили орденом. Внезапно она вновь стала выглядеть счастливой. Вряд ли причиной этому был посол Карла IX. Он настоятельно советовал ей простить Морея и изгнанных лордов при условии, что они пообещают жить «как добрые подданные», — то, что она хотела от него услышать в самую последнюю очередь. Мария, с необычной для себя злобой, выразила надежду, что Морей умрет в изгнании.

Причину раскрывают две записки Рэндольфа Трокмортону, недавно обнаруженные в архивах Эдинбурга и описывающие обстановку, в которой проходило награждение Дарнли. Одна была написана 7 февраля, а вторая — 10 февраля, в день церемонии.

Мария, как сенсационно сообщал Рэндольф, собиралась заново объявить о своих претензиях на английский трон. Третья, и последняя, причина ее обращения к католицизму заключалась в убеждении, что ее сторонники в Англии «сильны, как никогда». Может быть, в этом ее убедил Якслы? Или посол дяди передал информацию, которую Якслы распространял во время своего визита в Испанию? А может, Сесил оказался прав, предсказывая, что «народ Англии» — протестанты и католики — перейдут под

знамена Марии, если она выйдет замуж и родит наследника?

Должно быть, беременность существенно повысила самооценку и династический статус Марии. Елизавета все еще не вышла замуж, и это могло навести Марию на мысль, что теперь она тем или иным образом сможет доказать справедливость своих претензий. Несмотря на хрупкость отношений с Дарнли, в династическом отношении их союз был выдающимся и достойным королевского брака, а Мария теперь получила возможность планировать новую кампанию по утверждению своих династических прав в Англии.

За несколько дней до церемонии награждения в большом зале Холирудского дворца устроили пышный банкет в честь приехавших послов. Глядя на портрет Елизаветы, который, вне всякого сомнения, был выставлен намеренно, Мария встала и при всех заявила, что «в Англии не было другой королевы, кроме ее самой».

Это был решительный шаг. С тех пор как после вступления Елизаветы на престол в ноябре 1558 г. папа римский не поддержал ее династические претензии, Мария вынужденно признала, что у нее остается один вариант — утвердить свое право как наследницы английской королевы. Но тот папа умер, а вслед за ним и его преемник. И на Святой престол был избран новый понтифик, Пий V. Одним из первых его публичных актов стало письмо Марии, по просьбе Филиппа II доставленное послом ее дяди после визита Якслi в Испанию.

Заявление Марии на банкете, что она является законной королевой Англии, должно было вызвать настоящий фурор. Рэндольф предсказывал катастрофу, отмечая, что «этот двор настолько разобщен, что мы ежедневно ожидаем событий, которые перерастут в новую беду». Три года назад Рэндольф убеждал Сесила, что Мария «не настолько любит мессу, что пожертвует ради нее королевством», но теперь считал, что она «склоняется к ниспровержению религии». Она не остановится ни перед чем в своем желании восстановить католицизм. Все ее усилия были направлены именно на это и напрямую связаны с династическими претензиями. После победы над Мореем она обрела невиданную доселе власть. Теперь она, опасался Рэндольф, будет стремиться развить успех посредством «своей идолопоклоннической мессы». В заключение он писал: «Прошу Вас сжечь это письмо».

Все это делало ситуацию крайне запутанной. Мария отказала Дарнли в использовании королевских регалий на церемонии награждения и в то же время пыталась за руку привести Босуэлла и Хантли на мессу — такое противоречивое поведение

наблюдалось и в ее политике. Она не желала подвергаться унижениям со стороны распутного и склонного к интригам мужа, но одновременно присоединилась к его «предприятию» по восстановлению католицизма — не с целью (как хотел он) произвести впечатление на мнимую Католическую лигу, а потому, что ей казалось, что после избрания Пия V она сможет использовать католицизм для окончательного признания ее династических прав.

Тем временем Дарнли начал яростно интриговать против жены. Рэндольф знал, что Дарнли и Леннокс «предпринимали шаги», чтобы «получить корону помимо ее воли». Приближалась очередная сессия парламента. Первое заседание уже назначили на 12 марта, когда лидеров мятежа Морея (за исключением прощенного Шательро) должны были осудить, а их земли конфисковать в пользу короны. У шотландских лордов была убедительная причина желать, чтобы новая сессия парламента оказалась неудачной, а еще лучше — вообще не состоялась. Если парламент соберется в назначенный срок, Морей и его союзники лишатся земель и титулов. Лорды также опасались, что следующим шагом Марии станет восстановление мессы. Заговор был неизбежен, не в последнюю очередь потому, что цели Марии встречали все более широкое сопротивление. Лорды из числа католиков намеревались объединиться с протестантами и выступить против конфискации земель у мятежников — на том основании, что это превратится в прецедент для конфискации владений знати. В данный момент им ничего не угрожало, но они беспокоились о будущем.

Все это обернулось против Марии. Когда она действовала самостоятельно, сделав брак с Дарнли свершившимся фактом и отказавшись от политики умиротворения Англии, то одержала победу. Но теперь против нее действовали изгнанные лорды, их союзники и Ленноксы, и баланс во фракциях сместился не в ее пользу. Положение Марии резко изменилось — почти безграничная власть превратилась в опасную изоляцию. Предупрежденная о заговоре своим верным слугой сэром Джеймсом Мелвиллом, она отмахнулась от его опасений. «Я в курсе подобных слухов, — сказала Мария, — но наши подданные — достойные люди». Если она действительно так ответила, с ее стороны это было излишне самоуверенно.

Заговор оформился, по свидетельству одного из участников, «приблизительно в 10-й день февраля», то есть в день награждения. Центром заговора был Дарнли, однако в нужном направлении его подталкивал Мейтланд, которого Мария отдалила от себя, отдав предпочтение своему новому личному

секретарю Давиду Риччио, который был полон решимости добиться прощения для Морея и его союзников — их возвращение из позорного изгнания он рассматривал как предпосылку для собственной реабилитации.

Чтобы привести план в исполнение, Леннокс отправился в самую дальнюю часть Аргайлшира на тайную встречу с графом Аргайлом. Ему казалось, что он сделает графу предложение, от которого невозможно отказаться. Аргайл должен был вступить в переговоры с Мореем и изгнанными лордами в Англии, и если они согласятся даровать Дарнли «брачную корону» на следующем заседании парламента и таким образом сделают его законным королем Шотландии, тогда Дарнли переменит свое мнение, простит их и запретит конфискацию поместий. И наконец, он совершит поворот на сто восемьдесят градусов в своей политике и восстановит религиозное *status quo*, поддерживавшееся с момента возвращения Марии из Франции. Так каждый из них получит все, что ему нужно, и за счет Марии. Дарнли станет королем, утвержденным парламентом, Морей и его союзники вернутся, словно никакого мятежа и не было, а соглашение о протестантской реформации будет восстановлено.

Заговорщики начали действовать после того, как эти условия принял Морей. Логика плана была грубой, но чрезвычайно эффективной. Однако требовался козел отпущения, которого можно обвинить в том, что он ввел Дарнли в заблуждение и способствовал недавнему повороту к католицизму. Идеальным кандидатом был Риччио, бывший любовник Дарнли; Мейтланд, известный клеветник, ложно обвинил Риччио, что тот спал с Марией, и Дарнли, оторванный от реальности, решил уничтожить секретаря.

Теперь все стало на свои места. Дарнли был убежден, что Риччио не только предал его самого, но и соблазнил его жену. А поскольку Риччио уже считали папским агентом из-за его связи с Дарнли, из этого следовало, что именно он виноват в возврате к католицизму.

9 февраля Мейтланд отправил Сесилу письмо, содержащее явные улики. «С обеих сторон дело, — писал он, — зашло очень далеко, но все можно вернуть в прежнее состояние, если избрать верный путь… Я не вижу другого верного способа, кроме как вырубить под самый корень — Вы знаете, где он, — и насколько я могу судить, чем быстрее будет улажено дело, тем меньше опасность любых неудобств». Мейтланд выражался осторожно, но смысл его слов абсолютно ясен. Стрелки часов должны быть переведены назад, к тому моменту, когда Мария еще не вышла за Дарнли. Способ достичь этого — «вырубить под корень», то есть

убить Риччио. И чем раньше, тем лучше.

Точно так же, как убийцы кардинала Битона искали одобрения и гарантий от сэра Ральфа Садлера, Мейтланд, прежде чем привести свой план в исполнение, обхаживал Сесила. Его письмо, уверял он первого министра Елизаветы, является «залогом моего согласия с Вашим мнением». Другими словами, он просил Сесила сразу сказать, если он против, в противном случае сохранять молчание.

Слухи распространились очень быстро, и Риччио почти мгновенно превратился в тайного любовника королевы и «злонамеренного советчика». Этого человека все ненавидели: иностранец, низкого происхождения, гордец, честолюбец, папский агент, шпион, подхалим и сладострастник. Это была идеальная легенда, поскольку чем сильнее портились отношения Марии и Дарнли, тем больше Дарнли подозревал ее в супружеской измене, и чем сильнее становилась политическая изоляция королевы, тем в большей степени ей приходилось опираться на личного секретаря, потому что Морей был в изгнании, а Мейтланд ушел в тень и плел заговор вместе с Дарнли.

Если Мейтланд был вдохновителем, то граф Мортон, также жаждавший реабилитации Морея и выгодной должности для себя после получения Дарнли «брачной короны», стал исполнителем заговора. Мортон был главой клана Дугласов, и именно Дугласы и лорд Рутвен, породнившийся с Мортоном, спланировали убийство.

6 марта 1566 г. Бедфорд и Рэндольф вместе составили два письма, Елизавете и Сесилу, о том, что в Шотландии намечается «великая попытка». Дарнли убедил лордов из числа протестантов, и они пообещали, что парламент сделает его королем. На этот счет были подписаны официальные обязательства. Он получит «брачную корону» в обмен на возвращение изгнанных лордов и восстановление протестантского соглашения. «Время исполнения этого замысла — до созыва парламента, который уже близко…»

Рэндольф покинул Эдинбург за неделю до убийства. Мария уже потом узнала, что во время мятежа он тайно снабжал Морея деньгами. Два свидетеля признались, что выступали в роли посредников, переправляя леди Морей мешки с монетами, происхождение которых было невозможно проследить. Несмотря на то что Рэндольф категорически отрицал обвинения, ему было приказано покинуть страну. Первые обвинения прозвучали 19 февраля, и ему предложили добровольно пересечь границу, однако он отказался. Впоследствии он все же уехал под угрозой насильственного выдворения, но задержался достаточно долго, чтобы отправить последние донесения Сесилу относительно

заговора.

Пока все шло по плану. Сесил имел полную информацию о готовящемся убийстве Риччио, но ничего не предпринимал, чтобы его предотвратить. Время было выбрано идеально, и вскоре Марии уже будет не до претензий на английский трон — у нее появятся другие заботы. Другие тоже знали о заговоре. Рэндольф писал Дадли: «Я знаю, что если все будет так, как рассчитано, то в течение десяти дней Давиду [Риччио] с согласия короля перережут горло». Среди немногих, остававшихся в полном неведении, была Мария. Ничего не знали также Босуэлл и Хантли, которые стали близкими друзьями после того, как Босуэлл женился на сестре Хантли. Они ночевали в Холирудском дворце в ночь убийства и обнаружили себя в самом центре событий.

Заговор был спланирован на субботу, 9 марта. Накануне вечером Рэндольф и Бедфорд написали Сесилу и Дадли из Берика, чтобы подтвердить, что Мортон уже на месте, а Аргайл скоро прибудет. Морей и изгнанные лорды должны были приехать в Берик из Ньюкасла на следующий день и быть в Эдинбурге в воскресенье утром. Убийство «того, о ком Вы знаете», должно было произойти в то время, когда они будут проезжать главные ворота Холирудского дворца.

Субботняя ночь 9 марта 1566 г. станет одной из самых длинных и страшных ночей в жизни Марии. Но это лишь первое из череды кровопролитных событий, которые вскоре произойдут в ее стране.

16
Первое убийство

В восемь часов рокового субботнего вечера Дарнли провел лорда Рутвена и его сообщника через свои личные покои в башне Якова V в Холирудском дворце. Часть пути они прошли в темноте; каждый из мужчин освещал себе дорогу свечой. Они поднялись по тайной лестнице, проложенной внутри стен, и по одному появились в спальне Марии этажом выше — через дверь, спрятанную среди стенных панелей. К спальне королевы примыкала столовая, меньшая по размерам комната 12×9 футов, где Мария ужинала в компании друзей, в число которых входил Риццио.

Дверь слева вела из спальни в более просторную комнату — приемную королевы. Из дальнего конца приемной всегда запертая дверь выводила на главную лестницу, по которой в королевские апартаменты можно было подняться из холла на первом этаже. Мортон и остальные заговорщики — около восьмидесяти человек — поднялись по главной лестнице к двери приемной и ждали, пока ее откроет сообщник Рутвена, который пройдет через спальню королевы.

Первым появился Дарнли. Он вошел в столовую и обратился к Марии. Она удивилась, увидев его, но не встревожилась. Дарнли успокоил ее, обняв за талию. Так он давал время Рутвену добраться до смежной со спальней комнаты, а его сообщнику отпереть дверь — Рутвен передвигался с трудом, поскольку страдал болезнями печени и почек, которые всего через несколько недель сведут его в могилу. Задержка, должно быть, составила не меньше пяти минут, потому что Рутвен взбирался по лестнице в тяжелых доспехах, в то время как (по его собственным словам) едва мог дважды преодолеть расстояние от стены до стены в собственной спальне.

Наконец Рутвен, пошатываясь, появился перед королевой — выглядел он ужасно. «Позвольте, — с горячностью произнес он, — избавить Ваше Величество от присутствия этого Дэви». Мария сохранила самообладание и повернулась к Дарнли. «Что Вам об этом известно?» — потребовала она ответа. Дарнли проигнорировал вопрос.

Мария повернулась к Рутвену. «В чем его обвиняют?» Она быстро сообразила, зачем сюда ворвались Дарнли и Рутвен, но в то же время понимала, что Дарнли будет колебаться и может передумать.

Рутвен сказал, что Рицциo нанес смертельное оскорбление Марии, королю, лордам и всей стране. «Каким образом?» — спросила Мария.

«Если будет угодно Вашему Величеству, — сказал Рутвен, — он оскорбил Вашу честь так, как я не осмеливаюсь об этом сказать. Что касается чести короля, Вашего супруга, он помешал ему получить брачную корону, которую Ваше Величество ему обещали… А что касается лордов, то он заставил Ваше Величество изгнать многих из них, а парламент — реквизировать земли».

«Оставьте меня, пока Вас не обвинили в измене, — приказала Мария. — Если же он нанес нам какое-либо оскорбление, то мы прикажем Давиду предстать перед лордами в парламенте, который назначит ему наказание».

Рутвен проигнорировал ее. Повернувшись к Дарнли, он сказал: «Сир, держите Вашу супругу, королеву». Мария в гневе вскочила, а Рицциo спрятался за ее спину, ухватившись за складки ее юбок. Гости и слуги Марии попытались удержать Рутвена, который, выхватив кинжал, бросился вперед. Последовала драка, во время которой Мортон с сообщниками ворвался в комнату. Стол со всем его содержимым был перевернут, и только быстрая реакция жены графа Аргайла, сводной сестры Марии, бывшей у нее в гостях, предотвратила катастрофу — подсвечник упал на пол рядом с гобеленом на соседней стене, и женщина успела подхватить его, прежде чем начался пожар.

Рутвен и другой заговорщик кололи кинжалами Рицциo, спрятавшегося за спиной Марии. Впоследствии она говорила, что лезвия проходили так близко от нее, что она «чувствовала холод стали». Дарнли пребывал в смятении. Выдвигалось предположение, что одной из целей заговора было убить Марию, или, по крайней мере, спровоцировать выкидыш — королева была на седьмом месяце беременности. Это абсолютно неправдоподобно, поскольку если бы с Марией что-то случилось, план Дарнли провалился бы. Дарнли еще не получил «брачную корону» и мог претендовать на нее до тех пор, пока был мужем Марии. Если ее убьют, его титул короля-консорта умрет вместе с королевой, а трон перейдет к наследнику первой очереди — изгнанному герцогу Шательро, смертельному врагу Леннокса и Дарнли. Гибель Марии имела смысл только в том случае, если бы заговор назначили после коронации Дарнли или после рождения ребенка. Тогда Дарнли остался бы королем или был назначен опекуном, но в любом случае сохранил бы свое положение. В противном случае он и его отец не продержались бы и шести

месяцев. Все фракции объединились бы против них — убили или вынудили отправиться в ссылку.

Рутвен схватил Марию и передал ее Дарнли, сказав, чтобы она не боялась. «Все это делается, — тщетно пытался он успокоить ее, — с ведома и от имени короля». Риччио, спрятавшегося в алькове, вытащили из столовой, куда уже набились люди Мортона, вооруженные пистолетами. Один из них направил заряженный пистолет на Марию, чтобы она не бросилась на помощь несчастному Риччио, когда его тащили из комнаты. Рутвен приказал, чтобы Риччио спустили по тайной лестнице в покои Дарнли, но его голос утонул в общем шуме. Возникла давка. Риччио вытолкнули в приемную, где ждали остальные заговорщики. Они бросились вперед и принялись яростно колоть его кинжалами прямо перед дверью на главную лестницу. Дарнли отказался участвовать в резне, и один из заговорщиков схватил его кинжал, чтобы нанести смертельный удар. Кинжал Дарнли остался вколотым в труп, указывая на участие супруга королевы в заговоре.

Тем временем Марию парализовал страх, что ее тоже убьют. Сохранилось ее письмо с описанием событий, отправленное в Париж. Убийцы, рассказывала она, ворвались к ним, схватили Риччио и «со всей жестокостью вытолкали его из комнаты, и у входа в наши покои нанесли пятьдесят шесть ударов кинжалами и мечами».

Убедившись, что Риччио мертв, убийцы удалились, а Мортон спустился по лестнице, чтобы запереть ворота и двери дворца. В помещениях выставили стражу, а черный ларец Марии с шифрами и тайной корреспонденцией забрали из комнаты Риччио и вернули ей.

Чем рассказ Марии отличается от других рассказов, так это описанием дальнейших намерений заговорщиков. Она была убеждена, что план состоит из двух этапов: сначала убийство Риччио, а затем дворцовый переворот, во время которого убьют Босуэлла, Хантли и графа Атолла, которые командовали ее войском во время «загонного рейда». Сэр Джеймс Бальфур, которому покровительствовал Дарнли, якобы также присутствовал в списке на уничтожение. Его должны были «удавить», чтобы он не смог раскрыть истинного масштаба предательства Дарнли. Босуэлл и Хантли в это время были во дворце. Они слышали шум в башне Якова V, догадались, что им грозит опасность, и сбежали через окно, спустившись по веревке. Атоллу и Бальфуру также удалось ускользнуть, избавив себя от неприятностей.

В столовой Мария была вынуждена слушать наставления.

Рутвен откровенно высказал, что он и его сторонники думают о ней. По версии Марии, он заявил, что «они в высшей степени оскорблены нашими деяниями и тиранией, которые больше невозможно терпеть; тем, что нашим доверием злоупотребил вышеупомянутый Давид… когда мы принимали его советы по поддержке старинной [католической] веры и лишению собственности изгнанных лордов, по разрушению дружбы с иностранными [католическими] правителями и странами, нашими союзниками, по введению в Совет лордов Босуэлла и Хантли». Версия Рутвена несколько отличалась. По его свидетельству, главное обвинение состояло в том, что Мария «правила вопреки мнению Ваших лордов и советников, и против тех знатных людей, которые были изгнаны». На что с вполне обоснованным сарказмом Мария возразила, что Рутвен сам был членом ее тайного совета после низвержения старшего графа Хантли три года назад!

Независимо от того, чей рассказ точнее, Марии предъявили претензии, и ее собственный рассказ подтверждает, что она понимала цели заговорщиков, а также сложившуюся ситуацию. Она расплакалась, но отказывалась разговаривать в таком тоне. Повернувшись к Дарнли, она спросила: «Почему Вы позволили так поступить со мной, учитывая, что я подняла Вас из низкого сословия и сделала Вас своим мужем. Какое преступление я совершила против Вас, что Вы так опозорили меня?»

Дарнли терзала ревность. Он с жаром предположил, что ему наставили рога и превратили в объект насмешек. Он жаловался, что Мария не «развлекала» его с тех пор, как ее фаворитом стал Риццио. Если до свадьбы она навещала его в спальне, то теперь играла в карты с Риццио до часу или двух ночи. «И это все, что я получил от Вас за такое долгое время!» Дарнли становился все более откровенным. Жена не подпускала его к себе. В тех случаях, когда он приходил к ней, «она отказывала ему либо сказывалась больной». Перемену он заметил в минувшее Рождество и теперь желал знать причину.

Мария снова расплакалась. «Благородной даме, — сказала она, — не пристало приходить в спальню мужа; это муж должен приходить к жене». Придворный протокол требовал, чтобы инициатором секса был муж, и поэтому во дворцах XVI в. проход, соединяющий спальни короля и королевы, предназначался по большей части для него, а не для нее. Согласно своду придворных наставлений, обязанностью королевы было рожать детей, а в остальном быть «целомудренной, верной и послушной».

Мейтланд прекрасно справился со своей задачей. Дарнли преследовала мысль, что Риццио был любовником Марии. Он

также подозревал, что не удовлетворяет Марию в сексуальном плане, и чувствовал себя оскорбленным. «В чем я провинился? Почему Вы на меня обижены?» «Чем я Вам не угодил… ведь я готов делать все, что хорошему мужу полагается делать с женой?» Дарнли уже не скрывал своих амбиций. Его уязвило упоминание о происхождении. «Возможно, я из низшего сословия, но я Ваш муж и Ваш повелитель, и в день нашей свадьбы Вы обещали повиноваться мне, а также сказали, что я буду равен Вам и стану участвовать во всех делах».

Еще никто, за исключением правящих монархов, не говорил Марии, что считает себя равным ей, не говоря уже о превосходстве. «Вы, милорд, виноваты во всех обидах, нанесенных мне, и я больше не буду Вашей женой, больше не буду делить с Вами ложе, и не успокоюсь, пока не заставлю Вас страдать так, как я страдаю сейчас».

Рутвен, бывший свидетелем этой перепалки, решил вмешаться. Болезнь и тяжелые доспехи совсем истощили его силы, и он отчаянно хотел сесть и выпить. Его слова привнесли в эту сцену элемент гротескной комедии. Испросив разрешения королевы, он приказал «принести выпить, ради всего святого!». Рутвену подали чашу вина, которую он осушил одним глотком. Мария с отвращением посмотрела на него. «Если я или мое дитя умрем, — пригрозила она, — вина за это ляжет на Вас».

Рутвен пустился было в объяснения, но тут в дверь постучал гонец. Босуэлл, Хантли и Атолл бежали, сообщил он. Рутвен и Дарнли ушли, оставив Марию, которая еще несколько часов беспокойно металась по спальне. Не понимая, что произошло, она была еще более напугана тем, что Мортон приказал поставить часового у ее приемной и что от нее удалили четырех Марий и прислугу.

Наконец вернулся Дарнли и приказал убрать труп Риччио. Тело вытащили через дверь приемной и бесцеремонно сбросили с главной лестницы. Оттуда его перенесли в комнату привратника у входа во дворец, где слуга раздел его и вытащил кинжал Дарнли.

Для Марии это была бессонная ночь. Когда в восемь утра вернулся Дарнли, она с яростью обрушилась на него, и ссора не утихала целых два часа. Дарнли ушел вне себя от злости. Однако прежде чем отпустить мужа, Мария уговорила его вернуть ее фрейлин.

Мортона и Рутвена встревожили эти новости. Они знали, что Мария может быть искусным манипулятором и упорным противником. Королева не будет плыть по течению, а постарается управлять событиями. Она может действовать наивно и

импульсивно, но в моменты кризиса постарается перехватить инициативу. Она сохранила присутствие духа после мятежа Морея. И тогда, и теперь она обращалась к таким людям, как Босуэлл и Хантли, на чью верность могла твердо рассчитывать. И в нынешнем непростом положении могла поддерживать с ними связь через фрейлин.

Мария лихорадочно составляла инструкции. Затем она отослала своих фрейлин, чтобы они превратили эти инструкции в письма к верным сторонникам. Она также отправила письмо Аргайлу, которому по-прежнему доверяла, несмотря на то что он помогал Морею и другим мятежникам. Каковы бы ни были его религиозные взгляды, он оставался сторонником монархии и противником республики — впоследствии Аргайл сопротивлялся вынужденному отречению Марии и был готов сражаться на ее стороне простым лейтенантом. Он любил повторять: «Сначала Бог, а затем наш монарх, правящий во имя Бога, под Богом и по Божьим законам». Отречение помазанной королевы, не говоря уже о цареубийстве, он считал неприемлемым и подлым. Несмотря на вмененные Марии преступления, Аргайл считал ее законным монархом, и поэтому она знала, что может рассчитывать на него.

Когда план созрел, Мария занялась Дарнли. Она решила разыграть спектакль, предназначенный специально для него. Когда во второй половине дня он вернулся, Мария сделала вид, что ей грозит выкидыш. Мортон и Рутвен снова удалили от нее фрейлин, но Мария была полна решимости вернуть их. Поэтому она убедительно сыграла свою роль и добилась вызова повитухи. Мария предварительно договорилась с повитухой, чтобы та подтвердила приближение родов. Опасаясь за жизнь жены, а значит, и за свое собственное положение, Дарнли срочно отправил записку Мортону и Рутвену, которые с неохотой сняли запрет, и фрейлины вернулись к Марии.

Но подозрения лордов не рассеялись. Они посоветовали Дарнли следить за тем, чтобы Мария не поменялась одеждой с одной из своих Марий и не сбежала, оставив кого-нибудь вместо себя. Дарнли принял меры. Стража у входа в приемную удвоилась. Был издан приказ, чтобы из апартаментов королевы не выпускали тех, у кого лицо закрыто вуалью, а также всех подозрительных людей.

К восьми вечера Морей и изгнанные лорды, за исключением — что очень важно — Аргайла, вернулись в Холирудский дворец. Дарнли приветствовал их, после чего все отправились на ужин в дом Мортона в районе Кэнонгейт. Узнав о возвращении Морея, Мария отправила одного из своих слуг, чтобы тот привел к ней

брата. Когда он вошел, она встретила его с распростертыми объятиями. Мария обняла его и сказала, что если он согласен на примирение, она с готовностью примет его требования. По свидетельству сэра Джеймса Мелвилла, она также сказала, что будь он здесь прошлой ночью, он не позволил бы так грубо с ней обращаться — от этих слов двуличный Морей пустил слезу.

Как бы то ни было, главной заботой лордов, бежавших в результате «загонного рейда», оставался вопрос конфискации собственности. Дарнли должен был торопиться, поскольку парламент собирался на заседание уже через два дня. После убийства Риццио первым делом был издан указ о роспуске парламента. Дарнли приказал герольдам объявить на Маркет-Кросс, что все, вызванные на очередную сессию парламента, должны в течение трех часов покинуть город Эдинбург под угрозой тюремного заключения. Таким образом, когда 12 марта в условленное время Морей и изгнанные лорды появились в Толботе, «чтобы услышать и увидеть окончание процесса о конфискации», здание суда оказалось практически пустым.

Мария знала о заявлении Дарнли. Она считала это серьезной ошибкой с его стороны, но из которой можно извлечь пользу. Она разрушит единство лордов — простит Морея и изгнанников, но нанесет удар по Мортону, Рутвену и Дугласам. Роль Мортона в заговоре против Риццио была очевидна. Мария сместит его с должности канцлера, которая в качестве награды перейдет к Хантли. Прямых улик против Мейтланда не было, но королева решила наказать и его. Еще во Франции, за несколько месяцев до возвращения в Шотландию, когда он искал ее расположения, Мария предупредила, что будет считать его «главным орудием» любых «действий» против нее. Она отдаст его земли Босуэллу — пусть предатель варится в собственном соку.

Оставался Дарнли. Мария знала, что он глуп, труслив, тщеславен, склонен к пьянству, распутству и самолюбованию. Он также был жестоким, мстительным и лживым. Разработанный им план был чрезвычайно грубым, но мог принести успех, если она будет действовать быстро.

Марии было всего двадцать три года, но, несмотря на свою молодость, она многому научилась — проведя в Шотландии больше четырех лет, она умела управлять соперничающими фракциями. И единственный способ усмирить лордов — это разделять и властвовать. Для этого требовалось переманить слабого и жестокого Дарнли на свою сторону, превратив в орудие против его бывших союзников, которые в ответ на предательство станут его смертельными врагами.

Ее следующий шаг учитывал примитивную психологию

Дарнли. Мария подождала, пока Морей вернется на ужин в дом Мортона, и, когда они с Дарнли остались наедине, предложила ему секс как доказательство того, что вопреки его утверждениям ее чувства к нему ничуть не изменились. Она сказала, что Дарнли может прийти к ней поздно вечером и они проведут вместе всю ночь. Мария почти не сомневалась, что к этому времени он напьется до бесчувствия. Ей нужно было выиграть время, чтобы придумать, как обмануть его и заставить помочь выбраться из Холирудского дворца.

Дарнли принял предложение. Назначив время, он удалился в свои покои, чтобы приготовиться. По дороге он встретил Мортона и Рутвена, которым похвастался грядущим свиданием. Вот так, заявил он, нужно обращаться с женщинами. Лорды проявили здоровый скептицизм. Дарнли, сказали они, «снова обабился». Возможность примирения Марии с мужем страшила заговорщиков, но поскольку у них имелось официальное согласие Дарнли, скрепленное его подписью, на убийство Риччио, они решили не волноваться раньше времени. Дарнли убедил их, что обольстит Марию, практически гарантировав победу заговорщикам и «брачную корону» самому себе. Но Мортон и Рутвен понимали, что если Мария не уступит, их жизнь окажется в опасности.

Как и предполагала Мария, Дарнли не явился. Этого Рэндольф и Бедфорд не могли понять. В своем отчете Сесилу они объясняли: «Мы не знаем причины, но он не пришел к ней, оправдываясь перед друзьями тем, что его одолела сонливость и он не смог проснуться вовремя».

Версия Рутвена более или менее совпадает с их отчетом. Он рассказал, что очень долго ждал в гардеробной Дарнли, а затем отправился спать сам. Джордж Дуглас, кузен Мортона и сводный брат жены Рутвена, затем явился к нему и сообщил, что, несмотря на неоднократные попытки вывести Дарнли из пьяной прострации, привести его в чувство не представляется возможным.

На рассвете Рутвен отчитал его. «Вы не сдержали данное Ее королевскому Величеству слово провести с ней всю ночь». Удрученный Дарнли пытался оправдываться: «Я так крепко заснул, что меня не смогли разбудить». Как обычно, он винил кого-то другого: своего верного лакея Уильяма Тейлора.

«Но, — прибавил Дарнли, — я сейчас возьму свою ночную рубашку и пойду к королеве». Рутвен, несмотря на тяжелую болезнь не утративший чувства юмора, возразил: «Готов поспорить, она так же обслужит Вас утром, как Вы ее ночью».

Так и вышло. Дарнли второй раз за три дня поднялся по

тайной лестнице и появился в спальне Марии. Она спала или притворялась, что спит, и он был вынужден целый час просидеть у ее постели, пока она с ним не заговорила.

«Почему Вы не пришли ночью?» — наконец спросила Мария. Дарнли ответил, что крепко заснул и очнулся только в шесть часов. «Теперь, — продолжил он, — я здесь и готов возлечь с Вами».

Но Мария сказала, что неважно себя чувствует и не в состоянии исполнить супружеские обязанности. И предположила, что уже пора вставать.

Дарнли не возражал. Он сменил тему, поинтересовавшись, когда Мария простит изгнанных лордов. Он также сказал, что ждет полного прощения всех участников заговора по убийству Риччио. Мария успокоила его туманными обещаниями, и в восемь часов Дарнли вернулся к себе в «веселом настроении». Он держался самодовольно и развязно, хвастаясь Мортону и Рутвену, что все улажено. Они предупреждали его, что не стоит недооценивать Марию. Она получила прекрасное воспитание во Франции, и не следует забывать, что семья Гизов известна своим искусством политических интриг. «Верьте мне, — заявил Дарнли. — Предоставьте дело мне, и я обещаю, что все закончится хорошо».

Этим же утром Дарнли присутствовал на тайном совещании с Мореем, Мортоном, Рутвеном и лидерами заговора против Риччио. Был составлен «фаустовский договор». Дарнли заставит Марию даровать полное прощение лордам, подтвердить религиозное *status quo*, а они на следующей сессии парламента предложат ему «брачную корону». Дарнли был абсолютно уверен, что сделал очень удачный ход. Но лорды требовали гарантий. Они знали Марию и не рассчитывали, что она уступит без борьбы. Им требовался документ, подписанный самой Марией и подтверждающий ее намерение простить заговорщиков.

Дарнли вернулся к Марии, которая тщательно подготовилась к своей роли. Она рассказала ему о политических традициях Шотландии. Как только лорды получат прощение и вернут конфискованную собственность, они обманут Дарнли, который никогда не получит «брачную корону» из их рук. Зачем им это делать, когда они уже получили все, что хотели? И когда это может произойти? Разве он сам не распустил парламент, не назначив дату новой сессии?

Мария держалась уверенно и независимо, как никогда, — отчасти потому, что ее здоровье, несмотря на стресс и волнения, значительно улучшилось. Если она действительно страдала от острой перемежающейся порфирии, то теперь болезнь отступила.

Конечно, Мария была беременна и часто чувствовала недомогание, но разум ее был остер. Она объяснила Дарнли, как дурно с ним обойдутся, если изгнанные лорды и заговорщики получат желаемое. Ведь они все протестанты? Если он не перейдет в протестантскую веру, его свергнут. А если перейдет, то его осудят все те европейские правители, которых он так обхаживал в последнее время.

Постепенно Мария убедила Дарнли отступить. Единственный способ управлять Шотландией, сказала она, заключается в том, чтобы подняться над соперничающими фракциями и уравновесить их, а не вступать в союз с одной из них, «попадая в рабство». «Таковым убеждением он был склонен к согласию присоединиться к нам». Дарнли согласился этой же ночью бежать с Марией в Данбар, ближайшую неприступную крепость, верную королеве, и дом вдовствующей сестры Босуэлла. Мария уже получила ответы от Босуэлла и Хантли на письма, отправленные с помощью фрейлин. Они советовали ночью перелезть через стены дворца, при необходимости воспользовавшись веревками и стульями[27], а затем пересесть на лошадей.

Вопрос заключался в том, как отвлечь охрану у входа в покои Марии. На этот вопрос у Марии тоже был ответ. Они не будут скрывать своего намерения бежать из Холирудского дворца, но введут заговорщиков в заблуждение относительно даты. И исчезнут раньше, чем лорды поймут, что их обманули.

В условленное время пришла повитуха и сообщила Дарнли, что если Мария не сменит обстановку, ей угрожает выкидыш. Четыре Марии и другие фрейлины подтвердили это, и Дарнли поспешил вниз, чтобы проинформировать лордов и получить разрешение для Марии уехать на следующий день. Затем прибыл французский доктор королевы, подтвердивший, что дело срочное. У Марии, уверенно заявил он, определенно случится выкидыш, если она как можно скорее не покинет Холируд.

Лорды нехотя согласились, но при условии, что Мария подпишет документ, гарантирующий прощение. В начале пятого Морей, Мортон и Рутвен вместе с Дарнли поднялись в покои Марии. Лорды ждали, пока Дарнли выведет королеву из спальни. Потом они преклонили колени, и Мортон подал прошение, после чего каждый произнес речь. Мария выслушала их и примирительно сказала: «Я никогда не была кровожадной и после приезда в Шотландию не желала Ваших земель и добра, и я не буду преследовать Вас».

Мария предложила лордам составить документ, который их устроит, а она его подпишет. Затем она взяла за руки Дарнли и Морея и целый час ходила с ними по комнате, мило беседуя,

после чего удалилась в спальню. Потом Мария послала за Мейтландом, который приказал убрать часовых. Условились также, что вечером после ужина лорды добровольно покинут Холирудский дворец. Пока проходили переговоры, лорды сформулировали условия прощения — Марии остается только подписать.

Стража ушла, и в шесть вечера лорды передали Дарнли готовый документ. Они согласились покинуть Холируд и удалиться в дом Мортона, как только убедятся, что Мария поставила свою подпись.

Дарнли, теперь переметнувшийся на сторону Марии, не видел причин для спешки. Он не торопясь поужинал, а когда Дуглас, кузен Мортона, вернулся за подписанным документом, было уже поздно. Дарнли солгал, что показал соглашение Марии, которая якобы назвала его «очень хорошим». Однако она плохо себя чувствует, прибавил он, и не в состоянии сосредоточиться. Мария ляжет спать пораньше, а утром подпишет документ.

Вскоре после полуночи, когда все стихло, Мария и Дарнли выбрались из Холирудского дворца через подземный ход, начинавшийся в винном погребе; снаружи их ждала дюжина верных слуг, которые привели из конюшни лошадей. Не теряя времени, все поскакали в Данбар; ночное путешествие на расстояние 25 миль заняло пять часов, и беременной Марии пришлось тяжело. Несколько раз она была вынуждена останавливаться и слезать с лошади — ее тошнило.

На следующее утро лорды с ужасом узнали, что Мария сбежала. К тому времени уже было известно, где она скрывается. В Данбар отправили гонца, чтобы уговорить ее выполнить обещание и подписать документ о прощении. Но Мария тянула с ответом. Она продержала у себя гонца три дня, а за это время мятежные графы Гленкерн и Роутс заключили с ней сепаратные соглашения и получили прощение. Дорога была проложена: в Линлитгоу к Аргайлу присоединились многие изгнанные лорды «загонного рейда», чтобы обсудить условия примирения с Марией и начать переговоры. В стороне остался только Морей, который перестраховывался и ждал дальнейшего развития событий.

В партии лордов наблюдался раскол, тогда как сторонники Марии сплотились. Босуэлл и Хантли уже сформировали ядро армии, которая усилилась после того, как Мария приказала землевладельцам Лотиана и соседних графств прислать своих рекрутов для ее защиты в Хаддингтон и Масселборо.

Рано утром в субботу 17 марта Морей отправился из Эдинбурга в Линлитгоу, чтобы держать совет с Аргайлом и его союзниками. Мария — вместе с Дарнли — в тот же день

благополучно покинула Данбар и 18 марта со своим отрядом вошла в Эдинбург. Ее армия насчитывала от трех до пяти тысяч человек — более чем достаточно, чтобы занять город. Вместо того чтобы вернуться в Холирудский дворец, где еще могли оставаться заговорщики, она остановилась в доме на Хай-стрит, а затем переехала в другой, побольше и поближе к Эдинбургскому замку. Через две недели, когда ей перешили одежду и доставили личные вещи, Мария переехала в сам замок, где наконец могла почувствовать себя в безопасности и спокойно ожидать рождения ребенка.

На следующий день после возвращения в Эдинбург она отправила сэра Джеймса Бальфура в Линлитгоу, чтобы предложить свои условия примирения с мятежниками «загонного рейда». Им будет даровано прощение, и им возвратят конфискованные поместья, если они временно возвратятся в свои дома и не будут пытаться защитить сообщников Дарнли, убивших Риччио.

Аргайл сразу же согласился, а Морей, поразмыслив, тоже решил, что не стоит рисковать, устраивая еще один мятеж. Получив прощение и выждав десять дней, они получили позволение вернуться ко двору. К концу апреля их вернули в Тайный совет, и была устроена грандиозная церемония примирения. Атолл, Босуэлл и Хантли с одной стороны, а Морей, Аргайл и Гленкерн с другой встали перед Марией и пожали друг другу руки. Мейтланд не участвовал в церемонии. Он оставался в опале и жил в Данкелде под домашним арестом.

Наибольшую выгоду получил Босуэлл как организатор побега Марии. За верность и преданность королева сделала его капитаном Данбара, пожаловав ему и замок, и окружавшие его поместья, унаследованные ею от умершего единокровного брата, лорда Джона Колдингема.

Больше всего от заговора против Риччио потерял Мортон и его союзники. Восемьдесят человек обвинили в мятеже — их самих объявили вне закона, а имущество конфисковали в пользу короны. Дома мятежников были разграблены, а Мортон был вынужден укрыться в крепости Танталлон, стоящей на высоких утесах у входа в залив Ферт-оф-Форт.

Мария испытывала огромное удовлетворение, наблюдая за его падением. Она была беспощадна к Дугласам. Она считала Мортона вторым злодеем после Дарнли, не в последнюю очередь потому, что именно Эндрю Кер из Фодонсайда, известный вассал Дугласов, направил на нее пистолет, когда Риччио тащили навстречу смерти.

Мортон, Рутвен, Кер и остальные бежали в Англию. Мортон и

Рутвен написали лживое письмо Сесилу, жалуясь на несправедливость по отношению к ним и уверяя, что действовали только по указанию Дарнли и ради «сохранения государства и протестантской веры». Но их надежды были разбиты. Неделей раньше Дарнли бесстыдно отрицал свою роль в убийстве Риччио, доказательством чего должны были служить «его честь, верность и слово короля». Он утверждал, что даже не знал о заговоре, «в котором его клеветнически и беспричинно обвинили». Дарнли признался, что превысил свою власть, без ведома Марии пригласив изгнанных лордов «загонного рейда» вернуться домой, но это было единственным его преступлением.

Этим бесстыдным отрицанием Дарнли вырыл себе могилу. Первым актом мести со стороны заговорщиков, убивших Риччио, стала отправка Марии подписанного Дарнли документа, в котором говорилось о необходимости убийства тех, «кто оскорбил доброту королевы», и особенно «некого итальянца по имени Давид». В документе даже указывалось, что это «может произойти» в личных покоях Марии или в каких-либо других помещениях Холирудского дворца. Кроме того, Морей показал сестре соглашение, подписанное изгнанными лордами в Ньюкасле, в котором Дарнли была обещана «брачная корона» — без предварительного согласия королевы. Теперь у Марии имелись все необходимые доказательства измены Дарнли, но мотивом тех, кто его обвинял, была кровная месть, а не признание собственной вины.

Во время заговора, закончившегося убийством Риччио, Мария проявила необыкновенную смелость и присутствие духа. В самый разгар кризиса она сохраняла спокойствие. Враги первыми признали ее поразительное хладнокровие. Мария победила, а главными проигравшими оказались Дарнли, которого она с тех пор презирала, и Дугласы, положение которых стало совсем отчаянным. Елизавета пришла в ярость, когда Дугласы пересекли границу с Англией. Их заговор провалился, и она отреклась от них. Елизавета посоветовала Мортону найти «место вне пределов нашего королевства», где он мог бы спрятаться, пока гнев Марии не утихнет или его не оправдают по суду. Мортон послушно направился в Нидерланды. Но письма Марии опередили его. Ему отказали во въезде в страну, и через месяц он тайно вернулся в Англию. Затем ему было приказано «укрыться в секретном месте или покинуть королевство».

Что касается лорда Рутвена, то он умер через шесть недель после того, как его объявили вне закона. На смертном одре он кричал, что «видит, как открываются врата рая, и за ним идет сонм ангелов». Еще до заговора было понятно, что дни его

сочтены, так что Рутвен рисковал немногим, но после того, как он был объявлен вне закона, его семья лишилась всего имущества.

К концу апреля 1566 г. Мария снова взяла власть в свои руки. Основой ее политики стало примирение. Но последствия заговора с убийством Риччио оказались разрушительны. Непостоянство и глупость Дарнли показали, что с такими друзьями враги не нужны. Леннокс был в ярости от действий своего сына, который поставил на грань катастрофы все планы, лелеемые на протяжении двадцати лет. Дарнли мог чувствовать себя в относительной безопасности, пока Мортон пребывал в изгнании и не мог добраться до человека, который так подло предал его. И самое главное, связывая свои надежды с рождением ребенка, который должен был появиться на свет в июне, Дарнли рассчитывал, что, став отцом наследника, он сможет вернуть свое влияние. Если же глава клана Дугласов вернется в Шотландию, жизнь Дарнли будет в опасности. Убив Риччио, он выпустил джинна из бутылки. И теперь уже не было способа загнать этого джинна обратно.

17
Примирение

Стремление Марии помириться с лордами, за исключением сообщников Дарнли, было искренним. В организации этой новой фазы *разрядки* ей помогал Кастельно, который вновь появился в Холирудском замке через месяц после убийства Риччио и курсировал между Парижем и Эдинбургом, пока его, наконец, не сменил постоянный французский посол.

Кастельно завоевал всеобщее уважение своей беспристрастностью во время «загонного рейда», что делало его идеальным посредником между фракциями лордов после заговора и убийства Риччио, где главной трудностью было не примирение лордов с Марией, а примирение разных фракций. Однако наибольшим уважением Марии пользовались Босуэлл и Хантли. Доверие к ним возросло благодаря их непоколебимой преданности королеве. В критический момент ей требовались советники, которым она могла доверять, которые могли противостоять остальным лордам и приглядывать за Дарнли.

До сих пор не было заметно никаких признаков романтических отношений между Марией и Босуэллом. Презирая Дарнли за его поведение, Мария все еще считала себя замужней женщиной. В любом случае Босуэлл был недоступен. За две недели до убийства Риччио он женился на сестре Хантли, леди Джин Гордон; венчание прошло по протестантскому обряду в Холирудском дворце, после чего состоялся банкет, на котором присутствовала сама Мария — из благодарности к двум своим самым верным сторонникам и в знак глубокого уважения к сестре Босуэлла, вдове любимого единокровного брата королевы, лорда Джона Колдингема. Мария любила свадьбы и часто приходила с дорогим подарком, оплачивала наряд невесты или свадебный банкет. Она подарила Джин Гордон великолепное серебристое платье, украшенное белой тафтой, а также оплатила банкет, роскошный пир, завершившийся рыцарским турниром и «игрой в кольцо».

После возвращения из Франции Босуэлл сделал головокружительную политическую карьеру. Он переместился с периферии в самый центр событий, вызвав ревность тех, кого оттеснили от принятия решений. Он был заклятым врагом Морея. Мейтланд также его ненавидел. Их отношения достигли низшей точки, когда Босуэлл пригрозил выследить и убить бывшего государственного секретаря, обвинив его в участии в заговоре с

целью убийства Риччио.

Под влиянием Кастельно вражда несколько ослабла или прекратилась совсем. Одним из тех, кто постоянно мешал усилиям Марии умиротворить страну, был ее муж. Узнав истинный масштаб предательства Дарнли и Леннокса, решивших получить «брачную корону» без ее согласия, королева отлучила Леннокса от двора. Справиться с Дарнли было гораздо сложнее, потому что она была беременна от него. Мария не могла поверить, что человек, за которого она вышла замуж, способен на такое — присоединиться к заговору лордов, чтобы убить ее личного секретаря, а затем распустить парламент, не посоветовавшись с ней. Дарнли имел наглость все отрицать даже после того, как бежавшие из страны бывшие сообщники отправили Марии скрепленное его подписью соглашение, в котором одобрялось убийство.

Дарнли продолжал плести интриги. Вскоре после торжественной церемонии примирения он написал письма Карлу IV и Екатерине Медичи, в которых называл себя «королем Шотландии» и использовал печать с изображением королевских атрибутов. Он заявлял о своей непричастности к убийству Риччио и стремился втереться в доверие к Карлу, своему «дорогому брату». Не удовлетворившись этим, Дарнли продолжил политику поддержки католицизма, несмотря на обещание сообщникам восстановить религиозное соглашение. Он писал Филиппу II и папе римскому, жалуясь на положение в стране, которое характеризовал как «отсутствие порядка» по причине того, что месса и католическая вера все еще не восстановлены. И все это, утверждал он, по вине Марии.

Еще более нелепыми были его планы по захвату Скарборо и островов Силли, принадлежавших Англии, но находившихся на расстоянии нескольких сотен миль от нее. Он собирался захватить замок Скарборо, полуразрушенную крепость на побережье Йоркшира в двух сотнях миль от Лондона и Эдинбурга, чтобы корабли могли выгружать войска и амуницию в соседнюю гавань. Дарнли также изучал карты островов Силли у южной оконечности Корнуолла, на который предъявлял необоснованные претензии, основываясь на мнении небольшой группы недовольных островитян и корнуолльского дворянства из числа католиков. От Эдинбурга острова Силли отделяли 600 миль. У них не было никаких связей с Шотландией, но Дарнли знал, что они были укреплены при Эдуарде VI, поскольку тщательно отметил на картах положение нескольких заброшенных блокгаузов и форта — построенного менее чем наполовину — и включил их в бастионную систему укреплений.

Дарнли готовил безумный план вторжения в Англию католических армий с континента через те пункты на Британских островах, которые он считал стратегически важными. Однако он не подумал, каким образом — даже если такая высадка состоится — войска будут доставлены с островов Силли в Англию. А после высадки в Скарборо как снабжать войска продовольствием и боеприпасами, когда они начнут марш к выбранным Дарнли пунктам.

Шпионы Сесила знали обо всех планах Дарнли. Несмотря на их очевидную глупость и неосуществимость, к ним следовало отнестись серьезно. Известие о беременности Марии повысило ее популярность в Англии — в полном соответствии с предсказаниями Сесила. Сам Сесил никогда не брезговал разного рода махинациями, когда дело касалось Марии. Он нанял *агента-провокатора*, некого Кристофера Роксби, и втайне от Елизаветы — она презирала подобных людей — отправил в Шотландию, чтобы тот попытался вовлечь Марию в заговор Дарнли. Цель — проверить, насколько она поддерживает планы мужа.

Роксби проник в Шотландию в мае и добился встречи с Марией — он представился католиком, бежавшим от преследований в Англии, и подарил ей распятие из слоновой кости. Сумев привлечь внимание королевы, он сообщил, что многие влиятельные английские лорды католического вероисповедания устали от Елизаветы и желали бы сместить ее — при условии, что Мария даст согласие на попытку переворота или убийства. Роксби уговаривал ее дать ему какой-либо предмет как символ одобрения этих планов и называл имена крупных английских землевладельцев, которые присоединятся к мятежу, если увидят доказательство ее поддержки.

Мария не позволила себя обмануть. Она была уже на девятом месяце и вскоре должна была родить. Никто не знал, когда именно ребенок появится на свет. Знания в области гинекологии и репродукции человека в те времена были настолько скудными, что даже опытные врачи считали, что плод женского пола проводит в утробе матери больше времени, чем плод мужского пола, и поэтому продолжительность беременности соответствующим образом увеличивается. Но время родов приближалось — Мария все больше времени проводила в постели и путешествовала лишь на небольшие расстояния и в конном паланкине. Королева была слишком занята надеждами и страхами, связанными с предстоящими родами, чтобы участвовать в заговоре. Кроме того, будущий наследник настолько укреплял ее положение, что она не желала пятнать свои претензии на английский трон какими-либо сомнительными

действиями. Да, она могла быть наивной и импульсивной — но не мстительной: несмотря на язвительную пикировку с Елизаветой на протяжении многих лет, Мария никогда не замышляла заговора против английской королевы. Она отмахнулась от Роксби, который вернулся в Англию и принялся собирать доказательства, что его якобы наняли лорды католического вероисповедания — в точности, как он говорил Марии. Вооружившись этими документами, он снова пересек границу и предпринял вторую попытку.

Но Мария его опередила. В день возвращения, едва он успел найти себе жилье в Эдинбурге, Роксби был арестован, а бумаги конфискованы. Мария явно обрадовалась, когда среди вещей Роксби нашли явную улику — зашифрованное письмо от Сесила. После расшифровки письмо подтвердило вину Роксби, которому в случае успеха Сесил обещал щедрое вознаграждение. Новый английский посол в Шотландии, Генри Киллигрю, зять Сесила, которого прислали на замену Рэндольфу, выдворенному из страны за то, что он финансировал второй мятеж Морея, был единственным, кому первый министр Елизаветы рассказал о своих истинных отношениях с Роксби. Киллигрю пришел в ужас, когда письмо обнаружилось, и тут же написал Сесилу, предупреждая, что нужно готовиться к ответным шагам Марии.

Это был необычный, практически уникальный сбой системы безопасности Сесила. Но мысли Марии были заняты будущими родами. Она тянула время, выбирая наиболее удобный момент для контратаки. Затем отправила письмо лично Сесилу. «Со времени прибытия в наше королевство Шотландия, — писала Мария, — мы всегда были высокого мнения о Вас, полагая, что Вы достойно исполняете обязанности преданного министра». Мария отмечала, что никогда не сомневалась в мотивах Сесила, пока ее доброе отношение не было поколеблено «странными действиями англичанина по имени Роксби». С тех пор она «должна немного приостановить наше суждение, пока мы не получим новых доказательств».

Упрек Марии был исполнен чувства собственного достоинства и сдержанности. Она объяснила, что просила Роберта Мелвилла, своего представителя в Лондоне, обсудить дело Роксби с Сесилом. Мелвилл ответил, что Сесил «нисколько не изменил» своего «доброго расположения» к Марии, «что нас в немалой степени порадовало». Она убеждала Сесила «сохранять и поддерживать мир и дружбу». Так, она уверена, он «верно послужит Елизавете». Это был очень искусный ход, едва прикрытая угроза, поскольку Мария — в результате тайных расспросов Мелвилла — прекрасно знала, что Елизавета придет в

ярость, если узнает, что Сесил использовал *агента-провокатора*.

3 июня 1566 г. Мария удалилась в личные покои Эдинбургского замка. После убийства Риччио она опасалась за свою безопасность и настояла, чтобы граф Аргайл, который, как она полагала, будет защищать шотландскую монархию до последней капли крови, несмотря на ссоры с ней самой и с ее матерью, поселился в соседней комнате и не покидал ее ни днем ни ночью. Сын Марии, принц Джеймс, родился в среду, 19 июня между десятью и одиннадцатью утра. Роды были долгими и трудными. Тем не менее Мария не утратила чувства юмора, в самый разгар родов воскликнув, что если бы она знала, как будет больно, то никогда не вышла бы замуж.

Появившийся на свет ребенок был абсолютно здоров. Мария торжествовала, хотя сил у нее почти не осталось. Она родила законного наследника престола для своей страны — сделала то, что ожидали от женщины-правительницы. Это значительно усилило ее позиции в противостоянии с Елизаветой, у которой от этой новости испортилось настроение. Пушки Эдинбургского замка дали залп в честь рождения наследника, и начались спонтанные празднования. В Эдинбурге и пригородах жители зажгли более пятисот костров.

Два дня спустя Киллигрю навестил Марию в ее покоях. Он поздравил ее с благополучным разрешением от бремени, а королева поблагодарила посла и извинилась, что разговор будет коротким. Она все еще была в постели, и у нее болела грудь. Из-за слабости она говорила очень тихо, и ее голос все время прерывался гулким кашлем. Киллигрю провели в детскую и показали ребенка. Джеймс, как выразился посол, повторяя своего предшественника Садлера, восхищавшегося маленькой Марией, был «прекраснейшим ребенком». Сначала Киллигрю посмотрел, как мальчик «сосет грудь кормилицы», Маргариты Литтл, а затем увидел младенца «обнаженным, я имею в виду голову, руки и ноги, и насколько я могу судить, это будет пропорционально сложенный и здоровый принц».

В XVI в. роды бывали опасным для жизни событием, и женщины всегда готовились к худшему. 9 июня Мария созвала приближенных, чтобы продиктовать завещание. Были сделаны три копии: одну следовало отправить ее родственникам Гизам, вторую она оставила себе, а третью подписала, запечатала и отдала тем, кого в случае ее смерти назначат регентами. Ни одна из этих копий не сохранилась. Мы знаем лишь, что функции регента должен был исполнять коллективный орган. Дарнли не был включен в его состав или (что более вероятно) его присутствие уравновешивалось двумя независимыми регентами,

одним из которых был лорд Эрскин, умеренный протестант и капитан Эдинбургского замка, которому Мария пожаловала титул графа Мара. Другой член регентского совета — полностью реабилитированный граф Аргайл. Впоследствии враги Марии утверждали, что Мария назначила регентом Босуэлла, что явно не соответствовало действительности. Несмотря на то что отчаянный граф возвысился в ее глазах, он все еще оставался противоречивой фигурой, чей буйный нрав и любовь к дуэлям делали его менее подходящим для защиты интересов ее семьи и монархии, чем Мар и Аргайл. Но и Мар, и Аргайл ненавидели Дарнли. Он пришел в ярость: условия завещания Марии возмутили Ленноксов. Киллигрю предположил, что их склонность к заговорам только усилится.

У завещания имелось приложение, в котором указывалось, кому достанутся драгоценности Марии, и это приложение сохранилось. На шестнадцати потертых и подпорченных водой листах большого формата перечислены 250 предметов, и против каждого на полях указано имя человека, которому отписывается этот предмет. Список составляли Мария Ливингстон, одна из четырех Марий, отвечавшая за драгоценности королевы, и Маргарита Карвуд, любимая фрейлина Марии. Записи на полях сделаны рукой самой Марии. Почерк неаккуратный, даже для нее. На последних месяцах беременности она несколько раз жаловалась на судороги, хотя почерк ее и так постепенно портился.

Мария написала, что это приложение к завещанию вступит в силу, если и она, и ее ребенок умрут. Она понимала, насколько близок может быть ее последний час, и неровный почерк, вероятно, отражал ее психологическое и физическое состояние. Список явно указывает на то, чем были заняты ее мысли, потому что в числе получателей наследства большинство составляли не шотландские лорды и муж, а ее родственники Гизы. Мария прожила в Шотландии больше пяти лет и, должно быть, часто чувствовала себя одиноко, поскольку так и не забыла своих связей с Францией. Впоследствии даже коротенькая записка из Франции доставляла ей удовольствие, а когда она получала письма от родственников, у нее на глазах выступали слезы радости. Из почти шестидесяти человек, присутствовавших в списке наследников, четырнадцать были из семьи Гизов. В первую очередь Мария думала о них — они шли вторыми после шотландской короны и получали львиную долю самых дорогих и роскошных предметов. Например, великолепная коллекция рубинов, жемчуга, брошей, воротников, золотых цепей, серег, а также пояс с золотой пряжкой и драгоценными камнями

переходили в вечное владение семьи.

После Гизов следовали шотландские родственники Марии, а также четыре Марии и их семьи. В списке присутствовали несколько родственников королевы, преимущественно женщин и детей: графиня Аргайл, жена и старшая дочь Морея, Фрэнсис, осиротевший сын лорда Колдингема, которому Мария приходилась крестной матерью. Четыре Марии получали вещи менее ценные, но личного характера — как знак их детской дружбы.

Характерную для себя щедрость Мария проявила и к своим фрейлинам, к родителям четырех Марий и к личным слугам. Маргарита Карвуд получала один из миниатюрных портретов Марии, обрамленный бриллиантами, и *«une petite boîte d'argent»* — маленькую серебряную шкатулку, возможно, ту самую знаменитую шкатулку с монограммой Франциска II, в которой, как впоследствии утверждали враги королевы, они нашли дискредитировавшие ее письма.

Имя Дарнли также упоминалось в этом списке, но не слишком часто. Он должен был получить двадцать шесть предметов, якобы десятую часть всех ценностей — в зависимости от того, как интерпретировать записи Марии. На самом деле гораздо меньше. В наследство ему доставались отдельные предметы, а не целые коллекции, как семье Гизов: например, часы, украшенные бриллиантами и рубинами, или перстень с бриллиантом в оправе из красной эмали. Об этом перстне Мария написала: «С ним я венчалась; я оставляю его королю, давшему его мне». Краткий комментарий отражает глубокое разочарование в муже. При внимательном изучении предметов, оставленных Дарнли, выясняется, что практически все они — подарки, сделанные Марии его отцом, графом Ленноксом.

Дворяне, в первую очередь Морей, Аргайл, Атолл и Мар, получали менее ценное наследство, что подтверждает тот факт, что Мария рассматривала свое завещание как семейное дело. Имя Мейтланда не упоминалось вовсе — он по-прежнему находился в опале, — но Босуэлл и Хантли присутствовали в списке. Босуэллу был отписан бриллиант в обрамлении черной эмали и брошь с изображением оленя, украшенная одиннадцатью бриллиантами и рубинами. После вынужденного отречения Марии эти предметы приобрели большую ценность, но в 1566 г. их считали мелочью. Никакого особого отношения к Босуэллу не заметно — указано лишь его обычное место среди личных советников. Морей и Мар стояли выше. Учитывая его непоколебимую верность Марии и ее матери, остается лишь удивляться, как мало получил бы он по завещанию Марии, если бы она умерла во время родов.

Здоровье Марии после родов оставалось хрупким. Она нуждалась в отдыхе и поэтому в июле и начале августа устроила себе нечто вроде каникул. Ее убежищем стало тихое и живописное местечко Аллоа в Клакманшире, на небольшом расстоянии от Эдинбурга — если плыть вдоль побережья залива Ферт-оф-Форт. Королева навестила графа Мара в сопровождении Морея и Босуэлла. Прибыл также Кастельно, получивший от Екатерины Медичи инструкции помирить Дарнли и Марию. Но ему не представилось возможности выполнить поручение. Отношения в королевской семье стремительно ухудшались. Слухи о разрыве ходили еще в конце апреля — Дарнли дважды угрожал уйти и поселиться в Нидерландах.

Когда Мария готовилась к родам, супруги заключили чисто номинальное перемирие. Теперь его срок подходил к концу. Дарнли приехал в Аллоа один и задержался там всего лишь на несколько часов. Кастельно едва успел поговорить с ним. 3 августа граф Бедфорд, составляя отчет для Сесила, писал: «Отношения королевы с супругом вернулись к прежнему состоянию или даже ухудшились». Мария редко делит трапезу с Дарнли, «не составляет ему компанию» (эвфемизм, в данном случае означающий отсутствие любовных утех) и «больше его не любит». Король и королева уже жили раздельно, а в Аллоа разлад усилился. Мария даже сквернословила, обращаясь к мужу. Она употребляла слова, брезгливо отмечал Бедфорд, «которые скромность и уважение к королеве не позволяют передать».

Возвращаясь через Англию после одной из своих многочисленных поездок в Париж, Кастельно радостно заверил Бедфорда, что Мария и Дарнли помирились. Либо он выдавал желаемое за действительное, либо это была сознательная ложь, чтобы обмануть англичан. Но у Бедфорда имелись свои шпионы, и он прекрасно знал о ревности и паранойе Дарнли. «Он не может вынести, — писал один из его информаторов, — дружеского отношения королевы к мужчинам или женщинам, и особенно к леди Аргайл, Морею и Мару». Все ее внимание, каждую секунду, должно быть направлено на него — в противном случае он устраивает скандал.

Самые крупные ссоры разгорались по мелочам. Мария любила собак, и когда сэр Джеймс Мелвилл подарил Дарнли великолепного ирландского водяного спаниеля, которого ему прислали из Англии, королева обиделась. Она выговаривала своему верному Мелвиллу, называя его «лицемером» и «льстецом». Ей тоже очень нравились спаниели, и она ревновала, что не ей предложили собаку первой. «Как я могу доверять Вам, если Вы дарите такие подарки тому, кого я ненавижу?» —

вопрошала она.

В середине августа Мария переехала в Пиблшир, где охотилась на оленей среди холмов в окрестностях реки Меггет-Уотер. Морей, Мар и Босуэлл все время сопровождали ее, тогда как Дарнли появлялся лишь изредка. 22 августа Мария прервала свой отдых. Случилось нечто такое, что заставило ее почувствовать опасность и возродило страхи, которые терзали ее после убийства Риччио. Внезапно королева на два дня вернулась в Холирудский дворец. До сих пор принц Джеймс оставался со своей кормилицей в Эдинбургском замке, под присмотром Мара и его жены. Мария испугалась, что сына собираются украсть, и решила перевезти его в более безопасное место, в замок Стирлинг — крепость на скале, где когда-то ее саму прятала мать.

Она боялась, что Дарнли похитит Джеймса, поскольку понимала, что рождение сына снова изменило баланс власти. Королева значительно укрепила свои позиции, по крайней мере на какое-то время. Она произвела на свет наследника мужского пола и обеспечила династическую преемственность в Шотландии. Появление наследника также ослабило ее зависимость от шотландской знати. Но, как это ни парадоксально, сделало ее более уязвимой в долговременной перспективе, поскольку если Дарнли или лорды решат выступить против нее, они могут захватить наследника престола и назначить регента, который будет править до совершеннолетия мальчика, тем самым обеспечив себе власть на пятнадцать или двадцать лет. Не желая рисковать, Мария собрала отряд из пятисот аркебузиров, которые окружали паланкин принца Джеймса во время путешествия из Эдинбурга в Стирлинг. Там она снова оставила сына на попечение Мара и его жены. После благополучного завершения переезда Мария вернулась в Пертшир, чтобы продолжить свой отдых. Теперь, когда Джеймс был надежно защищен, она даже нашла в себе силы охотиться с собаками и соколами вместе со своим лицемерным мужем. Королева старалась соблюдать приличия. Последнюю неделю августа они провели в Гленарти, изобилующем благородными оленями охотничьем угодье в окрестностях озера Лох-Ирн. Оттуда королевская чета отправилась в замок Драммонд неподалеку от Крифф, после чего вернулась в Стирлинг.

К началу сентября Мария немного успокоилась. Она даже вняла просьбам Морея и Атолла и позволила Мейтланду снова занять должность ее секретаря. Он прибыл в Стирлинг 4 сентября, и на следующий день ужинал с королевой наедине. Мейтланд заверил королеву в своей верности, после чего Мария вернулась в Эдинбург. Мейтланду было приказано прибыть в столицу 11-го

числа, и вскоре должно было состояться его примирение с Босуэллом. Трудно сказать, насколько искренним было это примирение, но Мейтланд радостно сообщал Сесилу, что вернулся ко двору и снова получил доступ к рычагам власти.

Дарнли же пребывал в ярости. Мария, полагал он, мирится с лордами для того, чтобы создать коалицию против него. Никаких причин для подобных подозрений у него не было. Королева всего лишь пыталась восстановить порядок и мир между враждующими фракциями после хаоса, вызванного заговором и убийством Риччио. Но Дарнли упорствовал в своем заблуждении. Когда Мария вернулась в Стирлинг, чтобы вместе с ним поехать в Эдинбург, он отказался покидать замок. Дарнли вел себя непозволительно, не стесняясь даже нового французского посла, Филиберта дю Крока, которого прислали в Шотландию вместо Кастельно.

Дарнли сделал шокирующее заявление. Он намерен расстаться с Марией и жить за границей. Это было сказано, как выразился дю Крок, «в припадке отчаяния». Тирада Дарнли накалила обстановку до предела. Мария «взяла его за руку и умоляла, во имя Господа, сказать, давала ли она повод для такого решения, просила его ничего не скрывать и не щадить ее». Но Дарнли оттолкнул ее. Даже лорды были изумлены. Они тоже хотели, чтобы он остался в Шотландии, поскольку речь шла не только об унижении брошенной королевы — Дарнли, планирующий заговор за границей, был опаснее Дарнли, планирующего заговор дома.

Дю Крок был озадачен этой ссорой. Ему еще не приходилось видеть подобного, особенно когда Дарнли признался, что у него нет никаких претензий, за исключением ярости оттого, что его должным образом не признают королем. Ему не давала покоя мысль, что Мария отказалась его короновать. Несмотря на многочисленные попытки успокоить Дарнли, он продолжал бушевать. Наконец он заявил Марии: «Прощайте, мадам, Вы не скоро увидите мое лицо». Потом повернулся к лордам, сказал: «Прощайте, джентльмены», — и вышел из зала.

Мария вернулась в Эдинбург. Когда через неделю Дарнли появился у ворот Холирудского дворца, настаивая, что ее советники должны удалиться, прежде чем он войдет, жена сама втащила его внутрь. Почти всю ночь она пыталась образумить супруга, но, потерпев неудачу, созвала Тайный совет, на котором в качестве независимого свидетеля на заседании присутствовал дю Крок. От Дарнли потребовали внятно изложить свои претензии, однако он не смог сказать в ответ ничего вразумительного, а продолжал настаивать на расставании с

Марией. Тогда Тайный совет официально обратился к Екатерине Медичи, предупредив ее, что он сумасшедший и что будет искать помощи Франции при создании королевского двора в изгнании.

Затем Мария тяжело заболела. Это случилось в Джедборо, недалеко от границы с Англией. Она давно хотела приехать сюда и председательствовать на заседании специального разъездного суда, который рассматривал уголовные дела, проводя около недели в каждом месте. Сессию суда, на которой должны были рассматриваться дела также из Тевиотдейла и Лиддесдейла, отложили из-за позднего урожая, но она должна была начаться 8 октября. Босуэлл, в юрисдикции которого как лейтенанта «пограничного края» находились эти области, покинул Эдинбург 5 октября, чтобы подготовиться к визиту королевы.

Дарнли, все еще угрожавший уехать за границу, отказался сопровождать Марию. Но Морей, Аргайл, Мейтланд, Атолл и Хантли были в числе сорока человек, составивших королевскую свиту. Едва успев миновать Бортвик, в 11 милях к юго-востоку от Эдинбурга, Мария получила известие, что Босуэлл попал в засаду, устроенную его давними врагами Эллиотами из Лиддесдейла, которые были известны своими разбойничьими набегами во всем «пограничном крае».

Поначалу королеве сообщили, что Босуэлл убит, но потом выяснилось, что он жив, но ранен мечом в голову, грудь и руку. На носилках его доставили в Хермитедж, его ближайшую цитадель в долине реки Хермитедж-Уотер, но состояние его было серьезным. Мария нанесла ему визит, но лишь спустя неделю. Эти факты известны нам из докладов Сесилу от лорда Скроупа и сэра Джона Форстера, английских чиновников, наблюдавших за событиями из Карлайла и Берика. Поскольку, подобно всем англичанам, они ненавидели Босуэлла, то вряд ли стали скрывать его неблаговидные поступки.

По их словам, Мария действительно посетила Хермитедж, но не сразу после прибытия в Джедборо. Сначала она участвовала в заседаниях разъездного суда, которые продлились неделю, и только 15 октября, после закрытия сессии, она поехала навестить Босуэлла. Ее беспокоили его ранения: как бы то ни было, он был одним из самых доверенных членов Тайного совета. Босуэлл, лейтенант «пограничного края» с полномочиями усмирять грабителей и бандитов, 16 октября должен был открыть новую сессию разъездного суда в Лиддесдейле, и Мария, возможно, планировала присутствовать на ней. Кроме того, она приехала домой к Босуэллу не одна. Вопреки более поздним клеветническим измышлениям, ее сопровождал Морей и все влиятельные придворные. Может, они собирались переночевать в

Хермитедже? Если и собирались, то передумали. Они пробыли в замке всего два часа и в тот же день вернулись в Джедборо. Им пришлось преодолеть около 30 миль в каждую сторону по пересеченной местности. Это может казаться невероятным, однако следует учесть, что в те времена 40 миль в день считались нормой. Путешествие длиной 50 миль — многовато, но не считается чем-то необычным. В хорошую погоду можно было преодолеть и шестьдесят.

Путешествие Марии пришлось на 15 или 16 октября — Скроуп и Форстер приводят разные данные. Затем, 17 октября, Мария тяжело заболела. Несколькими днями раньше она жаловалась на «хандру». В конце концов она слегла с сильнейшими болями в левом боку. Ее несколько раз рвало кровью, и она теряла сознание. Два дня Мария страдала от судорог и фактически потеряла способность говорить. На третий день она ослепла. 24 октября наступило улучшение, но на следующий день начался новый приступ. На пике болезни королева полчаса лежала как мертвая: «глаза закрыты, губы сжаты, ноги и руки неподвижны и холодны».

Марию спас ее французский хирург, Шарль Но, о котором отзывались как «о величайшем знатоке своего дела». Он очень туго перебинтовал Марии руки и ноги, сделал массаж, а затем насильно раскрыл ей рот и влил немного вина. Кроме того, он сделал клизму. Эти процедуры вызвали у больной рвоту и понос, в результате чего вышло много «плохой» (свернувшейся) крови. Через три часа у нее восстановились зрение и речь, началось потоотделение. Это была блестящая работа хирурга; при невозможности переливания крови такая процедура — наилучшая из доступных.

Причина страданий Марии неизвестна, но это не могла быть острая перемежающаяся порфирия или любой другой тип порфирии. Сильное внутреннее кровотечение и геморрагический шок не имеют отношения к этому заболеванию. Вполне возможно, причиной был целый букет болезней, но самый правдоподобный диагноз — прободение язвы желудка после долгой и трудной поездки верхом и волнений, связанных с предательством Дарнли[28].

Лорды не проявляли интереса к медицинским аспектам болезни Марии, но были сильно встревожены ее состоянием. Пока Дарнли на свободе, они не хотели смены власти, боясь анархии в случае смерти королевы и желая сохранить ее на троне. Фракции шотландских лордов всегда интересовались потенциальными выгодами длинного периода регентства, но в данный момент не были готовы к такому повороту событий, поскольку вопрос

регентства станет предметом жарких споров, пока не разъяснится положение Дарнли как некоронованного консорта.

Эти страхи заставили лордов сосредоточиться на преимуществах правления Марии, пока она была жива. Старательно обходя молчанием свои действия, они винили в болезни королевы только Дарнли. Его поведение поставило королеву на грань смерти. Объясняя стоящую перед ними дилемму шотландскому послу в Париже, Мейтланд сформулировал это так: «Она оказала ему столь великую честь… он же, со своей стороны, отплатил ей такой неблагодарностью и в дурном обращении с ней зашел настолько далеко, что ее сердце разбивается при мысли о том, что он — ее муж, и она не видит никакого способа освободиться от него». Точно так же, как в начале заговора по убийству Риччио, Мейтланд намекал на решение проблемы, о котором сама Мария еще не догадывалась. До сих пор она была вынуждена мириться с последствиями своего брака, соблюдая приличия и пытаясь примирить преимущества наличия законного наследника мужского пола с недостатками Дарнли. Но лорды, в том числе Босуэлл, придерживались другого мнения. Устранив Дарнли, они оказали бы услугу всем.

В конце 1566 г. стало казаться, что Дарнли, со своей маниакальной одержимостью стать коронованным монархом и желанием добиться уважения католической Европы, восстановив мессу, превратился в неразрешимую проблему для всех, кроме собственной семьи. Было бы очень удобно, если бы он исчез. Никаких достоинств у него не было, особенно после того, как он выполнил свою роль и зачал наследника мужского пола. Его поведение было невыносимым, а в политическом отношении он превратился в ничто. Он даже не удосужился навестить Марию в Джедборо, пока она почти полностью не выздоровела. Но даже тогда он остался всего на одну ночь, а на следующий день вернулся в оплот Ленноксов в Глазго.

Босуэлл приехал в Джедборо за неделю до Дарнли — его привезли в запряженном лошадьми паланкине. Он достаточно окреп, чтобы участвовать в заседаниях Тайного совета, а через неделю «совсем поправился». 9 ноября Босуэлл был в свите Марии, когда она покинула Джедборо и отправилась в королевскую поездку по Берикширу и Ист-Лотиану. Босуэлл должен был исполнять обязанности лейтенанта «пограничного края», с которыми он прекрасно справился — поездка обошлась без каких-либо неожиданностей и неприятностей. Путешествие закончилось 20 ноября, когда Мария и ее Тайный совет прибыли в замок Крейгмиллар, в трех милях от Эдинбурга, где задержались почти на полмесяца.

Не прошло и недели пребывания Марии в Крейгмилларе, как она снова заболела. Второй раз в жизни она говорила, что близка к смерти и хочет умереть. Первый раз случился в возрасте тринадцати с половиной лет, во время болезни, известной как «пот». В Джедборо Мария чуть не умерла, но приступ развивался так стремительно, что у нее не было времени на размышления. Теперь же она понимала, что едва избежала смерти. По словам дю Крока, который стал свидетелем нового приступа, «она в руках врачей, и я уверяю Вас, что ей совсем плохо. Я убежден, что ее болезнь отчасти вызвана глубокой скорбью и печалью». Мария никак не могла избавиться от хандры. Она все время повторяет: «Лучше бы я умерла».

«Вы прекрасно знаете, — продолжал дю Крок, — что нанесенное ей оскорбление столь велико, что Ее Величество никогда его не забудет». Постепенно правда выходила наружу. Причиной депрессии стало не только ощущение близкой смерти. Приезжал Дарнли, что вызвало новые ссоры. «Дела обстоят все хуже… Я не жду улучшения отношений между ними». На пути к примирению существовали два серьезных препятствия. «Во-первых, король никогда не сможет смирить свою гордыню. Во-вторых, когда королева видит, как кто-то из лордов беседует с королем, она сразу же подозревает заговор».

Но если дю Крок сожалел о недостатках Дарнли, то приступ, случившийся с Марией в Джедборо, привел ее к мысли о примирении совсем иного рода. Заглянув в лицо смерти, она решила, что в случае ее кончины «заботу о нашем сыне и его защиту» следует вверить Елизавете, которая должна относиться к принцу Джеймсу как к собственному ребенку. Теперь уже стало очевидным, что Елизавета не намерена выходить замуж, и в этом случае именно такой необычный жест позволял Марии наилучшим образом защитить жизнь и династические права сына в Шотландии и Англии. Она знала, что, несмотря на прошлое соперничество, Елизавета всегда будет уважать идеал монархии и ставить права престолонаследия выше религиозных разногласий. В Англии Джеймса воспитают в протестантской вере, и в этом случае его права на трон в обеих странах будут неоспоримыми.

В Англию было отправлено послание, и Елизавета ответила. Ее письмо, переданное через Роберта Мелвилла, не сохранилось, но 18 ноября, на последнем этапе поездки по Ист-Лотиану, Мария цитировала его. Она написала письмо английскому Тайному совету, выражая благодарность за «добрые предложения», полученные от «дражайшей сестры», которые она намеревалась незамедлительно принять.

Сделанное под влиянием момента предложение Марии

назначить Елизавету «защитником» сына было мастерским ходом. Оно было достаточно лестным, чтобы понравиться английской королеве, и в то же время в достаточной степени туманным, чтобы не представлять прямой угрозы шотландским лордам, поскольку «защитник» — это нечто иное, чем «наместник» или «регент», о которых шла речь в ее завещании. Кроме того, оно оставляло Дарнли не у дел. Результатом была перспектива укрепления родственных связей между двумя королевами Британских островов. Эти связи всегда присутствовали в их риторике, но до сих пор значили очень мало. Как однажды воскликнула сама Мария, все это просто пустые слова! Последний жест позволял ей убедительно играть роль «родной сестры» или «дочери» Елизаветы. И теперь она отдавала своего сына под «защиту» королевы Англии. Мария не умерла в Джедборо, но это не значит, что она не могла надеяться извлечь пользу из внезапного потепления в их отношениях. После того как кузина ответила «добрыми предложениями», открывался путь к новому раунду дипломатических переговоров, в котором Мария надеялась добиться признания своих прав как наследницы английского престола.

Елизавета же хотела компромисса. Теперь она сама приняла решение, без вмешательства Сесила. Сесил уже некоторое время уговаривал ее выйти замуж за эрцгерцога Карла, и после перерыва продолжительностью в три с половиной года вновь был созван английский парламент. После жарких дебатов и закулисных соглашений парламент обратился к ней с просьбой выйти замуж и тем самым уладить вопрос о престолонаследии, как это сделала Мария. Тщетно. Получая советы из Лондона от Роберта Мелвилла, Мария точно знала, когда и как разыгрывать свои карты.

Елизавете очень не нравилось давление, которое на нее оказывали советники. Свой гнев она обратила сначала на делегацию лордов, а затем на комиссию обеих палат парламента — за обсуждение вопросов, которые она считала личными. «Добрые предложения» Марии были сформулированы вскоре после кризиса, вызванного дебатами в парламенте. В раздражительной записке — возможно, ее читал только Сесил — Елизавета возмущалась «непристойным поведением» тех, кто посмел уговаривать ее. Она приняла решение самостоятельно, обращаясь к Марии как королева к королеве.

Условия Елизаветы были чрезвычайно просты. Она отзовет требование подписать первоначальный Эдинбургский договор. Вместо него составят «новый договор о вечной дружбе». В нем по-прежнему будет провозглашен мир между двумя королевствами,

но без условий, унизительных для чести Марии. «Мы желаем, — писала Елизавета, — чтобы в договоре было подтверждено только то, что непосредственно принадлежит нам и нашим детям, исключив в упомянутом договоре все, что может нанести ущерб ее положению как следующего наследника после нас и наших детей, и все это может быть гарантировано ей новым договором между нами».

Елизавета соглашалась признать права Марии как престолонаследника. В обмен она хотела, чтобы эти права были строго определены и ограничены. Если Елизавета выйдет замуж и родит детей, права Марии аннулируются. Для того чтобы навсегда избавиться от попытки узурпации власти, следует подписать «соглашение» или «обоюдные обязательства». Они будут включать взаимные гарантии: каждая сторона признает другую законной королевой и не будет предпринимать попыток нанести ущерб другой. Как объясняла Елизавета, «такой образ действий позволит избежать соперничества и разногласий между нами, и является единственным способом скрепления дружбы».

Для английской королевы эти условия были явно выгодными. Они означали, что Мария ратифицирует Эдинбургский договор — если не по форме, то по сути, что позволит уладить разногласия последних пяти лет и гарантировать безопасность Елизавете. Но Марию это предложение тоже устраивало. Вероятно, она даже торжествовала. И действительно, уступки практически совпадали (на что она без стеснения указала) с теми, что предлагали «средний путь» пять лет назад. На таких условиях Мария подписала бы договор в любой момент со времени возвращения из Франции. И вот теперь речь идет именно о них — и это главное. Однако Мария видела и подводные камни. На пути к утверждению ее династических прав оставалось одно препятствие — завещание Генриха VIII. В завещании из числа наследников исключались Стюарты и прямо указывалось, что если Елизавета умрет бездетной, то английский трон унаследуют дети младшей сестры Генриха VIII, Марии, герцогини Саффолк.

Мария обратилась за советом к Роберту Мелвиллу. Она понимала, что ее козырь — организовать судебное рассмотрение завещания Генриха VIII, подлинность которого оспаривалась. Согласно третьему закону о престолонаследии, принятому в 1544 г., парламент предоставлял Генриху право определить наследников престола посредством «завещания, подписанного королем собственноручно». Сомнения вызывала именно «подпись». Под завещанием действительно стояла подпись, но не собственноручная подпись короля, а оттиск печати, которую использовал Генрих в последние месяцы своего правления. Эта

процедура позволяла избавить короля, становившегося все более раздражительным, от необходимости подписывать официальные документы. Но завещание было не обычным документом, а уникальным, и по закону о престолонаследии король должен был подписать его лично. Поэтому аргументы Марии были вполне обоснованными. В государственном архиве и сегодня указывается, что завещание Генриха VIII скреплено «печатью». Поэтому утверждение Марии, что подписи свидетелей и факсимиле были «поддельны», то есть поставлены уже после смерти короля, вполне правдоподобно, хотя и недоказуемо. Елизавета тоже не отвергала это предположение. Она не слишком прислушивалась к последней воле отца, предпочитая Марию оставшимся сестрам Грей, каждая из которых тайно вышла замуж.

3 января 1567 г. Мария написала Елизавете, что согласна принять предложение «дражайшей сестры» при условии судебного рассмотрения завещания Генриха VIII. Поскольку было известно, что Елизавета готова распустить парламент — и действительно распустила его 2 января, — с судебным следствием необходимо было поторопиться. После еще одного обмена письмами обо всем удалось договориться. Именно о таком соглашении всегда мечтала Мария. 8 февраля она приказала Мелвиллу возвращаться в Лондон. Чувствовала она себя гораздо лучше, а перспектива нового договора наполняла ее радостью и счастьем.

Затем, в два часа ночи 10 февраля, когда Мелвилл все еще собирался в дорогу, был убит Дарнли. Как только весть об этом достигла Лондона, о примирении Марии с Елизаветой можно было забыть. 19 февраля Мелвилл прибыл в Лондон, но Сесил отказался пустить его в свой дом. Переговоры между Марией и Елизаветой прервались. Ни о каком судебном пересмотре завещания Генриха VIII уже не могло быть и речи.

Осень и зима 1566/67 гг. прошли под знаком примирения, и внезапное убийство короля Шотландии и двух его личных слуг стало настоящим шоком. Перспектива династического согласия между двумя британскими королевами сама по себе не может служить доказательством того, что Мария не играла никакой роли в убийстве и не знала о нем. Однако такая перспектива делает ее участие маловероятным. Косвенными же уликами ничего доказать нельзя. Тем не менее они создают, и достаточно убедительно, новый контекст для повторного расследования убийства Дарнли, вынуждая еще раз обдумать факты первого британского «порохового заговора».

18
Заговор и контрзаговор

В убийстве Дарнли присутствуют три отдельных элемента: заговор, преступление и прикрытие. При рассмотрении этого загадочного убийства очень интересно анализировать массу противоречивых свидетельств, которые его окружают. Здесь мы имеем дело с огромным количеством обвинений и опровержений, с многочисленными действующими лицами драмы. В спорах, продолжающихся больше четырехсот лет, никто не смог дать удовлетворительного объяснения, что случилось той ночью и почему. По-прежнему подвергаются сомнению основные факты: кто убил Дарнли, где именно он умер, почему было решено убить его с помощью взрыва пороха в доме, где он жил, но его, по всей видимости, задушили в соседнем саду после того, как он в два часа ночи перебрался через стену.

Поскольку беспристрастных отчетов в то время быть не могло, все рассказы о смерти Дарнли носят в определенной степени гипотетический характер. Кроме того, непонятны три составляющих уравнения: кто, где и почему. Факты об убийстве, исследованные впоследствии теми, кто хотел перевести стрелки на других, еще больше затуманиваются фактами о заговоре и о самом преступлении. Чтобы обеспечить прикрытие, факты смешивали с вымыслом, в результате чего появлялись новые версии, каждая со своей внутренней логикой. Эти версии не являются правдивыми описаниями событий, однако они важны для нас, поскольку указывают на мотивы тех, кто пытался скрыть свои действия или переложить вину на других. В конечном счете истории о смерти Дарнли стали жить собственной жизнью.

Но в первую очередь мы должны заняться самим заговором. Нужно понять, как получилось, что супруг Марии жил не в своих апартаментах в Холирудском дворце, а в арендованном доме на южной окраине Эдинбурга, погреба которого были наполнены порохом. Выглядит все просто, но у этой загадки есть несколько слоев.

Первый слой — архивный. Основные документы об убийстве Дарнли являются исключительно английскими, что ставит вопрос о предвзятости и выборочности. Но в данном случае указанные проблемы значительно усугубились, потому что в XIX в., когда эти архивы каталогизировались и собирались в большие тома в кожаном переплете, они были реорганизованы и перепутаны. Идея состояла в том, чтобы выбрать самые важные документы и

расположить их в хронологическом порядке, но это проще сказать, чем сделать. Документы хранятся в Лондоне и разбросаны по разным собраниям. Например, одно такое собрание, разделенное между Британской библиотекой и Государственным архивом, включает массив рабочих документов первого министра Елизаветы Сесила. В других собраниях содержатся доклады графа Бедфорда, главного чиновника, ведающего границей, и губернатора Берика, а также его заместителя и военного советника, сэра Уильяма Дрери, и их подчиненных. Но в XIX в. при каталогизации из бумаг Бедфорда и Дрери были изъяты некоторые документы и добавлены к бумагам Сесила, чтобы заполнить пробелы. Другие были перемещены в соответствии с новым порядком переплетенных томов, в результате чего проследить их происхождение стало труднее. Например, вложение, присланное с сопроводительным письмом, могло быть отделено от самого письма, или наоборот. Но хуже всего, что многие документы были помечены ошибочными датами, и в таком неверном порядке отобраны для публикации, что ввело в заблуждение несколько поколений добросовестных исследователей. И наконец, если большинство собраний документов Сесила были опубликованы, то бумаги из Берика изучались поверхностно, и их потенциал в значительной степени недооценен. До настоящего времени ни один историк полностью не изучил их содержание — для этого требуется расшифровка многих томов рукописных документов, зачастую практически неразборчивых. Но и награда велика: в этих архивах, вне всякого сомнения, будут найдены новые удивительные факты, касающиеся обстоятельств смерти Дарнли.

Заговор начал созревать после болезни Марии в Джедборо, в которой лорды обвинили Дарнли. Первый шаг сделал Мейтланд, когда написал, что «ее сердце разбивается при мысли о том, что он — ее муж». Пока Мария лежала в постели в замке Крейгмиллар, лорды обдумывали проблему. Они прибыли в замок вместе с ней 20 ноября 1566 г. и провели там почти две недели, а затем сопроводили королеву в Холирудский дворец за несколько дней до того, как она отправилась в Стирлинг, чтобы отпраздновать крещение своего сына, принца Джеймса.

В Крейгмилларе заговор сформировался. Лорды ненавидели Дарнли, но в то же время боялись Ленноксов. Они хотели, чтобы Мария простила Мортона и изгнанных заговорщиков, участвовавших в убийстве Риччио, и вернула их в Шотландию, где они объединят силы с другими лордами, чтобы поставить Ленноксов на место. Как и в начале заговора с целью убийства Риччио, движущей силой событий был коварный Мейтланд.

Вопрос заключался в том, как заставить Марию даровать прощение заговорщикам.

Мейтланд начал с бесед с Мореем и Аргайлом. Он сказал, что первым шагом было бы добиться развода для Марии, освободив ее от главного обязательства, одновременно уменьшив угрозу попытки *переворота* со стороны Дарнли. Она будет настолько благодарна, что наградит тех, кто ей помог, и простит заговорщиков. Морея убедить не удалось, и тогда Мейтланд обратился к Хантли. Мы не знаем почему, но скорее всего они пришли к выводу, что развод не устранит опасности со стороны Дарнли, и для его нейтрализации требуются более жесткие меры. Мейтланд не отступал. Аргайл дал согласие присоединиться к заговору, и Хантли снял свои возражения. Естественно, лорды назвали цену: они хотели, чтобы их право на земли предков было бы подтверждено парламентом, что законным образом отменяло все предыдущие конфискации и предотвращало покушение на их земли в будущем.

К Босуэллу обратились в последнюю очередь. Он высказал те же сомнения, что Морей и Хантли, но согласился поддержать план. Затем все вместе они направились в личные покои королевы, чтобы убедить ее развестись с Дарнли.

Впоследствии лорды утверждали, что в принципе Мария была не против развода, если он будет законным и «не повредит ее сыну». Это было осуществимо. Как истинная католичка, она хотела скорее не развода, а аннулирования брака, однако не возражала, если развод пройдет таким образом, что ее сын будет признан законнорожденным и за ним сохранятся права престолонаследия.

Мейтланд сказал, что если Морей по-прежнему не согласен, то «я уверен, что он будет смотреть на все сквозь пальцы и молча наблюдать за нашими действиями». Эти слова встревожили Марию. Что имел в виду Мейтланд? «Я требую, — поспешно сказала она, — чтобы Вы не предпринимали ничего такого, что запятнает мою честь и совесть, и поэтому прошу Вас оставить все как есть».

Очевидно, что план Мейтланда включал гораздо больше того, что он раскрыл. На этом этапе Мейтланд хотел, чтобы главную роль в оправдании заговорщиков сыграл парламент, и наиболее правдоподобное объяснение состоит в том, что он планировал совместить развод Марии с судебным заседанием или законопроектом парламента, в котором лорды обвинят Дарнли в измене на основе сфабрикованных обвинений. Но Мария это запретила. Она предпочитала оставить все как есть, а не участвовать в чем-то угрожающем ее чести и королевскому

достоинству. Конечно, ее раздражало и отвлекало поведение Дарнли, становившееся все более неосторожным и непредсказуемым, но все ее внимание было сосредоточено на последнем предложении Елизаветы, обещавшем окончательное разрешение проблемы престолонаследия. Мария общалась с Елизаветой на равных, как королева с королевой, через своего посла, и не хотела, чтобы что-либо помешало переговорам, в результате которых наконец будет признано ее право наследовать английский престол. Она сама сумеет приструнить Дарнли, когда придет время. Как бы то ни было, она его жена и королева. Мейтланд искусно завершил разговор, пообещав Марии: «Ваша милость увидит лишь благие последствия, одобренные парламентом». Это был итог разговора.

10 декабря после нескольких дней отдыха в Холирудском дворце Мария и лорды направились в Стирлинг. Крестины состоялись неделю спустя. Принцу Джеймсу было уже почти полгода, гораздо больше, чем возраст, при котором проходил католический ритуал крещения, но церемонию откладывали сначала из-за болезни Марии, а также в ожидании посла герцога Савойского. Крестины превратили в роскошный трехдневный праздник, образцом для которого послужило торжество по случаю «примирения», устроенное Екатериной Медичи в Байонне. И это не было совпадением. Череда триумфальных шествий, развлечений, маскарадов, инсценированных осад крепостей, банкетов, завершением которых в последний день стал великолепный фейерверк, — все это было кульминацией процесса «примирения» Марии с лордами и залечивания ран, вызванных заговором и убийством Риччио.

Ничего подобного Шотландия еще не видела. Такие траты были Марии не по карману, поскольку значительно превышали ее ежегодный доход как вдовствующей королевы Франции. Чтобы оплатить всю эту роскошь, она повысила налоги и заняла 12 000 фунтов у эдинбургских купцов. С того момента, как было запланировано крещение, расходы королевского двора превысили 5500 фунтов в месяц — то есть увеличились на пятьдесят процентов. Нужно было оплатить костюмы, а также выдать жалованье ремесленникам, строившим сцены и декорации для маскарадов. В Стирлинг доставили огромное количество деликатесов и вина. Командующий королевской артиллерией шесть недель практиковался в запуске фейерверков. Пушки, порох, селитру и все прочее привезли в Стирлинг из Эдинбурга, Данди и других городов. С берега реки на отвесную скалу, где располагался замок, их поднимали ночью, чтобы красочный фейерверк, символизирующий окончание праздника, стал для

всех сюрпризом. Это торжество должно было соперничать с теми, которые Мария видела во Франции, даже с праздником в Руане пятнадцатью годами раньше, когда она сидела рядом с матерью и своим будущим первым мужем в павильоне Генриха II.

Крещение провели по католическому обряду. Представитель Карла IX, граф де Бриенн, и постоянный французский посол в Шотландии, дю Крок, были впечатлены, но лорды из числа протестантов проигнорировали службу. Морей, Босуэлл и Хантли стояли снаружи, у дверей часовни, потому что «это противоречило установлениям их веры». Крестной матерью принца стала Елизавета, выбрав в качестве своего представителя графиню Аргайл. Английская королева настолько серьезно отнеслась к своей роли, что подарила Марии купель из чистого золота весом 333 унции (около 9,5 кг). Бедфорду, которого направили в Стирлинг в качестве посла Елизаветы, было приказано преуменьшить размеры купели. Он должен был вести себя скромно, указав, что подарок, возможно, маловат для полугодовалого младенца, но пригодится для следующего ребенка Марии.

Графиня Аргайл превосходно справилась со своей ролью. Будучи протестанткой, она заняла положенное место рядом с купелью, за что впоследствии ее осуждал Нокс. Бедфорд, убежденный протестант, отказался присутствовать на службе и стоял снаружи, беседуя с Мореем и Босуэллом. Это было неприятно, однако не шло ни в какое сравнение с отсутствием Дарнли. Он находился в Стирлинге, но ни с кем не хотел общаться; его гордость все еще была уязвлена тем фактом, что он не является коронованным королем. «Его дурные манеры, — писал дю Крок представителю Марии в Париже, — неисправимы, и добра от него ждать не приходится… Я не рискую предсказывать, как все может обернуться, но могу сказать, что текущее положение не может продлиться долго, и как бы не было чревато плохими последствиями».

Дарнли обижался, и встречать послов пришлось Босуэллу. «Все, связанное с крещением, — язвительно писал Сесилу сэр Джон Форстер, — находится под его управлением, что вряд ли нравится остальным придворным». Возвышение Босуэлла отражало благосклонность к нему Марии, а также тему объединения, общую для праздника. Его «примирение» с Мореем и Аргайлом стало одним из самых примечательных событий 1566 г. и якобы положило конец смертельной вражде двух бывших лидерами лордов конгрегации, чье золото было украдено семь лет назад. На крещение были приглашены дипломаты из Европы, и со стороны Марии было не очень разумно настолько

возвышать Босуэлла. Вместе с Мореем и Хантли он стоял позади ее кресла на официальных приемах, что могло отразиться на его статусе. Впоследствии сэр Джеймс Мелвилл говорил, что у Босуэлла «была своя мишень, и он в нее попал» — метафора из соревнований лучников, где победителем считался тот, кто поразит цель, или «мишень». Это важное наблюдение, хотя никоим образом не свидетельствующее о романтических отношениях Марии и Босуэлла.

Впечатление от события часто может оказаться не менее важным, чем само событие, и роль Босуэлла, важно дефилирующего в своем новом костюме, стала предметом пересудов. Мария подарила Морею зеленый костюм, Аргайлу — красный, а Босуэллу — синий. Это были всего лишь три костюма из множества дорогих нарядов, которые она раздала придворным, но больше всего денег ушло на организацию банкетов. В последний день за ужином слуги не приносили блюда в большой зал — они подавались с необычной механической «машины». Сегодня никто не знает принципа ее работы, но первые две перемены, включавшие около пятидесяти отдельных блюд, приехали в зал на движущейся платформе с двенадцатью сатирами и шестью нимфами, а третья перемена была подана с помощью «желоба», представлявшего собой нечто вроде механического конвейера. Перед четвертой, последней, переменой блюд с потолка на позолоченном шаре спустился ребенок, одетый ангелом и декламирующий стихи.

Перед последней переменой движущаяся платформа сломалась, и банкет закончился раньше, чем намечалось. Возможно, это было к лучшему. Бастиан Паже, один из любимых слуг Марии, помогавший Бьюкенену в постановке маскарадов, поддразнивал английскую делегацию. Они и его соотечественник француз были переодеты в костюмы сатиров с длинными хвостами и хлыстами в руках. По свидетельствам очевидцев, они размахивали хвостами и показывали неприличные жесты. Скандал разгорелся после того, как один из англичан сказал Паже, что лишь уважение к королеве не позволяет ему вонзить кинжал прямо в сердце француза. Услышав шум, все повернулись к ним. Страсти накалялись, и для восстановления порядка потребовалось личное вмешательство Марии и Бедфорда.

Но вернемся к Дарнли. Все это время ему удавалось избежать ответственности за убийство, однако теперь у него появилась веская причина опасаться за собственную жизнь. В рождественский сочельник Мария даровала прощение Мортону и еще семидесяти заговорщикам, участвовавшим в убийстве Риччио. Она даже простила Эндрю Кера из Фодонсайда, который

направил на нее пистолет, когда Риццио вытаскивали из столовой. Новые королевские милости последовали 12 января 1567 г., в последний день пребывания Марии в Стирлинге, перед возвращением в Эдинбург вместе с сыном.

После крестин Бедфорду удалось уговорить Марию даровать прощение заговорщикам. Он приписывал свой успех посредничеству лордов, в особенности Морею и Босуэллу, которые вместе с ним убеждали королеву даровать прощение. Наконец Мария уступила. Она еще не полностью оправилась после приступа обострения язвенной болезни в Джедборо. Физическое и психологическое истощение сыграли свою роль. За два дня до того, как она даровала прощение, французский посол дю Крок застал ее в постели — она «горько плакала» и жаловалась на «сильную боль в боку».

Несмотря на то что убийство Риццио, случившееся девять месяцев назад, заставило Марию сомневаться в собственной безопасности и в верности слуг, она переступила через свое отвращение ради примирения непостоянных во взглядах лордов, беспрерывно враждующих друг с другом и с короной. Политика Марии была благородной, однако королева так до конца и не поняла культурных особенностей Шотландии, связанных с понятием о чести. Верность короне была привлекательным вариантом для лордов, желавших удовлетворить свои амбиции, но этот вариант выбирался исключительно из эгоистических соображений. Лорды желали служить Марии только на своих условиях: они были неспособны умерить свою жадность даже тогда, когда получали желаемое. Королева простила Мортона и Дугласов в тот момент, когда разочарование в муже и боли в животе заставили ее пойти по пути наименьшего сопротивления. Это стало ее главной ошибкой.

Тем не менее причины такого поведения Марии явно были более глубокими. Фактически она совершила внезапный разворот на сто восемьдесят градусов и простила убийц Риццио. Чем же была вызвана такая перемена?

Одна из причин — политика примирения, которая уже приобрела собственную динамику. Но главной причиной все-таки было ожидание династического соглашения с Елизаветой, результатом которого стал бы его новый вариант без унизительно-оскорбительных статей, присутствовавших в Эдинбургском договоре. И сейчас переговоры велись на уровне двух королев. Елизавета сама занялась дипломатией в отношениях с Марией, а Сесил оставался не у дел, пока не воспользовался шансом, представившимся после того, как из всех возможных кандидатур для присутствия на крестинах королева

выбрала Бедфорда. Бедфорд был одним из ближайших союзников Сесила и всегда прислушивался к его аргументам. Сесил предполагал, что его посланник приватно побеседует с Марией во время празднеств в честь крещения принца и убедит ее даровать прощение Мортону и остальным заговорщикам, позволив им вернуться домой. В свою очередь, Сесил не будет мешать примирению королев.

Однако такой поворот совсем не значил, что Сесил изменил свое отношение к Марии. Это был глубоко циничный шаг. Он обманывал Марию, прекрасно понимая, что как только прощенные Дугласы вернутся в Шотландию, они пожелают отомстить Дарнли, и Мария будет не в состоянии справиться с этой враждой, что уничтожит все шансы на взаимопонимание с Елизаветой.

Интуиция не подвела Сесила. 9 января Мортон отправил ему письмо из Берика, перед тем как пересечь границу. Он выражал благодарность за вмешательство, позволившее получить прощение, и уверял, что окажет ему «любую услугу, которая находится в его власти». Он готов взяться за любое дело в Шотландии или в другой стране. И как будто специально, Бедфорд, который пересекал границу в противоположном направлении, заверил Сесила, что Мортон всем ему обязан.

Вне всякого сомнения, именно по этой причине редактор развернутого выпуска «Хроник» Холиншеда, опубликованного в январе 1587 г., меньше чем за две недели до казни Марии в Фотерингее, писал, что в «замышлении, планировании и осуществлении» убийства Дарнли участвовали «могущественные, ныне здравствующие люди». В те времена «могущественным человеком» называли Сесила. Это заявление приписывается Мортону, и в «Хрониках» оно приведено в виде цитаты, чтобы избежать цензуры, и вполне вероятно, что это прямой намек на Сесила.

Разумеется, это не означает, что Сесил участвовал в заговоре против Дарнли — для этого он был слишком умен. Но с самого начала его политика в отношении Марии была направлена на то, чтобы сделать ее положение максимально неустойчивым, вызывая хаос в критические моменты. В конце концов, при желании он мог не поддерживать связей с Мейтландом и Ноксом, прекратив тайную переписку, однако он также мог заранее предупредить Марию о заговоре с целью убийства Риччио.

Мортон торжествовал. Произошло невероятное. Дугласы и их союзники возвращались в Шотландию, и Мортон жаждал отомстить за предательство Дарнли, который отрицал свое согласие на убийство Риччио и в итоге переложил всю вину на

сообщников. Последствия были неизбежны. Вернувшись домой, Мортон тут же организовал встречи с Мейтландом и Босуэллом в замке Уиттингем в Ист-Лотиане. Замок находился в нескольких часах езды от Эдинбурга, и именно там, ориентировочно 14 января, намерение наказать Дарнли стало заговором с целью покушения на убийство[29].

У нас есть свидетельство самого Мортона, явно предвзятое и неполное. Оно было наскоро «состряпано» с учетом текущего момента, поскольку вся ответственность в нем возлагалась на Босуэлла, роль же остальных участников преуменьшалась, а Мейтланд не упоминался вовсе. Согласно этому *ex parte*[30] свидетельству, как только Мортон въехал во двор Уиттингема, Босуэлл предложил, чтобы лорды раз и навсегда покончили с Дарнли, убив его.

К счастью, у Дрери, заместителя Бедфорда и его первого помощника в Берике, были шпионы в Шотландии, и он внимательно наблюдал за происходящим. Дрери быстро узнал об этой встрече. Его отчеты, известные по опубликованным фрагментам, доказывают, что лидерами заговора были Мортон и Босуэлл, а не только Босуэлл, как считается по другим версиям. Когда те, кто отвечал за прикрытие, переписывали историю, чтобы обелить себя, роль Мортона была сильно преуменьшена. В том, что касалось убийств, он всегда оставался за кулисами, ловко перекладывая вину на других. Но рукописные оригиналы докладов Дрери показывают, что без Мортона не обошлось.

Дрери знал, что Мортон и Мейтланд присутствовали на встрече с Босуэллом. Там же был двоюродный брат и подручный Мортона, Арчибальд Дуглас, слуги которого впоследствии признались, что он присутствовал на месте убийства, где умудрился оставить свой тапок. (Якобы он переобулся в мягкую обувь, чтобы заглушить звуки шагов.) Еще одним заговорщиком был сэр Джеймс Бальфур. Будучи одним из протеже Дарнли, которому тот доверял, он переметнулся на другую сторону и теперь поддерживал Мортона и Босуэлла. Бальфур уже был замешан в убийстве — много лет назад он помог устранить кардинала Битона. Теперь Бальфур достал большое количество пороха, причем торговцы запомнили его, поскольку он не заплатил наличными, а обменял порох на оливковое масло. Тем не менее при расследовании не удалось доказать присутствие Бальфура на встрече в Уиттингеме, но впоследствии он желал получить прощение за свою роль в заговоре.

В центре заговора стояли Мортон и Босуэлл, а помогали им Мейтланд, Бальфур и Арчибальд Дуглас. Другие лорды полностью их поддерживали — в том числе Аргайл и Хантли.

Морей благоразумно остался в стороне. Он поддерживал заговорщиков, поскольку точно знал, когда должен произойти взрыв, и позаботился о том, чтобы в ту ночь отсутствовать в своем доме в Файфе. Он знал о готовящемся убийстве, но «смотрел на него сквозь пальцы». Морей всегда ненавидел Дарнли, которого винил в своем изгнании в Англию после «загонного рейда». Эгоистичный и тщеславный, он не пытался предупредить сестру об опасности.

Тем временем Дарнли покинул Стирлинг и удалился в вотчину Ленноксов, в Глазго. Согласно докладу Бедфорда Сесилу, он «болел ветряной оспой», но на самом деле это был вторичный сифилис. Все его тело покрылось сыпью со зловонными нарывами, и ему прописали курс лечения «ртутной мазью» продолжительностью от шести до восьми недель. В то время именно так лечили сифилис. У пациента следовало вызвать обильное потоотделение и одновременно давать ему большие дозы ртути, либо внутренне, либо наружно. Ртуть принимали до тех пор, пока у пациента не начинали болеть десны, шататься зубы и обильно выделяться слюна. Дыхание становилось зловонным — ткань десен разлагалась от ядовитого металла. Несмотря на эти побочные эффекты, лечение могло оказаться эффективным. В завершение пациенту назначался курс лечебных ванн, как правило серных.

Мария решила навестить Дарнли в его убежище и убедить его вернуться вместе с ней в замок Крейгмиллар. Мы в точности знаем, как это происходило. 20 января она сообщила послу в Париже о своих намерениях. Один из слуг посла, Уильям Уокер, предупреждал ее, что Дарнли вместе с Ленноксами планирует похитить принца Джеймса и короновать его — то есть сделать именно то, чего боялась Мария. После чего Дарнли собирался править в качестве регента в течение следующих двадцати лет, а Марию держать в заточении.

Уокер указал свой источник — это был Уильям Хейгейт из Глазго, тоже шпион посла. Он передал эту информацию Уокеру, утверждая, что Дарнли до такой степени ревновал к лордам, советникам Марии, что решил: или он, или они. При необходимости он убьет советников королевы, чтобы убрать их со своего пути. По мнению Марии, угрозы Дарнли были вполне реальны. Он уже высказывался в этом духе минувшей осенью, и его слова слышал дю Крок. Мария вызвала Хейгейта, который все отрицал. Он сказал, что до него лишь дошли слухи, что сам Дарнли в опасности, о чем он сообщил Ленноксу, таким образом предостерегая Дарнли.

Мария чувствовала себя совершенно беззащитной. Положение

ее было шатким, но она проклинала Дарнли. «Что касается короля, нашего супруга, — восклицала она, — то мы видим, что он слишком занят, чтобы вникать в наши дела». Мария знала, что его шпионы следят за ней, пока он и его отец плетут интриги. Опасаясь, что Дарнли замышляет государственный переворот, Мария по собственной инициативе отправилась в Глазго. Королеву вероломно поощряли Босуэлл и Хантли, которые сопровождали ее и предоставили охрану на первую часть путешествия. Естественно, они поддерживали ее план явиться к Дарнли и вернуть его в Эдинбург. Иначе и быть не могло, потому что Мария невольно играла на руку заговорщикам. Она могла стать тем инструментом, с помощью которого Мортон отомстит ее мужу за предательство после убийства Риццио.

Глазго кишел вооруженными сторонниками Дарнли, и визит Марии туда был настолько опасен, что королева нуждалась в постоянном присутствии телохранителей. Босуэлл и Хантли проводили ее до Каллендер-хауса, дома лорда Ливингстона, одного из ее бывших опекунов и отца одной из четырех Марий. После этого охрану королевы обеспечивали Гамильтоны, родственники и сторонники изгнанного герцога Шательро и злейшие враги и соперники Ленноксов, вследствие чего они являли собой идеальную защиту от любых попыток похищения принца.

Мария выехала из Эдинбурга 20 или 21 января и прибыла в Глазго 22 января. Она направилась прямо в комнату к больному Дарнли. В те времена уже было известно, что сифилис заразен, но Мария не собиралась прикасаться к мужу и поэтому пошла на риск контакта с больным. Причиной была не любовь к мужу и не забота о его здоровье. Чтобы предотвратить возможный переворот, она решила поселить Дарнли в Крейгмилларе, всего в нескольких милях от Холируда, где хозяин замка, католик сэр Саймон Престон, был беззаветно предан Марии и при необходимости держал бы под домашним арестом ее отбившегося от рук мужа.

Действия Марии не имели никакого отношения к встрече в замке Уиттингем. Она даже не подозревала о заговоре лордов. Ее просто беспокоили полученные сообщения о намерении Дарнли украсть Джеймса, а ее саму заточить в тюрьму. Во время свидания с Дарнли она использовала его известные слабости. Мария предъявила ему обвинения, основываясь на сведениях Уокера и Хейгейта, а когда он несколько раз отверг их, притворилась, что поверила, чтобы усыпить его бдительность. Нарциссизм Дарнли был столь силен, что он отказывался признавать любые обвинения в заговоре и вместо этого выставлял себя жертвой.

Мария немного посидела у его постели, и в следующие пару дней навестила больного еще несколько раз. Однако Дарнли с маниакальным упорством отказывался ехать вместе с ней в Эдинбург. Наконец она сделала то, что должно. Иногда говорят, что Мария, обладая более сильным характером, могла командовать своим безвольным мужем, когда они оставались наедине. Главным оружием Марии всегда было обаяние, и в данном случае его оказалось достаточно. Чтобы взять верх над Дарнли, ей требовалось доказать свою любовь к нему единственным способом, который понимала его похотливая и испорченная натура. И она обнадежила его в том, что касается интимных дел, как только он поправится, но при условии возвращения вместе с ней в Крейгмиллар.

Мария хотела любым способом вернуть Дарнли в Эдинбург, где можно будет следить за каждым его шагом. А в том случае, если он планирует переворот, нужно разлучить его с кланом Ленноксов, окопавшимся в своих цитаделях в Глазго и Дамбартоне. У Марии была своя цель — достичь окончательного династического соглашения с Елизаветой. По сравнению с этим все остальное представлялось второстепенным. У нее был мотив держать Дарнли под домашним арестом, но не убивать его. Если Дарнли убьют, то все, о чем мечтала Мария с момента возвращения из Франции, будет потеряно, поскольку Елизавета тут же прервет переговоры и даже потребует возмездия. Дарнли, несмотря на все свои недостатки, все же был ее родственником.

Ситуация, сложившаяся после крестин принца, была чрезвычайно сложной и запутанной. Существовали три независимые интриги. Дарнли и Ленноксы планировали заговор, чтобы заточить Марию в тюрьму и править от имени принца Джеймса. Мария, поощряемая Босуэллом и его союзниками, хотела привезти мужа в Крейгмиллар, где можно будет контролировать его. Это позволяло Марии получить то, в чем она нуждалась: передышку до окончательного примирения с Елизаветой. И наконец, существовал заговор с целью убийства Дарнли, готовящийся в замке Уиттингем. Мортон и Дугласы жаждали отомстить Дарнли, а Босуэлл видел в этом возможность занять его место. Заговорщики планировали убить Дарнли, и произойдет это в Крейгмилларе или другом месте, не имело значения. Единственным местом во всей Шотландии, где попытка убийства была невозможна, был Глазго, находившийся во власти Ленноксов и их вассалов.

31 января или 1 февраля Мария прибыла в Эдинбург вместе с Дарнли, которого везли в конном паланкине. Но если королева вернулась в свои покои в Холирудском дворце, то его поселили в

относительной изоляции в поспешно приготовленном доме на окраине Эдинбурга, где он должен был закончить лечение курсом серных ванн. Впоследствии утверждалось, что дом выбирала сама Мария. Это ложь. Бывший дом настоятеля входил в группу домов, окружавших квадратный двор старой, полуразрушенной коллегиальной церкви Кирк-о-Филд, расположенной на холме на южной окраине города. Поселиться там решил сам Дарнли, и тому есть доказательства. Один из его слуг, впоследствии нанятый Ленноксом, подтвердил, что «в Глазго предполагалось, что король сначала остановится в Крейгмилларе, *но поскольку он этого не пожелал*, планы поменялись, и было решено, что он поселится рядом с Кирк-о-Филд». Поскольку слуга Леннокса (если он лжесвидетельствовал) должен был говорить прямо противоположное, это свидетельство звучит убедительно. Джон Хепберн, двоюродный брат Босуэлла, дал такие же показания. Клод Но, брат личного врача Марии и ее секретарь после 1675 г., также сообщал, что Кирк-о-Филд выбрал сам Дарнли, хотя в данном случае следует признать, что Но не был тому свидетелем и делал свои записи по прошествии нескольких лет.

Дарнли был не настолько глуп. Он отказался поселиться в Крейгмилларе, потому что ненавидел и боялся сэра Саймона Престона, и до него уже дошли слухи о заговоре. Но в любом случае Дарнли не хотел возвращаться в Холируд до окончательного выздоровления. Он был необыкновенно тщеславен и не желал, чтобы люди видели его язвы и гнойники. Пока лечение не закончится, и кожа снова не станет нормальной, он останется в изоляции. Даже в уединении, в своей спальне на втором этаже дома в Кирк-о-Филд, Дарнли не снимал маску из тафты.

Таким образом, Дарнли хотел вернуться в Эдинбург, но только в такое место, которое выберет сам. Дом находился достаточно далеко от суеты Хай-стрит и Кэнонгейт, но близко от дворца, так что Мария имела возможность навещать мужа, и это тешило его самолюбие. Здание пустовало, поскольку лишь недавно перешло в собственность Роберта Бальфура, брата сэра Джеймса. Оно располагалось у вершины крутого холма поблизости от полей; эта местность славилась чистым воздухом[31]. Идеальное место для выздоравливающего. Однако Дарнли не учел, что сэр Джеймс перешел на сторону врага и теперь был союзником Мортона и Босуэлла.

Дарнли поселился в бывшем доме настоятеля 1 февраля и собирался оставаться там по крайней мере до 10-го числа, когда заканчивался курс лечения. После выздоровления он планировал вернуться в свои покои в Холируде. Для понимания

произошедшего очень важно знать план самого здания. Жилые помещения находились в старой части двухэтажного дома с подвалом. В доме имелись две большие спальни, одна над другой, которые также использовались в качестве приемных покоев, две маленькие спальни для слуг и внешняя кухня. В новой одноэтажной пристройке располагалась *salle*: зал или приемная, с троном под черным бархатным балдахином. Убранство зала было довольно скромным.

У главного дома имелись три входа. Парадная дверь выходила в квадратный двор при церкви. Боковая дверь вела в огороженный сад, где Мария любила гулять и петь, когда посещала Дарнли. Задняя дверь находилась в коридоре, который вел из погреба в глубину дома, и выходила в переулок, называвшийся Воровским, по ту сторону городской стены, отделявшей двор при церкви. Кирк-о-Филд находился на окраине Эдинбурга. Граница города была обозначена городской стеной, к которой как раз и примыкал дом.

На втором этаже в спальне Дарнли рядом с кроватью установили ванну, чтобы он мог принимать лечебные процедуры. Комнату постарались сделать комфортной. На стены повесили шесть гобеленов, на пол постелили турецкий ковер. В спальне имелись две или три подушки из алого бархата, стул с высокой спинкой, обтянутый пурпурным бархатом, и столик, обитый зеленым бархатом. Кровать Дарнли, которую Мария подарила ему в качестве походной и которая раньше принадлежала ее матери, была занавешена фиолетовым и коричневым бархатным балдахином и богато украшена золотой и серебряной парчой с вышитыми цветами.

На первом этаже прямо под спальней Дарнли находилась комната Марии. В ней стояла обитая желто-зеленым камчатным полотном кровать, на которой спала Мария, дважды остававшаяся в доме на ночь. Есть версия, что королева собиралась ночевать в доме в день убийства. Это еще одна история, сочиненная для прикрытия, потому что если бы Мария планировала провести ночь в Кирк-о-Филд, то не оставила бы у порога лошадей, чтобы вернуться в Холируд. Когда она объявила о своем намерении уехать и воскликнула: «По коням!» — конюшие были готовы, и кавалькада немедленно тронулась в путь. Те, кто утверждает, что Мария передумала в самый последний момент, чтобы спастись от взрыва, вынуждены говорить, что она пешком вернулась в Холирудский дворец темной и холодной февральской ночью в неудобных туфлях и длинном платье. Это абсолютно неправдоподобное утверждение, не согласующееся с характером Марии, не говоря уже о том, что ночная стража, патрулировавшая

улицы после наступления темноты, обязательно заметила бы ее.

Воскресным вечером 9 февраля, когда Мария и Дарнли смеялись и болтали, а Босуэлл играл в кости с Аргайлом и Хантли за стоящим рядом столиком, обитым зеленым бархатом, внизу группа людей закладывала пороховой заряд. Это был тот самый порох, который обменял сэр Джеймс Бальфур. Через боковую или заднюю дверь — а возможно, через подземный ход, прорытый из подвала в соседнее здание, которое тоже принадлежало Бальфурам, — в дом внесли около дюжины бочонков. Взрывчатку заложили в подвал, а остатки ссыпали в мешки, которые бросили на пол спальни Марии.

В обвинениях, к которым присоединялся Морей, говорилось, что двумя днями раньше Мария приказала убрать из спальни Дарнли кровать и несколько гобеленов, заменив на менее ценные, и вернуть их в Холируд. Один из слуг Дарнли свидетельствовал, что старую пурпурную кровать заменили новой, обтянутой черным бархатом. К несчастью для Морея, эти факты можно проверить. Опись предметов, уничтоженных взрывом, свидетельствует, что ни кровать, ни гобелены не менялись. В ночь убийства кровать Дарнли в Кирк-о-Филд была той же самой, которой он пользовался раньше.

В воскресенье, 9 февраля, Дарнли пребывал в отличном настроении. Его кожа очистилась, и он считал, что полностью выздоровел, и собирался на следующий день вернуться в Холирудский дворец. 7 февраля он отправил Ленноксу письмо, полное оптимизма. Он даже рассуждал о примирении и о «любви» к Марии, которая «смею Вас уверить, все это время ведет себя как верная и любящая жена». Когда до него дошли новые слухи о заговоре, он рассказал о них Марии. Королева немедленно приказала провести расследование, но ничего обнаружено не было. Дарнли нельзя было назвать доверчивым человеком, но Мария укрепила его уверенность в себе.

Тщеславие Дарнли было удовлетворено. Он тешил себя приятными мыслями. Следующей ночью он собирался подняться по тайной лестнице в Холирудском дворце и воспользоваться своими правами супруга, таким образом снова утвердиться в качестве короля Шотландии тем способом, который был ему знаком лучше всего. Тем временем, пока Босуэлл играл в кости с Аргайлом и Хантли, люди сэра Джеймса Бальфура продолжали делать свое дело, а из Лондона Сесил наблюдал и ждал начала событий. В отличие от Марии он был полностью готов к тому, что должно было произойти в ее стране.

19
Второе убийство

День перед убийством Дарнли был одним из самых счастливых в жизни Марии. Это было воскресенье, предшествовавшее Великому посту, который начинался в следующую среду, — одна из последних возможностей для пиров и танцев, которые так любила королева. Именно в это воскресенье всегда проходил карнавал. В середине дня Мария присутствовала на свадебном обеде, устроенном Бастианом Паже, ее любимым пажом и постановщиком пьес, сатиры которого, размахивавшие хвостами на маскараде в честь крещения принца Джеймса, так обидели англичан. В то утро в королевской часовне Холирудского дворца он обвенчался с Кристин (или Кристили) Хогг, одной из камеристок Марии и ее любимицей. Мария подарила невесте свадебное платье, дорогое и богато украшенное. Веселье должно было продолжаться до полуночи.

В полдень Мария покинула банкет, пообещав до окончания веселья еще вернуться и потанцевать. Затем она переоделась к официальному приему, который был назначен на четыре часа пополудни в честь посла герцога Савойского, возвратившегося домой. Роль хозяина исполнял епископ Аргайла, Джон Карсвелл, дом которого в Кэнонгейт был самым большим. В семь часов вечера Мария удалилась. Ее сопровождали Босуэлл, Аргайл и Хантли, но не Морей, который уехал в Файф под предлогом того, что его жена заболела и ей угрожает выкидыш. Мейтланд также счел разумным удалиться, а в отношении Мортона все еще действовали ограничения. По условиям прощения ему было запрещено приближаться к Марии и королевскому двору ближе чем на семь миль.

Около восьми часов вечера Мария в сопровождении кавалькады лордов и леди отправилась в Кирк-о-Филд, чтобы отпраздновать излечение Дарнли. Возможно, кроме вина и разговоров там были музыка и танцы. К ночи Дарнли становился все более любвеобилен. Он хотел, чтобы Мария осталась с ним, однако королева уже пообещала Бастиану и Кристине, что посетит их свадебный маскарад.

Мария всегда держала слово, данное любимым слугам. В начале двенадцатого королева встала и приказала подать лошадей. Дарнли попытался отговорить ее, и, чтобы отделаться от него, она сняла с пальца кольцо и вручила ему как знак того, что следующую ночь она проведет с ним. Морей, впоследствии

описывавший эту сцену Гусману де Силва, испанскому послу в Лондоне, говорил, что Мария «вела себя необычно и беспримерно в ночь убийства, дала мужу кольцо, была нежна и ласкова с ним после того, как замыслила его убийство». Это, сказал Морей, который сам находился в Файфе и не видел событий, которые с такой уверенностью описывал, было «худшим» во всем этом циничном преступлении.

Успокаивая Дарнли, Мария тянула время. Когда он заподозрил возможность домашнего ареста и отказался ехать в замок Крейгмиллар, ее цель состояла в том, чтобы вернуть его в Эдинбург, где он будет находиться под надзором, и отгородить от влияния Леннокса и его сторонников. С его сексуальными потребностями помогали справиться время и виски, к которому Дарнли явно пристрастился. В конце концов, в эту игру она успешно играла со дня убийства Риччио. Торопиться тут не следовало.

Покидая дом на Кирк-о-Филд, Мария прошла мимо двери своей спальни. Это был опасный момент для людей сэра Джеймса Бальфура, двое из которых прятались в комнате. Во дворе Мария столкнулась с Николя Юбером, пажом по прозвищу Французский Парис[32], который был очень грязен — она заметила это даже при свете факелов. Пока все веселились наверху, он с помощью дубликатов ключей впустил людей Бальфура на первый этаж и даже помогал им наполнять порохом мешки, груда которых теперь лежала на месте кровати Марии. «Господи, Парис, как же ты перемазался!» — воскликнула Мария, взглянув на слугу. Он покраснел.

Мария вернулась в Холирудский дворец приблизительно в половине двенадцатого. На бале-маскараде она пробыла недолго: танцы почти закончились, и пришло время дамам «уложить невесту в кровать» — в этом придворном ритуале, сопровождавшемся смехом и шутками, Мария играла главную роль. Сама она легла спать примерно в половине первого. После ее отъезда Дарнли продолжил пить, а затем распорядился приготовить лошадей, чтобы рано утром отправиться в Холируд. В постель он лег около полуночи; ему помогал Уильям Тейлор, его верный лакей, спавший на койке в той же комнате. Два других слуги, Томас Нельсон и Эдвард Симмонс, находились поблизости. Они спали на галерее, примыкавшей к комнате Дарнли и выходившей на городскую стену и в Воровской переулок. С ними также был паж Тейлора, Эндрю Маккейг. На первом этаже спали пять или шесть слуг и, возможно, три или четыре грума.

Внезапно в начале третьего утра небо осветилось яркой вспышкой, а затем раздался взрыв. Оглушительный грохот,

словно разом выстрелили двадцать пять или тридцать пушек, испугал всех. В рядом стоящих домах открыли окна и зажигали свечи. Собаки лаяли и беспорядочно метались. Люди поспешили к дверям, и улицы, ближайшие к месту взрыва, наполнились небольшой толпой. Ночь была темной, и поэтому только на рассвете стало возможным оценить масштаб разрушений. В радиусе сотни ярдов от Кирк-о-Филд все было покрыто толстым слоем пыли. Земля была усеяна щепками и кусками дерева. Бывший дом настоятеля, где жил Дарнли, был разрушен до основания. От него осталась только груда обломков.

В саду, футах в сорока от дома, по другую сторону городской стены, в дальнем конце Воровского переулка нашли тела Дарнли и Уильяма Тейлора. Они лежали под деревом, одетые в ночные рубашки. Самое удивительное, что на обоих телах не было следов насилия. Рядом валялся стул, веревка и меховая накидка, принадлежащая Дарнли. В саду также нашли кинжал, что еще больше запутывало картину происшествия, поскольку ран на обоих мужчинах не было.

Из всех слуг Дарнли в живых после взрыва остались только Нельсон и Симмонс. Нельсона нашли под городской стеной. Симмонс тоже не пострадал, в отличие от бедняги Эндрю Маккейга. Он был найден мертвым, но мы точно не знаем, извлекли ли его тело из-под обломков дома или нашли в саду рядом с Дарнли и Тейлором. Из слуг, спавших на первом этаже, погиб по меньшей мере один человек. Остальные пережили взрыв.

Каким образом Дарнли и его слуге удалось не только покинуть дом, но и пересечь Воровской переулок и попасть в сад по другую сторону стены? И зачем люди, спасавшиеся бегством, несли с собой мебель? Пытались ли жертвы бежать, или их убили в доме, а затем тела вытащили наружу? И если они действительно ускользнули из дома, то где их убили и кто? И зачем был нужен взрыв?

Грохот взрыва разбудил Марию, которая отправила Босуэлла и капитана городской стражи выяснить, что случилось. Их доклад потряс ее. «Дело ужасное и чрезвычайно странное, неслыханное в нашей стране». Дом был «взорван… с такой силой, что ничего не осталось, ни стен, ни камня на камне, все разбросало по сторонам или разрушило до самого фундамента. Должно быть, это было сделано с помощью подкопа с заложенным туда порохом. Но кто это совершил и как, пока неизвестно».

Мария подумала, что взрыв произошел, когда Дарнли «спал в своей постели». Сначала она, как и все остальные, решила, что ударной волной Дарнли и Тейлора выбросило из дома, и они перелетели через стену и упали в саду. И только потом стало

ясно, что это невозможно. Если бы их подбросило в воздух, на телах остались бы ожоги от взрыва, а также синяки и переломы от удара о землю.

Мария встревожилась. Она сама когда-то называла Дарнли «королем Шотландии» и прекрасно понимала, что в Европе его смерть будет воспринята как цареубийство. Самое тяжкое преступление, какое только можно представить. Мария не могла искренне горевать о Дарнли, но была потрясена случившимся. И время было самое неподходящее. Прошло менее двух суток после того, как она приказала Роберту Мелвиллу возвращаться в Лондон и заключить желанное соглашение с Елизаветой. Она даже переступила через свою гордость и написала примирительное письмо Сесилу. В исполненных иронии выражениях Мария пожелала, чтобы он принял ее высокое мнение о нем, несмотря на все их разногласия. Она надеялась, что Сесил станет «доброжелателем всех наших благих дел» — на что имела все основания после того, как простила заговорщиков, убивших Риччио. Но Мелвиллу не позволили вручить это письмо, поскольку новость о взрыве достигла дома Сесила раньше, и ему пришлось выпрашивать аудиенцию.

Как и в случае с убийством Риччио, Мария считала, что заговор направлен против нее. Она была убеждена, что независимо от виновного, преступление «замышлялось не только против короля, но и против нас, поскольку почти всю последнюю неделю мы проводили в этом доме с большинством наших лордов, которые в ту самую ночь находились в городе». Если бы не свадьба Бастиана, она тоже была бы мертва.

Мария была хорошей актрисой, но все же не до такой степени. Она придерживалась традиционных взглядов на божественное провидение и считала, что только вмешательство Бога спасло ее от этого ужасного преступления. Логика ее рассуждений была совершенно ясна: она является помазанной королевой, и Господь на ее стороне. Размышляя о своем решении покинуть Кирк-о-Филд в начале двенадцатого, чтобы успеть на свадебный бал-маскарад, что теперь выглядело почти чудом, она говорила: «Это была не случайность — Бог вложил эти мысли в нашу голову».

Истинные обстоятельства преступления выявить еще труднее, чем в случае убийства Риччио, однако независимые источники все же существуют. Смерть Дарнли описали посол герцога Савойского, синьор ди Моретта, а также представитель кардинала Лотарингского, месье де Клерно. Они оба присутствовали на крестинах принца и готовились к возвращению домой. Затем свежие свидетельства собрал Дрери, рукописные доклады

которого содержат точное описание местоположения дома на Кирк-о-Филд и сада, где были найдены тела; попытка разобраться в этом загадочном убийстве явно доставляла ему удовольствие.

Существуют две версии рассказа ди Моретта. Согласно первой, Дарнли услышал, как убийцы пытаются проникнуть в дом, открыв дверь дубликатами ключей. В те времена в качестве обычной меры предосторожности ключ оставляли в замке двери, чтобы блокировать замочную скважину, бесшумно вытолкнуть ключ невозможно. Только после этого двери можно было открыть дубликатами ключей. Дарнли выглянул из окна спальни, выходившего в переулок. Увидев вооруженных людей, он осознал грозящую ему опасность, ринулся вниз и попытался спастись бегством. Но дом был окружен. Дарнли поймали и задушили. Затем подожгли длинный фитиль, ведущий к взрывчатке.

Недостаток этой теории заключается в следующем: в ней ошибочно полагается, что Дарнли был убит в саду бывшего дома настоятеля внутри городской стены, тогда как его тело нашли совсем в другом месте, за Воровским переулком, по другую сторону стены. Кроме того, зачем кому-то пытаться проникнуть в дом, который должен с минуты на минуту взлететь на воздух? И зачем взрывать дом, если Дарнли уже мертв?

Первая версия Моретты не слишком правдоподобна и противоречит свидетельству кузена Босуэлла, Джона Хепберна. На допросе у Морея Хепберн признался в том, что готовил взрыв, но упорно отрицал, что прикасался к Дарнли или даже видел его. Он заявил, что вместе с сообщниками поджег фитиль, затем запер все двери дома и отошел на безопасное расстояние, ожидая взрыва. Дарнли мог услышать звяканье ключей — злоумышленники не пытались проникнуть в дом, а запирали дверь снаружи. Если дубликаты ключей оставили в замках, то выходы оказались блокированными, и Дарнли был вынужден бежать через окно, чтобы не тратить драгоценного времени, отпирая двери.

Сам Моретта пришел к такому же выводу и заменил первоначальную версию событий на новую. «Король, — писал он, — услышал сильный шум, о котором заявляют женщины, жившие поблизости и которые также видели из окна множество вооруженных людей вокруг дома». (Об этих женщинах мы еще услышим.) «Поэтому он, подозревая, что ему грозит опасность, спустился через другое окно, выходящее в сад, но не смог уйти далеко, поскольку был окружен какими-то людьми». Те, кто схватил Дарнли, быстро задушили его, используя рукава его ночной рубашки. Затем тело оттащили в сад, где оно и было найдено.

Эта версия гораздо логичнее. Она может стать основой нашей гипотезы при условии, что Дарнли вылез не через окно второго этажа, выходившего в сад старого дома настоятеля, а через окно коридора со спальнями для слуг, смотревшее на городскую стену и Воровской переулок.

В этом случае Дарнли услышал шум, схватил кинжал, набросил на плечи меховую накидку, поскольку ночь была холодной, а затем по веревке спустился на стуле вниз — или Тейлор привязал стул к веревке и спустил сидящего на нем Дарнли. В любом случае высота не превышала 15 футов, что позволяло использовать веревку. Тем же способом, с помощью веревок и стульев, Босуэлл и Хантли советовали Марии бежать из Холирудского замка после убийства Риччио: это были стандартные средства спасения при пожаре. Когда Дарнли спустился в Воровской переулок, его перехватила и убила вторая, пока неизвестная нам, группа убийц.

Спасаясь бегством через окно коридора, Дарнли и Тейлор должны были разбудить Нельсона и Симмонса, но поскольку Нельсона нашли лежащим у городской стены, то вполне возможно, что они с Симмонсом вылезали из окна в момент взрыва. Или они выглянули вниз, увидели убийство Дарнли и Тейлора и предпочли остаться у стены, чтобы не повторить их судьбу. Мы не знаем.

Клерно добавляет некоторые детали. Он писал, что Дарнли нашли *«mort et étendu»,* то есть его тело находилось не в скрюченном положении, а было распростерто на земле. Он полагал, что Дарнли убили не там, где обнаружили его тело. Клерно также сообщал, что тело Маккейга нашли не среди обломков дома, а вместе с телами Дарнли и Тейлора в саду, в шестидесяти или восьмидесяти шагах от дома, что позволяет предположить, что он тоже сбежал, воспользовавшись веревкой и стулом.

Француз был убежден, что Дарнли задохнулся, поскольку это лучше всего объясняет отсутствие каких-либо следов на теле. Однако он полагал, что асфиксия была вызвана дымом, что звучит неубедительно. Это могло произойти только в том случае, если порох в подвале не взорвался, а загорелся, поскольку даже длинный запал не смог произвести столько дыма, чтобы он заполнил второй этаж.

Далее «дадим слово» Дрери. Несмотря на то что он находился в Берике, в шестидесяти милях южнее Эдинбурга, его шпионы поспешили на место происшествия, и он отправил первый отчет Сесилу уже на следующий день после убийства. Дарнли, писал он, «нашли в поле, по всей видимости, задушенного. Дом после

его смерти взорвали с помощью пороха». Уже через несколько часов Дрери знал, что Дарнли был задушен, а не выброшен из окна силой взрыва. Он также утверждал, что рядом с телом сына нашли тело Леннокса. Это была ошибка, потому что Леннокс находился в Глазго. Моретта поначалу пришел к такому же выводу, утверждая, что погибли не только Дарнли и Тейлор, но и «отец короля». Прошло десять дней, прежде чем пришло подтверждение, что Леннокс жив.

Затем Дрери всерьез занялся расследованием. К концу февраля он уже знал, что одним из убийц был Джон Хепберн. Хепберн наблюдал за домом после того, как Мария уехала на свадебный бал-маскарад, подождал, пока в доме погасят свечи и все стихнет, а затем решил, что пора поджигать фитиль. Дрери также выяснил, что порох доставил Бальфур. Его люди спрятали бочонки в Эдинбурге за неделю до взрыва. К тому времени Босуэлла, Бальфура и Дэвида Чалмерса уже называли убийцами Дарнли — в листовках, вывешенных на Толботе. Страна наполнилась слухами. Все обсуждали «пороховой заговор», и у каждого имелась своя теория. Чалмерс, уже связанный с Бальфуром и Босуэллом через Сессионный и Морской суд, был непопулярен, однако не существует никаких доказательств его участия в убийстве Дарнли. Операция прикрытия началась: в качестве виновных указывали только на Босуэлла и его соратников.

В чем Дрери очень сомневался и интуитивно оказался прав. Его интересовали действия Мортона и масштаб его соглашения с Босуэллом. Дрери твердо решил выяснить это, и его цепкость и упорство были вознаграждены. В конце апреля или начале мая он торжествующе писал Сесилу: «Мортон теперь укрепил свою дружбу с Босуэллом, которую он, в благодарность за поддержку, оказанную во время его отсутствия и гонений, намерен поддерживать и в дальнейшем». Несмотря на переполох, вызванный взрывом, Мортон был настолько благодарен Босуэллу за его роль в помиловании, дарованном Марией, что защищал его перед любыми обвинениями. Это придает убедительности заявлению Дрери, что Босуэлл с самого начала действовал совместно с влиятельным кланом Дугласов.

Сэр Джеймс Мелвилл разделял эту точку зрения. В своих мемуарах он писал, что после крестин «граф Босуэлл всем управлял при дворе, вернул некоторых из изгнанных лордов и „составил“ близкую дружбу с графом Мортоном». Слово «составил» в этом значении употребил Шекспир, и означало оно вовлечение кого-либо в тайное общество, заговор или интригу закулисными методами. Дрери был убежден, что Мортон и

Босуэлл действовали вместе до, во время и после убийства, и их пути разошлись гораздо позже. Он все больше воодушевлялся, уверенный, что почти разгадал загадку. «По предположению капитана Куллена, — писал он Сесилу, — для большей надежности короля задушили, чтобы не полагаться только на пороховой заряд».

В целом это понятно. Если решение принималось в самый последний момент, становится ясно, почему бывший дом настоятеля все равно взорвали, несмотря на то что Дарнли был задушен. Неожиданное изменение плана могло вызывать неразбериху, особенно если Дарнли осложнил убийцам задачу, сбежав через окно. По крайней мере, такое объяснение возможных событий логичнее других альтернатив: дом взорвали, чтобы пустить расследование по ложному следу.

В сообщении Дрери речь шла о Джеймсе Куллене, специалисте по закладке мин. Он служил наемником во Франции, Дании и, возможно, в Польше, после чего вернулся на службу в гарнизон Эдинбургского замка. Куллен был ставленником Бальфура, и Тайный совет допросил его. Ходили слухи, что он признал свою вину, однако никаких обвинений против него выдвинуто не было. Его отпустили и позволили укрыться на Оркнейских островах. Предполагалось, что Куллен останется там навсегда, но после четырехлетнего отсутствия он все-таки вернулся в Шотландию, и Мортон сразу же арестовал его и повесил.

«Сэр Эндрю Кер и остальные, — продолжал Дрери, — дежурили верхом на лошадях где-то поблизости, чтобы при необходимости оказать помощь в этом жестоком предприятии». Это был главный аргумент Дрери. Он выяснил, что Кер из Фодонсайда, тот самый человек, который направил пистолет на Марию во время убийства Риццио, вместе с отрядом вооруженных людей ждал неподалеку от Кирк-о-Филд. До сих пор Кер служил как Ленноксам, так и Дугласам, но после того, как Дарнли предал заговорщиков, убивших Риццио, переметнулся на сторону Мортона. Если не считать Мортона, то именно он громче всех заявлял о своем намерении отомстить Дарнли.

Присутствие Кера и его людей в переулке было подтвержденным фактом. Однако никто точно не знал, зачем он там дежурил и кому служил. На этот счет высказывались разные предположения, наименее вероятное из которых состоит в том, что могло существовать несколько заговоров с целью убийства Дарнли. Утверждалось даже, что взрыв в Кирк-о-Филд был устроен самим Дарнли, пытавшимся убить Марию, а Кер и его люди были наняты Ленноксами, чтобы доставить Дарнли в

Глазго, как только дело будет сделано[33]. В конечном счете от этого предположения отказались за недостатком улик. Рукописные оригиналы докладов Дрери доказывают, что Кер работал на Босуэлла, у которого он был на посылках. Его считали «главным поставщиком информации и писем» для Босуэлла. Впоследствии, во время решающей схватки между Марией и мятежными лордами, Кер и его люди встанут на сторону Босуэлла.

В заключение Дрери пришел к следующему выводу: «Король не хотел умирать и вступил в словесный поединок, сражаясь за свою жизнь». Другими словами, он пытался договориться с теми, кто пришел за ним. Похоже на правду, но возможно также, что эту информацию вбросили Ленноксы. Их пропагандистская машина уже была запущена — с целью превратить Дарнли в мученика. Поэтому распространялись слухи, что перед смертью он молился, декламируя 60-й псалом:

> Услышь, Боже, молитву мою и не скрывайся от моления моего; внемли мне и услышь меня; я стенаю в горести моей, и смущаюсь от голоса врага, от притеснения нечестивого, ибо они возводят на меня беззаконие и в гневе враждуют против меня.

Это была дезинформация. Утверждение, что Дарнли предвидел свою судьбу, неправдоподобно, как и приписываемые Марии Ленноксами слова, которые она произнесла, покидая Кирк-о-Филд в ночь убийства. «Как раз в этот час год назад, — якобы сказала Мария, — убили Давида Риццио». На самом деле прошло одиннадцать месяцев.

Одно из самых значительных достижений Дрери — цветной рисунок с изображением убийства, отправленный Сесилу. Он удивительно подробен — практически визуальный рассказ о событиях. На рисунке указано точное местоположение Кирк-о-Филд, двора, бывшего дома настоятеля, задней двери, городской стены, Воровского переулка и сада, где нашли трупы. На нем также изображен Кер из Фодонсайда и его люди. В тупике в дальней части сада, где нашли тела, видны вооруженные всадники. И они находятся не в самом Воровском переулке. При внимательном рассмотрении видно, что у «тупика» нет ни входа, ни выхода. Этот «тупик» был выдумкой: в действительности оттуда не было прохода к тому месту, где появились вооруженные всадники. Такая разновидность подсказки известна историкам искусства, привыкшим иметь дело с нарративной исторической живописью. В данном случае этот прием используется для того, чтобы показать тайное присутствие людей Кера, но не их точное

местоположение, неизвестное Дрери.

Теперь можно попробовать изложить нашу гипотезу более подробно. Дарнли лег спать, но вскоре услышал шум, доносившийся с улицы, а также звяканье ключей. Выглянув в боковое окно, он увидел убийц. Осознав, что его жизнь в опасности, он решил спастись бегством. Он схватил накидку и кинжал, а затем они с Тейлором при помощи веревки и стула спустились из окна соседнего со спальней коридора. Это позволило им добраться до Воровского переулка по ту сторону городской стены. Но там их перехватили прятавшиеся в темноте люди Кера и задушили. Тела, а также предметы, которые были у жертв, оставили в соседнем саду.

Свидетельства Моретты подтверждают нашу гипотезу. Он утверждал, что когда Дарнли бежал через окно и был схвачен внизу, женщины из близлежащих домов слышали его крик: «Братья (*Eh! fratelli miei*), проявите ко мне милосердие, ради любви к Тому, кто дарит свою милость всему миру!» Рисунок Дрери показывает, что это могло быть правдой. На другой стороне Воровского переулка напротив дома, где жил Дарнли, к стене сада примыкают несколько домов.

Последние слова Дарнли легко объяснить. Дугласы, прятавшиеся в засаде вместе с Кером из Фодонсайда, приходились Дарнли родственниками, поскольку его мать, графиня Леннокс, до замужества звалась леди Маргарита Дуглас. Свидетельство Моретты практически не оставляет сомнений, что Дарнли убили Дугласы, которых он поначалу принял за своих союзников, пришедших защитить его, не подозревая, что они переметнулись на сторону врага. Он попытался договориться с ними, что согласуется с информацией Дрери. Но изгнание и конфискация земель после убийства Риццио превратили Дугласов в смертельных врагов Дарнли. Они прибыли к Кирк-о-Филд по указанию Мортона, проследить, чтобы Дарнли не ушел живым.

Моретта дважды упоминает о «неких женщинах» из соседних домов. До недавнего времени никого из них не могли идентифицировать. Однако почти чудесным образом нам стали известны их имена. В архивах обнаружились оригиналы свидетельских показаний этих женщин. Барбара Мартин сообщила, что непосредственно перед взрывом она выглянула в окно и увидела тринадцать человек, проходивших мимо. После «грохота» одиннадцать прошли в обратном направлении, причем на двоих были «явные признаки». Она стала ругать их, назвав изменниками и сказав, что они замыслили что-то дурное. Если бы она потрудилась объяснить, что означали эти «явные признаки», то мы могли бы с уверенностью утверждать, что эти люди были

убийцами.

Мег Крокет лежала в постели вместе с двумя своими детьми, когда услышала взрыв. Голая, она бросилась к двери и увидела пробегавших мимо одиннадцать мужчин. Они показались ей подозрительными, потому что один из них был одет в шелковую одежду. Это были явно важные люди, а не простые жители Эдинбурга. Женщина окликнула их, спросить, что это был за «грохот», однако они не обратили на нее внимания. Семь пошли в одном направлении, остальные в противоположном. Крокет слышала, как ее соседка, Мартин, кричала одиннадцати возвращавшимся мужчинам, что они изменники.

На рисунке и в показаниях женщин местоположение домов отличается. Согласно рисунку, их дома находились в Воровском переулке, тогда как женщины говорили, что живут на Фрайар-Винд, ближе к Коугейту и городу. В сущности, это не имеет особого значения. Независимо от того, каким было точное местоположение, все согласны, что эти дома были ближайшими к Кирк-о-Филд и что женщины что-то знают. Во время кампании прикрытия просочилась информация, что они «сомневались, что лучше для них, говорить или молчать. Несмотря на то что они изящно сдерживали свои речи, у них вырвались слова, которых дознаватели не ожидали и отвергли как поспешные и глупые».

Женщины узнали кого-то, кто был близок к вершинам власти. Но главным в их свидетельствах является не то, что они ставят все новые вопросы, а сам факт, что информацию из этих показаний умалчивали. Подробно записанные клерком для Тайного совета, они никогда не были использованы. В 1568 г. эти документы даже привезли в Англию и показали Сесилу, но на этом все и закончилось. К тому времени версия прикрытия была гораздо важнее истины — для всех участников этой драмы, за исключением самой Марии.

Показания женщин датированы «11 февраля 1567», на следующий день после взрыва, что никак не свидетельствует о медленной реакции королевы. Мария призвала к тщательному расследованию, потребовав быстрого и сурового наказания убийц. К несчастью для ее репутации, система уголовного наказания в Шотландии находилась под контролем Тайного совета. И маловероятно, что Тайный совет будет действовать эффективно или беспристрастно, когда почти половина его членов были либо подстрекателями преступления, которое им предстояло расследовать, либо втайне попустительствовали ему. Что касается женщин из соседних с Кирк-о-Филд домов, то именно эти лорды скрыли важные свидетельские показания.

Мария была в ужасе. Ей казалось, что преступники

покушались на нее и что она станет следующей жертвой убийц. Поскольку Холирудский дворец всегда считался не слишком безопасным местом, Мария решила снова переехать в Эдинбургский замок, как после убийства Риччио. Переселение, для которого потребовалась сотня мулов и телег, нагруженных одеждой, постельным бельем и мебелью, не говоря уже о документах и личных вещах, должно было занять почти целый день.

Только через два дня после взрыва Мария приказала вывесить на Маркет-Кросс в Эдинбурге объявление, в котором предлагалась награда 2000 фунтов за информацию об убийцах. Кроме того, первому из виновных, который признается и даст свидетельские показания королеве, будет даровано прощение. Этому шагу предшествовали продолжительные дебаты в Тайном совете, во время которых Мария сама выдвинула идею о прощении в надежде раскрыть загадочное убийство. Но даже такое щедрое предложение не дало результатов. Наоборот, оно разочаровало публику и вызвало новую волну слухов и разнообразных предположений о взрыве и злоумышленниках.

В большинстве своем подозрения были направлены на Босуэлла. За очень короткое время он высоко поднялся в глазах Марии. Босуэлл был ее самым верным и деятельным сторонником; в то же время он был заносчив и непопулярен. Вскоре появились слухи, что он входил в число убийц Дарнли, и причиной этих слухов были действия его слуг — люди видели, как они катили бочонки с порохом. Слухи подогревались тем обстоятельством, что когда Босуэлл в качестве шерифа Эдинбурга прибыл к Кирк-о-Филд, то приказал всем вернуться домой и запретил зевакам разбирать развалины в поисках улик. Он также не разрешил тщательно осмотреть труп Дарнли.

Кампания по очернению Босуэлла началась в ночь на 16 февраля. За одну ночь неизвестные развесили множество обличительных листовок на стенах церквей и других общественных зданий. По ночам на улицах раздавались голоса, «исполненные раскаяния и жалости» и призывающие к отмщению — все это создавало атмосферу страха и тревоги. Призрачная фигура бродила по улицам Эдинбурга, обвиняя Босуэлла в том, что он убил короля. За всем этим стояла фракция Ленноксов. Начиналась еще одна кровавая распря, и Ленноксы искусно сыграли на настроениях общества. Чтобы заявить о своих подозрениях во всеуслышание, они приказали по ночам вывешивать на воротах и разбрасывать по переулкам и тупикам изображение человека, похожего на Босуэлла, с надписью: «Вот убийца короля». Были и подстрекательские надписи, худшая из

которых: «Прощай, милый Генрих. Отмщение Марии».

Мария приказала своему послу в Париже любой ценой добиться благосклонности Екатерины Медичи. Это было легче сказать, чем сделать. Весть об убийстве достигла Парижа уже 19 февраля, и около двух недель Марию считали невиновной. 21 февраля венецианский источник описывал взрыв как протестантский заговор с целью убийства Марии и Дарнли. Целью заговора был долгосрочный период регентства, чтобы мятежные лорды могли править от имени принца Джеймса, которого воспитают как кальвиниста.

Но общественное мнение быстро изменилось. Взрыв считался ужасным преступлением, и с трудом верилось, что Мария, обладая такой властью, ничего не знала о нем. Публичные обвинения Босуэлла усилили подозрения, особенно дипломатов, которые видели, как он командовал всеми во время крестин. Моретта, который уже прибыл в Париж через Лондон, был в числе тех, кто не устоял перед силой слухов — он еще не обвинял Марию, но уже не оправдывал ее. У дю Крока, который покинул Шотландию за три недели до убийства и которому теперь приказали вернуться, тоже возникли подозрения. Оглядываясь назад, он начал по-новому осмысливать то, что видел в Шотландии, и его воспоминания о ссорах между Марией и Дарнли приобрели зловещую окраску.

Вскоре общественное мнение обратилось против самой Марии. Ее посол в Париже сообщал, что взрыв шокировал всю Европу. Рассказывали, что она «стояла за всем этим и что все было сделано по ее распоряжению». Ее роль бурно обсуждалась во Франции и «по большей части интерпретировалась в дурном смысле». Екатерина Медичи не испытывала к ней дружеских чувств, и от нее отреклись даже Гизы. Теперь очень важно, настаивал посол, проявить «великие достоинства, благородство и твердость, которыми наделил Вас Господь… [и] такое благоразумие, чтобы весь мир мог объявить о Вашей невиновности… без страха перед Богом или человеком». В противном случае лучше бы Мария погибла сама. Подобные слова — неслыханная дерзость в отношении королевы, но худшее было еще впереди. Екатерина и ее сын, Карл IX, выдвинули ультиматум. Если Мария не накажет убийц, они будут считать ее опозоренной. Вернулась старая вражда между Екатериной и Марией.

И как будто этого было мало, Марию предала ее семья, отказавшаяся трактовать сомнения в ее пользу. Она уже мягко пеняла герцогу Немуру, который присутствовал на ее свадьбе с дофином и недавно женился на ее вдовствующей тете, Анне

д'Эсте, что родственники теперь пишут ей не так часто, как должны бы. Вероятно, Мария почувствовала, что ей нанесли удар в спину, когда ее дядя, кардинал Лотарингский, написал примирительное письмо Морею. Он предложил забыть о разногласиях и объединиться, чтобы восстановить в Шотландии порядок и приличия. Кардинал направил своего представителя Клерно в Эдинбург, чтобы тот лично вручил тайное послание Морею. Дядя полностью проигнорировал племянницу — и уже не в первый раз.

Даже католики покинули Марию в трудную минуту. Воодушевленный усердием Дарнли во время его награждения орденом св. Михаила, папа назначил епископа Мондови папским нунцием в Шотландии. По рекомендации Тайного совета Мария отказалась принять его. Епископ добрался только до Парижа и остался там. Узнав об убийстве, он начал действовать, убежденный, что причиной падения Марии стали ее неспособность восстановить мессу и избавиться от своих протестантских советников. Он утверждал, что все это предсказывал заранее. Если бы Мария присоединилась к соглашению Католической лиги между Францией и Испанией в Байонне, то «теперь была бы полной хозяйкой в своем государстве, с властью, позволяющей восстановить святую католическую веру. Однако она никогда не желала этого слушать». Во всем случившемся, твердо верил он, виновата только Мария, перешедшая на сторону еретиков.

Последний удар нанесла Елизавета. Катастрофа наступила через месяц после смерти Дарнли, когда Мария получила письмо от английской королевы, доставленное Генри Киллигрю, зятем Сесила. Мария, одетая в траур, приняла его в затемненной комнате Эдинбургского замка. «Я не мог видеть ее лица, — впоследствии докладывал он Сесилу, — но если судить по ее речам, она казалась очень печальной и приняла письма и сообщение моей госпожи с благодарностью, которая, не сомневаюсь, будет выражена в ответе, который я надеюсь получить в течение двух ближайших дней».

Либо Киллигрю прибег к дипломатическому жаргону, либо в комнате было так темно, что он не мог видеть истинную реакцию Марии. Она едва сдерживала слезы. В письме, которое Елизавета написала сама, а не по настоянию Сесила, английская королева не выбирала выражений:

> Мадам, мои уши отказываются слушать, мысли мои в смятении, а сердце потрясено сообщением об ужасном убийстве Вашего мужа. Я с трудом нашла в себе силы

написать Вам. Тем не менее я должна выразить Вам мое сочувствие в постигшем Вас горе и высказать Вам откровенно — я больше горюю о Вас, нежели о нем. О, мадам, я не выполнила бы свой долг верной кузины и преданного друга, если бы говорила Вам только приятное и не старалась сохранить Вашу честь. Я должна высказать Вам то, что думает весь мир. Люди говорят, что вместо того, чтобы искать убийц, Вы смотрите сквозь пальцы и позволяете им скрыться, что Вы не наказываете тех, кто оказал Вам такую огромную услугу… Я советую Вам принять это дело близко к сердцу, так, чтобы Вы не опасались затронуть даже того, кто ближе всех к Вам, если он в этом замешан…

Вряд ли можно представить более язвительный и страстный упрек, который одна правящая королева обращала другой. Этот последний удар потряс Марию; особенно ее обидели слова «Вы смотрите сквозь пальцы» — в точности то же самое Мейтланд сказал Марии в отношении Морея во время беседы в Крейгмилларе, на что она ответила: «Я требую, чтобы Вы не предпринимали ничего такого, что запятнает мою честь и совесть». Была ли эта фраза использована английской королевой намеренно?

Более того, Елизавета рекомендовала Марии привлечь к суду Босуэлла («того, кто ближе всех к Вам»), если Ленноксы обвинят его в убийстве. Затем, что было хуже всего, она диктовала новые условия политического соглашения, которого так жаждала Мария. Больше никаких разговоров о примирении, о «новом договоре о вечной дружбе», в котором не будет оскорбительных статей Эдинбургского договора, о праве Марии на наследование английского трона. Обо всем этом можно забыть. Теперь Елизавета настаивала, чтобы Мария ратифицировала первоначальный вариант договора. Он, язвительно отмечала Елизавета, «ждет уже шесть или семь лет». Пора покончить с этим раз и навсегда.

Если Киллигрю действительно ждал ответа в течение двух дней, то он был сильно разочарован. Мария посчитала письмо Елизаветы настолько оскорбительным, что вообще отказалась отвечать на него. Неделю спустя Киллигрю уехал из Эдинбурга с пустыми руками.

Особенно обидными были намеки Елизаветы на Босуэлла. Откуда она узнала, что тот, «кто ближе всех к Вам», уже обвинен в убийстве? Это было совсем не трудно. Сесил получил копии листовок, которые вывешивались на стенах домов Эдинбурга. Ему

даже передали «слова» ночного странника, который каждую ночь призывал отомстить убийцам. Сесил переписывался с Ленноксом, который энергично восстанавливал отношения с ним. Киллигрю вернулся в Лондон без письма от Марии к Елизавете, однако он привез письмо Леннокса Сесилу с предложением о сотрудничестве, чтобы отомстить убийце своего сына. Внезапно появилась возможность переписать историю. Во время своего последнего разговора с английским дипломатом Дарнли отрекался от своих обязательств перед английской королевой. Теперь же Леннокс заверял Сесила, что его сын всегда был ее верным подданным, а также близким «знакомым» и добрым другом самого Сесила.

Мортон тоже смотрел в сторону Англии. Этот самый двуличный из шотландских лордов, который написал Сесилу подобострастное письмо, когда пересек границу для встречи со своими союзниками в замке Уиттингем, теперь искал защиты Сесила против преследований со стороны Леннокса. Он называл себя «Вашим верным другом» и повторил предложение «сделать все, что в моих силах, чтобы доставить Вам удовольствие».

В начале 1567 г. власть Марии была как никогда прочной, и ей почти удалось достичь окончательного политического примирения с Елизаветой на взаимоприемлемых условиях. Два месяца спустя она казалась более уязвимой, чем когда-либо. Лорды не ставили перед собой такой цели — это был побочный продукт их недальновидной жажды мести. Марии требовалось выследить убийц и призвать их к ответу.

Тем временем Сесил, не зная жалости, готовил обвинения против нее и ждал подходящего случая, чтобы нанести смертельный удар. «Боюсь, — писал Марии ее посол в Париже, — что это всего лишь начало, первый акт трагедии, и все идет от плохого к худшему, и только бесконечная милость Господа позволит этого избежать».

Прогноз посла был точен, однако никто и никогда не представил неопровержимых доказательств того, что Мария знала о готовящемся убийстве Дарнли[34]. Все основывалось на предположении, что она уже изменяла мужу с Босуэллом. Ее репутацию уничтожило то обстоятельство, что она не отдала Босуэлла волкам, а решила бросить вызов всему миру и встать на сторону графа.

20
Брак по любви?

Несколько недель и месяцев после взрыва стали для Марии переломными в ее жизни. На карту была поставлена ее репутация. То, что случилось потом, навсегда погубило репутацию королевы — причем вполне заслуженно. Она не предпринимала серьезных усилий, чтобы наказать убийц Дарнли. Максимум, что можно было доказать, — что Мария хотела держать порочного и опасного Дарнли под домашним арестом в замке Крейгмиллар и что она поехала в Глазго, цитадель Ленноксов, чтобы забрать супруга. Однако причиной краха стали не ее поступки до убийства Дарнли, а шокирующие события, последовавшие за ним.

После взрыва Мария действительно осталась одна. Даже ее родственники, Гизы, не желали иметь с ней дело, и ее дядя договаривался с Мореем за ее спиной, чем вызвал гнев племянницы. Оживленная переписка с родственниками внезапно прекратилась. Мария чувствовала, что не может никому доверять. Вспоминая месяцы, прошедшие после болезни в Джедборо, она, вероятно, думала, что большинство ее лордов, если не все, знали о заговоре с целью убийства ее мужа.

Когда Киллигрю привез Марии осуждающее письмо от Елизаветы, Морей и лорды пригласили его на ужин и заверили, что предпримут все усилия, чтобы арестовать виновных. Мария сама обещала Киллигрю, что личность убийц будет раскрыта. Но как она могла выполнить свое обещание, когда те самые лорды, которые ужинали с Киллигрю, были главными заговорщиками? Они держались вместе и уже скрыли свидетельские показания женщин из домов поблизости от Воровского переулка.

Морей оказался самым дальновидным из всей компании: он предпочел добровольно отправиться в ссылку, пока шум не утихнет, что только усилило подозрения Марии. Она понимала, что убийство Дарнли — это не конец, а начало гибельной спирали, в которой неразрывно сплетутся жестокость и месть.

Босуэлл, заносчивый и прямолинейный, видел все в ином свете. У него была «своя мишень, и он в нее стрелял». Он планировал занять место Дарнли, в том числе в постели Марии. Это навлечет на него гнев лордов, недовольных его желанием возвыситься над ними. Его сделают козлом отпущения, взвалив на него вину за убийство Дарнли, но до этого драматического поворота событий оставалось еще несколько месяцев. А пока договор между Мортоном и Босуэллом (как заметил Дрери)

строго соблюдался — достаточно долго, чтобы изолированная и растерянная Мария сама наделала ошибок.

Решающую роль тут сыграла психология Марии. Она выросла в роскоши и безмятежности двора Генриха II и никогда не чувствовала себя в полной безопасности после того, как покинула Францию. Раздоры между лордами никогда не прекращались и достигали таких масштабов, которые она просто не могла представить. Политика была клановой, основанной на организованной мести и родовой вражде. Конечно, Мария была помазанной королевой, но шотландская монархия не имела в своем распоряжении таких финансовых ресурсов и централизованных институтов, как французская.

Кроме того, в последнее время Марии пришлось перенести ряд тяжелых испытаний. Ее публично оскорбил Нокс, сравнивший ее с Нероном, худшим из римских тиранов, а когда она явилась к нему, потребовав объяснений, то была вынуждена отступить. Она обнаружила у себя под кроватью Шателяра, вооруженного мечом и кинжалом. Ее дядю Франсуа убили гугеноты. Ее личного секретаря грубо выволокли из ее покоев и убили в соседней комнате. Кер из Фодонсайда направлял на нее заряженный пистолет, а теперь, во время «порохового заговора», она оказалась буквально на волосок от смерти.

Мария видела связь между этими событиями. Ее беседы с Кастельно полутора годами раньше показали, что она рассматривала политику в идеологическом аспекте. Мария утверждала, что мятежные лорды стремятся свергнуть и убить ее, чтобы установить «республику». Она уже давно была убеждена, что начало этой тенденции было положено отстранением от власти ее матери, и ужасные события в Кирк-о-Филд подтвердили ее правоту.

Оправляясь после первого шока, вызванного убийством, она сама определила свою судьбу. В отчаянной — как считала Мария — ситуации она сделала рискованную политическую ставку. Она хотела, чтобы Босуэлл защитил ее, обуздав фракции лордов. Браконьер должен был стать лесником. Она сделала такой выбор — верный или неверный — потому, что видела в Босуэлле сторонника монархии и единственного человека, который мог спасти ее от повторения судьбы Дарнли.

По мере того как Мария снова и снова обдумывала случившееся, ее приоритеты менялись: поиск убийц уступил место выяснению того, каким будет их следующий шаг, на этот раз направленный на нее и, возможно, на ее сына. Главным подозреваемым в организации взрыва в Кирк-о-Филд она всегда считала Морея, своего незаконнорожденного единокровного

брата. Именно это заблуждение заставило ее принять трагическое, хотя и прагматичное решение защитить себя и своего сына; она верила, что в любом другом случае ее будут окружать предательство и обман.

Для такой точки зрения имелась еще одна причина. Приближался день, когда Марии исполнится двадцать пять лет, а в этот день по традиции правители Шотландии имели право аннулировать все милости и награды, которые опрометчиво раздали в юности. Предполагалось, что Мария укрепит свою власть, воспользовавшись этим правом против лордов, хотя убийство Дарнли значительно ограничило ее возможности. Теперь, когда династическое соглашение с Елизаветой, к которому она так стремилась, было сорвано, Мария решила вернуть себе власть, поддержав Босуэлла. Терять ей было нечего, а получить она могла все.

Подобная импульсивность была свойственна Марии. Когда она надела стальной шлем, вскочила на коня и отправилась в погоню за Мореем во время «загонного рейда», Кастельно отметил, что ее кредо — «все или ничего». Теперь она действовала точно так же, причем сознательно, а не в отчаянии и растерянности. Мария была игроком, и это стало ее самой рискованной ставкой.

Босуэлл никогда не скрывал своих амбиций. Ему исполнился тридцать один год, и он выглядел олицетворением суровой мужественности. Военная выправка, высокомерные манеры, пышные усы. Он мог быть обходительным, когда нужно, но все равно обижал людей своей грубостью и сквернословием. В сущности, он был ничем не лучше остальных лордов. Мария еще не разглядела его истинной натуры. Возможно, королеву подвело присущее ей язвительное чувство юмора — она видела в прошлых проступках Босуэлла скорее школьные шалости, чем серьезные нарушения закона. Возможно, он привлекал ее своей верностью короне. Но самым большим его достоинством можно считать тот факт, что он всегда был смертельным врагом Морея — за исключением краткого периода примирения, устроенного самой Марией.

Женившись на сестре Хантли, леди Джин Гордон, Босуэлл стал самым могущественным из лордов после графа Аргайла. Он уже заключил пакт с Мортоном и Дугласами. Что касается другой влиятельной фракции, то после убийства Риццио лидер клана Гамильтонов, Шательро, удалился в добровольную ссылку. Атолл был беззащитен перед Аргайлом, который никогда не упускал возможности взять верх над своим ближайшим соседом в восточных и центральных районах горной Шотландии, а

Ленноксы после смерти Дарнли пребывали в растерянности.

Союз с Хантли позволил Босуэллу значительно укрепиться в военном отношении, хотя он и так располагал серьезными силами, собранными в районе границы. Кроме того, как лорд-адмирал он имел право на часть прибыли, получаемой от разбившихся у берегов Шотландии кораблей, и поэтому был одним из немногих шотландских лордов, которые финансово не зависели от короны. Будучи шерифом Эдинбурга, он мог привлечь на свою сторону многих юристов. Вероятно, Босуэлл рассчитывал, что сможет защищать Марию столько, сколько потребуется, при условии, что будет действовать его соглашение с Мортоном и Дугласами.

На следующий день после убийства Мария вышла из своих покоев бледная и осунувшаяся, чтобы присутствовать на свадебном обеде Маргариты Карвуд, своей любимой камеристки. В то утро Карвуд венчалась в Холируде с Джоном Стюартом, дальним родственником Марии. Это был сыропустный вторник, последний день, когда по католическим правилам можно было вступить в брак до Пасхи. Мария подарила невесте платье и оплатила банкет. Вне всякого сомнения, она пришла на банкет, исполняя обещание, данное верной камеристке, но это повредило ее репутации. Присутствие Марии выглядело явным нарушением строгих правил придворного протокола. Она должна была объявить сорокадневный траур сразу после убийства, но ждала пять дней, прежде чем надеть траурный наряд и распорядиться, чтобы стены и окна ее апартаментов занавесили черной тафтой. Возможно, эта задержка отчасти связана с решением Марии переехать в Эдинбургский замок. Однако королева привлекла к себе внимание, появившись на свадьбе Карвуд.

Дарнли даже не удостоился официальных похорон. Его похоронили без всякой помпы и церемоний в ночь на пятницу 14 февраля 1567 г.; его тело упокоилось в королевском склепе в старой церкви в Холирудском дворце. Все это выглядело очень странным и, естественно, вызывало нелицеприятные комментарии. Хроникер из Эдинбурга писал, что бывший король Шотландии был погребен «тихо, в ночи, без каких-либо церемоний или скорби среди своих придворных».

В следующее воскресенье Мария уехала из Эдинбурга в Сетон, расположенный на берегу залива Ферт-оф-Форт в 11 милях к востоку от Эдинбурга. Она взяла с собой лорда Сетона, единокровного брата одной из четырех Марий и католика, который сражался вместе с Босуэллом в партизанской войне против лордов конгрегации. Говорили, что она последовала совету врачей, которые заявили, что она слишком много времени

провела в темной и душной комнате, и ей необходимо сменить обстановку. Хотя у нас нет независимых свидетельств, что Мария отправилась в путешествие по медицинским показаниям, предыдущую неделю она явно не предавалась безутешной скорби, а ее черное траурное платье было всего лишь видимостью.

Пренебрежение условностями дает основание предполагать, что, хотя Мария не участвовала в заговоре против Дарнли, ее совсем не опечалила смерть мужа. Даже после того, как прибыли рулоны черной тафты и Мария надела траур, ей не удалось избежать обвинений в неискренности и притворстве.

Отправившись в Сетон, Мария поручила сына заботам Босуэлла и Хантли. Она взяла с собой в поездку других лордов и вернулась в Эдинбург через три дня, после чего неделю провела затворницей. Затем вновь поехала в Сетон, на этот раз в сопровождении Босуэлла. 26 февраля они остановились в доме лорда Уортона и поужинали в соседнем Траненте. Там было устроено состязание в стрельбе из лука, в котором Мария вместе с Босуэллом выступали против Хантли и Аргайла. К удовольствию Марии, они с Босуэллом победили, а проигравшие оплатили ужин.

Задолго до окончания официального сорокадневного траура Марию и Босуэлла видели прогуливающимися вместе. Она решила, что может доверять ему, — возможно, это было логично с точки зрения безопасности, но политически крайне неразумно. Босуэлл принял командование над королевскими телохранителями, и с этого момента они всегда находились поблизости от Марии. Босуэлла тоже охраняли, когда он выходил на улицу. Разговаривая с незнакомцем, он всегда сжимал в кулаке рукоять кинжала.

Повсюду остро ощущалась атмосфера опасности и дурных предчувствий. Перед отъездом из Сетона Босуэлл поклялся, что если найдет авторов листовок, обвиняющих его в убийстве Дарнли, то омоет руки их кровью. По мере того как он привлекал все больше солдат для охраны королевы, обстановка при дворе Марии, всегда славившемся «веселостью» и непринужденностью, приобретала угрожающий и милитаристский характер.

7 марта, поздно ночью, Босуэлл тайно привел Мортона к Марии. Мортон принес извинения за свое участие в убийстве Риццио и помирился с ней; она, в свою очередь, смягчила условия его наказания и позволила вернуться ко двору. Теперь ситуация прояснилась. На вершине власти находились Босуэлл и Мортон. Их ближайшими союзниками были Хантли и Аргайл. Мейтланд пока принял сторону Босуэлла, оттесняя Морея. Аргайл пытался восстановить подобие нормального управления страной. Атолл

ушел в тень — туда его намеренно выталкивал Аргайл.

Морея королева избегала. Немилость объяснялась тем, что он отказывался и присоединиться к Босуэллу и Мортону, и открыто выступить против них. На этот раз попытки подстраховаться сослужили ему плохую службу. Мария подозревала, что он является главным организатором взрыва, что не соответствовало действительности. Босуэлл и Мортон торжествовали, а Морей готовился к ссылке во Францию. Когда он наконец покинул страну, Босуэлл был вне себя от радости.

Шаг за шагом Босуэлл прибирал к рукам власть над всеми вооруженными отрядами. По его совету Мария уволила графа Мара с поста капитана Эдинбургского замка и заменила всех офицеров и артиллеристов на людей Босуэлла. Новым капитаном замка был назначен Джеймс Кокберн, лэрд Скирлинга, вассал Босуэлла. Мария также сделала его гофмейстером своего двора, таким образом объединив военную и гражданскую власть в Эдинбурге. В должности гофмейстера Кокберн заменил сэра Уильяма Мюррея, лэрда Туллибардина, известного сторонника Леннокса, брата которого подозревали в авторстве листовок с обвинениями Босуэлла. Тем не менее Босуэлл не доверял даже своим людям. Через месяц он сместил Кокберна с поста капитана замка, назначив вместо него сэра Джеймса Бальфура. И почти сразу же были сделаны большие запасы продуктов и боеприпасов, словно для подготовки к возможной осаде, и Босуэлл набрал новые отряды королевских телохранителей.

Мария еще не попала в полную зависимость от Босуэлла. Королева по-прежнему верила Мару, с которым она была в Аллоа и которому доверила сына, когда подозревала, что Дарнли и Ленноксы собираются похитить мальчика. Теперь она поручила Мару замок Стирлинг, и 20 марта принца Джеймса снова оставили под его охраной. Как будто Мария понимала, что должна поступить точно так же, как поступала ее мать, когда она сама была ребенком и когда лорды стали таить угрозу для ее жизни.

Затем королева написала Ленноксу, предложив выдвинуть обвинения против тех, кого он подозревает в убийстве Дарнли. Она обещала, что преступники будут осуждены по всей строгости закона, если присяжные признают их виновными. Первым в списке Леннокса значился Босуэлл, но на Марию это не произвело впечатления. Она ненавидела Леннокса, прекрасно понимая, что именно стремление его сына получить «брачную корону» стало причиной смерти Риццио. Она надеялась, что Босуэлл защитит ее, и в знак своей уверенности подарила ему старинные церковные облачения из золотой парчи, чтобы он

сшил себе новую одежду. Позже Мария подарила ему часть испанских мехов своей матери, а затем лошадей и лучшую одежду Дарнли. Последний подарок был чрезвычайно наивным. Портной, перешивавший одежду для Босуэлла, заметил: «Это правильно и согласуется с обычаем нашей страны, когда одежда покойного отдается палачу». Мария не понимала, до какой степени общественное мнение отвернулось от нее.

Вскоре Босуэлл стал слишком дерзким. Он склонялся к самому грубому и примитивному из возможных путей: чтобы гарантировать себе безопасность в жестокой борьбе фракций, он должен физически обладать королевой. Медленно, но настойчиво он начал ухаживать за королевой. Босуэлл был женат, но прекрасно знал, что браки — если иметь достаточно влияния — расторгаются так же легко, как и заключаются. Католическая церковь в Шотландии довольно снисходительно относилась к супружеской неверности. Добиться аннулирования брака было трудно, но возможно. Протестантская церковь имела полномочия давать развод, а Босуэлл был протестантом. Его отец, Патрик, был католиком, но когда четверть века назад он задумал жениться на матери королевы Марии, то его брак с готовностью аннулировали. Мы знаем, что Босуэлл помнил об этом прецеденте, поэтому, когда на встрече в замке Крейглмиллар незадолго до крестин принца лорды обсуждали возможный развод Марии, он привел в пример своего отца.

В Вербное воскресенье Мария потеряла сознание на заупокойной мессе по Дарнли. Происшествие так расстроило ее, что два дня она провела в постели. В Страстную пятницу она вместе с двумя Мариями отправилась в личную часовню, где в течение четырех часов молилась и предавалась размышлениям. Те, кто ее видел, говорили, что она погружена в «меланхолию». Но на Пасху, когда снова начались пиры и танцы, настроение и внешний вид королевы явно улучшились. Она вернулась из Эдинбургского замка в свои апартаменты в Холирудском дворце и вскоре как будто окончательно пришла в себя.

Заседание Тайного совета состоялось в Страстную пятницу. Босуэлл, как обычно, занял свое место, несмотря на то что на заседании должны были одобрить приготовления к суду над ним. Страна полнилась слухами. Лавочники на оживленных уличных базарах Эдинбурга говорили, что королева выйдет замуж за Босуэлла. Однажды, когда Мария ехала из замка по Хай-стрит мимо Лоумаркет, несколько стоявших за прилавками женщин закричали: «Храни Господь Ваше Величество, если Вы невиновны в смерти короля».

Делая выбор, Мария недостаточно учитывала общественное

мнение. Несколькими днями раньше она пригласила приходского священника из Данфермлина, чтобы расспросить его о самой непристойной и скандальной листовке из всех, что распространялись в городе. Это был порнографический рисунок, изображавший русалку и зайца. Обнаженная русалка с золотой короной на голове держала в правой руке морской анемон, а в левой — свернутую рыболовную сеть; рядом были изображены королевские инициалы «MR». Предметы в руках русалки намекали на державу и скипетр, но имели и более глубокий смысл. Морской анемон, гигантский полип с похожими на лепестки щупальцами вокруг рта, символизировал женские гениталии, а свернутая сеть предназначалась для ловли неосторожных моряков, привлеченных видом анемона. Тот, кто придумал эту листовку, получил серьезное классическое образование. Символ анемона использовал римский поэт Овидий, с произведениями которого Мария была знакома. Еще один намек, содержащийся в рисунке, — это римский «ретиарий». В гладиаторских боях на римских аренах этот воин противостоял противнику, вооруженному мечом, пытаясь набросить на него сеть, а затем прикончить трезубцем, который он держал в правой руке. Под русалкой был изображен заяц в кольце из семнадцати мечей. Заяц был геральдическим символом семьи Босуэлл, а буквы «JH» внутри круга указывали на имя Босуэлла, Джеймс Хепберн. Мечи символизировали воинскую доблесть и любовь к дуэлям, но также могли восприниматься как фаллические символы.

Марию оскорбили эти намеки. Воспользовавшись известной ей информацией, она вызвала священника и спросила, знает ли он художника. Священник ответил, что не знает. Тогда она спросила: «А кто мог бы это сделать?» — «Никто не мог бы выразить свои мысли так хорошо, как каноник, который является папистом, живет в грехе и нажил таким образом несколько детей», — сказал священник. Услышав эти слова, присутствовавший при разговоре Босуэлл громко расхохотался. Он свел на нет усилия Марии расспросить священника, поскольку больше всего любил непристойные шутки и грязные намеки, которыми теперь с удовольствием обменивался с гостем.

Тайный совет назначил суд над Босуэллом на 12 апреля — до этого дня оставалось меньше двух недель. Заседание должно было пройти в Толботе под председательством Аргайла, помощником которого назначили Хантли. Не удивительно, что Босуэлл совсем не волновался. В Эдинбург уже стекались его сторонники, и он вел себя нагло и самоуверенно. Мортону выделили три сотни всадников для усиления дворцовой стражи, и

ради этого Мария вернула ему замок Танталлон. Еще более зловещим признаком была встреча Босуэлла с капитаном немецких наемников, которого порекомендовал посол Марии в Париже. Капитан предложил Марии и Босуэллу 3600 отборных солдат в обмен на регулярные выплаты.

4 апреля Мария в третий раз отправилась в Сетон, чтобы насладиться свежим весенним воздухом. Там — когда она прогуливалась в саду под ручку с Босуэллом — к ней подошел старик, бывший слуга Дарнли. Он скромно представился, а затем попросил королеву «немного облегчить» его бедность. Мария обычно была щедра к старым или больным слугам и, вне всякого сомнения, приказала бы своим дамам дать старику несколько монет из ее кошелька и досыта накормить на кухне, прежде чем отправить восвояси. Но Босуэлл грубо перебил ее. Рассердившись на старика за дерзость, он повернулся к нему и прорычал: «Эй, ты, мошенник, убирайся! Я так облегчу тебе жизнь, что ты об этом пожалеешь, грубиян!» Затем он набросился на старика с кулаками, так что у того изо рта потекла кровь. Бедняга похромал домой и через два часа умер. Перед смертью он прошептал: «Я служил во Франции, Англии и Шотландии, но так со мной никто не разговаривал».

Это был по-настоящему шокирующий инцидент. Внезапно Мария увидела темную сторону Босуэлла, со всей ее жестокостью и грубостью. До сих пор он был повернут к ней только светлой стороной. Вторая часть его личности либо тщательно подавлялась, либо скрывалась под куртуазным флером. Но приятная внешность и французское образование оказались обманом. Он был рубакой по рождению и воспитанию, искателем приключений, разбойником и пиратом. Цивилизованность Босуэлла была внешней, а внезапное восхождение к вершинам власти лишь подстегивало его вспыльчивый характер. Босуэлл стремился к превосходству над соперниками из числа лордов и не брезговал ничем на пути к победе. Верность Марии и ее матери всегда были лишь средством для достижения этой цели.

Мария пребывала в растерянности. Однако ей еще не приходила в голову мысль о браке с Босуэллом: зачем торопиться с третьим замужеством, когда брак с Дарнли оказался таким неудачным? Тем не менее ее доверие к Босуэллу уже выходило за границы чисто прагматического решения. Он начал ухаживать за Марией в период между Страстной пятницей и концом пасхальной недели, и это согласуется с тем фактом, что двумя неделями раньше он впервые спросил свою жену, Джин Гордон, как она отреагирует на развод. Мария бросила бы Босуэлла на произвол судьбы, если бы хотела с ним расстаться. До суда над

ним оставалось меньше недели. Но даже увидев, каков он на самом деле, она решила этого не делать.

Тем временем Леннокс, уверенный, что суд над Босуэллом будет фальсифицирован, добивался вмешательства Сесила. После долгих уговоров Елизавета написала Марии письмо, потребовав отложить заседание. До назначенной даты оставалось всего четыре дня. Письмо было срочно отправлено в Берик, где Дрери вручил его курьеру с приказанием немедленно доставить в Холируд. Курьер прибыл к воротам дворца в шесть часов утра в день суда. Сначала его отказались впустить, объяснив это тем, что еще рано и Мария спит. Ему посоветовали немного подождать, так что он отправился в Эдинбург, чтобы позавтракать. Когда курьер вернулся, Мария еще не встала, и он бродил возле замка до десяти часов, пока во дворе не появились люди Босуэлла. Воспользовавшись этим, он подошел к ним, но его не впустили внутрь. Курьер просил разрешения доставить письмо, но все делали вид, что его не слышат. Тут во двор вышел Томас Хепберн, еще один родственник Босуэлла. Он передал слова Босуэлла, который советовал курьеру уйти, «поскольку королева настолько занята и взволнована событиями сегодняшнего дня, что сможет уделить ему время только после судебного заседания».

Затем появился Кокберн, лэрд Скирлинга. Он спросил, от кого привез письмо посланец Дрери, от Елизаветы или Сесила. Услышав, что от Елизаветы, он заявил: «В таком случае Вас выпроводят», — и приказал Хепберну вывести курьера со двора. В этот момент из дворца вышли Мейтланд и Босуэлл, и все вскочили на коней. Мейтланд заметил курьера Дрери и потребовал отдать ему письмо Елизаветы, после чего вместе с Босуэллом направился к Марии.

Когда через полчаса они появились, курьер от Дрери спросил, прочла ли Мария письмо и какой ответ он должен передать. Мейтланд ответил, что Мария еще спит. Он солгал, поскольку в эту секунду она появилась у раскрытого окна вместе с Марией Флеминг и одним из слуг дю Крока. Пойманный на лжи, «шотландский Сесил» сказал: «Нет, я не вручил письмо, и подходящей возможности для этого не будет до окончания суда».

Босуэлл поскакал со двора на любимом жеребце Дарнли, в сопровождении четырех тысяч сторонников. Перед отъездом он посмотрел на окно, у которого стояла Мария. Она увидела его, рассмеялась и кивнула, словно желая удачи. Послышались «громкие радостные крики». Затем вся кавалькада торжественно проследовала к Толботу; две сотни аркебузиров шли впереди, расчищая улицы. Когда все вошли внутрь Толбота, у двери поставили часовых, не пускавших никого, кроме сторонников

Босуэлла.

Суд заседал более восьми часов. Сначала зачитали текст обвинения, в котором Босуэлл назывался ответственным за взрыв и за убийство Дарнли, но больше никаких свидетельств представлено не было. Затем последовало обсуждение процедурных вопросов. Леннокс не осмелился появиться на заседании. Он доехал до Линлитгоу в сопровождении трех тысяч сторонников, но не решился продолжить путь, когда ему сказали, что в Эдинбург он может взять с собой только шестерых. Его представляли два профессиональных адвоката, потребовавшие отложить слушания на сорок дней. Эту просьбу обсуждали довольно долго, но в конечном счете отклонили. Суд начался. Присяжные оправдали Босуэлла, а затем поспешно обезопасили себя от обвинений Леннокса в сознательно допущенной ошибке. Когда решение было принято, Аргайл и Хантли закрыли заседание суда.

Босуэлл ликовал. Он немедленно приказал вывесить на дверях Толбота объявление, в котором заявлял, что полностью очищен от обвинений в убийстве, и угрожал вызвать на дуэль всякого, кто с этим не согласен. Затем победитель вернулся в Холирудский дворец. Он считал себя неприкосновенным. Однако вскоре ему пришлось убедиться в своей ошибке: главным источником опасности теперь стало его оправдание. Леннокс уже не был угрозой, поскольку понял намек и бежал в Англию. Угроза исходила от других заговорщиков, к которым судьба не благоволила так, как к Босуэллу. Мортон, самый коварный из лордов, отказался присутствовать на суде. Его включили в число присяжных, однако он заявил, что хотя Дарнли «забыл о своем долге по отношению к нему, однако же он приходится ему родственником, и поэтому он предпочитает заплатить штраф в размере 100 фунтов».

Еще один злодей тоже прикидывал свои шансы выйти сухим из воды — сэр Джеймс Бальфур. После оправдания Босуэлла он чувствовал себя особенно уязвимым. Как бы то ни было, именно он приобрел порох, и его брат предложил Дарнли поселиться в бывшем доме настоятеля. Теперь он «со всей решимостью требовал такого же суда над собой». Когда Мария отказала, он переметнулся на другую сторону и поддержал тех лордов, которые уже выражали недовольство Босуэллом.

До поры до времени Бальфур скрывал свои намерения. У него не было желания вступать в прямую конфронтацию с Босуэллом. Однако он выставил у своего дома круглосуточную охрану. Он также приказал убить одного из своих слуг. Этот человек в ту ночь находился рядом с Кирк-о-Филд и был готов принять

прощение и вознаграждение, предложенное Марией тому преступнику, который признается и назовет соучастников.

16 апреля Босуэлл вместе с Марией и лордами проследовал по Кэнонгейт по пути в парламент. Он нес королевский скипетр, Аргайл — корону, а граф Кроуфорд — церемониальный меч. Все обратили внимание, что он не позволил бейлифам Эдинбурга охранять Марию, как это было принято. Его влияние распространялось повсюду. Во время короткой поездки Марию охраняли ее аркебузиры.

Босуэлл также внимательно следил за всеми действиями парламента. Будучи протестантом, он в первую очередь обращался к своим единоверцам, продвигая Закон о религии, который после семи лет неопределенности ставил протестантскую церковь под защиту Марии. Закон не просто сохранял религиозное *status quo*: в нем протестантство объявлялось официальной религией королевы, даже если как частное лицо она остается католичкой. В этом отношении на усиление Босуэлла не мог пожаловаться даже Нокс и его сторонники в Генеральной ассамблее реформированной церкви.

Босуэлл щедро наградил своих сообщников. Мортон, Аргайл и Хантли получили подтверждение прав на земли своих предков, а Аргайлу даже досталась часть земель Дарнли. Себя Босуэлл тоже не забыл. Парламент одобрил передачу ему замка Данбар — вместе со всеми привилегиями — в качестве награды за то, что он помог Марии бежать после убийства Риччио. Затем он добился подтверждения и расширения своих наследственных прав как лорда-адмирала. И наконец, по его настоянию был принят Закон против изготовителей и распространителей листовок и биллей, явно предназначенный для того, чтобы помешать сторонникам Леннокса и дальше очернять имя Босуэлла.

19 апреля парламент завершил работу. В тот же вечер Босуэлл угощал лордов в таверне Эйнсли в Эдинбурге, где предложил им подписать договор. От них требовалось подтвердить его невиновность в убийстве Дарнли, объявить о своем желании защищать его от клеветы и, наконец, пообещать, что если Марии «случится» выбрать «Джеймса Хепберна, графа Босуэлла» в качестве будущего мужа, они поддержат его. «Договор таверны Эйнсли» был составлен в виде петиции к Марии:

> …взвесив и обдумав нынешнее положение, а также то обстоятельство, что наша госпожа, Ее королевское Величество, лишена мужа, в каковом одиноком состоянии благо нашего государства не позволяет Ее

> Величеству оставаться и далее, и если когда-либо Ее Величество будет склоняться к заключению брака… [это] может подвигнуть Ее Величество проявить смирение и предпочесть своего подданного иноземным правителям и взять в мужья упомянутого графа…

Босуэлл хотел, чтобы все лорды подписали договор, но забыл об одном важном обстоятельстве. Он помог сообщникам подтвердить право на земельные владения не столько для того, чтобы отблагодарить за роль в убийстве Дарнли, сколько из желания обеспечить поддержку будущему браку с Марией. Однако он не мог ждать, пока права лордов подтвердит парламент, — сначала нужно было добиться подписи лордов. Получив земли, не все изъявили желание поставить свою подпись под документом. Сесил, что случалось крайне редко, все понял неверно. В его «копии» договора стояли имена всех лордов. На самом деле Мортон и Хантли подписали документ, но Аргайл, Мейтланд и Атолл отказались, а Мейтланд и Атолл даже не явились на встречу. Что касается Морея, то он уже покинул страну и находился на пути во Францию. В любом случае, скорее всего, вечером 19 апреля никто ничего не подписывал. На следующий день Босуэлл отправил своих людей к каждому из лордов с требованием подписи[35]. После подписания договора Киркалди предупреждал своих английских союзников, что Мария влюблена в Босуэлла. Она сказала, что «не боится ради него утратить расположение Франции, Англии и собственной страны и скорее пойдет за ним на край света в одной нижней юбке, чем оставит его».

В день подписания «договора таверны Эйнсли» Мария стала свидетелем безобразной сцены в Холируде. Собравшиеся в большом зале солдаты стали возмущаться, что им не платят. Босуэлл хотел силой подавить бунт и схватил капитана за горло, но на помощь подоспели остальные, и ему пришлось отступить. Сыпля ругательствами, он пообещал выдать солдатам жалованье. Мария всегда стремилась избегать неприятностей, и такого ей еще видеть не приходилось. Она поспешила вмешаться и приказала принести свой украшенный вышивкой кошелек, в котором было 400 французских крон. Затем она сама раздала деньги, пройдя вдоль всего строя и вручив каждому по две кроны.

Если Мария стремилась погасить конфликт, то Босуэлл был высокомерен и буквально раздувался от гордости, словно уже стал королем. Он никогда не был влюблен в Марию и прилагал минимум усилий, чтобы завоевать ее сердце. В их отношениях доминировал Босуэлл, причем на грани грубости, но Мария тем

не менее соглашалась со своей подчиненной ролью и как будто даже стремилась к ней. Мария могла быть сильной и властной, но теперь создавалось впечатление, что она хочет поддаться своему физическому влечению к Босуэллу, который пользовался возможностью каждый раз узурпировать ее власть и авторитет.

Почему так произошло, остается загадкой. В эту судьбоносную неделю Мария не писала писем. Впоследствии она объяснила свои мотивы. Она сказала, что в ее стране, «разделенной на фракции, стало невозможно поддерживать порядок без того, чтобы наша власть не получала помощь и укрепление со стороны мужчины». Мария нуждалась в Босуэлле, чтобы справиться с открытой «дерзостью» лордов, которые в противном случае постоянно бунтовали бы против нее[36]. Но в апреле 1567 г. она просто молчала. Единственное написанное ею письмо было адресовано папскому нунцию в Шотландии, епископу Мондови, все еще ждавшему в Париже. «Умоляю Вас, — писала она, — замолвить за меня слово перед Его Святейшеством и не позволить никому заставить его сомневаться в моей решимости умереть католичкой, а также в моей преданности Церкви». Тон Марии был нерешительный и уклончивый, отражавший ее чувство вины и смущение из-за отношений с Босуэллом. Не в последнюю очередь это было связано с тем, что «Закон о религии» католические круги восприняли как признак ее тайного перехода в протестантство. Как будто Мария играла в шахматы, но не считала дальше, чем на один ход.

А затем внезапно распался союз между Босуэллом и Мортоном. Мортон завидовал удаче Босуэлла, а Босуэлл подозревал, что Мортон интригует против его предполагаемого брака. Это была классическая ссора между преступниками. Мортон согласился подписать «договор таверны Эйнсли», но только при условии, что власть Босуэлла будет серьезно ограничена, и его не провозгласят королем. Аргайл также был глубоко оскорблен самоуверенностью Босуэлла и говорил своим друзьям, что скоро навсегда покинет Холируд.

Босуэллу следовало торопиться, пока все его сторонники не разбежались. Теперь, когда на Мортона надежды не было, а Аргайл открыто грозил удалиться от дел, все зависело только от него. Чтобы попытка добиться власти стала успешной, он должен был действовать — то есть организовать переворот.

В понедельник, 21 апреля, Мария поехала в Стирлинг, чтобы забрать сына. Но граф Мар отказался отдавать мальчика, что привело королеву в смятение. Умеренный политик, следивший за настроениями среди лордов, граф понимал, что они поднимут мятеж, если наследник престола окажется в руках Босуэлла.

Когда Мария подъехала к замку, Мар впустил внутрь только ее и двух сопровождающих женщин. Отказ впустить монарха и его свиту в собственную крепость Мария приравнивала к измене и грозила сурово наказать Мара.

Два дня спустя Мария поцеловала своего десятимесячного сына и уехала. Больше они не увидятся. Она отправилась на свою родину, в замок Линлитгоу, и провела там одну ночь. 24 апреля Мария проснулась рано. Мыслями она перенеслась во Францию — это была девятая годовщина ее свадьбы с дофином. Она собиралась вернуться в Холируд, но на мосту через реку Алмонд в нескольких милях от Эдинбурга ее перехватил Босуэлл. Он насильно привез ее в Данбар и там овладел ею.

Босуэлл был ничем не лучше Дарнли. Он верил, что для укрепления своего положения должен физически обладать Марией, то есть если она не выйдет за него замуж, то ее следует взять силой. Его поведение было вопиющим. Захват помазанной королевы считался святотатством и изменой даже в такой стране, как Шотландия, где закон и порядок понимались весьма своеобразно. Возмущенный сэр Джеймс Мелвилл заявил, что такие действия приравниваются к заговору. Говорят, что один из людей Босуэлла признавался, что это было сделано «с согласия самой королевы». Дрери, придерживавшийся английской точки зрения, говорил примерно то же самое: «Последняя встреча графа Босуэлла с королевой выглядит насилием, но известно, что это не так». Киркалди выражался еще более откровенно: «Она хотела, чтобы Босуэлл изнасиловал ее, чтобы ускорить брак, который она обещала ему до того, как решилась организовать убийство мужа». Но все трое ненавидели Босуэлла и опасались его дурного влияния на Марию. Киркалди уже официально выступал от имени лордов: его комментарий показывает направление пропаганды. Цена, которую она заплатит, если не остановится и выйдет замуж за Босуэлла, — это обвинение в участии в убийстве Дарнли.

Некоторые детали «похищения» можно проверить. Когда Босуэлл неожиданно появился перед Марией и схватил ее лошадь под уздцы, она была очень испугана. Королева тут же приказала слугам скакать в Эдинбург и звать подмогу. Совершенно очевидно, что ее похитили насильно. Свидетельства, впоследствии представленные лордами, чтобы «доказать» обратное, были сфальсифицированы, и этого не мог не заметить Сесил, когда ознакомился с ними[37]. Но действительно ли Марию изнасиловали? Она просто поглупела от любви или уже превратилась в политическую пешку?

Мария была сильной женщиной: гордой и полностью осознающей свое «величие» как королевы. И она никогда бы не

вышла за Босуэлла, если бы он изнасиловал ее, — это полностью противоречит ее характеру. Утверждалось также, что он был первым мужчиной, который удовлетворил ее в сексуальном плане. Вполне возможно, если учитывать плохое здоровье и хилое телосложение дофина, а также откровенный эгоизм Дарнли. Но даже если и так, это вовсе не означает, что Мария могла простить Босуэлла за то, что он овладел ей против ее воли.

Несмотря на сильное давление, которое оказывал на Марию Босуэлл при помощи «договора таверны Эйнсли», она еще не решила, что выйдет за него, поскольку в противном случае нужды в похищении просто не было бы. Поэтому продолжение в Данбаре было важнее, чем похищение на мосту через Алмонд.

Мария провела с Босуэллом в его замке двенадцать дней, а не одну ночь. Поскольку сам он время от времени отлучался, нельзя на полном серьезе утверждать, что Мария не могла бы сбежать, если бы действительно этого хотела. Ни один человек в Данбаре не решился бы удерживать королеву в заложниках, получи он от нее прямой приказ. Мария и Босуэлл поселились в королевских апартаментах, но занимали разные спальни. Однако, как язвительно заметил хроникер, «расстояние между комнатами королевы и Босуэлла было небольшим». Намек на секс довольно прозрачный, но спальни действительно были отдельными, и Мария могла бы запереть или забаррикадировать дверь в комнату, если бы действительно хотела держать Босуэлла на расстоянии. Она могла бы позвать на помощь своих слуг, но не сделала этого[38].

Скорее всего, события развивались следующим образом. Босуэлл действительно устроил засаду на мосту через Алмонд. Марию привезли в Данбар против ее воли. Она была напугана и разгневана, но в Данбаре Босуэлл признался ей в любви и умолял выйти за него. Если он не сделал этого раньше, то теперь показал ей «договор таверны Эйнсли», который был составлен в форме петиции от лордов и указывал на их единодушную поддержку. Мы точно не знаем, что она ответила, но за один или два дня Босуэлл убедил ее[39].

Вероятно, на это потребовалось два дня. 26-го числа Босуэлл во весь опор поскакал в Эдинбург. Там он договорился со своей женой, леди Джин Гордон, чтобы она подала заявление о разводе в протестантский суд. Заявление было подано в тот же день. Яркие подробности, изложенные в документе, позволяют предположить, что Босуэлл все подготовил заранее. В заявлении говорилось, что он средь бела дня на территории Хаддингтонского аббатства развлекался с «костлявой девчонкой, черноволосой» Бесси Кроуфорд, горничной его жены. Босуэлл с

готовностью признал супружескую неверность.

3 мая судьи издали постановление о разводе. Последствия проявились немедленно — от Хантли уже откупились, и он с неохотой признал условия финансового соглашения своей сестры с Босуэллом. Одновременно Мария обратилась к архиепископу Сент-Эндрюса, чтобы тот аннулировал брак Босуэлла в католическом суде. Ее заявление было принято 27 апреля, а 7 мая последовал вердикт: брак с леди Джин объявлялся недействительным с самого начала по причине отсутствия канонического разрешения.

До сих пор Хантли мирился с разводом сестры, но у всего есть пределы. Вернувшись в Данбар, Босуэлл обнаружил, что Хантли и Мария серьезно поссорились. Несмотря на подпись под «договором таверны Эйнсли», Хантли все больше сомневался, стоит ли поддерживать Босуэлла. К концу мая он уже не скрывал своего нежелания поддерживать курс на вооруженное противостояние с лордами, которого придерживался его бывший зять.

Лорды впервые собрались в Стирлинге через три дня после похищения Марии. Инициаторами встречи были Мортон, Аргайл, Атолл и Мар, и четыре дня спустя был подписан новый договор. Они называли себя «лордами конфедерации», отвергая обвинения в мятеже, но признаваясь, что намерены освободить королеву из «плена». Они призывали использовать все средства, чтобы дать королеве «свободу», «уберечь принца и страну» и убить Босуэлла, которого они теперь называли «варварским тираном» и «жестоким убийцей». Босуэлл просто стал слишком силен. У него имелись, как утверждали лорды конфедерации, «войска, снаряжение и корабли под его началом». Конечно, это было преувеличением, но совершенно очевидно, что Босуэлл серьезно угрожал независимому положению этих лордов и поэтому занял место Дарнли — но совсем не так, как он всегда представлял.

Во вторник 6 мая Мария и Босуэлл торжественно въехали в Эдинбург. Когда они приблизились к Западным воротам, пушки замка дали залп, а Босуэлл спешился. Он взял лошадь Марии под уздцы, и они медленно поднялись по склону холма к замку. Но толпа на улицах встретила их угрюмым молчанием. Мария и Босуэлл были явно недовольны, но вряд ли могли ожидать чего-либо иного. Популярность Марии была не настолько велика, чтобы люди одобрили брак с Босуэллом, и за его положение как защитника королевы была заплачена высокая цена. В тот же день помощнику Нокса в соборе св. Джайлса, бесстрашному Джону Крейгу, предложили объявить о бракосочетании Марии и Босуэлла. Он отказался, потребовав королевского предписания,

которое пришло на следующий день — в нем Мария сообщала, что ее не изнасиловали и что Босуэлл не удерживал ее в плену. Она приказывала Крейгу публично объявить о предстоящем венчании. Если же королеву не насиловали, на чем продолжала настаивать она, значит, Мария добровольно легла с Босуэллом в постель в Данбаре, то есть спала с женатым мужчиной, участвуя в супружеской измене. Либо то, либо другое. Крейг зачитал объявление на следующий день, но только после того, как призвал в свидетели небо и землю, что ему отвратителен этот брак.

9 мая Босуэлл вызвал к себе Крейга и потребовал объяснений за прозвучавшие комментарии. Но священник не стал извиняться, а, наоборот, принялся увещевать Босуэлла. «Я обвинил его, — говорил он, — в нарушении закона о супружеской верности, установлений церкви и закона о похищении, в подозрении в сговоре с женой, во внезапном разводе и в объявлении о следующем браке через четыре дня и, наконец, в подозрении в участии в убийстве короля, подтверждением чего служит этот брак».

В воскресенье 11 мая Крейг повторил свои обвинения с церковной кафедры. Босуэлл пришел в ярость. Он снова вызвал к себе священника, на этот раз перед заседанием Тайного совета, и обвинил его в превышении власти. Но Крейг ответил: «Пределы моих полномочий, которые есть слово Божие, добрые законы и здравый смысл, свидетельствуют об истинности всего сказанного мною». Это был второй Нокс! Но Босуэлл, в отличие от Марии, отказался вступать в дискуссию. Он приказал священнику замолчать, а затем выгнал, угрожая повесить.

На следующий день Мария даровала Босуэллу прощение за похищение на мосту через Алмонд, а затем присвоила ему высокий титул, чтобы он мог жениться на ней. Торжественная процессия, возглавляемая герольдами, проследовала в Эбби-Кирк в Холируде. За герольдами шли граф Ротс с церемониальным мечом, граф Кроуфорд со скипетром и Хантли с короной. Мария, сидевшая в королевском облачении на золоченом троне под балдахином, возложила на голову Босуэлла герцогскую корону. Босуэлл был одет в алую мантию, отороченную мехом горностая, и его сопровождал Кокберн, лэрд Скилинга, который нес синее знамя с его гербом. Мария торжественно провозгласила Босуэлла герцогом Оркнейским и лордом Шетладским. После церемонии рыцарское звание было пожаловано четырем его сторонникам.

Но стремительный взлет Босуэлла был кратким. Лорды конфедерации заняли Стирлинг, где основали второй двор, от имени принца Джеймса. Они даже дали согласие на постановку

пьесы, в которой Босуэлла судили за убийство Дарнли, признали виновным и повесили. Возможно, это осталось бы незамеченным, но мальчика, игравшего роль Босуэлла, повесили так реалистично, что он едва не задохнулся, и пришлось срочно спасать его. Босуэлл пришел в ярость, когда узнал о спектакле. Он грубо выругался и пригрозил отомстить мятежным лордам.

В среду, 14 мая, был подписан брачный договор. В нем брак оправдывался тем, что Мария была молодой вдовой, «способной к продолжению рода и рождению детей» для сохранения династии, и что ее замужества желают и поддерживают «большая часть ее дворян». В тексте даже имелась прямая цитата из «договора таверны Эйнсли», где оправдывалось решение Марии «проявить смирение» и сочетаться браком с одним из своих подданных. Отмечалось, что Босуэлл был рекомендован королеве лордами, и она «милостиво вняла» их просьбе. Мария больше не обращалась за советом к Франции, Испании или Англии. Круг ее интересов сузился до собственного королевства, и она, казалось, была рада называться женой Босуэлла и даже быть презираемой за это своими родственниками Гизами.

Бракосочетание состоялось следующим утром. Марию и Босуэлла обвенчали в большом зале Холирудского дворца по протестантскому обряду. Французский посол дю Крок организовал официальный бойкот, к которому присоединились некоторые из присутствовавших на пожаловании Босуэллу титула герцога Оркнейского. На церемонии присутствовало мало народу — четыре Марии, а также слуги Марии и Босуэлла. Тем не менее венчание нельзя было назвать заурядным. Спектакль устроила сама Мария. Она надела траур, как и во время венчания с Дарнли, однако это был не обычный вдовий наряд. Портные и вышивальщики без устали трудились целую неделю. С Дарнли она венчалась в белом платье, а в этот раз надела роскошное, свободно ниспадающее платье из черного узорчатого бархата, в итальянском стиле, богато украшенное переплетающимися золотыми полосами, а также золотой и серебряной вышивкой. Платье настолько бросалось в глаза, что его вряд ли можно было звать траурным.

Мария была женщиной в расцвете лет. Она была выше Босуэлла, и они, вероятно, смотрелись немного странно: она очень высокая, с тонкой талией, а он коренастый, усатый и краснолицый. Говорят, что Босуэлл выглядел как никогда привлекательным, но во время ужина накануне венчания он так сквернословил, что сэр Джеймс Мелвилл вышел из-за стола, не скрывая своего отвращения.

Службу провел Адам Босуэлл, епископ Оркнейский и один из

родственников Босуэлла. Сначала он прочел проповедь, взяв за основу фрагменты из Ветхого Завета, Книги Бытия: «Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей; и будут двое одна плоть»[40]. Затем он отпустил жениху прошлые грехи и неправедную жизнь и засвидетельствовал его решимость искупить содеянное и подчиниться церковным установлениям. И наконец, жених и невеста были обручены. Обмениваться кольцами было не обязательно, поскольку протестанты возражали против обручальных колец, которые они считали «папистским» суеверием.

Вернувшись в свои покои, Мария переоделась в другое платье, из блестящего желтого шелка. Но ей не представилось возможности покрасоваться в нем. В отличие от предыдущих свадеб теперь не было «ни праздников, ни танцев, ни развлечений», ни криков герольдов: «Дар!», когда они разбрасывали монеты гостям. Отсутствие свадебного банкета и маскарада свидетельствовало о том, что церемонию готовили в спешке. После убийства Дарнли прошло всего три месяца и пять дней. И лишь пятнадцать месяцев прошло после венчания Босуэлла и леди Джин Гордон, «по совету и с согласия» Марии, которая подписала брачный контракт, оплатила банкет и подарила невесте свадебное платье.

Пока Босуэлл и его слуги переселялись в бывшие покои Дарнли в Холирудском дворце, лорды конфедерации собирали силы в Стирлинге. Все произошедшее за последние месяцы было достаточно скандальным, однако Марию впереди ждали самые драматические события в ее жизни.

21
Развязка в Шотландии

Выйдя за Босуэлла, Мария сама определила свою судьбу. Наблюдая издалека за ее стремительным падением, Сесил писал, что Шотландия «в затруднительном положении; похоже, никто не может сидеть на месте; самые честные желают уехать, а худшие дрожат, мучимые совестью». Но закономерность была очевидна. Мортон, самый беспринципный из лордов, заключил фаустовскую сделку с Дарнли, чтобы убить Риццио. Когда Дарнли предал его, он заключил союз с Босуэллом, желая отомстить. Затем Босуэлл поднялся слишком высоко, и когда он стал угрожать интересам других лордов, Мортон порвал с ним и возглавил мятеж, который был тем более опасен, поскольку Босуэллу было известно достаточно, чтобы обвинить всех своих сообщников в убийстве Дарнли, тогда как самого его оправдали. В этом жестоком противостоянии между Босуэллом и Мортоном выжить мог только один.

В брачную ночь Марии и Босуэлла к воротам Холирудского дворца прибили новую листовку. Цитируя Овидия, она провозглашала:

> Как гласит народная молва,
> Только шлюхи выходят замуж в мае.

Мария была глубоко уязвлена, даже несмотря на то что с первого взгляда было понятно: как и в случае рисунка с русалкой и зайцем, автор должен быть знатоком латинской поэзии. И это было не так обидно, как если бы подобное исходило от простых людей.

Но Мария утратила способность рассуждать здраво. Независимо от того, что говорил ей Босуэлл в те двенадцать дней в Данбаре, только после свадьбы она поняла, что на самом деле он ее не любил. Его признания были неискренними. Биографы Марии всегда утверждали, что ее ссоры с Босуэллом начались еще до венчания. Поэтому Мария должна была знать, на что идет, когда выходила за него. Это противоречит фактам. Документально засвидетельствована только одна ссора перед свадьбой: Дрери назвал ее «большой размолвкой», длившейся полдня, когда Босуэлл вернулся в Данбар после того, как заставил жену подать на развод. Главным источником сведений о

«разладах» между Марией и Босуэллом служат доклады Дрери, но в XIX в. многочисленные папки с этими важными рукописными документами были перемешаны в процессе переплетения. Части одного и того же рапорта обозначались как разные документы под разными датами. Предложения могли внезапно обрываться, а продолжение обнаруживалось через несколько сотен страниц. При публикации фрагментов из переплетенных томов многие важные документы были датированы неверно. Тщательная проверка всех этих рукописных рапортов показывает, что, за исключением одной крупной ссоры в Данбаре, все остальные ссоры между Марией и Босуэллом произошли уже *после* свадьбы.

Причиной скандалов была ревность и взаимные обиды. Мария плакала, потому что Босуэлл «не позволял ей ни на кого смотреть, или чтобы на нее кто-то смотрел, потому что очень хорошо знал, что она любит развлекаться и проводит время подобно всякому, кто любит жизнь». Босуэлл был «самым ревнивым из ныне живущих мужчин». 20 мая Дрери писал: «Между королевой и герцогом уже произошло несколько ссор, и они не последние. Он ревнив, подозрителен и требует подчинения». Мария так переживала, что ее красота поблекла. «По общему мнению, — продолжал Дрери, — королева настолько сильно изменилась лицом, что случалось с ней крайне редко, и в тех случаях, если она болела».

История повторялась. Отношение Босуэлла к Марии как к женщине было полностью несовместимо с ее представлением о себе как о королеве. Как и с Дарнли, самые громкие скандалы случались из-за домашних животных. Когда Мария подарила одну из лучших лошадей младшему брату старинного врага Босуэлла, графа Аррана, Босуэлл кричал и ругался, требуя лошадь себе. Мария со слезами на глазах упрекала мужа, что его бывшая жена, леди Джин Гордон, по-прежнему живет в замке Крайтон, ближайшем к Эдинбургу владении Босуэлла, и что он поддерживает с ней переписку и даже навещает ее, как будто они не развелись.

Мария была в смятении. Снова с ее уст слетела фраза, ставшая рефреном ее жизни: «Я бы хотела умереть». Разница в том, что теперь причиной была не болезнь. Как осторожно заметил Дрери, Мария была очень расстроена, «но не болела». Два независимых свидетеля слышали, как она угрожает убить себя. Одним из них был дю Крок, которого Мария пригласила к себе поздно вечером в день свадьбы. «Я наблюдал, — сообщал он Екатерине Медичи, — странную официальность между ней и мужем, за что она извинилась передо мной, сказав, что если у нее печальный вид, то причина в том, что она не желает себе счастья,

поскольку оно невозможно, а хотела бы умереть». Два дня спустя, «будучи в гардеробной наедине с графом Босуэллом, она громко крикнула, чтобы ей принесли нож, которым она убьет себя. Находившиеся в соседней комнате слышали ее».

Среди присутствовавших в соседней комнате был сэр Джеймс Мелвилл. Он слышал угрозу Марии. «Или же я утоплюсь», — прибавила она. По свидетельству сэра Джеймса, Босуэлл жестоко обращался с Марией после венчания. Он «обижал» ее всеми возможными способами. «Он был так груб и подозрителен», что ни дня не оставлял ее в покое, вынуждая «проливать потоки соленых слез».

Мы располагаем множеством свидетельств о необузданном характере Босуэлла, однако возможно также, что он рассказал Марии правду — или, скорее, подправленную версию правды — об убийстве Дарнли. В этом случае она чувствовала бы себя преданной тем мужчиной, которому она доверила защищать ее от вечно враждующих лордов и скрепила браком эту его роль защитника королевы. Даже если Босуэлл отрицал или скрывал свое участие в заговоре, в чем не приходится сомневаться, она никогда бы не простила ему, что он не рассказал ей о заговоре до убийства, что разрушило все ее надежды подтвердить свои права на английский престол.

Но на людях Мария вела себя иначе. После венчания она по-прежнему ходила под руку с Босуэллом. Она изящно одевалась и выезжала вместе с мужем на верховые прогулки. 23 мая королева устроила праздник в честь своей свадьбы. В заливе Ферт-оф-Форт была разыграна водная феерия, затем на берегу устроили состязания по боевым искусствам, во время которых Босуэлл участвовал в игре в «кольцо», а отряды солдат разыгрывали сражение. Королевский двор в Холируде выглядел таким же оживленным и веселым, как обычно, но если присмотреться, то бросалась в глаза его малолюдность. Знати почти не было, а залы дворца и двор заполняли в основном солдаты или слуги Босуэлла.

При посторонних Босуэлл следил за собой и обращался с Марией вежливо и уважительно. Дрери сообщал, что он «открыто выказывал величайшее почтение королеве, снимая шляпу в ее присутствии, „чем она как будто была недовольна и иногда сама надевала шляпу ему на голову“». Но наедине Босуэлл становился невыносимым. Мария все еще льнула к нему, отчасти из любви, а отчасти из-за того, что не знала, что ей делать; она неумолимо превращалась в несчастную женщину.

Это было душераздирающее превращение, повлиявшее на поведение самой Марии. Речь ее стала грубее и резче. Когда ей

впервые сообщили о конфедерации лордов, она заговорила буквально словами Босуэлла. «Что же до Аргайла, — заявила она, — я хорошо знаю, как заткнуть ему рот, Аргайл просто слабак. Мортон же только что стянул сапоги, и они все еще грязны; его стоит отправить обратно». Мария имела в виду ссылку в наказание за то, что он нарушил данное всего два месяца назад обещание — быть ее верным слугой.

Только один из лордов удостоился того, что сомнения были истолкованы в его пользу. «Что касается графа Мара, — сказала Мария, — то он заверил меня, что будет всегда мне верен». Несмотря на сильное раздражение, которое граф вызывал у нее после недавней поездки в Стирлинг, она считала, что его проступки не соответствуют его характеру, а возможно, даже верила — особенно теперь, когда лучше узнала Босуэлла, — что Мар действовал в интересах ее сына.

Мейтланд и Хантли все еще были в Холируде, но долго это продолжаться не могло. Оба были сыты по горло заносчивостью Босуэлла. Мейтланд, всегда склонный подстраховываться, уже наводил мосты с лордами конфедерации в Стирлинге. Хантли обратился к Марии за разрешением покинуть двор, но королева отказала ему. Внезапно разозлившись, она воскликнула: «Вы желаете последовать примеру своего отца!» Ничто не могло сильнее оскорбить главу клана Гордонов, если учесть, что его семья была уничтожена в битве при Корричи, а он был верен Марии после того, как его призвали на помощь в борьбе с Мореем.

Даже самые верные сторонники Марии больше всего опасались, что Босуэлл стремится к тому, чтобы его официально объявили наместником и защитником Шотландии, а если это возможно, то и королем. По мнению Дрери, Босуэлл собирался объявить себя королем, как только наследник престола окажется у него в руках. Поговаривали, что это будет его следующая большая политическая игра. Не имея официального титула, Босуэлл вел себя как король. 19 мая он издал декрет против фальшивых медных денег, поскольку приток поддельных монет из-за границы выводил из обращения настоящие деньги, в результате чего стало нечем платить жалованье солдатам. Это было разумное решение — в отличие от остальных. 22 мая Босуэлл восстановил старые правила проведения заседаний Тайного совета, когда на отсутствующих накладывался штраф, — так он надеялся вернуть ко двору бойкотирующих Марию лордов. На следующий день он предпринял откровенную попытку приобрести новых друзей. Тайный совет своим указом аннулировал все установленные Марией послабления,

позволявшие ее придворным и слугам в частном порядке соблюдать католические обряды. Теперь протестант Босуэлл попытался заключить союз с протестантской церковью. Католическое духовенство просило Марию восстановить мессу, но Босуэлл воспротивился. Он послал за Крейгом, которого недавно грозил повесить, и заверил, что сделает все возможное, чтобы помочь протестантам в их противостоянии с католиками, и даже сам будет посещать проповеди.

Но самым главным фактором была, конечно, военная сила. Лорды собирали войско, приближая скорое начало гражданской войны. 20 мая Марию видели с Босуэллом, когда она горько плакала. Напряжение усиливалось. От своих шпионов Дрери узнал, что королева снова страдает от приступов рвоты. Два дня спустя Мария решила ответить на вызов. Она издала указ, предписывающий собрать войска, чтобы восстановить закон и порядок на границах, однако, как отмечал Дрери, все знали, что речь идет о формировании ядра королевской армии.

Тем временем Босуэлл стремился заручиться поддержкой за рубежом. 5 июня он отправил письма Елизавете, Сесилу и Трокмортону. Послание к Сесилу было выдержано в оскорбительно высокомерном тоне. «Поскольку Бог призвал меня на это место, — писал он, — я от всего сердца желаю, чтобы Вы оказывали мне всякое содействие». Эти слова могли принадлежать Дарнли! В письме к Елизавете Босуэлл выглядел не таким нахальным, но все же излишне самоуверенным. Он сообщал, что знает, какие доклады поступают о нем Елизавете, но заявлял, что подобное дурное мнение необоснованно. Он желает восстановить дружбу с Англией. Возможно, на его месте английская королева предпочла бы видеть человека более высокого происхождения, однако никто так не стремится к дружбе с Елизаветой, как он.

С дипломатической точки зрения все это выглядело крайне неуклюже. Босуэлл обращался к Елизавете как равный, что редко позволяла себе даже Мария. По мнению Дрери, Босуэлл хотел добиться того, чтобы англичане были не более чем «наблюдателями», когда он нанесет сокрушительный удар по лордам. Это были тщетные надежды. После громкой ссоры с Босуэллом Мейтланд вместе с женой, Марией Флеминг, покинул Холирудский дворец и присоединился к мятежникам. Он не попрощался с Марией, которую до слез расстроил переход в лагерь противника главной из четырех Марий, ее подруги детства и кузины. Брак с Босуэллом вынудил ее выбирать между мужем и одной из самых близких подруг. По какой-то причине у нее не хватило решимости поставить Босуэлла на место. Мария

поклялась быть верна ему в радости и горе — и не отступит от принятого решения.

Конгрегация лордов теперь увеличилась почти до тридцати человек. Никто не сомневался, что это будет схватка не на жизнь, а на смерть. Атмосфера напоминала пьесу «Макбет». Всю страну от Шотландской низменности до горных районов наводнили слухи и пророчества. «На севере есть ведьма, — писал Дрери, — которая говорит, что у королевы будут еще два мужа». Предсказывали, что Босуэлл не проживет и года, а Марию сожгут как ведьму. Эти пророчества передавали Марии, которая отвергала их, хотя «как говорили, в то же время боялась их».

Серьезной проблемой для Марии стал недостаток денег. Содержание, которое она получала как вдовствующая королева Франции, позволяло не экономить на личных расходах, и за все время ее правления налоги поднимались всего один раз, чтобы оплатить расходы на пиры и развлечения в честь крестин принца Джеймса. Однако до сих пор она ни разу не пыталась набрать армию без участия знати — даже во время «загонного рейда». Босуэлл хотел пригласить профессиональных наемников, пятьсот человек пехоты и двести кавалеристов, на что требовалось 5000 крон. Мария решилась на немыслимое. Чтобы собрать необходимую сумму, она сократила расходы своего двора. Опустошив буфеты, она отправила на монетный двор огромное количество золотых и серебряных блюд. В переплавку пошла даже купель из чистого золота, которую Елизавета подарила на крестины ее сына Джеймса. Из купели планировали начеканить монеты достоинством 3 фунта. По иронии судьбы, купель оказалась такой большой и тяжелой, что никак не хотела плавиться, и несколько попыток нагреть ее до нужной температуры ни к чему не привели.

6 июня Босуэлл вместе с Марией переехал из Холируда в замок Бортвик, чтобы укрыться от Мортона и других лордов, планировавших нападение. Они уезжали в такой спешке, что Мария успела взять с собой лишь самое необходимое: серебряный таз для умывания, серебряный чайник для воды, маленький шкафчик с замком для хранения документов, а также большой запас заколок для своих роскошных волос.

Босуэлл собирался укрыться в Хермитедже, но затем решил остановиться в хорошо укрепленном Бортвике, чтобы не уезжать далеко от Эдинбурга. У замка была одна самая простая трехэтажная квадратная башня. Толщина стен у основания составляла 13 футов, а наверху — шесть. С зубчатой башни с бойницами часовые могли видеть все, что происходит в радиусе двух миль. Расположенный в низине замок с трех сторон был

окружен крутыми бастионами и рвом с водой. Попасть в него можно было только по подъемному мосту. Для захвата замка требовалась артиллерия, но снабжать его продовольствием и боеприпасами во время осады было трудно.

Вечером 10 июля, когда Босуэлл уже собирался лечь спать, лорды предприняли попытку нападения. Босуэлл незаметно выскользнул из замка через боковые ворота и помчался в Хаддингтон за подкреплением. Лорды призывали его выйти, кричали: «Предатель, убийца, мясник!» Когда нападавшие поняли, что Босуэлл их обманул, они начали осаду, став лагерем возле замка. Летом темнело поздно, почти в одиннадцать часов. Мария поднялась на крышу башни и, высунувшись в бойницу, вступила в словесную перепалку, обмениваясь оскорблениями с собравшимися внизу врагами. Она упорно настаивала на своей правоте. По словам Дрери, лорды обращались с «разными подстрекательскими и неподобающими речами против своей королевы и госпожи, слишком дурными и недостойными, чтобы бедная правительница могла ответить на них лишь словами, не использовав другие способы отмщения». Дрери испытывал почти священный трепет перед помазанной королевой и поэтому, написав эти слова, был настолько смущен, что несколько раз перечеркнул их.

Лорды отступили в окрестности Далкита и на следующий день с двумя сотнями солдат двинулись на Эдинбург. Подойдя к городу, они увидели запертые ворота, но маленький передовой отряд перелез через стену, открыл ворота Коугейт и занял город. Лорд-провост сдал город и, лорды захватили власть в Эдинбурге, а затем призвали к оружию народ:

> Граф Босуэлл насильно захватил королеву и запер ее в замке Данбар, побудил Ее Величество к бесчестному браку после того, как получил развод с бывшей женой; он убил покойного короля, а теперь собирает войска, чтобы убить юного принца. Посему приказываем всем вассалам быть готовыми через три часа после получения приказа выступить в поход, чтобы освободить королеву и отомстить графу Босуэллу.

12 июня лорды собрали Тайный совет в Толботе и объявили Босуэлла «главным заговорщиком и убийцей нашего доброго короля и осквернителем тела Ее Величества». В сущности, это был квазисудебный вердикт, отменявший оправдание Босуэлла в убийстве Дарнли и открывавший путь к его «отстранению» или к «судебному поединку» на поле боя.

Захват Эдинбурга был главным достижением лордов. Хантли

и его союзники попытались вернуть город, но были вынуждены укрыться в замке, где оказались под защитой сэра Джеймса Бальфура, нового капитана замка и ставленника Босуэлла. Но Бальфур совершил поворот, бесстыдный и гибельный для Марии — переметнулся на сторону противника. Он решил поддержать лордов конфедерации в обмен на обещание простить его участие в убийстве Дарнли. Обида и страх переполняли его с тех пор, как оправдали Босуэлла. Его предательство гарантировало, что Хантли останется в замке — возможно, это его устраивало, поскольку он уже сжег все мосты в своих отношениях с Босуэллом — до тех пор, пока не успеет помочь Марии и Босуэллу в решающей схватке.

Лорды конфедерации ликовали. Они ждали, что вскоре к ним присоединится Аргайл, армия которого превосходила армию любого из них. Тем временем Мортон позволил своим людям разграбить Эбби-Кирк и королевский монетный двор, где они забрали остатки золотых и серебряных блюд, ждавших превращения в монеты, а также купель, которую так и не удалось расплавить.

В этих стесненных обстоятельствах к Марии вернулась решительность и здравомыслие. Она словно стряхнула с себя пелену и снова стала собой. В ночь на 11 июня она бежала из замка Бортвик. Ей всегда нравилось переодеваться в мужскую одежду. Как сообщал Дрери, королева переоделась в мужское платье и поскакала верхом «в сапогах со шпорами… в ту же ночь из Бортвика в Данбар, где не знала никого, кроме милорда герцога [Босуэлла] и нескольких его слуг, которые встретили Ее Величество в миле от Бортвика и сопроводили в Данбар». Почти сразу же после прибытия в замок Босуэлл снова покинул его и направился в Мелроуз, чтобы встретиться со своими вассалами из «пограничного края». Они должны были составить основу его пехоты, однако на его зов явились не все. Дрери подкупил Эллиотов из Лиддесдейла — контрабандистов, которые в прошлом году подстерегли и ранили Босуэлла, — чтобы помешать им присоединиться к войску Марии. Это стало для Босуэлла тяжелым ударом. Но еще серьезнее было предательство Бальфура, потому что по его совету Мария, вероятно, в отсутствие Босуэлла, могла посчитать безопасным покинуть Данбар и вернуться в столицу.

13 июня лорды герольды прошли с барабанами по улицам Эдинбурга, чтобы собрать войско под своими знаменами для защиты принца — добровольцам предлагалась щедрое жалованье в размере 20 шиллингов в месяц. Когда наконец прибыл Аргайл со своими горцами, численность армии составила три тысячи

человек.

На следующий день Мария нанесла ответный удар. Она выпустила воззвание, приказывая верным ей подданным собраться следующим утром у Масселборо, неподалеку от восточных ворот Эдинбурга. Чтобы подбодрить свое войско, она заявила, что через двадцать четыре часа будет в Эдинбурге или Лите. Затем во главе отряда из шестисот человек она поскакала в Хаддингтон, где к ней присоединился Босуэлл с двухтысячной армией. У Марии было всего две тысячи шестьсот человек, но по пути к ней присоединялись новые сторонники. Кроме того, у нее было преимущество в артиллерии — из оружейных запасов Данбара она взяла три или четыре бронзовые пушки.

Мария вела себя вызывающе. Она больше не обращала внимания на ограничения, которые накладывало на нее королевское звание. Волосы у нее были растрепаны, и она надела чужую одежду. По словам Дрери, Мария была «одета как все женщины Эдинбурга». На ней было «красное платье с рукавами, стянутыми шнурками, воротник с рюшами, бархатная шляпа и шарф». Капитан Инчкита — француз, состоявший на службе у Босуэлла, писал в своем дневнике, что Мария была в «красной юбке, едва доходившей до середины ног».

Мария и Босуэлл поскакали в Сетон, оставив войско ночевать в полях в окрестностях Престонпанса. Узнав об их приближении, лорды собрали свои отряды и ночным маршем двинулись на Масселборо. Командовали войском Мортон и Атолл. На их знамени, которое несли на двух копьях во главе колонны, был изображен мертвый Дарнли. Он лежал в саду под деревом, одетый в ночную сорочку, а рядом на коленях стоял ребенок, который со слезами говорил: «Рассуди и отомсти за меня, Господи!»

В пять утра следующего дня Мария и Босуэлл были уже в пути. Это было воскресенье, 15 июня, ровно через месяц после их венчания. На их знаменах красовались Андреевский крест и стоящий на задних лапах лев — символы св. Андрея, покровителя Шотландии и короны. Две армии сошлись у Карберри-Хилла, высокого гребня рядом с Инвереском, почти в двух милях к юго-востоку от Масселборо. Мария выбрала позицию приблизительно в миле к северо-западу от деревни Элфинстоун под защитой земляного укрепления, возведенного лордом-протектором Сомерсетом во время последней кампании «грубых ухаживаний». Миновав старый мост у Масселборо, лорды увидели армию Марии, укрепившуюся на возвышенности. Они прошли несколько миль вверх по течению реки Эск до деревни Кауслеид, почти в двух милях к юго-востоку от Карберри-Хилла, где и остановились.

Это был долгий жаркий день. Армии, примерно равные по силе, не решались атаковать друг друга. После трех часов стояния дю Крок, который следовал за армией конфедерации на некотором расстоянии, предложил себя в качестве посредника в переговорах. Через переводчика он просил лордов конфедерации избежать кровопролития, убеждая, что преследование Босуэлла — это одно, а военное противостояние с помазанной королевой — совсем другое. Лорды выслушали его и ответили, что есть всего два способа избежать сражения. Первый — Мария навсегда расстанется с Босуэллом. Второй — Босуэлл выйдет на поединок.

Дю Крок колебался. Такие условия больше напоминали ультиматум. Он попытался уговорить лордов, которые постепенно теряли терпение. Они заявили, что скорее живыми лягут в могилу, чем откажутся от мести за смерть Дарнли. Начались упражнения в риторике. Особое искусство проявил Мортон, заявив, что «они подняли оружие не против королевы, а против убийц покойного короля, и если Ее Величество либо выдаст [Босуэлла] для справедливого наказания, либо удалит его от себя, то они продолжат верно служить ей».

По настоянию Мейтланда посол пересек отрытую местность между двумя армиями и поднялся на холм. Его провели прямо к Марии, которая — по-прежнему в чужом платье — сидела на камне и разговаривала с Марией Сетон. Дю Крок поцеловал ей руку и передал предложение лордов. Мария слушала, и глаза ее горели яростью. Она знала, чего можно ждать от лордов. «С их стороны очень дурно, — сказала королева, — нарушать подписанное ими же соглашение, после того, как они сами выдали меня за него, а его признали невиновным в деянии, в котором теперь обвиняют». Мария предложила лордам сдаться. Пусть сложат оружие, и она проявит милосердие. «Если они попросят о прощении, я с радостью дарую им его и приму их с распростертыми объятиями».

В этот момент появился Босуэлл. Дю Крок приветствовал его, но отказался пожать руку. Босуэлл говорил громко, так что его слышали все, кто находился поблизости. Он заявил, что знает, что сказали лорды. Дю Крок так же громко ответил, что лорды заверили его в верности Марии. Затем, понизив голос, прибавил, что они считают себя смертельными врагами Босуэлла.

«Разве они не подписали договор, о котором известно всем? — крикнул Босуэлл. — Я никогда не желал им зла и старался угодить им, а они так говорят обо мне лишь из зависти к моему высокому положению». Затем он произнес слова, которые могли бы стать его эпитафией: «Удача благосклонна к тем, кто способен использовать ее, а среди них нет ни одного, кто не хотел

бы оказаться на моем месте».

Переговоры зашли в тупик. Затем Босуэлл предложил дю Кроку вернуться к лордам и передать, что он принимает их вызов, хоть и является мужем королевы. Он готов сразиться в поединке с любым, кто равен ему по знатности. «Мое дело правое, — сказал он, — и я абсолютно уверен, что Господь на моей стороне».

Тут вмешалась Мария. Сдерживая слезы, она заявила, что конфликт касается только ее. Дю Крок, который быстро терял почву под ногами, также отверг идею поединка. Он ненавидел Босуэлла и был бы рад его смерти, но ему было предписано усилить французское влияние в Шотландии, а не доводить дело до свержения монархии. «В таком случае, — заключил Босуэлл, — разговаривать больше не о чем». Затем пошутил, приведя пример несчастного посла, который тщетно пытался помирить Сципиона и Ганнибала перед битвой при Заме. Дю Крок ничего не смог добиться и ушел. Зато вскоре был вознагражден «величайшим зрелищем, которое ему когда-либо приходилось видеть».

Дю Крок вернулся к лордам и сообщил о желании Марии, чтобы они попросили прощения. Лорды пришли в ярость. Граф Гленкерн с возмущением воскликнул: «Мы пришли сюда не для того, чтобы просить прощения за нанесенные обиды, а чтобы простить тех, кто обидел нас». Его ответ свидетельствовал об абсолютной невозможности компромисса. Дю Крок вернулся в Эдинбург.

Армии продолжали стоять в бездействии. День был жарким, и это сыграло на руку лордам. Королевская армия на вершине холма была ограничена в маневрах, тогда как лорды могли менять позиции, перемещаясь в тень и следя за тем, чтобы солнце не светило им в глаза. У них имелись запасы напитков, вероятно «легкого эля» или слабого пива, кроме того, поблизости протекала река.

На вершине Карберри-Хилла становилось все жарче. Разведчиков Босуэлла, отправившихся за водой к ближайшему источнику, захватили в плен. Около полудня королевской армии доставили несколько бочонков вина из Сетона. Солдаты принялись жадно пить, но алкоголь лишь усиливал жажду. Многие не вернулись в строй и дезертировали. Настроение армии изменилось. По мере того как ее ряды таяли, боевой дух ослабевал. Оставшиеся начали жаловаться, что это личный конфликт. Если лорды хотят поединка с Босуэллом, нет никаких причин для него не соглашаться на это. Почему они должны без необходимости рисковать своими жизнями ради него?

Около двух часов дня на переговоры с Марией под белым флагом явился Киркалди. Босуэлл приказал солдату застрелить

его, но Мария закричала и потребовала, чтобы «он не навлекал на нее такой позор». Друг Нокса и Бьюкенена, Киркалди вовсе не был республиканцем и в глубине души хранил верность Марии. Он умолял ее расстаться с Босуэллом и заверял, что в этом случае лорды распустят армию. Они уважают свою королеву и будут служить ей, но сначала она должна порвать с человеком, который убил ее второго мужа.

Если предположить, что к этому времени Босуэлл изложил Марии свою версию событий в Кирк-о-Филд, что вполне вероятно, то она понимала, что речь идет лишь о его слове как «человека чести» против слова его бывших сообщников и что его слово ничего не стоит. Когда Босуэлл повторил свое предложение о поединке, Киркалди согласно кивнул. Именно это и предлагали лорды конфедерации. Киркалди отправился обратно за ответом лордов.

После краткого совещания лорды назначили своим представителем Киркалди, но Босуэлл отверг его кандидатуру. Он заявил, что простой лэрд недостаточно высокороден и «не может считаться ровней». Под этим же предлогом он отверг сэра Уильяма Мюррея, лэрда Туллибардина, бывшего гофмейстера двора Марии, брата которого подозревали в авторстве листовок, обвинявших Босуэлла в убийстве Дарнли. Босуэлл потребовал поединка с Мортоном, его сообщником в убийстве Дарнли и бывшим союзником. Он хотел убить Мортона и призвал его «выйти вперед и сразиться один на один на виду у двух армий».

Мортон, столкнувшись с перспективой смертельной схватки, дрогнул. Он был на пятнадцать лет старше Босуэлла и физически слабее. Уже двадцать лет он не держал в руках меч, тогда как Босуэлл был опытным воином и находился в расцвете сил. Заменить Мортона вызвался лорд Линдси, родственник Дарнли. Он был на несколько лет моложе Босуэлла и храбро сражался в битве при Корричи. Линдси вышел вперед и на виду у двух армий опустился на одно колено, обращаясь с мольбой к Богу, чтобы тот сохранил жизнь невинному и наказал жестокого и злого убийцу, пролившего кровь его родственника.

Мортон вручил Линдси свой двуручный меч, реликвию семьи, якобы выкованный их предком, великим графом Ангусом по прозвищу Арчибальд Отчаянный. Это был символический жест, поскольку предок клана Дугласов был лишен своих наследственных владений прадедом Босуэлла. Схватка действительно должна была стать смертельной.

Дрери утверждал, что Босуэлл отступил при появлении Линдси, показав, что он трус. Это бесстыдная ложь. Несмотря на все свои недостатки, Босуэлл был храбрым воином. Более того, он

считал, что это его единственный шанс освободиться от обвинений в соучастии в убийстве Дарнли, поскольку по законам «судебного поединка» победитель оправдывается «гласом» или судом Божьим.

Бойцы уже готовились к схватке, когда вмешалась Мария. Она сначала согласилась на поединок, но внезапно переменила решение и запретила Босуэллу драться с Линдси. Мария понимала, что при любом исходе все останутся недовольны. Если Босуэлл проиграет, она лишится защитника и станет пленницей лордов. Если он победит, она все равно останется в проигрыше, потому что Мортон — в этом можно было не сомневаться — никогда не согласится с таким результатом поединка. Мятежные лорды либо начнут наступление, либо будут назначать новых представителей для поединка, пока Босуэлл не упадет от усталости или не умрет от ран.

Цель Марии, остановившей поединок, не ясна. Существуют два противоречащих друг другу свидетельства. По словам сэра Джеймса Мелвилла, который ненавидел Босуэлла и желал ему смерти, она пригласила Киркалди и согласилась признать свое поражение. Она расстанется с Босуэллом и отдаст себя под защиту лордов, если они гарантируют ей безопасность. Но один из людей Босуэлла, капитан острова Инчкит, свидетельствовал о прямо противоположной реакции. Запретив Босуэллу сражаться, Мария крикнула, чтобы он приказал начать наступление. Она «больше всего желала, чтобы ее армия начала битву».

Мы не можем сказать, которая из этих версий соответствует действительности. Подтверждений нет ни у той ни у другой. Неизвестен также ответ Босуэлла на приказ Марии, запрещавший поединок. Но каковы бы ни были намерения Марии, ее армия не двинулась с места, и королева признала поражение. Ее войско рассеялось — осталось всего четыре сотни верных Босуэллу людей. Даже капитан острова Инчкит признался, что Мария и Босуэлл беспокойно оглядывались, высматривая Хантли и его вассалов, будто надеялись, что отряд появится в последнюю минуту и спасет их.

Воспользовавшись услугами Киркалди в качестве посредника, Мария заключила соглашение с лордами. Босуэллу позволят уйти. Отпущенный на все четыре стороны, он, опасаясь преследования, тут же обратился в бегство вместе с горсткой сторонников. Королева возвращалась в Эдинбург — в обмен на достойное обращение.

Марию раздирали противоречивые чувства. Теперь она ненавидела Босуэлла за предательство в деле убийства Дарнли. Она снова оказалась слишком доверчивой. Это был ее недостаток

еще с юного возраста. Выйдя замуж за Босуэлла, она не преодолела раскол среди знати, а только углубила его. Босуэлл оказался непорядочным, склонным к манипуляции человеком. Побуждаемый честолюбием и желанием взять верх над давними соперниками, он предал королеву, которой клялся в любви и верности. Мария также прикидывала свои шансы. Она знала, что если Босуэлл будет свободен, то он может продолжить борьбу. Он будет жить. Босуэлл, несмотря на все свои недостатки, оставался ее защитником. Она была рождена королевой и не собиралась отдавать трон без борьбы, особенно конгломерату ссорящихся между собой дворян.

Расставаясь с Босуэллом, Мария плакала. Она была беременна от него — после пребывания в Данбаре. Возможно, об этом факте было хорошо известно. О беременности королевы сообщили Сесилу в день битвы, так что в окружении Марии разговоры, вероятно, велись уже около недели. Возможно, ее нежелание позволить Босуэллу сражаться в поединке отчасти объяснялось тем, что он был отцом ее будущего ребенка.

Теперь пришла пора волноваться Босуэллу. Он колебался и протестовал, не зная, о чем Мария договорилась с лордами. Может быть, ему позволяют бежать только для того, чтобы поймать и убить, когда Мария этого не увидит? Он молил ее открыть ему правду. Гарантирована ли ему безопасность? Она ответила: «Да», — и протянула руку.

Босуэлл сжал ее руку, потом развернул лошадь и галопом помчался в Данбар; лорды пристально наблюдали за ним, но не пытались остановить. За Босуэллом последовали около десятка сторонников. Только когда они удалились почти на две мили и скрылись из виду, Мария повернулась к ждавшему ее Киркалди.

Рассказ о расставании Марии и Босуэлла принадлежит дю Кроку. Он составил отчет на следующий день, после разговора со свидетелями, и, вероятно, так, чтобы не противоречить заявлениям лордов, которые утверждали, что Мария страстно поцеловала Босуэлла на виду у двух армий, и они поклялись друг другу в верности. Затем Мария повернулась к Киркалди и сухо сказала: «Лэрд Гранжа, я вверяю себя Вам на условиях, которые Вы изложили мне от имени лордов». Он опустился на одно колено и поцеловал ее руку. Королева вскочила в седло и медленно спустилась с холма. В нескольких шагах позади за ней следовала верная Мария Сетон на своем пони.

Приблизившись к лордам, Мария гордо подняла голову. Дрери заказал цветной рисунок, иллюстрирующий эту сцену, и отправил его Сесилу. На нем Мария изображена в чужой одежде, полная решимости сохранить свое достоинство; солдаты по обе

стороны от нее застыли неподвижно и с благоговением смотрят на нее, вероятно, начиная осознавать, что об этом они будут рассказывать детям и внукам.

Сначала Марию встретили с почтением, но затем чары рассеялись, и люди графа Атолла и лэрда Туллибардина стали выкрикивать: «На костер шлюху! На костер убийцу!» Эти оскорбления потрясли Марию. Она растерянно повернулась к лордам, но они отвели взгляды.

Честь и репутация Марии были втоптаны в грязь. Она уже не могла притворяться. Она ненавидела лордов за все унижения, которые была вынуждена переносить, и решила сделать все возможное, чтобы их уничтожить. Вновь обретя уверенность, она всю дорогу до Эдинбурга «говорила только о том, что повесит и распнет их». Кипя от возмущенная, Мария приказала позвать Линдси, назначенного соперника Босуэлла. Когда он подошел, королева подала ему руку и злобно прошипела: «Та самая рука, которую вы теперь держите, отрубит вам голову, можете в этом не сомневаться».

Угрозы Марии дорого ей обошлись. Она поступила вопреки своим намерениям, когда сошлась с лордами конфедерации в смертельной схватке. До Эдинбурга Мария добралась в восемь или девять вечера. Лорды выслали вперед гонца, и улицы были заполнены зеваками. Это было совсем не похоже на ее триумфальный въезд в город шесть лет назад, когда ее радостно приветствовали чиновники и «мавры» в желтой тафте. Тогда ее окружал ореол величия. Теперь она была «обезображена пылью и слезами».

Пропаганда лордов развернулась в полную силу. Когда Мария проезжала по улицам, толпа выкрикивала оскорбления. Ей предстояло пережить еще одно унижение — ее привезли не в Холирудский дворец, а в дом лорда-провоста напротив Маркет-Кросс. «В эту ночь», сообщал сэр Джеймс Мелвилл, основываясь на информации, предоставленной лордами, она написала Босуэллу, «называя его дорогим ее сердцу и обещая, что никогда не забудет и не покинет его». Она заверяла Босуэлла, что рассталась с ним только ради его безопасности, утешала и призывала быть осторожным. Мария отдала письмо гонцу и заплатила, чтобы тот доставил послание в Данбар. Гонец взял деньги, но отдал письмо лордам. История в высшей степени неправдоподобная — даже Мелвилл сомневался в ней, отмечая на полях: «Некоторые подозревают, что письмо фальшивое». Дрери рассказали ту же историю. Затем ему сообщили: «Королева поклялась, что не будет есть мяса [*sic*], пока снова не увидит Босуэлла». Отчасти это могло соответствовать действительности.

Мария вполне могла отказаться от еды, узнав, что ее жестоко обманули. Лорды обещали уважительное отношение, но поместили ее под арест. Она скорее умерла бы, чем стерпела подобное оскорбление.

На следующий день, сообщал шпион Дрери, Мария подошла к окну и призвала на помощь народ. «Она подходила к означенному окну несколько раз в таком жалком состоянии, с распущенными волосами, с обнаженной и выставленной на обозрение грудью и всем телом выше пояса, так что ни один человек не мог смотреть на нее без жалости и сострадания». Увидев проходящего мимо Мейтланда, Мария заклинала его во имя любви к Богу прийти и поговорить с ней, однако он надвинул шляпу на глаза и сделал вид, что не слышит.

Мейтланд рассказал дю Кроку совсем другую историю. Мария высунулась из окна и потребовала объяснений, почему ее разлучили с Босуэллом, «с которым она надеялась жить и умереть вместе, с полного одобрения всего мира».

В процессе сложной интриги, длившейся три часа, Мейтланд пытался понять, как дю Крок отреагирует на помещение Марии в тюрьму или высылку за границу, чтобы затем лорды правили от имени принца Джеймса. Было заключено секретное соглашение. Дю Крок пообещал, что Франция останется в стороне, но только при условии неучастия Англии. Если Елизавета вмешается, то Карл IX будет вынужден открыто стать на сторону Марии.

Но дело в том, что, пока Мария оставалась королевой, ее поддерживало большинство подданных. Надежный хроникер, не нанятый лордами конфедерации, дает наиболее достоверное описание этого эпизода. Его версия гласит: когда Мария высунулась из окна и обратилась за помощью к народу, «горожане собрались в большом количестве и, увидев ее душевное состояние, прониклись к ней жалостью и состраданием. Увидев это, лорды пришли к ней с притворным сочувствием, почтительностью и прекрасными речами и сказали, что в их намерения никоим образом не входило держать ее взаперти». Это согласуется с другими независимыми источниками. Чтобы рассеять гигантскую толпу, лордам пришлось выступить с заявлением. Марии будет позволено вернуться в Холирудский дворец, где она сможет «делать все, что пожелает». Услышав это, Мария «успокоилась, и люди добровольно разошлись».

В тот же вечер Мортон и Атолл сопроводили Марию в Холируд; они ехали по обе стороны от нее, а впереди шел отряд аркебузиров со знаменем, на котором был изображен мертвый Дарнли. По условленному сигналу специально отобранная группа зевак кричала: «Сожгите ее, сожгите ее, она недостойна жить,

убейте ее, утопите ее!» Но все оказалось обманом. Мария пробыла в Холирудском дворце несколько часов, и лишь потому, что везти ее куда-то при свете дня было небезопасно. После наступления темноты ей приказали собираться. В плаще, накинутом прямо на ночную рубашку, испуганную королеву Шотландии перевезли на пароме через Ферт-оф-Форт в Файф, а оттуда в замок на острове посреди озера Лох-Ливен, недалеко от Кинросса. На рассвете во вторник 17 июня ее посадили в лодку и отвезли на остров. Замок, зловеще проступавший в утреннем тумане, был неприступен: квадратная башня в четыре этажа с круглыми выступающими башенками по углам высилась посреди озера, окружность которого в те времена составляла от 12 до 15 миль, а от острова до ближайшего берега было около полумили. У подножия лестницы, ведущей к подъемному мосту, Марию встретил сэр Уильям Дуглас, лэрд Лох-Ливена, который проводил ее в скудно обставленную комнату на первом этаже. Позже королеву перевели в более надежное помещение в круглой башенке в юго-восточном углу замка.

Хозяева замка вряд ли пришлись по душе Марии. Сэр Уильям Дуглас принадлежал к клану Мортона. Более того, его овдовевшая мать, которая тоже жила в замке, урожденная леди Маргарита Эрскин, была одной из любовниц Якова V и матерью Морея, единокровного брата Марии. Сам лэрд, тоже единокровный брат Морея и вассал Мортона, имел двух законных братьев и семерых сестер, одна из которых была замужем за Линдси, который вызвался сражаться с Босуэллом в поединке и которому Мария угрожала на обратном пути от Карберри-Хилла. Леди Маргарита не раз заявляла, что была официально — пусть тайно — обвенчана с Яковом V. Она говорила, что ее сын, Морей, не только законнорожденный, но и по праву должен быть королем Шотландии вместо Марии.

Дальнейшее развитие событий можно было легко предсказать. Морей собирался вернуться из добровольной ссылки во Францию и править страной в том или ином качестве. Лорды конфедерации оправдывали свой мятеж священной войной ради того, чтобы отомстить убийце Дарнли и освободить Марию из «плена» и «рабства» Босуэлла. Это был чистый обман. После того как королева сдалась им у Карберри-Хилла, они сами поместили ее под арест. Оправдывая свои действия, они пытались связать Марию с убийством Дарнли. Ставки взлетели до небес, когда в указе, санкционирующем ее арест, лорды заявили, что она «по-видимому, укрепляла и поддерживала» Босуэлла в его преступлениях. По их словам, она поддалась «неразумной страсти».

Это стало началом конца бурного правления Марии в Шотландии. Она была королевой всю жизнь, за исключением первых шести дней, а правящей королевой — шесть лет. Теперь она стала пленницей, которую день и ночь сторожили ее враги. Остаток жизни, за исключением нескольких кратких, но волнующих недель в следующем году, она проведет в неволе.

22
Версия Марии

Пока Мария томилась в замке Лох-Ливен, лорды сочиняли мрачную легенду. Против королевы было выдвинуто обвинение в «нарушении норм нравственности». Ее обвинили в супружеской измене и убийстве, заявив, что она недостойна править. Лорды конфедерации утверждали, что Мария с Босуэллом предавались страсти еще за несколько месяцев до убийства Дарнли. Королева и ее любовник якобы вместе планировали взрыв в Кирк-о-Филд, а когда Дарнли убили, Мария разыграла похищение и даже изнасилование, чтобы скрыть свои бесстыдные планы выйти замуж за Босуэлла.

Версия Марии была другой. История пишется победителями, и после ареста королева стала проигравшей стороной. Низость и коварство лордов проявились в их желании обвинить ее в преступлениях, которые совершили они сами, и переписать историю, чтобы сделать «официальной» свою версию и исключить остальные.

После того как лорды сочинили свою ложь, изобличающую Марию, ее версия была забыта. Но как это ни удивительно, эта версия — рассказанная самой Марией — может быть извлечена на свет этим исследованием. Королеве редко позволяли ее рассказывать. Большинство биографов удостаивали ее лишь краткого упоминания, а документы, в которых она излагалась, полностью не цитировались вплоть до 1845 г. — возможно, эта версия до такой степени отличалась от предположительно «официальной», что ее считали недостойной рассмотрения.

Вскоре после венчания с Босуэллом Мария выбрала двух послов, чтобы они представляли ее интересы в соседних королевствах. Она отправила Уильяма Чисхолма, епископа Данблейна, в Париж, а Роберта Мелвилла в Лондон, чтобы объяснить и оправдать свои недавние поступки. Она лично составляла для них инструкции — диктовала секретарям и вручила послам. Таков был обычай в дипломатии той эпохи, и в этих документах отражена точка зрения Марии. Она воспользовалась среднешотландским диалектом, как часто поступала в подобных случаях. В этих документах Мария излагает свою версию событий, а нервные, незаконченные фразы — это характерные признаки ее стиля в состоянии стресса. Несмотря на разнообразие затронутых тем, общая линия вполне последовательна.

В инструкциях Мелвиллу Мария подчеркивала политические преимущества своего брака. Она указывала на фракционные распри и заговоры, которые разрушали ее попытки управлять страной, утверждая, что только коренной шотландец способен успешно призвать к порядку лордов. Мария оправдывалась перед Елизаветой за необычную поспешность своего брака:

> После того как Вы передадите самые сердечные благодарности нашей дражайшей сестре, Вы должны подробно изложить ей истинные причины, которые побудили нас взять герцога Оркнейского[41] в мужья, а также наше объяснение, почему мы так внезапно вступили в супружеские отношения, не предупредив нашу дражайшую сестру и не спросив ее мнения и совета.

Поначалу аргументы Марии звучат убедительно. Ее описание фракционной борьбы шотландских лордов ни в коем случае нельзя назвать преувеличением:

> Первым делом Вы должны остановиться на положении нас самих и нашего государства, показав, что в отсутствие у нас супруга наше королевство не смогло избавиться от раздоров и заговоров, которые продолжаются уже давно. Это происходит так часто, что мы уже утомились и расстроились от нашей неспособности долго выдерживать боль и страдания, вызванные необходимостью подавлять дерзость и подстрекательство наших бунтующих подданных. Как известно, они враждуют между собой, и так же враждебны правителю, как и любое государство Европы. Для их удовлетворения, не имея больше намерений оставаться в положении вдовы, мы посчитали необходимым, тронутые их мольбами и просьбами[42], согласиться на тот или иной брак.

Далее Мария начинает обманывать себя, утверждая, что лорды поддержали ее брак с Босуэллом и просили выйти за него как можно скорее, не рассматривая других кандидатур:

> Не видя пользы в дальнейшем промедлении, они пришли к общему согласию и настоятельно убеждали нас, чтобы мы не откладывали наш брак, хотя, с другой стороны, мы понимали, что они не желали, чтобы мы выбрали мужа из числа иностранцев, а хотели, чтобы мы

проявили смирение и согласились на кандидатуру нашего подданного, уроженца этой страны, знакомого с традициями, законами и обычаями нашего королевства. И поскольку у нас имелись доказательства и опыт их мятежей, как в случае нашего брака с иностранцем[43], они полагали, что будут подвергнуты жестокому обращению со стороны иностранцев.

Вероятно, Мария была права в том, что лорды отвергли бы идею брака с иностранцем, однако она преувеличивала значение «договора таверны Эйнсли», когда утверждала, что ей всегда советовали выйти за Босуэлла. Не признавая, что она выбрала его сама, Мария изображала себя политической пешкой в руках фракций лордов. Она также приукрашивала характер Босуэлла:

> Когда же по этой причине один из наших подданных в глазах и мнении нашего народа был сочтен подходящим для нас, вся наша знать, собравшаяся на заседание парламента, согласилась, что герцог Оркнейский, в то время граф Босуэлл, должен занять это место, если на то будет наше желание. В результате они собственноручно подписали письмо[44], прежде чем мы согласились взять его в мужья, или он открыл нам свои намерения на этот счет, вследствие чего мы остановили свой выбор на нем, как на человеке, чья мудрость, отвага и другие добродетели не уступают, а скорее и превосходят таковые любого другого дворянина нашего королевства, а его род является древним и уважаемым. Не последним мотивом нашего согласия с этим выбором была его верная и честная служба с юного возраста и по сей день нам и нашему делу, ради укрепления нашей власти против тех, кто противился ей. Никто — или очень немногие — из знатных людей могут в этом отношении сравниться с ним, поскольку большинство из них в тот или иной момент покидали нас, и лишь он один являл собой исключение.

Мария слишком много оправдывается. Она делает вид, что понятия не имеет о враждебном отношении Елизаветы к Босуэллу. Мария словно даже не помнит о словесной дуэли со своей «сестрой королевой» двумя годами раньше, когда она выбрала Дарнли себе в мужья:

> Что касается всех этих дел, Вы должны от всего сердца молить ее о прощении, поскольку мы никогда не

> имели намерения вступать в брак с тем, кого она не одобряет, так что и в этот раз мы убеждены, что она не только не откажется от давнего расположения и взаимной приязни между нами, но также, из уважения к нам, распространит свою дружбу на нашего супруга, с которым мы навечно соединены, и проявит к нему и к нам не меньшую благосклонность, чем если бы все происходило с ведома и одобрения нашей дражайшей сестры, которую Вы должны заверить, что он готов почитать ее и служить ей так, как она того потребует.

Затем Мария вступала на зыбкую почву. Ей требовалось упомянуть о том, что Елизавета написала ей сразу же после гибели Дарнли, призывая без промедления наказать его убийц, не щадя никого, даже того, «кто ближе всех к Вам», то есть Босуэлла, «если он в этом замешан»:

> В том случае, если королева, наша добрая сестра, неодобрительно отнесется к нашему браку с герцогом Оркнейским по причине того, что его подозревали и обвиняли в гнусном насилии в отношении короля, нашего покойного мужа, о чем она уже писала нам, то мы получили ее письмо и отправили ответ, копия которого прикладывается. Там содержится достаточно, чтобы Вы знали, что отвечать на это возражение, если Вас спросят.

Мария хотела, чтобы Мелвилл полностью развеял эти подозрения. Для этого она попросила его ссылаться на письмо, которое она запоздало направила Елизавете и которое касалось именно этого вопроса. К инструкции прикладывалась копия письма, и Мария привлекала внимание дипломата к фрагменту, в котором заключен основной смысл[45]:

> Я оплакиваю трагедию смерти моего мужа гораздо сильнее, чем любой из моих подданных; и если бы они позволили, если бы мне было разрешено использовать мою власть без помех со стороны моих подданных, я наказала бы преступников… Я ничего не знала и не была замешана в этом, и ни один из моих подданных не сообщил мне, что те, кого теперь считают виновными в совершении преступления, были главными зачинщиками и исполнителями: если бы мне сообщили, я бы, конечно, действовала иначе. Полагаю, в этом деле я не делала ничего, что противоречило бы советам знатных людей

королевства.

Если они полагают, что мой брак с графом Босуэллом является основанием для обвинений против меня, то я согласилась выйти за него только после того, как большинство знатных людей очистили[46] его судебным решением, которое утвердил парламент, и после того, как они дали согласие на брак с ним, о чем просили и убеждали меня, что подтверждается документом с их собственноручными подписями[47], который мне показали.

Мария была загнана в угол. Утверждение, что ей никогда не говорили, что Босуэлл был в числе тех, кого обвиняли в убийстве Дарнли, — это явная неправда. Леннокс в своем письме к Марии называл Босуэлла главным подозреваемым, а листовки, прикрепленные к стенам и дверям Толбота, также обвиняли его. Суть ее аргументации заключалась в словах «главные зачинщики и исполнители». Она хотела сказать, что Босуэлл вполне мог быть пособником убийц, но ей не сообщили, что он был главным союзником Мортона в планировании заговора. Мы уже говорили о том, что главным заговорщиком она считала Морея, что якобы подтверждалось его решением добровольно удалиться в изгнание за границу.

И наконец, Мария попыталась объяснить тот неприятный факт, что Босуэлл был женат, когда она согласилась выйти за него:

Возможно, наша добрая сестра сочтет наш нынешний брак незаконным на том основании, что герцог, мой супруг, уже был женат, и его супруга жива. Вы должны ответить, что по законам, принятым в нашем королевстве и, как известно, применявшимся неоднократно, его прежний брак был аннулирован, и процесс развода должным образом привел к разрешению вопросов кровного родства и прочих еще до заключения нашего брака. Поэтому мы могли законным образом заключить брак, что не является новым ни в Шотландии, ни в Англии.

Инструкции для епископа Данблейна были составлены иначе, предлагая аргументы, которые с большей вероятностью могли быть приняты французами. Мария точно так же оправдывала свой брак политическими мотивами, но главное внимание уделяла характеру Босуэлла и его роли как защитника королевы:

> Во-первых, Вы должны извиниться перед королем, королевой-матерью, нашим дядей и другими нашими друзьями за то, что о заключении нашего брака они узнали от других, а не получили от нас извещение о нашем намерении; извинение должно опираться главным образом на правдивую историю и рассказ о герцоге Оркнейском, о его поведении и действиях в отношении нас до того, как мы согласились взять его в мужья…

Мария начала издалека. Она обратилась к началу карьеры Босуэлла и его роли как защитника ее матери:

> Начиная с юности, когда он наследовал титул сразу же после смерти отца, который был одним из первых лордов королевства и обладал превосходной репутацией по причине знатности и древности своего рода и высоких должностей, которые он занимал по праву наследства, когда королева, наша мать[48], была регентом нашего государства, он честно служил на благо нам с такой верностью и искренностью, что когда вскоре большинство дворян, почти все города, и следовательно, в некотором смысле все королевство подняло мятеж против ее власти под знаменем веры, он не колебался в своей верности нам.

Мария с ненужными подробностями описывает, как Босуэлл украл первую партию денег, отправленную Сесилом для помощи мятежным лордам конгрегации. Затем она переходит к его службе после ее возвращения в Шотландию шесть лет назад, умолчав о многочисленных проступках и ссорах с Мореем и Арраном, но подчеркнув его верность и изобретательность:

> После нашего возвращения в Шотландию он отдавал все свои силы укреплению нашей власти и подавлению дерзости мятежных подданных, населяющих графства к востоку от границы с Англией, и за короткое время добился их успокоения…
>
> Но поскольку добродетель всегда вызывает зависть, а эта страна особенно склонна к раздорам, другим[49] не нравились его деяния. Они зашли так далеко в своих нелестных отзывах о нем и ложном истолковании его поступков, чтобы лишить его нашей благосклонности, что в конце концов — под предлогом, придуманным его недоброжелателями, для удовлетворения тех, кто не

желал его возвышения, и дабы предотвратить продолжение противостояния, что могло бы навлечь беды на все королевство, — мы были вынуждены заключить его в тюрьму.

После побега… он направился во Францию и оставался там до тех пор, пока два года назад те самые люди, которые были источниками его несчастий, не забыли своего долга по отношению к нам, взявшись за оружие[50] и открыто выступив против нас.

Затем Мария обращается к действиям Босуэлла во время «загонного рейда»:

В каковое время по нашему распоряжению он был призван домой и немедленно восстановлен в своей должности лейтенант-генерала. В его руках наша власть настолько укрепилась, что внезапно все бунтовщики были вынуждены бежать из королевства и оставаться в Англии, пока часть из них[51], проявив покорность и смирение, не примирилась с нами.

Шаг за шагом Мария подбиралась к недавним событиям. Она отметила, что пропустит заговор с целью убийства Риччио, поскольку ее дядя, кардинал Лотарингский, уже полностью информирован о тех событиях. Однако она не может не упомянуть о роли Босуэлла в ее дерзком ночном побеге из Холирудского дворца:

Тем не менее достойно упоминания, с какой ловкостью он [Босуэлл] ускользнул из рук тех, кто тогда держал нас в плену, и как внезапно благодаря его предусмотрительности не только мы были избавлены от тюрьмы[52], но также рассеяна вся банда заговорщиков, и мы восстановили свою власть. Да, мы должны признаться, что услуга, оказанная в то время, настолько ценна для нас, что мы ее никогда не забудем. С тех пор он действовал с таким старанием во всем, что касается нас, что мы не могли желать большей верности и подобающего поведения, чем всегда находили в нем.

Затем Мария попыталась объяснить свое поведение после убийства Дарнли. Становится совершенно очевидно, что она вышла замуж за Босуэлла в спешке, а его поведение было недостойным. Ни отвага и храбрость, ни непоколебимая верность не оправдывали сомнительные методы ухаживания.

> В последнее время, после смерти короля, нашего супруга, когда его честолюбие стало расти, мы нашли его действия несколько странными. Вследствие того, что наши отношения зашли так далеко, что мы должны истолковывать все в его пользу, тем не менее мы были в высшей степени оскорблены. Во-первых, его предположением, что мы не можем в должной мере вознаградить его за службу, если не отдадим себя ему [посредством брака]. Во-вторых, его махинациями и тайными интригами, а в конечном счете прямыми попытками силой подчинить нас своей власти, из страха, что он не добьется своей цели.

Теперь, оглядываясь назад, Мария честно описывает характер Босуэлла:

> Его поведение в этом деле может служит примером, как искусно люди, поставив перед собой великую цель, умеют скрывать свои планы, пока не осуществят задуманного. Мы полагали, что его верность нам и готовность выполнить все наши распоряжения происходят лишь из признания долга как нашего подданного по рождению, без всякого тайного умысла. Это подвигло нас думать о нем лучше, считая, что таково должно быть наше отношение к дворянину, пожелавшему служить нам, и не предполагая, что это поощрит его или придаст смелости искать исключительных милостей из наших рук.

Мария настаивала, что ничего не знала о «договоре таверны Эйнсли», пока Босуэлл втайне не заключил его. Она утверждала, что он получил подписи лордов обманом, сделав вид, что она уже одобрила договор и таким образом согласилась выйти за него:

> Тем временем он продолжал тайно общаться с лордами, чтобы сделать их своими друзьями и добиться их согласия на осуществление его намерений. И он своими методами добился того, что, прежде чем мы узнали об этом и прежде чем все наши сословия собрались в парламенте, он получил их собственноручные подписи под документом, в котором они не только выражали согласие на наш брак с ним, но также обязались поддерживать его всеми средствами и быть врагами всякого, кто попытается воспрепятствовать ему. Этот бонд он заключил, дав им понять, что

заручился нашим согласием.

Получив в свое распоряжение «договор таверны Эйнсли», Босуэлл стал намекать на возможный брак с Марией, однако она отвергла его предложение:

> Получив означенный договор, он начал постепенно раскрывать свои намерения в отношении нас и проверять, можно ли смиренным прошением добиться нашего расположения. Но обнаружив, что наш ответ не соответствует его желанию и рассмотрев все резоны, которые обычно используют люди, чтобы принять решение в подобных делах… он решил не упускать счастливого случая.

Мария отрицала, что ее похищение на мосту через Алмонд было тайным сговором. Она ничего не знала, пока ее не захватили:

> Он не бездействовал, а через четыре дня воспользовался возможностью, выпавшей по причине того, что мы тайно направлялись в Стирлинг, чтобы увидеться с принцем, нашим дражайшим сыном, и на обратном пути поджидал нас вместе с большим отрядом и со всем почтением препроводил в Данбар.
>
> Легко представить, как мы восприняли подобное поведение, и особенно с его стороны, поскольку из всех наших подданных мы меньше всего сомневались в нем.

Мария утверждала, что была удивлена и шокирована похищением. По прибытии в Данбар она отчитала Босуэлла за недостойное поведение, однако он начал ухаживать за ней и добился своего:

> Там мы укоряли его за неблагодарность, указав, какую честь мы ему оказывали, всегда уважая его, какое расположение всегда проявляли, а также всеми прочими способами увещевали его отпустить нас.
>
> Несмотря на то что мы считали его поступок грубым, его ответ и его слова были кроткими: он будет уважать нас, служить нам и ни в коем случае не хотел нас обидеть. Он попросил прощения за свою дерзость… а затем рассказал нам о своей жизни, сетуя на то, что его врагами стали люди, которых он ничем не обидел, о том, как их злоба всегда преследует его, хотя это

несправедливо, о том, какие бедствия они навлекли на него, в том числе в связи с гнусным насилием, совершенным в отношении короля, нашего покойного мужа.

Затем Босуэлл предъявил свой козырь — «договор таверны Эйнсли»:

> А когда он увидел, что мы намерены отвергнуть все его просьбы и предложения, то показал нам, чего он добился от всей знати и что они обещали ему, собственноручно подписав договор…
>
> В конечном счете, когда мы увидели, что нет никакой надежды избавиться от него, и что ни один человек в Шотландии не предпринимает усилий для нашего освобождения, и что, судя по их подписям и молчанию, он победил всех, мы были вынуждены умерить свое недовольство и задуматься над его предложениями. А затем [мы] согласились рассмотреть услуги, которые он оказывал нам в прошлом, его предложение быть нам верным и впредь, а также нежелание нашего народа получить иностранца, не знакомого с их законами и обычаями, и то обстоятельство, что нам не позволят долго оставаться незамужней…

Рассказ Марии о двенадцатидневном пребывании в Данбаре глубоко неискренен. Она понимала, что поступает дурно, вступая в любовную связь с женатым человеком, а ее оправдание, что никто не попытался ее вызволить, опровергается тем, что сама Мария не делала попыток сбежать, даже когда Босуэлл направился в Эдинбург, чтобы уговорить свою жену, леди Джин Гордон, подать заявление о разводе.

При этом ее утверждение, что она вышла за Босуэлла, чтобы узаконить его роль как защитника королевы, звучит убедительно. Она могла бы привести веский довод в пользу использования его в качестве средства борьбы с фракциями лордов, даже если его отношение к ней как к женщине оскорбляло ее честь и достоинство. Суть объяснения Марии: она считала, что у нее нет другого выхода, поскольку она устала и уже не могла противостоять беспрерывным распрям лордов и угрозе кровопролития:

> [В конце концов мы осознали,] что в нашем королевстве, раздираемом междоусобицами, невозможно

> сохранять порядок, если наша власть не будет поддержана и укреплена человеком, который возьмет на себя труд установления справедливости и противодействия дерзким мятежникам, ту тяжелую работу, с которой мы уже не в силах справляться, будучи уже утомленными и почти сломленными частыми беспорядками и бунтами, которые были направлены против нас после нашего возвращения в Шотландию…
>
> После того как этими и многими другими средствами он познакомил нас со своим намерением, он отчасти вырвал, отчасти получил наше обещание взять его в мужья. Не успокоенный этим и опасаясь неких перемен, он не удовлетворился всеми аргументами, которые мы могли выдвинуть, чтобы отсрочить брак, что было бы наиболее разумно…
>
> Но поскольку своей дерзостью он в самом начале добился успеха, то потом не оставлял своих усилий, пока убеждениями и настойчивыми предложениями насильно не подвел нас к окончанию того дела, которое он начал в то время и в такой форме, которую считал для себя наиболее подходящей. Мы не можем отрицать, что он обращался с нами не так, как мы того желали или как того заслуживали…

Мария всегда отказывалась признавать удовольствие, с которым она поспешила навстречу своему третьему браку. Когда их отношения испортились, а это случилось быстро, она признала, что Босуэлл грубо обращался с ней. Тем не менее она сделала свой выбор и не отступала от него. Даже перечисляя недостатки Босуэлла, она выдавала желаемое за действительное:

> Теперь, когда все закончилось и прошлого не вернешь, мы извлечем из этого пользу, и будем считать — что соответствует действительности — его нашим мужем, которого мы будем любить и уважать, и поэтому все, кто объявляют себя нашими друзьями, должны проявлять такую же дружбу в отношении того, с которым мы навечно соединены. И несмотря на то что в некоторых моментах или церемониях он вел себя неподобающим образом, мы склонны приписывать это его любви к нам.

Одно предложение в инструкциях епископу отражает понимание Марии своего положения: «Мы не можем отрицать, что он обращался с нами не так, как мы того желали или как того

заслуживали». Осознание этого, при более глубоких размышлениях, должно было мучить ее во время заточения в Лох-Ливене, где приблизительно через месяц у нее случился выкидыш — она потеряла близнецов, зачатых от Босуэлла.

Дипломатические усилия Марии были обречены на неудачу. Когда епископ добрался до Парижа, там его ждал холодный прием. То же самое произошло с миссией Мелвилла в Лондоне: собственно, когда посол предстал перед Елизаветой, Босуэлл уже бежал с Карберри-Хилла, что сделало визит ненужным.

Версия Марии была предана забвению, однако Елизавету глубоко возмущал тот факт, что правительницу соседнего государства мятежные лорды держат в тюрьме, в крепости на острове. Она не могла заставить себя написать Марии, однако продиктовала письмо к ней, в котором своим авторитетом поддержала монарха, кузину и близкую родственницу. В тот же день Елизавета отправила еще одно письмо, на этот раз лордам, выразив сожаление и негодование по поводу их действий.

Разница во взглядах Елизаветы и ее первого министра на отношения с Марией никогда еще не была такой разительной. Для разрешения кризиса Елизавета отправила в Шотландию сэра Николаса Трокмортона. Он, подобно своему бывшему протеже, Лестеру, и в отличие от Сесила, был одним из доброжелателей Марии. Он даже поддерживал ее право на наследование английского престола при определенных условиях и после болезни Марии в Джедборо соглашался с предложением Елизаветы добиться нового «договора о вечной дружбе», в котором не будет унизительных статей Эдинбургского договора.

Трокмортона не ждали в Шотландии. С точки зрения мятежных лордов, его следовало нейтрализовать. Для этого они обратились к Сесилу, и тот написал инструкции для Трокмортона, которые в значительной степени расширяли инструкции Елизаветы и серьезно противоречили им. Если Елизавета хотела возвращения Марии на трон, то Сесил лишь изложил условия ее освобождения. Она должна быть лишена власти, которую передадут совету, состоящему из лордов. Мария может остаться королевой, но только номинально. Во всех остальных отношениях Сесил планировал восстановить квазиреспубликанские «штаты Шотландии», которые образовались после смещения матери королевы Марии в результате первого мятежа лордов.

В конце записки Сесил написал следующее: «*Athalia interempta per Joas[h] regem*» — «Аталия[53] была убита, чтобы Иоаш смог стать царем». Это один из самых откровенных комментариев, которые он когда-либо давал. Отсылка к Ветхому Завету, Второй

книге Паралипоменон — тому самому тексту, который использовал Нокс для оправдания вооруженного сопротивления «идолопоклоннническим» женщинам-правителям. Аталия стала самым подходящим примером. Она (как и Мария) была королевой Израиля в течение шести лет, но ее нравственное падение стало причиной того, что первосвященник и знать объединились, свергли ее и убили вместе с другими идолопоклонниками. Знать заключила завет с Богом и возвела на трон царского сына Иоаша, которому было всего шесть лет (намек на сына Марии, принца Джеймса, которому исполнился год). Аталию убили, а знать правила от имени царя Иоаша до достижения им совершеннолетия — точно так же, как череда регентов и их союзников пытались править в Шотландии.

Когда Сесил писал свою записку, он видел в происходящем руку Господа. Он воспринимал библейский текст (вслед за Ноксом) как пророчество, применимое к Марии. Этот документ свидетельствует, что он не исключал цареубийства. Для Сесила — паука, плетущего свою сеть из Лондона, это был самый короткий путь от круглой башни Лох-Ливена к обитому черной тканью эшафоту в замке Фотерингей. Его мантрой всегда была «безопасность» Елизаветы, и он считал Марию инициатором и вероятным выгодоприобретателем международного католического заговора с тех пор, как ее герольды кричали: «Дорогу королеве Англии!» — когда она шла в часовню вместе с дофином.

Трокмортон оказался меж двух огней — противоречащими друг другу политическими курсами Елизаветы и Сесила. Он признавался графу Бедфорду: «Ни разу в жизни мне еще не поручали такую хлопотную и опасную миссию». Лорды беспрерывно повторяли ему, что Мария «не поддается никаким уговорам расстаться с лордом Босуэллом, своим мужем, а клянется жить и умереть с ним». Но ему никогда не позволят увидеться с ней и услышать эти слова самому, как и ей не позволят увидеться с ним. Лорды говорили Трокмортону то, что они (и Сесил) хотели донести до Елизаветы. Они несколько раз обещали, что если Мария разведется с Босуэллом, то сможет вернуться на трон. Но это было не серьезное предложение, а скорее тактика затягивания, чтобы успокоить Елизавету, которая все больше раздражалась и угрожала начать войну, чтобы освободить Марию из заточения. Все это время Мортон и его ближайший союзник, лорд Линдси, строили планы сместить Марию или заставить ее отречься.

24 июля 1567 г., ровно через три месяца после похищения Босуэллом, Мария лежала в постели, слабая и отчаявшаяся после

выкидыша, когда на лестнице, ведущей в ее башню, послышался звук шагов. Вошел Линдси в сопровождении делегации лордов. Перед Марией выложили три документа. Первый гласил, что истощение физических и душевных сил больше не позволяет ей выполнять обязанности правителя, и она отрекается в пользу своего сына и санкционирует ее коронацию. Во втором Морей, который поспешно возвращался из Франции, назначался регентом принца Джеймса вплоть до совершеннолетия мальчика. Третьим был указ о назначении Мортона и других лордов временными регентами, пока Морей не возьмет бразды правления в свои руки.

Сначала Мария отказалась что-либо подписывать. Увидев ее колебания, Линдси приказал ей вставать и собираться, поклявшись, что ее высадят на пустынный остров посреди моря или бросят в озеро. Затем он пригрозил перерезать ей горло.

У Марии не было выбора; она не могла знать об угрозе Елизаветы начать войну, чтобы ее защитить. Она расплакалась, потом поставила подпись под каждым документом, но нашла в себе силы воскликнуть: «Когда Господь снова освободит меня, я не признаю этого, потому что это сделано против моей воли».

Пять дней спустя лорды короновали принца Джеймса в приходской церкви в Стирлинге. Это была самая немноголюдная коронация в истории Шотландии. Мортон произнес клятву вместо годовалого младенца, а Нокс прочел проповедь. Затем лорды устроили спектакль. Они приказали зажечь больше тысячи костров в городах и деревнях страны, а пушки Эдинбургского замка дали залп. Но настроение оставалось мрачным. «Похоже, — сухо отмечал Трокмортон, — народ меньше радуется коронации нового правителя, чем печалился из-за отречения королевы». Несмотря на сдержанную реакцию людей, было совершенно ясно, что все просто хотят стабильности, а за пределами Эдинбурга поддержка новому режиму практически отсутствовала.

Узнав о вынужденном отречении Марии, Елизавета тут же вызвала к себе Сесила. Он получил записку в пять часов пополудни, а когда предстал перед королевой, то на него обрушилась (как он сообщал Трокмортону) «великая обвинительная речь», на том основании, что он не смог помочь Марии. Елизавета редко так сердилась. Она буквально лишилась дара речи от ярости. Сесил, по его словам, отвечал «осторожно, как только мог», но все было тщетно. Елизавета так разозлилась, что снова угрожала войной. Это был уже привычный для них спор относительно природы монархии и власти. Мария была помазанной королевой и отвечала только перед Богом. Елизавета хотела наглядно продемонстрировать, что не потерпит подобного. Она явно имела в виду своих английских подданных. Теперь уже

Елизавета, а не Мария, опасалась возможного «эффекта домино». Сесил искусно парировал, что объявление войны может спровоцировать то, чего больше всего боялась Елизавета, — Марию просто убьют под покровом ночи. Он сознательно напускал туману, чтобы помочь своим шотландским союзникам, поскольку прекрасно понимал, что со временем гнев Елизаветы утихнет. Впоследствии он позволил себе пошутить, что этот процесс обычно занимает от трех до шести недель.

После отречения Марию содержали в еще более суровых условиях. Морей вернулся в Эдинбург 11 августа, а когда через несколько дней приехал к сестре, она, горько плача, пожаловалась ему на неприемлемое обращение. Морей, как всегда холодный и расчетливый, не выказал сочувствия и симпатии, а отругал Марию и прочел лекцию о том, каким должен быть правитель. Они проговорили до часу ночи, пока у нее не закончились силы.

На следующий день они начали с того, на чем прервались. Морей вел себя мягче, но им руководила хитрость, а не доброта. Его цель была очевидна. Он хотел, чтобы сестра пообещала не предпринимать попыток побега и не искать помощи у Англии или Франции. Он использовал все известные ему методы психологического давления, чтобы вызвать у нее чувство благодарности, то угрожая ей, то успокаивая, обещал воспрепятствовать жестоким планам Линдси и его друзей, если она будет сотрудничать — хотя на самом деле они исполняли его поручения.

Морей добился того, чего хотел. Мария «обняла его и поцеловала, выказала свое удовольствие и потребовала ни в коем случае не отказываться от регентства, а принять его, поскольку таково ее желание». Так Морей окольными путями добился ее согласия на то, что раньше она приняла бы только под давлением. 22 августа его объявили регентом. Он стоял во главе лордов, которые восемь лет назад сместили мать королевы Марии, а теперь то же самое проделал и с ней самой. Но борьба была еще далека от завершения.

Когда Мария оправилась от душевной травмы, вызванной выкидышем и отречением, и начала подводить итоги, она поняла, что ее обманули. И твердо решила вернуть себе и честь, и трон. Она не торопилась — отдыхала и старалась хорошо питаться. Дни были заполнены ее любимыми занятиями, шитьем и вышиванием. Она играла в карты и даже танцевала под музыку скрипок и волынок. Марии удалось добиться разрешения держать обслуживающий персонал: пять или шесть дам, четыре или пять камеристок, врача, кухарку и двух горничных, одна из которых

была француженкой. Мария Сетон, самая верная из четырех Марий, все время находилась рядом с ней.

Из-за неподвижного образа жизни Мария располнела, но ум у нее, как всегда, был остер. Она принялась обдумывать план побега. Она отослала кольцо Марии Флеминг, жене Мейтланда, который теперь сам сомневался, стоит ли поддерживать лордов. Она также связалась с Марией Ливингстон, еще одной из четырех Марий, которая вышла замуж за католика Джона Семпилла, младшего сына лорда Семпилла. Морей переманил лорда Семпилла на свою сторону с помощью подкупа, но его сын остался верен Марии и был центральной фигурой неудачного плана ее освобождения, предполагавшего ночное нападение на замок.

Затем Мария обратилась к Джорджу Дугласу по прозвищу «Красавчик Джорди», удалому и красивому младшему брату лэрда Лох-Ливена. Он был на девять лет младше Марии, но влюбился в нее и поклялся служить ей. Юноша стал свидетелем вынужденного отречения и решил помочь, передавая тайные сообщения через камеристок, за что был изгнан из замка Мореем и лэрдом с запретом возвращаться.

Но верность Джорджа, а также мужество и изобретательность Марии преодолели и эти препятствия. 25 марта 1568 г., через девять месяцев после того, как ее привезли на остров Лох-Ливен, она предприняла первую серьезную попытку побега, переодевшись в прачку, но лодочник, перевозивший ее через озеро, на полпути узнал ее. Он попытался сорвать с нее шарф, чтобы увидеть лицо, а когда Мария вскинула руки, защищаясь, он заметил, что они «очень тонкие и белые» — руки королевы, а не прачки. Лодочник развернулся и поплыл назад, к замку, но пообещал Марии, что не расскажет лэрду о ее безрассудной попытке.

Затем появился новый план, согласно которому юный Уилли Дуглас, один из пажей в замке, которого назвали «Малыш Уилли» или «сиротка Уилли» — возможно, он был незаконнорожденным сыном сэра Уильяма Дугласа, лэрда Лох-Ливена, — должен был перевезти Марию через озеро на весельной лодке. Уилли едва исполнилось шестнадцать, но он всей душой желал спасти очаровательную королеву. К нему присоединился Джордж Дуглас, который терпеливо ждал в Кинроссе на берегу озера вместе с лордом Сетоном и небольшим отрядом.

В полдень воскресенья, 2 мая, когда солнце было в зените, а семья Дуглас отдыхала, Уилли Дуглас повредил все лодки, стоявшие на якоре у пристани замка, — за исключением одной. Затем, в начале восьмого вечера, пока лэрд и его домашние

ужинали, он незаметно удалился, прихватив ключ от главных ворот замка, который лэрд оставил на столе. Уилли подал условленный сигнал, и Мария спустилась из башни во двор. Она обменялась одеждой с Марией Сетон, которая оставалась в замке, чтобы играть роль своей госпожи, если поднимется тревога.

Когда они вышли из замка, Уилли закрыл за собой ворота и бросил ключ в дуло ближайшей пушки. Он помог Марии забраться в лодку и перевез с острова на берег. Там их встретил Джордж Дуглас, который увел лучших лошадей лэрда Лох-Ливена из конюшни на берегу. Мария галопом поскакала через графство Файф к Норт-Куинсферри, где переправилась через Ферт-оф-Форт. Когда она высадилась на южном берегу, ее сопроводили в Ниддри, одну из крепостей лорда Сетона, расположенную между Эдинбургом и Линлитгоу; там она провела ночь.

После без малого одиннадцати месяцев плена Мария снова была свободна. Она ликовала, наслаждалась теплым весенним вечером и каждой секундой верховой езды. В Ниддри она спешно написала несколько писем друзьям, а также послала гонца в Данбар с указанием от ее имени укрепить замок.

Рано утром следующего дня Мария направилась на запад, в Гамильтон, где собрались ее сторонники, и основала временный двор. Весть о ее побеге застала Морея в Глазго. Лорды поначалу не поверили, но затем, осознав опасность, приказали своим отрядам двигаться к Глазго.

Мария не хотела сражения. Память о Карберри-Хилле была еще свежа. Но королева не утратила своей популярности. Пропаганда лордов была эффективной, пока Мария оставалась у них в руках. Через неделю к ней присоединились шесть тысяч человек. Ее поддерживали Хантли, Сетон и Гамильтоны, родственники Шательро. Они убеждали ее дать противнику бой, и она согласилась. «Мы решим это битвой», — объявила она. Несколько лордов уже покинули Морея и перешли на ее сторону. Среди них был Аргайл; его шокировало свержение королевы, но он не решался противостоять этому в одиночку.

Мария во главе войска двинулась к Дамбартону, и ее армия была на треть больше армии противника. Когда утром в четверг, 13 мая, две армии сошлись у Лангсайда в окрестностях Глазго, казалось, исход столкновения предрешен. Но нет. Морей бросил в наступление все имевшиеся у него силы. Он понимал, что все решится в этот день. Теперь Мария ненавидела брата даже больше, чем Мортона, — за ту роль, которую он сыграл в ее падении. И была полна решимости отомстить. Она никогда не простит его за то, как он сыграл на ее чувствах в Лох-Ливене. Мария постоянно возвращалась мыслями к этому притворному

отречению в плену. Она прекрасно понимала, что Морей нацелился на ее трон. Его следует судить за измену.

Битва обернулась для Марии сокрушительным поражением. Все пошло не так с самого начала. Аргайл страдал от хронического заболевания, которое называли «каменной болезнью» — в XVI в. этим общим термином обозначали разные внутренние болезни. Накануне сражения его уложил в постель внезапный приступ, что полностью расстроило управление армией. У Морея все складывалось удачно: Киркалди устроил блестящую засаду для королевского авангарда, когда тот двигался по узкой дороге. Сражение длилось всего три четверти часа. Мария, наблюдавшая за разгромом ее армии с вершины близлежащего холма, бежала в Дамфрис, проскакав без остановки 60 миль. После этого она весь день пряталась и появлялась на людях лишь ночью — настолько силен был ее страх снова попасть в руки брата.

Последние тридцать миль до Дандреннана в Галлоуэе Мария преодолела ночью. Она остановилась в аббатстве, где написала письмо Елизавете с настоятельной просьбой о помощи, приложив к посланию перстень с бриллиантом, который ее «сестра королева» прислала ей в 1563 г. как залог любви и дружбы. Однако ей не дано было знать, что в тот самый момент, когда она заканчивала письмо, Елизавета жадно разглядывала самые лучшие жемчуга Марии, конфискованные в Холируде и проданные ей Мореем.

Мария не стала ждать ответа английской королевы. Она была слишком напугана. 16 мая она села в рыбацкую лодку и пересекла Солуэй-Ферт, около семи вечера причалив к берегу в Англии, недалеко от Уоркингтона в Камберленде, в тридцати милях от Карлайла. На рассвете она написала второе письмо к Елизавете, в котором выражала желание встретиться с кузиной, а также просила помощи и поддержки в возвращении на трон и разгроме мятежников. Мария надеялась собрать новое войско и вернуться в Шотландию. Но решение пересечь границу с Англией было ошибкой, которая привела к катастрофе. Оно могло спровоцировать кризис в Англии — там боялись, что северные графства, где большинство населения составляли католики, поднимутся в ее поддержку, что приведет к гражданской войне в обеих странах.

Елизавета искренне сочувствовала Марии. Поступок Морея и мятежных лордов она считала бесчестным. Они заключили в тюрьму и заставили отречься помазанную королеву — преступление против Бога не менее гнусное, а с точки зрения монарха, возможно, и большее, чем убийство Дарнли. Но Сесил

оказался проворнее. Он мгновенно распознал опасность, которую представляет неожиданное прибытие Марии, и держал ее под стражей. За всеми ее передвижениями следили круглые сутки. Он был полон решимости расследовать обвинения — в супружеской неверности и соучастии в убийстве Дарнли, — выдвинутые против нее лордами, поскольку, в отличие от Елизаветы, не хотел ее возвращения на трон.

В очередной записке Сесил подробно изложил свои аргументы. Судебное рассмотрение преступлений Марии, утверждал он безжалостно, приведет к одному из двух результатов. Если ее оправдают, тогда необходимо создать условия для ее возвращения в Шотландию. Эти условия остались прежними. От Марии потребуют вечного (и протестантского) союза с Англией, с признанием Шотландии государством-сателлитом и подписанием Эдинбургского договора в первоначальной форме. Если же ее признают виновной, то ей можно позволить — при не слишком тяжелой вине — отправиться в изгнание, но при условии, что Морей останется регентом и будет править от имени принца Джеймса. Если ее вина будет велика, то наказание должно соответствовать преступлению. Мария должна пребывать в «подходящем месте, не владея своим королевством, так чтобы она не могла принести новых бед». Сесил имел в виду тюрьму в Англии.

Для Сесила бегство Марии в Англию было очень удачным финалом правления женщины, которую он всегда считал злейшим врагом. Для Марии, запертой в своих «апартаментах» в Карлайле, это в любом случае был проигрыш. Она вновь написала Елизавете. «Не уподобляйтесь, — умоляла она, — змее, которая закрывает свои уши, ведь я не заклинательница, а Ваша сестра и кузина». Но в том, что касалось Сесила, именно Мария была и змеей, и заклинательницей.

Через две недели после прибытия в Англию Мария уже точно знала, что ее судьба в руках Сесила. 29 мая она написала ему в тщетной надежде на его милосердие:

> Господин Сесил. Всем известно, что Вы полагаете себя поборником справедливости, а Ваша искренняя и верная служба королеве, мадам, моей доброй сестре, и следовательно, всем, кто един с ней по крови и величию, побуждает меня, в моей справедливой борьбе, в это тяжелое время, писать в первую очередь Вам, с надеждой на помощь и добрый совет.

Она проинструктировала гонца, чтобы он апеллировал к чувству чести и справедливости Сесила, и ее письмо

заканчивалось такими словами: «Рекомендую себя Вам и Вашей супруге, и молю Бога, чтобы он не оставил Вас в своей милости. Ваш верный друг, Мария».

По прочтении этого письма Сесил мог только рассмеяться. Он уже связался с Мореем, от которого потребовал «подобие доказательств» и других «свидетельств» против Марии. Суд над ней приближался — паутина была почти сплетена.

23
Версия Босуэлла

Через несколько месяцев после своего бегства Босуэлл также изложил свою версию событий. Он продиктовал подробный, хотя зачастую не заслуживающий доверия рассказ о том, что якобы случилось с ним, начиная с возвращения Марии в Шотландию и заканчивая его бегством с поля боя у Карберри-Хилла. Затем он ярко описал свой побег за границу и тюремное заключение в Дании — его рассказ о произошедшем был настолько дерзким и хвастливым, что затмил даже кражу золотых монет, тайно отправленных Сесилом в помощь мятежным лордам конгрегации в 1559 г. Во многих отношениях версия Босуэлла — это саморазоблачение; и главная ценность состоит в том, что она служит ярким подтверждением его эгоизма и двуличия. Тем не менее этот рассказ заслуживает нашего внимания. Босуэлл всегда был человеком сложным, неоднозначным, и мы должны позволить ему изложить свою версию — хотя бы ради того, чтобы не обвинять его не выслушав.

Расставшись с Марией у Карберри-Хилла, Босуэлл с горсткой сторонников галопом помчался в Данбар. Две недели его никто не беспокоил. Ему было позволено ощутить ложное чувство безопасности — мстительный и безжалостный Мортон не торопился начать преследование. Но лорды конфедерации намеревались схватить его. 17 июля 1567 г. они назвали Босуэлла мятежником и объявили его вне закона, а тому, кто схватит его и доставит в Эдинбург, была обещана награда в 1000 крон.

Но к тому времени он уже отплыл на север, в Банфф графства Абердиншир, надеясь собрать там войско. Это была вотчина Гордонов, где безраздельным влиянием пользовался Хантли, бывший шурин Босуэлла. Но Хантли отказался помогать ему, заявив, что «всем сердцем желает, чтобы и его сестра, и королева избавились от такого недостойного мужа». Затем Босуэлл укрылся в замке Спайни к северу от Элгина. Замок принадлежал его двоюродному деду Патрику Хепберну, епископу Морея, его наставнику и учителю в юности. Когда в Спайни стало слишком опасно, Босуэлл бежал еще дальше на север, в Керкуолл, столицу Оркнейских островов, где он намеревался снарядить флот. Босуэлл был герцогом Оркнейским и лордом Шетландских островов, и замок Керкуолл принадлежал ему. Однако хранитель замка, Гильберт Бальфур, еще один брат его бывшего союзника, сэра Джеймса Бальфура, отказался впускать его и навел пушки

замка на его корабли. Босуэлл пробыл в Керкуолле всего два дня, а затем снова отправился на север, к Шетландским островам, где родственник его матери, Олаф Синклер, снабдил его деньгами и провиантом. Теперь Босуэлл планировал бежать во Францию, надеясь заручиться там поддержкой Гизов.

Лорды бросились в погоню. 19 августа Киркалди и сэр Уильям Мюррей, лэрд Туллибардина, отплыли из Данди. На военных кораблях — самых быстроходных в Шотландии и оснащенных пушками — было не меньше четырех сотен аркебузиров. Они получили приказ найти Босуэлла, захватить и казнить на месте. Меньше всего Мортону хотелось, чтобы его смертельного врага привезли живым, чтобы тот свидетельствовал против него на суде об убийстве Дарнли. До сих пор Босуэлл не мог сдать своих сообщников, не признав вины, но теперь терять ему уже было нечего.

Шесть дней спустя преследователи настигли добычу. Они вошли в пролив Брессей неподалеку от Лервика, главного порта Шетландских островов, где на якоре стояли суда Босуэлла. Когда показались корабли Киркалди, Босуэлл и многие из его людей были на берегу. Киркалди решил воспользоваться шансом и устремился в атаку, но Босуэлл прыгнул на палубу своего корабля и перерубил якорный канат. Проявив отчаянную храбрость и даже безрассудство, он проплыл над подводными камнями, повредив корпус судна. Киркалди бросился в погоню, но его корабль получил пробоину и затонул.

Босуэлл бежал на остров Анст, самый северный из Шетландских островов, где его эскадра перегруппировалась. Однако Киркалди продолжил погоню. У него остались еще три корабля. Сражение между смертельными врагами продолжалось три часа. Когда ядро снесло грот-мачту на корабле Босуэлла, казалось, что все предрешено, но как только Киркалди отправил абордажную команду, чтобы захватить корабль, начался шторм. Теперь решающим оказалось искусство мореплавания Босуэлла, который вместе с тремя кораблями сумел оторваться от противника. Киркалди преследовал его на протяжении шестидесяти миль, но Босуэлл плыл на юго-восток впереди шторма, и расстояние между ним и преследователями все время увеличивалось. Он пересек Северное море за рекордное время, преодолев 250 миль между Шетландскими островами и Норвегией.

Киркалди пришлось возвращаться домой с пустыми руками. Босуэллу удалось спастись. Он пристал к острову Карм в 20 милях к северо-западу от Ставангера. Но как только он бросил якорь, его арестовали, а корабли сопроводили в Берген. Сначала

его посчитали пиратом, и ему пришлось назвать себя. Правители Европы внимательно следили за тем, как разворачивается кризис в Шотландии. Комендант замка Эрик Розенкранц полагал, что вправе арестовать Босуэлла, но на всякий случай решил дождаться инструкций и с почетом принимал и развлекал его.

В Бергене судьба совершила удивительный поворот, и Босуэлла настигло прошлое. Оказалось, что здесь вместе с матерью живет Анна Трондсен, норвежская красавица, за которой он ухаживал семь лет назад[54]. Анна подтвердила личность Босуэлла и тут же подала на него в суд за неисполнение обещания жениться на ней. Предвидя неприятности, Босуэлл решил урегулировать спор во внесудебном порядке. Он пообещал Анне ежегодную ренту, которая будет выплачиваться в Шотландии, и отдал ей меньший из двух оставшихся у него кораблей. Этого было достаточно, чтобы прекратить судебное преследование, и он смог сосредоточиться на следующем препятствии.

Вскоре Розенкранц получил указание от короля Дании и Норвегии Фредерика II арестовать Босуэлла, которого Фредерик собирался использовать как инструмент для возвращения принадлежавших в то время Шотландии Оркнейских и Шетландских островов, население которых говорило на норвежском языке. Острова входили в состав Датского королевства до 1469 г., вплоть до того момента, когда были переданы в качестве наследства Маргариты, дочери короля Дании Кристиана I, которая вышла замуж за прадедушку Марии, Якова III. Шотландский парламент издал закон об их присоединении в 1472 г.

Поначалу Босуэлл отрицал, что у него есть какие-либо ценности или даже письма и документы, но затем понял, что ему не позволят вернуться на корабли, и признался, что прячет кое-какие документы в балласте своего флагмана. Когда открыли его шкатулку с письмами, там обнаружилась грамота с подписью Марии, согласно которой ему был пожалован титул герцога Оркнейского и лорда Шетландских островов, а также листовки и другие документы, изобличавшие его как убийцу и предателя. Говорили даже, что в шкатулке было письмо от Марии, написанное после ее возвращения в Эдинбург, с жалобами на то, как с ней обращаются лорды. Поскольку письмо нигде не цитировалось и не было обнаружено, невозможно сказать, существовало ли оно вообще.

23 сентября Босуэлла допросили члены городского магистрата Бергена, после чего его доставили на борт одного из кораблей, который принадлежал Фредерику и направлялся на юг,

в Данию. Босуэлла поместили в замок Копенгагена и содержали там как государственного преступника. Лорды конфедерации настаивали на его выдаче, но Фредерик колебался.

Босуэлл утверждал, что направляется во Францию, чтобы искать помощи для Марии, с каковой целью он собирался обратиться к Карлу IX. Это его письмо сохранилось. Оно хранится в Национальной библиотеке в Париже и написано на хорошем французском безупречным наклонным почерком Босуэлла. Он просил о срочной помощи для Марии и себя самого, однако Морей сумел его опередить. Он уже объявил Босуэлла пиратом, убийцей и изменником. Он также заверил Карла, что *согласие* между лордами конфедерации и Францией может быть сохранено только в том случае, если Карл заставит Данию выдать Босуэлла для проведения судебного процесса.

Карл, как и Фредерик, решил остаться нейтральным. Он проявил великодушие к Босуэллу и позволил жить в комфорте, носить одежду из бархата, читать книги и время от времени выезжать на охоту под присмотром охраны, хотя большую часть времени ему не позволялось покидать отведенные апартаменты. Именно в это время Босуэлл решил записать свои воспоминания. Он был убежден, что Фредерик попал под влияние пропаганды лордов конфедерации, и собирался обелить себя, изложив историю так, чтобы произвести самое благоприятное впечатление. Главные события начались с его вызова из Франции за десять дней до того, как Мария вышла за Дарнли. Босуэлл изображал себя благородным рыцарем из средневекового романа, спешащим домой, чтобы спасти свою госпожу от ее коварных баронов:

> Но мятежные лорды делали все, что в их силах, чтобы противостоять ей, так как больше всего хотели, чтобы у королевы не было детей, поскольку они не могли вынести, что у кого-либо будет больше власти в королевстве, чем у них. Они ясно понимали, что подобный брак значительно уменьшит их влияние.

После возвращения Босуэлла Мария предоставила ему возможность проявить себя:

> Королева поставила меня во главе армии, состоявшей из ее верных подданных и моих друзей, с которыми я сделал все возможное, чтобы изгнать графа Морея из Шотландии в Англию. После того как я достиг этого, был созван парламент, чтобы решить, какая собственность и какие земли должны быть

конфискованы в пользу короны.

Босуэлл прекрасно понимал, что главный мотив заговорщиков, убивших Риццио, — предотвратить утверждение парламентом конфискации земель у мятежников «загонного рейда».

> Чтобы помешать принятию закона о конфискации, те из союзников графа Морея, которые по-прежнему находились при дворе королевы, вызвали новые затруднения, организовав убийство синьора Давида, итальянца, которое произошло во время ужина в кабинете королевы в Эдинбургском замке[55], в отсутствие ее охраны и приближенных. И если бы (дабы избежать опасности) другие, включая меня, не спаслись бегством через окно, выходящее во двор, нам бы пришлось иметь дело с… по крайней мере мы были бы вынуждены допустить столь злодейское деяние.

Босуэлл старательно подчеркивает свою верность Марии и оказанные ей услуги, но при этом допускает оговорку по Фрейду:

> Когда мы [Босуэлл и Хантли] бежали из королевских покоев и оказались в безопасности, то собрали своих верных друзей и верных подданных Ее Величества, чтобы спасти ее и короля, ее супруга, из плена, в котором их держали. Мы достигли этого отчасти хитростью, отчасти силой.
>
> На следующий день Ее Величество направились в Эдинбург с большим отрядом, преследуя Морея и его союзников с таким упорством, что те были вынуждены бежать в изгнание. Более того, королева была до такой степени разгневана подобным убийством, что возненавидела их — как и верные ей придворные, а также остальные подданные. Но сильнее всего она ненавидела короля.

Босуэлл забыл, что после заговора и убийства Риццио Мария отправила в ссылку не *Морея*, а *Мортона*. Морей триумфально вернулся в Холируд на следующий день после убийства Риццио и не покидал Шотландию вплоть до убийства Дарнли. Рассказ Босуэлла о фракциях лордов до странности упрощен. Мейтланд и Аргайл не упоминаются вообще, скорее всего потому, что они снова перешли на сторону Марии после ее вынужденного отречения. Жажда мести Мортона, который хотел отплатить

Дарнли за предательство сообщников, преуменьшается по сравнению с грандиозными планами Морея по захвату трона. Это станет основной темой версии Босуэлла: Морей выставляется главным злодеем, который с самого начала хотел свергнуть сестру. В стремлении приукрасить свой рассказ Босуэлл перепутал Мортона с Мореем, забыв, что после заговора с целью убийства Риццио Мария встретила Морея с распростертыми объятиями. Ослепленный желанием демонизировать Морея, Босуэлл решил не упоминать Мортона, в то время его союзника и сообщника, даже при описании убийства Дарнли. Вместо этого он предложил фантастическую историю о своих якобы альтруистических попытках защитить монархию в Шотландии, заразив духом примирения враждующих между собой лордов. Он даже делал вид, что планировал бросить сумятицу политической жизни и тихо жить в своих поместьях:

> Добившись тех милостей, которых желали изгнанные лорды, и особенно разрешения вернуться ко двору[56], я размышлял об отставке, чтобы вести тихую жизнь, вознаградив себя за лишения, которые я пережил в ссылке. Я боролся с искушением покинуть сцену кровавой вражды и мести.

Заговор с целью убийства Дарнли начался только после того, как усилия Босуэлла добиться прочного мира между враждующими лордами окончились провалом. Его описание взрыва и последующих событий выглядит примитивным и неубедительным.

> Чуть позже король, страдавший от приступа сифилиса[57], поселился в месте под названием Кирк-о-Филд, где выздоравливал, опасаясь причинить вред здоровью королевы и ее ребенку. Это было сделано с согласия королевы и членов совета, желавших сохранить здоровье всех троих.
>
> Изменники увидели в этом благоприятную возможность. Они поместили большое количество пороха под кроватью короля, затем подожгли фитиль, взорвав и убив его. Это было сделано в доме сэра Джеймса Бальфура…
>
> В ночь взрыва несколько ее советников, как обычно, оставались в Холирудском дворце. Я также был там, в помещениях, где обычно располагается охрана из пятидесяти человек. Утром, когда я еще спал в кровати вместе с моей первой женой, сестрой графа Хантли,

пришел ее брат и сообщил о смерти короля, о котором я, как и многие другие, искренне скорбел…

Босуэлл утверждал, что без устали трудился, чтобы раскрыть правду, и ни на секунду не мог представить, что подозреваемым станет он сам. Его имя, пытался утверждать он, было упомянуто только после того, как его враги и соперники сговорились помешать ему верно служить Марии, раскрыв мерзкое преступление. Все это так же неправдоподобно, как и рассказ Босуэлла о суде над ним:

> Когда были зачитаны выдвинутые против меня обвинения, и мои обвинители (особенно главный, граф Леннокс, которого вызывали в суд, но он не явился)[58] убедились в отсутствии оснований для жалоб на меня в том, что касается моей личности, собственности или чести, то согласно законам и традициям нашего королевства по указанию судей и с согласия присутствовавших обвинителей я был оправдан и объявлен невиновным во всем, что мне предъявляли…

Затем Босуэлл заявил — как и сама Мария, — что женился на королеве по просьбе тех самых лордов, которые теперь требуют его выдачи. В качестве оправдания он предъявлял «договор таверны Эйнсли», утверждая, что жениться его заставили лорды. Но его рассказ гораздо дальше от истины, чем рассказ Марии. Она, по крайней мере в самой честной версии, изложенной епископу Данблейна, сожалеет о том, что Босуэлл оказался обманщиком, тогда как он откровенно лжет. Босуэлл сочинил историю, в которой подписи под договором были поставлены добровольно и доставлены ему домой, дабы склонить его к браку:

> После победы в суде, как описано выше, двадцать восемь членов парламента пришли ко мне домой, по доброй воле и без всякой просьбы…
>
> Каждый поблагодарил меня за дружеское отношение к нему, прибавив, что королева теперь вдова, что у нее всего один ребенок, юный принц, что они не согласятся на ее брак с иностранцем и что я представляюсь им наиболее подходящим человеком, чтобы стать ее мужем.

Все это не имеет никакого отношения к действительности. Босуэлл был вынужден угощать несговорчивых сторонников ужином, а на следующий день пытался получить их подписи. Аргайл, Мейтланд и Атолл отказались. Морей тоже не мог дать

своего согласия, как ложно утверждал Босуэлл, поскольку в это время уже покинул страну и направлялся в добровольную ссылку. Босуэлл даже умудрился описать свою женитьбу на Марии, не упомянув о похищении или соблазнении королевы. А его версия решающего столкновения с лордами конфедерации выглядит бесстыдным самооправданием:

> Мы с королевой выступили из Данбара с таким количеством людей, ее верных подданных, какое смогли собрать за короткое время. Мы приблизились почти к самому Эдинбургу, когда мятежные силы предприняли вылазку и расположились напротив нас, примерно на расстоянии пушечного выстрела.
>
> Выждав немного, они отправили к нам посредника, который привез письменное изложение причин, побудивших их явиться сюда. В первую очередь это освобождение королевы из неволи, в которой я, по их словам, ее удерживаю, а во вторую — месть за убийство покойного короля, в котором, как я уже описывал, обвиняли меня и моих сторонников.
>
> На первый пункт я ответил, что никоим образом не держу королеву в неволе, а наоборот, что я люблю и уважаю ее, как она того заслуживает, и обратился к ней за подтверждением моих слов.
>
> На второй пункт я ответил, что продолжаю отрицать свое участие в убийстве покойного короля или согласие на это убийство. Я также прибавил, что, несмотря на полное и убедительное оправдание, я по-прежнему готов — если кто-либо достаточно благородный и знатный все еще склонен обвинять меня в подобном деянии — защитить свою честь и жизнь в поединке в присутствии обеих армий, как обещал в вызове, который только что приказал огласить в Эдинбурге согласно старинным законам войны.
>
> Мне ответили, что лорд Линдси, один из лордов, готов встретиться со мной на поле брани… Мои многочисленные доводы убедили королеву и всех остальных, и в конечном счете поединок был одобрен.

Босуэлл так и не признался, что, несмотря на согласие Линдси ответить на вызов, Мария тут же переменила решение и запретила поединок. Он утверждал, что до самого вечера терпеливо ждал прибытия трусливого противника. «Однако он так и не появился».

И наконец, Босуэлл заявлял, что был готов сражаться за свою

королеву и свою честь, не щадя жизни, но у него не оставалось выбора, и он подчинился желанию Марии избежать ненужного кровопролития:

> По мере приближения ночи я готовился к битве с врагом, выстраивая боевые порядки, в то время как противная сторона делала то же самое.
>
> Королева, увидев, что я и ее верные подданные с одной стороны и мятежные лорды с другой готовы начать сражение… озаботилась тем, чтобы любой ценой избежать кровопролития, и сдалась им. Она пересекла поле и пошла к ним в сопровождении Киркалди из Гранжа, чтобы обсудить положение и выяснить, можно ли разойтись миром. Веря, что она будет у них в безопасности, не опасаясь предательства и не предполагая, что кто-либо причинит ей вред, она попросила меня не начинать наступления…

Сделав все возможное для своего оправдания, Босуэлл закончил диктовку; произошло это не позднее 5 января 1568 г. Затем он внес правки в работу секретаря и сделал две копии. Одну копию отправили Фредерику II, который не счел ее убедительной: он приказал доставить Босуэлла на другую сторону пролива, в более надежный замок Мальме. В те времена он принадлежал Дании, а сейчас это территория Швеции. Босуэлла поселили в северном крыле замка, где он занимал просторную продолговатую комнату со сводчатым потолком, расположенную на первом этаже, под королевскими покоями. В главной комнате имелись два больших окна, выходившие на юг, во внутренний двор замка. Гардеробная выходила на залив, но окна в ней не было — разумно, если учитывать прошлый опыт успешных побегов.

Пока Босуэлл оставался пешкой в дипломатических «шахматах» Фредерика, все его запросы удовлетворялись. Обращение с ним было вполне гуманным — для пленника. Разумеется, такие люди, как Босуэлл, с трудом мирятся с подобными ограничениями. Несмотря на то что ему часто позволялось выезжать на охоту, он чувствовал себя запертым в клетке.

Тем не менее Босуэлл не терял бдительности. Когда лорды конфедерации поручили капитану Джону Кларку, шотландскому наемнику на службе короля Дании, договориться о его выдаче, Босуэлл изменил ход игры. Он рассказал Фредерику, что когда в 1567 г. Кларк вернулся в Шотландию, чтобы набрать новых наемников, он присвоил деньги короля и потратил их на оплату

подкреплений для лордов перед столкновением у Карберри-Хилла. Обвинение соответствовало действительности, и впоследствии Кларк был осужден военным судом в Дании.

Затем лорды конфедерации прислали в Копенгаген Томаса Бьюкенена, племянника блестящего ученого и поэта, который сочинял пьесы для Марии. Он попытался подкрепить требование лордов выдать Босуэлла, сообщив, что Мария отправляла ему «некие записки» из Англии, в том числе свидетельства, которые помогли ему устранить Кларка. Этот доклад туманен и неубедителен, поскольку Бьюкенен отказался назвать свои источники. Несмотря на утверждения, что это «в высшей степени достопочтенные люди», и они «достойны доверия», их личности определить невозможно. Более того, поскольку все они, по всей видимости, заявляли, что Мария призывала Босуэлла «крепиться ради множества других дел», вполне возможно, что все эти источники — фальшивка.

Утверждалось, что Босуэлл послал шпионов в Англию, которые должны были попытаться поговорить с Марией, находившейся в плену. Им приказали добыть документы, необходимые Босуэллу, который пытался обменять свою свободу на Оркнейские и Шетландские острова. Если это правда, значит, положение Босуэлла было отчаянным. Лорды конфедерации никогда не позволили бы вернуть острова Дании, даже в обмен на злейшего врага. Одним из этих предполагаемых шпионов был паж Босуэлла, датчанин, которого можно было принять за шотландца, поскольку он говорил на среднешотландском диалекте, как уроженец страны. Он отвозил документы Марии, которую докладчик называл «та женщина». Однако и в этом случае подробности слишком туманны и запутанны. Интересно, что молодой Бьюкенен знал, что должен отправить заключительный отчет Сесилу. Никаких убедительных доказательств в нем не приводилось, но одного лишь слуха о тайной переписке между Марией и Босуэллом оказалось достаточно, чтобы поднялась тревога. В глазах лордов конфедерации любая форма связи между ними была бы «вредной и пагубной для обоих наших стран и вызвала бы неудовольствие Ее королевского Величества, королевы Англии».

Кларка поместили в замок Драгсхольм, одинокую крепость на краю залива Калуннборг-фьорд на северо-западном побережье Зеландии, в шестидесяти милях к западу от Копенгагена. В июне 1573 г., через пять лет после бегства Марии и ее заточения в Англии, туда же отправили и самого Босуэлла. Легенда гласит, что он сошел с ума после пяти лет одиночного заключения и умер, прикованный цепью к стене. Но Босуэлл всегда был не

таким, как все. Оппортунист и азартный игрок, он знал, что судьба благоволит к храбрым, и умел находить выгоду в любых ситуациях. Они с Кларком, оба шотландцы и профессиональные солдаты, сложили оружие и принялись топить свои печали в вине. Маловероятно, что Кларк признался, что помимо всего прочего он был шпионом Сесила, отправлял ему доклады и получал английские деньги. Если бы он это сделал, Босуэлл мог — в зависимости от настроения — либо расхохотаться, либо убить Кларка прямо на месте.

В июле 1575 г. необузданное веселье в Драгсхольме сделало свое дело. Кларк умер от неумеренного пьянства, а Босуэлл, который был здоров как бык, тоже начал сдавать. Их имена всегда присутствовали в новостях из Дании, и поэтому вскоре пошли слухи, что Босуэлл мертв. Лишь через четыре месяца в Париж и Лондон пришло подтверждение, что он «сильно распух, но не умер». У него начались перебои в работе печени или почек, но умирать он еще не собирался.

Даже намека на смерть Босуэлла оказалось достаточно, чтобы взбудоражить сторонников Марии на континенте. Они начали утверждать, что на смертном одре Босуэлл сделал признание, в котором снял с Марии всякую ответственность за смерть Дарнли и взял вину на себя. Услышав об этом, Мария отчаянно ухватилась за возможность доказать свою невиновность. Она написала своему послу в Париже: «Мне сообщили о смерти графа Босуэлла и о том, что перед смертью он исповедался во всех своих грехах, в том числе признал себя виновным в убийстве покойного короля, моего супруга… Поэтому я умоляю Вас выяснить правду об этом всеми доступными способами».

Она ухитрилась наскрести 500 французских крон, чтобы заплатить курьеру, который должен был отправиться в Данию и добыть «признание» Босуэлла. Этот человек взял деньги, но никуда не поехал. Тем временем полная копия этого документа была отправлена Фредериком II Елизавете, которая приказала хранить его в королевской библиотеке, но впоследствии документ исчез. Мария пришла в ярость от того, что Елизавета отказалась поделиться с ней документом или опубликовать его, поскольку верила, что это признание позволит ей восстановить честь и репутацию. Она жаловалась на эту несправедливость даже спустя два года. Екатерина Медичи поручила своему послу в Дании достать копию, но если вдовствующая королева ее и получила, то ни с кем не поделилась содержанием документа.

До наших дней дошли лишь небольшие фрагменты. Согласно одному из них, по всей видимости самому достоверному, Босуэлл клялся, что Мария «не знала об убийстве короля и не давала

своего согласия». Убийство было делом рук Босуэлла и его друзей; оно было организовано «по его приказу, с согласия и при участии разных лордов, которые, однако, не присутствовали на месте событий». Это были Морей, Мортон, лорд Роберт Стюарт и Джон Гамильтон, архиепископ Сент-Эндрюса, а «также многие другие, имена которых он в настоящее время не может вспомнить». Далее Босуэлл признавался, что «дружбы, которая его связывала с королевой, он всегда добивался путем колдовства и лжи». Он опоил Марию *eau sucrée*, чтобы соблазнить ее, а затем «нашел способ расстаться с женой, чтобы получить королеву». В чуть более подробном варианте этого отрывка говорится, что он «околдовал королеву, так что она влюбилась в него, а потом изобрел способ избавиться от жены». Затем, «после того, как брак был заключен, он искал возможные способы устранить маленького принца и всю знать, которая не подчинится ему».

«Признание» Босуэлла — явная фальшивка. В той версии, которая, по всей видимости, раньше находилась в архиве Сесила, а теперь хранится в Британской библиотеке, есть такие слова: он «простил весь мир, выразил сожаление о своих преступлениях, принял причастие, подтвердив, что все сказанное им — правда, и умер». Даже если не учитывать, что Босуэлл был протестантом, не верил в соборование перед смертью и отказывался идти на католическую службу, даже когда Мария пыталась вести его за руку, остается тот простой факт, что он не умер. Босуэлл прожил еще почти три года. В одной из копий «признания» говорится, что Босуэлл лежит «при смерти в замке Мальме». Это также неверно. Двумя годами раньше его перевезли из Мальме в Драгсхольм. Тот, кто изготавливал эти документы, даже не удосужился проверить главные исторические факты.

Более того, неверен и список убийц Дарнли. Имя Мортона названо правильно, а Морей знал о готовящемся убийстве, но «смотрел сквозь пальцы». Однако сэр Джеймс Бальфур и Дугласы не упоминались вообще, а лорд Роберт Стюарт, еще один незаконнорожденный сын Якова V и единокровный брат Марии, а также архиепископ Сент-Эндрюса, появляются в рассказе только потому, что они присутствовали на венчании Марии и Босуэлла, а архиепископ добился аннуляции предыдущего брака Босуэлла в католическом суде. Они не участвовали в убийстве Дарнли, но поскольку оба поддерживали Босуэлла, их имена оказались в списке.

Глубочайшая ирония заключается в том, что Маргарита Дуглас, графиня Леннокс и мать Дарнли, была настолько впечатлена «признанием» Босуэлла, что стала считать Марию жертвой ужасной несправедливости. Не прошло и месяца после

появления фрагментов «признания», как она отправила Марии примирительное письмо из своего дома в Хакни, собственноручно прибавив постскриптум. «Я могу лишь, — писала она, — желать и молить Бога о долгой и счастливой жизни для Вашего Величества, пока я не смогу служить Вашему Величеству так, как должно… Я прошу прощения у Вашего Величества за эти грубые строки и прошу принять добрые пожелания автора этих строк, который искренне любит и уважает Ваше Величество». Графиня также прислала Марии знак своей любви — маленький, но необыкновенно изящный и дорогой образец вышивки *point tresse*, который Мария очень ценила. Техника создания такой вышивки была очень сложной. Чтобы создать эффект блеска, который так привлекал ценителей, использовались мягкие серебристые волосы, которые смешивали с тончайшей шелковой или льняной нитью. Графиня брала для вышивки свои волосы, что делало подарок особенным. Наверное, трудно придумать более убедительный сигнал к примирению между матерью Дарнли и ее невесткой.

После смерти графини Мария заявила, что «как только она узнала о моей невиновности, то сразу же отказалась от дальнейших обвинений и даже зашла так далеко, что отреклась от всего, что говорилось обо мне от ее имени». Поскольку «признание» Босуэлла было явной подделкой, истинное значение примирения графини с Марией состоит в доказательстве того, насколько неубедительными и слабо задокументированными были изначальные обвинения против нее.

«Признание» Босуэлла должно было оказать такое же воздействие на юного впечатлительного сына Марии. Джеймс последний раз видел мать, когда она поцеловала его на прощание за день до того, как была похищена Босуэллом. Он остался с графом и графиней Мар, которые организовали для него двор в замке Стирлинг и следили за его воспитанием. Он регулярно играл с детьми хозяев замка, а Мар учил его верховой езде и охоте. Эти занятия станут для него любимыми, но он также был не прочь пострелять из лука, и ему дарили бесчисленные наборы луков и стрел. Джеймс получил лучшее по тем временам образование. Латынь он освоил раньше, чем научился разговаривать на среднешотландском, а также он свободно говорил по-гречески и по-французски. Кроме того, его воспитали в протестантской вере. Одним из его наставников был Джордж Бьюкенен, который теперь влился в ряды главных очернителей Марии[59]; его метод преподавания включал регулярные физические наказания, а также республиканские рассуждения, направленные против божественных прав монарха. Джеймса

регулярно пороли, чтобы поощрить его стремление к учебе, и это средство оказалось таким действенным, что он до конца жизни помнил наизусть отрывки из произведений классических авторов. Но отчетливее всего он помнил, как Бьюкенен критиковал его мать — мальчика убеждали, что она тиран, неверная супруга и женщина, убившая его отца.

Джеймсу было десять с половиной лет, когда он внезапно заметил, что лэрд Туллибардина что-то увлеченно читает и цитирует отрывки своим друзьям. Джеймс настоял, чтобы ему показали документ, вызвавший такой интерес. Это была копия «признания» Босуэлла. Сначала мальчик ничего не сказал, но его лицо прояснилось. Наконец он произнес: «Разве для меня нет причины радоваться после всех этих ужасных обвинений и клеветы против королевы, моей матери?» Затем повернулся к лэрду и торжествующе прибавил: «Теперь я вижу ясное доказательство ее невиновности!»

14 апреля 1578 г. в Драгсхольме Босуэлл умер. С ним поступили так же, как и со всеми государственными преступниками, — тело отнесли на мыс приблизительно в миле от замка и похоронили на кладбище приходской церкви в Форевайле. Босуэлла завернули в льняной саван и положили в широкий дубовый гроб. Голова, обернутая белой льняной тканью с зеленой шелковой вышивкой, покоилась на белой атласной подушке. Мы знаем об этом потому, что гроб вскрыли в 1858 г.; мумифицированное тело прекрасно сохранилось. Босуэлл умер в сорок три года, но после десяти лет заключения выглядел гораздо старше; ростом он был чуть больше пяти с половиной футов. В темно-рыжих волосах обильно просвечивала седина. Английский антиквар, пришедший взглянуть на тело, заявил, что оно принадлежит «уродливому шотландцу». Другие выражались более сдержанно, не только относительно внешности мертвеца, но и его личности.

Независимо от того, принадлежало ли это тело Босуэллу, он бы оценил посмертные приключения, которые ждали его голову. Сначала ее выставили в качестве трофея на конторке в Драгсхольме, затем дети использовали ее в качестве футбольного мяча. В 1935 г. голову воссоединили с телом и захоронили в крипте церкви. После Второй мировой войны останки еще раз извлекли и использовали для привлечения туристов. До 1975 г. тело — к тому времени уже только голый скелет — было выставлено в Форевайле, пока не начались протесты. Замок Драгсхольм теперь превращен в отель, где по ночам якобы бродит призрак Босуэлла. Таким был странный конец человека, который изменил ход истории и желал быть похороненным среди королей.

24
Версия лордов

Когда пристрастный суд снял с Босуэлла обвинение в убийстве Дарнли и он стал добиваться поддержки своего брака с Марией в попытках скрыть события, разыгравшиеся в Кирк-о-Филд, произошел серьезный поворот истории. До сих пор лорды выступали единым фронтом для сокрытия любых фактов, которые могли бы помочь в разрешении загадки убийства, в особенности свидетельств двух женщин из соседних домов. Но когда Босуэлл похитил и соблазнил Марию, нарушив договор с Мортоном, лорды направили все свои усилия на то, чтобы обвинить его в преступлении и предъявить как можно больше доказательств своего обвинения, пока противник не стал слишком силен.

Затем, когда Марию держали в Лох-Ливене и заставили отречься от престола, ее тоже начали связывать с убийством. Лорды свергли помазанницу Божию королеву, и это требовалось как-то оправдать — например, с помощью утверждений, что она больше не может править. Она недостойна королевского звания и дискредитировала себя, поскольку виновата в «нравственной распущенности». Теория Нокса о том, что католическая правительница по определению руководствуется необузданной похотью, казалось, получила подтверждение. «Неистовая любовь» Марии к Босуэллу «доказала», что королева неспособна обуздывать свои страсти. Плотское влечение сначала толкнуло ее в объятия женатого мужчины, а затем заставило вместе с ним составить заговор с целью убийства мужа, чтобы она смогла выйти замуж за любовника.

Похоже, все складывалось в гладкую историю о сексе и насилии, супружеской неверности и убийстве, не только шокирующую, но и приятно возбуждающую. Автором, которого лорды конфедерации выбрали для изложения своей версии, стал не кто иной, как Джордж Бьюкенен. Он прекрасно подходил для этой роли — кальвинист и республиканец, друг и «покровитель» Томаса Рэндольфа, первого посла Елизаветы в Шотландии в те времена, когда тот учился в Париже. Потом, в Холируде, в послеобеденные часы он вместе с Марией читал Ливия. Когда ему поручили организовать праздник на тему «примирения» в честь крестин принца Джеймса в замке Стирлинг, его придворная карьера достигла вершины. Теперь же Бьюкенен сочинил не пьесу для театра масок, а нечто противоположное. Перемешав факты с вымыслом, он создал самое искусное описание убийства, когда-

либо сочиненное в Шотландии.

Мария щедро вознаградила Бьюкенена. Почему же он так бесстыдно предал ее? Дело в том, что он целиком и полностью зависел от Леннокса. Преданность Дарнли Бьюкенен ставил выше преданности Марии. Он родился в семье обедневшего лэрда неподалеку от Глазго, на принадлежащих Ленноксам землях, где говорили на гэльском языке. Образование Бьюкенен получил благодаря покровительству местного филантропа, и считал себя в вечном долгу перед ним. Бьюкенен также поддерживал связь со своими старыми друзьями в Париже из числа гугенотов. Он был близок Морею, которому посвятил книгу о реформе образования. В ответ Морей обеспечил ему пост ректора колледжа св. Леонарда, самого богатого, хотя и не самого престижного из трех колледжей Сент-Эндрюсского университета. Убийство Дарнли потрясло Бьюкенена. Его короля убили, и верность вассала своему феодалу призывала к действию. Он примкнул к лордам конфедерации, в частности к Морею, и играл ключевую роль в качестве его представителя в Генеральной ассамблее церкви после сражения у Карберри-Хилла, когда он присоединился к Ноксу и Крейгу, которые призывали протестантов оправдать заключение Марии. Затем, когда королеву заставили отречься, а Морей был назначен регентом, Бьюкенен обнаружил, что присоединился к самой могущественной группировке в шотландской политике.

Близкие отношения с Мореем позволили Бьюкенену приобрести влияние и власть. Какое-то время он старался вытеснить идеи Нокса и заменить их более сложной теорией, в которой классические концепции древней Греции и Рима соединялись с протестантством. Идеалом Бьюкенена был республиканский Рим с его традицией *civitas libera* («свободное государство»). Он последовательно отвергал «тиранию», представленную идеей монархии, ненавистными идеалами «божественной» монархии, называл королей, пап и императоров средневековья шарлатанами и тиранами. Особое отвращение он питал к идее колониальной «империи» в Новом Свете, с которой впервые столкнулся, когда преподавал языки в Коимбрском университете в Португалии.

Его основной посыл состоял в том, что правители выбираются народом для выполнения определенных функций. Если они не справляются со своими обязанностями, то нарушают условия контракта, скрепленного коронационной клятвой. В таком случае народ имеет право свергнуть одного правителя и назначить другого, способного исполнять обязанности монаршей должности. Бьюкенен искусно переработал теорию монархии в

квазиреспубликанскую идиому, чтобы доказать подотчетность правителей перед теми, кто их избрал. Согласно его модели, правитель не возвышается над законом благодаря исключительным правам монарха, а всегда подчиняется ему: несоблюдение закона означает, что правитель не только пошел против воли и интересов народа, но и объявил себя «тираном» и «врагом Бога». Будь Дарнли коронованным королем и при этом живым, Бьюкенен держал бы свои радикальные идеи при себе. Потомок Ленноксов на троне, вероятно, изменил бы его взгляды на монархию. Но когда его сеньора убили, он не мог молчать. Он от всего сердца одобрял вынужденное отречение Марии, которое считал одной из лучших за всю восьмивековую историю Шотландии практических иллюстраций своей теории ответственности монарха.

Когда Мария проиграла сражение при Лангсайде и бежала в Англию, после чего Сесил попросил лордов конфедерации прислать ему «подобие доказательств» и другие «свидетельства» против Марии, Морей для изложения версии лордов выбрал именно Бьюкенена. Доклад должен был иметь форму досье: перечень обвинений, выдвинутых против Марии, со всеми уместными фактами. Морей затем отправит его Сесилу, который использует документ, чтобы убедить Елизавету, ненавидевшую мятежников и разгневанную свержением Марии, для которого, как она считала, не существовало даже подобия убедительных оснований.

Досье должно было стать основой для судебного преследования. Собрав все доказательства, Сесил хотел помочь Морею уничтожить Марию. Он знал, что борьба предстоит нелегкая. Елизавета была не единственной, кто не разделял отношение Сесила к Марии или отказывался признавать ее «вину». С английской королевой были согласны такие консервативные представители английской знати, как герцог Норфолк, граф Арундел и лорд Ламли. Выражая готовность подчиниться религиозному соглашению, они в глубине души испытывали симпатии к католикам. Норфолка, внука военачальника Генриха VIII, который разбил шотландцев в битве при Солуэй-Моссе, можно было назвать протестантом с очень большой натяжкой: поскреби его немного и под внешним слоем обнаружится католик. Его союзники Арундел и Ламли не скрывали своей католической веры. Они открыто поддерживали отказ Елизаветы ставить религию выше наследственного права, когда речь идет о наследовании трона, и были убеждены, что атака на власть Марии в Шотландии является прелюдией подобной атаки на власть Елизаветы в Англии.

Норфолк и его союзники считали лордов конфедерации естественными врагами монархии и королевской власти и с глубоким подозрением относились к Сесилу и его единомышленникам. Отмена вынужденного отречения Марии позволит закрепить на Британских островах будущее монархии как божественного права. Помазанная королева отвечает только перед Богом. Мария даже не была англичанкой — почему она должна отвечать перед королевой Англии или английскими судьями? Сесил уклонялся от этих неудобных вопросов, утверждая, что Шотландия является страной-сателлитом Англии, и поэтому Елизавета обладает законными правами феодала по отношению к вассалу. Аргумент слабый, но он, по крайней мере, хоть как-то обосновывал квазиюридическое «расследование» ее «преступлений», которое обязательно потребуется, чтобы убедить Елизавету, что лорды являются людьми чести, стремящимися исправить вопиющую несправедливость, а не просто мятежниками.

Морей, со своей стороны, вел хитрую и осторожную игру, подталкивая Сесила к окончательному решению атаковать Марию. Лорды конфедерации, говорил он, обладают всеми необходимыми доказательствами, чтобы обвинить Марию в убийстве Дарнли. Завладев вниманием Сесила, Морей сменил риторику, спрашивая, могут ли судьи, которых назначили рассматривать дело в Англии, быть приглашены для изучения свидетельств на закрытом заседании, чтобы вынести сначала неофициальное суждение. Тогда шотландские лорды точно будут знать, достаточно ли представленных фактов, а в противном случае — какие еще доказательства следует представить.

22 июня 1568 г., через месяц после того, как Мария пересекла Солуэй и укрылась в Англии, Морей отправил Сесилу экземпляр досье Бьюкенена, написанного на латыни. Оригинальный текст не сохранился, однако документ вскоре перевели для графа Леннокса на среднешотландский, и тщательно сохраняли. Он был озаглавлен: «Все сведения… из которых неопровержимо следует, что Мария, ныне вдовствующая королева Шотландии, не только была осведомлена об ужасном и подлом убийстве доброй памяти короля, но также была орудием, главным организатором и причиной этой невиданной жестокости».

История Бьюкенена — настоящий шедевр, в котором смешаны факты и вымысел. Он утверждал, что преступления Марии были до такой степени предумышленными, что она впервые задумала их после убийства Риччио, на шесть месяцев раньше, чем утверждали сами лорды конфедерации. Она утратила благоразумие, по всей видимости, во время пребывания

в Аллоа, через несколько недель после рождения сына. Затем, после возвращения в Эдинбург, она не оборвала порочной связи, а наоборот, укрепила ее и продолжала потворствовать своему влечению к Босуэллу, открыто отвергая мужа.

Бьюкенен сосредоточился на самой ранней из возможных дат предполагаемой любовной связи Марии, позволявшей отбросить предположения, что принц Джеймс не был законнорожденным наследником Дарнли. Он утверждал, что Мария начала кокетничать во время отдыха в Аллоа, бросившись прямо в объятия Босуэлла:

> Не стоит подробно описывать ее манеры в Аллоа, но достаточно лишь сказать, что они выходили за рамки того, что пристало женщине… но даже по возвращении в Эдинбург[60] [после того, как она также посетила озеро Меггет и Гленартни] ее поведение нет нужды держать в тайне, поскольку оно на устах у многих: граф Босуэлл осквернял ее тело ради своего удовольствия, имея доступ к ней через черный ход… В этом она неоднократно признавалась сама… используя лишь банальное оправдание, что его впускала леди Рерс…

Намек был преднамеренным. Когда Бьюкенен отмечал, что Босуэлл имел «доступ через черный ход», он повторял главное обвинение Ane Ballat (баллады), выпущенной лордами конфедерации и обвинявшей тайных любовников «в животных извращениях, неведомых даже Содому». Однако он не удосужился должным образом проверить факты. Внимательное изучение списка тех, кто сопровождал Марию в Аллоа, показывает, что Морей все время находился при королеве. Он был свидетелем всего, что там происходило, но в то время ничего не говорил о предполагаемом непристойном поведении Марии[61].

Но Бьюкенен был не из тех, кто позволяет фактам вставать на пути увлекательной истории. Мария, бесстыдно продолжает он, прибегла к услугам сводни. Это была леди Рерс, племянница кардинала Битона. Рерс была дамой средних лет, «дородной» и с избыточным весом — стереотипный образ сводни, которая тайно проводила Босуэлла в будуар Марии для любовных утех и однажды попала в нелепое положение, когда была вынуждена взобраться на высокую стену сада и неуклюже шлепнулась на землю. Это была неправдоподобная выдумка. Рерс никак не могла помогать Босуэллу, поскольку была одной из его отвергнутых любовниц. Дрери, заместитель Бедфорда в Берике, в одном из своих рукописных рапортов сообщал Сесилу, что Рерс никак не способствовала предполагаемой супружеской измене, а наоборот,

ревновала — после того, как Мария объявила Босуэлла своим защитником, ее отлучили от двора и заменили сестрой Босуэлла.

Но Бьюкенен уже не мог остановиться. Согласно досье, бедный Дарнли был лишен супружеских прав. Его угрозы, приступы дурного настроения, заговоры и паранойя — все это было благополучно забыто. Вместо этого «униженный» и «обманутый» муж — который, по версии лордов, разумеется, представал героем, жертвой и мучеником — в этой подчищенной версии был изображен праведником и выдающимся государственным деятелем, что в точности соответствовало образу, пропагандируемому Ленноксами в листовках и рисунках, которые вывешивались на дверях и стенах церквей и общественных зданий Эдинбурга.

Одним из ключевых моментов в рассказе Бьюкенена был эпизод в Джедборо в начале октября 1566 г., куда Мария приехала для того, чтобы председательствовать на сессии разъездного суда, и где Босуэлл, который прибыл раньше ее на пару дней, был серьезно ранен мечом в рукопашной схватке со своими давними врагами Эллиотами из Лиддесдейла — известным кланом бандитов из «пограничного края». В досье утверждается, что когда Мария узнала о столкновении Босуэлла с Эллиотами, то в волнении поскакала в Джедборо, а на следующий день в Хермитедж, где имела свидание со своим предполагаемым любовником, и в тот же день вернулась в Джедборо. В спешной поездке ее «сопровождала такая свита, в которой не было ни одного скромного человека с достойной репутацией». Но Бьюкенен просто отказывался точно излагать факты. На самом деле Мария ждала неделю, пока не завершатся заседания разъездного суда, и только затем навестила Босуэлла, причем во время поездки ее все время сопровождал Морей[62]. Она виделась с Босуэллом в присутствии членов Тайного совета, и весь визит длился только два часа. Однако в истории осталась именно версия Бьюкенена. В XVIII в. его рассказ приобрел такую популярность, что вдохновил на создание одной из самых известных подделок, связанных с Марией: предположительно «новая» или «кроуфордская» хроника, изготовленная пресвитерианским священником, который украсил старый источник собственным материалом явно вуайеристического характера, дабы снабдить читателя яркими сексуальными подробностями.

В Джедборо, как ложно предполагал Бьюкенен, Мария перевела Босуэлла «из места, где он обычно жил» в «дом королевы, в комнату прямо под ее спальней». Там, несмотря на его серьезные раны и тот факт, что сама королева находилась на

грани смерти после прободения язвы желудка, они продолжали как ни в чем не бывало предаваться плотским утехам, пока шокирующая новость не дошла до Дарнли. Исполненный праведного возмущения и считая себя потерпевшей стороной, законный супруг Марии «незамедлительно помчался в Джедборо». Однако не существует независимых свидетельств, что Босуэлл когда-либо жил в том же доме, что и Мария, а Дарнли явился в Джедборо позже и с неохотой, причем по приезде стал сразу же ссориться с женой. Бьюкенен должен был придумать самое убедительное из возможных предположений о мотиве убийства. Он попытался показать, как Мария планировала избавиться от Дарнли:

> Примерно в пятый день ноября, переехав из Джедборо в Келсо… она сказала, что если тем или иным способом не избавится от короля, то в ее жизни больше не будет ни одного счастливого дня, а если это невозможно, то она предпочла бы наложить на себя руки.
>
> Вернувшись в Крейгмиллар рядом с Эдинбургом, где она отдыхала до конца ноября, она снова упомянула о цели, о которой говорила раньше, в Келсо, в присутствии милорда Морея, графа Хантли, графа Аргайла и Мейтланда, предложив, что наилучший способ избавиться от короля — начать процедуру развода с ним… на что ей было отвечено, что это невозможно сделать без ущерба, поскольку вследствие этого принц, ее сын, будет объявлен незаконнорожденным… каковой ответ, после того как она обдумала его, заставил ее отказаться от мыслей о разводе, и с того самого дня она воображала и измышляла, как устранить его, что прояснится в ходе нашего дальнейшего рассказа…

Бьюкенен искажал известные факты, и его интерпретация событий — полная выдумка. В действительности именно лорды предложили Марии развестись, а не наоборот. О своем желании умереть Мария говорила в замке Крейгмиллар, а не в Келсо. И она никогда не просила «тем или иным способом» избавиться от Дарнли. Когда в Крейгмилларе ей изложили план Мейтланда касательно развода с мужем, она ответила: «Я требую, чтобы Вы не предпринимали ничего такого, что запятнает мою честь и совесть, и поэтому прошу Вас оставить все, как есть»[63].

Но все это нисколько не волновало Бьюкенена. Он был полон решимости установить мотив убийства Дарнли, и судя по его рассказу, Мария спала с Босуэллом после крестин сына восемь ночей подряд, и «предавалась этой мерзости, не скрываясь, без

тени стыда или скромности». В постели с любовником она придумала «способ» убийства мужа, выбрав пустующий дом в Кирк-о-Филд в качестве места, где должно совершиться преступление. Затем она поспешила в Глазго, чтобы забрать своего несчастного супруга, причем оставила след для потомства в своих письмах Босуэллу, который остался в Эдинбурге, чтобы расставить сети.

> Она хотела, что видно из ее писем[64], привезти его в Эдинбург, навстречу неизбежному концу и окончательной гибели, на что она никогда бы не решилась, будь ее сын не в ее руках. Она оставила [принца Джеймса] в Холирудском дворце. Затем отправилась [в Глазго] в сопровождении Гамильтонов[65] и им подобных, что не сулило ее супругу ничего хорошего.

Бьюкенен увлекся. Он получал удовольствие, не обращая внимания на хронологию событий, которые якобы описывал. На самом деле в первой части пути до Глазго, куда Мария поехала за мужем до Каллендер-хауса, ее сопровождали Хантли и Босуэлл. И только потом королеву стали охранять Гамильтоны. Вернувшись в Эдинбург, Босуэлл сразу же вновь направился в Лиддесдейл на границе с Англией, — то есть никак не мог оказаться в Эдинбурге, чтобы получить окончательные инструкции Марии по подготовке убийства в Кирк-о-Филд в то время, о котором писал Бьюкенен[66].

Вероятно, зная о возможных нарушениях хронологии, Бьюкенен вновь предположил, что Мария с Босуэллом «замыслила» заманить Дарнли в Кирк-о-Филд навстречу смерти еще до того, как отправилась из Эдинбурга в Глазго:

> Тем временем граф Босуэлл согласно их замыслу приготовил для короля жилище, в котором тот окончил свои дни. Притом достаточное число [людей] знали и понимали, что это была развалина, не подходящая для правителя, стоящая в уединенном месте в дальней части города, отдельно от других домов…
>
> Его поселили в Кирк-о-Филд [из-за свежего воздуха], несмотря на то что в Шотландии в начале февраля больному человеку лучше быть в защищенной от сквозняков теплой комнате, а не дышать воздухом полей.
>
> Разве она была в доме [в комнате] под его спальней в четверг и пятницу перед убийством не для того, чтобы создать впечатление, что она начала принимать его?

После того как Дарнли заманили в Кирк-о-Филд, Мария обращалась с ним ласково. Затем, предположительно по сигналу ее верного слуги Николя Юбера по прозвищу Французский Парис, она внезапно вернулась в Холирудский дворец под предлогом того, что должна присутствовать на бале-маскараде в честь Бастиана Паже и его невесты:

> Как только она увидела [Французского Париса][67], то сразу поняла, что порох сложили внизу дома под кроватью короля, поскольку у Париса были ключи и от парадной, и от задней двери этого дома, а у слуг короля были ключи от всех остальных дверей. С притворным смехом она сказала: «Я обижу Бастиана, если сегодня не приду на бал-маскарад в честь его свадьбы, с каковой целью я и возвращаюсь в Холируд».

Затем она уехала и предположительно провела остаток вечера с Босуэллом[68], который затем «удалился в свою комнату, где сменил рейтузы и камзол, надел плащ и приступил к осуществлению этого ужасного убийства».

Мария, настаивал Бьюкенен, не могла заснуть, поскольку была чрезвычайно возбуждена и взволнована в ожидании смерти Дарнли. Она почти не отреагировала, когда услышала роковой «треск»: «в этом не было нужды, поскольку она понимала его значение».

Услышав взрыв, Босуэлл поспешно встал с постели[69] и вместе с Хантли, Аргайлом и остальными явился к Марии, чтобы рассказать, «как жилище короля было взорвано и взлетело на воздух, а сам он умер, и это известие не слишком взволновало ее, поскольку ее лицо было не столь печальным, каким должно, — даже если бы это был не ее муж, а обычный человек, — для такого недостойного и странного деяния». Новость о том, что она стала вдовой, Мария якобы выслушала молча. Затем она «отправилась отдыхать, не выразив печали по поводу того, что случилось». С опозданием Мария приказала своему двору соблюдать траур, но не смогла притворяться слишком долго: «Из сорока дней *deuil* она смогла провести в Холируде не больше десяти или двенадцати дней, причем с большим трудом, и мысли ее были заняты только тем, как изобразить *deuil*».

В непринужденной обстановке Сетона Мария развлекалась с Босуэллом, словно никакого взрыва не было. Прибегнув, по своему обыкновению, к хитрости, она поселила любовника в комнатах, соседствовавших с кухней, чтобы он мог тайно приходить по коридору для слуг, предназначенному для доставки еды, и забавляться с ней. Босуэлл был женат, а о его любовной

интрижке уже стали распространяться слухи. Чтобы избежать скандала, он решил развестись с женой и жениться на королеве. Поскольку такому возмутительному поступку требовались оправдания, Мария якобы спланировала поддельное похищение, притворившись, что ее похитили и изнасиловали. Как и в случае убийства Дарнли, она сама оставила доказательства, необходимые ее врагам. Как утверждалось в досье Бьюкенена, о ее намерениях свидетельствует одно из «писем», отправленных «из Линлитгоу»[70]:

> Королева не могла избежать скандала, открыто ложась в постель с графом Босуэллом, который уже был женат. Тем не менее они не стали ждать, чтобы удовлетворить свои низменные желания, однако дабы скрыть свое бесчестье, она сделала вид, что ее взяли силой. Это было исполнено вскоре после ее возвращения из Стирлинга в Эдинбург, и о том, организовала ли она это сама или нет, свидетельствует ее письмо графу Босуэллу из Линлитгоу.

Как только любовники добрались до Данбара, Босуэлл начал судебную процедуру развода с женой. После венчания с Марией многие лорды удалились от двора, а сама Мария сильно изменилась: дурно обращалась даже с теми придворными, которые не покинули ее.

> Он сопроводил ее в Данбар, и они без промедления затеяли два судебных процесса о его разводе с законной женой. [После того как они вернулись в Эдинбург], она объявила себя свободной, и по прошествии восьми дней был заключен этот нечестивый брак, который весь мир считает безнравственным и богопротивным.
>
> Прошло совсем немного времени между этим так называемым браком, который был заключен 15 мая 1567 г., и 15 июня, когда после бегства вышеупомянутого графа она пришла к лордам, [которые] объединились ради мести за убийство, но за этот промежуток длительностью в месяц установились такие смятение и беспорядок, что просто удивительно! Большая часть знатных людей удалились, но некоторые остались, выказав таким образом любовь к ее величеству, но и они попали в такую же немилость, как и те, кто совсем покинул двор…

Если отвлечься от искажения фактов, то версия лордов

конфедерации выглядит стройной и последовательной. В ней четко сформулированы три обвинения, выдвигавшиеся против Марии:

— прелюбодеяние с Босуэллом, как до, так и после убийства Дарнли;

— заговор с целью убийства Дарнли в январе 1567 г.;

— инсценировка похищения, чтобы оправдать брак Марии и Босуэлла.

Сенсационные свидетельства в форме восьми уличающих «писем» от Марии к Босуэллу, которые Морей представит в качестве доказательств заявлений из досье Бьюкенена, практически поровну распределены между этими тремя пунктами. Два письма посвящены убийству Дарнли, три представляют собой любовные письма, а три связаны с похищением. Из трех любовных писем в двух упоминается убийство, а одно из писем, посвященных убийству, является также любовным письмом.

Морей сообщил Сесилу, что у него есть эти письма, в тот же день, когда отправил в Лондон своего секретаря, вручив ему досье. «Мы имеем, — писал он, — такие письма [Марии]… которые, по нашему мнению, служат достаточным доказательством ее согласия на убийство короля, ее законного супруга». Он сделает с них «копии», переведенные на среднешотландский, и хочет, чтобы судьи в Англии, которые будут определять вину Марии, рассмотрели их при закрытых дверях и высказали свое мнение, прежде чем им предъявят оригинальные документы на французском.

Дело против Марии приняло новый, неожиданный оборот. Каким образом и когда такие важные документы оказались в руках Морея и лордов конфедерации? Что в них на самом деле говорится? Могли ли это быть настоящие письма Марии? Именно к этим, самым острым и важным вопросам о жизни Марии мы теперь должны обратиться, потому что от ответов на них зависит ее честь и репутация — и тогда, и теперь.

25
Письма из ларца I

Самые ожесточенные споры в том, что связано с Марией, вызывает вопрос, была ли она замешана в убийстве Дарнли. Обвинения против нее звучат убедительно только в том случае, если она изменяла мужу и Босуэлл был ее любовником. Этот вопрос тесно связан с полемикой, окружающей восемь писем, представленных Мореем в качестве доказательства обвинений, прозвучавших в досье Бьюкенена. Письма — единственное свидетельство того, что она была участницей заговора. Других доказательств не существует. Ее виновность или невиновность зависят от того, настоящие это письма или поддельные.

Первый намек, что лорды конфедерации добыли уличающий королеву материал, появился летом 1567 г. Через месяц после того, как Марию перевезли в замок Лох-Ливен, испанский посол в Англии, Гусман де Силва, сообщал Филиппу II, что Морей посетил его при возвращении из ссылки во Франции и рассказал, что его сестра заранее знала об убийстве. Этот факт предположительно подтверждается письмом, которое она отправила Босуэллу из Глазго. На данном этапе, по всей видимости, в распоряжении лордов было одно письмо, а не восемь. После ареста Марии люди Мортона разграбили покои, которые она вместе с Босуэллом занимала в Холирудском дворце, и именно тогда был украден жемчуг, впоследствии проданный Мореем Елизавете. Вне всякого сомнения, они также нашли документы, но доподлинно неизвестно, какие именно.

Де Силва рассказал, что дю Крок, французский посол в Шотландии, посетил Лондон по дороге во Францию. Он как будто бы говорил, что лорды конфедерации «решительно заявляют», что Мария была соучастницей убийства Дарнли, что «доказано письмами, написанными ее рукой». Эти слухи также дошли до Трокмортона, отправленного Елизаветой в Шотландию для разрешения кризиса. В одном из своих докладов он сообщал, что лорды «намереваются обвинить ее в убийстве мужа, в чем (по их словам) у них имеются самые очевидные доказательства, а также свидетельство, написанное ее собственной рукой, что они считают достаточным».

Пять месяцев спустя, когда лорды конфедерации созвали парламент, чтобы узаконить свой мятеж, они провели закон, в котором прямо заявлялось, что «причиной и основанием ареста указанной королевы в указанный день 15 июня» были «ее

многочисленные личные письма», написанные Марией собственноручно. Лорды убеждали парламент, что письма были найдены до того, как они принудили Марию к капитуляции на поле у Карберри-Хилла. Они оправдывали вооруженный мятеж против своей королевы тем, что уже получили убедительные доказательства ее участия в убийстве Дарнли.

Заявление лордов встретило сопротивление. Сторонники Марии бурно протестовали: «Если предполагается, что письма Ее Величества должны доказывать ее вину, то на это можно ответить, что в них не упоминается ничего, что может стать основой для обвинений, даже если бы они были написаны ее рукой, что не так». Еще большее недоверие вызывал тот факт, что в своем заявлении парламенту лорды конфедерации противоречили клятвенным заверениям, которые они дали Елизавете и Сесилу. Когда их попросили объяснить, как были найдены эти компрометирующие документы, Мортон поклялся, что не раньше 19 июня, через четыре дня после капитуляции Марии, информатор сообщил ему о том, что трое слуг Босуэлла приехали в Эдинбург и пробрались в замок. Одного из них поймали и посадили под арест в Толботе. На следующий день этот слуга под пыткой признался, что накануне забрал из покоев Босуэлла в замке серебряную шкатулку, или ларец. Ларец нашли и доставили Мортону. Ключа не было, и Мортон не открывал его до утра. Затем, 21 июня, в присутствии десяти свидетелей замок взломали, шкатулку открыли и изучили ее содержимое. В ней были найдены двадцать два документа: восемь писем, два брачных контракта, якобы подтверждавшие, что Мария согласилась выйти за Босуэлла еще до того, как он развелся, и двенадцать[71] предположительно доказывающих супружескую неверность сонетов, сочиненных Марией для Босуэлла.

Одна из главных трудностей при обсуждении этих важнейших документов заключается в том, что оригиналы, написанные на французском, пропали. До нас дошли лишь дословные копии (на французском) и переводы на среднешотландский и английский, сделанные в то время, когда оригиналы изучались в Англии, а также изданные позже печатные экземпляры[72].

Наиболее надежную информацию предоставляют нам рукописные копии и переводы, поскольку все более поздние варианты, опубликованные с целью очернить Марию, носили явно пропагандистский характер. Даже в стандартных научных изданиях «письма из ларца» содержат подозрительное количество ошибок копирования. Что удивительно, не все рукописные документы были изданы. Два отсутствовали полностью, возможно, потому что в то время, когда печатались эти издания,

они еще не были каталогизированы. Здесь они будут анализироваться впервые.

Судьба оригиналов писем из ларца загадочна. После того как документы официально изучили в Англии, их вернули Морею, который отвез их обратно, в Шотландию. В 1571 г. их владельцем стал Мортон, а в 1581 г. они перешли к его наследнику, но через несколько лет пропали из виду. У нас нет никаких доказательств намеренного уничтожения писем, однако для пропажи имеется веская причина: Якову VI скоро должно было исполниться восемнадцать, и он хотел защитить репутацию своей семьи. Как бы то ни было, воздействие их первого появления лучше изучать по копиям и переводам, чем по какому-либо другому источнику. Дело в том, что в нескольких версиях этих документов имеются пометки или оценочные комментарии Сесила[73]. Тщательное повторное изучение этих интригующих документов позволяет нам заглянуть в его мысли, которыми он щедро делился. Сесил досконально изучил эти письма, сразу же решив, что это настоящая сенсация.

Если «письма из ларца» настоящие, то имеются все основания для свержения помазанной королевы, «безопасность» Елизаветы гарантирована, а угроза международного заговора Гизов ликвидирована раз и навсегда. Возможно, удастся даже отдать Марию под суд за убийство, а затем казнить. Если письма фальшивые, то других доказательств ее вины не существует. Елизавета, скорее всего, отпустит ее и откажется признать Морея регентом Шотландии. Возможно, она даже вернет Марии трон. Лорды будут вынуждены отправиться в изгнание, в результате чего все труды Сесила пойдут насмарку, и может возникнуть новый кризис, поскольку лорды в качестве убежища выберут Англию, а Мария гневно потребует их выдачи.

Почему документов было так много? Причина в том, что некоторые ключевые элементы версии лордов, которая формировалась под надзором Бьюкенена, не были затронуты в письмах. Например, там не проливался свет на предполагаемую супружескую неверность Марии в шестимесячный период между ее поездкой в Аллоа и заманиванием Дарнли навстречу его печальной судьбе. Этот пробел были призваны заполнить сонеты. Аналогичным образом, ни одно из писем не доказывало, что Мария согласилась выйти за Босуэлла до того, как он развелся. Эту оплошность должны были исправить брачные контракты.

Утверждалось, что сонеты представляют собой размышление Марии о своей супружеской измене. Они были призваны доказать, что ее всепоглощающая страсть к Босуэллу давала ей серьезный мотив для убийства. Лишь немногие специалисты в области

литературы верят, что сонеты не подделка. Они чрезвычайно нескладные и вряд ли могли быть написаны человеком, для которого французский — родной язык. Не похожи они и на подражание жанру куртуазной лирики, которому Марию обучал Ронсар. Самая главная улика, «Entre ses mains et en son plein pouvoir», может сойти за стихи религиозного содержания, если заранее не предупредить читателя, что оно вдохновлено плотской страстью:

> В его руки и в его полную власть
> Я отдаю своего сына, свою честь и свою жизнь.
> Свою страну, своих подданных, свою душу. Все подчиняю
> Только ему, и никому другому.
> Я устремлюсь к своей цели, не скрываясь,
> На зависть всем.
> У меня нет иного желания,
> Кроме как доказать ему свою верность:
> Которую не прогонят
> Ни буря, ни солнце.
> Скоро я докажу ему,
> Свою преданность непритворную,
> Не слезами или ложной покорностью,
> Как другие, а новыми испытаниями.

Даже если это не подделка, никаких явных свидетельств сонет не содержит. У него нет посвящения, и он вполне может быть воспринят и как благочестивое выражение благодарности Богу после суровых испытаний, пережитых Марией во время родов, и как объяснение в любви к Босуэллу. Вполне возможно, что люди Мортона, грабившие покои Марии, нашли настоящие стихотворения, а затем приспособили для своих целей.

Брачные контракты еще более подозрительны. Браку королевских особ и аристократов всегда предшествовал письменный контракт, своего рода предварительное соглашение, в котором устанавливались права собственности сторон. Мария и Босуэлл подписали такой контракт 14 мая 1567 г., накануне венчания. По какой-то причине в ларце оказались совсем другие документы. По словам лордов конфедерации, их «открытия» означали, что пара подписала другие контракты намного раньше. Утверждалось, что один из них составлен рукой Хантли «в Сетоне» и датирован 5 апреля 1567 г. Это явная подделка — в тот день Мария и Босуэлл действительно были в Сетоне, но в тексте встречаются фрагменты из «договора таверны Эйнсли», хотя этот договор появится только через две недели. В контракте даже

присутствует ссылка на встречу лордов в таверне Эйнсли, поскольку в нем говорится, что Мария «*вместе с другими*» выбрала Босуэлла как наиболее подходящую кандидатуру на роль мужа. Выделенные курсивом слова могут указывать только на обсуждение в таверне, и хотя Мария там не присутствовала, брачный контракт не мог быть составлен раньше чем 19 апреля, когда состоялся ужин.

О втором контракте, без даты и предположительно подписанном «Marie R», невозможно сделать однозначного вывода. Но даже если он подлинный, то вполне безобидный. Это скорее не «контракт», а письменное обещание Марии выйти за Босуэлла:

> Мы, Мария, милостью Божьей королева Шотландии, вдовствующая королева Франции, и прочее, обещаем, от всего сердца и без принуждения, Джеймсу Хепберну, графу Босуэллу, не иметь другого супруга или мужа, кроме него… И поскольку Бог забрал моего покойного мужа, Генри Стюарта, называвшегося Дарнли, и я стала свободной… и поскольку он [Босуэлл] также свободен, я буду готова исполнить церемонии, необходимые для заключения брака…

Эти слова, не допускающие какого-то другого толкования, могли быть написаны только после смерти Дарнли и развода Босуэлла. Независимо от того, что они говорят о чувствах Марии (в том случае, если документ настоящий), в них ничего нет о супружеской неверности и о соучастии в убийстве. Морей знал, что хватается за соломинку, когда предъявлял этот контракт. Морей признавал, что в нем «нет даты, и хотя некоторые слова говорят об обратном, тем не менее имеются заслуживающие доверия основания предполагать, что он был составлен и написан ею до смерти ее мужа».

Сесил решил, что сонеты и брачные контракты не имеют отношения к делу. Все внимание сосредоточилось на «письмах из ларца», особенно на первых двух (первое письмо и второе письмо) [74]. Потенциально они были самыми разрушительными. В действительности второго письма — обычно его называют «длинным письмом из Глазго», чтобы отличить от «короткого письма из Глазго» (письмо № 1) — было бы достаточно (при условии, что оно подлинное), чтобы доказать, что Мария состояла в незаконной связи с Босуэллом и участвовала в заговоре против Дарнли. Непонятно только, зачем лордам, если письмо не подделка, понадобилось раскидывать свою сеть так широко.

Утверждалось, что оба «письма из Глазго» написаны Марией,

когда она навещала больного Дарнли. Первое письмо представляет собой жалобу женщины, которая укоряет своего корреспондента за невнимание. Он обещал присылать ей новости, но забыл об этом. Он оставил ее, чтобы отправиться в поездку, и женщина обвиняет его в том, что он намеренно затягивает возвращение. В понедельник она «привезет парня» в Крейгмиллар, «где он будет в среду». «И я поеду в Эдинбург, чтобы мне пустили кровь, если я не буду возражать». Кем бы ни был этот человек, он «самый очаровательный из всех, и я вспоминаю все, что он умеет, чтобы заставить себя поверить, что он меня любит». Женщина страдает от боли в боку. «Сегодня мне было плохо. Если Парис[75] привезет мне то, за чем я посылала, это мне поможет». Заканчивает она просьбой сообщить новости. «Молю Вас, пришлите мне вести обо всем и о том, что мне делать, если Вы не вернетесь… Поскольку если Вы не проявите мудрости, я точно знаю, что весь груз ляжет на мои плечи». Письмо отправлено «из Глазго утром в субботу». Одним из главных недостатков «писем из ларца» является то, что лишь одно это письмо имеет дату. Кроме того, ни в одном из писем не названо имя адресата, и все они обрываются внезапно, без всяких указаний на то, кто мог их написать.

«Короткое письмо из Глазго» могло быть в высшей степени разоблачительным, если его прочесть определенным образом. Слова «из Глазго утром в субботу» означают, что если письмо подлинное, то написали его 25 января 1567 г., в единственную «субботу», когда Мария была в Глазго, навещая Дарнли. Именно это должен был предполагать читатель. От нас также требуется догадаться, что «парень» — это Дарнли. Но даже сегодня слово «парень» используется в Шотландии для обозначения ребенка мужского пола, и подозрение, что речь идет о принце Джеймсе, усиливается его описанием. Невозможно так называть угрюмого, обезображенного сифилисом Дарнли: «самый очаровательный из всех, и я вспоминаю все, что он умеет, чтобы заставить себя поверить, что он меня любит». С другой стороны, любящая мать вполне могла говорить такое о своем подрастающем ребенке. Но если «парнем» был принц Джеймс, а автором письма его мать, то письмо не могло быть написано в Глазго. Ребенок там никогда не был; он оставался с Марией в замке Стирлинг, пока она не вернулась в Эдинбург после крестин, а затем жил со своей кормилицей в Холирудском дворце, где Мария оставила его, когда поехала в Глазго навестить Дарнли. Потом мальчика поручили заботам графа и графини Мар.

Кроме того, автор письма возвращается в Эдинбург, чтобы «*ей пустили* кровь». Но в письме не сказано «*пустить* кровь».

Согласно медицинским воззрениям той эпохи здоровье человека зависело от баланса четырех основных «гуморов», или телесных жидкостей: крови, флегмы, желтой желчи и черной желчи. Кровопускание было стандартным медицинским средством, точно таким же, как ревень от «холеры» или лакрица от расстройства пищеварения. Нам известно, что лекари Марии практиковали кровопускание, когда считали, что это необходимо для ее здоровья.

Автор письма отправила за чем-то Париса. Совершенно очевидно, что «Парис» — это паж Николя Юбер по прозвищу Французский Парис. Именно этого человека Мария видела вечером накануне убийства Дарнли — даже при свете факелов он выглядел необычно грязным. Но автор письма страдала от боли в боку, и логично было бы предположить, что Париса послали за лекарством. Парис был слугой Марии. *Раньше* он двадцать лет состоял на службе у Босуэлла, но счета Марии свидетельствуют, что он сменил хозяина и поступил к ней в услужение приблизительно за год до описываемых событий. Это может вызвать подозрения, поскольку Босуэлл явно платил Парису, о чем свидетельствует его роль в организации взрыва в Кирк-о-Филд. В таком случае Парис мог быть связующим звеном между Марией и Босуэллом. Мог ли он служить им курьером, пока Мария была в Глазго?

Лорды конфедерации всегда настаивали, что Парис был доверенным лицом, помогавшим Марии и Босуэллу поддерживать тайную связь. Они утверждали, что он доставлял письма, курсируя между Глазго и Эдинбургом, но это крайне неправдоподобно. К субботе, 25 января 1567 г., Босуэлл уже покинул Эдинбург. Днем раньше он направился в Лиддесдейл, сопроводив Марию до Каллендер-хауса на первом этапе ее поездки в Глазго. Дата отъезда Босуэлла неоспорима. Сам Морей в «дневнике», или календаре, описывающем все передвижения Марии и Босуэлла в период с 21 по 30 января, признается, что Босуэлл покинул Эдинбург вечером 24-го. У Морея даже хватило наглости передать свой дневник Сесилу, несмотря на несоответствие этого документа с первым письмом из ларца.

Передвижения Босуэлла можно проверить. Они подтверждаются рукописным докладом, который четыре дня спустя отправил Сесилу лорд Скроуп, английский чиновник из Карлайла, расположенного к западу от границы. В своем докладе Скроуп подробно описывает поездку Босуэлла. Причина заключается в том, что Босуэлл участвовал в еще одном серьезном конфликте. Он выехал из Эдинбурга в сопровождении восьмидесяти человек с целью «перевоспитания» воров и других

преступников на границе и в первый день добрался до самого Джедборо. Оттуда он продолжил путь до Лиддесдейла, где его люди поймали десяток разбойников, одним из которых был Мартин Элвуд, главарь приграничной банды, орудовавшей вместе с Эллиотами из Лиддесдейла. Элвуд сумел передать сообщения своим подельникам, и они попытались его освободить. Один из людей Босуэлла погиб, пятеро были захвачены. Босуэлл преследовал напавших на него разбойников, «пока его слуги и лошади не утомились, и он не мог найти им замену и был вынужден снова вернуться в Джедборо». Если верить логике «короткого письма из Глазго», то Босуэлл должен был держать данное Марии слово и писать о приготовлениях к убийству Дарнли, несмотря на то что его мысли были заняты стычкой с Элвудом. Еще более странным выглядит утверждение, что Мария упрекала его, что он «затягивает» возвращение из Лиддесдейла, тогда как он еще туда не добрался. Если в субботу, 25 января, Мария страдала от отсутствия Босуэлла, то должна была ждать его возвращения *раньше* субботы. Однако он покинул Эдинбург только в пятницу вечером, а до Лиддесдейла было семьдесят миль.

Тем не менее некоторые аспекты первого письма не вызывают сомнений. У автора болел бок, что требовало лекарства, и у нее был маленький сын, «самый очаровательный из всех». Вполне возможно — и даже более чем вероятно, — что перед нами черновик или копия настоящего письма Марии, предназначенного другому адресату и написанного в другое время и при других обстоятельствах. В таком случае лордам конфедерации было достаточно добавить одну фразу: «из Глазго, утром в субботу». Одним росчерком пера ничем не примечательное письмо превращалось в улику. Упоминание о Крейгмилларе легко объяснить — это было любимое место отдыха Марии, куда она регулярно приезжала на срок от нескольких дней до нескольких недель.

Второе письмо более длинное и, как утверждалось, отправленое из Глазго в то время, когда Мария пыталась убедить Дарнли вернуться вместе с ней в Крейгмиллар. Кроме того, оно самое длинное из восьми «писем из ларца». Выбранное лордами из-за якобы явных аллюзий с заговором, оно также наполнено страстью и желанием воссоединиться с любимым. Начинается оно на печальной ноте: «Легко представить мое состояние после того, как я покинула место, где осталось мое сердце…» Автор, женщина, попрощалась со своим любимым и продолжила путь в Глазго, где ее встретил посланец от графа Леннокса, лэрд Ласса, с сорока людьми, ни один из которых не был жителем города.

Прибыв на место, она узнает, что Дарнли уже наводил о ней справки. Когда она навещает его, прикованного к постели, то удивляется, насколько хорошо он информирован обо всем, что происходило в Холируде. После первой встречи она отправляется ужинать.

Поздно вечером Дарнли снова зовет ее и обрушивает на нее свои обычные жалобы, обвиняя в своей болезни, которая, по его убеждению, вызвана ее пренебрежением. Он просит о примирении. И даже умоляет о прощении. Она отвечает, что уже много раз прощала его, однако он не бросил своего распутства. «Я молод, — протестует он. — Разве мужчине моего возраста не позволено дважды или трижды ошибиться или нарушить обещание, а потом раскаиваться и ругать себя за это?»

Дарнли обещает изменить свое поведение, если его еще раз простят. «Я ничего не прошу, — говорит он, — кроме того, чтобы мы делили трапезу и ложе как муж и жена. А если этого не случится, я никогда не встану с этой постели». Автор спрашивает, почему, в таком случае, Дарнли пытался покинуть страну на английском судне. Он все отрицает, но в конечном счете признается, что беседовал с моряками. Затем она обращается к слухам о его тайных замыслах и передает слова Хейгейта, что он вместе с Ленноксами составил заговор, чтобы заключить ее в тюрьму и самому править от имени ее сына[76]. Автор не соглашается отдаваться Дарнли и предлагает перевезти его в Крейгмиллар на конных носилках: «Я сказала ему, что сама привезу его в Крейгмиллар, где смогу вместе с лекарями ухаживать за ним и одновременно быть ближе к моему сыну». Дарнли наотрез отказывается. Он не хочет, чтобы кто-то видел его покрытую язвами кожу. И сердится на дальнейшие расспросы о его замыслах: «Он не желает, чтобы его видели, и впадает в гнев, когда я говорю ему об Уокере, обещает оторвать ему уши и называет лжецом».

Автор спрашивает Дарнли, почему он жалуется на лордов и угрожает убить тех, кто недавно помирился с ней. «Он это отрицает и говорит, что уже умолял их не приписывать ему подобные намерения. Что касается меня, то он скорее расстанется с жизнью, чем доставит мне малейшее неудовольствие». Похоже, Дарнли меньше боится автора письма, чем некоторых лордов. Это вполне логично, потому что лорды, которых недавно простили и которые только что пересекли границу Шотландии — то есть Мортон и Дугласы, — были соучастниками заговора с целью убийства Риццио. Он вероломно предал их, и они жаждали мести.

Рассуждения Дарнли приводят его к попытке примирения с автором. Он «не мог поверить, что его собственная плоть (то есть

я) причинит ему вред». Он просит ее не покидать его. Она уже готова пожалеть его, но затем вспоминает, что его сердце из воска, тогда как ее твердое, как алмаз.

Дальше стройность повествования нарушается, и мысли автора почти беспорядочно перескакивают с предмета на предмет. У отца Дарнли, Леннокса, «сегодня шла кровь носом и горлом. Интересно, какой это знак?». Сама женщина не видела Леннокса: «он в своей комнате». Она говорит, что ей не нравится обманывать Дарнли. «Я занимаюсь здесь делом, которое мне ненавистно, но я приступила к нему сегодня утром». Затем следует страстное признание женщины своему любовнику: «Мы связаны с двумя фальшивыми семьями[77]. Удачный год освободит нас от них. Бог простит меня, и Бог навечно соединит нас в самую верную пару, которую когда-либо соединял. Такова моя вера. Я умру с ней».

Она жаждет снова оказаться с ним в постели. «Я очень тревожусь, но рада обратиться к Вам хотя бы в письме, пока все спят, и представляю то, чего хочу больше всего на свете: лежать в Ваших объятиях, жизнь моя…»

Женщина пишет, что у нее почти не осталось сил, но она будет писать, пока не кончится бумага. «Будь проклято это ничтожество, — восклицает она, — которое так меня донимает!» Его здоровью ничего не грозит, но его тело вызывает отвращение. Подходя к его кровати, она чувствует его зловонное дыхание. «Я подумала, что умру от его дыхания, которое хуже, чем у Вашего дяди, хотя сидела на стуле у его изголовья».

В этом месте, почти точно посередине, письмо прерывается неожиданным отступлением. Перед нами ряд памятных заметок, или заголовков, которые автор называет «хроникой». Это перечень тем, которые она хотела затронуть в письме и которые должны были освежить ее память. Затем письмо продолжается как ни в чем не бывало.

Женщина вспоминает, как за ужином лорд Ливингстон в присутствии леди Рерс открыто поддразнивал ее относительно любовника. Это было, когда она прижалась к нему, согреваясь у огня (что звучит неправдоподобно). Ливингстон даже поднял тост за ее возлюбленного. В копии письма, принадлежащей Сесилу, за этим абзацем следуют две пустые строки. Далее женщина сообщает, что делает для возлюбленного браслет. «У меня было так мало времени, что он получился очень плох, но я сделаю другой, лучше. А пока нужно соблюдать осторожность, чтобы никто из присутствующих здесь его не увидел, потому что тогда об этом узнает весь мир». Ее видели работающей над браслетом, и она волновалась, что кто-то потом увидит браслет и разгадает

их тайну. Это выглядит немного странным, потому что женщина только что вспоминала, как над ее отношениями с любовником открыто подшучивали в светском разговоре.

Обычно отступление в виде памятной записки объясняется тем, что автор прервала письмо и продолжила на следующий вечер. Такое вполне возможно, потому что, судя по следующему абзацу, прошел еще один день, и автор возобновила свой «утомительный разговор» с Дарнли.

Она снова пишет, что ненавидит себя за обман. «Из-за Вас я так преуспела в притворстве, — упрекает женщина любовника, — что мысль об этом ужасает меня, и я близка к тому, чтобы считать себя предательницей. Помните, что если бы это было не из послушания Вам [ради Вас, *зачеркнуто*], то я бы лучше умерла».

Дарнли не соглашался ехать с женщиной в Эдинбург, если та не пообещает разделить с ним ложе. Они постоянно возвращались к этой теме, и в конечном счете она согласилась — это был единственный способ убедить его. Она обещает отдаться ему, как только его кожа очистится.

Дарнли все еще не отбросил подозрений, но слишком боялся мести лордов и не хотел рисковать. Поэтому он решил, что поедет вместе с ней в конных носилках, и они будут счастливы вместе. «Другими словами, — пишет женщина, — он отправится туда, куда я скажу».

Она заверяет, что будет следовать инструкциям, которые вскоре должны поступить от любовника. «Скажите мне, что я должна делать, и что бы со мной ни случилось, я буду Вам повиноваться».

Затем она прибавляет свое леденящее душу предложение: «Подумайте также, не найдется ли тайного способа через посредничество лекаря, поскольку он будет принимать в Крейгмилларе снадобья, наряду с ваннами. И не будет показываться долгое время».

Ее по-прежнему терзают дурные предчувствия по поводу того, что она делает. «Я бы никогда не обманула того, кто мне доверяет. Тем не менее Вы можете делать все, не теряя своего уважения ко мне, потому что Вы всему причиной. Ради мести за себя я бы этого не сделала».

Во второй вечер она не навестила Дарнли, потому что была занята тем, что заканчивала браслет для любовника. Но пока не смогла найти застежки. «Дайте мне знать, когда получите его, и сообщите, нужны ли еще деньги, а также скажите, когда я должна возвращаться и что мне можно говорить. Теперь, насколько я понимаю, вместе с Вами я могу сделать многое. Но так, чтобы меня не заподозрили».

Снова сменив тему, автор затем отмечает, что Дарнли впадает в ярость при любом упоминании его врагов из числа лордов. Тем временем его отец, Леннокс, не выходил из своей комнаты. Дарнли сам попросил о встрече на следующий день, рано утром.

Она отправит письмо с курьером, которое также расскажет ее возлюбленному остальные новости. Заканчивается письмо предупреждением: «Сожгите это письмо, ибо оно слишком опасное и очень путаное, потому что я не могу думать ни о чем, кроме своей печали, пока Вы в Эдинбурге».

В копии Сесила затем следует второй необъяснимый пробел в две строки, после которого написан последний, гибельный абзац:

> Дабы угодить Вам, жизнь моя, я не посмотрю на честь, совесть, опасность или величие; примите это благосклонно, а не так, как толкует Ваш фальшивый шурин, которому, заклинаю Вас, Вы не должны верить больше, чем самой верной возлюбленной, которая у Вас когда-либо была или будет… Простите мне мой плохой слог и прочтите дважды. Простите также мои каракули… Умоляю не забывать о своем друге и писать часто. Любите меня всегда.

Письмо заканчивается второй памяткой. Последние пункты: «О графе Босуэлле», «О жилище в Эдинбурге». Если второе письмо действительно было написано в течение двух вечеров подряд, то эта вторая памятка не вызвала бы особых подозрений, но упоминание Босуэлла и «жилища» (под которым, как можно предположить, подразумевался старый дом настоятеля в Кирк-о-Филд), прибавленное в самом конце, — это уже слишком. Из всех пунктов только *эти два* не имеют никакого отношения к содержанию письма.

По утверждению лордов конфедерации, автором второго письма была Мария, получателем — Босуэлл, а доверенным курьером — Парис. Когда Мария остановилась в Каллендер-хаусе во время своей поездки к Дарнли, она предположительно приказала Парису сопроводить ее до Глазго, откуда он должен был доставлять письма Босуэллу в Эдинбург.

Проведя две ночи в Глазго, Мария якобы вручила Парису пачку писем, часть для Босуэлла, а остальные для Мейтланда, которые также следовало показать Босуэллу. Утверждалось, что Парис, прибыв в Эдинбург, разыскал Босуэлла и вручил письма. Босуэлл приказал ему возвращаться в Глазго и передать, что все готово, и Мария должна заманить Дарнли в Кирк-о-Филд, навстречу судьбе.

Если сопоставить два письма, то этот сценарий превращается в фарс. Мария выехала из Эдинбурга 20 или 21 января и прибыла в Глазго не раньше 22-го[78]. Хантли и Босуэлл вернулись в Эдинбург, оставив ее в Каллендер-хаусе. Затем, вечером 24 января, Босуэлл отправился в Джедборо, а на следующий день — в Лиддесдейл.

Если Мария посвятила два вечера, 22 и 23 января, только сочинению второго письма, то Парис мог бы застать Босуэлла в Эдинбурге 24-го числа, прежде чем он выехал в Джедборо. Но остальное невероятно. Парис якобы вернулся в Глазго 25 января и сообщил Марии, что «местом» будет Кирк-о-Филд, а затем уехал из Глазго «утром в субботу», тоже 25-го, чтобы доставить в Эдинбург первое письмо. Но расстояние между Эдинбургом и Глазго составляет около 50 миль — такое расстояние можно преодолеть, если скакать без остановки весь день. То есть он должен был покинуть Глазго 25-го числа еще до того, как приехал в город. Более того, даже если бы Парису удалось совершить это чудо, Босуэлла уже не было в Эдинбурге, и он не мог получить первое письмо, поскольку уже прибыл в Джедборо.

Предположения лордов заставляют нас обратиться к судьбе Париса. После того как Марию отвезли в Лох-Ливен, он искал убежища в Дании, но после ее поражения при Лангсайде и бегства в Англию лорды решили добиваться его выдачи, а если не получится, то похитить его. И вовсе не для того, чтобы предъявить его в качестве свидетеля Елизавете и Сесилу. Наоборот, они хотели сделать так, чтобы он *никогда* не смог дать свидетельских показаний. Мертвые не говорят.

Париса привезли в Шотландию в июне 1569 г. Его держали в тюрьме, а затем 9 и 10 августа в Сент-Эндрюсе он был тайно допрошен самим Джорджем Бьюкененом и личным секретарем Морея, Джоном Вудом. В первый день перекрестного допроса Парис не сказал того, что требовалось его мучителям. Во второй день его подвергли пыткам, и он «признался» во всем. Как только Морей получил копию этого второго «признания», бедняга Парис умолк навеки. Никакого суда не было — верного пажа Марии просто повесили. Но последнее слово все же сказал он, а не Морей. На эшафоте он выкрикнул правду собравшейся посмотреть на казнь толпе. Парис отрицал все, что говорил о доставке двух «писем из Глазго» от Марии к Босуэллу.

Морей отправил копию «признания» Сесилу, который тут же написал Елизавете, потребовав, чтобы казнь отложили. Вероятно, просмотрев документ, он понял, насколько неубедительными выглядят показания Париса. Сесил потребовал, чтобы Париса оставили в живых для дальнейших допросов, предположительно,

в Англии. Но было уже поздно.

Тем не менее крупные фрагменты второго письма могли быть взяты из настоящего документа, отправленного Марией неизвестному адресату, когда она навещала Дарнли. Несколько ключевых фрагментов выглядят правдоподобно:

> 1) «Я подумала, что умру от его дыхания, которое хуже, чем у Вашего дяди, хотя сидела на стуле у его изголовья».
>
> 2) «Он желал, чтобы я поселилась в его доме. Я отказалась. Я сказала ему, что он нуждается в лечении, но здесь это невозможно».
>
> 3) «Я сказала ему, что сама привезу его в Крейгмиллар, где смогу вместе с лекарями ухаживать за ним и одновременно быть ближе к моему сыну».
>
> 4) «Короче говоря, он поедет только при условии, что после этого я буду делить с ним ложе и стол и что я больше не брошу его, и если я дам слово, он сделает все, что я скажу, и поедет со мной».

Первый фрагмент явно связан с лечением Дарнли от сифилиса с помощью ртутной мази. Через какое-то время после начала курса лечения дыхание пациента становится зловонным[79]. Это вполне логично. Но кто этот таинственный дядя, дыхание которого было почти таким же невыносимым, как у Дарнли? У Босуэлла не было дядей, и поэтому эта часть письма не могла быть адресована ему[80]. Некоторые историки предположили, что Мария написала подробный отчет о состоянии Дарнли Морею и что фрагменты этого утерянного документа перекочевали во второе письмо. Если это правда, то «дядей» был граф Мар, которого Мария знала и которому доверила заботиться о сыне. Тем не менее все это остается в области догадок.

Остальные три фрагмента свидетельствуют о характерном для Дарнли требовании секса, сначала отвергнутом, а затем принятом Марией. Они подтверждают, что она точно знала, как обращаться со своим испорченным и развратным мужем. Ее тактика очень похожа на то, как она себя вела после убийства Риччио, когда предложила переспать с Дарнли, чтобы добиться его расположения, хотя знала, что он будет настолько пьян, что не сможет воспользоваться ее согласием.

Если эти фрагменты не фальшивка, то скорее *опровергают*, чем *доказывают*, что Мария была замешана в убийстве Дарнли. Впоследствии Морей использовал третий фрагмент для того, чтобы обвинить сестру в соучастии, на самом деле этот текст серьезно *подрывает* выдвинутые против нее обвинения. Чтобы

выдуманная хронология «писем из Глазго» выглядела правдоподобнее, Бьюкенен предположил, что Мария с Босуэллом «замыслили» заманить Дарнли в Кирк-о-Филд *до того, как она выехала из Эдинбурга в Глазго*. Но третий фрагмент подтверждает, что она хотела отвезти Дарнли не в Кирк-о-Филд, а в Крейгмиллар — хотя обвинение в том, что Мария собиралась заманить его в Кирк-о-Филд, было основой дела против нее.

Из других фрагментов второго письма мы узнаем, о чем думал Дарнли.

> «Он не желает, чтобы его видели, и впадает в гнев, когда я говорю ему об Уокере, обещает оторвать ему уши и называет его лжецом».
>
> «Я предложила ему допросить Хейгейта. Он все отрицал, пока я не передала ему точные слова, и тогда он сказал, что… говорили, что некоторые члены совета принесли мне на подпись письмо, чтобы отправить его в тюрьму, а если он будет сопротивляться, то убить его».
>
> «Я спросила его… почему он жалуется на некоторых лордов и угрожает им. Он это отрицает и говорит, что уже умолял их не приписывать ему подобные намерения. Что касается меня, то он скорее расстанется с жизнью, чем доставит мне малейшее неудовольствие».

Эти фрагменты подтверждают все, что нам известно о планах Дарнли и страхах Марии, которыми она делилась со своим послом во Франции. Они также дают основание предположить, что до Дарнли дошли слухи о встрече Мортона с Босуэллом и Мейтландом в замке Уиттингем и что он подозревал о существовании заговора с целью арестовать или даже убить его.

Но даже если все вышесказанное означает, что некоторые фрагменты второго письма настоящие, остальные все равно подделаны или изменены. В частности, не может быть правдой последний абзац, в котором автор осуждает «фальшивого шурина» ее адресата. «Фальшивым шурином» Мария якобы называет Хантли[81]. В таком случае этот абзац не мог быть взят из настоящего письма, написанного в январе 1567 г., поскольку в то время Хантли был ее верным сторонником. Он поссорился с Марией только в последнюю неделю апреля 1567 г., перед самым разводом Босуэлла[82].

Существуют и другие свидетельства обмана. Вторая памятка заканчивается следующими пунктами: «О графе Босуэлле», «О жилище в Эдинбурге». Мы уже задавали вопрос, зачем Марии, если она уже писала Босуэллу, делать такие пометки. Во втором письме больше трех тысяч слов, но среди них нет слов «Босуэлл»

или «жилище». Очень похоже, что памятки были добавлены на пустое место на последней странице письма, чтобы сделать его еще более разоблачительным. Как уже отмечалось, второе письмо, по всей видимости, состоит из двух частей. Велика вероятность, что в нем соединены страницы, отобранные из разных документов.

Этой гипотезе можно найти и другие подтверждения. Все фрагменты, в которых Мария якобы открыто признается в любви к Босуэллу, расположены довольно странно. Женщина пишет: «Я очень тревожусь, но рада обратиться к Вам хотя бы в письме, пока все спят, и представляю то, чего хочу больше всего на свете: лежать в Ваших объятиях, жизнь моя». Она просит возлюбленного: «Любите меня всегда». В другом месте письма рассказывается, как лорд Ливингстон дразнит ее. Однако чуть ниже она предупреждает возлюбленного, чтобы «никто из присутствующих здесь» не увидел его с браслетом, который она для него делает.

Каждый из этих «любовных» фрагментов появляется или непосредственно до, или непосредственно после заметок, которые Мария якобы сделала, чтобы ничего не забыть, когда будет писать письмо. Мы уже знаем, что такие пометки встречаются два раза, и это наводит на мысль о том, что здесь используются фрагменты нескольких писем.

Еще более подозрительным выглядит тот факт, что в копии, принадлежавшей Сесилу, перед странными фразами о браслете, а затем перед заключительным и вставленным из другого письма (как мы уже выяснили) абзацем, в котором автор осуждает «фальшивого шурина» — кстати, в той же части, где появляются слова «Любите меня всегда», — присутствуют необъяснимые пробелы размером в две строки. Больше нигде их нет.

Копия Сесила — это перевод на английский, но пробелы в ней встречаются только в этих местах. Поскольку оба расположены не вверху и не внизу страницы, вполне вероятно, что они повторяют пробелы в оригинальной (и, к сожалению, утерянной) французской версии письма. Удивительное совпадение — пустые две строки появляются точно в тех местах, где текст, по всей видимости, был подделан. Правдоподобная гипотеза состоит в том, что эти пробелы также присутствовали в оригинальном французском тексте, возможно, в местах разрыва страниц или других, где на бумаге оставлялись пробелы, что впоследствии позволило вставить туда сфабрикованный текст. Чтобы предотвратить подобные вставки, Елизавета всегда перечеркивала крест-накрест свободные места на страницах своих самых важных писем.

Теперь вернемся к обвинениям, выдвинутым лордами конфедерации. В конечном счете их основу составили следующие фрагменты:

> «Я занимаюсь здесь делом, которое мне ненавистно, но я приступила к нему сегодня утром».
>
> «Мы связаны с двумя фальшивыми семьями. Удачный год освободит нас от них. Бог простит меня, и Бог навечно соединит нас в самую верную пару, которую когда-либо соединял. Такова моя вера. Я умру с ней».
>
> «У его отца сегодня шла кровь из носа и рта. Интересно, какой это знак?»
>
> «Из-за Вас я так преуспела в притворстве, что мысль об этом ужасает меня, и я близка к тому, чтобы считать себя предательницей. Помните, что если бы это было не из послушания Вам [„ради Вас“, зачеркнуто], то я бы лучше умерла».
>
> «Подумайте также, не найдется ли более тайный способ, посредством лекаря, поскольку он будет принимать в Крейгмилларе снадобья, наряду с ваннами. И не будет показываться долгое время».
>
> «Дайте мне знать, когда получите его, и сообщите, нужны ли еще деньги, а также скажите, когда я должна возвращаться и что мне можно говорить. Теперь, насколько я понимаю, вместе с Вами я могу многое сделать. Но так, чтобы меня не заподозрили».
>
> «Сожгите это письмо, ибо оно слишком опасное и очень путаное, потому что я не могу думать ни о чем, кроме своей печали, пока Вы в Эдинбурге».

Если Мария действительно написала эти строки, то она участвовала в заговоре, и у Дарнли были веские причины считать, что ему грозит смертельная опасность. Если пятый фрагмент не подделка, он указывает на яд как на возможный метод устранения Дарнли, и Марию обоснованно обвинили в заговоре с целью убийства.

Однако остальные фрагменты не дают никаких оснований связывать Марию с заговором. Первый фрагмент можно объяснить намерением увезти с собой Дарнли и поместить его под домашний арест. Второй фрагмент *не мог* быть написан в Глазго в январе 1567 г., поскольку фраза «с двумя фальшивыми семьями» указывает на Дарнли, который «связан» с Марией, и сестру Хантли, леди Джин Гордон, которая «связана» с Босуэллом. Но Хантли стал «фальшивым» только в конце апреля, и это означает, что данный отрывок — вставка.

Такие же сомнения вызывают четвертый, шестой и седьмой отрывки. Они, конечно, совершенно логичны, если позаимствованы из писем Марии к Босуэллу, написанных в конце апреля или в мае 1567 г. Эти слова могли быть написаны после ее отречения, или когда она ждала в Данбаре его возвращения из Эдинбурга, куда он отправился для того, чтобы убедить свою жену подать прошение о разводе, а Мария ссорилась с Хантли[83]. Они могли быть написаны после того, как она вернулась в Эдинбург вместе с Босуэллом, чтобы объявить о своем браке.

Шестой фрагмент предполагает, что Босуэлл нуждался в деньгах, возможно на выплату жалованья солдатам или на взятки, необходимые для получения развода. А поскольку шестой фрагмент предполагает, что Мария считала, что в период их разлуки Босуэлл находится в Эдинбурге, можно предположить, что письмо было написано на три месяца позже, чем утверждали лорды конфедерации. Мы уже показали, что Босуэлл выехал из Эдинбурга в Лиддесдейл вечером 24 января. Но он провел в Эдинбурге несколько дней в конце апреля, когда оформлял развод, и в это время Мария ссорилась с Хантли и нуждалась в поддержке.

Остаются третий и пятый фрагменты. О третьем трудно сказать что-то определенное. У Леннокса, отца Дарнли, пошла кровь носом. Что это означает? Очевидно, это какой-то знак. Именно это имела в виду Мария — если вопрос не вставка из другого письма. Но поскольку ответа на этот вопрос она не дает, намек вряд ли может служить доказательством заговора с целью убийства Дарнли.

Самой серьезной уликой всегда считался пятый фрагмент. Но это никакая не улика. Логично было бы предположить, что этот фрагмент доказывает намерение Марии отравить Дарнли в Крейгмилларе, но в версии лордов — она изложена в досье Бьюкенена, в распоряжении которого имелось письмо — *даже не упоминается* о таком обвинении.

Все обвинения лордов, как их сформулировал Бьюкенен, строились вовсе не на том, что Мария и Босуэлл собирались отравить Дарнли в Крейгмилларе. Они якобы планировали заманить его в Кирк-о-Филд и взорвать с помощью пороха. Вот почему так важно было добавить пункты: «О графе Босуэлле», «О жилище в Эдинбурге» — к памятке на последней странице письма; в противном случае эти подробности не были бы должным образом раскрыты.

Проблема с версией лордов состоит в том, что она становится слишком сложной для запоминания. Перегруженный подробностями рассказ неубедителен — в нем заговор

громоздится на заговоре, и за всеми деталями трудно уследить. Главный аргумент против аутентичности пятого фрагмента заключается в том, что предложение отравить Дарнли в Крейгмилларе *полностью противоречит* главному обвинению Бьюкенена — что Мария и Босуэлл сговорились заманить Дарнли в Кирк-о-Филд *до того*, как Мария отправилась в Глазго за своим беспутным мужем. Если пятый фрагмент не подделка и действительно написан Марией, за него обязательно ухватились бы и сделали бы главным обвинением из всех, выдвинутых Бьюкененом. Самый разоблачительный фрагмент из двух «писем из Глазго» никак нельзя было не заметить. Тот факт, что его пропустили, может означать лишь то, что он просто не существовал в июне 1568 г., когда материал Бьюкенена отправили Сесилу. Его следует рассматривать как более позднюю, фальшивую вставку. Данный вывод подкрепляется еще и тем, что после составления досье Бьюкененом, но до того, как лорды предъявили окончательные обвинения Марии, *они изменили свою версию*. Добавилось еще одно обвинение, в попытке отравить Дарнли в Стирлинге после крестин принца Джеймса, в результате чего Дарнли стал жертвой «тяжкой болезни».

За два месяца до того, как «письма из ларца» наконец предъявили Елизавете и Сесилу, Морей привлек внимание Сесила к болезни Дарнли как к возможному «доказательству» пятого фрагмента. Этот ловкий трюк превращал сифилис Дарнли в попытку отравления. Но обвинение Морея неубедительно. Если пятый фрагмент не подделка, то Мария и Босуэлл намеревались отравить Дарнли после того, как она заманит мужа в *Крейгмиллар*, а не раньше, в *Стирлинге*, а поскольку Дарнли был уже болен, когда приехал в отцовский дом в Глазго, неудачная попытка отравления должна была состояться до его отъезда из Стирлинга. Невозможно объяснить, зачем в самый последний момент добавлять такое нелепое и неубедительное обвинение к другим обвинениям против Марии. Но промах лордов очевиден. Мы уже знаем, что во втором письме содержались вставки, связанные с Хантли и его сестрой: «Ваш фальшивый шурин» и «с двумя фальшивыми семьями». Последние пункты памятки — «О графе Босуэлле», «О жилище в Эдинбурге» — также выглядят подозрительно.

В отсутствие оригинальных рукописных страниц второго письма, в той форме, в которой они были представлены Елизавете и Сесилу, невозможно сделать окончательных выводов об этом необычном документе. Но все факты указывают в одном направлении. Приблизительно 1500–1800 слов письма, скорее всего, настоящие, даже при том, что строки о лечении Дарнли

ртутью не могли быть адресованы Босуэллу. С другой стороны, 1000–1200 слов, по всей видимости, являются вставками из писем, которые Мария написала несколькими месяцами позже, или откровенными подделками.

Вероятно, большинство вставок взяты из настоящих (хотя и более поздних) писем. Это демонстрирует масштаб коварства Морея, поскольку Елизавету и Сесила было трудно провести. Они потребовали, чтобы в документах проверили почерк. Сесил всегда относился к ним с подозрительностью. После того как оригиналы писем были изучены, он потребовал показаний под присягой, подписанных Мореем, Мортоном и лордом Линдси, главными организаторами вынужденного отречения Марии, — в том, что письма принадлежат ей и «написаны ее рукой». Соответственно, до вынесения вердикта следовало сравнить эти письма с настоящими письмами от Марии к Елизавете, которые хранились в королевском архиве[84].

Лорды знали, что грубую подделку всучить не удастся. Чтобы доказать вину Марии, им требовались страницы из ее настоящих писем, которые можно соединить и подправить в некоторых местах, так, чтобы они подтверждали выдвинутые обвинения. Эта гипотеза также объясняет странные противоречия в содержании второго письма — старые и новые страницы соединили в один документ. Кроме того, она объясняет, почему самые подозрительные фрагменты относительно короткие. Если их вносили в пробелы на настоящих страницах, Морей мог быть уверен, что они останутся незамеченными. Все знали, что Мария пишет быстро и небрежно, а также не экономит и использует самую дорогую бумагу, которая пристала только королеве, и поэтому риск посчитали оправданным.

26
Письма из ларца II

Два «письма из Глазго» были главными документами, представленными лордами конфедерации в качестве доказательства, что Мария замешана в убийстве Дарнли. Три из шести оставшихся «писем из ларца» — это любовные письма, причем два из них, как утверждалось, тоже имеют отношение к убийству Дарнли. Последние три письма якобы связаны с похищением Марии на мосту через Алмонд, предположительно в результате тайного сговора. Никакие рукописные копии или переводы утерянных оригиналов не позволяют установить настоящего автора, предполагаемого адресата или адресатов, а также дату написания писем. Все шесть писем вызывают не меньше вопросов, чем предлагают ответов.

Утверждается, что письма 3–5 — это любовные письма, которые Мария написала Босуэллу. Третье письмо женщина адресует мужу, который ее оставил. Она жалуется на его жестокость, отсутствие и небрежение, но «несмотря на все это, я не стану обвинять Вас ни в невнимании, ни в отсутствии заботы, и меньше всего в нарушении обещаний или в холодности Ваших писем». Женщина изо всех сил старается соблюсти приличия и уступать мужу так, как он этого ожидает: «Я также делаю то, что радует Вас, приемлемым для меня, и мои мысли с такой готовностью подчиняются Вашим, что я объясняю все исходящие от Вас действия… справедливыми и разумными причинами и моими собственными желаниями».

Это сильная духом женщина. Чтобы показать свои истинные чувства к мужу, она посылает ему подарок, перстень, который открывается, как медальон. Но это не обычный знак любви, не бриллиант в форме сердца, а твердый камень в форме могилы, вмонтированный в черную эмаль и окруженный маленькими бриллиантами, символизирующими слезы и кости. В перстень была вложена прядь женских волос — она называет их «украшением головы»: «Дабы доказать Вам, с какой готовностью я подчиняюсь Вашим указаниям, я послала Вам с Парисом[85] знак преданности, украшение головы, каковая главенствует над остальными членами»[86].

В словах женщины ирония соседствует с мрачными намеками. Она будет подчиняться указаниям мужа, но покорность будет такой, что она скорее умрет, чем поступится достоинством и независимостью:

> Я посылаю Вам могилу из твердого камня, окрашенную в черный, усыпанную слезами и костями. Камень я сравниваю с моим сердцем, которое есть истинная гробница или хранилище Ваших заповедей, а главное, Вашего имени и памяти о Вас, которые заключены там, как мои волосы в перстне, и которые не воскреснут до тех пор, пока смерть не подарит Вам победный трофей моих костей.

По настроению и тону это письмо разительно отличается от второго письма, с откровенными признаниями автора своему возлюбленному, так что трудно представить, что они написаны одним человеком. Тем не менее только на основе стиля невозможно сделать вывод, является ли Мария автором этих писем, поскольку у нас нет ее писем с подобной эмоциональной открытостью, подлинность которых не подлежит сомнению.

Обсуждение должно было сосредоточиться на содержании письма. В данном случае супруг женщины — жестокий и грубый человек. Он отверг ее, и она была вынуждена обращаться к достоинствам, которые, как ей было известно, у него отсутствовали. Такие слова и фразы, как «нарушение обещаний», «холодность Ваших писем», «Вашего имени и памяти о Вас», «слезы из-за Вашего отсутствия», однозначно указывают на несчастливый брак. Мы видели, что Босуэлл *мог* вести себя жестоко и грубо. Лорды вполне могли попытаться добавить красок ссорам и слезам в его отношениях с Марией в тот месяц, что прошел со дня свадьбы до решающего столкновения с лордами у Карберри-Хилла.

Но не следует забывать о проблеме почерка. Чтобы письмо выглядело убедительно, было бы очень важно найти *настоящее* письмо, в котором Мария изливала свои чувства подобным образом. Но за время, прошедшее от свадьбы до капитуляции, Мария и Босуэлл почти не разлучались — по крайней мере, больше чем на несколько дней. Более того, известные периоды разлуки — например, когда Мария стояла на плоской крыше замка Бортвик и, выглядывая между зубцами, обменивалась оскорблениями с лордами, или когда собирала войско в Данбаре, а Босуэлл направлялся в Мелроуз — были заполнены лихорадочной деятельностью, и у нее вряд ли было время заказывать изящное украшение у ювелира.

Чтобы письмо прошло проверку на почерк, когда его предъявят Елизавете и Сесилу, желательно было бы иметь подлинное письмо Марии, адресованное Дарнли и написанное во время одной из размолвок, — такое, чтобы лорды могли

объявить, что адресатом был Босуэлл. В данном случае это скорее всего был черновик, письмо или другой документ, отправленный Марией и извлеченный людьми Мортона из старых шкафов Дарнли в королевских покоях.

Сохранились две рукописные копии этого письма, одна на французском, вторая на среднешотландском. В последней — до сих пор абсолютно неизвестной, поскольку она была каталогизирована в Британской библиотеке в 1994 г., и тогда, похоже, никто не понял, что она содержит уникальную информацию, — есть копии заметок Сесила. Его комментарии свидетельствуют, что он был глубоко озадачен этим письмом. «Голова», «могила», «перстень с ее волосами» — вот что он аккуратно записывает в конце. Что все это означало?

Еще одна сложность заключалась в том, что если письмо было настоящим, но адресованным Дарнли, то перстень мог быть доставлен «Парисом», как указывал автор, только после того, как тот стал пажом Марии, перейдя к ней от Босуэлла. Это значит, что письмо могло быть написано не раньше весны 1566 г., что вполне согласуется с фактом отчужденности Марии и Дарнли, их ссор и долгих разлук, о чем сообщает дю Крок[87]. Велика вероятность, что третье письмо настоящее, но адресовано Дарнли, а не Босуэллу, и поэтому не имеет никакого отношения к заговору и убийству.

В качестве предполагаемого любовного послания к Босуэллу четвертое письмо выглядит еще менее убедительно, чем предыдущее. Лорды конфедерации утверждали, что в нем также содержатся леденящие кровь намеки на заговор с целью убийства, поскольку оно начинается со слов: «Я обещала ему, что привезу его завтра. Если Вы согласны, дайте к тому указание».

Автора четвертого письма никак не назовешь счастливой возлюбленной — скорее наоборот, поскольку складывается впечатление, что любимый человек ее предал. Он неверен, неблагодарен и приказал ей не писать ему и не искать встречи с ним. Он пребывает в дурном настроении, а она оскорблена его последней интрижкой. Его новая пассия не обладает «и третьей частью той верности и добровольного подчинения», которыми отличается автор письма. Она сравнивает себя с Медеей, первой женой Ясона — героя греческих мифов, который возглавил поход аргонавтов за золотым руном. В одном из вариантов мифа Ясон бросил жену и женился на Главке, но ему не суждено было стать счастливым, потому что в день свадьбы ревнивая Медея убила его новую возлюбленную, а также собственных детей.

Теоретически это письмо могло быть написано Марией и адресовано или Дарнли, или Босуэллу. Мы знаем, что они оба

имели любовниц, хотя Босуэлл вроде бы не спал с леди Рерс или Бесси Кроуфорд, когда был женат на Марии. Но судя по метафоре, использованной автором письма, это был Дарнли. Женщина сравнивает себя с Медеей. Она была первой женой Ясона, а не второй, хотя в то время, когда Мария якобы написала это письмо, Босуэлл был еще женат на сестре Хантли, леди Джин Гордон. Мария была первой женой Дарнли, хотя он был ее вторым мужем. Она вполне могла вообразить себя «Медеей», если ее излияния были предназначены ему, а поскольку нам известно, что она видела инсценировку на тему Медеи и Ясона на банкете в честь своего первого бракосочетания, в Париже, девять лет назад, то маловероятно, что она могла перепутать Медею и Главку. Мария изучала классическую литературу под руководством Жака Амио и Пьера Дане, лучших экспертов при дворе Генриха II. Либо это письмо Босуэллу, но не от Марии, либо от Марии, но адресованное не Босуэллу.

Но это несоответствие выглядит несущественным по сравнению со следующим. Лорды конфедерации утверждали, что четвертое письмо было написано 7 февраля 1567 г., за два дня до убийства Дарнли. Копии на французском и английском хранятся в архивах Сесила. Французская версия заканчивается словами: «Faites bon guet si l'oiseau sortira de sa cage ou sens[88] son per comme la tourtre demeurera seulle à se lamenter de l'absence pour court quelle soit». В буквальном переводе это звучит так: «Смотрите, чтобы птица не вылетела из клетки, оставив супруга, поскольку горлица будет жить одна и оплакивать его отсутствие, каким бы коротким оно ни было». Метафора могла быть намеком на стихотворение, которое Дарнли прислал Марии перед тем, как они расстались:

> Горлица так не страдает
> По своему супругу,
> Как я по той,
> Что завладела моим сердцем.

Следовательно, если Мария послала это письмо Дарнли, то оно могло означать лишь то, что она — птица, которая может улететь, оставив партнера горевать об утрате. Письмо могло быть отправлено из замка Крейгмиллар незадолго до крестин принца Джеймса, когда Мейтланд и его союзники уговаривали Марию развестись с Дарнли. Однако лорды конфедерации настаивали, что это аллюзия не на развод, а на заговор с целью убийства, несмотря на то что она содержалась в письме, по большей части посвященном супружеской неверности. Этот фрагмент, убеждали

они Сесила, «доказывает», что незадолго до убийства Мария советовала Босуэллу внимательно следить, «чтобы птица не вылетела из клетки».

С этой целью они отредактировали письмо. На этот раз можно с большой долей уверенности говорить об обмане. Сесилу предоставили перевод французской версии документа, сделанный шотландцами. Это доказывается почерком, который принадлежал одному из клерков, сопровождавших делегацию Морея. Тот же почерк, что и в переведенном документе, встречается в официальных бумагах и докладах делегации. Но при изготовлении копии клерк — по своей инициативе или по указанию Морея — заменил слово «per» на «pére», в результате чего «супруг» (mate) превратился в «отца» (father), под которым подразумевался Леннокс, отец Дарнли[89]. Затем копию передали клерку Сесила, чтобы тот перевел текст на английский. Не удивительно, что перевод получился следующим: «Смотрите, чтобы птица не вылетела из клетки, оставив отца…»

Это было слишком даже для Сесила. Он был блестящим лингвистом и получал награды за успехи в изучении языков, будучи студентом колледжа Сент-Джонс в Кембридже. Ему была известна и метафора — этот мотив постоянно использовался в литературе. Заметив подделку, он вычеркнул слово «father» в переводе клерка и собственной рукой написал сверху «mate»[90]. Затем он заменил «pére» на «per» в французской копии, зачеркнув последнюю букву. Намек исчез, и это должно было поставить под сомнение все остальное, но Сесил так хотел, чтобы Марию признали виновной, что либо не увидел, либо предпочел игнорировать более широкие последствия этого обмана.

Утверждалось, что пятое письмо было написано Марией Босуэллу за несколько дней до свадьбы Маргариты Карвуд, ее любимой камеристки, которая состоялась в Холируде в сыропустный вторник, в 1567 г., то есть всего за день или за два до убийства Дарнли. Начинается оно с укора, исполненного страдания: «Душа моя, увы! Должна ли такая глупая женщина, о чьей неблагодарности ко мне Вы прекрасно осведомлены, быть причиной для Вашего неудовольствия?» В письме нет никаких указаний, что речь идет о Карвуд, которую никак не назовешь «неблагодарной» и которая была одной из самых верных и преданных слуг Марии. Но кем бы ни была эта женщина, бездумно распространяемые ею сплетни дискредитировали и ставили в неловкое положение неверного любовника — утверждалось, что это Босуэлл, — который выражал свое недовольство и требовал, чтобы ее заменили при первой же возможности.

Автор — якобы Мария — пишет, что ничем не сможет помочь, пока точно не будет знать слова, якобы произнесенные прислугой. Серьезным препятствием служит и тот факт, что ей не позволено искать встречи с любовником. Если он не напишет ей нынешним вечером, у нее не останется выбора, кроме как взять дело в свои руки. Она выскажет прислуге претензии и будет искать замену. Поскольку эта женщина собирается выйти замуж, это можно устроить быстро.

Автор просит адресата больше доверять ей. Она напоминает о своей «верности, постоянстве и добровольном подчинении». Их отношения напряжены больше обычного. В заключение она пишет: «Невозможно было больше разгневать меня и причинить больше страданий», чем выразив сомнение в ее честности и верности своему слову. Когда Сесил поинтересовался личностью загадочной служанки, лорды конфедерации ответили, что «Маргарита Карвуд пользовалась особым доверием королевы Шотландии и была в курсе всех ее тайных дел». Нет нужды говорить, что Карвуд не вызывали давать показания Елизавете и Сесилу, чтобы подтвердить интерпретацию письма лордами или сообщить, кому оно было адресовано.

Казалось бы, письмо само по себе ничего не доказывает. Тогда зачем его включили в число «писем из ларца» и отправили в Англию для изучения?

Ответ содержит недавно обнаруженный рукописный перевод письма на английский. До настоящего времени была известна только одна рукописная копия этого документа, на французском. По какой-то причине английский перевод, хранившийся среди рабочих документов Сесила в Государственном архиве, не был идентифицирован и включен в научные издания «писем из ларца» в 1890-х гг. Затем, после того, как документ в конце концов каталогизировали, никто, по всей видимости, не увидел в нем ничего нового и поэтому не удостоил упоминания. В результате никто не знал, как Сесил интерпретировал фразу: «Je m'en deferay au hazard de la fayre entreprandre ce qui pourroit nuire à ce à quoy nous tandons tous deux». В буквальном переводе это звучит так: «Я сброшу с себя это бремя, рискуя сделать ее попытку губительной для того, к чему мы оба стремимся». Что могла иметь в виду Мария — если предположить, что автором была она? Это предложение настолько невразумительное и уклончивое, что понять его смысл невозможно. Единственное, что можно утверждать, — в нем нет прямых указаний на заговор с целью убийства. Английский перевод, сделанный кем-то из подчиненных Сесила, выглядит следующим образом: «Я избавлю себя от этого, и *опасность, которая неизбежно возникнет, должна*

быть принята». Это неверное толкование, неудачная попытка англичанина указать на убийство Дарнли и явная ошибка перевода с французского. Вероятно, Сесилу стало стыдно, поскольку он собственноручно внес исправления в перевод. В самом начале он изменил обращение «Милорд» на «Душа моя» — в оригинале было «Mon coeur», — но остальное оставил как есть.

Беспристрастный анализ писем № 3–5 не позволяет считать их компрометирующими. Их часто называют подделками. Это маловероятно. Они вполне могут быть настоящими письмами, которые Мария написала в 1566 г. самовлюбленному и неверному Дарнли. У него были интрижки на стороне. Он вечно жаловался и дулся. Он бросил ее и угрожал поселиться за границей. Его характер очень похож на характер адресата этих в высшей степени необычных «любовных» писем.

В третьем письме сказано, что несчастливая пара рассталась и живет раздельно — в отличие от Марии и Босуэлла в первый месяц после свадьбы. В четвертом письме автор отождествляет себя с Медеей, а не с Главкой, с женой, а не с любовницей. И наконец, в четвертом и пятом письмах автор напоминает адресату о своем «добровольном подчинении» — выражение, характерное для Марии, которая всегда утверждала, что, выйдя за Дарнли, она унизила себя, и говорила ему об этом, когда они ссорились.

Остаются последние три письма, под номерами 6–8, которые якобы подтверждали обвинение лордов, что Мария сама организовала свое похищение на мосту через Алмонд. Шестое письмо, скорее всего, представляет собой настоящее письмо Марии к Босуэллу, в котором лорды намеренно изменили дату. Почти наверняка оно было написано *после*, а не *до* похищения, поскольку содержит упоминание о событиях, которые произошли после того, как Мария приехала в Данбар, а Босуэлл отправился в Эдинбург, чтобы убедить жену подать на развод.

«Увы, милорд, — начинается письмо, — почему Вы верите человеку, недостойному доверия, а не тому, кто всецело предан вам?» Другими словами: «Почему Вы верите такому недостойному и почему их влияние заставляет Вас не доверять единственному человеку, который заботится о вас?» Автор объясняет:

> Вы обещали мне, что все разрешите и что каждый день будете писать мне, как я должна поступать. Но ничего из этого не сделали. Я предупредила Вас, чтобы Вы опасались своего фальшивого шурина. Он пришел ко мне и, не показав мне ничего от Вас, сказал, что Вы пожелали, чтобы он написал вам…

Этим «недостойным» человеком был Хантли, которого снова называют «фальшивым шурином». Здесь следует насторожиться, потому что только *после* похищения Марии 24 апреля 1567 г. между Хантли и Босуэллом возникла размолвка из-за намерения Босуэлла развестись с женой, леди Джин Гордон, и жениться на Марии. Сама Мария крупно поссорилась с Хантли, но только после того, как его сестра подала прошение о разводе. Мы также знаем, что после возвращения из Эдинбурга, где он готовил свой развод, Босуэлл поругался с Марией. Рукописные доклады Дрери указывают на «большую размолвку» между ними, длившуюся полдня. Это их единственная серьезная ссора до свадьбы.

Автор письма говорит, что ее возлюбленный «пожелал», чтобы Хантли посоветовал, что ей следует говорить и «где и когда Вы должны прийти ко мне». Но все пошло не по плану. Хантли отчитал ее. Он обрушился на ее «глупую затею», заявив, что она не может выйти замуж за человека, который не только уже женат, но также похитил ее, и что его семья, Гордоны, никогда этого не допустят. По утверждению лордов конфедерации, Мария отправила это письмо «из Стирлинга», чтобы предупредить о рисках похищения на мосту через Алмонд. Согласно хронологии Морея, она написала письмо 21-го, 22-го или, возможно, утром 23 апреля, непосредственно перед ее похищением 24-го числа. Но в письме нигде не встречаются слова «из Стирлинга». Неправдоподобно также утверждение Морея, что письмо предшествовало похищению. Лорды всегда настаивали, что цель автора — убедить Босуэлла, чтобы он похитил ее, используя Хантли как посредника, чтобы сообщить ей время и место мнимого похищения. Мы должны поверить, что до этого момента она не обсуждала с Босуэллом, где и когда должен быть разыгран этот спектакль. Босуэлл, обещавший все уладить, не мог принять решение и поэтому последовал совету Хантли, попросив *его* спросить у автора, что она думает на этот счет и «где и когда Вы должны прийти ко мне».

В архивах Сесила сохранились две рукописные копии этого письма, одна на французском, как оригинал, а другая в переводе на английский. На французском мы читаем: Хантли («фальшивый шурин») «m'a presché que c'estoit une folle enterprise, et qu'avecques mon honneur je ne vous pourries jamais espouser, veu qu'estant marié vous m'amenies et que ses gens ne l'endureroient pas et que les seigneurs se dédiroient». В буквальном переводе: «убеждал меня, что это *была* глупая затея, и что честь не позволяет мне выйти за Вас, поскольку, будучи женатым, Вы *увезли* меня, и что его семья этого не потерпит, а лорды откажутся от своего слова» (курсив добавлен). Морей всегда настаивал, что французский текст

следует читать так: «убеждал меня, что это *будет* глупая затея… поскольку, будучи женатым, Вы *увезете* меня…» (курсив добавлен). Но для Марии французский язык был родным. Если бы она использовала прошедшее время, то описывала бы прошлые, а не будущие события, как утверждали ее обвинители. Более того, использование прошедшего времени гораздо логичнее и соответствует тому, что мы знаем о реальных событиях в Данбаре после того, как Босуэлл уехал в Эдинбург, чтобы организовать развод, оставив Марию с Хантли.

26 апреля Босуэлл поскакал в Эдинбург. Там он помог жене подать прошение о разводе в протестантский суд. На следующий день Мария попросила архиепископа Сент-Эндрюса аннулировать брак Босуэлла в католическом суде. Когда Босуэлл вернулся в Данбар, то обнаружил, что Хантли и Мария поссорились. Затем у Марии и Босуэлла случилась первая большая размолвка. Если шестое письмо не подделка, но было написано *после*, а не *до* похищения, это существенно углубляет наше понимание того, какие чувства Мария испытывала к Босуэллу, пока он был в Эдинбурге, а она ссорилась с Хантли:

> Я хотела бы умереть. Потому что вижу, что все складывается неудачно. Вы обещали мне совсем другое, но отсутствие имеет власть над Вами, у которого в луке две тетивы[91]. Ускорьте свой ответ, чтобы я не ошиблась и не доверяла Вашему шурину в этом деле. Потому что он всегда выражает свое несогласие. Пусть Бог дарует Вам добрую ночь.

Все это абсолютно логично. Мы никогда точно не узнаем, что Босуэлл обещал Марии. Но ее чувства совпадают с теми, которые она впоследствии выражала, излагая свою версию Роберту Мелвиллу и епископу Данблейна, отправлявшихся с дипломатическими поручениями к Елизавете и Екатерине Медичи. Она понимала, что поступила дурно, вступив в связь с женатым мужчиной, и пыталась оправдать свое поведение — как перед собой, так и перед другими.

Но не все пошло так, как хотел Морей. Когда Сесил передал своему клерку для перевода оригинал письма, написанного на французском, тот верно передал времена глаголов. Хантли, писал он, «убеждал меня, что это *была* глупая затея, и что честь не позволяет мне выйти за Вас, поскольку, будучи женатым, Вы *увезли* меня…» (курсив добавлен). Составляя указатель для архивирования, клерк написал: «Копия из Стирлинга после похищения…» Именно так. Мы не знаем его имени, но он был честным человеком. Он понял смысл документа, который

переводил, и знал, что письмо не могло быть написано до похищения Марии, и поэтому не «доказывало» ни одно из обвинений Морея.

Сесил увидел опасность. И все больше беспокоился. Это «свидетельство» оказалось не таким убедительным, как заявлял Морей. Иногда цель оправдывает средства. Сесил зачеркнул слово «после» и сверху написал «до» — своим уникальным почерком. Теперь надпись выглядела так: «Копия из Стирлинга до похищения…» За одну или две секунды абсолютно невинный и понятный документ превратился в компрометирующий и нелогичный. Вероятно, одно это слово «до» было самым важным из всех, которые Сесил вписал в документы, имевшие отношение к Марии, королеве Шотландии.

По сравнению с этим письмом оставшиеся седьмое и восьмое письма не имеют особого значения, и, возможно, именно поэтому их рукописные копии не сохранились. До нас дошли лишь переводы на среднешотландский, изданные врагами Марии.

Седьмое письмо представляет собой почти точную копию основной части шестого письма. Предполагается, что это тоже послание Марии к Босуэллу, написанное накануне или за несколько дней до похищения. «Что касается времени и места, я вверяю себя Вашему брату и вам… Он сталкивается с многочисленными трудностями». По всей видимости, это просто один из вариантов перевода шестого письма на среднешотландский, включенный в перечень обличающих документов просто ради увеличения объема. Возможно, главной причиной его причисления к свидетельствам был тот факт, что в нем Хантли описывается Босуэллу как «Ваш брат», а не как «фальшивый шурин», что несколько смягчает противоречие с известным фактом, что Хантли поссорился с Босуэллом только после похищения, когда Мария согласилась выйти за него замуж.

Утверждается, что последнее письмо, под номером 8, было написано накануне похищения — то есть это третье письмо, якобы отправленное Марией Босуэллу меньше чем за сутки. В нем также повторяется содержание шестого письма. Но если в седьмом письме была предпринята попытка исправить хронологическую ошибку, допущенную лордами в отношении Хантли, то на этот раз он был назван «Вашим бывшим шурином». Письмо начинается словами: «Милорд, после моего последнего письма Ваш бывший шурин пришел ко мне, очень расстроенный, и спросил моего совета, что ему делать после завтрашнего дня, поскольку здесь будет много людей, и среди прочих граф Сандерленд…» Такое описание Хантли даже менее правдоподобно, чем «фальшивый шурин». Здесь есть и еще одна

явная ошибка, потому что графа Сандерленда не было в свите Марии, когда после посещения сына она появилась на мосту через Алмонд по дороге из Стирлинга в Линлитгоу; не было его и в Данбаре. Марию сопровождали Мейтланд, Хантли и сэр Джеймс Мелвилл. Даже Морей в своем рассказе о действиях Марии и Босуэлла не упоминает Сандерленда, который не участвовал в тех событиях. Причина появления его имени в восьмом письме — полная загадка.

Из писем 6–8, трех писем о «похищении», серьезного внимания заслуживает только письмо под номером 6. Скорее всего, она настоящее, но из него не следует, что Мария сговорилась с Босуэллом насчет своего похищения, — в нем нет никаких доказательств. «Я хотела бы умереть, — якобы пишет она. — Потому что вижу, что все складывается неудачно. Вы обещали мне совсем другое…» Вряд ли подобные чувства можно ожидать от добровольного помощника, согласившегося на рискованное предприятие. Кроме того, версию Морея опровергает прошедшее время глаголов. Вероятно, Морей это понимал и решил, что для убедительности лордам требуется нечто более конкретное. Это привело к появлению седьмого и восьмого писем, в которых предпринята попытка подкрепить суть шестого письма, но которые в конечном счете еще больше обнажили необоснованность предположений, на которых строилась аргументация.

Тем не менее на первый взгляд «письма из ларца» представляют собой улику — при условии, что они настоящие и написаны рукой Марии. Через два месяца после прочтения досье Бьюкенена и копий, предоставленных Мореем, чтобы удовлетворить его аппетит, Сесил решил действовать. Он убедил Елизавету учредить особый трибунал — его часто называют «комиссией» (что не совсем верно), чтобы не использовать слово «суд», — для расследования обвинений против Марии.

Вскоре должен был состояться судебный процесс, якобы беспристрастный. Вероятно, Елизавета не кривила душой, когда говорила, что ее цель при назначении членов комиссии — положить «конец разногласиям, спорам и противоречиям, возникшим и не ослабляющимся, между ее дорогой сестрой и кузиной, Марией, королевой Шотландии, и ее подданными». Но трибунал, созванный Сесилом, был больше похож на специальный суд, предназначенный для того, чтобы доказать виновность Марии в заговоре с целью убийства Дарнли. Судьями должны были стать герцог Норфолк, граф Сассекс и ветеран шотландской политики сэр Ральф Садлер, бывший секретарь Генриха VIII и посол в Эдинбурге.

Гениальная идея Сесила состояла в том, что при рассмотрении «писем из ларца» Елизавета будет выглядеть непредвзятым арбитром, тогда как в действительности ее убедили назначить комиссию, которой дано право объявить их подлинными или фальшивыми и таким образом определить степень вины Марии. Мария не хотела признавать законность трибунала, но находилась не в том положении, чтобы спорить. Она надеялась, что тщательное изучение документов снимет с нее все обвинения, поскольку считала письма явной подделкой. Она восприняла назначение герцога Норфолка как добрый знак, поскольку тот не скрывал своего враждебного отношения к лордам конфедерации, называя их врагами монархии. Поэтому Мария признала полномочия трибунала и назначила своих адвокатов, хотя официально не соглашалась с правом Елизаветы держать ее в Англии или судить.

Трибунал начал работу 4 октября в Йорке, и первым слово предоставили защитникам Марии, которые выдвинули свои обвинения против Морея и лордов конфедерации. Они протестовали против «великих обид, несправедливостей и ущерба», нанесенных Марии и ее верным подданным мятежными лордами, и обращались к Елизавете как к уважаемому и беспристрастному арбитру. Если у Морея и его союзников есть какие-либо доказательства, заявили адвокаты, их следует представить в письменном виде для должного изучения и опровержения.

Затем наступила очередь Морея. Не удивительно, что он не горел желанием настаивать на обвинении в убийстве или предъявлять собранные доказательства. Он подстраховывался, опасаясь гнева Елизаветы, если он обвинит свою сестру в убийстве и супружеской неверности, но не сможет этого доказать. Морей также хотел получить гарантии, что если ему удастся доказать вину Марии, то она больше не вернется на шотландский трон.

Именно это было главным. Морей боялся, что даже если он *докажет* соучастие Марии в убийстве Дарнли, Елизавета все равно не признает его назначение регентом или согласится передать Марию лордам, чтобы они решали ее судьбу, а может, будет держать ее в английской тюрьме. Он не желал представлять суду оригиналы «писем из ларца», по крайней мере официально, пока не будет уверен в своей победе — в том или ином виде. Морею хотелось и того и другого. Он отказывался передавать письма официально, но с готовностью показывал их английским судьям «в частном порядке и тайно». Письма не показали представителям Марии — согласно установленной Сесилом

процедуре, они не имели права требовать доступа к документам.

На английских судей тактика Морея не произвела впечатления. Обвинения были шокирующими, но принадлежали ли письма Марии? Судьи не увидели никаких доказательств. Самый несговорчивый из них, граф Сассекс, прямо предупреждал об этом Сесила. 22 октября он писал: «Если противная сторона обвинит ее в убийстве, предъявив письма, то она будет все отрицать и обвинит большинство из них [то есть лордов конфедерации] в явном согласии на убийство, что будет трудно опровергнуть». Сассекс понимал, если Морей и его делегация представят «письма из ларца», адвокатам Марии будет достаточно лишь отрицать, что письма принадлежат ей. И она сможет коренным образом изменить ситуацию, обвинив мятежных лордов в убийстве Дарнли. Тогда в роли подсудимых окажутся лорды, а не Мария. И поскольку в деле замешаны большинство из ее обвинителей, то Морей проиграет.

Норфолк беспокоился еще больше. «Это дело, — объяснял он Сесилу, — самое сомнительное и опасное из всех, что мне приходилось рассматривать». Адвокаты Марии уже намекали, если «письма из ларца» будут официально предъявлены суду, она потребует личного присутствия на заседаниях. Норфолка шокировали выводы из второго письма (длинного «письма из Глазго») и шестого письма (самое убедительное из трех писем о «похищении»), но совершенно очевидно, говорил он, что лорды не заинтересованы в справедливости, а «ищут только своей личной выгоды». В своем стремлении защитить себя «они не заботятся о том, что станет с королевой или королем!». План Сесила начинал рушиться. Судя по заявлениям Сассекса и Норфолка, английские судьи понимали, что многие из обвинителей Марии были соучастниками убийства Дарнли, и меньше всего Морею хотелось, чтобы это стало известно.

Сесил поспешил вмешаться. Он организовал временный перерыв в заседаниях комиссии. Затем трибунал перенесли на юг, в Вестминстер, и назначили пять дополнительных судей, среди которых был сам Сесил и его зять, сэр Николас Бэкон, что явно сместило баланс в пользу Морея. Расширенный трибунал возобновил слушания 26 ноября. Тем временем Сесил уговорил Елизавету дать Морею гарантии, которых тот добивался. Если «письма из ларца» признают подлинными, Елизавета передаст Марию лордам конфедерации, при условии, что они гарантируют ее безопасность, или будет держать ее в Англии. Елизавета также признает Морея в качестве регента. Получив желаемое, он почти сразу же официально предъявил Марии обвинение в соучастии в убийстве Дарнли.

Мария была потрясена переменой в отношении к ней кузины. Ее заверяли, что английские судьи не будут пытаться рассматривать ее дело, а лишь выступят в роли арбитров в ее споре с мятежными лордами. Будучи королевой, Мария не желала, чтобы ее судили в юрисдикции, которую она не признает, и приказала своим адвокатам немедленно покинуть трибунал.

Они уехали 6 декабря, но было уже поздно. На следующий день Морей предъявил оригиналы «писем из ларца». Письма тщательно изучили на долгих заседаниях, продолжавшихся два полных дня, а затем еще раз, 14 декабря в Хэмптон-Корте. Исправляя протоколы трибунала, в которых описывалось, как были представлены документы, которые должны были фигурировать в качестве доказательств, Сесил аккуратно ставил все точки над «i» и черточки в «t». «Таким образом, — говорится в черновике, написанном рукой его секретаря, — они предъявили маленькую серебряную шкатулку, позолоченную, в которой были письма и записки, по их утверждению, от королевы Шотландии к графу Босуэллу».

Все совершенно понятно, но не для Босуэлла. Он собственноручно переписал протокол:

> Итак, они предъявили маленькую позолоченную шкатулку меньше фута длиной, украшенную во многих местах римской буквой «F», расположенной под королевской короной[92], и содержащую письма и записки, которые, по их словам, и как было подтверждено, написаны собственноручно королевой Шотландии графу Босуэллу.

Это должны были быть не просто письма Марии, а письма, касательно которых «подтверждено», что они написаны Марией «собственноручно». Это был не просто старый ларец. Добавленная подробность укрепляла доверие к расследованию. По иронии судьбы ларец, содержавший знаменитые письма, остался в истории именно таким, каким его описал Сесил. Шотландской делегации, которая до этого момента считала этот предмет обыкновенным и называла его «шкатулкой» или «серебряной шкатулкой», так и не позволили описать собственный трофей.

Слушания затягивались. Делегация Морея не предъявляла оригиналы «писем из ларца», пока Мария не отозвала своих адвокатов. Согласно иррегулярным правилам, которые установил Сесил, Марии было отказано в праве доступа к этим документам, по крайней мере, *после* того, как их рассмотрит трибунал. Следует отдать должное Елизавете, которая теперь тянула время. В глубине души она хотела, чтобы Марию признали невиновной и

вернули на шотландский трон. Она не любила Морея, не верила ему и не считала «письма из ларца» подлинными. По ее мнению, цель трибунала состояла в том, чтобы продемонстрировать явную подделку. Теперь процесс выходил из-под контроля. Он принимал явно односторонний характер. Если она будет действовать несправедливо или бесчестно, под угрозой окажется ее репутация.

Елизавета вмешалась, чтобы восстановить контроль над Сесилом и собственной политикой. Она второй раз объявила перерыв в заседаниях трибунала, а затем добавила к коллегии судей графов Нортумберленда, Шрусбери, Хантингтона, Уэстморленда и Варвика и сама председательствовала в Хэмптон-Корте 14 декабря, когда в последний раз изучались «письма из ларца». Елизавета приказала прочесть вслух протоколы заседаний трибунала, затем обвинения Морея и, наконец, «свидетельства», в частности «письма из ларца».

Протокол, как обычно, вел Сесил. «Были представлены, — писал он, — разнообразные письма на французском языке, предположительно написанные королевой Шотландии», собственноручно, графу Босуэллу:

> Оригиналы указанных писем[93]… были затем также представлены и внимательно изучены, и при прочтении должным образом были сопоставлены в части манеры письма и орфографии с рядом других писем, написанных гораздо раньше и отправленных упомянутой королевой Шотландии Ее королевскому Величеству. После этого было подано и зачитано заявление графа Мортона о том, как были найдены упомянутые письма, как то было засвидетельствовано его клятвой 9 декабря. При сопоставлении никаких различий обнаружено не было.

Протокол Сесила слишком хорош, чтобы быть правдой. Нет никаких сомнений, что он вводит в заблуждение. При некритичном прочтении создается впечатление, что тест на почерк был легко пройден, когда «письма из ларца» сравнили с настоящими письмами от Марии к Елизавете, которые на протяжении многих лет хранились в королевском архиве. На самом деле это маловероятно. По крайней мере, в отношении «длинного письма из Глазго», поскольку в самом тексте объясняется, что письмо было написано второпях глубокой ночью. «Простите мне мой плохой слог и прочтите дважды. Простите также мои каракули…» Более того, содержание седьмого и восьмого писем явно указывает на то, что это подделки.

Невозможно поверить, что при сравнении каракулей Марии с настоящими письмами, которые она отправляла Елизавете, не

было обнаружено никаких различий. Любой, кто видел в архивах собственноручные письма Марии к Елизавете, не мог не обратить внимание, что в посланиях «сестре королеве» она старалась писать красивым почерком. В них нет помарок, а лишь изредка встречаются признаки спешки. Если их сравнивать с тем, что написано небрежно и второпях, то к однозначному выводу прийти невозможно. В лучшем случае обнаружится некоторое сходство.

И что означает «сопоставление»? Неужели все восемь «писем из ларца» тщательно изучались и почерк в них сравнивался с почерком настоящих писем Марии, буква за буквой? Или просто *список документов из шкатулки*, приводившийся в заявлении Мортона трибуналу, в котором объяснялись обстоятельства их обнаружения, сравнивался с предъявленными письмами, чтобы выяснить, совпадает ли он с описанием, данным при произнесении клятвы. Протокол Сесила подозрительно двусмыслен, на что считали своим долгом указать все биографы Марии.

Если же, с другой стороны, проверка на совпадение почерка была проведена поверхностно или включала лишь несколько выбранных страниц, то она вполне могла быть успешной. Мы уже видели, что, за исключением седьмого и восьмого писем, Морей, скорее всего, представил настоящие, но искусно подобранные страницы, часть из которых была взята из более ранних писем к Дарнли, а часть — из более поздних писем к Босуэллу, и что самые компрометирующие вставки во втором письме, скорее всего, вписывались в пустые места. Тщательное исследование каждой страницы всех «писем из ларца» заняло бы много времени, а мы знаем, что к тому моменту, когда трибунал переехал в Хэмптон-Корт, судей было уже слишком много, чтобы все они могли уместиться за маленьким столом и внимательно рассматривать каждый документ, и поэтому вполне возможно, что все устроили так, чтобы создалось впечатление, что тест на почерк успешно пройден.

Когда Мария узнала о заседаниях в Хэмптон-Корте, то потребовала, чтобы ей позволили выступить перед трибуналом, но получила отказ. Однако Елизавета заявила делегации Морея, что разрешит судьям продолжить слушания только в том случае, если ее кузине будет позволено назначить представителя, который будет от ее имени отвечать на предъявленные обвинения, или она сама побеседует с делегацией, которую пришлет к ней Елизавета.

Наконец, Мария выступила с заявлением. Она отказывается отвечать на обвинения до тех пор, пока ей не позволят повидаться с Елизаветой. В противном случае она не признает правомочность

трибунала. Она и так сделала слишком много уступок. «Я не равна восставшим против меня и никогда не позволю судить себя наравне с ними».

Мария защищала свое достоинство. Она отказывалась терпеть подобное неуважение. Морей и его делегация лгут, заявляла она. Они злонамеренно обвинили ее в убийстве Дарнли, «тогда как совершили его сами». Единственное указание, которое она дала своим адвокатам: «Я никогда никому не писала что-либо, связанное с этим делом. Эти письма, если таковые появятся, — фальшивка и подделка, сочиненные ими самими только лишь для того, чтобы обесчестить и оклеветать меня».

Жаль, что Мария этого не знала, но Елизавета была в целом согласна с ней. Елизавета присутствовала в Хэмптон-Корте в первый день заседаний комиссии, но считала себя всего лишь «наблюдателем». Она полагала, что королева не вправе судить равного себе суверенного монарха. По ее собственным словам, цель этих слушаний состояла в том, чтобы «ясно понять истинность обвинений против королевы Шотландии», но «без предвзятости к той или другой стороне». Когда этого не произошло, а Сесил составил протоколы, указывающие на вину Марии, Елизавета внезапно объявила об окончании слушаний. Она отказалась встречаться с Марией, но заявила, что поскольку та не желает отвечать на обвинения, судебное разбирательство откладывается на неопределенное время. Именно это и произошло. К Рождеству 1568 г. Марию не признали невиновной, но и не осудили. Возникла неопределенность. Никакого вывода о подлинности «писем из ларца» сделано не было. Елизавета руководствовалась принципами естественного права. Действия Сесила были крайне предвзятыми, и Мария имела право изложить свою точку зрения перед судьями. Единственное, чего *не* смогла заставить себя сделать Елизавета, — встретиться с Марией и лично выслушать ее аргументы.

Но Мария посчитала это оскорбительным. Получалось, что Елизавета ставит себя выше ее. Она была убеждена, что кузина поступает с ней несправедливо. «Ах, мадам, — спрашивала она, — приходилось ли Вам слышать, что правителя лишают возможности лично выслушать слова тех, кто жалуется на ложные обвинения?» Мария советует Елизавете не верить, что она бежала в Англию, чтобы спасти свою жизнь. Ее цель — восстановить свою честь, получить поддержку и покарать мятежников. Она не позволит «судить себя наравне с ними». Она никогда так не унизится. Она всегда считала английскую королеву «ближайшей родственницей и верным другом». Она полагала, что Елизавета почтет за честь, когда ее назовут «вернувшей королеву», и

надеялась на доброе отношение. Теперь Мария видит, что ошиблась. А Сесила она считает самым главным и безжалостным противником. За всем этим стоит он. «Вы говорите, — упрекала она Елизавету, — что в этом деле советовались с самыми знатными персонами. Упаси Господь, чтобы я стала причиной Вашего бесчестья, тогда как мои намерения были прямо противоположными».

Мария реагировала на события единственным способом, который ей был доступен в условиях неволи: точно так же действовал бы ее дядя, кардинал Лотарингский. Она написала Филиппу II, главному защитнику католиков в Европе, заявив о своей невиновности и обратившись за помощью. «Меня лишили свободы и тщательно стерегут», — жаловалась она. Поэтому она хочет, чтобы все католические правители знали, что она «послушная, смиренная и преданная дочь святой католической римской церкви, которая будет жить и умрет в истинной вере, каково всегда было мое намерение». Письмо было всего лишь пробным шаром, но указывало на серьезное изменение ее позиции, поскольку Мария всегда — если не считать краткого периода перед убийством Риццио — считала религиозный компромисс краеугольным камнем своей политики. Приближался тектонический сдвиг, который обесценит ее родственные связи с Елизаветой, свяжет ее судьбу с папой и Филиппом II, и в результате угроза «безопасности» Елизаветы и протестантизму станет самой сильной с тех пор, как Мария вернулась в Шотландию.

Мария была обескровлена Сесилом, но не смирилась. Близился новый этап ее жизни, совсем не похожий на прежние.

27
Королева в неволе

Когда Елизавета отвергла требование Марии о личной встрече, а Мария отказалась обсуждать «письма из ларца» через посредников, возникла тупиковая ситуация. Слушания не возобновлялись. Никакого решения принято не было. Мария не выиграла, но и не проиграла, если не считать того, что Елизавета уступила настойчивым требованиям Сесила и с неохотой признала Морея регентом Шотландии. В противном случае в стране образовался бы вакуум власти. Но Елизавета по-прежнему не доверяла Морею. От него откупились займом в размере 5000 фунтов, что, по его мнению, было прискорбно мало. Несмотря на то что его сестру удалось отстранить от власти, она оставалась живой и здоровой — королевой в изгнании, обвинения против которой не доказаны. Елизавета питала такое уважение к идее монархии, что заставила всех судей трибунала поклясться, что они сохранят тайну. Что касается общественного мнения Англии, то для него «письма из ларца» просто не существовали.

Елизавета будет держать Марию в неволе следующие восемнадцать лет — под домашним арестом и без права принимать посетителей, однако ей будут оставлены многие, если не все, привилегии и предметы роскоши как правителю в изгнании и гостье. Несмотря на такой долгий срок, решение о ее удержании никогда не считалось окончательным. Почти до самого конца среди ее привилегий было право дипломатического представительства, право на церемонии и протокол королевского двора, хотя и строго ограниченное, а также право на развлечения, изредка на верховые прогулки в пределах мили или двух от ее жилища. В чем-то Мария могла делать все, что ей заблагорассудится, в чем-то была строго ограничена; за всеми ее действиями следили, ее письма перехватывали, ее постоянно стерегли, иногда усиленно, иногда спустя рукава, но, несмотря на многочисленные привилегии, с самого первого и до самого последнего дня она считала, что с ней поступают несправедливо.

Мучительными были не столько условия содержания, сколько причина неволи. Мария чувствовала, что у Елизаветы не хватает духу исполнить свой долг и вернуть ей трон. Глубокая обида сохранялась на протяжении всего утомительного и травматичного заточения. Тем не менее Мария часто пребывала в хорошем настроении. Ее первый тюремщик, сэр Фрэнсис Ноллис, так отзывался о ней: «Это редкая женщина; никакая лесть не может ее

оскорбить, и никакие откровенные речи не могут ее обидеть, если она считает собеседника честным человеком». Она не проявляла холодности или высокомерия, пока признавался ее «королевский статус». Она много говорила, но была смелой, приятной в общении и «простой». «Она выказывает великое желание отомстить своим врагам». Она презирала трусость, кто бы ее ни проявлял, друг или враг. «Она выказывает готовность подвергаться любым опасностям в надежде на победу». Ко всем остальным заботам она была «безразлична».

Мария прибыла в Англию без денег и без своего гардероба. Поначалу у нее было всего шестнадцать помощников, но через несколько месяцев вокруг нее собрались более ста человек из прежнего королевского двора. Среди вернувшихся были Мария Сетон, Бастиан Паже с женой, а также Джордж Дуглас («Красавчик Джорди») и «Малыш Уилли» Дуглас, герои ее бегства из Лох-Ливена. Мария Сетон, единственная из четырех Марий, с готовностью делила тягости жизни со своей госпожой на протяжении долгих пятнадцати лет, пока ее здоровье не сдало, и она удалилась в монастырь Сен-Пьер-де-Дам в Реймсе, аббатисой в котором была тетя Марии, Рене.

Ограничить размер двора Марии — самый наглядный способ «ощипать королевского орла». Через несколько месяцев численность прислуги уменьшили до шестидесяти человек, а через год еще наполовину. Через три года их количество снова увеличилось до сорока, но лишь для того, чтобы сократиться до тридцати одного — когда один из слуг оказался переодетым католическим священником. Впоследствии количество персонала вновь сократили наполовину, до шестнадцати человек, хотя в их число не входили около десяти человек из кухни, буфетной, прачечной и конюшни, выполнявших черную работу. Еду Марии готовили на собственной кухне. Белье стирали личные прачки, и у Марии были свои лошади, хотя верховые прогулки ей позволяли реже, чем ей хотелось. В последние и самые стесненные годы неволи, когда ее лишили почти всех привилегий, общее количество прислуги было по-прежнему велико — пятьдесят один человек.

Но Марию несколько раз принуждали распрощаться со слугами, которых ей очень хотелось сохранить. Когда она отказывалась выбирать, кого уволить, а кого оставить, это делалось без ее участия. «Она была очень расстроена, плакала и грустила», но к ней не прислушались. Одним из тех, кому пришлось уйти, был «Малыш Уилли» Дуглас. Проявив характерную для нее щедрость, Мария смягчила удар для тех, кто остался без работы, отправив их к своему послу в Париже,

который распорядился выплачивать им содержание. Иногда ей удавалось найти слугам другое место. Одна из ее любимых служанок, парфюмер, которую ласково называли «Ангел Мария», была уволена, но Мария устроила ее на новую работу во французском посольстве в Лондоне.

Через несколько недель после прибытия Мария стала питаться нормально, и ей было позволено выходить из своих покоев в башне[94] в северо-восточном углу замка Карлайл, возвышавшегося над рекой Иден. Ей дважды разрешили наблюдать за мужчинами из числа ее слуг, которые играли друг с другом в футбол на ближайшем лугу. Впоследствии Мария участвовала в охоте на зайцев, причем пускалась в галоп так часто и скакала с такой скоростью, что ее охрана начинала паниковать, опасаясь, что она пытается пересечь границу и сбежать в Шотландию.

Несмотря на отсутствие денег, пока не поступила очередная сумма личного дохода как вдовствующей королевы Франции, Мария делала вид, что ничего не произошло. В первые полгода она почти не пользовалась косметикой, но по-прежнему тщательно следила за одеждой и прической. Когда она отказалась носить чужую одежду, покорный Ноллис отправил курьера, чтобы забрать ее гардероб из замка Лох-Ливен, а также попросил Морея прислать ее карету и платья из Эдинбурга. Королевские покои Холирудского дворца были разграблены людьми Мортона, и оттуда прислали лишь комплект сорочек, несколько пар надушенных перчаток и часы, но из Лох-Ливена прибыли пять повозок и четыре вьючные лошади с одеждой и личными вещами. Это было лишь начало; вскоре Мария заказала замену утраченному, и через год при переезде с места на место для ее вещей требовалось около тридцати повозок.

Когда приехала Сетон, Мария снова стала выглядеть как королева. Ее волосы требовали заботы, потому что она коротко постригла их во время поспешного бегства после сражения у Лангсайда, чтобы ее не узнали. Ноллис слышал, как она хвалила самую преданную из своих Марий, называя ее «лучшим „busker“», то есть лучшим женским парикмахером, которого можно найти во всех странах. Она умела все. «Среди прочих милых вещей… она так завивала волосы королевы, что они казались очень изящным париком[95]». Каждый день она делала Марии новую прическу, «без всякого ущерба, чему она была чрезвычайно рада».

Двадцать шестой день рождения Мария провела у лорда Скроупа в замке Болтон, уединенном месте на неприветливой возвышенности, откуда открывался живописный вид на долину Уэнслидейл в северном Йоркшире. Ее перевезли сюда из

Карлайла в июле 1568 г., приблизительно через две недели после того, как Сесил принялся внимательно изучать досье Бьюкенена. За день до ее дня рождения, 8 декабря, Морей предъявил оригиналы «короткого» и «длинного письма из Глазго» в Вестминстере.

Замок Болтон больше напоминал убежище, чем тюрьму. Лорд Скроуп был главным английским чиновником, отвечавшим за западную часть границы с Шотландией. Обязанности требовали его присутствия в Карлайле, и он регулярно уезжал из дома. Марию развлекала леди Скроуп, сестра герцога Норфолка. Она была католичкой и симпатизировала Марии. Как и брат, она была невысокого мнения о Морее, и Марии, вероятно, пригодилось плечо, на котором можно было поплакать после того, как комиссии были предъявлены «письма из ларца». Более того, дом леди Скроуп был теплым и комфортным. В жилых комнатах холодного и сырого замка имелось центральное отопление, одна из первых таких систем в Британии. Но Марии не позволили долго оставаться здесь. Через несколько месяцев ее снова перевели в более надежное и суровое место. Сесил опасался не только влияния леди Скроуп; его очень беспокоило, что замок находился в непосредственной близости от границы и моря. Он принял меры, чтобы Мария не попыталась сбежать.

В конце января 1569 г. ей пришлось совершить длительное путешествие на юг, в замок Татбери в Стаффордшире; путь пролегал по крутым и утопавшим в грязи тропам Йоркшира и Дербишира и занял десять дней. Татбери находился в центральных районах Англии: достаточно далеко, чтобы затруднить католикам с севера страны попытку вызволить Марию, и в то же время на значительном удалении от Лондона и портов, что делало бегство маловероятным.

Марию принял Джордж Толбот, граф Шрусбери, который будет ее тюремщиком следующие пятнадцать лет. Он был одним из самых знатных приближенных Елизаветы, вторым по рангу после герцога Норфолка, и идеальным с точки зрения английской королевы кандидатом для ведения дел с католической королевой в изгнании. Он был протестантом, но сменил веру лишь недавно, и лучше других понимал противоречия, с которыми придется столкнуться в отношениях с Марией. Он должен был добиться ее покорности, но уж точно не расположения. Он присутствовал на последних заседаниях созданного Елизаветой трибунала и знал об обвинениях Морея и о «письмах из ларца». Мария никогда не делала тайны из своей католической веры и связей с Гизами, а также своего желания перехитрить тех, кто держит ее в неволе; она постоянно была средоточием слухов, сплетен и намеков.

Мария прониклась уважением к Шрусбери, который не скрывал своего мнения о Сесиле, близкого к мнению Сассекса и Норфолка. Он прекрасно справлялся с возложенными на него обязанностями, но через десять лет на своем посту сделался мрачным, а его отношения с Елизаветой и ее придворными стали почти параноидальными. Он считал себя обязанным время от времени презрительно называть Марию «иностранкой», «паписткой» и «врагом», чтобы поддерживать свое реноме. Кроме того, Шрусбери столкнулся с тяжелым бременем постоянно растущих расходов на содержание Марии и ее свиты. Хорошо, что он мог себе это позволить, поскольку Елизавета оказалась слишком скупой и полностью не компенсировала затраты. Иногда она выделяла какую-то сумму, но чаще нет, а Мария, которая была в состоянии содержать себя на деньги, поступавшие из Франции, отказывалась это делать, пока ей не предоставят свободу. Шрусбери оказался меж двух огней и был вынужден оплачивать львиную долю стоимости содержания гигантской кукушки в своем домашнем гнезде — имитации королевского двора.

У Шрусбери в семье тоже было не все просто. Незадолго до того, как стать тюремщиком Марии, он женился на своенравной Бесс из Хардвика, с которой Мария проводила очень много времени. Бесс была очень гордой женщиной, необыкновенно ревнивой, с ненасытными амбициями в отношении себя и своих детей от предыдущего брака. В ее отношениях с Шрусбери, четвертым и последним мужем, традиционные гендерные стереотипы были перевернуты с ног на голову. Любимой греческой героиней Бесс была Пенелопа, самая независимая женщина в классической литературе; на ее любимом гобелене была изображена Пенелопа вместе с аллегориями Стойкости и Терпения. Амбиции Бесс, не говоря уже о необоснованных подозрениях, что муж спал с Марией, привели к краху их брака. Если в 1568 г. он называл жену «моя возлюбленная», «моя дорогая», «мой бриллиант», то десять лет спустя характеризовал ее так: «моя мерзкая и злая жена», «мой открытый враг» или просто «жена». Шрусбери отказывался проводить с ней под одной крышей даже одну ночь.

К счастью, у графа была любовница и семь поместий, а его жена владела домами в Чатсуорте и Хардвике в графстве Дербишир. Татбери не имел для них особой ценности: королевский замок, принадлежавший герцогству Ланкастерскому и просто взятый в аренду. Он был сырым, обшарпанным и почти лишенным мебели; кроме того, в замке протекала крыша. Елизавета прислала кровати, постельное белье и десяток ковров,

чтобы обеспечить Марии минимальный комфорт по прибытии, но этого было явно недостаточно, и уже через несколько дней после того, как Мария проехала по перекидному мосту во двор замка, она слегла в постель с ревматизмом и высокой температурой.

Следующие несколько месяцев Шрусбери вел трудные переговоры с Елизаветой и Сесилом, чтобы перевести Марию из Татбери в любой из своих более комфортных домов. Ее поселили сначала в Уингфилде, а затем в доме Бесс в Чатсуорте. Затем, в ноябре 1570 г., ее перевезли в замок Шеффилд, главную резиденцию графа, и там ей позволили остаться больше чем на два года, дольше, чем в любом другом месте.

Приблизительно в миле от замка находился Шеффилд-Лодж, великолепный особняк, возведенный на месте бывшего охотничьего домика, расширенный и перестроенный Шрусбери в то время, пока Мария была на его попечении. Впервые она остановилась здесь в апреле 1573 г., а в течение следующих одиннадцати лет курсировала между двумя домами в Шеффилде, время от времени выезжая в Чатсуорт и в дом, который Шрусбери построил для нее на курорте в Бакстоне — до тех пор, пока в 1584 г. графа не отстранили от должности ее тюремщика.

Близость Шеффилд-Лодж к замку была очень ценной, поскольку для того, чтобы уравновесить численность слуг Марии и справиться с угрозой безопасности при попытке побега, Шрусбери должен был держать более многочисленный штат, чем у нее. Это означало, что общая численность персонала в двух домах уступала только двору самой Елизаветы. В те времена в отсутствие современных канализации и водопровода следовало избегать длительного проживания в доме большого количества людей — по санитарным и медицинским соображениям. Чтобы предотвратить распространение болезней, нужно было периодически очищать сточные ямы и туалеты. Это означало, что их в буквальном смысле раскапывали, вывозя отбросы и экскременты в другое место — не слишком приятное дело, затруднявшееся тем, что дом был обитаем.

Все годы, которые Мария провела под надзором Шрусбери, к ней относились с уважением. Ее покои украшали роскошные гобелены, а по ночам в комнатах горели свечи в позолоченных канделябрах, что было очень удобно, поскольку Мария часто ложилась спать после часа ночи. Полы были устланы турецкими коврами, настолько ценными, что их часто использовали только в качестве скатертей. Кресла для Марии были обтянуты алым бархатом и парчой, а ее камеристки сидели на низких скамейках, как в Холируде, — словно она по-прежнему была правящей королевой. В одном конце ее приемной на помосте стояло кресло

с высокой спинкой и балдахином. Еще один балдахин, меньшего размера, был установлен над креслом в спальне. Она спала на большой кровати с пологом, а простыни из тончайшего льна менялись ежедневно. Другого она бы не приняла.

Один из эмиссаров Сесила, Николас Уайт, который посетил Марию в Татбери по пути в Ирландию, описал ее апартаменты. Ей выделили две комнаты, которые она превратила в личные покои и приемную. Мария «вышла из личных покоев в приемную, где находился я, и вежливо приветствовала меня». Затем она удостоила его королевской аудиенции, причем ее внешность и манеры произвели впечатление на сурового протестанта — даже против его воли. «К тому же, — сообщал он Сесилу, — она обладает очаровательной грацией, милым шотландским акцентом и пытливым умом, скрывающимся за мягкостью обращения». Разговор повернул на тему вкусов и умения разбираться в чем-либо. Здесь Мария чувствовала себя уверенно и стала восхвалять живопись как «самое достойное» из искусств. Когда Уайт возразил, что живопись, по крайней мере в религиозном искусстве, есть «фальшивая истина», Мария завершила разговор. Это было намеренно провокационное замечание. «Она умолкла, попрощалась со мной и удалилась в личные покои». Уайта никто не проводил к выходу, но прежде чем выйти из приемной, он посмотрел на балдахин Марии. «Я заметил на нем вышитую фразу, — писал он. — „En ma fin est mon commencement“ — „В моем конце мое начало“ — загадка, которую я не понял».

Он не знал о любви Марии к эмблемам и шифрам. «В моем конце мое начало» — это девиз ее матери, Марии де Гиз, которая выбрала своей эмблемой птицу феникс. Это мифическое существо каждые пятьсот лет сгорало и возрождалось из пепла; феникс считался символом непревзойденной красоты и стойкости, надежды и окончательной победы. До настоящего времени эмблемой — выбранной еще во Франции — самой Марии были бархатцы, цветы, поворачивающиеся к солнцу, а девизом — фраза «Меня влечет добродетель». Позже она использовала иконографический вариант этого девиза: магнитный железняк, естественный магнит, который поворачивался к полюсу, и мореплаватели использовали его для навигации. Теперь, оказавшись пленницей в Англии, Мария сменила свой девиз на девиз матери, который гораздо лучше соответствовал ее затруднительному положению. Он был безобиден в том смысле, что принадлежал семье, но в то же время имел пророческий смысл. Фразой «В моем конце мое начало» Мария заявляла, что если ее убьют, династическая линия сохранится в лице ее сына Джеймса, который унаследует английский трон вместо нее.

Доклад Уайта показывает, каким изысканным и роскошным было окружение Марии. Тем не менее тюрьма оставалась тюрьмой. Мария ненавидела охрану, которая дежурила под окнами спальни, всюду сопровождала ее и даже была вооружена пистолетами — в тех редких случаях, когда ей позволялись верховые прогулки в парке или в вересковых пустошах. В помещении ее стерегли днем и ночью — часовые появлялись в пять утра по сигналу барабанной дроби. Мария все больше боялась отравления и по этой причине настояла на том, чтобы иметь собственную кухню и буфетную.

Несмотря на периодические приступы пессимизма, она никогда не забывала о своем королевском звании. Мария упрямо соблюдала протокол, а во время еды придерживалась ритуалов королевской трапезы. Ее «меню» отражают выписанные счета. Подобно самой Елизавете, она позволяла себе две «перемены» блюд на обед и ужин, и каждая «перемена» состояла из шестнадцати отдельных блюд, подаваемых отдельно, — не считая хлеба, вина, салатов и фруктов. Всего получалось тридцать два блюда для каждой трапезы, или шестьдесят четыре в день. Иногда их было еще больше, иногда чуть меньше, «в зависимости от поставок»[96]. Мария сама выбирала, какие из поданных блюд она желает съесть или попробовать.

В меню преобладали мясные блюда, за исключением «рыбных дней» — обычно по пятницам и во время поста. Обед, как правило, подавали между 11 и 12 дня: суп, телятина, говядина, баранина, свинина, каплун, гусь, утка и кролик в первой перемене блюд, а затем фазан, ягненок, перепела, голуби, пирог с фруктами и яблоки или груши во фритюре. На ужин, обычно между 5 и 6 часами пополудни зимой и 7 и 8 часами летом, подавали суп, телятину, ягнятину, рубец, язык, цыпленка, фазана, голубей и кролика, за которыми следовали перепела, запеченный пудинг, пирог с фруктовой начинкой и фрукты. В «рыбные дни» на обед на столе были камбала, мерланг, пикша, треска, палтус, скат, усач, морская и речная щука, угорь, а на вторую перемену — сазан, килька, форель, линь, сельдь и пирог с фруктами, а на ужин — лосось, голавль, форель, сельдь, угорь, креветки, устрицы и другие морепродукты.

Мария ела за отдельным столом, как того требовал протокол. Еду ей подавали на серебряных блюдах, вино наливали в хрустальные бокалы. Вероятно, она пользовалась столовыми приборами, изготовленными в Шеффилде. Они отличались таким высоким качеством, что Мария посылала их в подарок родственникам во Францию. Перед едой и в перерыве между двумя «переменами» она мыла руки в позолоченной серебряной

чаше. Приближенные подавали ей еду и вино в личных покоях (которые также служили столовой), а затем сами садились есть за отдельный стол. Камеристкам Марии было положено девять блюд, секретарям — семь или восемь. Прислуга рангом пониже вместе с женами и детьми питалась на кухне остатками, часть из которых отдавали многочисленным собакам.

Естественно, Мария набирала вес. Несмотря на то что «меню» мало отличалось от того, что она ела в Шотландии, там у нее была регулярная физическая нагрузка, обычно в форме продолжительных верховых прогулок, тогда как теперь сочетание неподвижного образа жизни и обильной пищи стало источником проблем. Мария поправилась, ее плечи округлились, и начала появляться легкая сутулость. Она страдала от сильных запоров и других нарушений пищеварения; вернулись и прежние приступы язвы. Сразу же после приезда в Толбот Мария слегла на целых две недели, а не успев поправиться, снова заболела. Она жаловалась на сильные боли в животе, которые приписывали метеоризму, но которые вполне могли быть вызваны осложнениями от язвы желудка. Обеспокоенный Шрусбери писал Сесилу, что «часто по причине сильных болей, происходящих от газов, поднимающихся к голове и другим частям тела, она находится на грани обморока. В прошлый четверг она приняла пилюли, изобретенные ее личным лекарем; ночью ей было очень плохо, но затем стало лучше».

Несколько недель спустя после приема лекарства Марию вырвало, и она упала в обморок. Врач привел ее в чувство с помощью виски — как и его предшественник в Сен-Жермене десять лет назад. Елизавете отправили прошение, чтобы при Марии постоянно находились двое врачей, и разрешение было быстро получено. По всей видимости, все болезни Марии в неволе были связаны с язвой желудка, с невралгией и сильными головными болями, вызванными малоподвижностью и фрустрацией, с нарушениями пищеварения, а также с сильным отеком ноги. Вероятно, на ноге у нее была язва или тромбоз глубоких вен — опять-таки вследствие малоподвижного образа жизни, — впервые проявившиеся во время пребывания в Лох-Ливене. Кроме того, Мария страдала от хронического ревматизма, от болей в левой пятке, а также от повторяющихся приступов неизвестной вирусной болезни. Один из таких приступов случился в Шеффилде в 1575 г., когда она слегла с температурой, которую связывали с болями в животе и катаром.

Мария понимала, что стареет раньше времени. Она жаловалась на «усиливающуюся тошноту» и рвоту «с большим количеством грубой, густой и слизистой флегмы». Живот у нее

болел всегда с левой стороны «прямо под ребрами». Она не могла спать, иногда по десять или двенадцать дней подряд. Врачи прописывали ей клизму, которая снова вызывала рвоту. Она продолжала принимать пилюли, но без видимых признаков улучшения. Часть ее болезней, вероятно, носили психосоматический характер и проявлялись во время стресса, когда Марии казалось, что Елизавета забыла о ней или отказывается протянуть оливковую ветвь. «Никто не может вылечить эту болезнь, кроме королевы Англии», — постоянно повторяла она, и не без оснований.

Особенно сильной была ее тоска по сыну. Она ничего не знала о нем, за исключением того прискорбного факта, что он воспитывается ее врагами, причем в протестантской вере. Ей не позволяли писать ему, и за все годы своего заточения она не получила ни одного письма от сына или его опекуна. Первое письмо Джеймса матери, по всей видимости, было написано в марте 1585 г., когда ему исполнилось восемнадцать[97]. За два или три года до его получения Мария не выдержала. Она больше не могла сдерживать свои чувства: «Разве это справедливо, что мне, матери, запрещено не только дать совет и утешение своему угнетаемому сыну, но также знать, в каком бедственном состоянии он пребывает?» Мария очень хотела увидеть Джеймса, о чем свидетельствует одна вещь, с которой она не расставалась до самого последнего дня жизни. Это был тонкий золотой футляр с откидывающейся крышкой, который в посмертной описи ее имущества указан как «книга из золота с эмалью, содержащая портреты покойной королевы, ее мужа и сына». Естественно, она хотела всегда иметь при себе миниатюру с портретом сына, но тот факт, что в том же футляре хранился ее портрет и портрет покойного мужа, должен вызывать удивление — если она организовала убийство Дарнли.

Проблемы со здоровьем Марии усугублялись отсутствием поддержки из Франции. По прошествии двух лет она выказала невиданное смирение, заклиная Екатерину Медичи пожалеть ее. Она умоляла самую черствую из своих бывших свекровей «прислушаться к этой скромной просьбе о помощи Шотландии». В письме Карлу IX с рекомендацией слуге для зачисления в *шотландскую гвардию* она позволила себе пожаловаться: «Я не получила ответа ни на одно из моих писем, и по этой причине не беспокою Вас состоянием моих дел».

За все годы, проведенные в неволе, у Марии не отмечалось практически никаких признаков острой перемежающейся порфирии, которой, по мнению некоторых врачей, она страдала[98]. Ее болезни были обусловлены по большей части

малоподвижным образом жизни, стрессом и депрессией. Спасаясь от меланхолии, Мария носила аметистовый перстень, который, как она утверждала, обладает магическими свойствами «contre la melancholie» (против меланхолии). Своему послу в Париже она писала, чтобы он достал «митридат», вещество, которое, по слухам, служило универсальным противоядием и мгновенно излечивало болезни. Она просила его найти «частицу рога единорога высшего качества, поскольку я очень в нем нуждаюсь». Рог единорога был дорогим мошенническим снадобьем, пользовавшимся особой популярностью среди королевских особ того времени. У Генриха VIII всегда имелся его запас в виде мазей и бальзамов. На самом деле снадобье изготавливали из рога носорога или бивня нарвала, но приписывали ему чудодейственную силу.

Мария очень хотела вырваться из замкнутого пространства, понимая, что будет чувствовать себя гораздо лучше. Впервые она попросила разрешения поехать на воды в Бакстоне в 1572 г. Целительные свойства тамошних горячих источников были известны еще со времен Римской империи. Роберт Дадли, граф Лестер и другие придворные регулярно посещали курорт, что создавало в городе космополитичную атмосферу и удовлетворяло желание Марии попасть в более широкий и изысканный мир. По иронии судьбы она дважды сталкивалась там с Лестером, наконец увидев все еще влиятельного фаворита Елизаветы, которого та почему-то предложила ей в мужья. Существовала также вероятность встретиться с самой Елизаветой. В июле и августе 1575 г., когда летнее путешествие английской королевы привело ее в центральные графства и затем в Стаффордшир, двух «сестер» и «кузин» разделяло лишь несколько миль. Елизавета не рискнула встретиться с Марией, поскольку всегда боялась проиграть в споре. Узнав, что Мария приехала на воды, Елизавета поспешно изменила свои планы.

В период с 1573 по 1584 г. Мария не одно лето провела в Бакстоне. Ей так нравилось на курорте, что заботливый Шрусбери построил для нее уединенный дом. Поначалу он не хотел отпускать Марию на воды — из соображений безопасности. Зачем ей горячие источники, если она и так регулярно принимает ванны с травами и даже использует дорогое белое вино в качестве тоника для лица? Просьбу Марии передали Елизавете, которая адресовала ее Сесилу, а он, в свою очередь, Тайному совету, откуда она снова вернулась к королеве. Пока тянулась эта бюрократическая процедура, Марию перевезли в Чатсуорт, на пути в Бакстон, где в конечном счете и было получено разрешение.

Посетители курорта пили воду из источников — несколько пинт в день — и принимали ванны. После омовения они играли в разнообразные игры или отдыхали в хорошо оборудованной купальне (она тоже принадлежала Шрусбери), которая функционировала как отель на тридцать номеров. В большом зале вокруг горячих источников были расставлены кресла и «каминные трубы для сушения одеяний рядом с купальней, и прочие необходимые вещи самого достойного качества». Мужчины развлекали себя игрой в кегли или стрельбой из лука, а женщины — игрой в шары, которая называлась «Попади в мадам». Мария была бы не прочь пообщаться с другими отдыхающими, но ее старались держать в изоляции. Однако Марии иногда удавалось поговорить с кем-нибудь из гостей. В те периоды, когда в Бакстоне было многолюдно, ее увозили осматривать известняковые пещеры по соседству или ограничивали ее перемещения домом и садом.

В первые десять лет своего заточения Мария много времени посвящала вышиванию и беседам с Бесс из Хардвика. Как докладывал Шрусбери, Мария виделась с Бесс каждый раз, когда «сидела за вышиванием, что доставляло ей большое удовольствие». Бесс, одна из четырех дочерей мелкого дворянина, была на двадцать лет старше Марии, но стремилась общаться с королевой. Историк XVIII в. Эдмунд Лодж описывал ее как «женщину с мужским умом и поведением, гордую, неистовую, эгоистичную и черствую». Кроме того, она очень любила оформлять интерьеры и использовала свои отношения с Марией, чтобы получить доступ к редким шелкам и дорогим тканям из Франции. Они сидели и вышивали вместе со своими слугами и компаньонками — иногда несколько дней или даже недель подряд. Некоторые их работы и теперь выставлены в Хардвик-Холле и Оксборо-Холле.

В 1574 г. Бесс удачно выдала свою дочь, Элизабет Кавендиш, за младшего брата Дарнли, Чарльза, который приходился Марии деверем. У Бесс были претензии на королевский престол, что вызвало сильное недовольство Елизаветы и ее многострадального мужа, которого она не удосужилась проинформировать об обручении падчерицы и который неожиданно для себя оказался объектом гнева Елизаветы. Этот брак вызвал охлаждение в отношениях Марии и Бесс, поскольку его династическая подоплека была очевидна. Но примерно до 1577 г. они продолжали вышивать вместе. Мария до конца жизни получала удовольствие от этого занятия. В поисках узоров она листала книги с эмблемами, а великолепные гравюры Конрада Геснера с изображением птиц, животных и рыб предлагали широкий выбор

сюжетов, соответствовавших ее художественному вкусу и любви к домашним питомцам. Она вышила как минимум три рисунка из второго издания его «Рисунков животных»: кота, феникса и тукана — последнюю вышивку Мария назвала «Птица из Америки». Она также скопировала дельфина из книги Пьера Белона «Природа и разнообразие рыб», изданной в 1555 г.

Мария сначала рисовала контуры на основе, намечая рисунок мелом, а затем выбирала цвета. После этого она вышивала по рисунку шелком и цветной шерстью — работа занимала от недели до трех месяцев. Закончив вышивать, она добавляла к своей работе — всегда превосходного качества — символ «MR» или монограмму на основе греческой буквы «М»[99]. Но вышивала Мария не просто для того, чтобы убить время: работа давала выход ее своеобразному чувству юмора. Темы ее вышивок могут показаться невинными, но в них зачастую скрывался более глубокий, крамольный смысл — для тех, кто понимал.

Небольшая армия раболепных поэтов и художников старалась польстить Елизавете, изображая ее в образе звезды, солнца или луны, а Мария с удовольствием вышивала затмения. «Кошка» в исполнении Марии была не просто репродукцией рисунка черно-белого домашнего кота из книги Геснера. У кошки — а это, вне всякого сомнения, была кошка, — вышитой нитками рыжего цвета (намек на легендарные рыжие волосы Елизаветы) на голове была золотая корона, и она внимательно следила за мышью; в оригинальном рисунке Геснера эти детали отсутствовали. Мария несколько раз сравнивала себя с мышью, а Елизавету с кошкой, которая наблюдала и ждала подходящего момента для прыжка. Феникс в версии Марии представал эмблемой ее матери, а теперь и ее собственной — с короной и инициалами «MR» по обе стороны головы. Точно так же, дельфин был не просто морским млекопитающим, а каламбуром, обыгрывающим слово «дофин», эмблемой ее первого мужа, Франциска II, а также напоминанием о королевском статусе самой Марии.

Одна из работ была посвящена более опасной теме: стенная драпировка, на которой изображена спускающаяся с небес рука с садовым ножом, которая срезает виноградную лозу, и девиз «Virescit Vulnere Virtus» («Доблесть крепнет от ран»). Девиз мог указывать на возмущение Марии тем, как с ней обращается Елизавета, или сигнализировать о решимости выжить, несмотря ни на что. Скорее всего, эта двусмысленность была намеренной.

Любовь Марии к изображениям животных отражает то обстоятельство, что в своем одиночестве она обращалась за утешением к домашним питомцам. Вскоре после переезда в Шеффилд Лодж она попросила своего посла в Париже связаться с

ее дядей, кардиналом Лотарингским, который удалился в Лион. «Я уверена, что он пришлет мне пару милых маленьких собачек, а Вы купите для меня еще несколько штук, потому что кроме чтения и вышивания я нахожу радость только во всех маленьких животных, которых мне удается получить. Вы должны прислать их в корзинах и держать в тепле». Когда собак доставили, Мария призналась: «Я очень люблю маленьких собак, но боюсь, что они вырастут довольно большими».

Любовь Марии к животным также стала инструментом ее дипломатии. Кастельно, знавший ее еще с юности, в 1575 г. был назначен французским послом в Лондоне. Он написал Марии через несколько месяцев после прибытия — просил помощи в поиске английских охотничьих собак. «Я сразу же попросила графа Шрусбери помочь мне, — ответила Мария. — Он дал мне трех спаниелей и двух других собак, выразив уверенность, что они хороши». Когда Кастельно собаки были уже не нужны, Мария послала их своим кузенам из семьи Гизов, в качестве подарка для Генриха III, нового короля Франции, который в 1574 г. в возрасте двадцати двух лет унаследовал престол от своего болезненного брата, Карла IX, после того, как год пробыл избранным королем Польши. Единственное, о чем жалела Мария, — что она сама не может посмотреть собак в деле. «Ведь я пленница, и могу лишь оценить их красоту, поскольку мне не разрешено ездить на лошади или охотиться», — жаловалась она.

В Шеффилде Мария решила завести птичник. Она привыкла к экзотическим птицам при дворе Генриха II и начала с того, что обратилась к своему представителю в Париже найти для нее родительские пары горлицы и барбарийской утки. «Я хочу, — писала она, — проверить, смогу ли я вырастить их в этой стране, поскольку Ваш брат говорил мне, что когда жил с Вами, ему это удалось… Я получу огромное удовольствие, если они будут жить у меня в клетках, подобно мелким птицам, которые у меня уже есть. Это займет время пленницы».

Мария часто возвращалась мыслями во Францию. Несмотря на то что ее письма вскрывали, она писала чиновникам французского посольства в Лондоне, своему дяде кардиналу Лотарингскому, герцогу и герцогине Немур, а также — хотя и реже — пятерым кузенам, детям ее убитого дяди, герцога де Гиза. Поначалу она не знала, что ее письма перехватывают и направляют для проверки или расшифровки агентам нового главного секретаря Елизаветы, сэра Фрэнсиса Уолсингема. Сорокачетырехлетний секретарь пользовался покровительством Сесила еще со времен учебы в Кембридже. Уолсингем был самым твердолобым идеологом при дворе Елизаветы, убежденным

кальвинистом, который при любой возможности восхвалял Реформацию. Сесил рекомендовал его Елизавете на должность главного секретаря в декабре 1573 г. Около пяти лет молодой человек работал на него в качестве специалиста по разведке и руководителя шпионской сети. Письма Марии аккуратно вскрывали, копировали, а затем отправляли адресатам — с неповрежденными печатями.

Мария была потрясена и испугана реакцией на ее письма. На многие из них она даже не получала ответа. Даже от ее тети Анны, герцогини Немур, вдовы ее убитого дяди, которая всегда с сочувствием относилась к Марии, но и ее письма постепенно иссякли. К середине 1570-х гг. семья Гизов утратила былое могущество; их оттеснили соперники, наследники и преемники коннетабля Монморанси и его давнего союзника Антуана де Бурбона. Влияние кардинала Лотарингского практически сошло на нет. Он и кузен Марии, Генрих, герцог де Гиз, покинули Париж и удалились в Жуанвиль и Медон.

В декабре 1574 г. в Авиньоне в возрасте пятидесяти лет умер кардинал Лотарингский, и оборвалась главная ниточка, связывающая Марию с Францией. Печальное известие пришло к ней в феврале, через месяц после того, как она написала дяде длинное письмо, уговаривая его не бросать попыток вернуть благосклонность Екатерины Медичи. Мария была очень расстроена. «Сначала я не могла сдержать чувств или остановить потоки слез, — писала она, — но мои долгие несчастья приучили меня надеяться на утешение всех горестей в лучшей жизни».

В живых оставался только один из ее дядей, Клод, и Мария понимала, что судьба семьи перешла в руки нового поколения. Она стала печальной и подавленной, сильно горевала из-за утраты. Мария боялась, что кузенов не интересует ни ее судьба, ни ее дело, которое они, по всей видимости, считали проигранным. Екатерина, по-прежнему сохранившая влияние на короля, оставалась ее врагом. Такой же далекой и бесполезной была патриарх семьи, Антуанетта де Бурбон, некогда ангел-хранитель Марии, а теперь испытывавшая горькое разочарование бабушка, продолжавшая винить внучку в опрометчивых браках, и втором, и третьем.

Мария так и не избавилась от любви к роскоши, к которой привыкла во Франции. Она попросила своего агента в Париже прислать ей «фасоны платьев, а также золотую и серебряную парчу и шелк, самые красивые и редкие из тех, что носят при дворе». Она заказывала чепцы «с короной из золота и серебра, такие, которые раньше шили для меня». Мария также интересовалась новейшей итальянской модой: «чепцами, вуалями

и лентами». В последнем письме дяде она просила «изящное золотое зеркало, которое прикреплялось бы к поясу с помощью цепочки». Она хотела выгравировать девиз на раме, заключающей две монограммы, ее и Елизаветы. Она также заказывала миниатюры со своим изображением, чтобы дарить сторонникам в Англии, «которые просят мой портрет». Вскоре после смерти дяди Мария получила разрешение позировать художнику в Шеффилде. Она утверждала, что хочет отправить миниатюры друзьям во Францию — вполне разумное объяснение, хотя, наверное, неискреннее.

Трудно сказать, верно ли эти портреты передают внешность Марии. Портрет в полный рост, выставленный в Хардвик-Холле, на котором Мария изображена набожной католичкой в возрасте тридцати шести лет, с распятием на груди и четками на поясе, является посмертным. Несмотря на утверждение, что портрет был написан в 1578 г., его нет в описи, которую Бесс из Хардвика составила в 1601 г., и упоминания о нем появляются только после того, как Яков VI взошел на английский престол в 1603 г.

В 1575 г. Мария позировала неизвестному миниатюристу, а в 1578-м — Николасу Хиллиарду, признанному мастеру этого жанра, вернувшемуся из Франции. В обоих вариантах на ней мягкий батистовый чепец, прикрепленный к модному покрывалу на каркасе и воротнику из тонкого кружева. С двух сторон из-под чепца выбиваются блестящие — но теперь, возможно, более темные и к тому же искусственные — локоны. Миндалевидные глаза по-прежнему яркие и внимательные. Скулы такие же высокие, нос с небольшой горбинкой — голова на портретах немного повернута. Мраморная кожа безупречна, но лицо стало чуть шире, и появился второй подбородок; это уже не юная девушка и не молодая женщина в расцвете лет. Сказывались годы, проведенные в неволе.

Мария посылала дорогие подарки Елизавете в тщетной попытке привлечь ее внимание, чтобы английская королева чувствовала себя обязанной ее освободить. Начала она со сладостей из сахара, марципана и орехов, привезенных из Франции, — Елизавете, которая была сладкоежкой, они очень понравились, несмотря на предупреждение, что сладости могут быть отравлены. Среди других подарков была юбка из роскошного алого атласа, украшенная тафтой, которую Мария вышивала сама. Она придумала сложный узор из английских цветов, увенчанный чертополохом, а для того, чтобы придать ей еще более модный и богатый вид, использовала дорогие нити из шелка и драгоценных металлов, лучшие из тех, что имелись у ее французских поставщиков. Она попросила французское

посольство в Лондоне доставить юбку Елизавете — несмотря на протесты Шрусбери. Говорят, Елизавета восхищалась подарком и «очень его ценила». На какое-то время она смягчилась к Марии, но это продолжалось недолго и не привело к ослаблению надзора. В частности, Марии было отказано в дополнительных прогулках, которых ей больше всего не хватало. Шрусбери докладывал: «Я буду очень недоволен, если ей или кому-либо из ее приближенных будут позволены прогулки за ворота… Я разрешаю ей гулять на свежем воздухе на плоской крыше, а также в моей просторной столовой и во внутреннем дворе». Считалось, что этого вполне достаточно — на тот случай, если она склонна к побегу.

Тем не менее Шрусбери время от времени нарушал установленные им же правила, обычно когда Мария была больна или плакала. Как-то раз в холодном январе, когда в Шеффилде лежал глубокий снег, он разрешил ей гулять в парке, подумав, что она отвергнет это предложение и не станет выходить за порог. Но Мария, не раздумывая, надела самую теплую одежду и вышла на улицу, несмотря на то что проваливалась в снег и, вероятно, промочила ноги.

Такие подарки были малочисленными и редкими. Малоподвижный образ жизни сказался на здоровье Марии. Ее ноги воспалились, а боль в пятке была такой сильной, что она едва могла ходить. В 1582 г., вскоре после сорокового дня рождения, ей в качестве уступки позволили пользоваться каретой, чтобы выезжать на прогулки и дышать свежим воздухом. Поначалу она очень обрадовалась. Впереди кареты верхом ехали секретари королевы и другие ее приближенные, а всю кавалькаду охранял отряд Шрусбери с заряженными пистолетами. Маршрут предварительно осматривался разведчиками — на тот случай, если кто-то попытается увидеться с королевой Шотландии или даже освободить ее. Но радость быстро прошла. Вскоре боль в ногах настолько усилилась, что Мария не могла пройти даже небольшое расстояние. Ей было трудно взобраться в карету и выбраться из нее, а зимой она чувствовала такую слабость, что предпочитала не выходить из дома.

Последние годы Марии в Шеффилде и Чатсуорте были омрачены усиливающимся разладом между Бесс и графом, который усугублялся безосновательными подозрениями Бесс, что у ее мужа тайная связь с пленницей. Двор Елизаветы полнился слухами; не осталась в стороне даже сама королева. Кастельно, который всегда пытался помочь Марии, вопреки всему, предупреждал ее, что Елизавета передает слухи иностранным послам, тем самым распространяя их по миру. «Это последняя

отрава, которую припасли Ваши враги, — писал он. — Отравить не Ваше тело, а Вашу репутацию».

Почти вся информация, питавшая эти слухи, исходила от Бесс, и приблизительно в 1584 г. Мария в порыве раздражения решила перехватить инициативу. Она прислала Елизавете, вероятно, через Сесила, перечень всего, что Бесс говорила о ее «сестре королеве», предварив свои заметки следующим оправданием: «Я утверждаю, что укоряла упомянутую леди [Бесс] за недостойные мысли и слова о Вас, которые я не разделяю». Обвинения носили пикантный характер: что Елизавета обещала выйти замуж за своего фаворита, Лестера, и была его любовницей, что у нее была череда любовников, в том числе сэр Кристофер Хаттон[100], и что она скомпрометировала себя с французским дипломатом, когда приходила к нему ночью, целовала его и предавалась «всевозможным непристойным вольностям». Более того, в своих интимных беседах с французом она предала своих советников. По словам Бесс, Елизавета была настолько тщеславной, что заставляла придворных льстить ей «без всякой меры». Они развлекали себя игрой, в которой соревновались в придумывании таких необычных комплиментов для королевы, что не могли удержаться от смеха.

Мария знала, куда нанести удар. Она заявила, что когда Елизавета болела, Бесс предсказывала ее смерть, основываясь на мнении астролога, который «в старой книге пророчеств прочел о Вашей насильственной смерти и о том, что Вам унаследует другая королева, которой она считала меня». Желание встретиться с соперницей и поговорить с ней с глазу на глаз заставляло Марию хвататься за соломинку, и она предложила более подробно рассказать о недостойном поведении Бесс при личной встрече.

Но Елизавета — если Сесил вообще показал ей этот скандальный документ — отказалась. В 1580-х гг. поляризация между католиками и протестантами в Европе достигла наивысшей точки. В Нидерландах восстание кальвинистов против Испании стало необратимым. Во Франции в 1584 г. началась очередная гражданская война, когда Католическая лига объединилась с Испанией, чтобы уничтожить гугенотов и блокировать претензии на престол их лидера, Генриха Наваррского. Что касается самого Филиппа II, то после почти тридцати лет, когда он верил Елизавете на слово, он пришел к убеждению, что ключом к победе над голландскими мятежниками и к испанскому владычеству на Атлантическом океане является завоевание Англии. Война между Англией и Испанией приближалась.

Это был худший из кошмаров Сесила. Международный католический заговор с целью мести. И Тайный совет, и парламент, и «верная» протестантская элита, из которой состоял его близкий круг, придерживались единого мнения: с Марией следует покончить раз и навсегда. От этого зависело «сохранение» протестантского государства. Марию объявляли еще большей угрозой безопасности ее кузины, чем Испания, и, хотя до сих пор Елизавета в глубине души поддерживала Марию как свою наследницу, Сесил не мог принять этого — вся его карьера строилась на почти апокалипсическом видении судьбы английского протестантизма.

В августе 1584 г. Шрусбери вызвали в Лондон для участия в срочном заседании Тайного совета. Марию передали под надзор сэра Ральфа Садлера и его зятя Джона Сомерса. Это было временное решение, что неудивительно, потому что Садлер, теперь почтенный семидесятисемилетний старик, был послом Генриха VIII в Шотландии и держал маленькую Марию на коленях. Ему поручили перевезти ее сначала из Шеффилда в Уингфилд, а оттуда в сырой и холодный замок Татбери, куда она в конечном счете вернулась в январе 1585 г. По пути в Уингфилд ее охраняли сорок солдат, и Мария спросила, неужели Сомерс думает, что она попытается сбежать. Он ответил утвердительно. Это было бы естественно. «Нет, — сердито возразила она, — Вы ошибаетесь. Я скорее умру в неволе, чем постыдно сбегу».

Садлер был одним из самых верных и преданных сторонников Сесила, но в то же время — по крайней мере, в частной жизни — жалел пленную королеву. «Я нашел ее сильно изменившейся, — писал он, — по сравнению с тем, какой она была во время нашей первой встречи». Неволя разрушила ее здоровье. «Она еще не может дотянуться левой ногой до земли, и, к ее великой печали, эта нога короче другой, и есть опасность, что она не вернется к своему естественному состоянию без лечебных ванн».

Но Мария нисколько не утратила своего обаяния. Когда Садлер перевез ее в Татбери, она быстро очаровала его. Через три месяца он уже брал ее на соколиную охоту. Призванный к ответу, он признался: она «настоятельно просила меня позволить ей поехать со мной и посмотреть, как летают мои соколы». Она «получала истинное удовольствие от подобного времяпрепровождения, и я, не предполагая, что это будет истолковано дурно, исполнил ее желание; таким образом, она выезжала со мной три или четыре раза на соколиную охоту, удаляясь на милю, иногда на две, но не более чем на три мили от замка». Каждый раз ее стерегли сорок или пятьдесят человек.

Садлер старался сделать для нее все возможное, не выходя за рамки своих полномочий. «Но поскольку это вызвало неудовольствие, я не возражаю, чтобы меня сменил кто-то другой». Сомерс подтвердил заявление тестя. Во время охоты Марию надежно охраняли: «при какой-либо опасности или возникновении подозрений упомянутую королеву следует немедленно увести».

Но этого оказалось недостаточно. Садлер был слишком порядочным и деликатным для роли тюремщика Марии. Убежденный протестант и верный сторонник Елизаветы, он не мог пожертвовать своими человеческими чувствами ради политических и религиозных обязательств. Садлер принял почетную отставку, освободив место для человека, который больше подходил на должность тюремщика, как того требовала усилившаяся международная угроза.

Его преемником стал сэр Эмиас Паулет. Он свободно владел французским и три года, с 1576 по 1579-й, был послом во Франции, где вместе с Екатериной Медичи делал все, чтобы очернить Марию. Кальвинист и верный союзник Уолсингема, он был заклятым врагом Испании и Католической лиги, пламенным защитником гугенотов и голландских протестантов. В Париже Паулет имел дело с несколькими агентами Марии, в чьей злонамеренности никогда не сомневался. Он прибыл в Татбери в апреле 1585 г., и полная ответственность за пленницу перешла к нему 19-го числа, когда Садлер вернулся домой в Хартфордшир.

Паулет был не тем человеком, который мог разрешить Марии верховые прогулки и соколиную охоту. Он не делал различий между своими личными и общественными обязанностями. «Другие, — говорил он, — могут проявлять свою глупую жалость, как им заблагорассудится». Что касается его, то он однажды хвастался, что скорее откажется от надежды вкусить радости рая, чем поставит чувство сострадания выше своего долга перед Елизаветой. Он был единственным тюремщиком Марии до ноября 1586 г., когда ему в помощь был направлен его друг сэр Дрю Дрери, из семьи известных юристов, занимавший незначительную должность придворного, которого Мария называла «самым скромным и любезным во всех отношениях». Мария считала Паулета «одним из самых рьяных и безжалостных людей из всех, что я когда-либо знала. Другими словами, он больше подходил для надзора за преступниками, чем для охраны людей моего положения и происхождения». Она быстро раскусила его.

Паулет срывал балдахин с гербом каждый раз, когда входил в приемную, заявляя, что подобным королевским регалиям не место в ее доме, поскольку в Англии есть только одна королева.

Это привело к столкновению характеров — он приказывал убрать оскорбительный балдахин, а Мария, плача, распоряжалась вернуть его на место. Паулет вскрывал ее письма, посылки, выискивая свидетельства заговора, и с крайним подозрением относился ко всему, что уходило во французское посольство или приходило из него. Его распоряжения даже включали периодический обыск шкафов Марии, и как последнее средство он рассматривал взлом двери ее спальни. Все документы, которые он перехватывал, немедленно отправляли Уолсингему для тщательного изучения.

Паулет подозревал всех и вся. Чтобы никто из слуг его не подслушал, он иногда встречался с курьерами из Лондона в чистом поле. Слуг Марии он поместил на карантин. Им не позволялось общаться с другими слугами, а при входе и выходе из замка их обыскивали. Новые порядки коснулись всех, даже тех, кто выполнял черную работу. Особого внимания удостоились конюхи и прачки Марии. За ними постоянно следили — в частности, за тремя женщинами, жившими в маленьком домике в парке, примыкавшем к замку. Они покидали территорию замка и в то же время имели доступ в покои Марии. Паулет приказал, чтобы их не только обыскивали, но и раздевали до сорочек, когда они входили в дом или выходили из него.

Здоровье Марии продолжало ухудшаться. Она выпустила заявление, в котором отрицала, что у нее водянка или рак, однако ноги у нее опухали сильнее, чем раньше. Ей были позволены прогулки один или два раза в месяц, во время которых ее карету окружал небольшой отряд пехоты с заряженными мушкетами и зажженными фитилями. Случалось, что ее выносили в сад в кресле. Когда Мария все же могла ходить, ее с двух сторон поддерживали секретари. Теперь у нее отекали обе ноги. Для них требовались припарки и повязки, накладывавшиеся каждый день. «Ее ноги, — докладывал Паулет, — очень слабы и туго перевязаны, как представляется моей жене».

Строгие порядки, заведенные Паулетом, вызвали протест французов. В рождественский сочельник 1585 г. Марию перевезли из спартанских условий Татбери, с его темными и сырыми комнатами и зловонными туалетами, в Чартли, который по сравнению с замком казался почти дворцом — этот дом выбрали из соображений безопасности, поскольку он был окружен широким рвом.

Настроение Марии менялось — она решила бросить вызов своим недругам. Она никогда не скрывала своей цели вернуть себе шотландский трон, даже если придется стать соправителем сына. Все попытки политического примирения с Елизаветой

разбивались о желание Марии обрести свободу и вернуться домой. Она никогда не отказывалась от династических прав на английский престол и со страстью рассуждала об этом, заставляя Паулета протестовать против ее «занудства» и «многословных и скучных речей». Когда Мария слишком увлекалась, он поворачивался и уходил.

Поддержка Испании в конечном счете привела Марию к гибели. Она была убеждена, что Франция и родственники из семьи Гизов бросили ее. После того как созванный Елизаветой трибунал зашел в тупик, Мария попробовала обратиться к Филиппу II, и это стремление получило новый импульс после смерти кардинала Лотарингского. В 1580-х гг. Мария начала открыто говорить о связи своей судьбы с общей европейской стратегией Филиппа II. Это был очень опрометчивый шаг, однако он снова поставил Марию в центр событий. В очередной раз она должна была стать главным действующим лицом паневропейской драмы.

Сесил выжидал. Паук приготовился поймать муху. Мария, чувствовавшая себя ненужной и забытой, реагировала единственным способом, который знала. Она снова выставила себя несчастной католичкой, которую преследуют только за веру. Это было по большей части притворство, но другого выхода у нее не осталось. Тем временем Уолсингем завербовал «крота» во французском посольстве. «Крот» был активен чуть более полутора лет, но этого хватило, чтобы руководитель шпионской сети Сесила выявил множество тайных агентов Марии дома и за границей. Судьба Марии была окончательно предрешена — это было лишь вопросом времени.

28
Топор или закон?

Первый пробный шар Мария запустила в сторону Филиппа II в ноябре 1568 г., в первые месяцы своего плена, когда ее еще держали в замке Болтон. Момент был подходящий, поскольку в Лондон прибыл новый испанский посол, дон Гуэро де Спес. Неопытный дипломат, он, однако, обладал даром плести заговоры. За несколько месяцев он добился того, что началась англо-испанская торговая война и создалась угроза испанского вторжения в Англию для помощи Марии.

Приблизительно через две недели после того, как Морей предъявил для изучения «письма из ларца», де Спес явился во французское посольство в Лондоне и сделал два предложения. Первым делом он заявил, что «во всем мире не знает большего еретика и большего врага католической веры, чем мистер Сесил». Посол убеждал Францию объединиться с Испанией, чтобы враг «лишился должности, а также благорасположения и доверия со стороны его госпожи, королевы». Второе предложение состояло в том, чтобы Франция и Испания установили совместное эмбарго на всю английскую торговлю, пока в стране не будет восстановлена католическая вера.

Месяц спустя на сцене появился флорентийский банкир, Роберто Ридольфи, который переводил английским католикам деньги, отправляемые папой Пием V. Он был двойным агентом, работавшим как на испанцев, так и на Уолсингема. В феврале 1569 г. Ридольфи предложил себя в качестве посредника между Елизаветой и герцогом Альбой, назначенным Филиппом генерал-губернатором Нидерландов, обещая положить конец торговой войне. В следующем месяце он нанес визит де Спесу, с волнующим и опасным сообщением от герцога Норфолка и его союзников, графа Арундела и лорда Ламли. Они заявляли, что больше не намерены терпеть положение, когда их законные места занимают худородные выскочки из числа приближенных Сесила. Они хотели сместить Сесила и заставить Елизавету изменить свою политику на более благожелательную к Филиппу II и Риму. Впоследствии Ридольфи говорил французскому послу, что папа поручил ему восстановить католическую веру в Англии.

Ридольфи связался с Марией через ее агента в Лондоне, Джона Лесли, епископа Росса, которому с согласия Марии передал 3000 фунтов от де Спеса. Так она оказалась в центре двух взаимосвязанных заговоров. Один ставил целью улучшить

условия ее ссылки и сместить Сесила с поста первого министра. Второй был связан с династическими правами Марии и восстановлением католицизма в Англии.

Герцог Норфолк задумал сместить Сесила вскоре после начала заседаний трибунала в Йорке, в октябре 1568 г. Он был одним из английских судей, назначенных Елизаветой, и ему не нравилось, как Сесил управляет слушаниями, но Сесил проигнорировал его протесты. Когда трибунал возобновил свою деятельность в Вестминстере, Норфолка направили с ненужной инспекцией на северные границы, пока Сесил готовил слушания.

Но от Норфолка было нелегко избавиться. Герцог был первым пэром королевства, и его семья составляла основу католической партии. Норфолк обладал способностью заключать выгодные союзы. Он женился на Марии Фицалан, дочери графа Арундела, умершей в возрасте шестнадцати лет, затем на Маргарите, дочери лорда Одли, которая умерла по прошествии нескольких лет, родив ему пятерых детей, а затем на Элизабет Лейберн, вдове лорда Дакра. После того как в 1567 г. умерла его третья жена, Норфолк стал опекуном наследниц, на которых потом женил трех своих сыновей. Его сестра Джейн была женой графа Уэстморленда, одного из двух крупнейших землевладельцев на севере Англии. И наконец, его вторая сестра, Маргарита, вышла замуж за лорда Скроупа, владельца замка Болтон. Вскоре после того, как созванный Елизаветой трибунал закончился ничем, Норфок решил, что должен жениться на Марии. Использовав в качестве предлога визит к сестре, он проник в замок Болтон, чтобы взглянуть на королеву Шотландии. В конечном счете герцог задумал посадить Марию (и себя) на английский трон.

Однако заговор начался вовсе не так. Поначалу это был план главного заговорщика среди шотландских лордов, коварного Мейтланда, причем с совсем другой целью. Идея состояла в том, что если Марию выдать замуж за английского дворянина, то как политик она будет нейтрализована. Ей будут оказывать почести, но ее власть и авторитет перейдут к мужу. По английским законам она станет *femme couverte*. Идея была очень изобретательной, поскольку пришлась по вкусу той потомственной знати, которой всегда не нравилось, как Генрих VIII в своем завещании обошел строгий порядок наследования. Кроме того, разрешалась проблема династических претензий Марии, причем способом, который однажды уже предлагала сама Елизавета: это был аналог старого плана выдать ее кузину за Роберта Дадли, графа Лестера.

Мария ухватилась за эту идею. Она обратилась к папе с просьбой аннулировать ее брак с Босуэллом, который был

заключен по протестантскому обряду и, значит, считался канонически недействительным. На протяжении следующего года она отправила Норфолку несколько любовных писем, несмотря на то что видела его всего один раз. «Я буду жить и умру с Вами, — писала она. — Ни тюрьма, ни свобода, ни всякого рода случайности, добрые или дурные, не убедят меня отступить от веры и смирения, которые я Вам обещала». Норфолк, в свою очередь, прислал Марии бриллиант, который она потом возьмет с собой в Фотерингей, и будет так отзываться об этом камне: «Он был мне очень дорог, подаренный… в знак верности, и я всегда носила его, помня об этом». Вот что Мария писала Норфолку в то время: «Вы обещали быть моим, а я — Вашей… Распоряжайтесь мной как Вам угодно; я всегда буду повиноваться Вам, так что из-за меня Вы не подвергнетесь опасности… Ваша верная до самой смерти королева Шотландии. Мой Норфолк».

Следует принять во внимание традиции королевских браков, когда было принято открыто высказывать свою любовь сразу после принципиальной договоренности об обручении. Но даже с учетом этого следует понимать, что Мария в очередной раз хваталась за соломинку. Если брак с Норфолком позволит ей получить свободу, она согласится, не задавая никаких вопросов. Вполне разумный выбор, имевший лучшие династические перспективы, чем старая идея брака с Лестером. Но это были несбыточные мечты. Никто не осмелился рассказать о плане Елизавете, без согласия которой он был невыполним.

Однако поначалу идею одобрил даже вероломный Морей. В июле 1569 г. он был главным приверженцем плана. Затем, месяц спустя, у него появились серьезные сомнения. Он увидел подвох. Мария использует этот брак для попытки возвращения на шотландский трон, а Норфолк — для подтверждения прав своей жены на английский трон, с целью восстановления католицизма. Более того, при поддержке Норфолка Мария может сместить Морея с поста регента, и ему снова придется искать убежище за границей. Они с сестрой опять поменяются местами. Поэтому Морей решился на грязный трюк — отправил Елизавете, по-прежнему не знавшей о предполагаемом браке, копию письма Норфолка, в котором тот объявлял о намерении жениться на Марии, даже вопреки возражениям Морея.

Елизавета редко так сердилась. Скорее всего, ее привел в ярость не столько сам брак, сколько тот факт, что его пытались устроить без ее ведома. Всех причастных, за исключением Марии, вызвали к Елизавете, и самые сообразительные, например Лестер и Трокмортон, поспешили откреститься от этой затеи. Крайними оказались графы Нортумберленд и Уэстморленд. Союзники

покинули этих лордов-католиков, и они, столкнувшись с необходимостью предстать перед Елизаветой и подвергнуться наказанию, решили поднять мятеж. Их выступление, так называемое Северное восстание, началось в ноябре 1569 г. и было подавлено превосходящими силами южан за шесть недель.

Два графа и графиня Нортумберленд укрылись в Лиддесдейле, но были выданы старинным врагом Босуэлла, лэрдом Ормистона. Уэстморленд и графиня Нортумберленд бежали в Нидерланды, где вели жизнь изгнанников. Нортумберленд был схвачен Мореем, а затем казнен Елизаветой после того, как шотландцы выдали его Англии за 2000 фунтов. Графиня Уэстморленд удалилась в поместья своего брата в Норфолке, где и провела в забвении остаток дней.

Елизавета сама не обвиняла Марию, что та стала причиной самого серьезного восстания за время ее правления, — по крайней мере, пока. Но заговоров с самого начала было два. План поженить Марию и Норфолка провалился, и герцог оказался в Тауэре. Но Ридольфи продолжал плести интриги. В мае 1569 г. он разработал план смещения Елизаветы под названием «Английское предприятие» и принес его в посольство Испании. Филипп II проявил осторожный интерес. Этот план соответствовал его общей стратегии в отношении Европы и претензиям на доминирование в мировой торговле. Оставался один вопрос: могут ли заговорщики добиться успеха.

Затем Ридольфи нанес визит Уолсингему. Пока он соблюдал осторожность, так что обе стороны, на которые он работал, не встретились и не обменялись информацией, он мог надеяться выйти сухим из воды и получать выгоду от обеих сторон. У него имелся товар на продажу, потому что банковские услуги, которые он оказывал, служили единственной связью между де Спесом, Норфолком и агентом Марии в Лондоне. Кроме того, он предоставил шифр, использовавшийся в переписке между де Спесом, Марией и английскими лордами. Обладатель копии этого шифра мог читать все их перехваченные письма.

Ридольфи арестовали накануне Северного восстания, но через шесть недель отпустили. И держали его не в Тауэре, куда обычно помещали политических заключенных, а в доме Уолсингема. Ридольфи был «перевербован» Уолсингемом. Для Сесила это стало большой удачей, потому что в феврале 1570 г. папа, вдохновленный перспективой повернуть вспять английскую реформацию, сделал то, что всегда отказывались делать его предшественники. Он издал буллу «Regnans in Excelsis», отказав Елизавете в праве называться королевой и освободив ее подданных от обязанности подчиняться ей. Это была блестящая

возможность для Марии — то, к чему она стремилась в юности, когда вышла замуж за дофина Франциска.

Реакция Сесила была мгновенной, а его логика, как всегда, безжалостной. Теперь протестанты были лоялистами, а католики — предателями. По его мнению, католики соглашались с папой, что Елизавету следует сместить. В апреле 1571 г. был созван парламент, и Сесил предложил ввести для членов парламента такую клятву, чтобы ее не смогли принести католики. Затем он составил правительственный билль, исключающий из числа престолонаследников любого — а главное, Марию, — кто при жизни Елизаветы предъявит свои претензии на трон или узурпирует королевские символы. При обсуждении этого законопроекта он все время напоминал парламенту, что геральдические символы Марии во время ее пребывания во Франции включали герб Англии, а ее герольды кричали «Дорогу королеве Англии!», когда она шла в часовню.

В 1571 г. Сесил и Уолсингем внимательно следили за «Английским предприятием». В попытке усыпить бдительность заговорщиков Норфолка отпустили из Тауэра под честное слово. Корреспонденцию Марии просматривали еще тщательнее, и в апреле Уолсингем — временно назначенный на должность французского посла в Париже, поскольку центр заговора находился там — с подозрительной легкостью получил копию шифра, который Ридольфи предоставил заговорщикам. Никаких усилий по разгадыванию кода не потребовалось — решение преподнесли Уолсингему на блюдечке.

4 августа Филипп отправил Альбе подробные инструкции. План состоял в том, чтобы захватить Елизавету на последнем этапе ее летнего путешествия в Хартфордшир и Эссекс. Это спровоцирует общее восстание английских католиков, которые освободят Марию и выдадут ее за Норфолка. Затем Альба из Нидерландов направит испанский флот с шеститысячным ударным отрядом, чтобы захватить страну. Мария и Норфолк взойдут на трон. Чтобы возместить расходы на экспедицию, Филипп II посылал 20 000 дукатов для пополнения казны Альбы.

О плане стало известно после того, как кто-то из советников Филиппа раскрыл его одному из купцов, занимавшихся англо-испанской торговлей, — тот был еще одним двойным агентом Уолсингема. Купец сразу же вернулся в Англию. По прибытии, 4 сентября, его направили к Сесилу. На следующий день Сесил выдал ордер на арест Норфолка, которого снова поместили в Тауэр. Он также написал графу Шрусбери, тюремщику Марии. На письме стояла надпись: «Отправлено из королевского двора 5 сентября 1571 в 9 [часов] вечера». Ни один документ

елизаветинской эпохи не имел приоритет выше, чем этот. Он был помечен: «Спешно, весьма спешно, спешно, жизненно важно».

Письмо предупреждало Шрусбери о заговоре и о реакции Елизаветы. Королева знает, писал Сесил, что Мария планирует побег и что она собирается в Испанию, а не во Францию или в Шотландию. Она знает, что Мария предложила женить своего сына, Якова VI, на одной из дочерей Филиппа и Елизаветы Валуа, недавно умершей подруги детства Марии, которую она знала как «Исабель» и которую горько оплакивала. Но это, отмечал Сесил, не оскорбило Елизавету. Мария была пленницей. Все это не более чем «средства к ее освобождению». Гнев вызывает факт — и Елизавета это «отчетливо понимает», — что все это «усилия и средства, чтобы поднять новый мятеж в нашем королевстве и призвать на помощь короля Испании». Во всех этих фактах, приходил к выводу Сесил, Елизавета «вполне уверена, и еще во многом».

Он сильно преувеличивал. Его информация о плане вторжения испанцев исходила от двойного агента Уолсингема и не была подкреплена никакими документами. Впоследствии он заявлял, что у него есть признания Норфолка и епископа Росса, поврежденное письмо папы, адресованное Марии, и ее зашифрованное письмо Норфолку, найденное под ковриком в доме герцога и содержащее «пространные рассуждения о делах государства, обычно недоступные женскому уму». Но не было доказательств, что Мария одобрила план по свержению и убийству Елизаветы. Самое компрометирующее из перехваченных писем Марии было написано за несколько месяцев до Северного восстания и не содержало того, что требовалось Сесилу.

Письмо дошло до нас в виде копии расшифрованного оригинала. Рассуждения Марии в нем общие и иносказательные. Она благодарила своих неназванных сторонников за «стремление расширить нашу свободу, за наше возвращение на законный престол, за прекращение каждодневных печалей, за подавление наших мятежных и недостойных врагов, за обуздание ярости заблуждающихся тиранов, за распространение слова Божьего, за освобождение и облегчение участи христиан».

> Какие деяния могут быть более угодны Богу, чем помощь католической церкви, чем защита законного звания правителя, чем освобождение страдающих христиан из рабства и восстановление справедливости для всех людей, посредством уничтожения самого вероломного антихриста и узурпатора власти, разрушителя справедливости, гонителя Бога и его

> церкви, нарушителя спокойствия в государствах, единственного, кто поддерживает всех непокорных и злонамеренных бунтовщиков против Бога и католических правителей, на что указывает Святой отец. Поэтому мы умоляем Вас действовать во имя Бога и нашей Богородицы, с помощью всего общества[101].

В письме не упоминались ни Испания, ни Елизавета. «Антихрист», о котором шла речь, тоже мог пониматься буквально. Мария открыто не призывала к покушению на жизнь кузины, не просила помощи у Филиппа II или папы. «Угодные богу» деяния были всего лишь промыслом Божьим, которому не может сопротивляться никто из живущих. А «действовать во имя Бога» — это не призыв к убийству или вторжению. Разумеется, намек Марии совершенно ясен. Но подобные свидетельства не примут судьи, даже если предположить, что обвинения против Марии, не англичанки и не подданной Елизаветы, будет рассматривать английский суд.

У Сесила не хватало доказательств, чтобы отдать Марию под суд. Требовались более убедительные признания, и Шрусбери получил приказ допросить ее и «испытать ее терпение и таким образом спровоцировать ее на какой-либо ответ». Но таким способом ее невозможно было заманить в ловушку. Она могла быть импульсивной и наивной, но не глупой. В отношениях с Ридольфи Мария буквально следовала совету своего дяди, кардинала Лотарингского: «Осторожность во всем».

Не имея возможности отдать Марию под суд, Сесил мог изолировать ее в дипломатическом плане. Он отправил своего друга и члена Тайного совета, сэра Томаса Смита, к Екатерине Медичи, чтобы тот преувеличил испанскую угрозу в Европе и убедил Екатерину продолжить курс Франции, не поддерживавшей Марию. Это стало началом англо-французского *соглашения*, которое продлится целое десятилетие. Добрые отношения пережили даже резню после Варфоломеевской ночи (24 августа 1572 г.), когда за три недели в Париже были убиты три тысячи гугенотов, а в провинциях Франции — еще десять тысяч. Резня вызвала панику в Англии. Епископ Лондона посоветовал Сесилу «незамедлительно отрубить голову шотландской королеве». Сесил был бы не прочь последовать этому совету. Он лично встретился с Марией, когда посещал ее в Чатсуорте в октябре 1570 г. в попытке противостоять ее требованиям вернуться в Шотландию. Она расплакалась, и их разговоры окончились ничем. К сожалению, у нас не осталось свидетельств, какое впечатление они произвели друг на друга. Но на Сесила не

действовали женские слезы. Он был склонен к «глупой жалости» и угрызениям совести в отношениях с Марией не больше, чем Паулет. Вслед за Ноксом он уже сравнивал ее с Аталией, библейским персонажем, ставшим символом цареубийства[102]. Перед поездкой в Чатсуорт Сесил получил совет Нокса, что если он «не ударит в корень, то ветви, кажущиеся сломанными, снова пустят ростки, причем еще сильнее прежнего». Чтобы усилить действие своих слов, Нокс сообщил давнему союзнику, что написал это письмо, «стоя одной ногой в могиле».

Встретившись с Марией, Сесил благочестиво заявлял, что Елизавета «всегда воздерживалась от обнародования таких вещей, которые обвиняют королеву Шотландии в убийстве ее мужа». Сесил не отличался такой же щепетильностью. Судьи, изучавшие «письма из ларца», поклялись хранить тайну, но теперь Сесил заставил их нарушить молчание. Он попросил своего друга Томаса Уилсона, автора знаменитого трактата «Искусство риторики», подготовить к печати досье Бьюкенена, излагавшего версию лордов, в переводе с латыни на имитацию шотландского языка — чтобы создать ложное впечатление, что это было одобрено шотландскими лордами, а не кем-то в Англии[103].

Сигнальный экземпляр вышел в конце ноября или начале декабря 1571 г., и в него Уилсон ловко включил обвинительную, но анонимную «речь» против Марии и переводы «писем из ларца». Сесил остался доволен. Книгу выпустил его «карманный» печатник, Джон Дэй, под длинным, но в высшей степени информативным названием: *Расследование деяний Марии, королевы Шотландии, касательно убийства ее мужа, а также ее заговора, супружеской неверности и предполагаемого брака с графом Босуэллом. И в защиту добродетельных лордов, защитников деяний и власти Его Величества короля*[104].

Сесил запятнал Марию старыми и не доказанными в суде предположениями, содержащимися в «письмах из ларца». Неверная жена, которая могла замыслить убийство мужа, без колебаний примет участие в заговоре с целью свержения и убийства Елизаветы. Это делало более убедительным обвинение в соучастии в «Английском предприятии». Кроме того, книга вышла незадолго до начала суда над Норфолком, которого обвиняли в государственной измене. Намек заключался в том, что на любого, кто готов взять Марию в жены, падет тень убийства Дарнли.

Тайно публикуя «Расследование», Сесил играл с огнем. Маловероятно, что Дэю было позволено открыто продавать книгу в своей лавке. Елизавета пришла бы в ярость от вмешательства Сесила, если бы могла связать книгу непосредственно с ним. «Расследование» циркулировало в основном среди приближенных

Сесила — по крайней мере, вначале. Тон книги характеризует последнее увещевание:

> Теперь представьте, что ждет англичанина, если сменится королева. Хаос объединения! Когда неотесанная Шотландия извергнет из себя яд, должна ли утонченная Англия слизывать его, дабы привести ее в чувство? Какое мерзкое унижение! Пока жив враг Вашей королевы, она остается в опасности. Настоятельно необходимо отважиться на крайние меры…

Суть была именно в этом. «Расследование» задавало тон парламенту, который собрался в мае 1572 г., чтобы обсудить «безопасность» Елизаветы. Когда Норфолка признали виновным в измене и приговорили к смерти, Елизавета была расстроена его казнью, но Сесил и его союзники из числа протестантов хотели также смерти Марии. Они добились от парламента предложения поступить с ней так же, как с Норфолком. Их целью было парламентское осуждение, согласно которому Марию признают «виновной» в измене актом парламента без официального судебного следствия, что позволяет избежать исследования доказательств.

В записке, направленной Елизавете накануне заседания парламента, Сесил упрекал ее в «сомнительном обращении с королевой Шотландии». Его вердикт леденил душу. «Хорошая» Мария — мертвая Мария. Елизавета ошибается, толкуя сомнения в пользу кузины. Угроза с ее стороны не уменьшается, а наоборот, усиливается. Все католики поддерживают ее династические претензии — как и те, кто ставит во главу угла права наследства. Мария пользуется поддержкой испанцев и, возможно, Гизов. Ее «партия» считает Марию законной королевой Англии. Все, что ей нужно, — силы и возможности для начала государственного переворота.

Когда собрался парламент, члены внутреннего круга Сесила открыто призывали казнить Марию. Та весна выдалась необычно жаркой, но температура в палате общин была еще выше. Ораторы сменяли друг друга, обвиняя ее и повторяя аргументы друг друга почти слово в слово. Мария, утверждали они, сама лишила себя всех прав. Она больше не королева, а «бывшая королева Шотландии». Она была «королевой, до недавнего времени, но своими теперешними действиями лишила себя права назваться законной королевой». Она была родственницей Елизаветы, но «вела себя не как сестра». «Она стремится лишить короны Ее Величество… [она] не обращает внимания на милости, оказанные ей королевой и посему не заслуживает благорасположения». Она

«всего лишь комета, что предвещает низвержение этого государства». «Она не наша королева, не наш помазанный правитель. В Ветхом Завете есть немало примеров предания грешных царей смерти».

«Расследование», распространявшееся Сесилом, сделало свое дело. Марию называли «Иезавелью», «Аталией», «идолопоклонницей» и «самой грешной и нечистой женщиной». Она была «огромным, ужасным драконом». Пока она жива, Елизавете не быть в безопасности. «Она убийца своего мужа, прелюбодейка, нарушитель мира в нашем королевстве, и за это с ней нужно обращаться, как с врагом. Поэтому мой совет: отрубить ей голову, чтобы она больше не причиняла нам беспокойства».

Чтобы оправдать суд над Марией и ее казнь, приводились юридические и исторические примеры.

> Каждого нарушителя должно судить в том месте, где он совершил преступление…
>
> Король, проезжающий через другое государство или живущий в нем, является частным лицом…
>
> Свергнутый король не считается королем…
>
> Король, хотя и не свергнутый, может совершить измену…
>
> Наказание должно соответствовать совершенному преступлению…
>
> Наказание за измену — смерть.

Один из протеже Сесила, Томас Нортон, так выразил настроение парламента: «Казнь королевы Шотландии есть необходимость, и она может быть исполнена законно… Никогда никому не позволялось безнаказанно совершать измену… Вы скажете, что она дочь королевы и поэтому заслуживает пощады; нет, пощадить следует Ее королевское Величество, дочь короля и нашу королеву». Этот оратор даже цитировал «Расследование»: «Настоятельно необходимо отважиться на крайние меры…» Кто знает, какой вред может нанести змея, если ее оставить в живых?

Но могла ли Мария, помазанная королева, совершить измену в Англии? Елизавета так не думала. Она отказалась вручить парламенту топор для казни Марии, но добивалась того, чтобы парламентарии приняли закон, исключавший королеву Шотландии из числа наследников. Тем не менее, когда закон был принят, Елизавета не подписала его. Она утверждала, что формально это не вето, однако это была лишь игра слов. Елизавета не могла заставить себя открыто выступить против помазанной королевы и уступила лишь просьбам казнить герцога Норфолка, который взошел на плаху 2 июня, за месяц до

окончания сессии парламента.

Сесил был жестоко разочарован. Он писал Уолсингему, еще не вернувшемуся из Франции: «Все, над чем мы трудились и что в полном согласии приняли — я имею в виду закон, чтобы королева Шотландии была признана недостойной и не могла наследовать трон, — Ее Величество не одобрила, не отвергла, а отложила». Во втором письме он сделал пронзительное признание, что «высшее лицо» государства (то есть Елизавета) оказалась неспособна действовать и таким образом опозорила своих советников.

Сесил бы не осмелился сказать это Елизавете в лицо. Но ему и не требовалось этого делать, поскольку она сама прекрасно знала, что воспользовалась своим правом монарха, чтобы защитить кузину от нападок парламента, оправдываясь тем, что к закону об исключении из числа наследников можно вернуться позже. Но назначенный день прошел, а в следующий раз парламент собрался только через четыре года. Мария осталась неприкосновенной. Сесил не получил ни топора, ни закона.

Но самый отважный из пауков не отступал. Леди Екатерина Грей, наследница престола согласно завещанию Генриха VIII, и ее сестра были мертвы. Сесил сосредоточил все усилия на том, чтобы исключить Марию из числа наследников — любым способом. Он отправил своего зятя, Генри Киллигрю, с тайной миссией в Шотландию, поручив выяснить, предадут ли Марию суду и казни шотландские лорды, если передать ее им. Для выполнения этого деликатного поручения Киллигрю отозвали из Франции, где он должен был обеспечить поддержку казни Марии среди врагов из семьи Гизов.

Другим посредником Сесила был Роберт Бил, зять Уолсингема, которому впоследствии было поручено доставить указ о казни Марии в замок Фотерингей. Он принялся демонизировать Марию и агитировать за общую политику, связанную с поддержкой Англией протестантов за границей и «искоренением» католицизма дома. Что касается католиков, то Бил советовал «снести их главную голову». «Я имею в виду, — говорил он, — королеву Шотландии, поскольку она была главной причиной разрушения двух государств, Франции и Шотландии, и прекрасно играет такую же роль здесь».

Оставалось только ждать, пока Мария попадет в ловушку. Для этого требовались терпение и наблюдение. Когда Уолсингем вернулся в Англию, количество ее перехватываемых писем увеличилось. Собралась огромная кипа расшифрованных копий, по большей части касавшихся пенсий, которые Мария назначала оказавшимся в изгнании католикам. Кроме того, она щедро

вознаградила тех, кто спасся бегством после неудачи Северного восстания. «Умоляю Вас, — писала она своему агенту в Париже, — как можно скорее объяснить папе, что остатков моего наследства (о чем Вы можете его проинформировать) недостаточно для содержания моего двора и удовлетворения нужд изгнанных англичан и шотландцев, участь которых я стараюсь облегчить». В том же году она обратилась к Филиппу II с просьбой «позаботиться о тех, кто изгнан из Англии, и особенно о графе Уэстморленде». Подобные просьбы получал и ее кузен, молодой герцог де Гиз.

Шаг за шагом Уолсингем собирал паззл, связывающий агентов Марии с Филиппом II, папой, семьей де Гиз, великим магистром Мальты и испанским послом в Риме. Но до 1579 г. он не мог найти ничего, что указывало бы на злой умысел.

В том году Эсме Стюарт, сеньор д'Обиньи, двоюродный брат второго мужа Марии, лорда Дарнли, вернулся в Шотландию из Франции. Его изысканные манеры и красивая внешность заворожили впечатлительного юного Джеймса, который осыпал его подарками и сделал герцогом Ленноксом. Через месяц Джеймс должен был покинуть классную комнату в замке Стирлиг и занять свое место в Холируде. Д'Обиньи реформировал королевский двор по образцу французского, а затем занялся своими врагами среди оставшихся лордов конфедерации. В декабре 1580 г. по обвинению в соучастии в убийстве Дарнли был арестован Мортон; в июне того же года его казнили. Мария была вне себя от радости — она верила, что события приняли благоприятный для нее оборот, и вскоре она восстановит свои права как королева Шотландии.

Она связалась с Кастельно во французском посольстве в Лондоне. Они договорились действовать вместе, чтобы добиться независимости Шотландии под защитой Франции, с Марией на троне. Их проект должен был возродить «старинный союз». Кастельно напомнил Екатерине Медичи и Генриху III — за что ему пришлось дорого заплатить, поскольку его привязанность к Марии привела к преждевременному завершению его карьеры, — «Вашему Величеству надлежит сохранить союз с Шотландией, который всегда сдерживал Англию».

Казалось, все труды Сесила, начиная с Эдинбургского договора 1560 г., пошли прахом. Д'Обиньи пользовался поддержкой Гизов, которые в 1580-е гг. быстро набирали силу в качестве союзников Филиппа II во французской Католической лиге. Будет ли достаточным их совместного влияния на принца Джеймса, чтобы убедить впечатлительного подростка пригласить свою мать вернуться в Шотландию в качестве королевы?

В ноябре 1581 г. Елизавета искала способ вернуть утраченное. Она отправила Била в Шеффилд, чтобы выяснить, можно ли использовать Марию для воздействия на ее сына. Мария была рада снова оказаться в центре внимания, но не намеревалась играть в подобные игры и предложила Билу другой вариант: вернуться на трон в качестве соправителя сына. Она использовала все средства из своего арсенала, чтобы добиться от Била поддержки этой идеи, однако он оказался нечувствительным к силе ее убеждения. Увидев, что выбранная тактика не приносит успеха, Мария попробовала разыграть спектакль. Она преувеличила серьезность своей болезни и для достижения драматического эффекта беседовала с Билом, лежа в постели. Она утверждала, что умирает. Да, Мария страдала от приступов рвоты и была ограничена в движениях из-за отсутствия физической нагрузки, но втайне радовалась перспективе обрести свободу.

Но обмануть Била было не так-то просто. Обнаружив Марию и ее камеристок «плачущими в темноте», он удалился, впоследствии отметив ее «редкую хитрость». Он покинул Шеффилд, увозя с собой заверения Марии, что она признает Елизавету законной королевой Англии и не будет иметь никаких дел с иностранными державами и мятежниками. Однако уже через несколько месяцев она написала Бернардино де Мендосе, преемнику де Спеса на посту испанского посла в Лондоне, и попросила у него информацию о новых планах д'Обиньи и иезуитов. Мария твердо решила использовать все имеющиеся возможности.

Ее надежды рухнули, когда переворот в Шотландии привел к изгнанию д'Обиньи. В августе 1582 г. во время охоты Джеймса заманили в замок Рутвен, где протестанты держали его под домашним арестом, а д'Обиньи был смещен. Известие об этом расстроило Марию. «Когда я узнала, что мой сын был внезапно захвачен мятежниками, подобно мне самой много лет назад, — писала она, — то не могла сдержать своей печали из обоснованного страха, что он попадет в то же положение, что и я».

Но не все было потеряно. Джеймсу исполнилось шестнадцать, и он уже становился самостоятельным. В 1583 г. он бежал из замка и объявил себя совершеннолетним. Регентство в Шотландии закончилось. Практически сразу же началось соперничество между Генрихом III Французским и Елизаветой за влияние на него. Генрих отправил двух послов в Шотландию с инструкцией возродить «старинный союз». Он даже признал Джеймса королем — жест, который обеспечил роскошный прием его послов. Этот дипломатический шаг имел определенный успех,

и в ответ Елизавета заговорила о том, чтобы даровать Марии свободу, но на жестких условиях. В надежде на нейтрализацию французского влияния на Джеймса стоило разыгрывать и такую карту, как его мать — королева Шотландии.

Но свободы Мария не получила. Била снова направили в Шеффилд, где Марии опять предложили сделку, согласно которой они с Джеймсом поделят власть. Они признают Елизавету королевой Англии до конца ее жизни, но не откажутся от своих династических прав на английский трон. Идея была не нова, однако Елизавета согласилась рассмотреть ее. Она даже послала Уолсингема, против его воли, в посольство Шотландии, чтобы он обсудил предложенный план.

Это произошло вскоре после того, как он осуществил свою самую успешную шпионскую операцию — завербовал «крота» во французском посольстве. Этим человеком был Лоран Ферон, один из клерков Кастельно. Служебные обязанности позволяли ему посещать Уолсингема, и он мог без труда добавлять секретные документы к бумагам, которые должен был передать. Уолсингем внимательно следил за посольством, поскольку туда регулярно приходил молодой своенравный католик, Фрэнсис Трокмортон, который также посещал Мадрид и Париж. Арестованный в ноябре 1583 г., он после жестоких пыток признался, что герцог де Гиз при поддержке испанцев и папы готовится к вторжению в Англию и Шотландию и что руководит заговором Мендоса.

В январе 1584 г. Мендосу вызвали на заседание Тайного совета, а затем выслали из Англии. Он уехал вне себя от ярости, и дверь испанского посольства в Лондоне захлопнулась до конца правления Елизаветы. Теперь Мария могла рассчитывать только на Кастельно, который доставлял зашифрованные письма и инструкции ее агентам в Париже. И здесь пригодился «крот» Уилсингема. Свидетельства Трокмортона нельзя было использовать против нее, поскольку в этом случае был бы раскрыт «крот», и Уолсингем лишился бы возможности и дальше читать тайную переписку. Тем не менее силки были расставлены.

Мария не осознавала грозящей опасности. После долгих лет неволи она постепенно утрачивала чувство реальности, а интриги стали для нее заменой действию. Она беспокоилась о мерах безопасности, одновременно подвергая опасности себя. «Лучший рецепт тайных чернил, — советовала она Кастельно (как будто он этого не знал), — это квасцы, растворенные в чистой воде за двадцать четыре часа до использования. Чтобы прочесть их, бумагу следует погрузить в чашу с водой, а затем поднести к огню; тогда тайнопись проступит белым цветом, и ее можно будет легко прочесть, пока бумага не высохла». Естественно, «крот»

передал копию этого письма довольному Уолсингему, среди документов которого оно до сих пор хранится.

Но вскоре у Марии открылись глаза. После загадочного молчания, длившегося шесть недель, она писала, что «после раскрытия всех моих агентов, которые посещали Ваш дом, многие люди подозревают, что один из Ваших слуг был „обращен“, с чем, по правде говоря, я тоже согласна». К счастью для Уолсингема, Кастельно не заметил «крота». Он продолжал вести дела, как обычно, позволив руководителю английских шпионов и дальше читать его письма. Из них стало понятно, что Мария действительно поощряла Трокмортона и обещала ему вознаграждение. Она просила Кастельно сделать все возможное для помощи молодому человеку, и этого было достаточно для доказательства ее участия в заговоре — одновременно с переговорами, которые она вела с Елизаветой относительно восстановления ее власти в Шотландии в качестве соправителя. Гнев Елизаветы из-за подобного двуличия положил конец всем надеждам на политическое примирение с Марией. С этого момента прекратились всякие разговоры о восстановлении дружбы.

Затем, в июле 1584 г., случилась катастрофа. Вильгельм Оранский, лидер голландских протестантов, поднявших восстание против Филиппа II, пал от пули убийцы, подосланного католиками. Эхо этого выстрела разнеслось по всей Европе. Смерть Вильгельма Оранского, а также ряд заговоров с целью убийства самой Елизаветы вызвали в обществе настоящую истерию — протестанты называли католиков и их союзников террористами. В октябре Сесил и Уолсингем составили проект договора об Ассоциации. За образец были взяты похожие соглашения шотландцев и гугенотов. К Ассоциации должна была присоединиться протестантская элита, а также все желающие. Его основу составляла идея протестантского гражданства. Подписанты обязались составить «одно прочное и лояльное общество… во славу всемогущего Бога». Они должны были принести торжественную клятву, обязуясь защищать жизнь Елизаветы и наследование трона протестантами.

Ассоциация представляла собой не просто клятву верности. Это была лицензия на убийство. Подписанты клялись «преследовать силой оружия и всеми другими средствами мести» всякого, кто попытается нанести вред Елизавете. Расплата должна наступать на месте. Более того, пощады не заслуживает «мнимый наследник, которым или *ради которого* (курсив добавлен) задуман или совершен такой мерзкий поступок». Этот пункт можно было толковать сколь угодно широко. Он подразумевал

наследников и преемников предполагаемого выгодоприобретателя. Таким образом, если кто-то будет угрожать жизни Елизаветы в интересах наследников по линии Стюартов, то и Мария, и Яков VI должны быть казнены, независимо от того, знали они о попытке или нет.

Для обсуждения Ассоциации в ноябре собрался парламент. Далее последовала настоящая битва характеров. Елизавете исполнился пятьдесят один год. Ее отец, Генрих VIII, умер в возрасте пятидесяти пяти лет, а ее сестра, Мария Тюдор, прожила лишь сорок два года. Помимо возможной угрозы убийства и надвигающейся войны с Испанией, Сесил был озабочен вопросом престолонаследия и хотел разрешить его раз и навсегда. Он намеревался создать конституционный механизм, который автоматически исключит Марию из числа претендентов на трон и после смерти Елизаветы позволит избрать протестантского монарха парламентом. А Елизавета была полна решимости помешать ему.

Сесил предложил создать «Большой» или «Великий совет», который будет действовать после смерти Елизаветы, — этот орган возьмет на себя функции регентского совета и соберет парламент, который выберет протестантского правителя, чья власть будет подтверждена парламентским актом. Это было квазиреспубликанское решение проблемы престолонаследия, гарантировавшее исключение Марии, поскольку закон 1571 г. запрещал католикам заседать в парламенте. Однако такое предложение было рискованным, а по мнению Елизаветы, почти скандальным ниспровержением принципов монархии и права престолонаследия.

Она применила власть и приказала Сесилу отказаться от планов изменить порядок наследования трона. Акт о безопасности королевы, принятый в марте 1585 г., содержал два дополнительных условия, каждое из которых намекало на Марию и прокладывало путь к ее осуждению и казни. Первое относилось к претенденту на трон (то есть к Марии), который замешан во вторжении, мятеже или заговоре. В этом случае должна собраться комиссия из членов Тайного совета и других лордов, членов парламента, а также судей, чтобы выслушать доказательства и вынести вердикт, который будет обнародован королевским манифестом. Признанные виновными лишатся права на наследство, а все подданные «на основании этого закона и поручения Ее Величества» могут осуществить месть, убив их. Следующее условие было связано с убийством Елизаветы. В этом случае члены комиссии, как и прежде, должны провести расследование и вынести вердикт, а предполагаемый

выгодоприобретатель (Мария) должен быть объявлен вне закона, после чего он сам и его сообщники найдены и убиты, как того требует Ассоциация.

Принятый закон подтверждал договор об Ассоциации в том, что касается Марии, но самые драконовские меры были смягчены. Если договор не предусматривал открытого судебного процесса, то закон указывал, что преступники должны предстать перед комиссией. В договоре упоминались наследники и преемники (то есть Яков VI), но Елизавета исключила их, если только они не «помогали заговору или знали о нем». Это был не просто альтруизм. Она собиралась отправить экспедиционный корпус под командованием Лестера на помощь восставшим голландцам. Это означало открытую войну с Филиппом, что вело к столкновению с испанской Армадой. Для защиты северной границы Елизавета начала переговоры с Яковом и заманивала его перспективой шага, от которого до сих пор воздерживалась. После трибунала, которому Морей предъявил «письма из ларца», она признала Морея регентом Шотландии, но не признала Якова VI королем. Теперь она была готова это сделать и даже не исключала возможности признать его наследником английского трона, привлекая девятнадцатилетнего юношу этим роскошным призом.

Джеймс был подходящим кандидатом — мужчиной и протестантом. Заигрывание с д'Обиньи и его друзьями-иезуитами были всего лишь подростковым увлечением. Он был до глубины души возмущен ограничениями, которые накладывали на него лорды, и особенно Бьюкенен, его ненавистный наставник. Он жаждал взойти на престол, наделенный большей властью, чем в Шотландии, и, надеясь на такую награду, как Англия, решил не делить династические претензии с матерью, которую даже не помнил.

В том же месяце, когда Елизавета своими решительными действиями изменила Акт о безопасности королевы, Яков проинформировал Марию, что всегда будет уважать ее как «королеву-мать». Но это большее, на что он согласен. Не может быть и речи о совместном правлении или о ее возвращении в Шотландию в качестве королевы. Для Марии это стало самым жестоким ударом. Читая послание, она не верила своим глазам. Ее реакция — приступы рвоты, отчаяние и ярость. «Обращаю Ваше внимание, — негодовала она, сдерживая слезы, — что я Ваша истинная и единственная королева. Больше не оскорбляйте меня этим титулом королевы-матери… в Шотландии нет других короля или королевы, кроме меня».

Мария тут же написала Кастельно и потребовала, чтобы в

переписке с Яковом тот не называл его королем. Она угрожала, что проклянет сына и лишит его наследства, если он не послушает ее и заключит сепаратное соглашение с Англией. Это был удар в самое чувствительное место, разрушающий все, за что Мария боролась с момента возвращения в Шотландию из Франции. «Я думаю, — писала она, — что никакое наказание, божеское или человеческое, не может сравниться с такой огромной неблагодарностью, если он в этом повинен, как решение силой и тиранически захватить то, что по справедливости принадлежит мне и на что он не может иметь никаких прав, иначе как через меня».

Тем не менее через год договор с Англией был подписан. Яков — возможно, сам того не сознавая, — сделал неизбежной казнь матери в замке Фотерингей. Своей подписью под договором он сделал Марию бесполезной и ненужной. Для Марии, которая перенесла столько ударов, когда ее враги или соперники считали, что она стоит у них на пути, это стало окончательным поражением. Она впала в отчаяние. Пророчество «Расследования» теперь стало сбываться: «Настоятельно необходимо отважиться на крайние меры…»

С этого момента Мария готова была выслушать любой план, который давал ей шанс на побег, каким бы неисполнимым он ни казался и какими бы странными ни выглядели его сторонники. А Уолсингем ждал ее. «Крот» во французском посольстве был больше не нужен, потому что Уолсингем успешно шантажировал Кастельно. Под угрозой предать огласке его участие в заговоре Трокмортона от Кастельно потребовали показывать все имевшиеся у него письма — от Марии и к Марии. Затем, после того как Паулет сменил сэра Ральфа Садлера в качестве тюремщика Марии и ее перевели в более надежный замок Татбери, все ее контакты с внешним миром прервались. Нужды притворяться больше не было. Все письма следовало передавать Уолсингему, чтобы он затем направил их адресатам. Мария возмущалась таким грубым вмешательством, но все было бесполезно. Теперь в ее письмах не осталось ничего конфиденциального, поскольку глава шпионской сети Сесила открыто читал их.

К тому времени, как созрел настоящий — хотя и абсолютно нереалистичный — заговор с целью убийства Елизаветы под руководством легковерного молодого человека по фамилии Бабингтон, Уолсингем уже сплел свою сеть. Ловушка была расставлена. Уолсингем писал Лестеру: «Если устроить все должным образом, это сломает шею всем опасным махинациям, пока правит Ее Величество». В этот раз ошибки быть не должно.

Игра подходила к концу. Доказательства будут добыты любым путем — честным или нечестным, — и Елизавета будет вынуждена действовать согласно Акту о безопасности королевы. Сесил победит, а Марию отправят на плаху.

29
Немезида

Мария очень страдала, когда ее сын, Яков VI, отверг ее, чтобы расчистить путь собственным династическим перспективам. Сэр Эмиас Паулет, ее тюремщик в Татбери и Чартли, бесстрастно предсказывал реакцию Марии. Он предупреждал Уолсингема, «дух ее крепче всего в несчастиях, и когда она готова на все, то провоцирует своих врагов на худшее». Несмотря на боль в ногах и слабость, вызванную в основном неподвижностью, это была та же Мария, которая надела стальной шлем и возглавила армию во время «загонного рейда», а также проявила смелость и изобретательность в отношениях с Дарнли после убийства Риччио.

Она тут же потребовала объяснить, почему Паулет оборвал ее связи с внешним миром. Уолсингем понял, что с Кастельно он перегнул палку. Чтобы заманить Марию в ловушку, нужно не ограничивать ее контакты, а найти ей нового адресата, которому она доверяет и переписку с которым считает безопасной. Кастельно больше не годился на эту роль, поскольку был дискредитирован и в Англии, и во Франции — участием в заговоре Трокмортона, а также помощью Марии, выходившей за рамки его инструкций. В сентябре 1585 г. на посту французского посла его сменил Гийом де л'Обепин, барон де Шатонёф.

Гениальность Уолсингема как шпиона заключалась в его способности проникать в сети своих противников и использовать их в своих целях. Он завербовал предателя из числа католиков, Гилберта Гиффорда, чтобы установить контролируемый канал связи между Марией и французским посольством. Гиффорд был другом одного из агентов Марии в Париже, который поручился за его надежность. Эта операция началась в конце января 1586 г., и вскоре Уолсингем собрал свежую подборку документов, большего объема и более информативную, чем раньше. Мария доверяла Шатонёфу, считая его ревностным католиком, который может дать ей свободу и серьезно относится к папской булле 1570 г., объявлявшей об отлучении Елизаветы и призывавшей к ее свержению. Она писала ему откровенные письма, не догадываясь, что Гиффорд работает на Уолсингема и приносит ему все письма, прежде чем доставить их в посольство.

Мария советовала Шатонёфу искать «шпионов» и «кротов» среди его секретарей. Она также усвоила урок относительно использования квасцов в качестве невидимых чернил. Такую

тайнопись слишком легко обнаружить, признавалась она, «и поэтому используйте их только в крайнем случае». При отсутствии альтернативы Мария предлагала прятать секретные сообщения «в новых книгах», которые ей присылали, «всегда делая записи на четвертой, восьмой, двенадцатой и шестнадцатой страницах, и так далее, через четыре… и прикреплять зеленые ленты к тем книгам, в которых есть такие послания».

Мария также просила, чтобы письма к ней плотно сворачивали и прятали в подошвах новых модных туфель, которые она по-прежнему носила и регулярно заказывала, или помещали между досками сундуков и ящиков, использовавшихся для доставки шелка и других товаров из Лондона и Парижа. В самый разгар операции с целью спровоцировать Марию Гиффорд использовал маленькую водонепроницаемую коробочку, которую опускал в отверстие для пробки в пивном бочонке, так что она плавала на поверхности пива. Уолсингем поручил Паулету перехватывать бочонки, еженедельно поставлявшиеся пивоваром. Затем, в нужный момент, главный дешифровщик Уолсингема ехал в Чартли, проникал инкогнито в дом Паулета, чтобы прочесть и скопировать перехваченные документы, после чего их вновь аккуратно запечатывали, а коробочку возвращали в бочонок.

Первого успеха Уолсингем добился в марте 1586 г. Мария отправила Шатонёфу новый шифровальный ключ, возможно, придуманный ею самой — она настаивала на его использовании, считая ненадежными старые шифры, предоставленные Ридольфи и Кастельно. И снова главному дешифровщику Уолсингема не пришлось разгадывать код — на этот раз его предоставила Мария, сама того не подозревая. Это была первая из серии ошибок, приведших ее к гибели. Как лаконично объяснял Шатонёф в своем последнем отчете Генриху III, «королева Шотландии и ее приближенные всецело доверяли упомянутому Гиффорду… следствием чего стала гибель упомянутой королевы». Вместо того чтобы искать шпионов во французском посольстве, Марии не следовало проявлять такую доверчивость, когда неизвестно откуда взявшийся Гиффорд предложил ей свои услуги в качестве почтальона.

Вскоре после этого возник безрассудный план заговора. Энтони Бабингтон был молодым дворянином, католиком, у которого было много свободного времени и который служил у графа Шрусбери в Шеффилде в качестве пажа. Ему исполнился двадцать один год, он был женат и имел маленькую дочь. Бабингтона вовлекли в католический заговор, когда он в 1580 г. приехал во Францию, чтобы продолжить образование. По

возвращении в Англию он выполнял поручения нескольких католических священников и миссионеров — в качестве жеста доброй воли. Кроме того, он передал пять пакетов с конфиденциальными письмами для Марии, еще до того, как Шрусбери сменил Садлер.

Роль Бабингтона в заговоре могла бы на этом закончиться, но после того, как испанский посол Мендоса был изгнан из Лондона, связи молодого человека с агентами Марии в Париже втянули его в тайные интриги. Мендоса переехал в Париж и там продолжал вынашивать планы государственного переворота. Он хотел соединить восстание английских католиков, испанское вторжение, убийство Елизаветы и, наконец, освобождение и триумф Марии.

В мае и июне 1586 г. Бабингтон впервые вступил в контакт с Джоном Баллардом, солдатом-священником и фанатиком, а также с Гилфордом и другими. На встрече в его доме, состоявшейся 7 июня, они решили, что Елизавета должна быть захвачена, а Мария освобождена с иностранной помощью. После того как число заговорщиков достигло тринадцати, причем многие были гораздо больше преданы идее заговора, чем сам Бабингтон, он с неохотой предложил убийство Елизаветы группой из «шести джентльменов», хотя о персональном составе этой «шестерки» договориться не удалось.

Но одобрит ли Мария заговор? Бабингтон написал ей 6 июля. Благодаря роли Гиффорда письмо было перехвачено, и люди Уолсингема приготовились действовать. Уолсингем понимал, что это шанс поймать Марию в ловушку, которого он ждал. Сам заговор не был «проектом»[105], направленным на уничтожение Марии, — он действительно существовал. Но вместо того, чтобы подавить заговор в зародыше, подручный Сесила позволил ему развиться до такой степени, чтобы он мог получить письменные доказательства и приговорить Марию к смерти. Уолсингем следил за развитием событий с начала и до конца — прежде чем арестовать Бабингтона, он не менее трех раз беседовал с ним, чтобы выяснить, не хочет ли тот добровольно перейти на его сторону и предать Марию. Заговор был очень плохо организован. Самого Бабингтона одолевали сомнения, и Уолсингему даже пришлось посылать Гиффорда, чтобы приободрить его, когда он внезапно запаниковал и захотел устраниться.

7 июля Уолсингем направил Томаса Филипса, своего клерка и главного дешифровщика, в Чартли. Он ждал до 10-го числа, пока не пришло письмо Бабингтона. После того как Филипс успешно расшифровал письмо, документ вернули в секретную коробочку, спрятанную в пивном бочонке, и отвезли бочонок в

Чартли. Дешифровщик остался ждать ответа шотландской королевы.

Мария размышляла неделю, прежде чем отправить ответ. Гнев и отчаяние толкнули ее на безрассудный поступок. Она взвесила свои возможности, теперь крайне ограниченные, и решила рискнуть. Больше всего Мария боялась, что ее тайно убьют. «Она ясно видела, — писал Паулет Уолсингему, — что ее хотят уничтожить, что у нее отнимут жизнь, а затем скажут, что она умерла от болезни».

Приняв решение, Мария испытала прилив сил. Это не укрылось от Филипса, который с мрачным удовлетворением отмечал смену ее настроения. Она почувствовала себя лучше, и ей позволили выезжать в карете, чтобы насладиться летним солнцем. Выезжая за ворота, Мария проехала мимо дешифровщика, который приветствовал ее. «Я улыбался, — цинично рассказывал он Уолсингему, — но при этом вспоминал стишок: „Когда кто-то тебя приветствует, / Убедись, что это не враг“».

Мария сначала обдумала идеи, которые изложила в роковом для себя ответе. Потом записала некоторые мысли и села за стол в своем кабинете, чтобы обсудить их с двумя секретарями. Старшим из них был Клод Но, брат хирурга, который своим искусством спас ей жизнь после прободения язвы желудка в Джедборо. Он делал заметки, а потом составил черновик письма Бабингтону на французском языке. Затем перевел на английский. В данном случае «аутентичная» окончательная версия ответа была на английском, а не на французском. Причина заключалась в том, что шифр, которым пользовался Бабингтон, был основан на английском языке. Оригинальный французский черновик Но не сохранился, но в любом случае Уолсингему требовался не он, а тот текст, который отправили Бабингтону. Тем не менее это было зашифрованное послание, а не документ, написанный рукой Марии.

Мария закончила письмо поздно вечером 17 июля, а отправила ранним утром следующего дня. Его быстро извлекли из пивного бочонка и доставили для расшифровки к агенту Уолсингема. Расшифрованный текст на английском — важная улика, которая будет предъявлена во время суда над Марией, — отправили Уолсингему 19 июля. Чтобы подчеркнуть его важность, дешифровщик, не чуждый черного юмора, нарисовал на внешней стороне листа виселицу.

Прочитав письмо Марии, Уолсингем сразу же понял, что это гораздо более серьезная улика, чем ее предыдущее послание к зарубежным сторонникам перед Северным восстанием. Там она

ограничилась общими фразами и намеками. Здесь выражалась открыто:

> После того, как все будет готово, и силы собраны как за пределами, так и внутри королевства, отправьте шестерых джентльменов выполнять их работу, приказав, чтобы, как только они исполнят свой план, меня немедленно увезли из этого места, а все Ваши силы одновременно выступили, чтобы присоединиться ко мне в ожидании иностранной помощи, которая должна прибыть как можно скорее.

Смысл этого фрагмента абсолютно ясен. Мария соглашалась на убийство Елизаветы и иностранное вторжение. Формально она не указала, что за «работу» должны выполнить шесть джентльменов, но в письме Бабингтона, на которое отвечала королева, имелась недвусмысленная фраза: «Для устранения узурпатора, от подчинения которой нас освободило отлучение ее от церкви, шесть благородных джентльменов, моих близких друзей, ради католической веры и дабы оказать услугу Вашему Величеству, совершат эту трагическую казнь».

Если сопоставить оба письма, соучастие Марии в заговоре становится неопровержимым. На суде она заявляла, что все улики против нее косвенные. Она требовала, чтобы учитывались только сказанное и написанное ей самой, настаивая, что в ее словах и письмах нет ни согласия на убийство, ни подстрекательства к нему. Она не соглашалась, чтобы два письма рассматривались вместе.

Это стало основой ее защиты и одновременно источником обвинений в подделке. Большие сомнения вызывал постскриптум, который главный дешифровщик Уолсингема добавил к «аутентичной» окончательной версии письма, прежде чем спрятать его в коробочку в пивном бочонке для последующей передачи Бабингтону. Вся теория заговора основывалась именно на нескольких строчках примечания — на этом основании дешифровщика обвиняли в «фабрикации» основной части письма с намерением сделать Марию соучастницей заговора с целью убийства. Однако не существует никаких доказательств того, что текст самого письма был изменен, и поэтому постскриптум — явная и наглая подделка, которой Филипс хвастался, о чем осталась его запись в архивах — не использовался против Марии. На самом деле это был неуклюжий тактический ход: попытка заставить Бабингтона раскрыть «имена и звания» упомянутых «шести джентльменов», а также их сообщников, чтобы Сесил и Уолсингем могли арестовать всех. Хитрость не сработала — у

Бабингтона возникли подозрения, и он бежал. Десять дней спустя его поймали в амбаре; он коротко остриг волосы и испачкал лицо, чтобы его приняли за батрака.

Уолсингем не торопился предать заговорщиков суду. Его главной добычей была Мария, которую перевезли в дом сэра Уолтера Астона в Тиксолле, приблизительно в трех милях от Чартли. Цель этой уловки — разлучить ее с секретарями и захватить все документы и шифры, прежде чем она узнает, что Бабингтон и его сообщники пойманы и приговорены к смерти. Мария пребывала в необычно приподнятом настроении. Когда Паулет пригласил ее участвовать в охоте на оленя в близлежащем парке, принадлежавшем сэру Уолтеру, она с радостью воспользовалась этой возможностью. Боль в ногах уменьшилась, и Мария смогла сесть верхом на лошадь — последний раз в жизни.

11 августа Мария вместе с Паулетом и его приближенными отправилась на охоту; ее сопровождали секретари, верный слуга Бастиан Паже и врач, Доминик Бургойн, которому мы обязаны подробным описанием последних семи месяцев жизни Марии. Отъехав на небольшое расстояние, Паулет и его люди немного отстали. На горизонте появилась группа всадников. Вероятно, сердце Марии переполнилось радостью. Это было почти апокалиптическое видение — именно так она представляла отряд, который Бабингтон пошлет для ее освобождения. Капитан, командовавший отрядом, о чем-то поговорил с Паулетом, затем направился к Марии. Спешившись, он сообщил ей, что заговор с целью убийства Елизаветы раскрыт, и что ему приказано арестовать секретарей Марии, а ее саму под охраной препроводить в Тиксолл.

Мария попыталась выпутаться из беды. Она разгневанно заявила, что Елизавету ввели в заблуждение. «Я всегда была ей доброй сестрой и другом», — заявила она. Мария приказала слугам обнажить мечи, чтобы защитить ее, но на стороне врага было численное превосходство, усиливавшееся заряженными пистолетами. После того как всех разоружили, Мария спешилась и села на землю. Она отказалась куда-либо идти, заявив, что предпочитает умереть здесь. Паулет пригрозил, что пошлет за каретой и увезет Марию силой. Мария не двигалась, пока к ней не подошел Бургойн, который начал уговаривать ее. В конце концов она уступила, но сначала встала на колени перед деревом, чтобы помолиться. Паулету и его людям пришлось ждать, когда она закончит.

Марию держали в Тиксолле две недели. За это время ее покои в Чартли тщательно обыскали, а все документы сложили в три больших сундука. Секретарей препроводили сначала в соседнюю

деревню, а затем в Лондон — для допроса. За секретарями последовали документы Марии. Все найденное было конфисковано: письма, черновики, блокноты, протоколы, записки, а также ключи и таблицы к почти шестидесяти шифрам. Материалы доставили Уолсингему, который председательствовал в комиссии Тайного совета, назначенной для изучения всего архива и поиска доказательств, которые могут быть использованы для обвинения.

25 августа Марию снова перевезли в Чартли. Когда она выезжала из ворот Тиксолла, посмотреть на нее собралась небольшая группа зевак. Воспользовавшись возможностью, Мария крикнула нищим: «У меня для вас ничего нет! Я такая же бедная, как вы. У меня все отняли». Потом, со слезами на глазах, обратилась к остальным: «Я ничего не замышляла против королевы и ничего не знала». Но унижение Марии только начиналось. Вернувшись в Чартли, она увидела разграбленные шкафы и ящики письменного стола и крикнула: «Кое-кто об этом пожалеет!» Потом заявила, что есть две вещи, которые у нее невозможно отнять — королевскую кровь и религию, «которые я сохраню до самой смерти».

5 сентября Паулету приказали конфисковать деньги Марии и по возможности максимально изолировать ее от слуг. Даже Уолсингем был встревожен такими мерами, опасаясь, что «они вызовут ее болезнь». Если Мария неожиданно умрет, то превратится в мученицу для католиков, и ее имя будет на устах у всех. Такого развития событий он хотел избежать любой ценой. Но Елизавета была тверда. Впервые за все время ссор с кузиной, начиная с ратификации Эдинбургского соглашения, она проявила бессердечие. Наконец она со всей серьезностью отнеслась к предупреждениям Сесила относительно ее безопасности. Елизавета боялась, что сама падет жертвой яда или пули убийцы и укрылась в Виндзорском замке, больше похожем на крепость, чем на удобный дворец — туда она приезжала крайне редко, только когда считала, что ее жизнь в опасности. Она понимала, что рано или поздно Марию предадут суду. Тайный совет выступал за созыв парламента, и было очевидно, чего потребует Сесил и его верные союзники — вспоминались жесткие призывы казнить Марию в 1572 г. В отличие от Сесила и Уолсингема, Елизавета предпочла бы смерть Марии от естественных причин. Идея заключалась в том, что если конфисковать у шотландской королевы деньги и содержать ее в условиях, максимально приближенных к одиночному заключению, это до такой степени деморализует ее, что существующие болезни резко обострятся и станут роковыми.

Елизавета могла себе позволить выступить против Марии, которая стала ненужной после того, как Яков VI подписал сепаратный договор с Англией. Тем не менее ей не хотелось официально отдавать под суд свою кузину и «сестру королеву». Щепетильностью она не отличалась, но тем не менее не желала нести ответственность за казнь помазанной королевы, понимая, какие последствия это будет иметь для идеи монархии. Елизавета почти не скрывала, какое развитие событий она предпочла бы в том случае, если Мария не умрет естественной смертью. Она хотела, чтобы шотландскую королеву выследили и убили на основе договора об Ассоциации.

Елизавета прекрасно понимала сложившуюся ситуацию. Она знала, что убийство королевской особы, одобренное законодательным актом парламента, изменит будущее монархии на Британских островах. Правитель станет в большей степени подотчетен парламенту, навсегда утратив «божественность, венчающую короля». Но это почти не беспокоило Сесила, который почти двадцать лет добивался казни Марии, что гарантировало бы передачу трона протестантам.

Мария заболела и слегла. Когда Паулет явился, чтобы конфисковать ее наличные деньги, она обрушилась на него и его хозяев. Последовала душераздирающая сцена — Мария отказалась отдавать ключи от шкафа, но Паулет приказал взломать дверь. Тогда Мария уступила и попросила камеристок отдать ключ. Когда люди Паулета забирали деньги, Мария встала с кровати и «не надев шлепанцев или туфель, последовала за ними, с трудом дотащившись до шкафа». Какое-то время она пыталась разжалобить их, но сердце Паулета было сделано из камня.

Тем временем в Виндзорском замке ежедневно собирался Тайный совет. Елизавета требовала наказания Марии, но отвергала все предложения. Сесил писал Уолсингему, который болел и не покидал своего дома в Лондоне: «Мы по-прежнему много спорим, но решения не держатся долго, переменчивые как погода… и, таким образом, мы еще далеки от согласия о переводе королевы Шотландии в подходящее место, где может быть выслушано ее дело и она сама». Елизавета отвергла Тауэр как слишком близкий к Лондону. Затем все согласились на замок Хартфорд, но на следующий день Елизавета передумала.

В конечном счете выбор пал на замок Фотерингей. После смерти Генриха VIII его использовали в основном как тюрьму, однако он поддерживался в приличном состоянии. Замок находился не слишком далеко от Лондона — но и не слишком близко. Расстояние от Стаффордшира тоже было небольшим, что

уменьшало риск побега Марии при переезде.

Мария выехала из Чартли в Фотерингей 21 сентября. Она выглядела гораздо старше своих сорока трех лет. Ревматизм у нее обострился, отеки ног усилились, и поэтому двигаться пришлось медленно — потребовалось целых четыре дня, чтобы добраться до пункта назначения. Сломленная физически, Мария настаивала на поддержании «величия», насколько это было возможно. Даже в таком бедственном положении, когда у нее не было денег заплатить за необходимое, не говоря уже о роскоши, для перевозки багажа Марии потребовалось около двадцати мулов и повозок.

Сесил тщательно готовился к суду. Его люди старались предусмотреть каждую мелочь: измерили помещения, реквизировали мебель, составили план рассадки участников судебных слушаний. Кроме того, были сделаны необходимые запасы продуктов и топлива, приготовлены столовые и спальни. В соответствии с Актом о безопасности королевы Марию должна была судить комиссия, состоящая не менее чем из двадцати пяти аристократов и членов Тайного совета, с советниками и помощниками из числа судей общего права. В данном случае комиссия состояла из сорока человек, но семь или восемь из них не пришли. К великому неудовольствию Елизаветы, они не явились на вызов под предлогом болезни. Они тоже не хотели участвовать в цареубийстве.

Для судебных заседаний выбрали приемную в старых королевских апартаментах на втором этаже; помещение длиной 61 фут и шириной 21 фут было разделено на две неравные части барьером высотой по пояс. Большая часть помещения перед барьером служила залом суда. У дальней стены на помосте установили кресло под балдахином, украшенным гербом Англии. Кресло, символизировавшее трон Елизаветы, оставалось пустым на протяжении всех слушаний. Вдоль трех остальных сторон отгороженной части располагались скамьи для аристократов и членов Тайного совета, а в центре — стол и скамьи для судей, адвокатов и нотариусов. Обтянутое красным бархатом кресло с высокой спинкой, предназначенное для Марии, установили чуть в стороне, за главными судьями, перед аристократами, сидевшими справа от трона, если смотреть из центра зала. Другая, меньшая часть помещения была выделена под стоячие места для рыцарей и джентльменов графства, которым разрешили наблюдать за судебными заседаниями.

Большинство членов комиссии собрались в Фотерингее во вторник, 11 октября, а Сесил прибыл рано утром на следующий день. С самого начала он принял руководство, отправив

маленькую делегацию в покои Марии. Они передали шотландской королеве письмо от Елизаветы, в котором сообщалось, что ее предадут суду. Прочтя письмо, Мария категорически отказалась предстать перед комиссией. «Я единовластная королева и не буду делать ничего, что может нанести ущерб моему королевскому Величеству, всем прочим государям моего положения и ранга или моему сыну». Она была спокойной и сосредоточенной, говорила медленно, но уверенно. «Я пока еще не ослабела умом, — заявила она, — и не склонюсь под тяжестью моих несчастий».

Делегация ушла ни с чем, и Сесил решил сменить тактику. Весь следующий день он пытался убедить Марию переменить мнение, направив к ней более многочисленную делегацию, которая несколько раз приходила в ее покои. Утром Мария повторила свои возражения. «Я королева, — сказала она, — а не подданная… Если я предстану перед судом, то предам достоинство и величие королей, и это будет равносильно признанию, что я должна подчиниться законам Англии, даже в том, что касается религии. Я готова ответить на все вопросы, если меня будут расспрашивать перед свободным парламентом, а не перед членами этой комиссии, которых, вне всякого сомнения, тщательно отбирали и которые, вероятно, уже осудили меня, не выслушав». Мария посоветовала им подумать о том, что они делают. «Обратитесь к своей совести, — сказала она, — и вспомните, что мир не ограничивается королевством Англия».

Услышав эти слова, Сесил (которого Бургойн называет «неистовым человеком») резко перебил ее. Он напомнил о доброте, проявленной к ней Елизаветой, а затем сообщил, что юристы считают возможным для комиссии вынести вердикт и в отсутствие Марии. «Будете ли Вы отвечать, — спросил он, — или нет? Если Вы откажетесь, то члены комиссии продолжат порученное им дело». — «Я королева», — мгновенно парировала Мария. Но у Сесила был готов ответ: «В этом королевстве, моя госпожа, есть только одна королева». Несколько минут он развивал эту мысль, но Мария проигнорировала его.

Делегация вернулась во второй половине дня, и сэр Кристофер Хаттон взял более примирительный тон. Он сказал, что при таких обвинениях, которые предъявляют ей, королевское звание не защищает от необходимости ответа, и хитро прибавил: «Если Вы невиновны, то лишь погубите свою репутацию, избегая суда». Мария ответила, что не отказывается отвечать. Она не предстанет перед членами комиссии, но готова ответить перед всем парламентом, если ее протест против законности суда будет принят, а ее права признаны — как ближайшей родственницы

Елизаветы и наследницы английского трона.

Сесил решил, что с него довольно. Комиссия, заявил он, «начнет рассматривать дело завтра, даже если Вы будете отсутствовать, упорствуя в неповиновении суду». — «Вспомните о своей чести! — воскликнула Мария. — Господь воздаст Вам за Ваше предубеждение против меня».

Однако на следующее утро ее одолели сомнения. Она боялась предстать в качестве ответчика на открытом судебном заседании, но в то же время не сомневалась, что в ее отсутствие члены комиссии признают ее виновной в заговоре с целью убийства Елизаветы. Рано утром в пятницу Мария потребовала пригласить новую, расширенную делегацию. Среди пришедших был Уолсингем, которого она видела впервые. После некоторых уступок, сделанных обеими сторонами, Сесил спросил, явится ли она на суд, если ее официальный протест будет принят и письменно подтвержден членами комиссии. Мария с неохотой согласилась. Она так сильно желает очистить себя от выдвинутых обвинений, что принимает его условия.

В начале десятого утра члены комиссии заняли свои места в зале суда, где вскоре появилась Мария в черном бархатном платье и белом батистовом чепце, к которому была прикреплена длинная белая вуаль из полупрозрачного газа. Когда она медленно, но решительно вошла в зал, присутствующие в знак уважения сняли шляпы. Она любезно поприветствовала всех собравшихся, заняла предназначенное для нее место и принялась с интересом разглядывать зал, пытаясь понять, кого включили в состав комиссии и кто из них может быть на ее стороне.

Когда все расселись, Мария подала официальный протест, после чего слово взял адвокат обвинения. Он изложил, как сказано в официальном протоколе, «историю» заговора Бабингтона, а затем объявил, что Мария знала о заговоре, одобряла его, дала на него свое согласие, обещала помощь и «предложила пути и способы его осуществления».

Одно из возражений Марии против легитимности суда состояло в том, что его процедура соответствовала процедуре дел о государственной измене. Ей не полагался адвокат, она не могла вызывать свидетелей, вести записи и использовать документы для своей защиты. Несмотря на эти строгие ограничения, смещавшие баланс явно не в ее пользу, она была готова защитить себя. Мария все решительно отрицала. Клерк, который вел записи, был явно впечатлен, отмечая ее «непоколебимую отвагу».

Мария. Я не была знакома с Бабингтоном. Я никогда не получала от него писем и не писала ему. Я никогда не

замышляла убить королеву. Если Вы хотите это доказать, предъявите письма, написанные моей рукой.

Адвокат. Но у нас есть свидетельства в виде Вашей переписки с Бабингтоном.

Мария. В таком случае почему Вы их не предъявите? У меня есть право потребовать сравнения копий с оригиналами. Вполне возможно, что мои шифровальщики были подкуплены моими врагами. Я не могу отвечать на это обвинение, не зная всех обстоятельств. До тех пор я удовлетворюсь тем, что буду твердо заявлять о невиновности в приписываемых мне преступлениях…

Но Мария еще не знала о признаниях Бабингтона и о доказательствах, собранных Уолсингемом. Бабингтона суд признал виновным, но это обстоятельство скрывали от нее. Она знала лишь, что ответ Бабингтону был зашифрован и отправлен одним из секретарей, а не написан ее рукой. Она не подозревала, что письмо перехватили в пути. Мария предполагала (и не ошиблась), что Бабингтон последовал ее указанию и сжег письмо после прочтения. Поскольку «окончательный» и самый компрометирующий текст был уничтожен, она могла считать позицию обвинения слабой, особенно в том, что касалось убийства Елизаветы; кроме того, она точно знала, что в письме не раскрывалась «работа», которую должны были выполнить шестеро джентльменов.

Увы, она заблуждалась. Мария серьезно недооценила руководителя шпионской сети Сесила. В его распоряжении имелась расшифрованная копия на английском языке ее самого важного письма к Бабингтону. Бабингтон на допросе (к счастью, без применения пыток) признал подлинность этого текста, *но* без поддельного постскриптума, и это доказательство могло быть представлено суду. Но еще важнее то обстоятельство, что Уолсингем получил «повторно зашифрованную» копию оригинального письма Марии вместо отсутствующего документа, который она отправила. Это было «главное блюдо» Уолсингема. Копию утраченного оригинала восстанавливал Филипс, и она заменяла сожженное Бабингтоном письмо. Факсимиле было изготовлено так искусно, что выглядело в точности как «окончательная» версия оригинального письма, за которую ее и выдали. Когда на последнем допросе документ предъявили секретарям Марии, они во всем сознались. Их признание было немедленно записано. После этого показания секретарей стали важным «подтверждением», что восстановленный шифр

представлял собой «настоящий» текст оригинального письма Марии — того, которое она отправила Бабингтону! И разумеется, содержание факсимиле полностью соответствовало английской копии, на которой главный дешифровщик нарисовал виселицу. Этим трюком Уолсингем смог убедить членов комиссии, что обвинения против Марии неопровержимы.

Вероятно, Мария была потрясена, когда обвинитель начал предъявлять абсолютно неоспоримые свидетельства против нее. Их оглашали по одному. Когда компрометирующие документы были предъявлены суду, Мария не смогла сдержать своих чувств. Она расплакалась. Но даже в таком состоянии разум не покинул ее. Она повернулась к Уолсингему, упрекнув его в необъяснимом совершенстве этих доказательств. «Подделать шифры и почерк других людей легко», — заявила она. Мария не сомневалась, что это мошенничество. Она не знала, что именно подделали и каким образом, но фальсификатору нужно было лишь взглянуть на недавно украденный «шифрованный алфавит», чтобы понять коды, если он уже не знал их.

Теперь наступила очередь Уолсингема. Он встал, чтобы защитить себя. «Я призываю Бога в свидетели, — сказал он, — что как частное лицо я не сделал ничего неподобающего для честного человека, а как лицо, находящееся на государственной службе, не сделал ничего, недостойного моей должности». Это было лукавое объяснение тайных правил политики, достойное самого Макиавелли. Только Сесил и руководитель его шпионской сети могли знать, где в данном случае проходят границы между обязанностями частного лица и чиновника. Оправдывает ли цель средства? Уолсингем намекал на правильный ответ, признавшись, что всегда «заботился о безопасности королевы и государства».

Мария выслушала ответ Уолсингема с необычной доброжелательностью. Возможно, в напряженной атмосфере зала суда она не уловила скрытый в его словах смысл. Мария попросила Уолсингема не гневаться на нее и доверять тем, кто клевещет на нее, не больше, чем тем, кто обвиняет его самого. Затем снова расплакалась. Наконец вытерла слезы и воскликнула: «Я никогда бы не погубила свою душу, замыслив убийство своей дражайшей сестры».

После этого взволнованного обмена репликами, приблизительно в час дня, был объявлен перерыв на обед. Когда все вернулись, суду представили остальные улики, в частности признания секретарей Марии. Она была потрясена. Понимая, какой ущерб могут нанести их показания, Мария высказала предположение, что к письмам могли быть добавлены те или иные фразы уже после того, как она одобрила окончательные

варианты. Выпрямившись в полный рост, она торжественно объявила: «Величие и безопасность всех государей низвергается, если оно зависит от сочинений и показаний секретарей». Помолчав несколько секунд, Мария бросила вызов обвинению: «Меня нельзя обвинить, кроме как на основании моих слов или записей». Она заметила, что секретарей не вызывали в качестве свидетелей и их невозможно подвергнуть перекрестному допросу. Потом насмешливым тоном прибавила, что ее заметки о содержании писем, которые она обсуждала с секретарями, исчезли. Она чувствовала слабость позиции обвинения, поскольку знала, что эти заметки должны были остаться в архивах, увезенных людьми Уолсингема из ее покоев в Чартли[106].

Вынужденная защищаться без возможности знакомства с документами, которые предъявлялись суду в качестве улик против нее, Мария на удивление хорошо выдержала это суровое испытание. Дебаты затянулись до позднего вечера и продолжились в воскресенье утром. Теперь речь шла о том, одобрила ли Мария убийство Елизаветы: обвинение настаивало, что ответ Бабингтону должен рассматриваться совместно с его письмом, в котором «узурпатора» предлагалось «устранить» посредством «трагической казни». В таком случае «работа» шестерых джентльменов представлялась как заговор с целью убийства Елизаветы.

Мария возразила, что могут быть доказаны обстоятельства ее вины, но не сам факт. Возможно, она действительно убедила себя в этом, поскольку проводила четкую границу между «намерением убить» и «положиться на Бога и католиков, ведомых Провидением». Она нигде, настаивала Мария, не указывала, какую «работу» должны выполнить шесть джентльменов. Однако она хваталась за соломинку, поскольку в шифрованном письме Бабингтону призвала к иностранной (то есть испанской) помощи, которая поддержит ее на поле боя после освобождения. С ее точки зрения, законными были даже военные действия, если они позволят ей вновь обрести свободу. Она виновна только в том случае, если не является независимой королевой. А если она независимая королева, а смерть Елизаветы — не больше чем счастливая случайность в законной борьбе за восстановление ее прав, то она невиновна. Именно так она представляла себе дело, однако наивно было бы ожидать, что члены комиссии с ней согласятся.

На всех, кто присутствовал в зале, суд над Марией произвел неизгладимое впечатление. Возможно, самым запоминающимся моментом стало ее противостояние с Сесилом, случившееся на следующий день. Первого министра Елизаветы все больше и

больше раздражали тщетные попытки Марии обосновать свое право добиваться свободы, и он решил нанести удар. Не выказывая особого почтения к ее королевскому сану, он сказал Марии, что все ее неудачи в попытке обрести свободу есть результат ее собственных поступков и действий шотландцев, а вовсе не Елизаветы. Услышав это, Мария повернулась к нему: «О, я вижу, что Вы мой враг».

«Да, — ответил Сесил. — Я враг врагов королевы». В этом кратком, но яростном обмене репликами проявился весь накал сражения, продолжавшегося почти тридцать лет.

После этого, как считала Мария, суд можно было считать оконченным. Она присутствовала в зале, но уже ни на что не надеялась. «Я выслушаю доказательства и буду защищать себя в другом месте», — сказала она, явно намекая на суд совести на небесах. Бургойн, рассказ которого немного отличается, приводит такие ее слова: «Милорды и джентльмены, я вверяю свое дело Господу».

Мария сидела в своем кресле до конца слушаний, но когда ее спросили, не желает ли она что-либо сказать, закончила тем же, с чего начала: «Я снова настаиваю на своем праве быть выслушанной всем парламентом или требую личного разговора с королевой, которая, как я полагаю, выкажет больше уважения к другой королеве…» С этими словами она встала (по свидетельству секретаря суда) «с великой уверенностью в манерах» и обратилась с упреками к Сесилу, Уолсингему и Хаттону относительно поведения ее двух секретарей, а затем вышла из зала.

После того как Мария удалилась, Сесил объявил перерыв в заседаниях на десять дней. Он получил письмо от Елизаветы с приказом отложить приговор, даже если Марию признают виновной. Елизавета стремилась избежать поспешности. Членам комиссии было предписано собраться 25 октября в «Звездной палате» Вестминстера. Там были подробно рассмотрены все свидетельства, а секретари Марии принесли клятву, что их письменные признания подлинны. Затем секретарей допросили члены комиссии, чтобы проверить их показания. Марию признали виновной — в ее отсутствие.

Теперь Сесил настаивал, что в соответствии с Актом о безопасности королевы следует обнародовать вердикт, чтобы можно было издать указ о казни Марии. Но Елизавета остановила его. Сесил и Уолсингем составили черновик указа, но ничего не произошло. 29 октября должен был собраться парламент — бурная сессия была гарантирована. Дебаты сразу же сосредоточились вокруг приговора Марии, и множество ораторов

произнесли заранее подготовленные речи с ее осуждением. Старые обвинения в прелюбодеянии с Босуэллом и убийстве Дарнли соседствовали с новыми. Марию демонизировали в обличительных речах, использовавших лексику библейского фундаментализма.

Парламент, побуждаемый Сесилом и Уолсингемом, открыто обратился к Елизавете с просьбой казнить Марию. Но за кулисами шла серьезная битва. Елизавета была готова прислушаться к просьбе, но настаивала, чтобы действия против ее кузины основывались на договоре об Ассоциации. Она предпочитала, чтобы Марию тайно убили частные лица из тех, кто поддерживает договор, тогда как Сесил хотел, чтобы Елизавета подписала указ, рассчитывая утвердить публичную казнь как средство совершения цареубийства. На кону было будущее божественного права монархии на Британских островах. Если Марию убьет гражданин, подписавший договор, он будет действовать в частном порядке, тогда как официальная казнь, санкционированная Елизаветой согласно Акту о безопасности королевы, оправдает цареубийство как судебный прецедент и передаст парламенту часть прерогатив монарха.

Елизавета попросила Сесила удостовериться, что петиция парламента содержит ссылку на договор об Ассоциации. Сесил солгал. Он ответил, что подобное изменение формулировки невозможно из-за недостатка времени. На самом деле формулировка, которую требовала Елизавета, была в первом черновике петиции, но Сесил лично вычеркнул ее. В результате ситуация зашла в тупик. Ответ Елизаветы на просьбу парламента о казни был неопределенным. «Если скажу, что не удовлетворю Вашу просьбу, это, возможно, будет не совсем точным выражением моих мыслей, а сказав, что я это сделаю, я, возможно, поставлю под угрозу то, что Вы стараетесь сохранить». Она сама назвала это «ответ без ответа».

Сесил решил действовать самостоятельно. Он хотел во что бы то ни стало настоять на своем. 4 декабря был оглашен обвинительный приговор Марии. Елизавета дала согласие, руководствуясь своими соображениями. Год назад она настаивала на внесении своих формулировок в Акт о безопасности королевы. Согласно акту, после обнародования вердикта против заговорщика призванный виновным человек «на основании упомянутого Акта и указания Ее Величества» должен быть выслежен и убит. Но в окончательном варианте, одобренном Елизаветой, в королевском указе необходимости не было. Те, кто подписал договор об ассоциации, *уже* получали полномочия, если королева выразила свое желание. Именно так Елизавета

планировала покончить с Марией. Пауза затянулась на шесть недель. Ее нарушили Сесил и Уолсингем, которые нанесли визит Шатонёфу во французское посольство в Лондоне. Франция снова отказалась защищать Марию: Екатерина Медичи и ее сын Генрих III теперь рассматривали ее как опасную помеху. От нее просто следовало избавиться. Шатонёф вступил с Сесилом в бесчестный сговор. Они сделали вид, что заговор с целью убийства Елизаветы был «раскрыт». На самом деле это был старый заговор, о котором Шатонёф знал уже год и который не мог привести к успеху, но который теперь пригодился. Сесил даже помог распространить слухи о высадке испанских войск в Уэльсе и приказал мировым судьям способствовать протестам.

Когда Елизавете посоветовали вдвое увеличить количество телохранителей, она уступила. 1 февраля она вызвала секретаря и приказала принести указ о казни Марии. Потом попросила перо и чернила и подписала документ. И даже пошутила насчет Уолсингема, который был болен и не выходил из дома. «Сообщите ему, — сказала она, — потому что „горе“ будет таким сильным, что может убить его!»

Мысль о том, что Уолсингем умрет от горя, узнав о смерти Марии, была действительно смешной. Но Елизавета никогда не шутила просто так. Она не собиралась приводить указ в исполнение. Вместо этого она через секретаря передала распоряжение Уолсингему, чтобы тот от своего имени написал письмо Паулету, попросив избавиться от Марии без всякого указа. Паулет должен был действовать по собственной инициативе — просто потому, что ему сказали, что это хорошая идея. Елизавета желала смерти Марии, но не хотела брать на себя ответственность. Паулет одним из первых подписал договор об Ассоциации, а это «письмо» от Уолсингема должно было послужить «указанием», упомянутым в Акте о безопасности королевы. Тем не менее если Паулет убьет Марию, то сделает это как частное лицо, приняв на себя все риски.

Паулет был шокирован. Однажды он хвастался, что скорее откажется от радостей рая, чем не выполнит своего долга перед Елизаветой. Теперь же, когда пришлось исполнять это обещание, он взял свои слова обратно. Роберт Бил, которому впоследствии поручили доставить в Фотерингей указ о казни, по распоряжению Сесила и втайне от Елизаветы, рассказывает:

> Когда я прибыл в Фотерингей, то узнал от сэра Эмиаса Паулета и сэра Дрю Дрери, что они *поступили бы* согласно письму, если бы устроили ее [Марии] насильственную смерть от руки того, кто был назначен

> для этой цели. Однако они считали это бесчестным и опасным, как и Роберт Бил. Поэтому [они] подумали, что разумно сделать это в соответствии с законом, таким образом, чтобы они могли оправдать свои действия. Для этого дела должны были назначить (по слухам) некоего Уингфилда… Ее Величество будет довольна, если это будет сделано согласно Ассоциации…

Когда Паулет запротестовал: «Не дай мне Бог погубить свою совесть», — Елизавета пришла в ярость от его «щепетильности».

Тем временем Сесил не отступал. Когда Елизавета подписала указ, хотя и не намеревалась использовать его, Сесил взял дело в свои руки и устроил так, чтобы документ быстро скрепили печатью. Затем он созвал в своих покоях секретное совещание с десятью членами Тайного совета, и через два дня они приказали доставить документ в Фотерингей. Организация казни Марии поручалась графам Шрусбери и Кенту, а официальные письма к ним были составлены самим Сесилом и подписаны членами совета. И наконец, они договорились, что не скажут Елизавете о казни, «пока все не будет кончено». Сопроводительное письмо графам, под которым поставил свою подпись больной Уолсингем, оправдывало казнь как «особую услугу [королеве], способствующую безопасности Ее королевского Величества и общему успокоению всего ее королевства».

Такое обоснование было необходимо, поскольку Елизавета снова послала за своим секретарем и сообщила ему, что видела во сне смерть Марии. Она выражалась кратко, но дала ясно понять, что желает убийства Марии. Это была ее главная цель, однако теперь она все устроила таким образом, что выигрывала в любом случае. Если Марию убьют во исполнение договора об Ассоциации, Елизавета снимает с себя всю ответственность. Если Сесил тайно скрепил печатью указ и без ее ведома отправил его в Фотерингей, она может заявить, что стала жертвой дворцовых интриг.

Секретарь промолчал. Он знал, что указ уже находится по пути в Фотерингей. Била спешно отправили к графам Шрусбери и Кенту, чтобы вручить письма с поручением. На север также поскакал палач — под видом «слуги», спрятав топор в дорожном сундуке. Уолсингем лично выбрал его, пообещав прибавить премию к обычному вознаграждению.

Сесил был неумолим. Он действовал скрытно. Наступил исторический момент. Сесил не собирался рисковать и решил во что бы то ни стало добиться своей цели. Он долго ждал этого дня. В этом смысле он был не просто противником королевы

Шотландии с ее злосчастной судьбой. Он был ее Немезидой. Время пришло, и его не остановит даже королева Англии.

30
Последние часы

В последние недели и месяцы после суда Мария пребывала в необычно приподнятом настроении. Ее апартаменты были более просторными и комфортными, и ей вернули деньги, что позволило покупать предметы роскоши. Может быть, именно это, а также «ответ без ответа» Елизаветы парламенту и очевидная задержка в опубликовании обвинительного вердикта пробудили ее надежды и дали основания думать, что в конечном счете никто не осмелится привести в исполнение вердикт, вынесенный комиссией.

К болям от остальных ее болезней прибавились открытая рана на одном плече и негнущаяся правая рука, но настроение у нее было прекрасным. Паулет видел, как она «получает удовольствие от пустяков, и во всех ее речах не заметно никаких признаков печали». Она продолжала обсуждать судебный процесс: кто что говорил в зале суда и что она подслушала из разговоров членов комиссии, сидевших рядом с ней.

Затем, в субботу, 4 февраля 1587 г. в окрестностях замка Фотерингей появился Роберт Бил. Его первой задачей было найти и проинструктировать графов Шрусбери и Кента, что заняло три следующих дня, поскольку они разъезжали по своим владениям. После этого все трое прибыли в замок Фотерингей и явились в покои Марии, где должны были сообщить ей, что казнь состоится следующим утром в начале девятого.

Паулет и его помощник, сэр Дрю Дрери, повел графов наверх. Когда их впустили, Паулет, который явно наслаждался своей ролью тюремщика Марии, в последний раз сорвал ее балдахин с гербом. По свидетельству Била, Марии зачитали указ о ее казни. Она слушала молча.

Несколько минут она сидела неподвижно, затем внезапно нахмурилась, вспомнив, как свергнутый король Ричард II был тайно умерщвлен в замке Понтекрафт. Она спросила, поступят ли с ней так же, на что Дрери, достойный человек, который был благороднее и добрее Паулета, ответил: «Мадам, Вы не должны этого бояться, поскольку Вы на попечении христианской королевы». Мария даже не догадывалась, что Елизавета имела твердое намерение тайно предать ее смерти с помощью «некоего Уингфилда», наемного убийцы, и что сомнительной привилегией публичной казни она почти полностью обязана Сесилу и Уолсингему.

Мария спокойным голосом обратилась к графам: «Благодарю вас за эту желанную новость. Вы окажете мне огромную услугу, забирая меня из этого мира, расстаться с которым я буду очень рада». Она продолжала говорить, вспоминая предков и династические права, излагая собственную версию многолетних попыток достичь политического согласия с Елизаветой и свою готовность к компромиссу. Все ее предложения были отвергнуты. Больше ничего она сделать не может. «Я ни на что не гожусь, и от меня никому нет толка», — заключила она. Все эти годы, возможно со дня смерти ее первого мужа, она кому-то мешала.

Но Мария нашла для себя новую роль. Она умрет как мученица за католическую веру. Она перекрестилась во имя Отца, Сына и Святого Духа. «Я вполне готова и очень счастлива умереть, пролить свою кровь ради всемогущего Бога, моего Спасителя и Создателя, ради католической церкви, чтобы поддержать ее права в этой стране».

Мария спросила, будет ли позволено ее капеллану утешить ее, но просьбу грубо отклонили. Затем она поинтересовалась, где ее похоронят. Позволят ли ей лежать рядом со своим первым мужем в усыпальнице в Сен-Дени или рядом с любимой матерью в монастыре Сен-Пьер-де-Дам в Реймсе?

Шрусбери ответил, что это еще не решено, но Елизавета вряд ли разрешит похоронить ее во Франции. «Тогда, по крайней мере, — спросила Мария, — будут ли удовлетворены мои просьбы относительно слуг?» Она славилась щедростью к своим слугам и теперь выражала искреннее желание вознаградить тех камеристок и слуг, которые так долго сохраняли ей верность. Графы не получили никаких инструкций на этот счет и, следовательно, не возражали.

Когда они ушли, оставив Марию с камеристками, она не утратила самообладания. «Плакать бесполезно», — сказала она им. Мария съела скромный ужин, затем опустилась на колени и почти час молилась. Затем, собрав силы, принялась за работу. Первым делом Мария составила завещание. Она написала, что умирает за истинную католическую веру и оставила инструкции относительно поминальных служб, которые следует отслужить за упокой ее души во Франции и на которых могут присутствовать ее слуги. Все ее долги должны быть выплачены, а оставшиеся деньги отданы слугам. Душеприказчиком Мария назначила Генриха, герцога де Гиза.

Затем Мария проверила содержание шкафов и гардеробов и распределила вещи между приближенными. Бургойн, рассказ которого о последних часах Марии наиболее достоверен, получил два кольца, две маленькие серебряные шкатулки, две лютни, на

которых иногда играла Мария, сборник нот в бархатном переплете, а также красный балдахин с пологом для кровати.

Раздав вещи, Мария села за письменный стол. Она уже отправила прощальное письмо герцогу де Гизу, которого считала членом семьи. «Я прощаюсь с Вами, — писала она за два с лишним месяца до того момента, через месяц после обвинительного вердикта, — перед тем, как меня предадут смерти по несправедливому обвинению, каковому, слава Богу, не подвергался никто из членов нашей семьи, не говоря уже о лицах моего ранга». Мария выражала надежду, что ее смерть послужит свидетельством ее истинной веры и готовности пострадать «ради поддержки и восстановления католической церкви на этом несчастном острове». Она посылала свою любовь всем родственникам, но не могла скрыть горечи по отношению к своему сыну, Якову VI, который отверг ее. «Пусть благословение Божие, каковое мне следовало бы передать своим детям, принадлежит Вам, которого я вверяю Господу столь же искренне, как своего несчастного и обманутого сына».

Пришло время закончить прощание. Мария всегда любила отправлять и получать письма, и за сорок четыре года жизни написала — с учетом утерянных и уничтоженных документов — две или три тысячи штук. Теперь она принялась за свое последнее письмо. Разумеется, оно отправлялось во Францию, страну, которую Мария считала домом, даже когда была правящей королевой Шотландии. Получить это послание должен был ее деверь, Генрих III, которого она знала с младенческого возраста, когда он вместе с ней жил в детских покоях Сен-Жермена и Фонтенбло.

Было уже почти два часа ночи, когда она села за письмо. До казни оставалось всего шесть часов, однако написано оно не обычными для Марии каракулями, а ровным и аккуратным почерком. Несколько светлых пятен на первой странице, вероятно, указывают на места, куда капали ее слезы. «Сегодня, после обеда, — начала она, — мне огласили приговор».

> У меня нет времени дать Вам полный отчет обо всем, что произошло, но если Вы выслушаете моего врача и других моих несчастных слуг, то узнаете правду, как и то, что я, слава Богу, не боюсь смерти и решительно заявляю, что встречаю ее не виновной ни в каком преступлении…
>
> Католическая вера и защита моего дарованного Богом права на английский престол — вот две причины моего осуждения, и мне не позволялось говорить, что я

умираю за католическую веру…

Я прошу Вас, христианнейшее Величество, моего деверя и давнего друга, который всегда выражал свою любовь ко мне, теперь доказать свою доброту, позаботившись о следующем: милосердно заплатить моим слугам недоимки по жалованью (только Вы сможете снять этот груз с моей совести), а также обратить к Богу молитвы за королеву, которую называли христианнейшим Величеством и которая умирает в католической вере, лишенная всех своих владений…

Что касается моего сына, я рекомендую его Вам, насколько он этого заслуживает, потому что я не могу за него отвечать…

Я осмелилась послать Вам два драгоценных камня, талисманы против болезней, веруя в то, что Вы будете пребывать в добром здравии и проживете долгую и счастливую жизнь.

Наконец Мария прилегла и попыталась заснуть. Она всего лишь задремала, но пролежала на кровати до шести часов, когда в комнате зажгли свечи. Она поспешно встала и начала готовиться к казни. Ее камеристки трудились всю ночь, готовя для нее одежду, косметику и парик.

Одевшись, Мария сидела на табурете, пока камеристки заканчивали свою работу. Затем она приказала всем слугам собраться в приемной. Бургойн зачитал завещание, после чего Мария подписала документ и вручила Бургойну для передачи герцогу де Гизу. Попрощавшись со всеми, она опустилась на колени и начала молиться вместе со слугами.

Едва прозвучали первые слова молитвы, как в дверь громко постучали. Это был Томас Эндрюс, шериф графства Нортгемптоншир, которого сопровождали графы Шрусбери и Кент.

Настал смертный час Марии. Графы явились препроводить ее вниз, в большой зал на первом этаже. Ей предстояла последняя прогулка, которой суждено навсегда остаться в истории.

Мария взяла в одну руку распятие из слоновой кости, а в другую — иллюстрированный молитвенник на латыни. Она едва не забыла молитвенник, но Бургойн напомнил о нем. Поцеловав распятие, она направилась к двери.

Настал ее звездный час. На протяжении всей жизни Мария была главным действующим лицом многочисленных роскошных спектаклей, начиная с венчания с дофином в соборе Нотр-Дам, когда ей еще не исполнилось шестнадцати, и она знала, что

сумеет сохранить самообладание и в свой последний час. Ее ждал самый захватывающий акт пьесы. Она шагнула через порог. Все, что последовало за этим шагом, — независимо от споров, достойна ли она называться мученицей за католическую веру и идеал монархии, — навсегда гарантировало ей место в пантеоне истории как по-настоящему трагической героине.

Эпилог

Елизавета умерла в начале четвертого утра 24 марта 1603 г. Она скончалась на семидесятом году жизни — через шестнадцать лет после смерти своей кузины, шотландской королевы, — и была первым английским правителем, дожившим до такого преклонного возраста. Она так и не вышла замуж, и упорно отказывалась назначать наследника, по крайней мере официально. Легенда о том, что на смертном одре она назвала своим наследником сына Марии, Якова VI Шотландского, не подтверждена убедительными доказательствами. К тому моменту она уже не могла говорить и была способна выразить свою волю только жестом. Но и это всего лишь догадка.

Тем не менее Яков был признан будущим королем. Его восшествие на престол под именем Якова I, короля Англии и Ирландии, не встретило никакого сопротивления. Формальности заняли несколько часов. В десять утра в воротах дворца Уайтхолл и в лондонском Сити появилась группа аристократов и членов Тайного совета в сопровождении герольдов, чтобы объявить о новом короле.

Этот манифест — важный документ. В нем говорится, что Яков по праву является королем Англии, поскольку «по прямой линии и по закону происходил» от Марии Тюдор, дочери Генриха VII. Он приходится праправнуком основателю династии Тюдоров и правнуком Маргарите Тюдор, которая — как особо подчеркивали герольды — была сестрой Генриха VIII. Таким образом, он был королем «по закону, по происхождению и по неоспоримому праву».

Разумеется, о Марии не упоминалось. Но манифест не оставляет сомнений, что Яков взошел на престол в силу своих наследственных прав. Воля Генриха VIII была проигнорирована. Это было почти равносильно признанию права самой Марии, будь она жива, считаться законной наследницей Елизаветы. В конечном счете победа осталась за ней, причем более убедительная, чем она могла надеяться, потому что все следующие правители Британии были ее потомками и вели свое право престолонаследия от нее, а не от Елизаветы.

После того как Яков прибыл в Лондон и был объявлен королем, он стал раскаиваться в том, что отверг мать, и пытался загладить свою вину. После казни забальзамированное тело Марии шесть месяцев лежало в свинцовом гробу в замке Фотерингей, после чего было захоронено. Все это время шли жаркие споры: следует ли похоронить ее тайно на кладбище

местной приходской церкви или разрешить государственные похороны в соборе Питерборо. В итоге ее удостоили государственных похорон, но строго ограничили число приглашенных, а всю церемонию погребения провели глубокой ночью. Марию похоронили с южной стороны алтаря, недалеко от гробницы Екатерины Арагонской, первой и самой несчастной жены Генриха VIII.

Вскоре после восшествия на престол Яков приказал построить в часовне Генриха VII в Вестминстерском аббатстве две величественные гробницы в стиле раннего барокко, каждая с лежачей фигурой — одну для Елизаветы, а вторую для своей матери. Гробница Елизаветы должна была находиться в северном нефе часовни, а Марии — в южном. Яков не хотел двух одинаковых гробниц. Они были выполнены в одном стиле, но гробница Марии была больше и обошлась в астрономическую сумму, 2000 фунтов, тогда как на гробницу Елизаветы потратили только 765 фунтов.

В октябре 1612 г. тело Марии извлекли из могилы в Питерборо и торжественно захоронили в Вестминстере. Мифотворчество не заставило себя ждать. После смерти Елизаветы венецианский посол сообщал, что многие ее портреты были сняты и заменены на портреты Марии. Она снова стала королевой, достойной почестей, затмив Эдуарда VI и Марию Тюдор, брата и сестру Елизаветы. Яков не построил для них мемориалов. Эдуард остался лежать там же, где лежал; Елизавету сначала похоронили в могиле деда, Генриха VII, под алтарем часовни, но затем Яков перенес ее тело в неф, рядом с гробницей ее старшей сестры, а затем поставил на этом месте гробницу, словно здесь покоится она одна. И лишь краткое стихотворение на латыни на боковой стороне гробницы указывало, что под ней также лежит Мария Тюдор.

Затем торжественная процессия перевезла тело его матери из Питерборо, чтобы захоронить в южном нефе рядом с телами Маргариты Бофорт, матери Генриха VII и бабушки Якова со стороны отца, графини Леннокс. Это был бесстыдный пример династического ревизионизма, предназначенный для того, чтобы поставить самого Якова в центр британской истории. Тем не менее попытка оказалась в высшей степени успешной. Новые династические символы были в буквальном смысле вырезаны в камне: сегодня они входят в число самых популярных достопримечательностей Вестминстерского аббатства. А «Мария», которой посвящен самый большой и величественный памятник, — это Мария, королева Шотландии. Яков одним махом воздал честь двум своим «родителям», «родной» и политической

матери, и при этом легитимизировал Стюартов как «основателей» государства, которое Яков любил называть «империей» Великобритания.

Новый король также поощрял ведущего историка того времени, Уильяма Кэмдена, завершить свой неоконченный труд, «Анналы», посвященный правлению Елизаветы. Кэмден, независимо мыслящий ученый, работал с оригинальными документами. Он был очень уважаемым человеком, и его рассказ о правлении Марии в Шотландии тщательно выверен, чем выгодно отличается от очернения Марии в работе его шотландского коллеги Джорджа Бьюкенена «История Шотландии» и других трудах. Именно это и требовалось Якову. Кэмден прославил Марию до такой степени, что в 1624 г. его «Анналы» были опубликованы как «История жизни и смерти Марии Стюарт, королевы Шотландии», а вовсе не как «История Елизаветы». Его интерпретация правления Марии в Шотландии резко контрастировала с клеветой Бьюкенена.

По мнению Кэмдена, Мария была «тверда и постоянна в своей вере, отличаясь верностью Богу, неизменным благородством души, редкой для ее пола мудростью и достойной восхищения красотой». Однако нельзя сбрасывать со счетов и ее провал как политика. Мария должна занять место в ряду тех правителей, «которые сменили свое счастье на страдания и катастрофу», но причина заключалась не в недостатках ее личности, а в том, что она была правительницей, «которую швыряла и бросала» судьба. Она стала жертвой «неблагодарных и честолюбивых подданных» — в основном ее единокровного брата и главного советника Джеймса Стюарта, графа Морея.

Кэмден выступил против Бьюкенена, которого назвал по имени. Особый скепсис у него вызвала версия лордов, изложенная в досье, которое Бьюкенен представил Морею, а через него и Сесилу после бегства Марии в Англию в 1568 г. Именно это досье, подтверждавшее обвинения, которые прозвучали в «письмах из ларца» и в «Расследовании деяний Марии, королевы Шотландии, касательно убийства ее мужа…», Сесил одобрил для публикации на подобии шотландского языка. «То, что написал Бьюкенен, — язвительно заявил Кэмден, — нет ни в одной книге, напечатанной людьми». В те дни это звучало гораздо более оскорбительно, чем сегодня. Кэмден имел в виду, что не смог найти в архивах ничего, что подтверждало бы предположения Бьюкенена. Его критика была тем более сокрушительной, что все знали о его энциклопедических знаниях в том, что касалось архива Сесила, к которому он и его помощники получили привилегированный доступ.

Более экстравагантные и тенденциозные аргументы в пользу Марии вышли из-под пера Адама Блэквуда, шотландца, католика и ярого роялиста, высланного во Францию; он был главным ее защитником после казни. Он даже приехал в Питерборо и прикрепил к колонне рядом с могилой Марии табличку, восхваляющую ее как «украшение наших дней» и «поруганное величие всех королей и государей». Она была «светочем истинного монаршего достоинства», погашенным «варварской жестокостью и тиранией». Блэквуд опубликовал свидетельство ее мученичества, «Martyre de la Royne d'Escosse», в Париже в 1587 г., положив начало спорам, которые усилились после того, как ее гробницу в Вестминстере стали почитать как усыпальницу канонизированного святого и связывать с ней ряд чудес.

Защитники Марии всегда подчеркивали, что лишь немногие из шотландских лордов, выступавших против нее в бурный период ее правления, пережили ее. Почти всех ждал неприглядный конец. Быстрый ум, грубоватый юмор и знаменитые «царственные манеры» — все это не спасло Морея. Он наслаждался желанной должностью регента Шотландии меньше полутора лет. Морея убили в январе 1570 г., когда он ехал верхом по улицам Линлитгоу.

Морей сам приблизил собственную смерть — своей беспринципностью и коварством. Он поддержал план герцога Норфолка жениться на Марии, а затем рассказал обо всем Елизавете. Этого не могли простить союзники Норфолка, которые попытались убить Морея, когда тот возвращался домой после трибунала, созванного Елизаветой для исследования «писем из ларца». Морей сумел ускользнуть от убийц и по возвращении в Эдинбург заявил, что всегда был сторонником брака Марии с Норфолком, а обвинения против сестры были сделаны под давлением Елизаветы и Сесила.

Выиграв таким образом время, он стал регентом и получил официальное освобождение от ответственности за все свои действия против Марии. В апреле 1569 г. он бросил в тюрьму герцога Шательро, лидера клана Гамильтонов. Герцог вернулся в Шотландию из добровольной ссылки, в которую отправился после убийства Риччио, когда он встал на сторону Марии вместе с Хантли и Аргайлом. Морея убьют через девять месяцев после того, как он подписал ордер на арест Шательро. Смертельная пуля, пронзившая его насквозь, была выпущена Джеймсом Гамильтоном из Босуэллхо. У убийцы имелись и личные мотивы, поскольку Морей отнял у его жены земли в окрестностях Эдинбурга и разрешил выгнать ее из дома.

Морей не дожил и до сорока лет. Мария не оплакивала его и,

похоже, даже не упоминала о его смерти. Заупокойную службу в соборе св. Джайлса провел Нокс, а Бьюкенен сочинил эпитафию на латыни, восхвалявшую Морея как достойного человека и шотландского патриота. Эпитафию вырезали на бронзовой пластине, которую прикрепили к надгробию.

Мейтланд, которого называли «шотландским Сесилом», «Макиавелли» и «хамелеоном», умер через три года после Морея. Он поссорился со своим давним союзником по поводу мошенничества с «письмами из ларца», копии которых он мог даже передать адвокатам, защищавшим Марию во время трибунала, где он присутствовал как член шотландской делегации. Когда Мейтланд вернулся в Шотландию, Морей обвинил его в соучастии в убийстве Дарнли, но смерть регента избавила его от тюрьмы. Он присоединился к Хантли и Аргайлу, главным сторонникам Марии, но его усилия оказались тщетными, и в 1573 г. он укрылся в Эдинбургском замке.

Получив подкрепления от англичан, Мортон взял замок штурмом, и Мейтланд сдался Дрери, бывшему пограничному чиновнику в Карлайле, который получил повышение и командовал английским отрядом. Но капитуляция не спасла Мейтланда. Говорят, он покончил с собой в тюрьме в Лите. По свидетельству сэра Джеймса Мелвилла, «он выпил яд и умер, как умирали древние римляне».

Мортон, самый коварный из лордов, которые жаждали отомстить Дарнли после убийства Риццио, и предлагавший Сесилу «любую услугу, которая находится в его власти», когда направлялся на встречу с Босуэллом в замке Уиттингем, дожил до 1581 г. При поддержке Елизаветы и Сесила он после 1572 г. в течение шести лет был регентом Шотландии, но своей жадностью и похотливостью нажил себе много врагов. Он жил интригами и умер из-за них. Его сместили после возвращения д'Обиньи в Шотландию, а потом казнили, обвинив в соучастии в убийстве Дарнли.

Судьба графа Леннокса, отца Дарнли, сложилась не лучше. Первый раз он появился на исторической сцене как соперник графа Босуэлла, претендент на руку матери королевы Марии[107]. Его назначили регентом после Морея, но четырнадцать месяцев спустя он получил нож в спину от некоего капитана Калдера — во время стычки после неожиданного нападения сторонников Марии на замок Стирлинг в 1571 г. Смертельно раненный, он сумел доскакать до замка, но истек кровью и умер через несколько часов. Смерть его была мучительной. Тем не менее он упокоился с миром. Его последними словами были: «Если ребенок в порядке, значит, все хорошо». Он имел в виду, что пока жив его внук,

Яков VI, Ленноксы продолжали претендовать на английский трон, и значит, не пропали даром усилия, которые предпринимали они с женой, чтобы добыть корону для своих потомков.

Что касается неукротимого Нокса, он в конечном счете показал свою истинную сущность. Мейтланд, набравшись смелости, назвал его «дерьмовым пророком». Пятидесятилетний Нокс женился на шестнадцатилетней девушке, и этот скандал оставил несмываемое пятно на его репутации. Рэндольф, которого Елизавета оттеснила на второй план, назначив генеральным почтмейстером, но который на короткий период вернулся в Шотландию в качестве посла, саркастически заметил, что Нокс «успокоился», поскольку ему было чем заняться, помимо проповедей. Нокс появился на коронации Якова VI, когда ему предложили прочесть проповедь на тему «Меня короновали юным». В 1570 г. с ним случился удар, что объясняет его письмо Сесилу, написанное «стоя одной ногой в могиле». Он умер в 1572 г. в возрасте пятидесяти восьми лет и был похоронен на церковном кладбище собора св. Джайлса. Два года спустя на его молодой вдове женился Эндрю Кер из Фодонсайда, тот самый человек, который направил заряженный пистолет на Марию во время убийства Риччио и которого видели в переулке рядом с Кирк-о-Филд. Страшно представить, о чем они могли говорить в супружеской постели.

Возможно, это покажется удивительным, но Уолсингем, который привел Марию к гибели, заманив в ловушку заговора Бабингтона, избежал справедливого наказания судьбы. Елизавета не желала тратить время на сумрачный мир шпионов и разведки. В 1586 г. она желала смерти Марии, но презирала методы, позволившие заманить ее в ловушку. Уолсингем умер в 1590 г., и Кэмден описывал его как человека «чрезвычайно умного и изобретательного… старательного в расследовании тайн и секретов, который превосходно знал, как завоевать доверие людей и использовать их в своих целях». Это была скорее язвительная, чем лестная характеристика. Уолсингем обладал многими другими талантами, но остался в истории как руководитель шпионской сети Сесила.

Дольше всех прожил Сесил, причем вполне благополучно. Даже казнь Марии не побудила его уйти на покой. В преклонном возрасте он страдал от подагры и больных зубов, но выгоды от высокой должности были очевидными — Сесил владел несколькими роскошными домами, и состояние его существенно увеличилось. В 1571 г. Елизавета пожаловала ему звание пэра, и он стал лордом Берли; больше всего он любил разъезжать по своим садам на муле, любуясь декоративными деревьями и

редкими растениями. Шекспир высмеял его в образе Полония, «высшего» бюрократа, представление которого о политике — старик, подслушивающий за ковром, — дискредитирует само это понятие. Когда он лежал на смертном одре, Елизавета сидела у его постели и кормила из ложки. Он умер в 1598 г., не дожив нескольких недель до семидесяти восьми лет.

Сесил был главным врагом Марии. Непостоянство лордов и распри между ними постепенно лишали ее силы, а их отказ поставить интересы Шотландии выше личных интересов серьезно ослаблял монархию. Но именно Сесил поддержал их первый мятеж 1559–1560 гг. Позже он принял сторону Морея, Мейтланда и Мортона, которым тайно помогал и с которыми поддерживал связь, и без его поддержки они не добились бы успеха.

У Сесила было апокалиптическое, почти мессианское представление об Англии как о протестантском государстве. Когда начался мятеж лордов конгрегации, он понял, что у него появилась уникальная возможность превратить Британские острова в единое протестантское сообщество. Разумеется, он был до мозга костей англичанином. К Шотландии он относился как к «государству-сателлиту» Англии, точно так же, как до него Генрих VIII и лорд-протектор Сомерсет. Роль шотландского националиста досталась — что совершенно естественно и, возможно, не лишено иронии — отчаянному авантюристу графу Босуэллу.

Больше всего Сесил опасался династического плана Гизов по созданию «франко-британской» империи. Он считал Марию самым опасным врагом — для себя и своей страны — с того момента, как ее дядя, кардинал Лотарингский, приказал изобразить герб Англии рядом с гербами Шотландии и Франции на королевских регалиях Марии. Несмотря на то что Марии было всего шестнадцать, Сесил считал ее вдохновителем и главным выгодоприобретателем международного католического заговора с целью свергнуть и убить Елизавету и уничтожить истинную веру. Его убеждения были настолько сильны, что он приказал упомянуть об этом в эпитафии на его могиле в родном городе Стамфорде в Линкольншире. Главное достижение его жизни, утверждал он, заключается в «сбережении» королевы и протестантского государства.

Крах правления Марии в Шотландии не был случайным. Сесил упорно следовал собственному сценарию. Этот документ можно считать одним из самых важных во всей истории Британии, потому что события развивались именно так, как было описано в нем. Сесил составил его за два года до возвращения Марии из Франции. Документ имел форму докладной записки,

датированной «15 августа 1559 года» и называвшейся «Записка о некоторых необходимых условиях для возвращения королевству Шотландия старинного благоденствия». Название выглядит вполне невинным. Но содержание — настоящая бомба, поскольку под «старинным благоденствием» Сесил подразумевал свое представление о Шотландии как о «сателлите», что, по его убеждению, имело место при Эдуарде I, который в 1290-х гг. заявлял о своих феодальных правах сюзерена на Шотландию. Сесил утверждал, что при отсутствующем правителе, в данном случае Марии, власть в Шотландии должна принадлежать не наместнику или регенту, а совету из аристократов, назначенных «для управления всем королевством». А если Мария, которая уже стала королевой Франции, «не пожелает с этим согласиться», то ее, по мнению Сесила, нужно просто свергнуть. «Совершенно очевидно, — напыщенно заявлял он, — что всемогущий Господь с радостью заберет у нее власть над этим королевством, ради благоденствия оного».

За два года до того, как Мария покинула Францию, Сесил предпринял первые, осторожные шаги, которые привели к ее вынужденному отречению. Идеальным он считал такое развитие событий, когда протестантские лорды объявят себя «Шотландскими штатами» и свергнут королеву. Подобно Ноксу, Сесил с самого начала описывал Марию языком библейских пророчеств. Она была для него «Иезавелью» и «Аталией», и в глубине души он поддерживал идею Нокса о вооруженном сопротивлении «тиранническим» (то есть католическим) государям.

Сесил состоял на службе у Елизаветы сорок лет. Он был ее «верным подданным» и «скромным слугой», как он сам выражался, хотя и стоял за многими ее решениями. Тем не менее своими главными целями он считал исключение Марии из числа наследников английского престола любыми доступными методами, а также подрыв ее власти в Шотландии с помощью создания хаоса в критические моменты, тогда как Елизавета уважала права Марии как независимой королевы Шотландии и не одобряла высокомерное пренебрежение принципами престолонаследия, проявленное Генрихом VIII в его завещании. Сесил постоянно жаловался, что Елизавета проявляет слишком много благородства и сочувствия в отношении Марии и отличается чрезмерной склонностью к компромиссам.

Чем тщательнее современные ученые изучают архивы елизаветинской эпохи, тем больше вопросов вызывает у них фигура Сесила. Глубоко укоренившаяся интерпретация ограничивается утверждением, что он рассматривал Елизавету и

Марию как «соперниц». Разумеется, соперничество присутствовало, и Елизавета была безжалостной в своих попытках диктовать условия брака Марии и круг претендентов на ее руку. Но у двух королев было гораздо больше общего, чем предполагает такая упрощенная модель. В частности, они ясно понимали идеологические проблемы. То есть, когда правительницам приходилось иметь дело с советниками из числа мужчин, в изменчивой политической обстановке и в условиях религиозного раскола, на кону стоял не только «обычный порядок вещей».

В отношениях Елизаветы и Марии мы замечаем противоречия, неизбежные для монархии, в которой превратности престолонаследия соперничали с верностью идеалу чисто протестантского государства. Когда Елизавета выражала свои мысли, наследственные права брали верх над религией, а когда следовала совету Сесила, то наоборот. Елизавета защищала идеал монархии и была готова защищать права Марии как помазанной королевы, а Сесил трудился над определением протестантского гражданства и конструкции, в которой парламент имел бы суверенное право определять порядок престолонаследия, чтобы защитить религиозные убеждения граждан.

В отличие от пьесы Фридриха Шиллера «Мария Стюарт», изданной в 1801 г. и ставшей основой оперы Доницетти, впервые поставленной в 1835 г., где зрители наблюдали на сцене острое противостояние между Марией и Елизаветой, две «британские» королевы в жизни никогда не встречались. Елизавета так и не удостоила Марию личной беседы, которой та жаждала. По мере того как проходили годы и месяцы, становилась очевидной истинная причина отказа, прятавшаяся за многочисленными отказами. Елизавета боялась, что королева Шотландии, более молодая и, возможно, более красивая, окажется такой привлекательной и такой искусной в разговоре, что затмит или превзойдет ее.

В характере самой Марии тоже немало противоречий, но некоторые ее качества не подлежат сомнению. Она была обаятельной, умной, общительной, живой, доброй, щедрой, верной сторонникам и друзьям, преданной своим родственникам Гизам, даже несмотря на отсутствие взаимности. Она могла быть изобретательной и храброй, отличалась язвительным остроумием и никогда не была такой оживленной и энергичной, как в те минуты, когда в стальном шлеме скакала во главе своей армии.

Но ее эмоциональные потребности были глубоки. Она ждала, что ее будут любить, и нуждалась в любви. И в значительной степени получила то, к чему стремилась: ребенком от своих

родственников Гизов, взрослой от четырех Марий, от слуг, а также — до ее брака с Босуэллом — от народа, который был очарован ее юностью, красотой и обаянием. Мейтланд был близок к истине, когда предсказывал, что простые люди Шотландии будут заворожены ее легкими улыбками и гримасами. Но как королеве ей не хватало любви партнера, равного, которому она могла бы поведать свои тревоги и который сглаживал бы ее импульсивность. И это желание иметь союзника, мужа, короля, привело к ее самым нелепым и не свойственным для нее ошибкам. Королевское звание означало, что она всегда окружена людьми, но Мария часто страдала от одиночества, и чрезмерная любовь к домашним животным стала следствием ее эмоциональной изоляции в последние годы жизни. Безрассудный риск, когда в 1586 г. она одобрила нелепый заговор, в котором были даже не ясны мотивы его главных участников, — это результат ее отчаяния.

Тем не менее Мария была настоящей знаменитостью. Толпы людей собирались ради того, чтобы посмотреть на ее венчание в соборе Нотр-Дам в Париже и на торжественный въезд в Эдинбург и Перт. После возвращения в Шотландию она привнесла в скучную рутину шотландского двора нечто новое, более живое и интересное. Когда ее в последний раз вели по улицам Эдинбурга, прежде чем отправить в Лох-Ливен, крики «сожгите ее, сожгите ее!.. убейте ее, утопите ее!» раздавались вовсе не из толпы горожан — это кричали специально отобранные люди, расставленные по всему маршруту лордами конфедерации.

Что касается самих этих лордов, кодекс чести которых основывался на верности клану и местных связях, то они придерживались совсем иных правил игры. Любовь и верность покупалась, как любой другой товар. Для Марии это превратилось в неравный бой. По всей видимости, она была не пешкой в политической игре и не сиреной, склонной манипулировать людьми, а знатоком человеческого характера, способной обращаться с людьми не менее искусно, чем ее английская кузина и соперница. Она наслаждалась своей ролью королевы и на какое-то время сумела объединить раздираемую распрями и опасно нестабильную страну. Вопреки распространенному стереотипу, которого придерживался Нокс, она умела управлять, руководствуясь не только чувствами, но и разумом. На самом деле ее возвращение в Шотландию из Франции прошло так успешно, что уже через полгода Мейтланд сообщал Сесилу: «Королева, моя госпожа, ведет себя так достойно во всех отношениях, как того можно только желать. Если что-то упущено, вина скорее лежит на нас».

Мария была королевой до мозга костей. Наиболее ярко это проявлялось в ее желании защитить свое достоинство и сохранить лицо. Тем не менее она могла быть капризной, удивительно наивной и слишком доверчивой. Она проявляла наивность в своем убеждении, что кровь гуще воды и что ее дядя, кардинал Лотарингский, и единокровный брат Морей не поставят свои интересы выше ее интересов; и такое повторялось неоднократно. Она наивно предполагала, что Босуэлл любит ее просто потому, что она любит его. Она была наивной, сбежав в Англию после поражения при Лангсайде и ожидая, что Елизавета поможет ей вернуть утраченный трон. Но ярче всего наивность Марии проявилась в ее предположении, что сын, совсем не помнивший мать, никогда ее не предаст.

В глубине души она верила в судьбу. Отвергнутая своими дядями или шотландскими лордами, она каждый раз пыталась снова навести мосты, пока убийство Дарнли не исключило такую возможность. Ее храбрость никогда не ставилась под сомнение. Даже Нокс одобрительно отзывался о ее «мужской» способности настоять на своем в столкновении с Дарнли после убийства Риччио, когда ей удалось переиграть его и вместе с ним под покровом бежать из Холируда; будучи на последних месяцах беременности, она верхом преодолела путь до Данбара, останавливаясь только тогда, когда ее начинало тошнить. Мария два раза пыталась бежать из Лох-Ливена на лодке, причем второй раз успешно, а после сражения у Лангсайда проскакала шестьдесят миль без остановки.

Мария изо всех сил пыталась сохранить брак с Дарнли, несмотря на его недопустимое поведение. И только угроза государственного переворота заставила ее поместить Дарнли под домашний арест в замке Крейгмиллар. Выйдя за Босуэлла, Мария старалась делать вид, что все в порядке, даже после того, как он сбросил маску и перестал сдерживать себя. За все годы неволи она ни разу не позволила себе слабости. Слуги строго придерживались протокола королевского двора в изгнании, а Мария всегда следила за свой внешностью, хотя в уединении своей спальни с болью и отчаянием смотрела, как редеют ее волосы и увеличивается окружность талии. Она была полна решимости соответствовать своему образу, несмотря на то что молодость и красота неумолимо покидали ее, и тратила очень много денег и сил, чтобы получить самую роскошную одежду и драгоценности, которые носила в замкнутом мирке своей тюрьмы.

Ее «решение» вопроса о женщине-правителе вряд ли можно назвать радикальным. «Понимаете, — сказала она Рэндольфу в

Сент-Эндрюсе незадолго до свадьбы с Дарнли, — остаться незамужней — это не для меня». Она поступала так, как, по мнению советников-мужчин, должна была поступать любая женщина-правитель: вышла замуж и родила наследника для своей страны. При выборе первого и второго мужа Мария руководствовалась только династическими критериями. Загадочным выглядит выбор третьего мужа. Тут все сложнее. Она познакомилась с Босуэллом, когда тот выступал в роли защитника королевы от непрерывных нападок лордов, а затем вышла за него замуж, чтобы скрепить договор. Это был трезвый расчет. После возвращения в Шотландию она оказалась в быстро меняющемся мире, и Босуэлл, по ее мнению, давал ей шанс найти опору. «В этой стране, разделенной на фракции, — сказала она, — стало невозможно поддерживать порядок без того, чтобы наша власть не получала помощь и укрепление со стороны мужчины». Однако Мария сама подтолкнула себя к катастрофе, позволив Босуэллу, женатому мужчине, соблазнить ее в Данбаре. Ее самая большая ошибка — позволить себе, королеве, влюбиться.

Мария — самый несчастливый монарх в британской истории. Более блестящую и харизматичную королеву даже трудно представить, однако Шотландия была маленькой и раздробленной страной, легкой добычей для своих более сильных соседей. Кроме того, протестантская реформация и фракционализм лордов создали ситуацию, когда монархия стала более уязвимой, чем обычно. В Шотландии до сих пор популярна детская считалочка о том, что королеве Марии отрубили голову. Однако было бы несправедливым судить обо всей жизни Марии только по ее печальному концу. С самого начала у нее было мало шансов.

В Англии и во всем англоговорящем мире почти все знают Марию, даже если не понимают почему. С ней связана одна из самых известных детских песенок[108]:

> Mary, Mary, quite contrary,
> How does your garden grow?
> With silver bells and cockle-shells
> And pretty maids all in a row.
>
> Мэри, Мэри, такая противоречивая,
> Как растет твой сад,
> Где серебряные колокола, морские ракушки
> И красавицы на клумбах в ряд?

Сад, о котором идет речь, — это декоративный сад в

Холирудском дворце. Серебряные колокола звучали в личной часовне Марии во время мессы. Морские ракушки — это любимые всеми ревностными католиками символы паломничества, особенно привезенные с могилы св. Иакова в соборе Сантьяго-де-Компостела в Испании. А красавицы на клумбах — это четыре Марии, подруги шотландской королевы, которых она знала столько, сколько себя помнит, и которые делили с ней радости и беды.

Сначала победу в споре одержали враги Марии. Пока она была жива, официальным историком Шотландии (и Англии) считался Бьюкенен. Затем дебаты разгорелись с новой силой, и они вряд ли утихнут, пока Мария не перестанет вызывать интерес историков и биографов. Блэквуд жестоко ошибался, когда говорил, что она уничтожена «варварской жестокостью и тиранией». Если Елизавета стала победителем при жизни, то Марию триумф ждал после смерти. Она не была предана забвению, как того хотел Сесил, а восстала из пепла, чтобы превратиться в одного из самых известных и притягательных правителей во всей истории Британии. Выбрав птицу феникс в качестве своего последнего символа, она сама написала себе эпитафию: «В моем конце мое начало».

Хронология

1542

(8 декабря) Мария родилась в Линлитгоу

(14 декабря) Яков V умер в Фолклендском дворце

1543

(9 сентября) коронация Марии как королевы Шотландии в Стирлинге

1547

(10 сентября) Битва при Пинки

1548

(июль) Мария отплывает во Францию

(13 августа) Мария прибывает во Францию

1558

(19 апреля) Обручение Марии с дофином Франциском

(24 апреля) Венчание Марии и дофина

1559 (10 июля) Мария становится королевой Франции

1560

(11 июня) Мария де Гиз, мать королевы Марии, умирает в Эдинбурге

(5 декабря) Муж Марии, король Франции Франциск II, умирает в Орлеане

1561

(апрель) Мария встречается со своим единокровным братом, лордом Джеймсом Стюартом в Сен-Дизье

1562

(апрель) Босуэлл арестован по ложному обвинению

(май — июль) Планируется встреча между Марией и Елизаветой

(август) Поездка Марии на северо-восток страны

(28 августа) Босуэлл бежит и отправляется в изгнание

(сентябрь) Мария жалует лорду Джеймсу Стюарту

титул графа Морея

(28 октября) Битва при Корричи

1563

(февраль) Шателяр прячется под кроватью Марии, а затем проникает в ее гардеробную

(13 февраля) Мария посылает Мейтланда в Лондон и Париж с поручением прощупать почву для предполагаемого брака с доном Карлосом

(18 февраля) Смертельно ранен дядя Марии, герцог де Гиз

(22 февраля) Казнь Шателяра

(август) Кардинал Лотарингский предлагает эрцгерцога

Карла в качестве мужа Марии, но она отказывается

1564

(март) Марию уговаривают выйти за Роберта Дадли, впоследствии графа Лестера

(июль) Поездка Марии на север страны

(сентябрь) Миссия Кастельно к Елизавете и Марии

(сентябрь) Леннокс возвращается в Шотландию

1565

(17 февраля) Мария встречается с Дарнли в Уэмиссе

(19 июля) Мария вызывает Босуэлла

(29 июля) Мария выходит замуж за Генри, лорда Дарнли

(август — сентябрь) «Загонный рейд»

(17 сентября) Босуэлл высаживается в Аймуте

1566

(9 марта) Убийство Давида Риццио в Холируде

(9 июня) Мария созывает лордов и диктует завещание

(19 июня) В Эдинбургском замке родился принц Джеймс (будущий Яков VI Шотландский и I Английский)

(15/16 октября) Мария едет из Джедборо в Хермитедж

(17 октября) Мария заболевает в Джедборо

(17 декабря) Крещение Джеймса в Стирлинге

(24 декабря) Мария прощает участников заговора против Риццио

1567

(январь) Дарнли лечится от сифилиса в Глазго

(20/21 января) Мария едет в Глазго навестить Дарнли

(10 февраля) Убийство Дарнли в Кирк-о-Филд в два часа ночи

(12 апреля) Босуэлл признан невиновным в убийстве Дарнли

(19/20 апреля) «Договор таверны Эйнсли»

(24 апреля) Босуэлл похищает Марию на мосту через Алмонд

(15 мая) Мария выходит замуж за Босуэлла

(15 июня) Противостояние Марии и Босуэлла с лордами у Карберри-Хилла; Мария капитулирует, Босуэлл бежит

(17 июня) Марию запирают в замке Лох-Ливен

(24 июля) Вынужденное отречение Марии

(29 июля) Коронация Якова VI в Стирлинге

(июль/август) Босуэлл плывет к Оркнейским и Шетландским островам, затем бежит в Норвегию и Данию

(22 августа) Морея объявляют регентом

1568

(январь) Босуэлла переводят в замок Мальме

(2 мая) Мария бежит из Лох-Ливена

(13 мая) Мария терпит поражение в битве при Лангсайде

(16 мая) Мария пересекает Солуэй-Ферт недалеко от

Уоркингтона в Камберленде

(18 мая) Марию перевозят в замок Карлайл

(13 июля) Мария переезжает из Карлайла в замок Болтон в Уэнслидейле

(октябрь — декабрь) Заседание комиссии в Йорке и Вестминстере, а затем в Хэмптон-Корте для установления вины Марии; Морей предъявляет «письма из ларца»

1569

(10 января) Марию не признают виновной, но и не оправдывают

(26 января) Марию перевозят в замок Татбери в Стаффордшире

(20 апреля) Марию перевозят в Уингфилд в Дербишире

(25 мая) Марию перевозят в Чатсуорт

(1 июня) Мария возвращается в Уингфилд

(21 сентября) Мария возвращается в Татбери

(25 ноября) Мария прибывает в Ковентри

1570

(2 января) Мария возвращается в Татбери

(24/25 мая) Марию перевозят в Чатсуорт

(октябрь) Марии наносят визит Сесил и сэр Уолтер Мидмей

(28 ноября) Марию перевозят в замок Шеффилд

1571

(сентябрь) Сесил раскрывает заговор Ридольфи

(ноябрь — декабрь) Обвинения против Марии в участии в убийстве Дарнли публикуются на имитации шотландского языка в «Расследовании деяний Марии, королевы Шотландии», вместе с «письмами из ларца»

1573

(25 апреля) Марию перевозят в Шеффилд-Лодж

(июнь) Босуэлла переводят в замок Драгсхольм

(21/22 августа) Мария едет в Бакстон

(27 сентября) Мария переезжает в Чатсуорт

(ноябрь) Мария возвращается в замок Шеффилд

1574

(июнь) Мария снова в Бакстоне

(9 июля) Мария возвращается в Шеффилд

1575 (июнь/июль) Мария снова в Бакстоне

1576

(март) Мария переезжает в Шеффилд-Лодж

(июнь) Мария возвращается в Бакстон

(30 июля) Мария возвращается в Шеффилд

1577

(январь) Мария возвращается в Шеффилд-Лодж

(11 февраля) Мария составляет завещание
(май) Мария в Чатсуорте
(июль) Мария возвращается в Шеффилд-Лодж
(сентябрь) Мария в Чатсуорте
(ноябрь) Мария возвращается в замок Шеффилд

1578

(14 апреля) В замке Драгсхольм умирает Босуэлл
(август/сентябрь) Мария в Чатсуорте
(5 октября) Мария в Шеффилд-Лодж

1579

(июнь) Мария в Чатсуорте
(сентябрь) Мария в Шеффилде

1580

(май) Мария в Шеффилд-Лодж
(26 июля) Мария едет в Бакстон
(16 августа) Мария возвращается в Шеффилд

1581

(май) Мария в Шеффилд-Лодж
(июль) Мария в Чатсуорте

1582

(июнь) Мария едет в Бакстон
(июль) Мария возвращается в Шеффилд

1583 (ноябрь) Раскрыт заговор Трокмортона

1584

(июль) Мария в Бакстоне
(8 августа) Мария возвращается в Шеффилд
(август) Сэр Ральф Садлер сменяет Шрусбери в роли тюремщика Марии
(2 сентября) Марию перевозят в Уингфилд
(октябрь) Договор об Ассоциации

1585

(4 января) Тюремщиком Марии становится сэр Эмиас Паулет
(14 января) Мария прибывает в замок Татбери
(апрель) Паулет прибывает в Татбери
(24 декабря) Марию перевозят в Чартли

1586

(весна — начало лета) Заговор Бабингтона
(17 июля) Мария пишет Бабингтону
(11 августа) Марию перевозят в Тиксолл, ее документы и шифры конфискуют
(25 августа) Марию привозят в Чартли
(25 сентября) Мария прибывает в замок Фотерингей в Нортгемптоншире
(8 октября) Назначена комиссия для суда над Марией

(11 октября) Члены комиссии прибывают в Фотерингей

(12–15 октября) Комиссия заседает в замке Фотерингей

(14–15 октября) Мария предстает перед комиссией

(15 октября) Комиссия заседает в «Звездной палате»

(25 октября) Комиссия собирается в «Звездной палате» и признает Марию виновной

(середина ноября) В помощь Паулету назначают сэра Дрю Дрери

1587

(1 февраля) Елизавета подписывает смертный приговор Марии

(2 февраля) Елизавета выражает сомнения по поводу приговора

(3 февраля) Тайный совет на своем заседании решает исполнить приговор без ведома Елизаветы

(7 февраля) Роберт Бил, графы Шрусбери и Кент прибывают в Фотерингей, чтобы сообщить Марии о предстоящей казни

(8 февраля) Казнь Марии

События на Британских островах и во Франции

1509 Восшествие на престол Генриха VIII

1513

Смерть Якова IV Шотландского; королем становится несовершеннолетний Яков V

1542

Англичане наносят поражение шотландцам при Солуэй-Моссе; смерть Якова V; королевой становится маленькая Мария

1543

Гринвичский договор между Англией и Шотландией

1544

Генрих VIII начинает «грубые ухаживания» за Шотландией (кампанию террора с целью объединить королевства посредством брака Марии с будущим Эдуардом VI)

1546 Убийство кардинала Битона

1547

Смерть Генриха VIII; восшествие на престол Эдуарда VI; смерть Франциска I; восшествие на престол Генриха II; англичане наносят поражение шотландцам в битве при Пинки

1553

Смерть Эдуарда VI; восшествие на престол Марии Тюдор

1558

Смерть Марии Тюдор; восшествие на престол Елизаветы I

1559

Религиозное соглашение Елизаветы; Като-Камбрезийский договор; смерть Генриха II; восшествие на престол Франциска II; протестантское восстание лордов конгрегации против Марии де Гиз; Сесил тайно помогает лордам; Босуэлл крадет деньги, отправленные Сесилом

1560

Елизавета отправляет в Шотландию экспедиционные силы; Эдинбургский договор; официальная реформация в Шотландии; создана протестантская церковь; запрещена католическая месса; смерть Франциска II; восшествие на престол Карла IX

1562

Елизавета едва не умирает от оспы; английская интервенция и начало религиозных войн во Франции

1569

Северное восстание против Елизаветы в поддержку Марии, королевы Шотландии

1570

Папская булла называет Елизавету незаконной королевой и объявляет о ее смещении; убийство графа Морея, регента Шотландии; регентом назначается граф Леннокс

1571

Заговор Ридольфи с целью свержения Елизаветы; Леннокс убит, а на его место назначен граф Мар

1572

Казнь герцога Норфолка; смерть Мара; регентом Шотландии назначен граф Мортон; смерть Джона Нокса; резня в Варфоломеевскую ночь во Франции

1574 Смерть Карла IX; восшествие на престол Генриха III

1578 Начало самостоятельного правления Якова VI

1581

Суд над Мортоном, обвиненным в убийстве Дарнли, и его казнь

1583 Заговор Трокмортона с целью убийства Елизаветы

1584 Убийство Вильгельма Оранского

1585

Елизавета отправляет помощь из Голландии, приближая войну с Филиппом II Испанским

1586

Вовлечение Марии в заговор Бабингтона с целью убийства Елизаветы

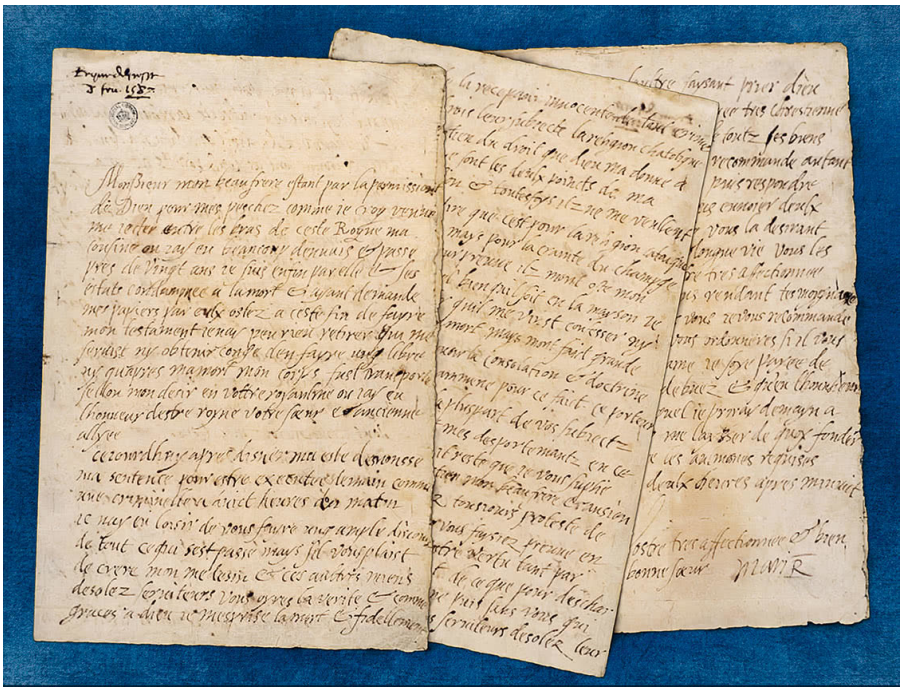
1588

Филипп II посылает Армаду против Елизаветы

1589 Смерть Екатерины Медичи; убийство Генриха III

1603 Смерть Елизаветы

Вкладка



Последнее письмо Марии, написанное деверю, королю Франции Генриху III, за шесть часов до казни

Дворец Линлитгоу

Мария де Гиз

Генрих VIII

Антуанетта де Бурбон

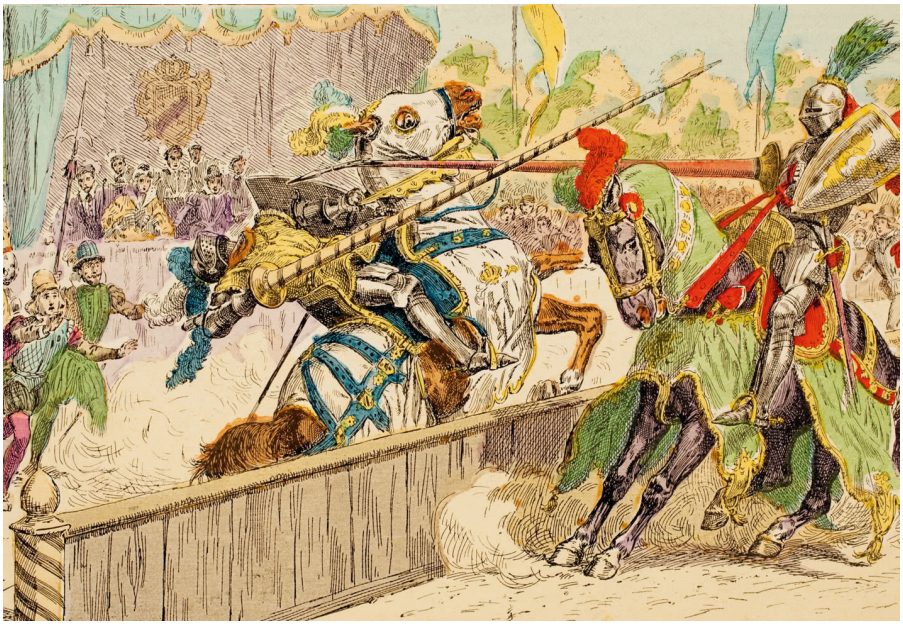
Эдуард VI в младенчестве, с погремушкой в руке. *Ганс Гольбейн*

Франциск II в возрасте восьми лет

Елизавета де Валуа. *Франсуа Клуэ*

Мария в детстве

Мария Стюарт в возрасте 15 лет, незадолго до свадьбы

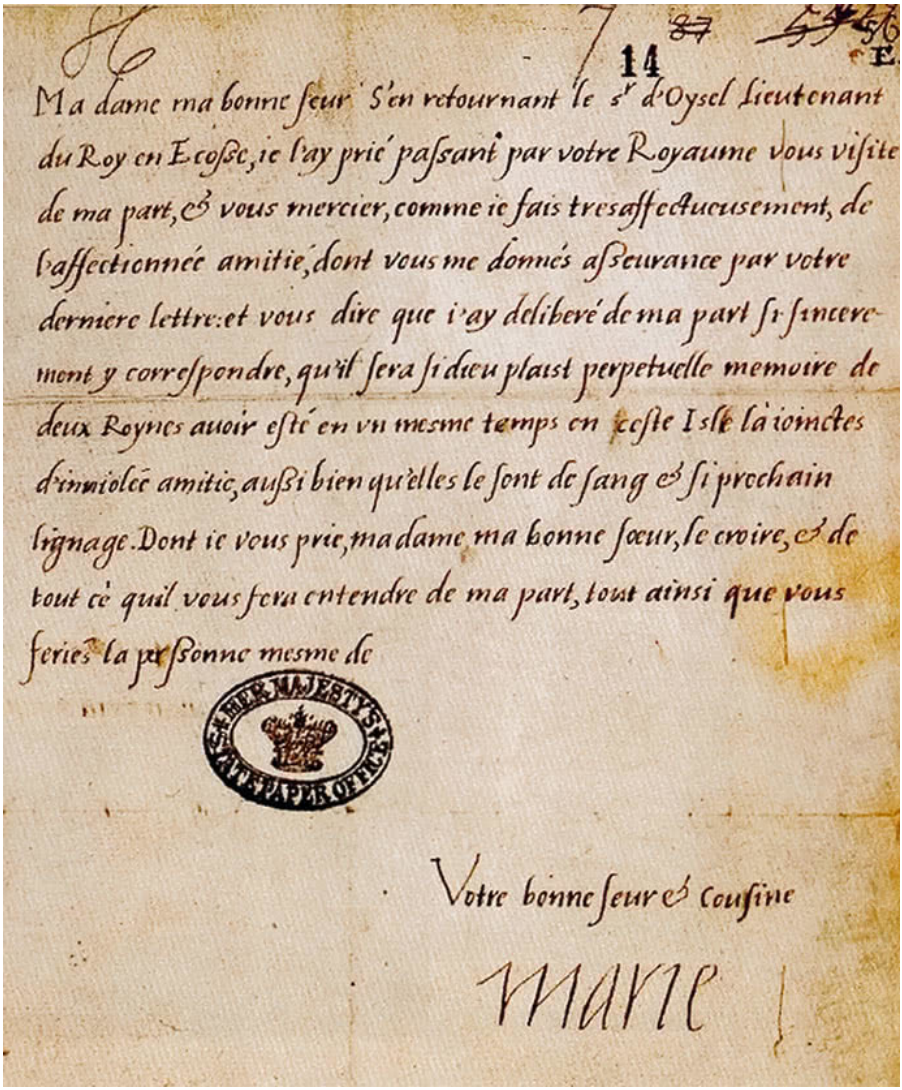


Смерть Генриха II

Двойной портрет Марии и Франциска II из часослова, принадлежавшего Екатерине Медичи

Екатерина Медичи. *Франсуа Клуэ*

Мария в белой вдовьей накидке



Ma dame ma bonne seur. S'en retournant le s^r d'Oysel lieutenant du Roy en Ecosse, ie l'ay prié passant par votre Royaume vous visite de ma part, & vous mercier, comme ie fais tresaffectueusement, de laffectionnée amitié, dont vous me donnés asseurance par votre derniere lettre: et vous dire que i'ay deliberé de ma part si sincerement y correspondre, qu'il sera si dieu plaist perpetuelle memoire de deux Roynes auoir esté en vn mesme temps en ceste Isle la ioinctes d'inuiolée amitié, aussi bien qu'elles le sont de sang & si prochain lignage. Dont ie vous prie, ma dame ma bonne sœur, le croire, & de tout cé quil vous sera entendre de ma part, tout ainsi que vous feries la psonne mesme de

Votre bonne seur & Cousine

Marie

Первое письмо Марии к иностранному правителю, отправленное в январе 1554 г.

Сэр Николас Трокмортон

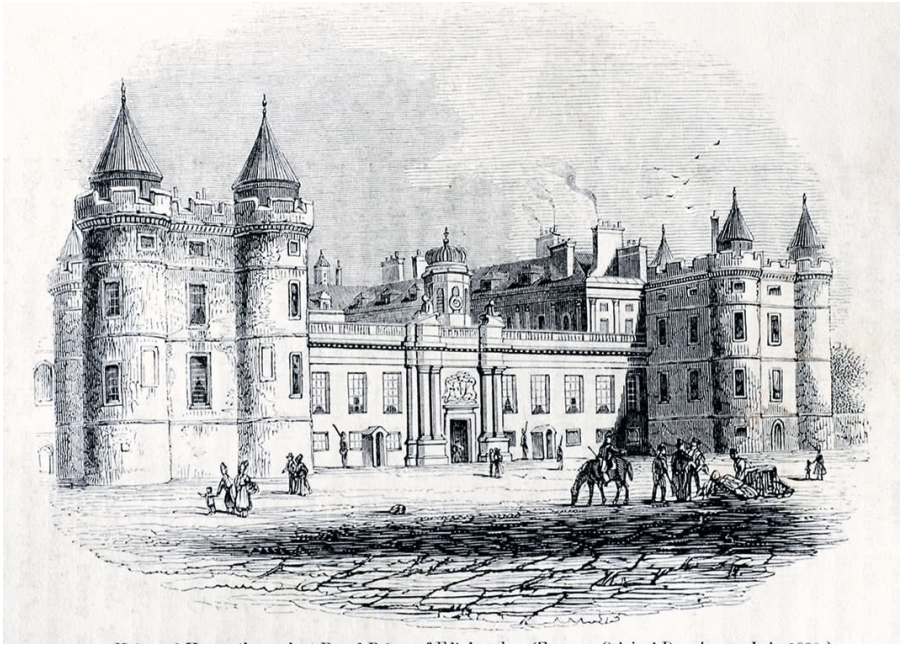
Джеймс Стюарт, граф Морей

Джеймс Дуглас, 4-й граф Мортон

Надгробие Сесила

Шарль, кардинал Лотарингский. *Франсуа Клуэ*

Джон Нокс, выступающий перед Марией



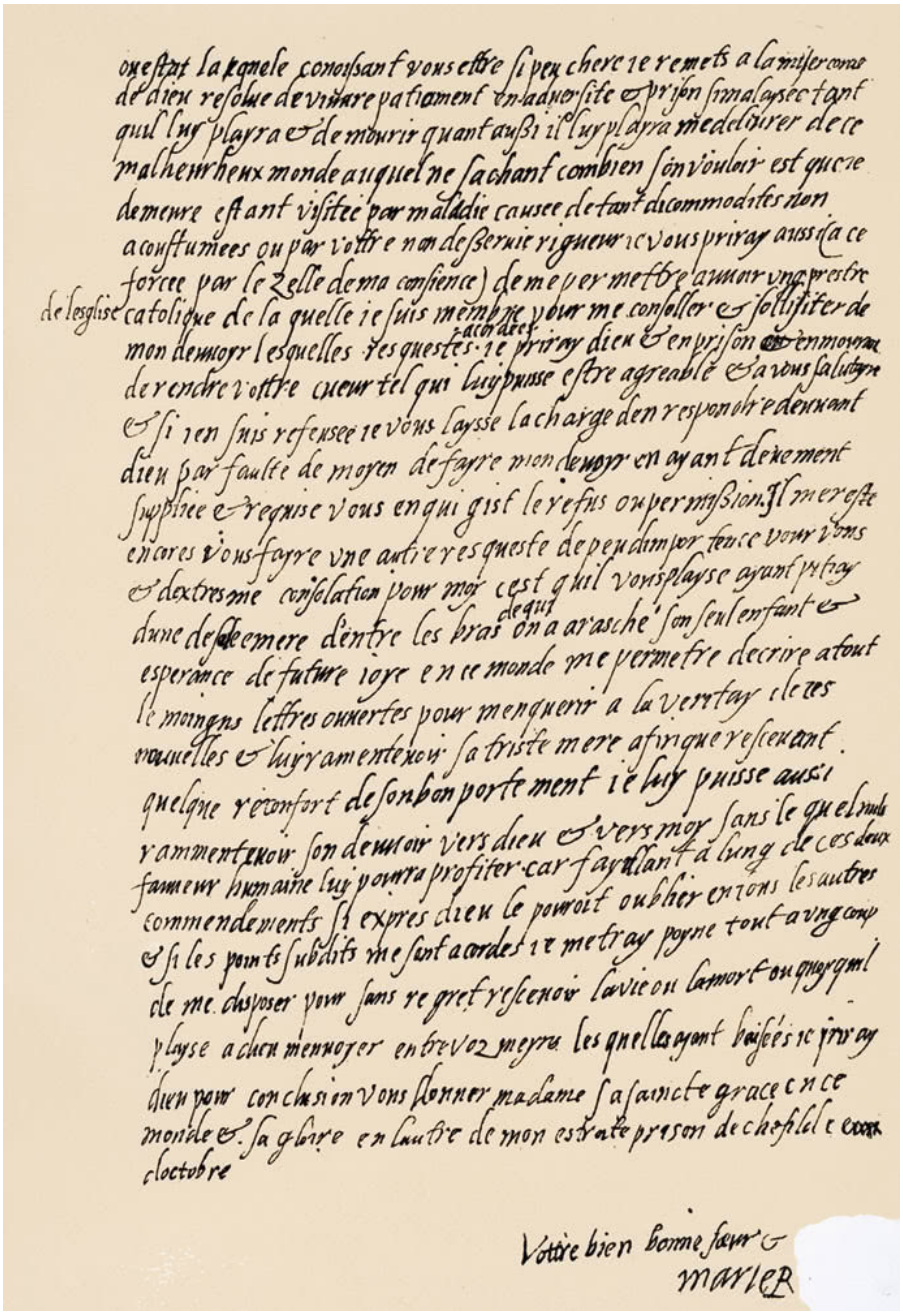
Холирудский дворец

Портрет Елизаветы I «с ситом»

Генрих, лорд Дарнли. *Ганс Эворт*

Генрих, лорд Дарнли

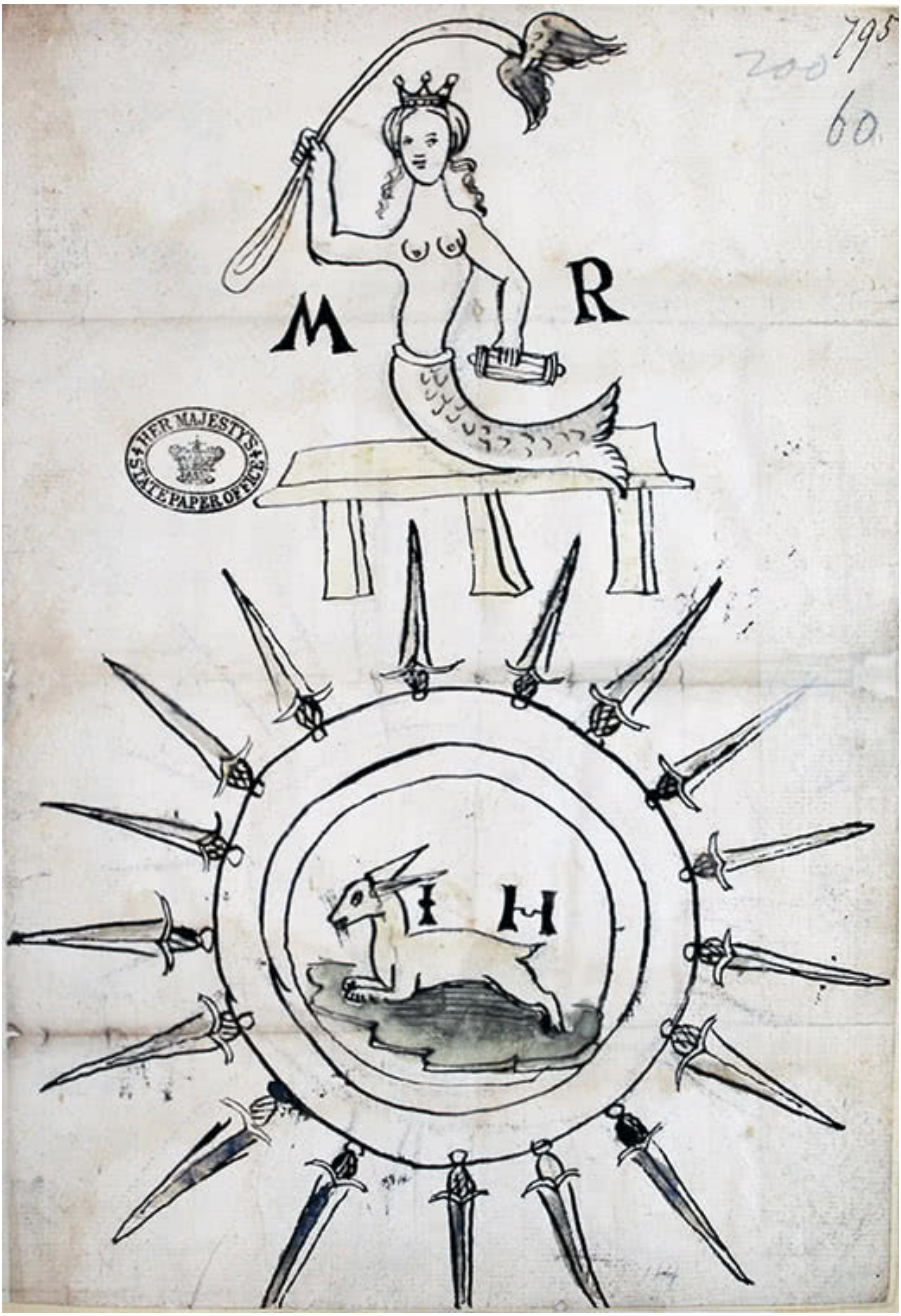
Медальон Леннокса, из Королевской коллекции



Письмо Марии к Елизавете от 28 августа 1565 г.

Миниатюра с портретом Босуэлла

Мария, королева Шотландии, в шляпе с пером



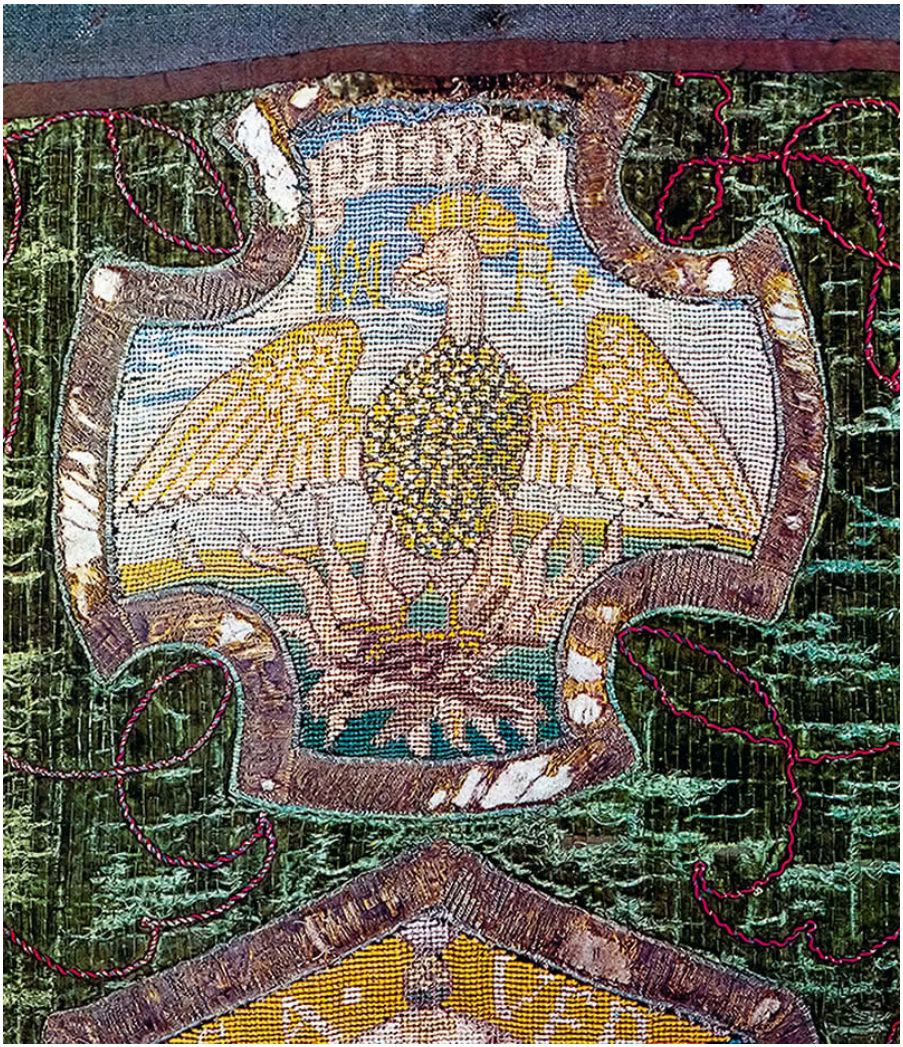
Листовка с русалкой и зайцем

Убийство Дарнли в Кирк-о-Филд

Капитуляция Марии у Карберри-Хилла

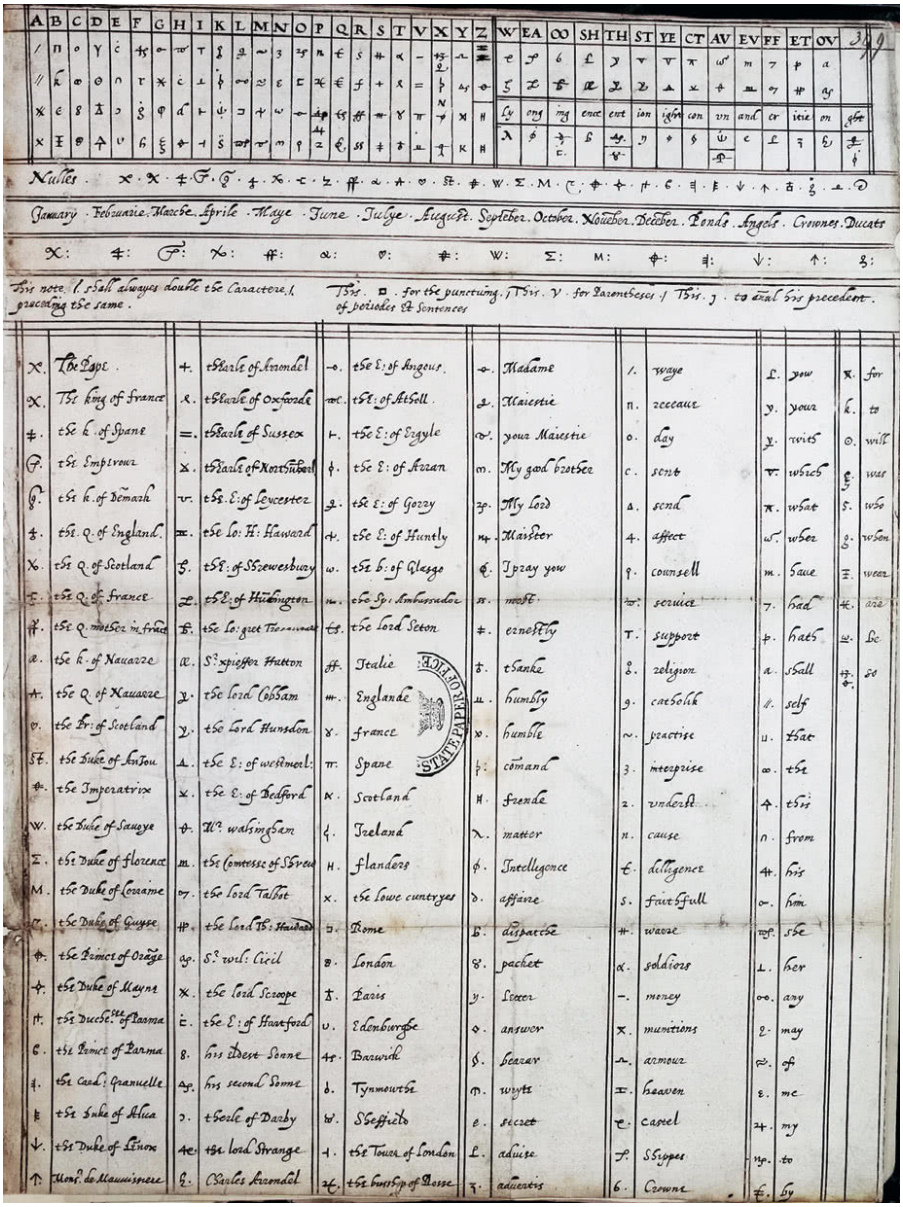
Миниатюра с портретом Марии. *Николас Хиллиард*

Бесс из Хардвика. *Роленд Локи*



«Феникс», драпировка из Оксборо

Сэр Фрэнсис Уолсингем. *Джон де Криц*



Шифры, использовавшиеся Марией

Суд над Марией, королевой Шотландии

Казнь Марии в замке Фотерингей

Примечания и ссылки

В примечаниях при ссылке на источники используется гарвардская (автор-дата) система. Сокращенные названия первичных и вторичных источников указывают на работы, перечисленные в разделе «Библиография». Например, Cust (1903) указывает на L. Cust, Notes on the Authentic Portraits of Mary Queen of Scots (London, 1903); Dawson (1986) указывает на Mary Queen of Scots, Lord Darnley and Anglo-Scottish Relations in 1565 // International History Review, 8 (1986), 1–24. Рукописи указаны по идентификационным номерам в соответствующих архивах или библиотеках. При ссылке на рукописи или редкие книги используются следующие обозначения:

AN Национальные архивы Франции, Париж
BL Британская библиотека, Лондон
BNF Национальная библиотека Франции, Париж
CP Архив Сесила, Хэтфилд-хаус (доступны на микрофильмах в BL и Шекспировской библиотеке Фолджера)
CUL Библиотека Кембриджского университета
FF Французский фонд древностей
Folger Шекспировская библиотека Фолджера, Вашингтон
HEH Библиотека Генри Хантингтона, Сан-Марино, Калифорния
Lambeth Библиотека Ламбетского дворца, Лондон
MS Рукопись
NAF Национальная библиотека Франции, отдел новых поступлений
NAS Национальный архив Шотландии, Эдинбург
NLS Национальная библиотека Шотландии, Эдинбург
PRO Государственный архив, Кью
SP Дипломатические документы

О датах

Даты указываются по старому стилю, однако принимается допущение, что новый год наступал 1 января, а не в праздник Благовещения (то есть 25 марта), который считался началом нового года во Франции, Испании и Италии до 1582 г., в Шотландии до 1600 г., а в Англии, Уэльсе и Ирландии до 1752 г.

О переводе

Произношение и орфография первичных источников в цитатах даются в современной форме. Кроме того, добавлена современная пунктуация и заглавные буквы там, где они отсутствовали в оригинальной рукописи.

Примечания

Пролог

Наиболее надежные английские источники, описывающие казнь Марии и окружающую обстановку, принадлежат архиву Била в BL, Additional (далее Add.) MS 48027, fos. 636–641, 642–658v. В их числе копия официального доклада графов и их помощников (fos. 649v-650). Копия доклада Сесилу Роберта Уингфилда, который был свидетелем казни, приводится в Dack (1889), где авторство документа оспаривается, а рассказ перепечатан из Loseley Park MS. Другие копии хранятся в BL, Lansdowne MS 51, fos. 99–102; Ellis (1824–1846), 2nd series, vol. 3.

Полное английское описание одежды Марии приводится в BL, Add. MS 48027, fos. 658r-v, а свидетельство Эдварда Кэпелла (слуги Шрусбери) в BL, Stowe MS 159, fos. 108–111. Рисунок Била карандашом и чернилами в настоящее время снова включен в каталог в BL, Add. MS 48196 C и опубликован в Cust (1903). В Lambeth, Fairhurst MS 4267, fos. 21–32 приводится подробное описание контекста и событий. Другие материалы взяты из PRO, SP 53/21, nos. 9–10, 13, 16, 20; BL, Harleian MS 290; BL, Cotton (далее Cott.) MS, Caligula (далее Calig.) C.9; BL, Cott. MS, Titus C.7; приложение к Nicolas (1823); Morris (1874); Collinson (1987a). Некоторые из этих документов приводятся в CSP Scotland (1898–1969), vol. 9. Рассказ о казни из тетради для цитат, которую вели члены одной семьи из Ледбери в Хартфордшире, — из Folger MS, E.a.1, fos. 21v-22.

Лучшее свидетельство современников на французском языке — это «Vray Rapport», написанный одним из помощников Марии и приведенный в Teulet (1862), vol. 4, где подробно описана одежда Марии. Полезен также, хотя и менее точен, поскольку автор не присутствовал в большом зале, рассказ Бургойна, врача Марии, приведенный в Chantelauze (1876). Французский перевод версии Эндрюса опубликован в Labanoff (1839). Доклад французского посла Генриху III приведен в Strickland (1844), vol. 2.

Глава 1

Ключевые политические документы взяты из Sadler State Papers (1809), vol. 1; Hamilton Papers (1890–1892), vols. 1–2; Letters and Papers (1862–1932), vols. 17–18; Foreign Correspondence (1923). Ценные вторичные документы приведены в Hay Fleming (1897), Bonner (1998), Merriman (2000). Лучшие исследования, посвященные Марии де Гиз, — это Marshall (1977) и Ritchie (2002).

Полезные дополнительные источники: Cameron (1998), Edington (1994), Wormald (1981) и (1985), Goodare (1999), Guy (1988), Elton (1977). Менее систематические, но все же достойны внимания Mignet (1852); Strickland (1888), vol. 1; Ruble (1891); Stoddart (1908). В части сведений о семье Гизов и их сторонников я опирался на Croze (1866), Romier (1913–1914) and Carroll (1998). Пробелы заполняют примечания в Lettres Inédites de Dianne de Poitiers (1866). Стандартные описания Франции можно найти в Knecht (1994), Garrisson (1995), Potter (1995a).

Глава 2

Выдающееся исследование «грубых ухаживаний» содержится в Merriman (2000). Дополнительные подробности, в частности из французских источников, взяты из Bonner (1998). Документы приведены в Letters and Papers (1862–1932), vols. 18–21; State Papers (1830–1852), vol. 5; Foreign Correspondence (1923); Hamilton Papers (1890–1892), vol. 2; Diurnal of Occurrents (1833); APS (1814–1875), vol. 2; PCS, 1st series (1877–1898), vol. 1. Hay Fleming (1897) — кратко, но содержательно; убийство Битона подробно описано в Sanderson (1986), а ключевые документы приведены в State Papers, vol. 5; Letters and Papers, vol. 21, pt. 1. Bonner (1996) — авторитетный источник о взятии замка Сент-Эндрюс. В Ruble (1891), Stoddart (1908) и Bryce (1907) приводится полезная информация об отъезде Марии во Францию. Связи Сомерсета с Сесилом и Сесила с Ноксом при Эдуарде VI анализируются в Revised CSPD, Edward VI (1992).

Глава 3

Характер Марии начинает раскрываться в ее письмах. До 1553 г. писем было очень мало, но затем их количество быстро увеличивается. Они цитируются по изданию Labanoff (1844); письма, датируемые 1550 г., содержатся в томах 1 и 7. Письма, написанные Марией де Гиз, цитируются по Foreign Correspondence (1925).

Организация и персональный состав двора Марии — из рукописей, хранящихся в Париже: BNF, MS NAF 9175; BNF, MSS FF 7974, 11207, 25752.

Полезны Ruble (1891) и Stoddart (1908), а в Stoddart имеются неточности. Romier (1913–1914) и Croze (1866) предлагают лучшей рассказ о Гизах, если не считать Carroll (1998), который можно считать самым авторитетным. В отсутствие современных работ сведения о Диане де Пуатье взяты из Lettres Inédites de Dianne de Poitiers (1866). В Bryce (1907) описывается путешествие Марии и ее встреча. Подробное описание праздника в Руане приводится в Merriman (2000). В Bonner (1999a) анализируется политика Генриха II в Шотландии. Неудачный заговор с целью убийства Марии и возвращение ее матери в Шотландию описаны в CSPF, Edward VI (1861), Merriman (2000) и Ritchie (2002).

Глава 4

Письма кардинала Лотарингского о Марии, адресованные ее матери, цитируются по Labanoff (1844), vol. 1 и Foreign Correspondence (1925). В последнем также содержатся письма Антуанетты де Бурбон, Анны д'Эсте, мадам де Паруа и административных служащих Марии; важное письмо от д'Уазеля о решении объявить Марию совершеннолетней приводится в приложении A. Письма Марии цитируются по Labanoff (1844), vol. 1, за исключением двух писем из vol. 7, одного к Антуанетте, а второго к Елизавете I. Последнее неверно датировано маем 1566 г.; правильная дата — ноябрь 1562 г., что подтверждается другими свидетельствами, в частности, упоминанием о гибели графа Хантли в битве при Корричи. Подробности, касающиеся чиновников Марии, взяты из BNF, MS NAF 9175. Сведения о платежах и финансовых отчетах — из Ruble (1891); некоторые пробелы помогает заполнить Stoddart (1908). Комментарий Мелвилла о щедрости Марии приводится по его Memoirs (1827).

Письмо Марии к Марии Тюдор цитируется по PRO, SP 51/1, no. 7. Сведения о ее здоровье взяты из Foreign Correspondence (1925), Turnbull (1845) и [British Medical Journal] (1968). Болезнь «пот» или «квартана» описана в Caius (1552) и в Thwaites, Taviner, and Gant (1997). Необъяснимые приступы описаны в PRO, SP 52/8, no. 76, и SP 52/10, no. 59. Неизвестно, действительно ли Мария болела порфирией. Этот вопрос подробно рассматривается Fraser (1969). Описание кольца Марии приводится в Scarisbrick (1995).

Материал о возобновлении войны с Испанией, о политике Гизов и о потере Кале основан на Croze (1866), Romier (1913–1914), Carroll (1998) и Potter (1983). Сведения об обручении Марии с дофином взяты из Discours du Triumphe (1558); более подробное описание приводится в Ruble.

Глава 5

Образование Марии описано в Ruble (1891) и Stoddart (1908), а также в Robertson (1863) и Durkan (1987). Ее «темы» опубликованы в Montaiglon (1855). Дополнительные подробности почерпнуты из Ambrogini (1520), Selve (1543), Fouquelin (1557), Amyot (1559). Общее описание гуманистической программы обучения приведено в Skinner (1978). Отчеты об успехах Марии опубликованы в Foreign Correspondence (1925). В Barwick (1901) описывается ее экземпляр «Географии» Птолемея, дополнительная информация о котором содержится в торговом каталоге Quaritch (1906) в HEH. Экземпляр того же издания, которое было у Марии, хранится в HEH 31230.

Письма Марии опубликованы в Labanoff (1844), vol. 1, но письмо на p. 5–8 относится к началу 1556 г., а не к 1552 г., как указано (см. также Stoddart, приложение B). Следующее письмо опубликовано в Hay Fleming (1897), приложение A. Связи Марии с Плеядой описаны в Ruble и Stoddart, а также в Plattard (1947), Phillips (1964), Fraser (1969), Garrisson (1995), Davidson (2001).

В Ruble обсуждается мода и вышивка, а также приводится список платьев и аксессуаров Марии, а в Swain (1986) — важные сведения о вышивке и сборниках эмблем. Портреты углем Марии в возрасте девяти с половиной лет (из Музея Конде в Шантийи), в возрасте двенадцати или тринадцати лет (из библиотеки им. Оссолинских в Национальном институте Польской академии наук во Вроцлаве), а также незадолго до свадьбы (из BNF) анализируются за исключением рисунка, недавно найденного во Вроцлаве, в Cust (1903). Общий обзор взят из Stoddart and Foreign Correspondence. Информация по истории искусства приводится по Jollet (1997).

Отношение Марии к секретности и использованию шифров видно по ее письмам, а также отправке пустых бланков Марии де Гиз. Описание ее почерка дается по Stoddart и Robertson, но цитаты взяты из писем самой Марии. Эмблема в виде бархатцев приведена в Paradin (1557), а ее расшифровка в Swain. Примеры использования ее девиза, анаграммы и эмблемы — из Barwick (1901) и Way (1859).

Глава 6

Рассказ о венчании Марии, торжественных процессиях и банкете основан на Discours du Triumphe (1558) и муниципальном архиве Парижа, опубликованном в Teulet (1862), vol. 1. Английский перевод Discours, Weber (1969), грешит серьезными искажениями. Полезны также Ruble (1891), Stoddart (1908) и Strickland (1888), vol. 1, но в них тоже встречаются неточности. Письмо Марии к матери, написанное в день свадьбы,

опубликовано в приложении к Hay Fleming (1897). В Phillips (1964) приводится подробный перечень хвалебных произведений и отмечается разница в акцентах во Франции и в Шотландии.

Рассказ о шотландской делегации и слушаниях в парламенте взят из Keith (1844–1850), vol. 1, Hay Fleming (1897) и Ritchie (2002). Брачный контракт — из BNF, MS FF 4781. Копии документов, связанных с браком и подписанных Марией 4 апреля, — из BNF, MS FF 6606, также опубликованы в Labanoff (1844), vol. 1.

В Merriman (1987) приводится обзор реакции в Англии и Шотландии на политику Гизов. Документы цитируются по CSPF, Elizabeth (1863–1950), vol. 1, CSP Scotland (1898–1969), vol. 1, а письма Марии по Labanoff, vol. 1. Описание герба Марии в письме от Трокмортона к Сесилу цитируется по части архива Сесила из BL, Cott. MS, Calig. B.10.

Дополнительные сведения о Гизах, французской внешней политике, Като-Камбрезийском договоре и смерти Генриха II — из Croze (1866), Ruble (1891), Romier (1913–1914), Knecht (1984), Garrisson (1995) и Carroll (1998).

Документы Апсетлингтонского договора цитируются по CSPF, Elizabeth, vol. 1. Доклады о состоянии здоровья Марии в последние месяцы правления Генриха II — из CSPF, Elizabeth, vol. 1 и CSPS, Series 2 (1892–1899), vol. 1.

Глава 7

Политика в эпоху Франциска II и возвышение Гизов освещены в литературе недостаточно подробно, но общее представление можно получить по таким работам, как Croze (1866), Knecht (1984) и (1989), Garrisson (1995), Potter (1995a). Régnier de la Planche (1836) предлагает подробные, но не систематизированные сведения. Великолепное описание деятельности Гизов в Нормандии содержится в Carroll (1998).

Попытки описания личности Марии в Stoddart (1908) и Strickland (1888), vol. 1, имеют литературный характер и представляют ограниченную ценность. Важные сведения почерпнуты из Ruble (1891), поскольку автор ознакомился с важными документами («серия K») из раздела Estado в архиве Симанкаса, который в 1810 г. по приказу Наполеона был перевезен в Париж. Он работал с этими документами в AN, где они хранились до возвращения в Симанкас в 1941 г. Фотокопии их (в настоящее время неразличимые) хранятся в AN.

События 1558–1560 гг. во Франции, Шотландии и Англии описаны по документам, опубликованным в Forbes (1741), vol. 1; CSPF, Elizabeth (1863–1950), vols. 1–3; CSP Scotland (1898–1969),

vol. 1; Sadler State Papers (1809), vol. 1; Stevenson (1837); [Négociations] (1841); Diurnal of Occurrents (1833). Коронация Франциска II описана в Menin (1727) и (1775); ключевые рукописи из Реймса [Négociations] и отчеты Трокмортона представлены в Forbes, vol. 1. Общее описание правления Франциска II взято из Régnier de la Planche, vol. 1, а рассказ о его коронации — из Jackson (1984).

Докладные записки Уильяма Сесила цитируются по BL, Cott. MSS, Calig. B.9 and B.10, и Lansdowne MS 4. Французская дипломатия по отношению к Шотландии описана в Teulet (1862), vols. 1–2, а также в CSPF, Elizabeth. Письма Марии цитируются по Labanoff, vol. 1. Доклады испанского и венецианского посла, в том числе сообщения о здоровье Марии и посещении Джейн Дормер французского двора приведены в CSPS, Series 2 (1862–1954), vol. 1; CSPV (1864–1947), vol. 7. Для понимания исторического контекста, и особенно мятежа конгрегации, полезны такие работы, как Keith (1844–1850), vol. 1; Read (1955); MacCaffrey (1969); Alford (1998a); Dawson (1989); Dawson (2002). Подробную информацию о Марии де Гиз предлагают Marshall (1977) и Ritchie (2002).

Депеши Трокмортона, в частности описание портрета Марии в deuil blanc и его аудиенций, приведены в Forbes, vols. 1–2; CSPF, Elizabeth, vol. 3. Рисунок углем (BNF), маслом (Royal Collection) анализируются в Cust (1903). Последующие донесения о ратификации Эдинбургского договора и связанных с ним вопросах цитируются по CSPF, Elizabeth, vols. 3–4, и BL Add. MSS 35830–35831. Игривое замечание посла, опубликованное в Stevenson (1837), правильно атрибутировано в CSPF, Elizabeth, vol. 3. Цитата Сесила — из BL, Cott. MS, Calig. B.10.

Глава 8

Смерть Франциска II, падение Гизов и возвышение Екатерины Медичи описаны в Croze (1866), Romier (1913–1914), Garrisson (1995), Carroll (1998). В отношении действий Марии работа Ruble (1891) полезнее, чем Stoddart (1908), но обе они отличаются излишним романтизмом. Примечания в Hay Fleming (1897) могут служить ценным дополнением, но роль Марии (в отличие от роли дядей) должным образом не освещена, и представление о ней составлено по Chéruel (1858), ее собственным письмам из Labanoff (1844), vol. 1, а также дипломатическим депешам. Большинство документов приведены в Teulet (1862), vol. 2; CSPF, Elizabeth (1863–1950), vols. 3–4; CSPV (1864–1947), vol. 7; CSPS, Series 2 (1862–1954), vol. 1. Действия Екатерины Медичи описаны по [Négociations] (1841). Встреча Марии и Дарнли, описанная в

Strickland (1888), vol. 1, представляется выдумкой.

Перечень драгоценностей Марии находится в BNF, MS FF 5898, опись ее наследства — в BNF, MS FF 3335. Соответствующий указ приведен в Teulet (1844), vol. 2, и проанализирован в Greengrass (1987).

Аудиенции Марии с Бедфордом и Трокмортоном в изложении последнего представлены в CSPF, Elizabeth, vol. 3, а последние беседы Трокмортона в томе 4. Роль д'Уазеля при дворе Марии как вдовствующей королевы Франции, отмеченная Трокмортоном, описана в Melville (1827).

Миссии Лесли и лорда Джеймс, а также общий контекст реконструированы из CSP Scotland (1898–1965), vol. 1; Rose (1905) и Hay Fleming. В Rose опубликовано письмо лорда Джеймса к Марии из BL, Add. MS 32091. События в Шотландии, в частности роль и планы лорда Джеймса и его союзников, воспроизведены по PRO, SP 52/6, особенно nos. 16–17, 21–22, 28, 35, 42. Письмо Марии к Мейтланду — из SP 52/6, no. 45. Письмо, записка и черновик Мортона — из BL, Add. MSS 23108–23109. В Keith (1844–1850), vol. 2 подробно описана обстановка того периода, но источник не слишком надежен. В Donaldson (1983) нет искажений, но недостаточно описана раздробленность Шотландии.

Описание последних встреч Трокмортона с Марией и д'Уазелем приведено в CSPF, Elizabeth, vol. 4, а его переписка с Сесилом и Елизаветой — в BL, Add. MSS 35830–35831. Письмо Сесила от 14 июля опубликовано (с некоторыми неточностями) в CSPF, Elizabeth. Я благодарен доктору Стивену Олфорду за ссылку на рукопись и за копию.

Последние недели Марии во Франции и подготовка к путешествию реконструированы по CSPF, Elizabeth, vol. 4 и очень подробным примечаниям в Hay Fleming. Цитаты из мемуаров Кастельно переведены по Castelnau (1838) и также приводятся в Mignet (1852), vol. 1.

Глава 9

Прибытие Марии в Лит описано в Diurnal (1833) и Hay Fleming (1897). Рассказ Нокса противоречит сведениям из Diurnal, а версия в Strickland (1888), vol. 1 является выдумкой. Описание пышной процессии взято из Diurnal (1833); Robertson (1863); Keith (1844–1850), vol. 2; и дополнено рассказом Рэндольфа из BL, Cott. MS, Calig. B.10, и PRO, SP 52/6, no. 63, причем в последней приводится полный текст стихов. Версия Нокса о его противостоянии с Марией приведена по Knox (1949), vol. 2, и дополнена депешей Рэндольфа, в которой указана правильная

дата в BL, Cott. MS, Calig. B.10.

Описания первой мессы Марии в Холирудском дворце и последующее воззвание приведены в Keith, vols. 2–3 и Hay Fleming. Изложение политической теории Нокса основано на его произведениях, в частности [Knox] (1994). Лучшая интерпретация теории сопротивления Нокса приведена в Mason (1998a) и (1998b). Путешествие Марии описывается в Hay Fleming и докладах Рэндольфа из BL, Cott. MS, Calig. B.10 and PRO, SP 52/6, no. 66. Эпизоды с Бьюкененом и Рэндольфом взяты из Mason (2000), Phillips (1948–1949), и собственных депеш Рэдольфа, в частности, из BL, Cott. MSS, Calig. B.9–10; SP 52/6, nos. 75, 79, 82, 89; NLS, Advocates MSS 1.2.2, 6.1.13, 31.2.19.

Письма Марии приведены в Labanoff (1844), vol. 1, но более важные для этого периода документы связаны с обсуждением Эдинбургского договора: SP 52/6, nos. 58, 61–62, 73–74, 84, 86A, 88, 91. Другие подробности из CSP Scotland (1898–1969), vol. 1.

Дипломатические усилия лорда Джеймса и его союзников перед возвращением Марии и его письма к Елизавете и Сесилу приведены по SP 52/6. nos. 52–53; BL, Cott. MS, Calig. B.10; Keith, vol. 3, appendix to Book 2; [Haynes and Murdin] (1740–1759), vol. 1; CSPF, Elizabeth (1863–1950), vol. 4; [Salisbury MSS] (1883–1976), vol. 1. Выдержки из протоколов заседаний Тайного совета опубликованы в Keith, vol. 2. Письмо Марии, направлявшей Мейтланда в Лондон, опубликовано в Stevenson (1837), а рассказ о его действиях — в Pollen (1904), appendix 1. Дипломатический контекст, в частности позиция Гизов, взяты из BL, Add. MSS 35830–35831; SP 52/7, nos. 4, 6, 15; Chéruel (1858); а также из Pollen. Письмо Сесила Трокмортону приводится по CSPF, Elizabeth, vol. 4. И наконец, изменившееся мнение Мейтланда о Марии — из SP 52/6, no. 81.

Глава 10

Двор Марии в Холирудском дворце незаслуженно забыт, но представление о нем можно получить из депеш Рэндольфа в PRO, SP 52/6–12, and BL, Cott. MSS, Calig. B.9–10, а также из описей, опубликованных в Robertson (1863). Важны также такие источники, как Hay Fleming (1897), Durkan (1987) и Lynch (1990). Разговор Марии в саду Холирудского дворца приведен в BL, Cott. MS, Calig. B.10, а ее письмо к герцогу де Гизу — в Pollen (1904), где в приложении 1 также приводится рассказ Мейтланда о его предшествующих дипломатических переговорах с Елизаветой.

Просьба Мейтланда об аудиенции взята из SP 52/6, no. 88. Описание встречи содержится в SP 52/7, nos. 3–7, а доклады Рэндольфа — в SP 52/7, nos. 2, 9–10, 15, 19, 25, 31, 36–37, 39, 41,

43, 45, 47, 51, 53, 56, 58, 62. Другие отчеты взяты из BL, Cott. MSS, Calig. B.9–10. Письма Марии — из SP 52/7, nos. 3–4, 6, 42, 88, и Pollen, appendix 9, а также из Labanoff, vol. 1. Переписка Елизаветы содержится в SP 52/6, no. 86A (также опубликовано в Pollen, appendix 8), SP 52/7, nos. 7, 81, 84 (также опубликовано в Pollen, appendix 11). Другие подробности — из CSP Scotland (1898–1969), vol. 1.

Описание обмена подарками и стихами — из SP 52/7, nos. 7, 56, 58, 62. Стихи Марии приводятся по факсимиле рукописи, опубликованной в Mary Stuart (English National Opera: London, 1998); перевод авт. Отъезд Мейтланда в Лондон описан в SP 52/7, no. 42 и Diurnal of Occurrents (1833). Общее описание проблемы престолонаследия и религиозных войн основано на таких источниках, как Read (1955), MacCaffrey (1969), Levine (1973), Knecht (1989), Garrisson (1995), Carroll (1998) и Alford (1998a). Депеши Сесила и Трокмортона относительно интервенции в Нормандии и последующая задержка встречи королев представлены по CSPF, Elizabeth (1863–1950), vols. 4–5, а также по BL, Add. MS 35831.

Записки Сесила, подробности встречи и решение отложить ее взяты из BL, Cott. MS, Calig. B.10 and SP 52/7, no. 63. Доклад сэра Генри Сидни о его встрече с Марией — из SP 52/7, no. 65.

Описание поездки Марии на северо-восток основано главным образом на докладах Рэндольфа, дополненных подробным рассказом в Hay Fleming. Доклады Рэндольфа взяты из SP 52/7, nos. 74, 76–77, 79, 82, 85, 86–87. Сжатое изложение «новостей» — из SP 52/7, no. 90.

И наконец, отчеты Тайного совета относительно здоровья Елизаветы, заболевшей оспой, взяты из BL, Cott. MS, Calig. B.10; CSPS, Series 2 (1892–1899), vol. 1; Keith (1844–1850), vol. 2. Действия Мейтланда как разведчика и дипломата описаны по BL, Cott. MS, Calig. B.10; SP 52/8, no. 1; и Keith, vol. 2. Доклады Рэндольфа взяты из SP 52/8, nos. 3, 6, 7, 9, 10, а его оценка Марии от 3 декабря 1562 г. — из BL, Cott. MS, Calig. B.9, полностью опубликованная в Stevenson (1837). Письмо Морея к Сесилу — из SP 52/8, no. 11.

Глава 11

Первая и вторая инструкция Мейтланду опубликованы в Labanoff (1844), vol. 1, и в Keith (1844–1850), vol. 2. Его отъезд описан в Diurnal of Occurrents (1833). Взгляд Сесила на замужество Елизаветы приведен по его докладной записке от 1572 г. — из BL, Cott. MS, Calig. C.3, а его парламентский эксперимент 1563 г. с целью найти конституционный механизм

исключения Марии из числа наследников престола — из PRO, SP 12/28, no. 20, проанализирован в Guy (1988) и Alford (1998a). Речь Садлера перед парламентом приведена в [Proceedings in Parliament] (1981–1995), vol. 1; также цитируется в Neale (1953–1957), vol. 1.

Изменившаяся ситуация при дворе Марии описана в докладах Рэндольфа, особенно PRO, SP 52/8, nos. 4, 6, 14, 16–17, 30, 31, 35–38, 42, 45–46, 52, 59, 67–68, 75 и BL, Cott. MS, Calig. B.10. Письма Марии к кардиналу и папе опубликованы в Labanoff, vol. 1, и Turnbull (1845).

Рассказ о переговорах Мейтланда с де Куадра составлен по материалам Hay Fleming (1897), CSPS, Series 2 (1892–1899), vol. 1, и доклада Мейтланада из BL, Add. MS 32091. Его интересный доклад из Шенонсо — из NLS, Advocates MS 6.1.13.

Дипломатическое соперничество Марии и кардинала представлено в Labanoff, vol. 1; CSPS, Series 2, vol. 1; CSPF, Elizabeth (1863–1950), vol. 6; MacCaffrey (1969) и Doran (1996). Рассказ о миссии дю Крока взят из докладов Рэндольфа, SP 52/8, nos. 36–38.

Столкновение с Ноксом изложено самим Ноксом в Knox (1949), vol. 2. Инцидент с Шателяром описан по докладам Рэндольфа, из SP 52/8, nos. 13–14, дополненным Hay Fleming and Keith, vol. 2. Супружеская измена французского священника Марии — из SP 52/8, no. 42.

Беседы с Рэндольфом о герцоге де Гизе и письмо Елизаветы с соболезнованиями — из SP 52/8, nos. 17 and 30. Письмо Смита к Сесилу — из CSPF, Elizabeth, vol. 6. Новые (датируемые августом) инструкции Рэндольфа — из SP 52/8, no. 53 and Keith, vol. 2. Его рассказ об аудиенции у Марии — из SP 52/8, nos. 70–71; эти документы, в которых присутствуют поправки, изменения и дополнения, сделанные собственноручно Сесилом и Елизаветой, очень важны. Копия, написанная рукой Сесила и подписанная Елизаветой, — из BL, Cott. MS, Calig. B.10. Неудовлетворительный текст можно найти в Keith, vol. 2. Комментарий Марии по поводу предательства дяди — из SP 52/9, no. 69.

Глава 12

Сведения о драгоценном подарке Марии, о ее реакции на английские условия ее замужества и о ее болезни в конце 1563 и начале 1564 г. взяты из депеш Рэндольфа, в PRO, SP 52/8, nos. 75–76, 79; SP 52/9, nos. 1, 4–5, 11, 13, 15, 18–21, 22–24. Описание масленичного маскарада приводится в Robertson (1863) и Keith (1844–1850), vol. 2. Сцена, в которой Мария и лорды язвительно отвечают Рэндольфу, — из SP 52/8, no. 79. Слова Марии

цитируются по письму Рэндольфа к Елизавете, из SP 52/9, no. 18.

Описание суда над Ноксом принадлежит ему самому, Knox (1949), vol. 2, а также содержится в SP 51/9, nos. 15, 22. Состав Тайного совета вычислен по сведениям из таких источников, как CSP Scotland (1898–1969), vol. 2, и Keith (1844–1850), vols. 2–3. Важные сведения об этих советниках приводятся в Donaldson (1983) и Goodare (1987).

Изменение порядка работы Сессионного суда — из SP 52/9, no. 19. Письмо Киркалди — из SP 52/9, no. 27 (1). Другие рассуждения о кандидатуре Дарнли — из SP 52/8, no. 79; SP 52/9, nos. 15, 26; а также из CSPS Scotland, vol. 2, and Knox (1949), vol. 2. Первое письмо Елизаветы с требованием возвращения Леннокса — SP 52/8, no. 43. Самый полный рассказ о разрешении выезда Дарнли и последствиях этого шага приводится в Dawson (1986) and Adams (1987). В Hay Fleming (1897) и MacCaffrey (1969) описывается общее положение в стране и приводятся ссылки.

Главные документы, связанные с предполагаемым браком Марии с Дадли и встречей в Берике, — SP 52/9, nos. 22–24, 31, 34, 54, 57, 67, 69, 72, 75, 78–79. Документы Сесила из этих и других комплектов (в некоторых случаях теперь утерянные) — из BL, Cott. MS, Calig. B.10. Ссылки на предысторию сватовства Дадли — из примечаний в Hay Fleming. Недоверие Марии к первоначальному предложению — из SP 52/9, no. 24, где есть и шутка Марии.

Миссии Кастельно к Елизавете и Марии описаны им самим в Castelnau (1838); другие подробности — из Chéruel (1858). Поездка Мелвилла к Елизавете, описанная им самим, опубликована в Melville (1827). Прием Леннокса и восстановление его прав — из SP 52/9, nos. 52–53, 62, а также примечаний в BL, Cott. MS, Calig. B.9. Вручение медальона (возможно, медальона Леннокса) и других подарков — из SP 52/9, no. 62. Другие подробности о медальоне изложены в Way (1859). Письмо Сесила к Мейтланду и Морею после встречи в Берике — SP 52/9, no. 78, а их ответ — no. 79.

Глава 13

Записка Елизаветы, адресованная Сесилу, от 23 сентября — из PRO, SP 52/9, no. 48. Неудача английской политики описана в MacCaffrey (1969) и Dawson (1986), а свидетельства относительно роли Сесила и Дадли в выдаче паспорта Дарнли — из SP 52/10, nos. 15–16. Доклад Сесила — из Ellis (1824–1846), 2nd series, vol. 2. Критика Рэндольфом двуличия Дадли — из NLS, Advocates MS 1.2.2. Отзыв Трокмортона о Марии — из CSPF, Elizabeth (1863–

1950), vol. 3. Трокмортон как защитник Дарнли превосходно описан в Dawson, где цитируется постскриптум к SP 52/10, no. 31A.

Слова Марии из бесед в Сент-Эндрюсе — из SP 52/10, no. 11. Несколько документов Сесила найдены в BL, Cott. MS, Calig. B.10, причем один из них, написанный его рукой и включающий содержание его ответа на требование Елизаветы к Морею, также опубликован Stevenson (1837). Увольнение Роле и приглашение Риццио — из SP 52/9, no. 76 and SP 52/10, nos. 5, 22.

Приезд Дарнли и его прием Марией, игра в шары, уход за ним во время болезни, свадьба, провозглашение его королем — все это изложено на основе докладов Рэдольфа, разбросанным по трем разным архивам: BL, Cott. MSS, Calig. B.9–10; SP 52/10, nos. 16–17, 20, 22–23, 27–29, 31, 31A, 32, 35–37, 39, 39 (1), 42–44, 46 (1), 54–55, 55 (1), 56, 59–61, 65, 73, 78, 83, 85; NLS, MS 3657. Рукопись доклада Дадли из NLS MS опубликована в Frescoln (1973–1974), и важна для понимания реакции Марии на письмо Елизаветы от 5 марта.

Письмо Рэндольфа от 31 марта к сэру Генри Сидни — из NLS, Advocates MS 1.2.2. Другие фрагменты из докладных Рэндольфа, некоторые с пометками Сесила — из BL, Cott. MSS, Calig. B.9 и (особенно) B.10, где есть уникальные документы. Часть документов из Calig. B.10 опубликована в Stevenson (1837). Доклад Рэндольфа о свадьбе Марии, из Cott. MS, Calig. B.9, опубликован (не полностью) в Ellis (1824–1846), 1st series, vol. 2.

Рассказ Мелвилла о прибытии Дарнли приведен в Melville (1827). Симптомы болезни Дарнли в Стирлинге — из SP 52/10, nos. 32, 37 (1), а диагноз сифилис, основанный на мнении врача, который обследовал череп, приписываемый Дарнли, и бедренную кость, хранящиеся в музее Королевского хирургического колледжа, опубликован в Armstrong Davison (1965), appendix A. Сообщения о плохом здоровье Марии — из SP 52/10, nos. 54, 59, что также иллюстрирует недостойное поведение Дарнли. Другие подробности содержатся в примечаниях из Hay Fleming (1897) и в Keith, vol. 2. Связь Дарнли и Риццио — из SP 52/10, nos. 42, 59; Keith, vol. 2; Read (1955).

Письмо Елизаветы к Марии, в котором упоминаются Леннокс и Дарнли, взято из SP 52/10, no. 70, но письма к Ленноксу и Дарнли не сохранились. Они известны по фрагментам из BL, Cott. MS, Calig. B.10 и реакции получателей, которые опубликованы в Keith (1844–1850), vol. 2. Два набора инструкций для Трокмортона — из SP 52/10, no. 38, 41. Его доклады — из SP 52/10, nos. 46, 48, 52–53, 53 (1).

Испанская дипломатия Марии описана в Chéruel (1858). Ее

беседы с Кастельно описаны в Castelnau (1838), а их краткое изложение дано в Chéruel. Действия Кастельно, отмеченные Рэндольфом, — из SP 52/10, no. 26. Письма Марии приведены в Labanoff (1844), vol. 1, но к сожалению, в эти месяцы они отличаются официальностью, зачастую ограничиваясь просьбами о выдаче дипломатических паспортов. Ее воспоминания о свадьбе с Дарнли, из SP 52/11, no. 80, не содержат ничего нового, хотя подтверждают, что и протестанты, и католики поддерживали ее, что ставило Морея и его союзников в опасное положение (опубликованы в Labanoff, vol. 1, и в Turnbull [1845]).

Любовь Мейтланда к Марии Флеминг — из SP 52/9, nos. 47A, 62; SP 52/10, no. 53(1); Keith, vol. 2. «Сопротивление» Тайного совета — из SP 52/10, no. 40. Протоколы заседания тайного совета от 4 июня из SP 52/10, nos. 62–63, and BL, Cott. MS, Calig. B.10. Два набора инструкций для Торнуорта — из SP 52/10, no. 90, and SP 52/11, no. 1. Ответ Марии Торнуорту — из SP 52/11, nos. 9–10 and Keith, vols. 2–3. Предложение Марии Елизавете относительно престолонаследия и прочие аспекты — из SP 52/11, nos. 11–13.

Полезный анализ фракций шотландских лордов в момент возвращения Ленноксов — из SP 52/10A. Рассказ о Дарнли, разглядывающем карту Шотландии, — из BL, Cott. MS, Calig. B.10. Письма Морея, Аргайла и Шательро к Сесилу и Трокмортону — из SP 52/10, nos. 80, 80A, а их обращение к Елизавете — документ no. 81.

Лучшая современная интерпретация событий периода непосредственно до и после брака с Дарнли, с обзором политических и религиозных целей Марии, а также фракционных союзов представлены в Dawson (1986) и в Goodare (1987). По-прежнему бесценны примечания к Hay Fleming и Keith, vol. 2.

Глава 14

Обещания Марии протестантам относительно своей религиозной политики и искусная пропаганда против Морея и его союзников описаны в Dawson (1986) и (2002), а также в Goodare (1987). Ее письма и несколько манифестов приводятся в Labanoff (1844), vols. 1, 7. Другие документы — из Keith (1844–1850), vols. 2–3; CSP, Scotland (1898–1962), vol. 2. Очень ценны примечания к Hay Fleming (1897). Инцидент в Вербное воскресенье, из PRO, SP 52/10, nos. 37A, 39 (1), описан в Lynch (1981) и Dawson (1986). Расположение сил мятежников представлено в Hay Fleming и Dawson (2002). Обращение Морея к Сесилу через Роберта Мелвилла — из SP 52/11, no. 41.

Записка Сесила о вызове Босуэлла, из BL, Cott. MS, Calig. B.10,

опубликована в Stevenson (1837). История жизни Босуэлла реконструирована с помощью множества первичных источников. Такие работы, как Schiern (1880) и Gore-Brown (1937), следует использовать с осторожностью, а лучше их вообще избегать. Общий обзор — из CSP, Scotland, vols. 1–2; CSP, Borders (1894–1896), vol. 1; CSPF, Elizabeth (1863–1950), vols. 1–7; Keith, vols. 1–2. Подробности и цитаты взяты из оригинальных документов, в BL, Cott. MSS, Calig. B.9–10; SP 52/7, nos. 32, 32A, 36, 77, 93; SP 52/8, nos. 4, 6, 14, 31, 38, 75, 79; SP 52/9, nos. 5–8, 15, 17, 27 (1); SP 52/10, nos. 22, 27, 31, 31A, 39 (1), 60; SP 52/11, nos. 45, 60, 63, 84; SP 59/9, fos. 13–14, 15–16, 17–18, 37–38, 73–74.

Возвращение лорда Гордона и его возвышение — из SP 52/11, nos. 2, 60, 63; PCS, 1st series (1877–1898), vol. 1; Diurnal of Occurrents (1833), а также примечаний к Hay Fleming. Описание «загонного рейда» взято из докладов Рэндольфа в SP 52/11, nos. 20, 22, 24, 28–29, 35–36, 45, 49, 54, 59, 60, 63–65; PCS, 1st series, vol. 1; Hay Fleming; Dawson (2002). Протоколы заседаний английского Тайного совета от 24 и 29 сентября — из SP 52/11, no. 52. Послание Марии к Елизавете — из SP 52/11, no. 30 (английская версия, no. 31), вместе с реакцией Елизаветы на него приводится в депеше Поля де Фуа, французского посла в Лондоне, к Екатерине Медичи, опубликованной в Teulet (1862), vol. 2. Покорность Шательро и воззвание к Морею и его союзникам — из Hay Fleming и доклада в Diurnal of Occurrents.

Глава 15

«Беседы» Кастельно и его письма к Карлу IX, Екатерине Медичи и Полю де Фуа — из BNF, MS FF 15971. Многие из этих документов опубликованы, в разных вариантах, в Teulet (1862), vol. 2. В Chéruel (1858) предлагается краткое описание. Работа Castelnau (1838) интересна как ретроспективный взгляд. Роль Дарнли, его отношения с Риччио, Якслиand другими, его интриги и поддержка католиков восстановлены из докладов Рэндольфа в BL, Cott. MSS, Calig. B.9–10; PRO, SP 52/10, nos. 42, 59; SP 52/11, nos. 44–45, 59–60, 65, 82–85, 84A, 93, 96, 101–103; SP 52/12, nos. 5, 6A, 9, 11, 17, 21. Несколько депеш из Cott. MSS, Calig. B.9–10 опубликованы в Ellis (1824–1846), 1st series, vol. 2 и в Stevenson (1837). Некоторые опубликованы или изложены в Keith (1844–1850), vol. 2, а письмо Рэндольфа к Дадли (от 14 февраля 1566) найдено в Эдинбурге в NLS, MS 3657. Депеши Бедфорда от 8 и 14 февраля 1566 г. опубликованы в Stevenson. Депеша Дрери от 16 февраля 1566 г. из Keith, vol. 2. Поездка Якслиin Испанию и реакция Филиппа II (в том числе ряд опубликованных документов из архивов Симанкаса) приведены в Mignet (1852), vol. 1, и в

приложении E. Очень полезны такие работы, как Dawson (1986) и (2002); Lynch (1981) и (1990).

Претензии Марии на английский трон и переход к прокатолической политике после приезда агента ее дяди восстановлены из депеш Рэндольфа, в частности из недавно найденных депеш от 7 и 10 февраля 1566 г. от Рэндольфа к Трокмортону, из NLS, Advocates MS, 1.2.2, nos. 39–40. Совет сэра Джеймса Мелвилла приведен в Melville (1827). Дополнительные подробности взяты из Keith, vol. 2; лучший современный анализ так называемой «католической интерлюдии» Марии приводится в Goodare (1987), где также содержится ценная дискуссия относительно корней заговора с целью убийства Риччио.

Рассказ Бедфорда о попытке Марии за руку привести Босуэлла и Хантли на мессу приведен в Stevenson. Информация о ее плохом здоровье и беременности — из SP 52/11, nos. 85, 87, 93, 96; SP 52/12, no. 9; NLS, Advocates MS, 1.2.2, no. 39; BL, Cott. MS, Calig. B.10. Подробности о крушении ее брака взяты из отчетов Рэндольфа и Бедфорда, указанных выше.

Улика Мейтланда и рекомендации для Роберта Мелвилла — из SP 52/12, nos. 10, 12. Описание заговора взято из депеш Рэндольфа (см. выше), а совместные доклады Рэндольфа и Бедфорда — из SP 52/12, nos. 26, 27, 28, 30. Описание заговора — из SP 52/12, nos. 28(1–2). Общая обстановка в стране — из CSP Scotland (1898–1969), vol. 2; CSPF, Elizabeth (1863–1950), vols. 7–8; Hay Fleming (1897). Обвинение против Рэндольфа и его высылка из Шотландии — из SP 52/12, nos. 17, 29.

Глава 16

Существует шесть более или менее независимых описаний заговора с целью убийства Риччио и его последствий — Марии, Рутвена, Рэндольфа и Бедфорда, сэра Джеймса Мелвилла, Diurnal of Occurrents и Клода Но. Некоторые ценные комментарии взяты из более поздней хроники, известной как Historie of King James the Sext. Полезны также примечания к Hay Fleming (1897). Краткий, но серьезный анализ приведен в Goodare (1987) и Dawson (2002).

Наиболее полными и достоверными являются версии Рутвена и Марии. Рассказ Рутвена распределен по трем рукописям, самые важные из которых — BL, Cott. MS, Calig. B.9; Add. MS 48043; Lansdowne MS 9. Printed texts include Keith (1844–1850), vol. 3, appendix to Book II; и [Ruthven] (1891). Я использовал Keith и [Ruthven], а также MS 48043. Наиболее полная версия Марии содержится в ее письме к Джеймсу Битону, архиепископу Глазго, от 2 апреля 1566 г., опубликованном в Labanoff (1844), vol. 1. Ее

краткие гневные комментарии Елизавете, датированные 15 марта, взяты из того же тома, что и написанное в начале мая письмо к Анне д'Эсте.

Подробный доклад Рэндольфа и Бедфорда Сесилу от 27 марта со списком заговорщиков, из BL, Cott. MS, Calig. B.10, опубликован в Ellis (1824–1846), 1st series, vol. 2. Другой доклад, Дадли и Сесилу, с той же датой — из BL, Cott. MS, Calig. B.9. Хронология роспуска парламента и событий, последовавших за заговором, — из Diurnal of Occurrents (1833).

К описаниям заговора сэра Джеймса Мелвилла и Клода Но из Melville (1827) и [Nau] (1883) следует относиться с осторожностью. Рассказ Но ретроспективен и неточен. В Historie of James the Sext Мейтленд связывается с заговором. Я использовал рукопись в NAS, MS GD 1/371/3. Менее надежная опубликованная версия — [James VI] (1825). Существуют также три итальянских доклада Риччио из Архива Медичи во Флоренции, опубликованные в Labanoff, vol. 7, но их ценность невелика.

Другие доклады Рэндольфа и Бедфорда — из PRO, SP 52/12, nos. 33, 35, 36, 39, 40, 44, 47. Заявление Дарнли о своей невиновности — из BL, Cott. MS, Calig. B.9, опубликованной в Ellis, 1st series, vol. 2. Письма Мортона и Рутвена к Сесилу, Дадли и Трокмортону — из SP 52/12, nos. 41, 45; NLS., Advocates MS 22.2.18. Доклад Рэндольфа о примирении лордов в конце апреля — из SP 52/12, no. 51.

Глава 17

Роль Кастельно показана в Castelnau (1838) и проанализирована в Chéruel (1858); некоторые документы и выдержки из них опубликованы в Labanoff (1839) и Keith (1844–1850), vol. 2. Политическое возвращение Босуэлла и противоречия между лордами, несмотря на усилия Марии примирить их, — из PRO, SP 52/12, nos. 49A, 51, 64, 68, 75, 89, 94A, 99; BL, Cott. MS, Calig. B.10; выдержки из этих документов опубликованы в Stevenson (1837).

Свидетельства ухудшающихся отношений Марии с Дарнли — из SP 52/12, nos. 47, 51, 61, 64, 65, 75, 77; BL, Cott. MS, Calig. B.10, где найдена история с собакой. Доклад анонимного источника Бедфорда — из SP 52/12, nos. 99A, 99A (1); его фрагменты опубликованы в Hay Fleming (1897).

Сведения о беременности и родах Марии — из SP 52/12, nos. 71, 74, 75–76, дополнительные подробности приведены в Armstrong Davison (1965) и Dawson (2002). Информация о ее завещании — из SP 52/12, nos. 68, 77. Опись имущества, из NAS,

дополнена факсимиле и введением в Robertson (1863). Современный анализ приводится в Donaldson (1983).

Письмо Марии Сесилу, в котором она упрекает его за роль в провокации Росксби, из SP 52/12, no. 106, опубликовано в Labanoff (1844), vol. 7. Замыслы Дарнли и его письма европейским монархам и папе — из SP 52/12, no. 82; SP 52/13, no. 6; [Nau] (1883); CSP Scotland (1898–1969), vol. 2; Keith, vol. 2; Hay Fleming. Эпизод с Роксби реконструирован по SP 52/12, nos. 56, 61, 65, 70, 70 (1), 71, 72, 75–76, 79, 81–82, 88, 92, 106.

Инструкции Киллигрю — из SP 52/12, no. 72. Его беседы с Марией и визиты к принцу Джеймсу — из SP 52/12, nos. 75–76, 80. Его встреча с Мореем — из SP 52/12, no. 77.

Поездки Марии в Аллоа и на охоту описаны в Keith, vol. 2, где приводятся выдержки из документов. Другие подробности — из SP 52/12, no. 99 и примечаний к Hay Fleming. Перемещение принца Джеймса в Стирлинг и примирение Марии с Мейтлендом — из SP 52/12, nos. 99A (1), 102, 103, 105; Keith, vol. 2. Приезд Дарнли к воротам Холирудского дворца и заседание Тайного совета в присутствии дю Крока — из Keith, vol. 2.

Рассказ о поездке Марии на заседания разъездного суда, о болезни в Джедборо и ее последствиях реконструирован по SP 52/12, nos. 108–109, 112; SP 59/12, fos. 52–145v, где доклады лорда Скроупа, сэра Джона Фостера и графа Бедфорда дают достоверную информацию о периоде с 9 августа по 11 декабря 1566 г. Очень полезны документы из Keith, vols. 2–3, особенно письма дю Крока и Лесли в приложении к книге 2 в томе 3. К сожалению, автора ввела в заблуждение поддельная «кроуфордская» хроника. Дополнительные сведения содержатся в Historie of King James VI в [James VI] (1825), где самый ранний и, возможно, самый аутентичный документ — рукопись из NAS, MS GD 1/371/3. Анализ в Armstrong Davison полезен своими медицинскими аспектами.

Другие доклады дю Крока из Джедборо и Крейгмиллара, последний из которых важен для понимания депрессии Марии, — из Teulet (1862), vol. 2 и Keith, vol. 1. Намеки Мейтланда архиепископу Глазго — из Hay Fleming. Взгляды лордов на преимущество правления Марии изложены в Lynch (1990).

Условия примирения между Марией и Елизаветой составлены на основе следующих документов: 1) Письмо Марии английскому Тайному совету от 18 ноября 1566 г., из BL, Cott. MS, Calig. B.10 и BL, Add. MS 48043, опубликованное в Ellis (1824–1846), 1st series, vol. 2, и Labanoff (1844), vol. 1. 2) Инструкции Елизаветы Бедфорду, датированные 7 ноября, и ее письмо от 9 ноября из BL, Cott. MS, Calig. B.10, опубликованные в Keith, vol. 2. 3) Письмо

Марии к Елизавете от 3 января 1567 г. из SP 52/13, no. 1, опубликованное в Labanoff (1844), vol. 1. 4) «Заголовки» предложений Марии Бедфорду, из SP 52/13, no. 5, опубликованные в Keith, vol. 2. Инструкции Мелвиллу от 8 февраля 1567 г. не сохранились.

Глава 18

Убийство Дарнли описано в тысячах книг и статей. Наиболее надежными источниками сведений служат рукописи, главным образом в PRO, SP 52, 53 и 59 (см. ниже для nos. или fos.) и в BL, Cott. MSS, Calig. B.9–10 и Calig. C.1 и C.6. Классы SP 52 и 53 включают те части оригинальных рабочих архивов Сесила, хранящихся в PRO, из которых в XVII в. документы были перемещены в Cottonian MSS, а в конечном счете оказались в BL. SP 52 и 53 — это искусственные классы, выделенные из архивов Сесила средневековыми архивистами.

Класс SP 59 содержит так называемые Border Papers, документы, которые были присланы Бедфордом и Дрери из Берика в Лондон, но часть из них была произвольным образом извлечена для заполнения пробелов в SP 52 и SP 53. Эти документы лишь отчасти датированы в CSPF, Elizabeth (1863–1950), vols. 1–9, а затем в CSP Borders (1894–1896). Они не включены в CSP Scotland (1898–1969), что вызвало серьезную путаницу. Когда классы SP 52, 53 и 59 были реорганизованы, оригинальный порядок документов полностью нарушился, и их бесцеремонно распределили по разным классам.

Дополнительный материал содержится в других документах из архива Сесила (CP) в Хэтфилд-хаусе (см. также примечания к главам 25, 26). Часть архива Сесила хранится в Lansdowne MSS в BL, но она не имеет отношения к убийству Дарнли. Остальная информация взята из архивов Роберта Била, связанных с Марией, в настоящее время хранящихся в BL, Add. MSS 48027, 48043 и 48049, и в NLS, Advocates MS 31.2.19.

Из других опубликованных первичных источников: Diurnal of Occurrents (1833) важный для уточнения датировки, [Nau] (1883) (хотя его нельзя считать надежным); Melville (1827); CSPS, Series 2 (1892–1899), vol. 1; CSPV (1864–1947), vol. 7. Письма Марии опубликованы в Labanoff (1844), vol. 1. Другие документы опубликованы в Anderson (1727–1728), vols. 1–4; Keith (1844–1850), vols. 2–3, и в «Advertisement to the Reader» в vol. 1; Teulet (1859). Современный анализ: Henderson (1890); Peyster (1890); Hay Fleming (1897); Lang (1902); Mahon (1930); Turner (1934); Diggle (1960); Armstrong Davison (1965); Fraser (1969); Villius (1985).

Информация о заговоре в Крейгмилларе — из протестов Хантли и Аргайла в BL, Cott. MS, Calig. C.1, а также критики Морея в этом же томе, опубликованных в Keith, vol. 3, appendix to Book 2, no. 16. Последствия заговора — из декларации Дамбартона, опубликованной в Strickland (1888), vol. 2, appendix 3, которая оправдывает Марию.

Описание крестин принца Джеймса — из SP 52/12, nos. 121–123, 126, 128–130, 132; SP 59/12, fos. 146–147; Diurnal of Occurrents; Melville (1827); Keith, vol. 2, и «Advertisement» в vol. 1; Lynch (1990). Язвительное замечание Форстера о Босуэлле — из SP 59/12, fo. 146.

Прощение убийц Риччио — из SP 52/12, no. 133; SP 52/13, no. 3; примечаний к Hay Fleming, приложения с документами, p. 502–504; см. также Lynch (1990). Письмо Мортона к Сесилу — из SP 52/13, no. 4. Письмо Бедфорда к Сесилу — из SP 52/13, no. 3. Рассказ дю Крока о болезни Марии в Стирлинге приведен в Keith, «Advertisement» в томе 1. Отрывок из расширенного издания Holinshed, The First and Second Volumes of Chronicles из Holinshed (1587), vol. 2, p. 429 (BL copy, LR.400.b.23), где он вставлен в признание Мортона 1581 г.

Встреча в замке Уиттингема — из BL, Cott. MS, Calig. C.6, а другие версии — из BL, Add. MSS 48027 and 48049; опубликовано в Calderwood (1842–1849), vol. 3. Доклады Дрери Сесилу в период между крестинами и убийством, в том числе доклад от 23 января, — из SP 52/12, fos. 146–210. Его доклад о связях между Мортоном и Босуэллом — из SP 59/13, fos. 5–7.

О сифилисе Дарнли — из Armstrong Davison (1965), appendix A. Предложение Марии интимной близости с Дарнли — из ее собственных слов в подлинных фрагментах самого длинного «письма из ларца» (длинное письмо из Глазго), цитируемого по рукописной копии в SP 53/2, no. 65. Подробный анализ происхождения «писем из ларца» см. в главах 25, 26.

Передвижения Марии — из Diurnal of Occurrents и докладов Дрери (даты совпадают, но не точно). Письмо Марии к архиепископу Глазго и к послу в Париже — из Keith, «Advertisement», vol. 1. Ее поездка в Глазго — из Diurnal of Occurrents и примечаний в Hay Fleming.

Сведения о Кирк-о-Филд приведены в Mahon (1930); Anderson, vols. 1–2; Keith, vol. 2 (полезны, но не очень точны); Robertson (1863). Тот факт, что решение поселиться там принадлежит Дарнли, доказано в Mahon (1930). Расположение и перемещение мебели и гобеленов — из описей, исправленных Робертсоном, что также обсуждается в этой работе. Письмо Дарнли к Ленноксу и общая обстановка перед убийством — из

Mahon. Доклады Дрери о покупке пороха и взрыве — из SP 52/12, особенно fos. 192, 201–202, 207–210; см. также Anderson, vols. 1–2.

Глава 19

Факты, касающиеся свадьбы Бастиана, были установлены в Robertson (1863) и Hay Fleming (1897). Передвижения Марии и последние часы в Кирк-о-Филд перед взрывом восстановлены из CSPS, Series 2 (1892–1899), vol. 1; CSPV (1864–1947), vol. 7; первых показаний Французского Париса, первых показаний Томаса Нельсона и других признаний, в частности Джона Хепберна. Эти источники не идеальны. Первые показания Париса, из BL, Cott. MS, Calig. B.9 and BL, Add. MS 48027, опубликованы в Teulet (1859); показания Нельсона, из NLS, Advocates MS 31.2.19, опубликованы в Anderson (1727–1728), vol. 4, и в Howell (1816), vol. 1. Другие документы опубликованы в Anderson, vol. 2, и Howell, vol. 1. Слова, сказанные Марией Парису — из [Nau] (1883).

Взрыв и убийство Дарнли восстановлены по Diurnal of Occurrents (1833); NAS, MS GD 1/371/3, опубликованному в [James VI] (1825); и по докладам Моретты, Клерно и Дрери. Свидетельства Моретты взяты из Labanoff (1844), vol. 4, and CSPV, vol. 7, в первом случае в пересказе епископа Мондови, во втором — Джованни Коррера, что объясняет несовпадения. Доклад Клерно, датированный 16 февраля 1567 г., — из PRO, SP 52/13, no. 13. Пространные и обстоятельные доклады Дрери, которые также сообщают о листовках и ночном страннике, — из SP 59/12, fos. 192, 201–202, 207–210, 211, 222–225v, 235, 243–244, 245–246v; SP 59/13, fos. 5–7, 19–20, 31–34, 37–38v, 81–85v. Упоминания об Эндрю Кере из Фодонсайда — из SP 59/13, fos. 84, 136. Цветной рисунок Дрери с изображением Кирк-о-Филд и обстоятельств убийства — из PRO, MPF 366. Доклад Дрери о связях между Мортоном и Босуэллом — из SP 59/13, fos. 5–7, а замечание Мелвилла по поводу Босуэлла — из Melville (1827). Использование Шекспиром слова «составил» см. в Titus Andronicus, IV. ii. 155; Comedy of Errors, V. i. 219; Much Ado About Nothing, V. i. 308.

Большую ценность представляют сведения из Mahon (1930), но теория автора о том, что взрыв был подстроен Дарнли с целью убийства Марии, фантастична и не подкреплена доказательствами. Его интерпретация роли Кера из Фодонсайда не учитывает, что Кера называли (SP 59/13, fo. 136) «главным поставщиком информации и писем» для Босуэлла. Кер также был на стороне Босуэлла при Карберри-Хилле перед бегством. (SP 59/13, fo. 159). Свидетельства женщин из близлежащих домов —

из BL, Add. MS, 33531, fos. 37–38, документов Александра Хэя, клерка Тайного совета, в том числе «Book of Articles», а также других документов, показанных Сесилу в 1568 г. Цитаты из «болтовни» женщин — из Buchanan (1571c).

Письмо Марии к послу в Париже после взрыва приводится в Keith (1844–1850), «Advertisement to the Reader» in vol. 1, и в Labanoff (1844), vol. 2. Оба источника датируют его 11 февраля, но письмо Марии от 18 февраля доказывает, что оно было написано 10-го числа. Письмо Марии от 18 февраля опубликовано в Labanoff, vol. 2 и в Stevenson (1837). Ее возвращение в Эдинбургский замок и объявление о награде — из Keith, vol. 2; PCS, 1st Series (1877–1898), vol. 1; и Hay Fleming.

Венецианский документ от 21 февраля — из CSPV, vol. 7. Подозрения де Силвы относительно роли Марии — из CSPS, Series 2, vol. 1. Письмо от ее посла в Париже с предупреждением об обвинениях, опубликованное в Stevenson (1837) и в Keith, «Advertisement» in vol. 1, датировано 11 марта в Stevenson и 9 марта в Keith. Письма Екатерины Медичи и Карла IX — из SP 59/12, fos. 243–244. Письмо кардинала Лотарингского Морею — из SP 59/13, fo. 84. Письмо Марии герцогу Немуру — из BNF, MS FF 3637. Письмо епископа Мондови опубликовано в Labanoff (1844), vol. 7.

Письмо Елизаветы к Марии — из SP 52/13, no. 17, опубликовано в Labanoff, vol. 7. Доклад Киллигрю Сесилу — из SP 52/13, no. 19. Письмо Леннокса к Сесилу (датированное 9 марта) — из SP 52/13, no. 21. Письмо Мортона (датированное 10 марта) — из SP 52/13, no. 22, а письма от Морея и Мейтланда (датированные 13 марта) — из SP 52/13, nos. 25–26.

Глава 20

Важные факты опубликованы в Tytler (1828–1842), vol. 7; Hay Fleming (1897), особенно примечания; Keith (1844–1850), vol. 2; Donaldson (1983); Wormald (1985) и (1988); Dawson (2002). Кроме того, я в значительной степени опирался на документы из Государственного архива Шотландии (PRO, SP 52) и, что еще важнее, на оригиналы рукописных докладов Дрери из Border Papers (PRO, SP 59). В Hay Fleming цитируются Border Papers только как краткие выдержки из CSPF, Elizabeth (1863–1950), vol. 8, где множество важных деталей пропущены или искажены.

Письма Марии к Ленноксу и епископу Мондови опубликованы в Labanoff (1844), vol. 2, где также приводится ее брачный контракт от 14 мая. Главная хроника, где записаны сухие факты о похоронах Дарнли, — это Diurnal of Occurrents (1833) и Historie and Life of King James the Sext in [James VI]

(1825). Хроника Diurnal очень ценна для датировки. Я использовал оригинальную рукопись Historie в NAS, MS GD 1/371/3, с самой ранней версией текста, подтверждающей факт похищения Марии, а также соседство ее спальни со спальней Босуэлла.

Отзыв де Силва о Марии — из CSPS, Series 2 (1892–1899), vol. 1. Доклад Киллигрю о своем обеде с лордами и аудиенции у Марии — из SP 52/13, no. 19. Доклады Дрери о действиях Марии и Босуэлла, в том числе о состязании в стрельбе из лука, — из SP 59/12, fos. 198, 201–202, 207–210. О враждебном настрое общества и листовках, в частности с изображением русалки и зайца, — из SP 59/12, fos. 211, 222–225v, 235; SP 59/ 13, fos. 81–85v; сам рисунок — из SP 52/13, no. 60. Более примитивный набросок — SP 52/13, no. 61. Разговор Марии со священником из Данфермлина — из SP 59/12, fos. 243–244. Нападение Босуэлла на бывшего слугу Дарнли — из SP 59/13, fo. 85. Раскол лордов перед встречей с Стирлинге, в том числе изгнание Морея — из SP 59/12, fos. 234, 235, 243–244; SP 59/13, fos. 55–56, 62–63v. Замечание Марии о том, что Морей бежал от долгов, — из SP 59/13, fo. 84. Ее болезнь в конце марта — из SP 59/12, fos. 245–246v. Подарки Босуэллу в виде одежды описаны в Robertson (1863) и в примечаниях в Hay Fleming.

Военные приготовления Босуэлла — из SP 59/12, fos. 245–246v; SP 59/13, fos. 19–20, 45–46. Разговор Мортона с Марией и гарантии Босуэллу — из SP 59/12, fos. 222–225v; SP 59/13, fos. 5–7. Обращение Леннокса к Марии, его просьба к Елизавете о вмешательстве и суд над Босуэллом — из SP 52/13, nos. 28–30; SP 59/12, fos. 243–244; SP 59/13, fos. 5–7, 8, 19–20, 31–34, 85v. Заседания английского Тайного совета — из SP 59/13, fos. 13–14. Доклад шпиона Дрери — из SP 59/13, fos. 31–34, 92–93.

Созыв парламента, «договор таверны Эйнсли», мятеж солдат и предательство союзников Босуэлла — из SP 59/13, fos. 37–38v, 41–42v, 81–85v; SP 52/13, no. 33. В Wormald (1985) указаны подписанты договора — из Leven и Melville Muniments. В NLS, Advocates MS 22.2.18 указана наиболее вероятная дата, но имеются дополнительные подписи. Ошибочная версия Сесила — из BL, Cott. MS, Calig. C.1, опубликована в Keith, vol. 2. Доклад Киркалди о предполагаемой влюбленности Марии — из SP 52/13, no. 35. Его последующие доклады — из SP 52/13, nos. 37, 40. Доклады Дрери о похищении и разводе Босуэлла — из SP 59/13, fos. 45–46, 52–53, 62–63v, 64–65, 84v.

Обзор документов о разводе Босуэлла приведен в предисловии Стивенсона к [Nau] (1833). Замечание сэра Джеймса Мелвилла — из Melville (1827). Доклад его брата Роберта Сесилу

с рассказом о собрании лордов в Стирлинге — из SP 52/13, no. 42. Доклад Дрери о собрании — из SP 59/13, fos. 55–56, 64–65, 68–69; Доклад Киркалди — из SP 52/13, no. 43.

Постановка пьесы с актерами-мальчиками в Стирлинге — из SP 59/13, fo. 88. Доклад Дрери об отказе Крейга, о его проповеди и реакции Босуэлла — из SP 59/13, fos. 88–89, 90, 91. Оправдание Босуэлла — из NLS, Advocates MS 31.2.19. Провозглашение Босуэлла герцогом Оркнейским и венчание — из SP 59/13, fos. 91, 94, 98, 99, 103. Описание одежды Марии приведено в приложении к Hay Fleming. Рассказ дю Крока приводится в Teulet (1862), vol. 2.

Глава 21

Самые разные версии событий, произошедших за несколько недель между третьей свадьбой Марии и ее заточением в Лох-Ливене, представлены в Tytler (1828–1842), vol. 7; Keith (1844–1850), vol. 2; Strickland (1888), vols. 1–2; Hay Fleming (1897); Froude (1912), vol. 2; Fraser (1969); Wormald (1988). Мне пришлось обратиться к архивам, и моя реконструкция основана на следующих источниках: PRO, SP 52; PRO, SP 59 (без неточных и зачастую неверно датированных обзоров в CSPF, Elizabeth [1863–1950], vol. 8); Teulet (1862), vol. 2; Labanoff (1844), vol. 7; Stevenson (1837). Работа Melville (1827) очень важна, хотя и не всегда точна, как и Diurnal of Occurrents (1833), и Historie and Life of King James the Sext in [James VI] (1825), которую я цитировал по рукописи NAS, MS GD 1/371/3.

Комментарии Сесила и Трокмортона — из Alford (1998a); комментарии Елизаветы — из Tytler (1828–1842), vol. 7. Листовка с цитатой из Овидия — из MS GD 1/371/3 and Keith, vol. 2. Доклады Дрери о ссорах Марии с Босуэллом и ее угроза покончить с жизнью — из SP 59/13, fos. 81 (правильная дата), 82 (документ неверно архивирован и датирован — это случилось после свадьбы), 103 (правильная дата, после свадьбы), 114–115; доклад дю Крока Екатерине Медичи от 18 мая из Teulet, vol. 2 (перепечатан в Labanoff, vol. 7); Melville (1827); Keith, vol. 2. Комментарии Дрери об эпизоде с лошадью — из SP 59/13, fos. 82 (неверная датировка), 103.

Поведение Марии и Босуэлла на публике — из SP 59/13, fos. 106–107, 108–109, 114–115. Возобновившиеся приступы болезни и пророчества — из SP 59/13, fo. 104. Резкие слова Марии о лордах — из SP 59/13, fo. 105. Желание Босуэлла стать королем — из SP 59/13, fo. 103. Взгляды и действия лордов — из SP 59/13, fos. 103, 105–106, 110–111, 112–113, 114–115, 134–135. Переплавка на монеты посуды и купели — из SP 50/13, fos. 112–113, 114–115.

Официальные указы Босуэлла — из SP 59/13, fos. 106–107, 112–113, 116; Keith, vol. 2. Его письма к Елизавете и Сесилу — из SP 52/13, nos. 50–51.

Приготовления противников и события, приведшие к противостоянию у Карберри-Хилла восстановлены по SP 59/13, fos. 120–121, 134–135, 136, 140–141, 144–145, 146–147; SP 52/13, no. 65; Keith, vol. 2; Dawson (2002). Доклад капитана Инчкита — из Teulet, vol. 2. Заявления лордов — из SP 52/13, nos. 64–67; Keith, vol. 2. Словесная дуэль Марии и лордов — из SP 59/13, fos. 140–141. Разграбление монетного двора — из SP 59/13, fos. 144–145.

Описание битвы при Карберри-Хилле реконструировано по SP 59/13, fos.157, 159, 165; SP 52/13, no. 64; докладу капитана Инчкита за 7–15 июня; Melville (1827); Keith, vol. 2; и особенно докладам дю Крока от 17 июня Карлу IX и Екатерине Медичи, опубликованным в Teulet, vol. 2; Labanoff, vol. 7. Цветной рисунок с изображением капитуляции Марии — из PRO, MPF 366. Сведения о беременности Марии — из SP 59/13, fos. 148–149. Ее возвращение в Эдинбург и отправка в Лох-Ливен — из SP 59/13, fos. 156–158; SP 52/ 13, no. 65, 69; письма дю Крока Екатерине Медичи опубликованы в Teulet, vol. 2; Diurnal (1833); [James VI] (1825), цитируются по рукописи NAS, MS GD 1/371/3; [Nau] (1883); Keith, vol. 2. Указ о заключении Марии под стражу — из примечаний в Hay Fleming. Другие сведения о намерениях лордов — из Stevenson (1837).

Глава 22

Инструкции Марии для епископа Данблейна — из NAS, MS GD 1/371/3, fos. 277v-279v, и BL, Royal MS 18.B.6, fos. 242v-266, опубликованные в Labanoff (1844), vol. 2 и Keith (1844–1850), vol. 2. Ее инструкции Мелвиллу были опубликованы в Labanoff, vol. 2 и в Keith, vol. 2 на основе того, что Кит называет «поврежденными рукописями». Обычно под ними подразумевают рукописи из коллекции Коттонов, четверть которой сгорела или была повреждена во время пожара 1731 г. Впервые сведения Кита были опубликованы в 1734 г., что делает эти объяснения вероятными. В данном случае я не смог найти оригинальные рукописи, но поскольку в копии Кита присутствуют все признаки аутентичности, а о миссии Мелвилла независимо от него сообщал Дрери, причин ставить под сомнение этот текст нет. Произношение и орфография модернизированы, и я иногда менял порядок слов или заменял устаревшие шотландские слова на современные английские, чтобы сделать текст понятным.

Поскольку копия письма Марии к Елизавете, переданного

через Мелвилла, не сохранилась, я использовал фрагменты из писем к епископу Россу и ее представителям в Лондоне в 1568 г., из BL, Cott. MS, Titus C.12, опубликованных в Labanoff, vol. 2. Заметки Дрери, уточняющие даты миссий, — из PRO, SP 59/13, fos. 114–115, 120–121.

Депеши Трокмортона Бедфорду, Сесилу и Елизавете были в большинстве своем опубликованы в Stevenson (1837). Остальные из BL, Cott. MS, Calig. C.1, а также из Keith (1844–1850), vol. 2. Письмо Елизаветы к Марии — из SP 52/13, no. 80; ее письмо к лордам — SP 52/13, no. 82. Ее инструкции к Трокмортону — из SP 52/13, nos. 81, 83. Записка Сесила Трокмортону — SP 52/14, no. 1. Гнев Елизаветы — из PRO, SP 52/14, nos. 39A, 53A, 53B. Краткая записка Сесила — в конце SP 52/14, no. 1. Он цитирует «4 Regum», то есть Четвертую книгу Царств, которую сегодня называют Второй книгой Паралипоменон. История Аталии изложена в 2 Паралипоменон 23: 11–21, 2 Царств 11: 1–20. Проповедь Нокса пересказана Трокмортоном. Документы об отречении, подписанные Марией, опубликованы в Anderson (1727–1728), vol. 2; Keith (1844–1850), vol. 2. Они анализируются в Hay Fleming (1897). Рассказ о поведении Линдси — из Melville (1827), [Nau] (1883) и Anderson, vols. 3–4. Описание коронации Джеймса — из докладов Трокмортона, опубликованных в Stevenson (1837); Diurnal (1833); [James VI] (1825); Keith, vol. 2; Hay Fleming. Гнев Елизаветы на Сесила — из SP 52/14, no. 53B.

Визит Морея к Марии — из депеши Трокмортона от 20 августа, BL, Cott. MS, Calig. C.1, опубликованной в Keith, vol. 2. Манифест о регентстве — из Diurnal (1833) и Keith, vol. 2. Времяпрепровождение Марии в Лох-Ливене — из депеш Трокмортона и докладов Дрери Сесилу в PRO, SP 59/14. Свидетельства бегства Марии из Лох-Ливена запутанны и противоречивы. Мой рассказ реконструирован по [Nau] (1883); Diurnal (1833); докладу Козимо I, опубликованному в Labanoff (1844), vol. 7; докладу венецианского посла в CSPV (1864–1947), vol. 7; Tytler (1828–1842), vol. 7; Keith (1844–1850), vol. 2.

Сбор сил Марией и битва при Лангсайде — из заметок Сесила в BL, Cott. MS, Calig. C.1, а также из источников, опубликованных в Keith, vol. 2, в числе которых доклады Дрери. Другие подробности — из Diurnal (1833); [James VI] (1825); Tytler (1828–1842), vol. 7; Teulet (1862), vol. 2; Dawson (2002). Бегство Марии в Англию — из Keith, vol. 2; [James VI] (1825); Ellis (1824–1846), 1st series, vol. 2. Записки Сесила, в частности датированные концом мая (fos. 97–100v), — из BL, Cott. MS, Calig. C.1, опубликованы в Anderson (1727–1728), vol. 4. Письма Марии опубликованы в Labanoff (1844), vol. 2; Strickland (1844), vol. 1. Позиция Сесила

подробно рассматривается в Alford (1998). Продажа жемчуга Марии — из SP 53/1, no. 46; BNF, MS FF 15971 (fo. 112); [Nau] (1883); Labanoff (1844), vol. 7.

Глава 23

Бегство Босуэлла реконструировано по Strickland (1844), vol. 1; Stevenson (1837); CSPF, Elizabeth (1863–1950), vol. 8. Такие источники, как Schiern (1880), Peyster (1890), Gore-Brown (1937), следует использовать с осторожностью. Описание в Hay Fleming (1897) точное, но краткое. В Strickland (1888), vol. 2 используются датские источники, но автор явно симпатизирует Марии. Письмо Босуэлла Карлу IX — из BNF, MS FF 15971 (fo. 168); инструкции Морея своему представителю — из той же рукописи (fo. 84).

«Заявление» Босуэлла — из Bannatyne Club edition, [Hepburn, J.] (1829). Перевод мой, но с использованием Strickland (1844), vol. 1, в качестве образца. Другие переводы можно найти в New Monthly Magazine, xiii. 521–537, и в Drummond (1975). В моих пояснениях используются предположения из Armstrong Davison (1965). Рассказ о годах, проведенных Босуэллом в Мальме и Даргсхольме, — из Schiern, Peyster и Gore-Brown. Действия капитана Кларка и его доклады Сесилу — из CSPF, Elizabeth (1863–1950), vols. 8–10. Доклад посла лордов конфедерации о переписке Босуэлла с Марией — из PRO, SP 52/20, no. 5 (fos. 8–9).

Существуют две основные версии «признания» Босуэлла на смертном одре. Одна, по всей видимости хранившаяся в архиве Сесила, а теперь в BL, Cott. MS, Titus C.7, опубликована в Strickland (1844), vol. 1; другая, якобы принадлежащая «набожному и добропорядочному купцу» и, вероятно, продававшаяся в качестве занимательной истории, опубликована в Keith (1844–1850), vol. 3.

Письмо Марии к ее послу в Париже — из Labanoff (1844), vol. 4, and Keith, vol. 3. Протесты Марии из-за того, что Елизавета скрыла от нее полную копию «признания», — из NLS, Advocates MS 22.2.18, no. 8; Keith, vol. 3.

Письмо графини Леннокс к Марии — из PRO, SP 53/10, no. 71. Опись 1586 г. имущества Марии в Чартли, где упомянута вышивка point tresse, — из Labanoff (1844), vol. 7. Ее письмо от 2 мая 1578 после смерти графини Леннокс — из NLS, Advocates MS 22.2.18, no. 11, где no. 7 — рассказ о реакции Якова VI на «признание» Босуэлла. Подробности биографии Якова — из Croft (2003). В Labanoff, vol. 5, и Keith, vol. 3, также приводится письмо Марии. История о том, что происходило с телом Босуэлла после его смерти, — из Gore-Brown и материалов туристических бюро Мальме, Форевайла и Драгсхольма.

Глава 24

Жизнь и политические идеи Бьюкенена изложены в [Buchanan] (1950); Burns (1992) и (1993); Mason (2000). Его досье с обвинениями против Марии в версии, переведенной для Леннокса на среднешотландский как «информация», — из CUL, MS. Dd.3.66, опубликовано с критической аннотацией в Mahon (1923). Переписка Морея с Елизаветой и Сесилом, помогающая понять контекст досье и обвинения лордов против Марии, взята из PRO, SP 52/15, nos. 39–41. Цитаты о компрометирующих «письмах» — no. 41.

Доклады Дрери Сесилу о леди Перс — из PRO, SP 59/13, fos. 84, 104. Современные работы: Henderson (1890); Read (1955); Diggle (1960); Armstrong Davison (1965); Donaldson (1969); Villius (1985).

Главы 25–26

«Письма из ларца» анализируются по рукописным копиям следующим образом. Восемь писем пронумерованы как 1–8 аналогично нумерации в Henderson (1890). Ранее неизвестные копии, впервые обсуждающиеся в этой книге, помечены звездочкой. Письмо № 1 (на английском): PRO, SP 53/2, no. 62 (fos. 134–135v). Письмо № 2 (на английском): SP 53/2, no. 65 (fos. 139–142v). Письмо № 3 (на среднешотландском): *BL, Add. MS 48027, fo. 276r-v (копия в архиве Била с копии Сесила с копиями его примечаний в fo. 279v). Письмо № 3 (на французском): SP 53/2, no. 66 (fos. 143–144v). Письмо № 4 (на французском): CP 352/3. Письмо № 4 (на английском): CP 352/4. Письмо № 5 (на английском): *SP 53/2, no. 64 (fo. 138r v). Письмо № 5 (на французском — копия, предоставленная шотландцами): SP 53/2, no. 63 (fos. 136–137v). Письмо № 6 (на французском): CP 352/1 (наклонным шрифтом). Письмо № 6 (на английском): CP 352/2. Рукописных копий писем № 7 и 8 не сохранилось (тексты из печатных версий на шотландском из [Buchanan] (1572a), BL C.55.A.26). рукописные копии предполагаемых брачных контрактов между Марией и Босуэллом — из *BL, Add. MS 48027, fos. 277–279v; BL, Cott. MS, Calig. C.1, fo. 271 (предоставлено шотландцами, тот же почерк, что и в SP 53/2, no. 63). Сонеты из CUL, MS Oo.7.47, анализируются с образцом факсимиле в Davidson (2001).

Предполагаемое обнаружение компрометирующих писем Марии — из CSPS, Series 2 (1892–1899), vol. 1; Keith (1844–1850), vol. 2; Henderson (1890). Показания Морея под присягой — из BL, Cott. MS, Calig. C.1, fo. 354; заявление Мортона из BL, Add. MS

32091, fo. 216 (опубликовано в Henderson, appendix A). Протокол Сесила с его описанием ларца — из SP 53/2, no. 60. Важный меморандум Сесила от 14–15 декабря о сравнении документов из ларца и сверке почерков — из BL, Cott. MS, Calig. C.1, fos. 355–358v.

Первые заседания комиссии в Йорке и Вестминстере, в том числе резкая критика герцога Норфолка и графа Сассекса в адрес шотландской делегации и «писем из ларца» — из PRO, SP 53/2, nos. 5–10; 14–22; 55–60; BL, Cott., Calig. C.1, fos. 227–358v; BL, Add. MS 33531, fos. 41–70; CP 4/41, 42–43, 49–51; CP 138/44–48, 70–73; CP 155/123, 125, 128–129, 130–131, 140–144; CP 156/1–3, 7; CP 198/ 127; опубликовано в CSP Scotland (1898–1969), vol. 2; [Haynes and Murdin] (1740–1759), vol. 1; [Salisbury MSS] (1883–1976), vol. 1. Окончательные и исправленные обвинения против Марии, представленные Елизавете и Сесилу Мореем в «Book of Articles», — из BL, Add. MS. 33531, fos. 51–63.

Последние заседания комиссии в Вестминстере и Хэмптон-Корте — из CP 155/141–142, 143, 144; CP 156/1–2, 3, 5; BL, Cott. MS, Calig. C.1, fos. 317–358v; SP 53/2, nos. 55, 60, 74, 78, 81. Письмо Елизаветы Морею — из SP 53/2, no. 79. Доклады Ноллиса Елизавете — из CP 155/74; SP 53/2, no. 82; SP 53/3, no. 1. Письма Марии приведены в Labanoff (1844), vol. 2; Strickland (1844), vol. 1. Другие документы из архива Сесила — из [Haynes and Murdin] (1740–1759), vol. 1. Обзор документов из CP представлен в [Salisbury MSS] (1883–1976), vol. 1, а документов из PRO и Cott. Calig. C.1 — в CSP Scotland (1898–1969), vol. 2.

Записи из дневника Морея, посвященные передвижениям Марии и Босуэлла с 21 по 30 января 1567 г., опубликованы в Turner (1934), p. 166–167. Оригинальный рукописный доклад лорда Скроупа о поездке Босуэлла в Лиддесдей, где описана стычка Босуэлла с Элвудами в то время, когда он якобы получал письма из Эдинбурга, — из SP 59/12, fos. 175–176v.

Ни одна из современных работ не является исчерпывающей, но наиболее полезными для меня были Henderson (1890), Diggle (1960), Villius (1985). Работа Armstrong Davison (1965), с теорией «другой женщины», на которую опирается Fraser (1969), слишком фантастична, чтобы воспринимать ее серьезно. Информация о Французском Парисе и «признаниях», выбитых у него в Сент-Эндрюсе 9 и 10 августа 1569 г., — из BL, Cott. MS, Calig. C.1; BL, Cott. MS, Calig. B.9; BL, Add. MS 48027; Teulet (1859); Teulet (1862), vol. 2; Robertson (1863); Mahon (1930); Donaldson (1983). Черновик Сесила письма Елизаветы к Морею с требованием казни Париса — из SP 52/16, no. 52.

Глава 27

Письма Марии, в том числе к Кастельно, ее дяде кардиналу Лотарингскому и ее агенту в Париже — из Labanoff (1844), vols. 2–5, and 7. Письма с обращением к Екатерине Медичи и Карлу IX — из HEH, MSS HM 21712, 21716. Некоторые переведены в Turnbull (1845), другие в Strickland (1844), vol. 1, с документальным приложением к тому 2. Во время публикации Labanoff, вероятно, HEH, MS HM 21712 были неизвестны. Письмо Марии от 8 ноября 1582 г. о ее сыне опубликовано среди прочих документов в [Camden] (1624), p. 134 ff.

Организация двора и всей жизни Марии, в том числе ее слуги, одежда, еда, счета, охрана и надзор, физические упражнения и использование кареты после 1582 г., — все это реконструировано по Lodge (1791), vol. 2; Robertson (1863); [Mary, Queen of Scots] (1867); Morris (1874); Leader (1880); Lang (1905); Collinson (1987a). Миниатюры Марии с портретами семьи описаны в Way (1859) и перечислены в описи в Labanoff (1844), vol. 7. В Way один предмет ошибочно принят за два отдельных.

Впечатляющее исследование в Leader до сих пор является самым подробным и ценным для понимания того периода, когда тюремщиком Марии был Шрусбери; в этой работе полностью представлены главные документы из PRO, SP 53/3–13. Дополнительная информация о строгости режима, установленного Паулетом, — из архива Била в BL, Add. MS 48027.

Письма Нолла к Сесилу — из BL, Cott. MS, Calig. B.9, опубликованы в Strickland (1844), vol. 2. Рассказ о парикмахерском искусстве Марии Сетон — из fo. 345. Рассказ Николаса Уайта Сесилу о своем разговоре с Марией — из CP 155/100–102, опубликован в [Haynes and Murdin] (1740–1759), vol. 1.

Информация о здоровье Марии — из SP 53/3, nos. 62, 80, 83, 88, 105; SP 53/4, nos. 4, 58, 59, 63; Morris (1874); Leader (1880); Armstrong Davison (1965). Ее визиты в Бакстон описаны в Leader. Вышивание и изображения животных — из Swain (1986), Jones и Stallybrass (2000).

Подробности о домашних питомцах и о Бесс из Хардвика, в том числе так называемое скандальное письмо, — из Lodge (1791), vol. 2; Strickland (1888), vol. 2; Chamberlin (1925); Girouard (1996). Настенная драпировка и миниатюры Марии — из Cust (1903) и Strong (1983).

Глава 28

Письма Марии приведены в Labanoff (1844), vols. 3–7; некоторые переведены в Turnbull (1845), другие в Strickland

(1844), vols. 1–2. Самые важные фрагменты, касающиеся интриги с Гизами, испанцами и папой, были собраны и сопоставлены Билом, выводы которого в BL, Add. MS 48049 предлагают ценный указатель на фрагменты, которые считали компрометирующими. О роли Уолсингема см. Read (1925b), vol. 2; Read (1960), vol. 2; Bossy (2001). Ценная информация о европейской дипломатии Марии содержится в Chéruel (1858), а также в Castelnau (1838). События в Шотландии и дипломатические переговоры, которые привели к признанию Елизаветой Якова королем Шотландии, восстановлены по Chéruel (1858); Read (1925b), vol. 2; Basing (1994); Croft (2003).

Мой рассказ о заговоре Ридольфи основан в основном на выдающейся работе Parker (2002). Дополнительные подробности — из (1968); Alford (1998a); Lockie (1954); Beckett (2002). В Mignet (1852), vol. 2, appendix L представлены намерения Филиппа и советы, которые он получал.

Предупреждение Норфолка Сесилу — из PRO, SP 53/2, no. 19. Его письма к Морею, о втором из которых стало известно, — из BL, Cott. MS, Calig. C.1, fos. 429, 434; NLS, Advocates MS 31.2.19, fos. 235, 245. Предпосылки интриги с браком — из [Haynes and Murdin] (1740–1759), vol. 1. Другие фрагменты писем Марии к Норфолку — из [Nau] (1883). Подаренный бриллиант — из письма Марии от 23 ноября 1586 г. к Мендосе, опубликованного в Labanoff (1844), vol. 6. Письмо Сесила к Шрусбери от 5 сентября 1571 г. — из Lambeth, MS 3197, fos. 33–36. Перехваченное письмо Марии к своим иностранным сторонникам — из BL, Add. 48049, fos. 266–267, опубликовано в Basing (1994).

Визит Сесила в Чатсуорт — из BL, Add. 48049, fo. 157; Read (1960). Совет Нокса — из PRO, SP 52/17, no. 3. Роль Уилсона в «Расследовании» — из Mahon (1923) и комментариев к документам в SP 53; то, что я назвал сигнальным экземпляром, вероятно, было «первым изданием», предназначенным только для Тайного совета. Издание на имитации шотландского языка — из BL, G.1724 (1), HEH 59850. Согласно надписи на титульном листе, эта книга была «переведена с латинского текста, написанного Д[жорджем] Б[ьюкененом]». Но Бьюкенен жаловался на «чрезмерную назойливость моих друзей», которые «поспешили опубликовать то, что еще не готово увидеть свет». Редакторы «изменили многие вещи и исказили другие согласно своим представлениям». В конечном счете Сесил был вынужден признать, что книга была «написана» Бьюкененом «не от себя, не от своего имени, а согласно инструкциям, которые были даны ему… лордами Тайного совета Шотландии».

Записка Сесила накануне созыва парламента в 1572 г. — из

BL, Cott. MS, Calig. C.3, fos. 457–460. Речи в парламенте — из [Proceedings in Parliament] (1981–1995), vol. 1; Neale (1953–1957), vol. 1; Collinson (1987a). Использование Киллигрю и Била Сесилом и Уолсингемом установлено в Taviner (2000). Мой рассказ о шотландской политике основан на Chéruel (1858), а также некоторых документах из [Haynes and Murdin] (1740–1759), vol. 2. Миссии Била в Шеффилд объяснены в Basing (1994), где опубликованы материалы из BL, Add. MS 48049.

Вербовка Уолсингемом Ферона — из Bossy (2001). Упоминаемые мной письма Марии, которые попадали к Уолсингему через «крота», — SP 53/13, no. 1, и BL, Harleian MS 1582, fos. 311–313. Договор об Ассоциации — из PRO, SP 12/174/1–11, 14–18; BL, Add. MS 48027, fos. 248–251v. Договор и Акт о безопасности королевы опубликованы в Howell (1816), vol. 1, и подробно рассмотрены в Neale (1953–1957), vol. 2; Cressy (1982). Черновики Сесила для акта и его планы квазиреспубликанского регентского совета, чтобы исключить Марию из числа наследников престола, — из CP 205/128; CP 210/17; PRO, SP 12/176/22, 28–30; HEH, Ellesmere MS 1192, подробно обсуждаются в Collinson (1987b) и (1995), и Guy (1995). Парламентские дебаты — из [Proceedings in Parliament], vol. 2.

Глава 29

Письма Марии — из Labanoff (1844), vols. 6–7; Turnbull (1845); Strickland (1844), vol. 2. Письма Паулета к Уолсингему и Сесилу опубликованы в Morris (1874). Рассказ о заговоре Бабингтона основан на выдающейся работе Pollen (1922), где опубликованы большинство документов. В Bossy (2001) представлен краткий обзор, особенно ценный в том, что касается французского посольства. Доклад Шатонёфа Генриху III — из Turnbull (1845). Общая обстановка — из Read (1925b), vol. 3, и Read (1955), vol. 2. Ключевые документы заговора Бабингтона — из PRO, SP 53/18, nos. 32–34, 38, 48, 51–56, 61; SP 53/19, nos. 9–12. Так называемое «письмо с виселицей» — SP 53/18, no. 53; копия поддельного постскриптума — SP 53/18, no. 55, проанализирована в Read (1909).

Перевод Марии в Тиксолл, конфискация документов и денег, арест ее секретарей — в основном из Morris (1874) и Chantelauze (1876). Независимое свидетельство д'Эсневаля, французского посла в Шотландии, опубликовано в Morris. И наконец, в Scott (1905) предлагается краткое изложение рассказа Бургойна, к которому следует относиться с осторожностью.

Возвращение Марии в Чартли — из Morris (1874) и Strickland (1844), vol. 2. Подготовка к суду над ней реконструирована из

Ellis (1824–1836), 1st series, vol. 3; Morris (1874); Read (1955), vol. 2.

Слушания в Фотерингее и в «Звездной палате» — из BL, Add. MS, 48027, fos. 492–510, 540–554, 557v-68; BL, Cott. MS, Calig. C.9, fos. 477–495; BL, Harleian MS 290; Howell (1816), vol. 1; [Salisbury MSS] (1883–1976), vol. 3; Chantelauze (1876). Подготовительный рисунок Сесила, из BL, Cott. MS, Calig. C.9, fo. 635, опубликован в Dack (1889). Рисунок Била, иллюстрирующий происходящее (не слишком точный), — из BL, Add. MS 48196 C, art. 7 (ранее Add. MS 48027, fo. 569).

Сессия парламента в 1586 г. — из [Proceedings in Parliament] (1981–1995), vol. 3; Neale (1953–1957), vol. 2. Дебаты о формулировке петиции подробно реконструированы в Heisch (1992); ключевые документы — HEH, Ellesmere MS 1191; BL, Add. 48027, fos. 651–653; BL, Cott. MS, Calig. C.9, fos. 664–665.

Рассказ о спорах, как лишить Марию жизни, с помощью договора об Ассоциации или публичной казни, основан на документах из архива Била в BL, Add. 48027, fos. 636–641, 642–658v; Morris (1874); Nicolas (1823). Версия Била — из BL, Add. 48027, fos. 639v-640, частично опубликована в Read (1925a). В реконструкции этих событий мне очень помогла работа Taviner (2000), великолепный рассказ о Биле, Дэвисоне и отправке смертного приговора, проясняющий роли Сесила и Уолсингема.

Сохранившиеся версии указа и сопроводительных писем к Шрусбери и Кенту — из BL, Add. MS 48027, fos. 643, 644, 645–666; Lambeth, Fairhurst MS. 4267, fos. 19–20; Sotheby's sale, London, 16 Dec. 1996, lots 40, 42; Ellis (1824–1846), 2nd series, vol. 3. Ключевые документы об отправке указа — из BL, Add. MS 48027, fos. 636–641; BL, Harleian MS 290; CP 164/9, опубликованы в [Salisbury MSS] (1883–1976), vol. 3; Nicolas (1823).

Глава 30

Сведения о здоровье Марии и воспоминания о ее казни — из Morris (1874). Существуют два источника информации о событиях ночи накануне казни. Один — это свидетельство Била в BL, Add. MS 48027, fos. 639v-641, 646v-649; второй — рассказ Бургойна, опубликованный в Chantelauze (1876). В них встречаются мелкие расхождения, которые я попытался разрешить. В Scott (1905) приводятся полезные подробности, но автор излишне доверяет Блэквуду и Джеббу. Завещание Марии и ее письмо Генриху, герцогу де Гизу — из Labanoff (1844), vol. 6; Strickland (1844), vol. 2. Ее последнее письмо к Генриху III — из NLS, Advocates MS 54.1.1.

Наиболее подходящий кандидат на латинский молитвенник,

который Мария взяла с собой на эшафот, — HEH, MS 1200. Это иллюстрированный часослов в темно-красном бархатном переплете с изящными бронзовыми застежками. Он не был специально изготовлен для Марии, а прислан в качестве подарка папой Пием V, когда ее держали в плену в Англии. На обложке написана фраза почерком Якова II (видна только в ультрафиолетовых лучах): «Эта книга принадлежала Марии, королеве Шотландии, и она взяла ее с собой на эшафот». Часослов вместе с другими документами из собрания Шотландского колледжа в Париже был куплен Чарльзом Мостином незадолго до Французской революции, а затем продан сэру Грегори Осборну Пейдж-Тёрнеру приблизительно в 1822 г.

Эпилог

Манифест о восшествии на престол Якова I — из Larkin and Hughes (1973), no. 1. Похороны Марии — из документов, опубликованных в Dack (1889) и Cust (1903). Гробницы в Вестминстерском аббатстве описаны в Woodward (1997) и Walker (1998). Записка Сесила от 31 августа 1559 г. — из BL, Lansdowne MS 4, fos. 26–27, опубликована как приложение 1 в Alford (1998a). Взгляды Елизаветы на монархию и права престолонаследия — из BL, Add. MS 32091, fos. 168v-169. Цитаты — из Dack (1889) и Camden (1630), последняя разъясняется в Collinson (1998a) и (2003).

Библиография

Первичные и вторичные печатные источники, приведенные в разделе «Библиография», представляют собой список работ, процитированных в тексте, а также включают книги и статьи, которые были использованы при подготовке этой книги.

Первоисточники

Ambrogini, A. (1520). Illustrium Virorum Epistolae (Paris).

Amyot, J. (1559). Les Vies des Hommes Illustres (Paris).

Anderson, J. (1727–1728). Collections Relating to Mary Queen of Scots, 4 vols. (Edinburgh).

[anon] (1571?–1572?). A treatise of treasons against Q. Elizabeth, divided into two partes [Louvain].

APC (1890–1964). Acts of the Privy Council of England, New Series, ed. J. R. Dasent et al., 46 vols. (London).

APS (1814–1875). Acts of the Parliament of Scotland, ed. Thomas Thomson and Cosmo Innes, 12 vols. (Edinburgh).

[Aylmer, John] (1559). An harborowe for faithfull and trewe subiectes, agaynst the late blowne blaste, concerninge the government of wemen (London).

[Buchanan, G.] (1571a). Ane admonitioun direct to the trew Lordis mantenaris of the kingis grace authoritie (Stirling).

— (1571b). De Maria Scotorum Regina totaque eius contra Regem coniuatione, foedo cum Bothuelio adulterio, nefaria in maritum crudelitate et rabie, horrendo insuper et deterrimo eiusdem parricidio: plean et tragica plane historia [London].

— (1571c). Ane Detectioun of the duinges of Marie Quene of Scottes, touchand the murder of hir husband, and her conspiracie, adulterie, and pretensed mariage with the Erle of Bothwell (London).

— (1572a). Ane Detectioun of the Doingis of Marie Quene of Scottis tuiching the Murther of hir husband, and hir Conspiracie, Adulterie, and pretensit Mariage with the Erle Bothwell (St Andrews).

— (1572?b). The copie of a letter written by one in London to his friend concernyng the credit of the late published detection of the doynges of the ladie Marie of Scotland [London].

— (1958). The Tyrannous Reign of Mary Stewart: George Buchanan's Account, ed. W. A. Gatherer (Edinburgh).

Caius, J. (1552). A Boke or Counseill against the Disease commonly called the Sweate or Sweating Sicknesse (London).

Calderwood, D. (1842–1849). The True History of the Church of

Scotland from the Beginning of the Reformation unto the End of the Reign of King James VI, 8 vols., Wodrow Society, no. 7 (Edinburgh).

[Camden, William] (1624). The Historie of the Life and Death of Mary Stuart, Queen of Scotland, tr. William Udall (London).

— (1630). The Historie of the Most Renowned and Victorious Princess Elizabeth, tr. R. Norton (London).

Castelnau, Michel de (1838). Mémoires de Michel de Castelnau, ed. J.-F. Michaud and J.-J.-F. Poujoulat, in Nouvelle Collection des Mémoires pour servir à l'Histoire de France, 1st series, vol. 9 (Paris).

[Cecil, W.] (1571). Salutem in Christo (London).

Chantelauze, M. R. (1876). Marie Stuart, Son Procès et son Exécution d'après le Journal Inédit de Bourgoing (Paris).

Complete Peerage (1987). The Complete Peerage of England, Scotland, Ireland, Great Britain and the United Kingdom by G.E.C[okayne], 6 vols. (Gloucester).

CPR (1939–1973). Calendar of Patent Rolls, 1558–1575, 6 vols. (London).

CSP Borders (1894–1896). Calendar of Letters and Papers Relating to the Affairs of the Borders of England and Scotland, 2 vols. (London).

CSP Scotland (1898–1969). Calendar of State Papers Relating to Scotland and Mary, Queen of Scots, 1547–1603, 13 vols. (London).

CSPD (1856–1872). Calendar of State Papers, Domestic: Edward VI, Mary, Elizabeth I, and James I, 12 vols. (London).

CSPF, Edward VI (1861). Calendar of State Papers, Foreign: Edward VI (London).

CSPF, Elizabeth (1863–1950). Calendar of State Papers, Foreign: Elizabeth, 23 vols. (London).

CSPF, Mary (1861). Calendar of State Papers, Foreign: Mary (London).

CSPS, Series 1 (1862–1954). Calendar of Letters, Despatches, and State Papers Relating to the Negotiations between England and Spain, 13 vols. (London).

CSPS, Series 2 (1892–1899). Letters and State Papers Relating to English Affairs Preserved Principally in the Archives of Simancas, 4 vols. (London).

CSPV (1864–1947). Calendar of State Papers and Manuscripts Relating to English Affairs, Existing in the Archives and Collections of Venice and in Other Libraries of Northern Italy, 38 vols. (London).

Dawson, J. (1997). Campbell Letters, 1559–1583 (Edinburgh).

Destray, P. (1924). Un Diplomate français du XVIe siècle, Philibert du Croc (Nevers).

Discours du Triumphe (1558). Discours du Triumphe faict au Mariage de François de Valois et Princesse Marie d'Estreuart (Paris).

Diurnal of Occurrents (1833). A Diurnal of Remarkable Occurrents that have passed within the Country of Scotland since the Death of King James IV till the Year 1575, Bannatyne Club (Edinburgh).

[Elizabeth I] (2000). Collected Works, ed. L. S. Marcus, J. Mueller, and M. B. Rose (Chicago and London).

Ellis, H. (1824–1846). Original Letters, Illustrative of British History, 3 series, 11 vols. (London).

[Feria's Dispatch, 1558] (1984). The Count of Feria's Dispatch to Philip II of 14 November 1558, ed. M. J. Rodríguez-Salgado and S. L. Adams // Camden Society, 4th series, 29 (London), 302–344.

Forbes, P. (1741). A Full View of the Public Transactions in the Reign of Queen Elizabeth or a Particular Account of all the Memorable Affairs of that Queen, 2 vols. (London).

Foreign Correspondence (1923). Foreign Correspondence with Marie de Lorraine, Queen of Scotland. From the Originals in the Balcarres Papers, 1537–1548, ed. M. Wood, Scottish History Society, 3rd series, vol. 4 (Edinburgh).

Foreign Correspondence (1925). Foreign Correspondence with Marie de Lorraine, Queen of Scotland. From the Originals in the Balcarres Papers, 1548–1557, ed. M. Wood, Scottish History Society, 3rd series, vol. 7 (Edinburgh).

Fouquelin, A. (1557). La Rhétorique françoise (Paris).

Frescoln, K. P. (1973–1974). A Letter from Thomas Randolph to the Earl of Leicester // Huntington Library Quarterly, 37, 83–88.

Grafton, Richard (1548). An epitome of the title that the kynges maiestie of Englande, hath to the sovereigntie of Scotlande, continued upon the auncient writers of both nacions, from the beginnyng (London).

Grose, F. (1791). The Antiquities of Scotland, 2 vols. (London).

Hamilton Papers (1890–1892). The Hamilton Papers. Letters and Papers Illustrating the Political Relations of England and Scotland in the Sixteenth Century, 2 vols. (London).

[Haynes and Murdin] (1740–1759). A Collection of State Papers… left by William Cecil, Lord Burghley, ed. S. Haynes and W. Murdin, 2 vols. (London).

HC 1509–1558 (1982). The House of Commons, 1509–1558, ed. S. T. Bindoff, 3 vols. (London).

HC 1558–1603 (1981). The House of Commons, 1558–1603, ed. P. Hasler, 3 vols. (London).

[Henry IV] (1614). L'Ordre des Ceremonies du Sacre et Couronnement du Très Chrestien Roy de France et de Navarre, Henry IIII (Tours).

[Hepburn, J.] (1829). Les Affaires du Conte de Boduel, L' An

MDLXVIII, ed. H. Cockburn and T. Maitland, Bannatyne Club, vol. 29 (Edinburgh).

Holinshed, R. (1587). The First and Second [and Third] Volumes of Chronicles, first collected by Raphael Holinshed, William Harrison and others, now newly augmented and continued to 1586 by John Hooker alias Vowell and others, 3 vols. (London).

Howell, T. B. (1816). A Complete Collection of State Trials and Proceedings for High Treason and other Crimes and Misdemeanours from the Earliest Period to the Year 1783, 21 vols. (London).

[James VI] (1825). The Historie and Life of King James the Sext, Bannatyne Club, vol. 13 (Edinburgh).

Keith, R. (1844–1850). History of the Affairs of Church and State in Scotland from the Beginning of the Reformation to the Year 1568, ed. J. P. Lawson, 3 vols., Spottiswoode Society, (Edinburgh).

Knox, John (1949). John Knox's History of the Reformation in Scotland, ed. W. C. Dickinson, 2 vols. (London and Edinburgh).

— (1994). On Rebellion, ed. R. A. Mason (Cambridge).

Labanoff, A. (1839). Lettres Inédites de Marie Stuart 1558–1587 (Paris).

— (1844). Lettres, Instructions et Mémoires de Marie Stuart, Reine d' Écosse; publiés sur les Originaux et les Manuscrits du State Paper Office de Londres et des Principales Archives et Bibliothéques de L'Europe, 7 vols. (London).

Larkin, J. F. and Hughes, P. L. (1973). Stuart Royal Proclamations, vol. I, 1603–1625 (Oxford).

Leicester's Commonwealth (1985). Leicester's Commonwealth. The Copy of a Letter Written by a Master of Arts of Cambridge (1584) and Related Documents, ed. D. C. Peck (Athens, Ohio).

[Lesley, John] (1569). A defence of the honor of the right high, right mighty, and noble princesse, Marie queene of Scotlande (Rheims).

Letters and Papers (1862–1932). Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII, ed. J. S. Brewer, J. Gairdner, and R. H. Brodie, 21 vols. in 32 parts, and Addenda (London).

[Lettres Inédites de Dianne de Poitiers] (1866). Lettres Inédites de Dianne de Poitiers, ed. G. Guiffrey (Paris).

Lodge, Edmund (1791). Illustrations of British History, Biography, and Manners, in the Reigns of Henry VIII, Edward VI, Mary, Elizabeth, and James I, Exhibited in a Series of Original Papers, 3 vols. (London).

[Mary, Queen of Scots] (1867). Accounts and Papers Relating to Mary, Queen of Scots, ed. A. J. Crosby and J. Bruce, Camden Society, 1st series, vol. 93 (London).

[—] (1960). The Execution of Mary, Queen of Scots, ed. G. R. Batho // Scottish Historical Review, 39, 35–42.

Médicis, Catherine de (1880–1963). Lettres de Catherine de Médicis, ed. Hector de la Ferrière, 11 vols. (Paris).

Melville, J. (1827). Memoirs of His Own Life, by Sir James Melville of Halhill, ed. T. Thomson, Bannatyne Club, vol. 18 (Edinburgh).

Montaiglon, A. de (1855). Latin Themes of Mary Stuart, Warton Club (Edinburgh).

Morris, J. (1874). The Letter-Books of Sir Amias Poulet, Keeper of Mary Queen of Scots (London).

[Nau, C.] (1883). The History of Mary Stewart from the Murder of Riccio until her Flight into England, ed. J. Stevenson (Edinburgh).

[Négociations] (1841). Négociations, Lettres et Pièces Diverses relatives au Règne de François II (Paris).

Nicolas, N. H. (1823). Life of William Davison, Secretary of State and Privy Counsellor to Queen Elizabeth (London).

Paradin, C. (1557). Devises Heroiques (Lyon).

PCS, 1st Series (1877–1898). The Register of the Privy Council of Scotland (1545–1625), 1st series, ed. J. H. Burton and D. Masson, 14 vols. (Edinburgh).

Pollen, J. H. (1901). Papal Negotiations with Mary Queen of Scots during her Reign in Scotland, Scottish History Society, 1st series, vol. 37 (Edinburgh).

— (1904). A Letter from Mary Queen of Scots to the Duke of Guise, January 1562, Scottish History Society, 1st series, vol. 43 (Edinburgh).

— (1922). Mary Queen of Scots and the Babington Plot, Scottish History Society, 3rd series, vol. 3 (Edinburgh).

[Ponet, John] (1556). A short Treatise of Politike Pouuer, and of the true Obedience which subiectes owe to kynges and other civile Gouernours, with an Exhortacion to all true natural Englishe men (Strasburg).

[Proceedings in Parliament] (1981–1995). Proceedings in the Parliaments of Elizabeth I, ed. T. E. Hartley, 3 vols. (Leicester).

[Progresses of Elizabeth I] (1788–1805). The Progresses, and Public Processions, of Queen Elizabeth, ed. J. Nichols, 3 vols. (London).

Ptolemy (1490). Liber Geographiae, cum tabulis (Rome).

Read, C. (1909). The Bardon Papers: Documents Relating to the Imprisonment of Mary Queen of Scots, Camden Society, 3rd series, vol. 17 (London).

Revised CSPD, Edward VI (1992). Calendar of State Papers, Domestic Series, of the Reign of Edward VI, 1547–1553, revised edn., ed. C. S. Knighton (London).

Revised CSPD, Mary (1998). Calendar of State Papers, Domestic

Series, of the Reign of Mary I, 1553–1558, revised edn., ed. C. S. Knighton (London).

Robertson, J. (1863). Inventaires de la Royne d'Escosse, Douairiere de France, 1556–1569, Bannatyne Club, vol. 111 (Edinburgh).

[Royal Scottish Geographical Society] (1919). The Early Views and Maps of Edinburgh, 1544–1852 (Edinburgh).

[Ruthven, P.] (1891). The Murder of Riccio, being Lord Ruthven's Own Account of the Transaction, Holyrood Series (Edinburgh).

Sadler State Papers (1809). The State Papers and Letters of Sir Ralph Sadler, ed. Arthur Clifford, 2 vols. (Edinburgh).

[Salisbury MSS] (1883–1976). Historical Manuscripts Commission, Calendar of the Manuscripts of the Most Honourable the Marquis of Salisbury, 24 vols. (London).

[Scotland] (1718). Theatrum Scotiae: Containing the Prospects of His Majesties Castles and Palaces (London).

Scottish Correspondence (1927). The Scottish Correspondence of Mary of Lorraine. Including some Three Hundred Letters from 20 February 1542–1543 to 15 May 1560, ed. A. I. Cameron, Scottish History Society, 3rd series, vol. 10 (Edinburgh).

Selve, G. de (1543). Les Vyes de Huict Excellens Personnaiges Grecz et Romains (Paris).

State Papers (1830–1852). State Papers during the Reign of Henry VIII, 11 vols., Record Commission (London).

STC 2 (1976–1991). A Short-Title Catalogue of Books Printed in England, Scotland and Ireland, and of English Books Printed Abroad, ed. W. A. Jackson, F. S. Ferguson, and K. F. Pantzer, 2nd edn., 3 vols. (London).

Stevenson, J. (1837). Selections from Unpublished Manuscripts in the College of Arms and the British Museum illustrating the Reign of Mary, Queen of Scots, 1543–1568, Maitland Club, vol. 41 (Glasgow).

Strickland, A. (1844). Letters of Mary, Queen of Scots and Documents connected with her Personal History, 2nd edn., 2 vols. (London).

Tennyson, A. (1894). The Works of Alfred Lord Tennyson (New York and London).

Teulet, A. (1859). Lettres de Marie Stuart (Paris).

— (1862). Relations Politiques de la France et d'Espagne avec l'Écosse au XVIe siècle, 5 vols. (Paris).

Turnbull, W. (1845). Letters of Mary Stuart, Queen of Scotland (London).

Weber, B. C. (1969). The Marriage of Mary Queen of Scots to Francis the Dauphin of France 1558 (Greenock).

Wood, M. A. (1846). Letters of Royal and Illustrious Ladies of

Great Britain, 3 vols. (London).

Вторичные источники

Adams, S. L. (1973). The Protestant Cause: Religious Alliance with the West European Calvinist Communities as a Political Issue in England, 1585–1630. Unpublished Oxford D. Phil. dissertation.

— (1987). The Release of Lord Darnley and the Failure of the Amity // Innes Review, 38, 123–153.

— (1991). Favourites and Factions at the Elizabethan Court // Princes, Patronage and the Nobility: the Court at the Beginning of the Modern Age c. 1450–1650, ed. R. G. Asch and A. M. Birke (Oxford), 265–287.

Alford, S. (1996). William Cecil and the British Succession Crisis of the 1560s. Unpublished St Andrews Ph. D. dissertation.

— (1997). Reassessing William Cecil in the 1560s // The Tudor Monarchy, ed. John Guy (London), 233–252.

— (1998a). The Early Elizabethan Polity: William Cecil and the British Succession Crisis, 1558–1569 (Cambridge).

— (1998b). Knox, Cecil and the British Dimension of the Scottish Reformation // John Knox and the British Reformations, ed. R. A. Mason (Aldershot), 201–219.

Armstrong Davison, M. H. (1965). The Casket Letters: A Solution to the Mystery of Mary Queen of Scots and the Murder of Lord Darnley (London).

Axton, Marie (1977). The Queen's Two Bodies: Drama and the Elizabethan Succession Question (London).

Barwick, G. F. (1901). A Book Bound for Mary Queen of Scots, Bibliographical Society (London).

Basing, P. (1994). Robert Beale and the Queen of Scots // British Library Journal, 20, 65–82 Bassnett, Susan (1988). Elizabeth I: a Feminist Perspective (New York).

Beckett, M. (2002). The Political Works of John Lesley, Bishop of Ross. Unpublished St Andrews Ph. D. dissertation.

Bernard, G. W. (2000). Amy Robsart' in Power and Politics in Tudor England, ed. G. W. Bernard (Aldershot), 161–174.

[Bibliothèque Nationale] (1931). Collection de Manuscrits, Livres, Estampes et Objects d'Art Relatifs à Marie Stuart, Reine de France et d'Écosse (Paris).

Bonner, E. (1996). The Recovery of St Andrews Castle in 1547: French Naval Policy and Diplomacy in the British Isles. English Historical Review, 111, 578–598.

— (1998). The French Reactions to the Rough Wooings of Mary,

Queen of Scots // Journal of the Sydney Society for Scottish History, 6, 1–161.

— (1999a). The Politique of Henri II. De Facto French Rule in Scotland, 1550–1554 //Journal of the Sydney Society for Scottish History, 7, 1–107.

— (1999b). Scotland's «Auld Alliance» with France, 1295–1560 // History, 84, 5–30

Bossy, J. A. (1959). English Catholics and the French Marriage, 1577–1581' Recusant History, 5, 2–16.

— (1975). The English Catholic Community, 1570–1850 (London).

— (2001). Under the Molehill. An Elizabethan Spy Story (New Haven and London).

Bowler, G. (1984). An «Axe or an Act»: the Parliament of 1572 and Resistance Theory in Early Elizabethan England // Canadian Journal of History, 19, 349–359.

[British Medical Journal] (1968). Porphyria: a Royal Malady, British Medical Association (London).

Bryce, W. M. (1907). Mary Stuart's Voyage to France in 1548 // English Historical Review, 22, 43–50.

Burns, J. H. (1992). Lordship, Kingship and Empire: the Idea of Monarchy, 1400–1525 (Oxford).

— (1993). George Buchanan and the Anti-Monarchomachs // Political Discourse in Early Modern Britain, ed. N. Phillipson and Quentin Skinner (Cambridge), 3–22.

— (1996). The True Law of Kingship: Concepts of Monarchy in Early-Modern Scotland (Oxford).

Cameron, J. (1998). James V. The Personal Rule, 1528–1542 (East Linton).

Carroll, S. (1998). Noble Power during the French Wars of Religion: the Guise Affinity and the Catholic Cause in Normandy (Cambridge).

Chamberlin, F. (1925). The Private Character of Queen Elizabeth (New York).

Chéruel A. (1858). Marie Stuart et Catherine de Médicis (Paris).

Collinson, P. (1987a). The English Captivity of Mary Queen of Scots (Sheffield).

— (1987b). The Monarchical Republic of Queen Elizabeth I // Bulletin of the John Rylands University Library of Manchester, 69, 394–424.

— (1995). The Elizabethan Exclusion Crisis // Proceedings of the British Academy, 84, 51–92.

— (1998a). One of Us? William Camden and the Making of History // Transactions of the Royal Historical Society, 6th series, 8,

139–163.

— (1998b). John Knox, the Church of England and the Women of England // John Knox and the British Reformations, ed. R. A. Mason (Aldershot), 74–96.

— (2003). William Camden and the Anti-Myth of Elizabeth: Setting the Mould? // The Myth of Elizabeth, ed. S. Doran and T. S. Freeman (London), 79–98.

Cowan, I. B. (1972). The Enigma of Mary Stuart (London).

— (1987a). Mary Queen of Scots (Edinburgh).

— (1987b). The Roman Connection: Prospects for Counter-Reformation during the Personal Reign of Mary, Queen of Scots, Innes Review, 38, 105–122.

Crane, Mary T. (1988). «Video et Taceo»: Elizabeth I and the Rhetoric of Counsel // Studies in English Literature, 28, 1–15.

Cressy, D. (1982). Binding the Nation: the Bonds of Association, 1584 and 1696 // Tudor Rule and Revolution, ed. D. J. Guth and J. W. McKenna (Cambridge), 217–234.

Croft, P. (2003). King James (London).

Croze, Joseph de (1866). Les Guises, Les Valois et Philippe II, 2 vols. (Paris).

Cust, L. (1903). Notes on the Authentic Portraits of Mary Queen of Scots (London).

Dack, C. (1889). The Trial, Execution and Death of Mary Queen of Scots (Northampton).

Davidson, P. (2001). The Casket Sonnets: New Evidence concerning Mary Queen of Scots // History Scotland, 1:1, 28–34.

Dawson, J. (1986). Mary Queen of Scots, Lord Darnley and Anglo-Scottish Relations in 1565 // International History Review, 8, 1–24.

— (1989). William Cecil and the British dimension of early Elizabethan foreign policy // History, 74, 196–216.

— (1991). The Two John Knoxes: England, Scotland and the 1558 Tracts // Journal of Ecclesiastical History, 42, 556–576.

— (1995). Anglo-Scottish Protestant Culture and Integration in Sixteenth-Century Britain // Conquest and Union: Fashioning a British State, 1485–1725, ed. S. G. Ellis and S. Barber (London), 87–114.

— (2002). The Politics of Religion in the Age of Mary, Queen of Scots: The Earl of Argyll and the Struggle for Britain and Ireland (Cambridge).

Diggle, H. F. (1960). The Casket Letters of Mary Stuart. A Study in Fraud and Forgery (Harrogate).

Donaldson, G. (1969). The First Trial of Mary Queen of Scots (London).

— (1971). Scotland: James V to James VII (Edinburgh).

— (1974). Mary Queen of Scots (London).

— (1983). All the Queen's Men: Power and Politics in Mary Stewart's Scotland (London).

Doran, Susan (1996). Monarchy and Matrimony: the Courtships of Elizabeth I (London).

Drummond, H. (1975). The Queen's Man. James Hepburn, Earl of Bothwell and Duke of Orkney, 1536–1578 (London).

Duncan, T. (1905). The Queen's Maries // Scottish Historical Review, 2, 363–371.

Durkan, J. (1987). The Library of Mary Queen of Scots // Innes Review, 38, 71–104.

Edington, C. (1994). Court and Culture in Renaissance Scotland. Sir David Lindsay of the Mount (Amherst, MA).

Edwards, F. (1968). The Marvellous Chance: Thomas Howard, Fourth Duke of Norfolk, and the Ridolfi Plot, 1570–1572 (London).

Elton, G. R. (1977). Reform and Reformation: England, 1509–1558 (London).

Forbes-Leith, W. (1885). Narratives of Scottish Catholics under Mary Stuart and James VI (Edinburgh).

Fraser, A. (1969). Mary, Queen of Scots (London).

Froude, J. A. (1912). The Reign of Elizabeth, 5 vols. (London).

Garrisson, J. (1995). A History of Sixteenth-Century France, 1483–1598 (London).

Geddie, J. (1911). Romantic Edinburgh, 2nd edn. (London).

Girouard, M. (1996). Hardwick Hall (London).

Goodare, J. (1987). Queen Mary's Catholic Interlude // Innes Review, 38, 154–170.

— (1999) State and Society in Early Modern Scotland (Oxford).

Gore-Brown, R. (1937). Lord Bothwell (London).

Greengrass, M. (1987). Mary, Dowager Queen of France // Innes Review, 38, 171–194.

Guy, John (1988). Tudor England (Oxford).

— (1995). The Reign of Elizabeth I: Court and Culture in the Last Decade (Cambridge).

Harrison, J. (1919). The History of the Monastery of the Holy-Rood and the Palace of Holyrood House (Edinburgh and London).

Hay Fleming, D. (1897). Mary Queen of Scots from her Birth to her Flight into England (London).

Heisch, Alison (1992). Arguments for an Execution: Queen Elizabeth's «White Paper» and Lord Burghley's «Blue Pencil» // Albion, 24, 591–604.

Henderson, T. F. (1890). The Casket Letters and Mary Queen of Scots, 2nd edn. (Edinburgh).

Holmes, P. J. (1987). Mary Stewart in England // Innes Review, 38, 195–218.

Houlbrooke, R. A. (1994). Henry VIII's Wills: a Comment // Historical Journal, 37, 891–899.

Ives, E. W. (1994). Henry VIII's Will: the Protectorate Provisions of 1546–1547, Historical Journal, 37, 901–914.

— (1992). Henry VIII's Will: a Forensic Conundrum // Historical Journal, 35, 779–804.

Jackson, R. A. (1984). Vive le Roi! A History of the French Coronation from Charles V to Charles X (Chapel Hill and London).

Jollet, E. (1997). Jean et François Clouet (Paris).

Jones, A. R. and Stallybrass, P. (2000). Renaissance Clothing and the Materials of Memory (Cambridge).

Jordan, Constance (1987). Women's Rule in Sixteenth-Century British Political Thought // Renaissance Quarterly, 40, 421–451.

Kantorowicz, E. H. (1957). The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology (Princeton, NJ).

Knecht, R. J. (1984). French Renaissance Monarchy: Francis I and Henry II (London).

— (1989). The French Wars of Religion, 1559–1598 (London).

— (1994). Renaissance Warrior and Patron: the Reign of Francis I (Cambridge).

Lang, A. (1902). The Mystery of Mary Stuart (London).

— (1905). The Household of Mary, Queen of Scots in 1573 // Scottish Historical Review, 2, 345–355.

Leader, J. D. (1880). Mary Queen of Scots in Captivity: A Narrative of Events (Sheffield).

Levine, M. (1973). Tudor Dynastic Problems, 1460–1571 (London).

Lockie, D. McN. (1954). The Political Career of the Bishop of Ross, 1568–1580 // University of Birmingham Historical Journal, 4, 98–145.

Lynch, M. (1981). Edinburgh and the Reformation (Edinburgh).

— (1988). Mary Stewart, Queen in Three Kingdoms (Oxford).

— (1990). Queen Mary's Triumph: the Baptismal Celebrations at Stirling in December 1566 // Scottish Historical Review, 69, 1–21.

MacCaffrey, W. T. (1963). Elizabethan Politics: the First Decade, 1558–1568 // Past & Present, 24, 25–42.

— (1969). The Shaping of the Elizabethan Regime: Elizabethan Politics, 1558–1572 (London).

— (1981). Queen Elizabeth and the Making of Policy, 1572–1588 (Princeton, NJ).

— (1993). Elizabeth I (London).

— (1997) The Newhaven Expedition, 1562–1563 // Historical Journal, 40, 1–21.

MacKay, J. (1999). In My End is My Beginning. A Life of Mary,

Queen of Scots (Edinburgh).

Mackie, J. D. (1921). Queen Mary's Jewels // Scottish Historical Review, 18, 83–98.

Mahon, R. H. (1923). The Indictment of Mary Queen of Scots (Cambridge).

— (1930). The Tragedy of Kirk o'Field (Cambridge).

Marshall, R. K. (1977). Mary of Guise (London).

Mason, R. A. (1994). The Scottish Reformation and the Origins of Anglo-British Imperialism // Scots and Britons: Scottish Political Thought and the Union of 1603, ed. R. A. Mason (Cambridge), 161–186.

— (1998a). Kingship and the Commonweal: Political Thought in Renaissance and Reformation Scotland (East Linton).

— (1998b). Knox, Resistance and the Royal Supremacy // John Knox and the British Reformations, ed. R. A. Mason (Aldershot), 154–175.

— (2000). George Buchanan and Mary Queen of Scots // Records of the Scottish Church History Society, 30, 1–27.

McCullough, P. E. (1998a). Out of Egypt: Richard Fletcher's Sermon before Elizabeth I after the Execution of Mary Queen of Scots // Dissing Elizabeth. Negative Representations of Gloriana, ed. J. M. Walker (Durham, NC, and London), 118–149.

— (1998b). Sermons at Court: Politics and Religion in Elizabethan and Jacobean reaching (Cambridge).

Menin, M. (1727). The Form, Order and Ceremonies of Coronations (London).

— (1775). A Description of the Coronation of the Kings and Queens of France (London).

Merriman, M. (1987). Mary, Queen of France // Innes Review, 38, 30–52.

— (2000). The Rough Wooings. Mary Queen of Scots, 1542–1551 (East Linton).

Mignet, M. (1852). Histoire de Marie Stuart, 2 vols. (Paris).

Neale, J. E. (1934). Queen Elizabeth I (London).

— (1949). The Elizabethan House of Commons (London).

— (1953–1957). Elizabeth I and her Parliaments, 2 vols. (London).

Opie, Iona and Peter (1952). The Oxford Dictionary of Nursery Rhymes (Oxford).

Parker, G. (2002). The Place of Tudor England in the Messianic Vision of Philip II of Spain // Transactions of the Royal Historical Society, 6th series, 12, 167–221.

Perry, Maria (1990). The Word of a Prince: A Life of Elizabeth I from Contemporary Documents (Woodbridge).

Peyster, J. Watts de (1882). A Vindication of James Hepburn, Earl of Bothwell (Philadelphia)

— (1890). Mary Stuart, Bothwell and the Casket Letters [n.p.].

Phillips, J. E. (1941). The Background of Spenser's Attitude toward Women Rulers // Huntington Library Quarterly, 5, 5–32.

— (1948–1949). George Buchanan and the Sidney Circle // Huntington Library Quarterly, 2, 24–25.

— (1964). Images of a Queen: Mary Stuart in Sixteenth-Century Literature (Berkeley and Los Angeles).

Plattard, J. (1947). La Renaissance des Lettres en France de Louis XII à Henri IV (Paris).

Pollitt, Ronald (1985). The Defeat of the Northern Rebellion and the Shaping of Anglo-Scottish Relations // Scottish Historical Review, 64, 1–21.

Potter, D. (1983). The Duc de Guise and the Fall of Calais, 1557–1558 // English Historical Review, 98, 481–512.

— (1995a). A History of France, 1460–1560. The Emergence of a Nation State (London).

— (1995b). Foreign Policy // The Reign of Henry VIII: Politics, Policy and Piety, ed. D. MacCulloch (London), 101–134.

Read, C. (1913). Walsingham and Burghley in Queen Elizabeth's Privy Council // English Historical Review, 28, 34–58.

— (1925a). The Proposal to Assassinate Mary Queen of Scots at Fotheringhay // English Historical Review, 40, 234, 235.

— (1925b). Mr. Secretary Walsingham and the Policy of Queen Elizabeth, 3 vols. (Oxford).

— (1955). Mr. Secretary Cecil and Queen Elizabeth (London).

— (1960). Lord Burghley and Queen Elizabeth (London).

Régnier de la Planche, K. (1836). Histoire de L'Estat de France tant de la République de la Religion sous le Règne de François II (Paris).

Ritchie, P. E. (2002). Mary of Guise in Scotland, 1548–1560: a Political Career (Edinburgh).

Rodríguez-Salgado, M. J. (1990). The Changing Face of Empire: Charles V, Philip II and Habsburg Authority, 1551–1559 (Cambridge).

Romier, L. (1913–1914). Les Origines Politiques des Guerres de Religion, 2 vols. (Paris).

Rose, D. M. (1905). Mary Queen of Scots and her Brother // Scottish Historical Review, 2, 150–162.

Ruble, Alphonse de (1891). La Première Jeunesse de Marie Stuart (Paris).

Sanderson, M. H. B. (1986). Cardinal of Scotland: David Beaton, c.1494–1546 (Edinburgh).

Scarisbrick, D. (1995). Tudor and Jacobean Jewellery (London).

Schiern, F. (1880). The Life of James Hepburn, Earl of Bothwell (Edinburgh).

Scott, M. (1905). The Tragedy of Fotheringhay (Edinburgh and London).

Shephard, A. (1994). Gender and Authority in Sixteenth Century England: the Knox Debate (Keele).

Skinner, Q. (1978). The Foundations of Modern Political Thought, 2 vols. (Cambridge).

— (1996). Reason and Rhetoric in the Philosophy of Hobbes (Cambridge).

Stoddart, J. T. (1908). The Girlhood of Mary Queen of Scots (London).

Strickland, A. (1888). Life of Mary Queen of Scots, 2 vols. (London).

Strong, R. (1983). Artists of the Tudor Court. The Portrait Miniature Rediscovered, 1520–1620 (London).

Strong, R. and Oman, J. T. (1972). Mary Queen of Scots (London).

Swain, M. (1986). The Needlework of Mary Queen of Scots (Bedford).

Tannenbaum, S. A. and D. R. (1944–1946). Marie Stuart, Queen of Scots: A Concise Bibliography, 3 vols. (New York).

Taviner, M. (2000). Robert Beale and the Elizabethan Polity. Unpublished St Andrews Ph.D. dissertation.

Thorp, M. R. (1984). Catholic Conspiracy in Early Elizabethan Foreign Policy // Sixteenth Century Journal, 15, 431–448.

Thwaites, G., Taviner, M., and Gant, V. (1997). The English Sweating Sickness, 1485–1551 // New England Journal of Medicine, 336, 580–582.

Turner, G. (1934). Mary Stuart. Forgotten Forgeries, 2nd ed. (London).

Tytler, P. F. (1828–1842). History of Scotland, 8 vols. (Edinburgh).

Villius, H. (1985). The Casket Letters: A Famous Case Reopened // Historical Journal, 8, 517–534.

Walker, J. M. (1998). Bones of Contention: Posthumous Images of Elizabeth and Stuart Politics // Dissing Elizabeth. Negative Representations of Gloriana, ed. J. M. Walker (Durham, NC, and London), 252–276.

Way, A. et al. (1859). Catalogue of Antiquities, Works of Art and Historical Scottish Relics Exhibited in July 1856 (Edinburgh).

White, A. (1987). Queen Mary's Northern Province // Innes Review, 38, 53–70.

Williams, N. (1964). Thomas Howard, Fourth Duke of Norfolk

(London).

Woodward, J. (1997). The Theatre of Death. The Ritual Management of Royal Funerals in Renaissance England, 1570–1625 (Woodbridge).

Wormald, J. (1981). Court, Kirk and Community: Scotland, 1470–1625 (London).

— (1985). Lords and Men in Scotland. Bonds of Manrent, 1442–1603 (Edinburgh).

— (1988). Mary, Queen of Scots: A Study in Failure (London).

— (1993). Resistance and Regicide in Sixteenth Century Scotland // Majestas, 1, 67–87.

Благодарности

В моей работе мне очень помогли сотрудники Национального архива Шотландии в Эдинбурге, а также отдела специальных собраний Национальной библиотеки Шотландии. В Сент-Эндрюсском университете мне постоянно приходила на помощь Кристин Гасконь и ее коллеги из отдела редких рукописей и манускриптов. И отдельно я хочу поблагодарить попечительский совет за доступ и разрешение цитировать манускрипты из старой Библиотеки адвокатов и другие документы, хранящиеся в Национальной библиотеке Шотландии на Георг IV-Бридж.

За доступ к архивам Сесилов в Хэтфилд-хаус и разрешение цитировать я благодарен маркизу Солсбери и библиотекарю и архивисту Робину Харкорту Уильямсу. За доступ и разрешение цитировать манускрипты и редкие книги из Библиотеки Генри Хантингтона в Сан-Марино, Калифорния, я сердечно благодарю доктора Мэри Робертсон, главного куратора отдела рукописей, с которой по счастливой случайности я познакомился на Тюдоровском семинаре Джеффри Элтона в Кембридже около тридцати лет назад. Доктор Гейл Керн Пастер любезно предоставил мне разрешение ознакомиться с манускриптами и редкими книгами из Шекспировской библиотеки Фолджера в Вашингтоне, округ Колумбия, а также благодарю попечительский совет библиотеки.

Карты и генеалогические древа были нарисованы и оцифрованы Ричардом Гаем из Orang-Utan Productions по предоставленным мной наброскам. За поиск картин и получение диапозитивов я благодарю Шейлу Грегарти, чью квалификацию трудно переоценить. Мой коллега Стивен Олфорд из Кембриджа прочел весь черновой вариант рукописи, и я очень ценю наши продолжительные беседы. Профессор Майкл Линч с кафедры истории Шотландии Эдинбургского университета прочел неисправленные гранки и любезно предоставил замечания. Я благодарен ему за предложения и список исправлений в том, что касается Шотландии, а также я благодарен Рейчел Гай, которая читала постранично корректуру. И я несу полную ответственность за ошибки, которые могли остаться в тексте.

Я должен сделать два добавления к разделу «Библиография». Полный текст письма Рэндольфа к Дадли от 14 февраля 1566 г. был опубликован в Scottish Historical Review, 34 (1955), 135–139, а статья *A. A. MacDonald* Mary Stewart's Entry to Edinburgh: an Ambiguous Triumph // Innes Review, 42 (1991), 101–110 содержит дополнительные подробности о торжественном въезде 1561 г. в

Эдинбург.

Некоторых историков может огорчить, что я предпочитаю называть династию «Stuart», а не «Stewart». Но Мария сама называла себя «Stuart»; ее девиз «Sa Virtu m'Atire» представляет собой почти точную анаграмму, если фамилию писать как «Stuart». Беспорядочное использование разных написаний, «Stuart» и «Stewart», может вызвать раздражение читателя. Кроме того, я предпочитаю «Кер из Фодонсайда», а не «Керр» — то есть придерживаюсь орфографии манускриптов. И наконец, я последовал примеру Елизаветы I и Уильяма Сесила, называя «Арраном» Джеймса Гамильтона, 3-го графа Аррана, после того, как его отец, 2-й граф Арран, стал герцогом Шательро, хотя формально он стал графом Арраном только после смерти отца.

Я испытываю чувство благодарности и восхищения к Питеру Робинсону и Эмме Пэрри, моим агентам в Лондоне и Нью-Йорке, которые постоянно поддерживали меня и были уверены, что я напишу эту книгу и что у меня все получится. Они оба прочли рукопись и дали полезные советы. При подготовке книги, где интерпретация не менее важна, чем исследования в архивах, я понял, что многому научился у продюсеров Би-би-си, с которыми мне посчастливилось работать последние четыре года, особенно у Кэтрин Клей, Дика Тейлнора и Джейн Макуильямс.

Я в огромном долгу перед Кортни Ходелл и Ником Дэвисом, моими редакторами в издательстве Fourth Estate. Подробные и взыскательные комментарии Кортни к моему первому полному черновику были очень точны, побуждая и поощряя проявлять мои лучшие качества; вероятно, это лучший комплимент, который может сделать редактор автору. Для меня огромная честь издаваться в Fourth Estate, великодушно позволившем мне почти три года, не отвлекаясь, работать над книгой, что создало почти идеальные условия для творчества. За помощь в процессе редактирования и выпуска книги я хочу также поблагодарить Наташу Кеннеди, Майкла Кокса и Луиз Такер.

Я выражаю сердечную благодарность своим бывшим студентам из Сент-Эндрюсского университета, а также нынешним студентам из Кембриджа за их вклад в семинары и контрольные работы, где Мария Стюарт появлялась чаще, чем следовало бы. Я многим обязан Фионе Александер, которая сразу же поняла, что загадочный «предмет», который Мария держит в левой руке на карикатуре с русалкой и зайцем и который раньше никому не удалось объяснить, — это свернутая сеть. Фрэнсис и Дэвид Уотерс неизменно подбадривали меня, удивительно точно предсказав дату, когда я представлю окончательный вариант рукописи и заказав билеты на «Свадьбу Фигаро» Моцарта на следующий

вечер.

Но самое главное — моя жена Джулия приняла присутствие Марии, что, наверное, напоминало «жизнь втроем», и проявляла бесконечное терпение. Она внимательно изучала бесчисленные черновики, десятки раз читала некоторые главы, обсуждала Марию в любое время дня и ночи. Такое же терпение проявила и моя дочь Эмма, которая никогда не жаловалась, что почти не видит отца, и просто поддразнивала насчет времени, когда же он закончит «книгу». Люси, Сузи и Джемма иногда запускали свои лапы в дела Марии — чаще, чем мне бы хотелось, — но именно это возвращало меня к реальности.

Джон Гай

Клэр-колледж,

Кембридж, 24 октября 2003 г.

Джон Гай
Биографический очерк

Детство Джона Гая было наполнено музыкой. В шесть лет он играл на пианино, в двенадцать освоил орган, а в шестнадцать стал почти профессионалом. Во время учебы в Кембридже и позже, когда он работал в Бристоле, Джон занимался по три или четыре часа в день и давал пять или шесть концертов в год.

«Это было время Терстона Дарта и Сюзи Джинс, — вспоминает он. — Они заново открыли, как нужно играть старинную музыку. Дарт был выдающимся музыковедом из Королевского колледжа Лондона, а с Джинс я познакомился, когда работал в архиве. Я помогал ей ориентироваться в архиве, а она давала мне уроки игры на органе».

Джинс училась в Вене у преподавателей, которые, в свою очередь, обучались у учеников самого Баха. Она была частью музыкального наследия, и на Гая это произвело огромное впечатление. Однако на поддержание высокого исполнительского уровня требовалось слишком много времени. В 1985 г. Гай завершил музыкальную карьеру. «Поначалу мне очень не хватало выступлений, — признается он. — Но теперь я об этом мало думаю. Возможно, потом я вернусь к музыке, но не теперь».

Гай был единственным ребенком в семье. Он родился в Австралии, а в возрасте трех лет вместе с отцом, талантливым инженером, и матерью переехал в Великобританию. Четыре года спустя его родители развелись, и он с матерью переехал из Уотфорда в Литам-Сент-Аннес, где учился в школе короля Эдуарда VIII. В семнадцать лет он решил стать ученым. «Школьная библиотека была достаточно современной, чтобы выписывать журнал „Прошлое и настоящее“ (Past and Present). Именно там я прочел дискуссию между Джеффри Элтоном и его критиками относительно тюдоровской революции в правительстве. Тогда же я понял, что хочу стать историком».

Гай поступил в Клэр-колледж, получив открытую стипендию — потому что это был колледж Элтона. «В первый же день я понял, что это именно то место, где я хотел быть, и именно то дело, которым я хотел заниматься», — вспоминает он. Тем не менее только на третий год обучения он смог записаться на специальный курс, который читал Элтон, «Томас Кромвель и принуждение к реформации Генриха». Затем под руководством Элтона он защитил докторскую диссертацию, посвященную кардиналу Уолси, что позволило ему получить доступ к

различным архивам и библиотекам, где хранились материалы о Тюдорах.

В то время университеты сокращали расходы, и преподавательских вакансий в них было мало. Поэтому Гай устроился работать помощником архивиста в Государственном архиве. «Тогда я думал, что это запасной вариант, но на самом деле это было замечательно. Я смог взглянуть на архивы изнутри и в результате теперь знаю, как ими пользоваться. Я научился руководствоваться принципом: пока есть хоть малейший шанс что-то найти, нужно продолжать поиски. Довольно часто искомое находится в неожиданном месте, и поэтому следует брать оригинальный реестр и начинать с номера документа». Затем Гай начал читать лекции, от Бристоля до Америки, пока в 1991 г. не получил должность заведующего кафедрой современной истории в Сент-Эндрюсском университете, где впоследствии занимал должности директора школы истории и международных отношений, ректора и вице-президента по науке, а сейчас является почетным профессором.

В 2001 г. Гай решил ограничить преподавание, чтобы сосредоточиться на литературной деятельности и выступлениях на радио и телевидении. В 1990 г. он опубликовал свой бестселлер «Англия Тюдоров» (Tudor England), который разошелся тиражом более четверти миллиона экземпляров. За книгой последовали статьи в «Оксфордской истории Британии» (Oxford History of Britain). В 2000 г. Гай опубликовал, одну за другой, две книги: «Томас Мор» (Thomas More) и «Тюдоры: Очень краткое введение» (The Tudors: A Very Short Introduction). К нему обратилась компания Би-би-си с просьбой помочь с исследованиями, и в процессе работы с архивами он понял, что ни один историк систематически не изучал рукописные документы, имеющие отношение к Елизавете I и шотландской королеве Марии. «Я осознал, что это серьезная тема, которую все считали глубоко изученной, тогда как на самом деле они опирались на узкую базу печатных источников».

Потребовалось три года упорных исследований и двадцать восемь лет знакомства с предметом, чтобы в результате получилась эта книга. «Я не смог бы ее написать, если бы не работал с Би-би-си, — признает Гай. — Я научился преподносить материал максимально широкой аудитории, фокусируясь на персонаже, отношениях и точке зрения». Он также решил рассказать историю словами самих действующих лиц.

«Историки полагали, что противоречивость лишает рассказы подлинности. Они либо брали фрагменты и пытались примирить их, либо полностью лишали слова действующих лиц. Я же

попытался использовать рассказы персонажей как средство, помогающее читателю понять их».

Закончив книгу, Гай понял, что ему нравится писать биографии. Он продолжает читать лекции в Клэр-колледже, но обрел свободу, став фрилансером. Работая над биографией Томаса Мора, он одновременно участвовал в телевизионных проектах, предлагая новый взгляд на историю.

Фанни Блейк

Краткие сведения

Родился: Уоррагул, Виктория, Австралия, 1949

Образование: Школа короля Эдуарда VIII, Литам-Сент-Аннес; Клэр-колледж, Кембридж

Карьера: помощник архивиста, историк, преподаватель, профессор

Книги: «Англия Тюдоров» (Tudor England) (OUP, 1990), «Томас Мор» (Thomas More) (Arnold, 2000), «Тюдоры: очень краткое введение» (The Tudors: A Very Short Introduction) (OUP, 2000); а также соавтор книги «Елизавета I: двор и культура в последнее десятилетие правления» (The Reign of Elizabeth I: Court and Culture in the Last Decade) (CUP, 1995) и других

Десять любимых книг

1. *Грэм Грин.* Сила и слава
2. *Александр Солженицын.* Один день Ивана Денисовича
3. *Г. Дж. Уэллс.* История господина Полли
4. *Джордж Оруэлл.*1984
5. *Чарльз Диккенс.* Холодный дом
6. *Симон Шама.* Граждане
7. *Томас Мор.* Утопия
8. *Виктор Гюго.* Отверженные
9. *Эрик Хобсбаум.* Век революции: 1789–1848
10. *Дэвид Лодж.* Хорошая работа

Вопросы и ответы

Как вы себе представляете абсолютное счастье?

Лежать на берегу Женевского озера с бокалом белого вина в руке.

Чего вы больше всего боитесь?
Что не смогу больше писать.

Назовите что-то одно, что улучшит качество вашей жизни.
Секретарь.

Какой самый важный урок преподала вам жизнь?
Использовать возможности, которые она вам дарит.

Кто из писателей оказал на вас самое сильное влияние?
Грэм Грин, своей способностью описывать персонажи несколькими простыми словами.

Что бы вы взяли с собой на необитаемый остров?
Новый национальный биографический словарь.

Куда вы идете за вдохновением?
В архив.

Какую книгу вы хотели бы написать?
«Тайное знание Дэвида Хокни». Я хотел бы быть историком искусства с грандиозной теорией, влияющей на то, как мы воспринимаем европейскую живопись.

Над чем вы теперь работаете?
Над книгой о Томасе Море и его семье — глазами его дочери Маргарет.

О работе над этой книгой

Работа над «Англией Тюдоров» заставила меня задуматься над политикой Елизаветы глубже, чем когда-либо прежде. Я был заворожен внутренними противоречиями религиозного соглашения 1559 г., неявными связями между Тайным советом и кругом приближенных Сесила в парламенте, обращенной внутрь политикой 1590 гг., а главное, рабочими отношениями между Елизаветой и Сесилом.

Затем Патрик Коллинсон, ведущий специалист по елизаветинским временам, избранный преемником Элтона в должности профессора королевской кафедры в Кембридже, опубликовал свое историческое эссе о «монархическом республиканстве» Елизаветы. Он пришел к выводам, которые полностью совпадали с моими. Я понимал, что наткнулся на нечто «горячее». Но на что именно? И где находятся документы, связанные с политикой Елизаветы, особенно те, которые касаются Британских островов? Совершенно очевидно, что не в State Papers Domestic, где можно найти только административные документы, а также несколько самых неинтересных записок Сесила.

К тому времени я уже понял, что Сесил был одержим Шотландией и Марией Стюарт — для него она была не просто «угрозой», появлявшейся каждые три или четыре года, а настоящей навязчивой идеей. На протяжении тридцати лет Сесил каждое утро просыпался с неприятной мыслью, что «SQ» — королева Шотландии, как он обезличенно ее называл, — все еще жива. Документы свидетельствуют, что «Мария» и «Шотландия» должны были в значительной степени определять политику Елизаветы.

Мое мнение о Сесиле определила его докладная записка, написанная накануне созыва парламента в 1572 г. Мария тогда была в плену в Англии — ее держали под домашним арестом в Шеффилде. Сесил хотел, чтобы она была приговорена к смерти парламентом и казнена за предполагаемое участие в заговоре Ридольфи. В докладной записке Сесил укоряет Елизавету, свою королеву, за ее «сомнительное обращение с королевой Шотландии». Его анализ — решительная атака на все неверные, по его мнению, действия Елизаветы с тех пор, как она взошла на престол, а таковых было много, и все были связаны с его мнением о Марии.

Главной ошибкой был отказ выйти замуж. Результатом стали опасности, как дома, так и за границей, что вызвало «неловкость» и растерянность среди ее подданных и слуг. Было бы гораздо

лучше, если бы Елизавета последовала примеру Марии, вышла замуж и принесла стране наследника мужского пола.

Далее, писал Сесил, Елизавета потратила последние тринадцать лет, помогая католикам избежать обязательств и наказаний, предусмотренных религиозным соглашением, и поворачиваясь спиной к протестантам. Своими действиями она посеяла ветер — и пожнет бурю.

Елизавета «с самого начала», продолжал Сесил, относилась к Марии так, словно «она стремится завоевать ее добротой и милосердием…» Она была чрезмерно уступчивой, и это главная ошибка. Мария слишком популярна в Англии. «Большое число» подданных считают ее законной наследницей Елизаветы, и для многих она даже «законная королева». «Она ежедневно отвращает от Ее Величества сердца подданных…» Она чрезвычайно опасна.

Когда я читал эту записку, до меня наконец-то дошло. Между Елизаветой и Сесилом существовал идеологический раскол относительно шотландских дел. Несмотря на способность к совместной работе почти по всем вопросам, в том, что касалось Шотландии и Марии, Елизавета и ее первый министр занимали непримиримые позиции. Если в спорах о престолонаследии Сесил ставил протестантскую веру выше наследственных прав, то Елизавета придерживалась противоположного мнения. В отношении Марии и Шотландии Елизавета решительно выступала против того, чтобы религиозные условия Сесила брали верх над законными правами престолонаследия.

Елизавета стремилась к династическому примирению с Марией. Да, она всегда отказывалась назвать Марию своей наследницей. Но была готова защищать ее права. Вот почему Сесил несколько раз пытался провести в парламенте закон, навсегда исключавший Марию из числа наследников престола. Именно один из черновиков этого закона дал Коллинсону основания назвать Сесила квазиреспубликанцем — его политические взгляды предвосхищали Славную революцию 1688–1689 гг., когда был свергнут Яков II, и парламент вместе с пэрами установил протестантскую монархию в ущерб наследственным правам.

Традиционная модель описывала Елизавету и Марию как «соперниц», и этим ограничивалась. Конечно, Елизавета хотела диктовать условия и возражала против браков Марии. Но у королев было гораздо больше общего, чем допускает эта модель. Обе защищали идеал монархии; они были — если допустимо такое необычное сравнение — полноправными членами профсоюза монархов. Каждая видела опасность в том, что религия будет определять ее политику, и искренне

расстраивалась, видя, что главные советники по обе стороны границы пытаются подорвать их идеи и подтолкнуть их в том направлении, в котором они не желают двигаться.

На этом этапе своих исследований я нашел необходимые документы, разбросанные по семи разным архивам в четырех странах. И по мере углубления в материал я понял, что с 1890-х ни один историк не предпринимал их систематического исследования. Некоторые документы не открывались с 1840 г. Масса потрясающих, сенсационных открытий ждала своего часа. К моему глубокому изумлению, мне удалось идентифицировать неизвестные рукописные копии двух знаменитых «писем из ларца», позволяющих по-новому взглянуть на величайшую историческую загадку раннего нового времени.

Я решил написать новую биографию Марии. Мне хотелось добраться до самой сути: увидеть женщину, выбор которой был понятным, а решения логичными, а не собрание стереотипов или удобных и плохо согласующихся друг с другом мифов. Я хотел рассказать историю Марии, по возможности предоставив слово ей самой, и одновременно показать, почему свидетельства других людей о тех же событиях разительно отличаются от ее точки зрения.

В моем проекте появился криминалистический аспект. Ключевые документы не всегда являются тем, чем кажутся на первый взгляд. Я смог показать, что некоторые из них были «исправлены» после вынужденного отречения Марии, чтобы оправдать действия ее врагов, обвиняя ее в преступлениях, которых она не совершала. Из ее писем выбирали отдельные страницы, изменяли даты и места, делали вставки — все это для того, чтобы обосновать обвинение в заговоре с целью убийства лорда Дарнли, второго мужа Марии.

Я понял, что у Марии не было мотива для его устранения. Она только что успешно завершила переговоры об основах нового династического соглашения с Елизаветой, признававшего ее право престолонаследия. Убийство Дарнли сорвало бы сделку. В любом случае убийство Дарнли может быть раскрыто. Ответ кроется в архивах — если изучить все документы, а не только за неделю до убийства. Преступление стало результатом тайного сговора, в котором участвовал и Сесил, и враги Дарнли в Шотландии. В то время Сесилу удалось спрятать концы в воду, но остались явные улики.

Падение Марии стало результатом одной серьезной ошибки, но не имеет никакого отношения к убийству Дарнли. В первую очередь, не нужно было выходить за него замуж. Этот брак запустил цепочку связанных между собой событий, и исход был

предопределен. Однако ошибкой стало не само решение о замужестве, а человек, на котором Мария остановила свой выбор. Никчемный Дарнли разрушил все. Впоследствии Мария могла бы принимать другие решения: не назначать Джеймса Хепберна, графа Босуэлла, своим защитником и с такой поспешностью не выходить за него замуж. Но если бы не грубость и самовлюбленность Дарнли, ничего этого не потребовалось бы. До брака с Дарнли Мария была успешным, харизматичным и популярным правителем, объединившим нестабильную страну, так что Елизавете и ее советникам оставалось только завидовать. И это было мнение народа. Вот почему Сесил считал Марию такой угрозой. Она могла стать более успешным правителем, чем Елизавета.

Джон Гай

notes

Сноски

1

Ошибка (*фр.*).

2

В католичестве крестное знамение исполняется движением руки слева направо. — *Прим. ред.*

3

Чертополох — символ королевской власти Шотландии. — *Прим. ред.*

4

Николай IV — папа римский (1288–1292). — *Прим. ред.*

5

Бонд — феодальный договор или контракт, обещающий верность, поддержку, защиту и службу, обычно пожизненный. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. автора.*

6

«Творец королей» (*англ.* Kingmaker) — термин, означающий человека или группу лиц, которые оказывают большое влияние на то, кто придет к власти, но при этом сами прийти к власти не могут. — *Прим. ред.*

От англ. *castle* — «замок».

8

Тюрьма в форме бутылки теперь превращена в аттракцион для туристов.

9

Один из четырех главных «соков», или жидкостей тела, которыми оперировала медицина той эпохи.

10

Плеяда (*фр.* La Pléiade) — название поэтического объединения во Франции XVI в., которое возглавлял Пьер де Ронсар. — *Прим. ред.*

11

Перевод Кондратия Биркина.

12

Оффертoрий, приношение даров, — часть мессы в западных литургических обрядах католической церкви. — *Прим. ред.*

13

Тридентский собор — XIX Вселенский собор католической церкви, открывшийся по инициативе папы римского Павла III 13 декабря 1545 г. в Тренте, или Триденте. — *Прим. ред.*

14

Deuil, или *dole,* — французское слово, обозначающее траурную одежду. *Deuil blanc* — это белый капюшон или чепец с жестким каркасом, к которому прикреплялась широкая белая накидка из газа, закрывавшая все тело, от подбородка и ниже. Сзади к головному убору крепилась узкая белая лента, свободно свисавшая на спину.

15

Рим. 13: 1.

16

Фижмы — каркас с деревянными крючками для крепления широких нижних юбок.

Часто набивные или с проволочными каркасами.

18

Распутные молодые женщины.

19

Пункты обмена иностранных денежных средств. — *Прим. ред.*

20

См. главу 4.

21

Не очевиден (*лат.*).

22

В те времена в Британии обручальное кольцо носили на правой руке.

23

См. главу 23.

24

В разных источниках сестру Босуэлла называют Джейн, Джин или Дженет.

25

Линдисфарн — небольшой остров у северо-восточного берега Англии. — *Прим. ред.*

То есть «Henry Rex»; *rex* — «король» (*лат.*).

27

Похоже, веревки со стульями были стандартным средством спасения из здания в случае пожара.

28

Мария только что оправилась от родов, но ее решительные действия по защите сына от похищения позволяют предположить, что у нее не было послеродовых осложнений.

29

Наибольшую путаницу в расследовании заговора внесло более позднее утверждение, что в Крейгмилларе лорды подписали соглашение, в котором содержалось обещание убить Дарнли. По этой версии документ находился у Босуэлла в день его решающего столкновения со своими врагами и был отдан Марии в качестве страховки перед тем, как Босуэлл бежал, спасая свою жизнь. Несмотря на то что это соглашение упоминается в многочисленных исторических трудах, оригинал документа так и не найден. О его существовании было заявлено позже описываемых в главе событий, и когда Мария во время своей ссылки в Англии потребовала показать ей копию — в чем вряд ли нуждалась, если бы оригинал был передан ей Босуэллом, как гласит эта версия, — «копия» была ей предоставлена. Однако это была фальшивка, изготовленная беспринципным сэром Джеймсом Бальфуром, который воспользовался представившейся возможностью объявить своих врагов убийцами Дарнли и исключил из документа имена тех, кого он хотел защитить.

Односторонний (*лат.*).

31

Холирудский дворец находился в низине, где зимой скапливался смог от сжигаемых дров и угля.

32

Он был слугой Босуэлла перед тем, как поступить на службу к Марии.

R. H. Mahon. The Tragedy of Kirk o'Field. Cambridge, 1930.

34

Два письма, которые, как утверждалось позже, были отправлены Марией из Глазго, рассматриваются в главе 25.

35

Впоследствии несколько подписантов утверждали, что согласились с «договором таверны Эйнсли» только после того, как Босуэлл сообщил, что таково желание Марии. Тогда об этом никто не заявлял, хотя это вполне может оказаться правдой, и сама Мария выдвигала такое обвинение против Босуэлла: см. главу 22.

36

См. главу 22.

37

Замечание секретаря Сесила по поводу этих «свидетельств» обсуждается в главе 26.

38

Оставшиеся с ней слуги, а также Мейтланд, Хантли и сэр Джеймс Мелвилл также были доставлены в Данбар.

Дополнительные свидетельства о душевном состоянии Марии в Данбаре будут рассмотрены в главах 22 и 26.

Быт. 2: 23–24.

41

Босуэлла.

42

Имеется в виду «договор таверны Эйнсли».

То есть с Дарнли, который по рождению был английским подданным.

«Договор таверны Эйнсли».

45

Этого письма Марии к Елизавете в архивах нет. К счастью, его содержание может быть восстановлено, поскольку Мария цитировала его в 1568 г. Здесь приведен фрагмент из того документа.

То есть оправдали.

47

«Договор таверны Эйнсли».

48

Мария де Гиз.

Имеются в виду в первую очередь Морей и Арран.

50

Морей и другие мятежники «загонного рейда».

51

Шательро и его семья.

52

Марии было запрещено покидать свои покои, а у ее дверей стояла стража.

53

Царица Израиля.

54

См. главу 14.

55

Ошибка: Риццио был убит в Холирудском дворце.

56

Намек на Мортона, изгнание которого Мария отменила в 1567 г.

57

Секретарь сначала написал «petite vérole», что означает оспу. Но Босуэлл затем прочел текст, зачеркнул «vérole» и написал «rognole» — жаргонное слово, и сегодня означающее сифилис.

Не удивительно, поскольку у Босуэлла было четыре тысячи сторонников, а Ленноксу разрешили привести всего шестерых.

59

О клевете Бьюкенена на Марию см. главы 24–26.

60

6 сентября 1566 г.

61

См. главу 17.

62

См. главу 17.

63

См. главу 18.

В частности, имеется в виду «длинное письмо из Глазго», якобы отправленное Марией Босуэллу. Подробный анализ этого чрезвычайно важного и оспариваемого документа см. в главе 25.

65

Семья Шательро, враги Ленноксов.

Подробное обсуждение последовательности этих события см. в главе 25.

67

В действительности Мария столкнулась с Юбером, когда выходила из дома.

68

Маловероятно, поскольку Мария присутствовала на бале-маскараде Бастиана.

69

По всей видимости, Босуэлл находился одновременно в двух местах.

Это предполагаемое письмо подробнее будет рассмотрено в главе 26.

71

Историки по-разному оценивают количество сонетов: одни считают, что их двенадцать, другие — что одиннадцать, а третьи рассматривают их как одну длинную поэму. «Двенадцатый» сонет состоит только из шести строк. Либо это неоконченный сонет, либо «постскриптум» к остальным.

См. ссылки в примечаниях.

За единственным исключением, они хранятся в разделе SP 53 государственного архива и в архивах Сесилов в Хэтфилд-хаусе: см. ссылки в примечаниях.

Я использую наиболее распространенную нумерацию «писем из ларца», предложенную Хендерсеном (1890).

75

Прозвище Николя Юбера.

См. главу 18.

77

Намек на то, что Мария связана с Ленноксами своим браком с Дарнли, а Босуэлл — с Гордонами, родственниками его жены, леди Джин.

78

См. главу 18.

79

См. главу 18.

У его отца, Патрика, графа Босуэлла, не было братьев, а дядя Босуэлла по матери, Александр, граф Бьюкен, умер в 1563 г.

81

Это не мог быть и зять. Лорд Джон Колдингем, муж Джейн Хепберн, сестры Босуэлла, умер в декабре 1863 г., а второй муж Джейн, Джон Синклер из Кейтнесса, был верен Марии.

82

См. главу 20.

83

См. главу 20.

84

См. главу 26.

То есть Николя Юбером.

То есть частями тела.

87

См. главы 17–18.

То есть *sans*.

89

Похоже, лордов не беспокоил тот факт, что 7 февраля Леннокс был в Глазго, а не в Кирк-о-Филде.

Исправления отчетливо видны. Буква «t» у Сесила иногда похожа на «k». В современных научных изданиях это слово ошибочно воспроизводят как «make», что затрудняет понимание фразы; тем не менее никто, похоже, не потрудился заглянуть в рукописную копию, чтобы это проверить.

Это может означать, что либо Босуэлл мог выбирать между своей женой и Марией, либо мог наладить отношения с лордами и расстаться с ней.

Вензель Франциска II.

93

Речь действительно идет об оригиналах «писем из ларца», а не о дубликатах или копиях.

В настоящее время разрушенной.

95

Одно из первых в английском языке упоминаний о наращивании волос. С годами волосы Марии станут редкими и седыми, и она будет вынуждена носить парик.

То есть от доступности тех или иных продуктов.

97

См. главу 28.

См. главу 4.

99

См. главу 5.

100

Хаттон Кристофер — вице-управляющий двором Елизаветы и впоследствии лорд-канцлер, второй по значимости фаворит после Лестера.

101

То есть Девы Марии с помощью всех святых на небесах.

102

См. главу 22.

Латинский вариант также был издан, но анонимно, без указания издателя или места публикации. В 1572 г. в Сент-Эндрюсе напечатали настоящий перевод на среднешотландский, после чего стали доступны «письма из ларца».

То есть Якова VI.

То есть использованием агентов-провокаторов для организации заговоров, которые затем в нужный момент будут «раскрыты».

106

В действительности Уолсингем не смог найти заметки, а также исходный черновик ответа Бабингтону на французском языке.

107

См. главу 2.

Некоторые специалисты оспаривают это утверждение на том основании, что письменные доказательства существования стишка появились только в 1744 г., но это означает лишь, что до той поры его просто не печатали или не включали в сборники.